

Александр Богатырёв

ДВА ДУРАКА НА
ЧЕМОДАН АЛМАЗОВ

Annotation

Два дурака, перегруженные мифами современной пропаганды, но «вооружённые» чемоданом алмазов, да ещё суперкомпом попадают в 1900 год.

Александр Богатырёв

(Крысолов.)

Два дурака на чемодан алмазов

Глава 1

Птеродактиль на осеннем ветру

Вообще, эта длинная-предлинная история началась в один из осенних вечеров. Обычных, холодных, ветреных. Облупленные дома, с кое-где обвалившейся штукатуркой, подставляли свои, ещё советские, бока порывистому ветру. Краска на стенах где просто уже давно слиняла, где откровенно отставала целыми пластами, медленно но верно обнажая голый бетон панелей.

Поднявшийся ветер гонял по улицам пыль и забытый мусор, который здесь просто некому было убирать. То ли в бюджете города просто кончились деньги, то ли их элементарно украли, но дворников на весь город очень сильно не хватало. Подметались только центральная улица, и площади, прилегающие к мэрии.

С серого, низкого неба начинала сыпаться, обычная в это время года, холодная водяная пыль. Эдакое подобие дождичка. Впрочем, это подобие уже мылилось перерасти в нормальный унылый осенний дождь.

Капли оседали на опавших листьях, на сером бетоне домов, на людях, спешащих по своим делам, делая всё вокруг ещё более мрачным и грустным.

Словом, обычная такая картина города, экономически депрессивного района страны. Впрочем, где сейчас не «депрессивный район»? Доведённая до ручки экономика страны то агонизировала, загнанная непосильным бременем налогов, то бросалась в горячку, подстёгиваемая грозными окриками начальства. Но все эти судороги тонули в ставшей уже обычным явлением для страны, тотальной коррупции и имитации кипучей деятельности со стороны бюрократии.

Вот такая «картина маслом». Так сказать, интерьер, в котором и разыгралась трагикомедия, которую я собираюсь рассказать.

«А что собственно, за герои есть в наличии?» — спросит дотошный читатель, уставший от длинного перечисления привычных бед...

А вот один из них. Первый.

Спешит домой согнувшись под мелким дождичком, под сырым ветром задувшим с моря. Тот, который в чёрной шапочке натянутой по самые глаза, пятнистой куртке и сумке через плечо. Серые брюки, заправленные в берцы, сильно заляпаны грязью, но он ничего не замечает, так как уже давно смирился с этим обстоятельством. Грязь, грязь, грязь вокруг... И если вообще по городу пока сухо, то... Ну вы сами понимаете, что в наших времена грязь везде найдётся. В немереных количествах. Даже там, где её вообще быть не должно.

Зовут этого героя Василий. Впрочем, то, что он герой, Василий даже не подозревает. Тем более, что сейчас он страшно зол. На коллег.

С одной стороны, чего на них злиться? Ну, не согласны они с очередной «завиральной» теорией «нашего ботана», и что?

Но Васе обидно. Ведь как всё чётко получалось в уравнениях. Р-р-раз! И вывод! Шикарная система уравнений. И с какими же ещё последствиями!

Но всё это потонуло в беззлобном, снисходительном подтрунивании, и придириках к несущественному.

Ах да! Забыл сказать где наш герой работает. А работает он в филиале Университета.

Ога. Именно университета.

Готовит тот «универ» всяких менеджеров, учителей, ну и слегка программистов. А раз так, то при этом филиале есть целая кафедра математики. На которой, естественно, обретается наш герой. Конечно, о конторе, в которой он работает, слова доброго сказать не стоит, но Василий пока что работает и получает свои гроши. Да ещё и пытается «что-то эдакое» сбацать. Чтобы написать что-то поболее кандидатской.

К слову. Кандидатскую наш герой защитил пару лет назад. И выложил за это «удовольствие» целых сорок тысяч рублей. Работа была стоячая. Но как сказали коллеги, заставшие ещё Советский Союз — «Работа для Страны, но не для России».

«Это в те времена, за такие работы платили деньги, и ценили их. — цинично замечали они. — Теперь же, для того, чтобы что-то полезное и доброе сделать для страны, нужно ей основательно за это заплатить».

Одно хорошо, что после кандидатской, он получил возможность работать в этом «филиале». Всё одно лучше, чем торговать носками на лотке у барыги.

Как он слышал, там обманывали и грабили работников-реализаторов, нещадно. А тут — хоть какая-то респектабельность. Да и ценят его здесь. Немного платят, так хоть не обманывают.

Но, похоже, с дальнейшим ростом тут наметился изрядный затык. Его работы ни стране, ни ещё кому-то и нафиг не нужны. А просто так копить публикации, оно как-то «не комильфо»...

Вот с такими грустными мыслями, Василий спешил домой посыпаемый сверху дождём, а в спину матом бомжа алкоголика, которому он ничего не дал «на хлеб». Да просто он его даже не заметил. И мата вслед — тоже.

Впереди замаячил родной подъезд дома. Оставалось только пройти и открыть дверь... как тут она с грохотом открылась сама и из неё пулей вылетел некий балбес сопровождаемый отборнейшим матом... Причём, что было хорошо видно, вылетел балбес не по своей воле, а по причине заранее и очень хорошо приданного ускорения. Плюхнувшись пузом на асфальт, приложившись, вдобавок ещё и мордой, «летун» с трудом поднялся на четвереньки. Но тут его догнали.

Точнее догнал.

Из дверей выскользнул мужик. Не среднего роста. И, что характерно, по комплекции сильно похожий на нашего ПЕРВОГО героя. Впрочем и лицом тоже.

Кстати, знакомьтесь! Это брат нашего героя. Как бы герой-два. Зовут Григорий. Бывший десантник, и бывший же член «элитного» подразделения. Разогнанного. Почему разогнали, Григорий не любил распространяться. Но по тому, что он иногда говорил — какая-то фигня была с начальством. Оно что-то накосячило, а отвечать пришлось рядовым.

Двигался Григорий, как-то по кошачьи. Мягко. Но очень быстро. Подбежал к упавшему, рывком поднял балбеса за воротник крепкой кожаной куртки, в которую был одет «пострадавший», поставил его на ноги. И дальше, без лишних слов врезал ему в подбородок.

После такого «предъявления», балбес лежал долго. Но когда прочухался, тут же изъявил живейшее желание убраться подальше.

— А если ещё раз к нам сцуко, придёшь, ссать в подъезде — глаза на ж. у натяну! Свинтус... — кинул Григорий вслед улепётывающему.

Григорий проследил как «свинтус», нетвёрдой походкой удирает со двора и обернулся к Василию.

— Ты представляешь! — возмущённо начал он выговаривать брату. — Захожу в подъезд

а он тут сцыт!

Может лучше было в ментярню сдать? — неуверенно спросил Василий. На что Григорий отмахнулся.

— А нахрена? Там с него маленько штраф сдерут. Так он снова придёт. А так — заречётся!

Василий хмыкнул.

Он вспомнил, как год назад они отучали местных гавриков гадить в лифтах. Василий придумал весьма нехитрое приспособление для этого. Суть его была в том, что на пол ложилась жёсткая пластиковая сетка. Под сеткой делалась самая элементарная электрическая сеть, рассчитанная на замыкание. А так как моча очень хороший электролит и проводник, то замыкание сети под красивым сетчатым пластиковым ковриком, означало, что очередной алкаш решил «разгрузиться» в неположенном месте.

Замыкание сети, останавливало лифт. И дальше, по идее, застрявший должен был вызывать лифтёра.

Я думаю, что вы уже догадались, кто был, в первую очередь, «лифтёром» в доме.

Ага. Григорий.

Он как раз сидел без работы. Так что злость от потери работы, злость на несправедливое наказание с расформированием подразделения, помноженные на праведный гнев за обгаженный, очередной раз, лифт, превращали его в кошмар прямоходящий. Конечно, чистить лифт приходилось после этого ему же. Чтобы система продолжала работать как надо. Но того оно стоило.

Через неделю, только от мысли нассать в лифте, записные алкоголики их многоэтажки, мочились в штаны задолго до вхождения в подъезд. Чего собственно, и добивались. Теперь в лифте если и воняло, то только табачным дымом.

Но Василий пока не придумал как ещё и с этим бороться, хотя почти всё женское население дома слезно его в этом просила.

— Чё такой грустный? — прищурившись спросил Григорий.

Василий же только отмахнулся.

— Ну, пойдём ужинать! — хлопнув брата по плечу сказал Григорий и зашагал к подъезду. Лишь на пороге на секунду задержался, оглянулся. Давешнего «свинтуса» и след простыл.

За ужином Василий продолжал хмуриться. У него всё не шло из головы его решение, и то, в каких словах о нём отозвались коллеги. Он снова и снова перебирал в голове их аргументы и не находил ни одного стоящего. Наконец не выдержал Григорий.

— Слышь, братан! Хватит харю морщить. Скажи кто тебя обхамил и я с ним разберусь.

— Не нужно — буркнул Василий. — Просто я сделал Дело, а на кафедре... На кафедре просто... просто НЕ ПОНИМАЮТ!

— А чё не понимают? — простодушно спросил Григорий и тут же пожалел. Братик, видимо всё ещё прокручивая «аргументы» коллег, тут же кинулся обличать и разбирать. Причём делал он в обычной для него манере — уставившись тяжёлым взглядом в стол и эмоционально размахивая руками. А то, что собеседник в теоретической физике дуб-дубом — это никак не принималось в расчёт.

— ... А я и говорю ему, что свёртка по бетте, показывает, что...

— Стоп, стоп, стоп! — оборвал Григорий его монолог на середине. — А теперь кратко.

И по-русски.

— Ну я те и говорю что они... — братец запнулся, но глянув в печально скептическую харю Григория, тут же поправился. — Короче: Я прав. Они — не правы!

— Вот ЭТО, я понимаю! — удовлетворённо заключил Григорий и убрал свою чайную чашку в мойку.

— Кстати завтра тренировки не будет. — поспешил он сменить тему и отвлечь впечатлительного братца от мыслей о работе. — завтра там будут менять рамы на окнах. Совсем разваливаются. Так что завтра у нас свободный день. Полностью. Что собираешься делать?

Но Василий на это даже не среагировал. Он всё также продолжал сверлить стол своим взглядом.

— И что? — ядовито поинтересовался Григорий, чуя что это только начало.

Василий ещё больше нахмурился.

— Понимаешь... Если совсем по-русски, то что я вычислил... — Начал он издалека. — Словом... Помнишь те книжки про «попаданцев» и параллельные реальности?

— Гм! Уж не хочешь ли ты сказать, что вычислил как туда попасть? — решил пошутить Григорий. Но получил вполне серьёзный ответ.

— Ну... не совсем так... но... В общем, да!

У братца отвисла челюсть.

Он знал, что Василий не врёт. По крайней мере ему не врёт. Остальные — то уже чёрт с ними. Но если он говорит такое.... В нём тут же разыгрался дух авантюриста.

— Кода идём?! — тут же с энтузиазмом выпалил он.

— Куда? — не понял Василий поднимая взгляд на брата.

— Ну... Туда! В параллельные миры.

— Э... — на несколько секунд Василий «завис». — Ха! А ведь действительно! Чего бы эту теорию вот так не взять и попробовать проверить?!!

— Чё для этого нужно? — оживился Григорий.

— Так! Для этого нужно... Да собственно я это и сам за день сделаю!

— Вот это подход! Вот это — по нашему! — тут же подбодрил своего брата Григорий. — Ну я пошёл тогда свою эсвэдэху чистить...

— А это нахрена? — не понял Василий, так как до этого был погружён в чисто свои прикидки и планирование.

— Ну... Как же?!!! Ты представь: идём мы куда-то, а там такая Э-э... б. я! — Григорий руками изобразил что-то большое с большими зубами. — На нас и голодное. А мы тут — как бифштекс даром. А я её р-раз! И на сувениры!

Василий рассмеялся.

* * *

Как ни старался Василий, но с устройством он провозился не один день, а целую неделю. Конструкция получилась изрядно несуразная. Даже небольшие «косметические» излишества, типа оболочки, которую сделали из какого-то бросового пластика, эту несуразность никак не изменила.

К тому же «зонд», как его назвал Василий, с трудом помещался в рюкзак. Причём не

маленький, какой обычно таскают отдыхающие, а вполне нормальный, экспедиционный. На сто сорок литров. Но ко всему прочему, блок питания никак не получался компактным. Сошлись на том, что обойдутся небольшим, дачным дизель-генератором. А то, что его придётся таскать на себе... Ну... издержки!

И вдруг, когда всё было закончено, и можно было радоваться, Василий вдруг переменялся в лице.

— И что на этот раз случилось? — спросил Григорий, созерцая сильно обескураженную физиономию брата.

— Я забыл главное! — сильно покраснев сообщил Василий. — Как мы найдём точку, где надо «пробивать канал» в параллельный мир?!

— А что... его разве так... прямо здесь... нельзя?

— Вот в том и проблема, что нет!!!

— Блин! И что теперь делать? — развёл руками Григорий.

Василий тяжело вздохнул.

— Делать локатор и долго-долго наносить на карту эквипотенциальные поверхности. — погрузился он.

— Ну, понимаешь, нам нужно найти какую-нибудь узловую точку, где пробивать легче всего. — Увидев полное непонимание пояснил он Григорию.

— И для этого надо рисовать эти... как их... ну поверхности?

— Да!

Григорий тоже тяжело вздохнул.

— Делай...

Прошла ещё неделя. За это время заходил отец, поинтересоваться как живут сыночки, посмотрел на захлавленную комнату, покачал осуждающе головой, но ничего не сказал. Каждый делает всё, что может, чтобы заработать на жизнь. А так как сыновья не были склонны к безумным тратам на разное фуфло, то он сделал нужные выводы.

К концу недели были готовы два аппарата. На этот раз они получились весьма компактными. И даже чем-то похожими на пеленгаторы из спортивной игры «Охота на лис». Василий объяснил как пользоваться одним из них и ещё неделю они лазили по окрестным горам и лесам, нанося на карту, только Василию понятные, цифровые отметки.

Ещё день ушёл на то, чтобы все эти данные обработать.

— Ну и как результат? Нашёл окошко? — спросил Григорий брата.

— Ну... нашёл. — как-то неуверенно сказал он и вид у него был какой-то обескураженный.

— А чё так неуверенно? Что-то не так?

— М...да! Странная какая-то точка....

— А в чём? — не унимался Григорий.

— А чёрт с ней! Выедем — на месте разберёмся!

* * *

Вычисленное место оказалось на опушке леса, непосредственно прилегающего к каким-то заброшенным полям. Поля были заброшены, так как местный совхоз не только приказал долго жить, но и его хозяйство так никто и не попытался взять. Некому было. Поля

постепенно зарастали кустарником и весьма бодрыми побегами чисто лесных деревьев. Возможно, что на опушке тоже было что-то — земля была жирная — и от этого заросла довольно густым и неприятным кустарником.

Василий, ещё раз сверившись с отметками на топокарте уверенно вышел почти в середину зарослей и задрал голову вверх. Достал аппаратик, с помощью которого измерял поля. Сверился с его показаниями и снова задрал голову вверх.

— И что? Где эта самая «узловая»? — с энтузиазмом спросил Григорий решительно продавившись сквозь кусты.

— Гм... Там! — не переставая смотреть вверх, сказал Василий.

— Там?!! — Григорий тоже задрал голову вверх, но ничего кроме плотной низкой облачности не увидел. — И как, допрыгнуть сможем?

— Ну... Если ты метров на двадцать подпрыгнуть сможешь, то да!

— Высоковато... — приуныл Григорий.

— ...Но мы всё равно проведём испытания! — заявил Василий и посмотрел на брата.

— Ты всё-таки своё ружьё взял... — как обвинение сказал он заметив на плече Григория его любимый «аппарат».

— А вдруг заяц попадётся... — пожал плечами тот.

— Ну да! Все люди как люди, на зайцев с дробовиками ходят а ты...

— Я с эсведехой. Чтобы шкурку не попортить! — улыбнулся Григорий.

— Да-да! Если у бедного животного начисто отрывает голову, то шкурка остаётся целой. — ехидно заметил Василий.

— Угу. Шкурка в одну сторону — уши в другую... Всё отработано! Ладно! Хватит трепаться! Тащим, что-ли наши умклайдеты?..[\[1\]](#)

— Пойдём.

Через час, на том же месте стояло страшное приспособление, собранное Василием, и чуть подальше — дизель-генератор. Василий достал катушку с проводом и начал разматывать.

— А это зачем? — удивился Григорий. — Ты что-то собрался тут взрывать?

— Нет. Это для дистанционного управления. Не хочу, чтобы если что-то пойдёт не так, оказаться рядом со своим же детищем.

— А-а! Дай помогу.

Совместными усилиями уже через десяток минут всё было собрано, подсоединено и готово к запуску. Провода хватило метров на десять, но как стал тут же уверять Василий, этого вполне должно было хватить. Григорий же пожал плечами, сказал «как знаешь, начальник!». И с видом эстета стал оглядывать окружающие виды.

Василий хекнул для поднятия духа, опустил на задницу, заранее надетый коврик-сидушку и плюхнулся на опавшую листву. Сидя всё-таки управлять удобнее. Подтянул к себе громоздкий пульт, весь состоящий из каких-то рукояток, тумблеров, и, в добавок плотно перемотанный изолентой. Григорий лишь покосился на него продолжая всё также, с блаженной миной пялиться на серые пейзажи.

Василий щёлкнул тумблером.

На поляне среди кустов что-то сухо затрещало, вплетаясь в мерный стук движка генератора. Треск перешёл в тихое жужжание. Что-то хлопнуло.

Григорий посмотрел вверх. Там всё также висела низкая облачность. Посмотрел в сторону «зонда». Всё было как и было...

Василий же, полностью погрузился в свои раздумья над показаниями приборов. Оглядев индикаторы, он, наконец, крутанул какую-то рукоятку и над головами что-то бухнуло.

Когда Григорий снова посмотрел вверх, у него возникло впечатление, что в облаках возникла круглая дыра. И сквозь него видно далёкое синее небо, всё исчерченное перистыми облаками. Что увидел и понял, то и сказал.

— Вась! Твоя хрень в облаках дыру провинтила!

Василий, оторвавшись от своих приборов и пульта посмотрел тоже вверх и тут же заорал как бешеный.

— ПОЛУЧИЛО-ОСЬ!!!!

— И? Чё получилось? — не понял Григорий.

Подскочивший на ноги учёный стал с жаром объяснять брату, размахивая руками.

— Гриня! Ты не понимаешь! Это не дыра в облаках! Это дыра в пространстве! Мы видим ИНОЕ небо!!!

— А-а?!!

У Григория полезли глаза на лоб. И уже другими глазами он уставился на далёкие перистые облака.

— Чёт-та мне сильно захотелось подпрыгнуть! Заглянуть, так сказать... — уже другим тоном заговорил Григорий. — Слухай! А что если на дерево...

Договорить он не успел. Дыра, надо сказать, получилась знатная — метров восемь. И вдруг, во всю эту самую ширь синевы, заслоняя её своей огромной тушей, скользнула тень.

Когда Григорий увидев, что пожаловало в их мир, аж присел.

— Твоюматьбляхамуха! Василь!!! Ноги!!!

Василий тоже заметил тень. Но разглядеть не успел и просто положился на рефлексы брата. С низкого старта рванул сквозь кустарник к близким деревьям леса.

«Птичка» заметив внизу копошение, как древний юнкерс, сделала разворот через левое крыло и вошла в пике.

Но, беглецы оказались проворнее. Дружно, рыбкой нырнули в густой кустарник на окраине леса и залезли под самые корни.

«Птичка» тяжело взмахнув огромными кожистыми крыльями, резко «вдарила по тормозам» чуть не врезавшись в ветви деревьев. Ещё пара взмахов и она ушла вверх, в сторону.

— Чё за нахрен?! — злобно, сквозь зубы процедил Григорий и потянул свою СВД.

— Это... Это дракон?! — перепуганно спросил Василий.

— Какой, нахрен, дракон?! — сказал Григорий, прилаживаясь к оптическому прицелу. — Птеродактиль голимый!

В глазах Василия медленно, но всё-таки исчез страх. Он совершенно по-другому посмотрел на нарезающую круги «птичку» и его глаза загорелись алчностью.

— Слухай, Гриня! Не стреляй птичку!

— Ты охренел. — выдал диагноз брат, продолжая выцеливать птеродактиля.

— Давай его поймаем и продадим! Ты прикидываешь, сколько бабла на этой скотине срубить можно?!!

— Ты точно охренел на своей работе... У него резак с меня размером. Он нас перекусит пополам и не заметит!

— Нет, ты подумай! — не унимался Василий. — Сейчас температура около нуля.

— И? — вдруг заинтересовался Григорий.

— А эти гады жили в тёплом климате. Давай подождём слегонца. Он сам упадёт. Дальше просто на харю провод намотаем, и в автоприцеп упакуем!

— Гм...

Григорий на секунду задумался.

— А если эта сволочь кого-нибудь ещё найдёт? Нет, я его сниму! — решительно выдал он, но птеродактиль их определил. То ли мысли прочитал, то ли ещё чего ему в его микроскопический мозг пришло, но он заложил вираж и скрылся за ветвями деревьев.

Григорий выматерился.

— Теперь ищи его по всей округе...

— А я тебе говорю, что замёрзнет скотина!

— ...И сдохнет! Что ты с дохляком делать-то будешь?

— Гриня! Ты не понимаешь! Оно даже в дохлом виде — супербабло!

На этот довод брательник только скептически хмыкнул.

Когда прошло минут десять, а птеродактиль так и не появился, Василий, страхуемый Григорием, пригнувшись метнулся к брошенному пульта.

Оглянувшись по сторонам, и готовый быстро ретироваться назад, он проделал нужную процедуру остановки своего устройства. Вверху снова бухнуло. На этот раз, как-то по-иному.

— А чего это оно так бухает? — поинтересовался братец, когда Василий спешно вернулся назад.

— Ну... У нас сейчас область низкого атмосферного давления. А там, видел, синее небо?

— Да.

— Такое небо бывает когда давление высокое.

— Ага. Понял. — остановил его Григорий. — Ты открыл «форточку» в тот мир, и воздух оттуда рванул сюда. Потому и бухнуло. Закрыли — снова бухнуло, так как поток прекратился.

— И этот же поток засосал к нам этого... «Дракона», матьего...

— Кстати о «птичках»! — многозначительно выговорил Григорий. — Что с ней будем делать? Ведь просто так скотинку оставлять нельзя. Ещё сожрёт кого — мы виноваты будем.

Вопрос был пренеприятный. Но после небольшого обсуждения пришли к очевидному выводу: прежде чем решать судьбу монстра, его, как минимум, надо найти. На том пока и остановились.

Бегать по лесу и искать такое зубастое существо — занятие ещё то. Но осознание факта, что «скотина» между деревьев просто по размаху крыльев не поместится, постепенно снизило накал страха. Братья всё более и более решительно стали прошаривать ближайшие опушки и пустоши.

Конец поискам положил громкий треск веток и шум падения большого тела. Определившись, откуда пришёл звук, братья быстро нашли то, что искали.

Вероятно, ящер утомился летать, да и замёрз. Так как местность была в большей части лесистая, то он спланировал на сук, который ему показался достаточно крепким. Тут и замёрз.

Вообще процесс замерзания — штука очень коварная. Сознание у замерзающего просто меркнет и он не замечает, как валится без сознания. Дальнейшая судьба тут очевидна.

Оба брата знали это обстоятельство и оба надеялись, что птеродактиль ещё по пути вниз хорошенько головой об ветки приложился. Ну... на тот случай, чтобы совсем надёжно...

Так или иначе, подходить всё равно было боязно. Поэтому, Василь метнулся за старой альпинистской верёвкой, которую он всегда возил с собой «на всякий случай» и Григорий быстро сделал из неё лассо.

Со второй попытки удалось закинуть его на слегка приоткрытую пасть монстра. Монстр не среагировал. Это уже вселяло оптимизм.

Накинули лассо со второй верёвки и растянули между деревьев. Теперь, даже если монстр очухается, то повернуть голову ему будет уже сложновато. Верёвочка была очень крепкой. По паспорту — 2,7 тонны на разрыв.

Кстати, Василий не зря таскал эту верёвку во все свои выезды. Именно с ней он стал чуть ли не легендой среди автомобилистов, когда один, без посторонней помощи вытащил свою завязшую «копейку» из грязи.

Фокус был элементарный: хорошая точка закрепления — бетонный столб — и полиспаг на карабинах.

Здесь же надо было как-то «упаковать», невиданного доселе, и явно опасного монстра.

Но и это тоже быстро решилось. Когда они смогли без опаски подойти вплотную, первое что сделали, весь провод намотали птеродактилю на морду. Для надёжности. Чтобы никак не смог открыть свой рот. А зубки там виднелись — ого-го!

После они спеленали той же самой верёвкой крылья. Также примотав их плотно к бокам «птички». И оставшимся небольшим концом затянули лапы.

Оставалось только дотащить до машины. Наши герои, конечно, быки здоровые, особенно братец-Гриша, но всё равно, пока дотащили, вымотались до изнеможения.

Погрузили дизель-генератор, «Зонд» и добычу в автоприцеп «копейки» и накрыли её ещё сверху брезентом.

Весьма кстати, надо заметить...

Туша птеродактиля смотрелась там ну очень импозантно.

И тут, будто знаменуя успешное завершение первой эпопеи (ага, — «продолжение» следует!), из-за облаков выглянуло солнышко. Да так хорошо выглянуло, что вокруг ощутимо потеплело.

Синоптики это обещали. Что облачность уйдёт и придёт тепло с юга. На несколько дней снова станет очень тепло. И вот угораздило этому произойти именно сейчас.

Тем временем, ничего не подозревающие братья, погрузились в своё старое транспортное средство и двинули по направлению к городу. С мыслями, мол, «приедем в город, там будет видно». И тут, когда они только только вылезли на асфальт...

Это очень часто бывает — только выедешь куда-то, а там пробка. Очередная «проверка на дорогах». Гаишники на охоту вышли. За баблом.

Очередь до поста ГИБДД выстроилась знатная, и ползла она медленно.

А солнышко пригревает...

Кстати, я не сказал, что брезент на прицепе был чёрный?

Ага. Уже сказал.

И вот, когда до «рубежа» оставалось всего-то две машины, и гибддэшники вот-вот должны были подойти к их машине, раздался гром. Что за гром никто не понял. Но «копейка» братьёв ощутимо вздрогнула.

Они переглянулись.

Прошла минута и снова раздался гром. На этот раз машина затряслась конкретно.

Василий с опаской посмотрел назад, на автоприцеп.

Там, под брезентом обозначилось какое-то очень нехорошее шевеление.

И тут прицеп разве что не подпрыгнул от особо мощного удара. Звук был такой, что из соседних машин повылезали водители и с любопытством уставились на хоть и плотно затянутый, но шевелящийся брезент.

Теперь и до гибддешников дошло, что происходит что-то из ряда вон выходящее.

Они бросили «потрошение» очередного «нарушителя ПДД» и кинулись чуть ли не скопом к подозрительной машине.

— О-о! Попадос! — сквозь зубы процедил Григорий наблюдая толпу балбесов в форме, ломящуюся к ним.

Как оно водится в таких случаях, полиция не нашла ничего лучшего, как для начала, «взять в оборот» водителей подозрительной машины.

Их вытащили и грубо обыскали.

Наконец, не найдя у них в карманах ничего интересного, поинтересовались у задержанных что там такое.

— Зверя... В лесу поймали! — сказал правду Василий, но, как обычно, ему не поверили и кто-то полез отвязывать брезент.

— Не лезь туда!!! — увидев что творится, заорал Григорий. Он представлял, что за этим последует, но было поздно.

Брезент, как будто самопроизвольно откинулся и из-под него появилась длинная шея увенчанная крокодильей головой.

Монстр заверещал, замычал, заурчал, и как-то даже без замаха, тюкнул по лбу своим замотанным рылом ближайшего блюстителя порядка. Возможно, каска спасла, но его как ветром сдуло. А увидев сверкающие гневом глазищи, разбежались все, кто был рядом. Даже парочка с автоматами поховалась за ближайшую легковушку.

— Ожил! — с удивлением заметил Василий.

— Б...! — сказал Григорий.

— Не стреляйте!!! — заорали они уже хором.

— Мы его связали! — «пояснил» Василий, хотя это и так было уже видно — на «клюве» — густо намотан кабель, тулово обмотано капроновой верёвкой и над всем этим полыхают злобой глаза монстра. Их не догадались замотать.

— Слышь, Григорий! Ты каким узлом ему ноги связывал?

— Обычным! — поняв свою оплошность процедил брат.

— Питонов узел надо было! — чуть не плача простонал Василий.

— Поздно пить боржоми... Пора думать как этого гада обратно упаковать.

— И какая сволочь его распаковала... — бросил в пространство Василий, но тут же понял, что сделал это зря. Товарищи этого «распаковщика» как раз оттаскивали подальше от прицепа всё ещё бесчувственное тело.

И тут, видя, что творится что-то сверхординарное, прибывает начальство. К тому времени, получивший в лоб от птеродактиля, рыцарь полосатого жезла оклемался.

Начальство сразу не разобралось и начало орать и строить всех. Но когда ему объяснили что к чему, набросилось на братьев. Так как водителем был Василий, то большая часть досталась ему. То, что из них лепят виноватых, было видно за километр. Василий, как и всякий интель попытался надавить на логику.

— Есть тигр. Тигр в клетке. Заперт. Есть люди, которые предупреждали человека, от опрометчивого шага открыть клетку. Но этот человек всё равно не послушал и открыл

клетку. Кто виноват: тот кто открыл клетку и выпустил опасное животное, или те, кто предупреждал?

— Какой, нахрен тигр?!! Это же пеликан какой-то! — завозмушалось начальство.

Собственно да... Образование ныне — швах. И в ГИБДД идут часто те, кто совсем дурак. Но от начальника, такого дикого невежества Василий не ожидал. Чтобы пеликана с птеродактилем спутать?! Поэтому на пару секунд потерявшись от неожиданности, Василий тут же смекнул, что это ещё и на руку.

— Вот видите! Пеликан! — уцепился он за оговорку майора.

Стоящие поодаль зеваки с недоумением покосились на здоровенные зубищи «пеликана».

— А если это птица, то к опасным не относится... Так чего вы от нас хотите?

Но полицейай не сдавался. Его сбить с толку такими «мелкими придирками» было невозможно.

— Это негабаритный груз, а следовательно где ваши бумаги с разрешениями?

— Габаритный! — тут же смекнув, к чему всё идёт, заявил Василий. — Он целиком и полностью поместился в стандартный автоприцеп для легковой машины. А следовательно, никаких разрешений не нужно!

Майор и не думал отступать.

Пройдясь по всему, что только можно, он перешёл вообще на совершеннейший бред.

— Вы осуществляли незаконную охоту на редких животных!

Но и Василий не отставал. Наученный бесчисленными столкновениями с идиотами в сети и поднаторевший в тонкой демагогии он отбивал все нападки.

— Мы осуществляем операцию по спасению особо редкого вида животных, а вы — мешаете, и подвергаете серьёзному риску это животное...

Василий экспрессивно ткнул пальцем в злобно вращающего глазами птеродактиля.

— Которого вообще в природе остался один экземпляр! Уж поверьте, когда всплывут подробности и не дай бог это милое животное помрёт...

«Милое животное» наверное, само охренело от такого напора демагогии, что перестало обиженно урчать и внимательно присмотрелось к майору.

— Его судьбу, уж поверьте, будут обсуждать на самом верху. Так как это будет иметь самый высокий международный резонанс!

И так далее, и тому подобное...

Но... В столкновении этих двух демагогов, один имел явный перевес в силе. Причём не интеллекта, а власти.

Скоро стало ясно, что он клонит к тому, чтобы найти к чему придраться, арестовать груз и препроводить его на штрафстоянку.

Григорий, который был пока что невольным наблюдателем, заволновался. Если будет так, то «птичке» кирдык. Он уже сейчас, вылезши из-под брезента на холодный ветерок, проявлял всё больше признаков прогрессирующего замерзания.

Поэтому Григорий, пока на него мало обращают внимания, решил взять спасение ценного экспоната в свои руки.

Он тихо, бочком отошёл в сторону и приблизился к водиле мерса, стоящего как раз за их прицепом.

— Слышь... Уважаемый! А у тебя видеорегистратор работает? — спросил он у мужика, по виду какого-то «манагера», круглыми глазами и с открытым ртом, плящущего на

невиданную зверюгу.

— Ага! — громко заявил «менеджер», так и не удосужившись закрыть рот.

— Тише-тише!!! — испугался Григорий, что их услышит начальство.

— Слушай, а это действительно тот... ну эта же... птеродактЕл? — таки пришёл в себя водитель мерса.

— Да он самый... И мы действительно его час назад в лесу поймали. Тут кажется разборки намечаются... И у нас, нашу законную добычу, пытаются отжать.

— Что-о?!!

— Надо как-то договориться всем здесь присутствующим, чтобы видеоматериалы как-то разместить в интернете... Иначе мы этого птеродактиля, из-за идиотизма наших полицаев, просто потеряем. Есть какая-то возможность это сделать быстро и прямо сейчас?

Сильная ненависть к ГИБДД, помноженная на сознание правоты, да ещё на силу коллектива, мгновенно сплотила всех свидетелей-водителей и свидетелей-пассажиров. На беду майора, нашёлся хитрый шкет, который к тому же оказался и самым умным из всех. Он тихонько достал портативную видеокамеру и, из-под локтей зевая, заснял практически весь «диалог» между Василием и майором ГИБДД. Не забыл он подробно проехаться видеоискателем и по главному «виновнику» происшествия, всё так же злобно вззирающему на окружающих, безуспешно пытающемуся хоть на чуть-чуть разжавить свою пасть.

Пока собравшаяся толпа собачилась с ГИБДД, фотографировала пойманного птеродактиля, не забывая ещё и себя на его фоне клацнуть, тот самый шкет с подачи Григория, выставил видео в ютуб. Видать, это же, но с других устройств — с мобил, айфонов, сделали и другие зеваки.

Это давало возможность всем, кому не лень, рассмотреть «птичку» со всех сторон. И понять, что видео — не подделка. И что «птичка» — явно птеродактиль. Конечно, оставались некоторые сомнения в том, что это не мистификация, но они потонули в дружном рёве энтузиазма интернет-сообщества. Скоро на уши поднялись все «монстроискатели» мира. От любителей «Несси», до «бигфута». Так как увидели прямое и зримое подтверждение своих шиз.

Кстати говоря, именно это сообщество раненых на голову, мгновенно высказало предположение-утверждение, исключительно близкое к реальности — монстр попал к нам из параллельного мира. А это представляло уже некоторую опасность для наших друзей, так как кто-то мог сопоставить профессию Василия и «нахождение» ими птеродактиля. Но этого пока никто из них даже и не пытался делать.

За монстроискателями, не отставая, поспешили уфологи.

Этим, конечно, было дело, прежде всего, до монстра, так как они его тут же объявили «пилотом НЛО сбитой ВВС России».

Ошизиловки добавили всякие кликуши, тут же увидевшие в бедном животном «зверя апокалипсиса» и прочая, и прочая, и прочая...

Но век информационных технологий таков, что новость, выброшенная в сеть «онлайн» — провоцирует не только перепостить её всем своим друзьям. Скоро место происшествия разглядывали со спутников, а те, кто обнаружил себя расположенным очень близко к тому злосчастному посту ГИБДД, загорелись неодолимым желанием срочно туда попасть.

Через полчаса (считая от момента вывешивания первого сообщения в интернете), к посту ГИБДД ломанулось, казалось бы полгорода устроив такую пробку, что её «разруливали» весь оставшийся день.

Меж тем, птеродактиль, снова замёрзнув, начал клевать носом. И это немало беспокоило не только Григория с Василием, но и всех, кто был свидетелем. Они, пользуясь тем, что животное опять стало квёлым, потеряло силы, подобрались вплотную и связали крепче.

Но, всё равно, оставалась проблема — как спасти его от окончательного замерзания. Хотя и потеплело, но не настолько, чтобы быть уверенным в спасении монстра.

Наконец, поняв тщетность своих усилий, заткнулись ГИБДДэшники. Видать им из города «прилетело» за устроенный бардак и оплошность. А так как «истинное» описание происшествия было уже растиражировано на полмира, то наверняка получили рык, втык и ЦУ от вышестоящего начальства.

А вокруг стояла уже такая толпа!..

Рык и втык были, наверное, очень существенные, так как майор, резко сменив гнев на милость, уже вежливо поинтересовался, «как животину спасти»...

По кличу, брошенному вдоль колонны застрявших в пробке, собрали всю ветошь и тряпки, которые было не жалко и завалили бедного птеродактиля.

Ещё через полчаса, прибыла на «Камове» МЧС.

С ними, какие-то жутко наглые хмыри с «Бетакамом» и визгливой дамочкой, размахивающей микрофоном как неандерталец дубиной.

Оказалось, местный телеканал.

Прибытие МЧСа только добавило хаосу.

Телевизионщики же повели себя как настоящие акулы среди трески. Решительно врубившись в толпу, и активно работая локтями (при некоторой, правда, помощи прибывших) прорвались к прицепу. Быстро определились что есть что, кто есть кто и вцепились мёртвой хваткой в оказавшегося ближе всего к ним Григория.

Тот видя такое дело, тут же соорудил дурачка, справедливо считая, что если дурак, то и спрос маленький.

— Ну эта... мы вышли погулять в лес... ну по банкам пострелять... А тут летит... Этот. Ну мы за ним и пошли. А как увидели, что оно замёрзло и упало, быстренько связали и сюда...

Репротёрша попыталась ещё какие-нибудь подробности вытащить, но ничего не получилось. Под конец, «интервью» на её лице было ясно видно острое желание прибить Григория. За тупость и потерянное время. Та же история получилась и с Василием. Тот тоже знал как себя вести, чтобы быстро отвязались.

И только опрос собравшейся толпы дал какое-то подобие затравки на сюжет.

К тому времени МЧСники, подойдя к делу серьёзно, добрались до птеродактиля, удостоверившись, что он хорошо «упакован» и приступили к обсуждению деталей транспортировки. Впрочем, совещались не долго. Видно было, что профи. Вытащили тело монстра из прицепа, погрузили на носилки и... отбыли на вертолёт.

Братьев хоть и вежливо, но довольно решительно отсекли. Типа: нечего вам там делать!

— Вот-те раз! — обескуражено выговорил Василий, а более непосредственный Григорий послал вслед МЧСникам такую, словесную «конструкцию», что те аж заспотыкались. Хотя и было сказано всё им вполголоса, но, видно, слышали.

Вскоре стало ясно, что с птеродактиля им ничего не светит. И последующие усилия, что-либо выдрать за него, также не увенчались успехом. Ни на следующий день, ни через неделю.

Да, они стали чем-то типа телевизионных суперзвёзд. Им даже какие-то гроши выплатили за участие в серии передач. Но на этом всё и закончилось.

Государство крепко вцепилось в находку, а как известно, если что ему в коготки попадает — считай пропало.

Лишь вскользь и очень даже после, промелькнуло сообщение, что якобы, на изучении физиологии монстра «российские учёные» что-то там открыли. То ли секрет анабиоза(а ведь действительно, «птичка» несколько раз замерзала и оттаивала!), то ли ещё чего. Но от этого братьям было уже ни холодно ни жарко.

Шальная возможность срубить большие деньги уплыла из их рук.

Но...

Братья не были Пономаренками, если бы это ввергло их в уныние.

Главное ведь было сделано... Дорогу «на ту сторону Мира» протоптали. Теперь надо было делать следующий шаг — поиск других, более удобных «узловых точек» и уже конкретная разработка темы «параллельных миров».

Они договорились никому ничего насчёт них не говорить.

Даже прямые намёки от телевизионщиков и всяких прочих просто проигнорировали. А мимолётные опасения Григория, насчёт теории Василия, сам Василий развеял.

— Дык я не говорил на кафедре, что это дорога в параллельные миры. Я представил эту работу как простой математический «изврат на тему»... На тему топологии.

Глава 2

Мясо для диктатуры пролетариата

После поимки птеродактиля братьев Пономаренко в покое долго не оставляли. Особенно разные на всю голову раненные искатели «Йети» и прочих «криптоанималов». Даже зуботычины, со стороны вконец осатаневшего Григория, не помогали. Потому, что на место одних ушедших побитыми, приходили другие, ещё не знающие какие «пилюли» их тут ожидают.

Беда была ещё в том, что как ни старались братья экономить, но деньги всё-таки кончились. Остались только суммы из тех, что шли на самые необходимые траты — еду и коммуналку. Всё-таки делая всякие куншпюки для путешествия между мирами, они много потратили средств. А платы со стороны всяких телевизионщиков, что таскали их на передачи, не покрыли даже десятой доли затрат.

Так что и у Григория, и у Василия были серьёзные причины злиться на родное государство отобравшее у них «законную» добычу.

Всё ещё под впечатлением от предыдущего приключения и поимки зверя, Григорий однажды подкатился к братцу. Тот как раз сидел за столом и что-то усердно вычислял исписав уже здоровенную стопку бумаги. Заглянув брату через плечо, и ничего, как водится, в его математических выкладках не поняв, он спросил

— Слушай, а что если сделать какую-то лестницу и залезть в тот динозаврий мир?

— Зачем? — бесцветным голосом спросил Василий, так как был целиком погружён в вычисления.

— Ну... Ещё какую-нибудь заразу поймать! Динозавра там, какого-нибудь...

Василий оторвался от вычислений и скептически посмотрел на брата.

— А то, что для прочих динозавров твоя пукалка — просто что слону дробина, это как?

— Ну... возьмём что-нить покрупнее калибром... — даже не смутившись и слегка пожав плечами, ответил Григорий.

— А что, есть такие варианты? — ядовито спросил Василий. — Для некоторых там пушка нужна. Или противотанковый гранатомёт. И то, сомневаюсь, что остановит.

Григорий вспомнил сериал про динозавров и, наконец, смутился.

— Ну, мы от прохода далеко не будем отходить, и если чо — сразу сваливаем. Нам же будет достаточно одного даже мелкого поймать. Тут его с руками оторвут.

— А ты не подумал, что ВТОРОЕ — Василий специально выделил тоном это слово, — предъявление динозавра с нашей стороны, нас полностью дешифрует? И нами займутся уже очень плотно? Причём если не ФСБ, то наверняка какая-нибудь мафия. Типа нашего «папаши Зарина»... Зариньяна...

— Да... — принялся чесать в затылке Григорий, плохая идея... — Но кушать хорошо — сильно хочется!

— Да и прыгать высоко... — опять бесцветным голосом заявил брат отворачиваясь к своим бумагам. — Узловая точка там — на высоте десяти метров от земли.

— А что сейчас считаешь? Про те самые параллельные миры? — перевёл Григорий тему на более нейтральную.

— Да. Хочу вычислить узловую точку, которая была бы у земли... И, мне кажется, что мы сможем выбирать эти самые миры... Должно быть решение...

— Хорошо! Не буду мешать. — буркнул недовольный Григорий и удалился в свою комнату.

Практически каждые выходные, невзирая на погоду, братья выезжали в леса и бегали по ним, составляя карты напряжений полей. Точнее того самого поля, которое «вычислил» Василий, и которое «отвечало» за сопряжение нашего Мира с другими.

Постепенно, на карте стали появляться перспективные области и точки. Но всё равно Василий не спешил проверять каждую из них. Тем более, что большинство из них расположены были далеко от дорог и в местах, часто, труднодоступных.

С одной стороны это было хорошо — меньше вероятности, что какой-то шальной свидетель их застукает за интересным делом, «контрабанды» из параллельных миров. С другой стороны, по здравому размышлению, они решили, что как раз и надо искать нечто, что ближе к дорогам. В идеале, чтобы можно было заехать в «переход» прямо на автомобиле.

Но однажды, Василий задал очень дельный вопрос. В сущности, его надо было бы задать с самого начала... Они как раз стояли у такой, довольно перспективной точки — поляна, ровная, и грунтовая дорога рядом, лишь слегка заросшая мелким кустарником.

— Слушай, Григорий, вот что я подумал... У нас вся стратегия... хреновая.

— ?!!

— Посуди: мы открываем проход. И идём в него. А дизель за это время глохнет.

— Упс! — выдал Григорий и принялся чесать в затылке.

— Или какая-нибудь падла, подкрадывается и выключает. И мы там, навсегда. Поэтому, хоть как, но нам надо сделать ещё один комплект. И проверить как он будет открывать то же самое, но «оттуда».

— Вот, блин! Это же сколько нам ещё корячиться, чтобы заработать!

— Может займём у кого?

— Нах-нах!!! — замахал руками Григорий. У него перед глазами был очень живой пример его друга, который взял кредит и... чуть не потерял квартиру.

— Но нам же ведь, немного надо...

— А ты уверен, что немного?

— В смысле?

— Ну ты подумай. Если мы собираемся шастать «на ту сторону», то нам нужен вот этот комплект. Так?

— Да.

— Дальше, чтобы можно было сам канал скрыть, на этом месте надо поставить что-то типа хатёнки. Так?

— Да.

— Но землю тут надо ведь тоже приобрести, так как сам же знаешь что будет если... Так? А ведь это лесхоз, значит, надо будет ещё и проставляться тамошним. Взятку совать. Так?

— Так.

— Итого — дохрена! Заключил Григорий.

Но тут, нашла коса на камень. У Василия, как говорится, «свербило». Он хотел получить всё как можно быстрее. И на поляне разразился весьма жаркий спор.

Со стороны можно было бы подумать, что братья вот-вот вцепятся друг-другу в грудки. И ещё через минуту кто-то будет изрядно бит. Ясно дело этим битым будет не Григорий.

Но... Это только со стороны глядучи и только если не знать братьёв. Когда-то в далёком детстве так ловились записные провокаторы.

Видят, что братья сцепились в жарком споре и начинают тут же скакать вокруг приговаривая: «И не подерётесь, и не подерётесь!».

При этом, как правило Григорий, набывчившись спрашивал у Василия.

— И чё? Дратся будем?

— Будем! — Решительно отвечал Василий и через пару минут сильно побитый обоими братьями провокатор, размазывая кровавые сопли по лицу, резво удирал с поля боя.

Провокаторов в лесу, на счастье самих провокаторов, не нашлось. Поэтому, резко прерывать спор пришлось Григорию.

— Я знаю, что ты дурак. Ты знаешь, что я дурак.... Так неужели два дурака не смогут договориться об общем?

— Деньги нужны! — взвыл Василий.

— А это — постановка проблемы.

Данная фраза была затравочной. Перед «мозговым штурмом».

— Итак, нужны деньги. — начал Григорий. — примерный объём можно подсчитать.

— Хату здесь сами поставим. — буркнул Василий.

— Это да. На этом сэкономим. Но остальное остаётся. Нужны деньги. На чём можем заработать? Перечислим.

Григорий достал свою записную книжку, вытащил карандаш и приготовился записывать. Василий же, как самый «креативный» начал перечислять варианты.

Список получился длинный. И там пока что стояли лишь те варианты, которые были обычными. И те, которые мог бы предложить любой. Присутствовали там и экзотические варианты, но это было уже издержки.

Следующим шагом после составления списка, вместе прошлись по каждому пункту последовательно проверяя их «на паршивость». Большинство вариантов оказались либо мало реальные, либо не денежные. Тем не менее, три варианта всё-таки отложились. На дальнейшее обдумывание.

И тут...

У Василия забурчало в желудке. И он вспомнил что давно не ел. Чисто по ассоциации, вспомнил, как в конце августа ездили в лес на шашлыки. Как покупали мясо в мясной лавке, как его мариновали, и как потом, на такой же лесной полянке, его жарили на углях.

От этого воспоминания Василию сильно захотелось именно мяса. Жаренного.

Он сглотнул набежавшую слюну и у него снова сработала ассоциация.

— Слушай! Есть совсем завиральный вариант.

— Какой? — с энтузиазмом спросил Григорий. Ему, оставшиеся после просеивания варианты, откровенно не нравились. А тут...

— Торговать мясом. Тем же барышникам на рынке продавать! — выдал Василий.

— И... где будем добывать мясо, чтобы оно было заведомо дешевле и в обход разных перекупщиков? — осторожно задал вопрос Григорий, боясь спугнуть идею.

— Там! — многозначительно вымолвил Василий и показал жестом. В каких других ситуациях и контекстах, этот жест обозначал бы «за забором». Но Григорий понял правильно.

— А ты уверен, что мясо динозавров будет съедобно? — скептически заметил Григорий.

— А почему именно динозавров? Если там бесчисленное количество миров, то мы можем найти и такой, где, ну, например... плейстоцен!

— И пойти стрелять мамонтов?

— Зачем, сразу, мамонтов? Оленей!

— Гм... Так.... Записываем в необходимые траты «купить квадроцикл или/и маленький вездеход-амфибию».

— Или сделать! — с энтузиазмом сказал Василий, но Григорий посмотрел на него как на слабоумного.

— Ты его до морковкиного заговенья делать сам будешь.

— Ладно... Дурацкая идея. Согласен. Но как со всем остальным?

— А чё «с остальным»? Это место нам подходит? Чисто чтобы начать?

— Более чем!

— Значит, сейчас нужен только второй комплект и испытания того самого варианта — открытия прохода с той стороны.

Пока собирали деньги на детали для второго «зонда», выпал снег. Не много. Но, что было ценно, почву подморозило. Поэтому, до «заветной» поляны добрались без приключений. Дорога скользила, но автомобиль не проваливался. Могло быть хуже, если бы осталась слякоть, как стояла последние две недели. Пришлось бы всё оборудование для этого пуска тащить на себе десять километров от гравийки.

Рассматривался и такой вариант. Даже тележку для этого соорудили — четырёхколёсную. Но она так и осталась лежать в автоприцепе.

Поляна, за то время, как их не было, практически не изменилась. Только высохший бурьян на каменистой почве покрылся тонким слоем снега.

Братья быстро вытащили всё необходимое, и начали разматывать провода. На этот раз, чтобы как можно сильнее минимизировать риски, кабель проложили аж до кустарника на краю леса. Наконец, всё было готово. Даже присоединённый к зонду через приставку ноут выдавал всё, что от него требовалось.

Завели дизель, спрятанный за пень. Через пульт дистанционного управления, включили «зонд».

Выведя в отдельное окно какой-то зубчатый график, Василий начал постепенно повышать мощность на зонде.

— Видишь эти зубцы? — Василий пальцем указал на график. — Это наши миры. Мы можем вот так менять настройку...

Василий осторожно покрутил какую-то ручку на пульте.

— Настроиться на любой из них...

Он вывел линию с треугольником-указателем на один из ближайших зубцов на графике.

— ...И пробить туда канал.

Помня, что было в прошлый раз, Григорий спешно отвлёкся и приник к оптическому прицелу.

Пока он глядел поверх него. На поляне всё также уныло белел снег на усохшем чертополохе, а за ним, метрах в ста, серела стена леса. И тут...

Окно в иной мир появилось внезапно. Бах! И как будто за круглым окном... большой океан.

— Упс! Не то! — Пробормотал Василий и крутанул ручку-регулятор, переводя

настройку на другой зубец. Окно на мгновение пропало, и появилась... пустыня.

— Опять не то!

Новая попытка. И снова какой-то совершенно безжизненный пейзаж. К тому же жутко завоняло. Василий спешно «закрыл» дверь в очередной мир. И не менее быстро зажал нос.

Рядом, но уже с матюгами тоже самое сделал Григорий.

— Чё за...! — слегка отдышавшись, спросил он. — Вобля! Чуть не блеванул!..

— А ты разве не догадался?

— Не-а! Это ты у нас спец по... — полуосипшим от омерзения голосом, с зажатым по-прежнему носом, выговорил Григорий. — Какой-то мегаклозет, по вонище!

— Это миры соответствующие примерно нашему архею. Воздух кислорода не содержит, но зато богато метаном, сероводородом, сернистым газом и прочими «прелестями». От того и вонь.

— Но как же мы тогда настроились сразу, да на динозавров?

Василий надолго задумался. Потом сверился с записями и выставил другую последовательность. На настройках.

— Попробую так. — буркнул он и врубил «зонд».

Зонд тут же провинтил окошко в очередной мир...

Через окно моргая глазом, смотрел на братьёв...

Григорий, не долго думая просто в этот глаз выстрелил. Раздался дикий рёв, тут же оборвавшийся, так как Василий, испугавшись, вырубил окно.

— Ты видал, как я ему в глаз! — тут же начал хвастаться Григорий. — А... а ты не обратил внимание кто это был?

— Кажца что-то типа тиранозавра...

— Я тоже так подумал! — возгордился Григорий.

— И ты не боялся, что он сюда влезет?

— Окошко узенькое. — резонно возразил Григорий.

И действительно. «Окошко», в отличие от того, первого, было всегда около двух метров в диаметре.

— Ладно... — тут же отвлёкшись от напугавшего его происшествия сказал Василий. — я тут кажется засёк последовательность. Подкручу ещё.

Пересчитав что-то на бумаге, Василий, осторожно перенёс данные в настройки.

Снова какие-то пейзажи. Но более привычные по растительности.

— Кажется это та самая полоса миров, которые ближе к нам...

Но так и не попалось ничего стоящего внимания.

В бесконечных переключениях прошло ещё полчаса. Находящийся в постоянной готовности Григорий стал слегка замерзать, когда открылось очередное «окно» и... Оттуда выпрыгнул заяц.

Заяц взрыл ногами снег, развернулся почти на девяносто градусов и рванул по направлению к чаще. Но вслед за ним...

Вслед за ним вылетел... тигр!

Тут уже Григорий не зевал. Быстро поймал место на здоровенной кошке в области лопаток и нажал на спуск.

— Всегда хотел себе шкурку тигра на стену повесить... Вместо облезлого ковра! — поделовому заявил Григорий отрываясь от прицела и наблюдая как тигр, захлёбываясь собственной кровью утыкается в снег и сучит лапами.

Василий опять спешно вырубил питание на зонде.

— Так у тебя и так ковёр не облезлый! — не понял юмору Василий.

— Ну... если ты считаешь... Повешу поверх ковра! — невозмутимо сказал Григорий наблюдая за судорогами агонии хищника.

Василий поднялся на ноги и посмотрел на всё ещё дёргающуюся дикую кошку. Скептически посмотрел.

— Слуш... Гриш... Может контрольный выстрел? Так, для надёжности...

— Да как скажешь! — усмехнулся Григорий и прострелил тигру голову. — Так пойдёт?

— Вполне! — расхрабрился Василий и почти бегом направился к добыче.

Когда подбежали, тигр уже не подавал никаких признаков жизни. Оно и понятно: с пробитым насквозь сердцем и вышибленными мозгами как-то не заживёшь...

— Ну... вот мы и стали браконьерами! — стал ёрничать Григорий. — Подстрелили тигра.

— Ну... положим, это не совсем тигр... — начал Василий.

— Это почему? — заинтересовался брат.

— Это смилодон. САБЛЕЗУБЫЙ тигр. — пояснил Василий и красноречиво попинал палитым кровью здоровенным, саблевидным клыкам, торчащим из верхней челюсти убитого животного.

Смилодона обдирали долго.

Для начала, Григорий, привязав молоток к верёвке, перебросил её через толстый сук в четырёх метрах над собой. Дальше к этой верёвке подцепили за задние ноги убитое животное и только после этого содрали шкуру. Напоследок, Григорий, принесённой бензопилой отпилил тигру голову и запихал её в полиэтиленовый мешок.

— А чо? Хороший сувенирчик будет!

— А ты знаешь, как делать чучело?

— Не знал — не брался бы! — С видом сноба заявил Григорий. — за завтра, на даче сделаю первую стадию обработки. А сейчас надо от тела избавиться... А то если оставим тут... тут будет грязновато.

— И что будем делать?

— Есть идея. Я сейчас его распилю пополам, а после, оттащим труп в овраг. Думаю, что к завтраму лисы его обглодают.

— А вторую половину? — не понял братец.

— Туда же! — удивился Григорий. Я его пилить пополам хочу, чтобы не целиком тащить.

— А... Кстати лапы отпили.

— Что? — удивился Григорий. — Ах да! Забыл! Компромат.

Действительно. Лапы со здоровенными когтищами выдавали в трупе именно хищника, а не травоядное.

Ещё через час, когда куски тигра благополучно упокоились на дне оврага и были присыпаны для надёжности (лисы всё равно откопают, но не скоро), братья скатали залитый кровью брезент как могли затёрли, засыпали следы крови на поляне и отбыли домой. С чувством хорошо выполненной работы.

Каждый чувствовал, себя чем-то довольным.

Григорий тем, что «затрофеил» невиданное никем из охотников животное.

Василий, что разобрался, наконец, как «листать» Миры.

* * *

На новые испытания выбрались лишь через две недели.

Все эти недели были довольно плотно заполнены беготнёй. Василий бегал «по инстанциям» выясняя, можно ли «прихватизировать кусочек леса». А Григорий возился со шкурой и головой смилодона.

Первый выяснил, что «денег надо очень много», а второй повесил на стену цельную шкуру.

Вонь, говорят, от этого процесса, разносилась по всему дачному посёлку. Но оно и понятно. Не шкурку лисы дубить пришлось, а вот такую...

К тому же Григорий был приверженцем «классического» способа, т. е. того, которым пользовались деда и прадеды. Так что много ив потеряли по здоровенному шмату коры, а бочки, в которых все «реагенты» вываривались и, далее, вымачивалась, дубилась шкура, смердели со страшной силой.

Последним штрихом было прикрепление к голове шкуры специальным образом обработанного черепа с клыками. В общем, получилось здорово, но как говорил после этого Григорий, «Ге-емо-ор!!!».

Что характерно — у смилодона хвост короткий. Поэтому, каждый, кто посещал братьев, задавал стандартную пару вопросов: «А куда бСльшая часть хвоста делась?» и «Где достали череп ископаемого?».

Ясное дело, на оба у Григория были заготовлены соответствующие «истории».

Так что каждый получал то, что ожидал. Одни — завиральную историю на уши(которой они искренне верили, так как — вот шкура и череп!), а Григорий — гордость от обладания трофеем которым не грех похвастаться. Единственно что он не говорил, так это то, что убил зверюгу собственноручно. Только это доставляло ему некоторые неудобства. Хотелось похвастаться и этим. А так у него было «объяснение»:

— Нашли же птеродактиля, которого у нас отобрали. Вот и решил сделать имитацию «доисторического» трофея. Шкура — тигра. Череп — смилодона. Шкуру — купил, а череп — сам «добыл». Как добыл? Нашёл!

* * *

Как ни переживал Василий, но испытания «отмычки» прошли успешно.

Осторожно открыли «окно» в тот самый мир, откуда вылетел смилодон. Огляделись.

Пейзаж за «окном» был многообещающий.

Степи и редколесье, по которым медленно перемещались немыслимые стада каких-то копытных. Чуть поодаль, — Григорий не стал приглядываться — виднелась какая-то здоровенная волосатая туша, медленно бредущая и со вкусом поедающая травку.

Словом — идиллия плейстоцена.

Быстренько просунули через «окно» батарею аккумуляторов, присоединили откалиброванный «зонд» с заранее пересчитанными и выставленными настройками.

Присоединили таймер и с некоторым страхом выключили «окно».

Прошли положенные десять минут и окно возникло на прежнем месте.

Василий издал победный клич, врубил свою аппаратуру, чтобы «подпереть окно» с этой стороны, и кинулся выключать, вытаскивать второй комплект.

Только один раз слегка задержался так как пришла мысль:

«Мир тут без людей. Следовательно не оставить ли аппаратуру здесь же?».

Но вспомнив о смилодоне, о махайроде и прочих животных этой эпохи, решительно задавил лень и вытащил аппаратуру в свой, родной мир.

А там, на полянке переминался с ноги на ногу братец Гриша.

— Что такое? — спросил Василий.

— Слушай... А может мне метнуться как-нибудь туда?

— Хочешь поохотиться? — догадался Василий.

— А то! — подтвердил брат худшие подозрения Василия. Но так как он знал, что удержать Григория практически невозможно, если он что-то решил, то лишь махнул рукой.

Через пол часа, к окну прибежал взмыленный Григорий.

— Что?!! Опять смилодон?!! — воскликнул Василий.

— Не! — чуть отдышавшись сказал довольный Григорий. — Я оленя завалил. Здоровенный!!!

— Надеюсь хоть не далеко?

— Не. Тут рядом. Но рожищи у него.... Во!

Григорий размахнулся во всю ширь но и то, чётко ощущалось что не хватает. Василий скептически покачал головой и кивнув на аппаратуру, которую сторожил, предложил братцу разбираться с оленем самостоятельно.

Через часа четыре, они ехали домой, с прицепом полным мяса, и пятиметровыми рогами, прикрученными сверху. Как их ни пытались замаскировать, часть всё равно торчала наружу.

Но... проскочили.

Как разбирались с немыслимым количеством мяса, и как после разбирались с чудовищными рогами — история отдельная.

Главное, что начало было положено.

Открытие(эпохальное) — было сделано.

Это открытие — было нагло утаено от «мировой общественности»

И оно же — поставлено на службу сугубо меркантильных интересов двух предприимчивых братьев. Впрочем, они и своих родных, близких, друзей и друзей своих друзей, тоже не забывали.

Русские ведь...

Все были с мясом.

А братья ещё и с деньгами.

Но!

Если бы братья были бы тупыми барышниками, не имели ничего за своей душой кроме желания набить поплотнее брюхо жратвой, залить бельма покруче каким-нибудь алкоголем, а карманы деньгами — на этом бы всё и закончилось.

Однако, эти ребята были не такими. И когда прошла первая эйфория достатка, они задумались над тем «как нам обустроить этот мир?».

Но для этого нужны были не просто деньги. А большие деньги.

И ясное дело, вполне конкретные усилия.

Какие?

Вот этого-то пока братья и не знали.

Но ответ увлечённо и с азартом искали.

Глава 3

Принцесс не заказывали!

Как обычно, вечером, каждый в своей комнате занимался тем, к чему больше душа лежала.

У Григория она лежала поближе к телевизору, а Василий грызся с какими-то хмырями на форумах в интернете.

Григорию не были интересны «хмыри и интернеты», а Василию наоборот — «телевизионные бредни». Но вот однажды, Григорий зашёл к Василию и огорошил его новостью.

— По местному передали, что поймали того самого зайца.

— Это какого-такого зайца? — не понял Василий.

— Ну помнишь, когда этот... смилодон выбежал на нас. Он, ведь, за зайцем гнался.

— Ах того! И что? Неужели именно поймали? А не подстрелили.

— Да вот... Заяц оказался «недозайцем» и вообще тупым как пробка. Попался в капкан, выставленный на лис. Потому и жив остался. Его сначала за мутанта приняли. Решили похвастаться, и народ попугать, но он на глаза какому-то специалисту попался, вот он его и «определил». Даже название какое-то мудрёное у него оказалось. Какой-то гипо... гипوماгус...?

— Гиполагус! — поправил его Василий, который всю эту фауну изучил вдоль и поперек по всё тем же «интернетам».

— И что, вот это сказали по телеку? — обеспокоенно спросил он.

— Так не только сказали, но и показали этого... недозайца! — подтвердил с усмешкой Григорий.

— Плохо дело! — уже откровенно встревожился Василий.

— А чем плохо?

— Смотри сам. Мы поймали птеродактиля. Откуда он взялся, знаем только мы. Дальше, попадаете вот этот «недозаяц». Какой вывод сделает любой, кто имеет хоть каплю соображалки? Что у нас тут в районе есть дыра в параллельные реальности! Дальше обратят внимание на нас. Как мы ни шифровались, как ни старались скрыть свои доходы, и источники мяса — всё равно нами рано или поздно заинтересуются. И могут сделать вывод, что именно мы имеем эту самую «дыру в иные реальности», скрываем её, эксплуатируем её и наживаемся на ней.

— И что ты предлагаешь? — уже другим тоном спросил Григорий.

— Временно прекратить наши бизнесы. Кстати у нас там «в заглавнике» сколько бабла?

— Годков на пять относительно безбедной жизни хватит.

— Вот и ХВАТИТ!

— И чё делать-то будем? Нахрена мы две хаты строили — там и здесь, — транспорт покупали?

— Ну... Нам никто не мешает мотаться туда за мясом... Чисто для себя. И... исследовать все эти миры.

— А остальным что скажем? Кто мяса ждёт? Ну наши и не только?

— Скажем что «мясо кончилось». И всё. Без объяснений.

— Тупо как-то.

— Тупо — не тупо, но становится опасно.

— Ну, тебе хорошо. Ты всё исследуешь.

— А тебе что мешает? Присоединяйся! Не всё мне шарить эти реальности!

— Хм... Я вот что хочу спросить... Ты, тогда, когда мы только-только открыли проход в тот мир, где оленей много... Ты сразу кинулся мерить там радиопон. Это нафига?

— Всё просто! Хотел убедиться, что мы попали именно в свободный от цивилизации мир, а не в заповедник, где нас могут поймать и наказать.

— И поэтому, ты всегда, как только открываешь «окно» измеряешь этот радиопон?

— Да. Мне хочется найти такой мир, где была бы цивилизация. И посмотреть её. Пока не нашёл.

— Думаешь у них что-нибудь подсмотреть?

— Как минимум — подсмотреть. И притащить сюда.

— А как максимум?

— Как максимум устроить здесь у нас что-то типа технической революции.

— Ну, тебе всё только революции устраивать! — начал подтрунивать над Василием брат. — Не забыл, чем революции заканчиваются? Помнишь что было в 1917-м?

— Помню-помню! Но и ты понимаешь, что сейчас Россия — в ж...

— Я согласен на всё, кроме революций! — категорически заявил Григорий.

Василий благоразумно промолчал.

— Но всё равно, — сказал примиряюще Григорий, — мне тоже хотелось бы увидеть мир, который обошёл наш.

— А русских царей? Эпоху, например, середины 19 века? — подначил его Василий.

— И их тоже, если попадутся. Да и вообще... Мы тут как со звездолётом — по мирам имеем возможность шариться... Кстати те крабы, что ты на прошлой неделе притаранил были очень даже. Они откуда? Не из такого?

— Нет. Просто прошёлся по мирам примерно силурийского периода. Дышится там, хреново, но вот крабики — ты заценил.

— А я думал, что ты какой-то супермаркет инопланетный «зачистил»!

— Крабики необычно выглядели?

— Дык!..

— Гм... Надо будет ещё раз туда смотаться! — Заключил Василий.

— Но что нам делать с заработками?

— Ты реально хочешь ещё прикупить лендровер?

— Примерно...

— Нахрен! И с тем, что есть вполне прилично. — отмахнулся Василий.

«Копейку» они уже давно, по дешёвке продали. Теперь у них была самая обыкновенная «Нива».

— Нам бы сейчас пересидеть. Если того зайца обнаружили, тут минимум год будет не протолкнуться от идиотов. Да и кто-то серьёзный этим будет заниматься. Наверняка. И этим последним, я повторяю, ОСОБЕННО не стоит попадаться на глаза.

— Ладно. Уговорил. Буду участвовать в твоей программе поиска супер-пупер мира.

Как и предсказывал Василий, действительно, после обнаружения «недозайца», окружающие леса были буквально наводнены разными искателями «необычного». От вполне уважаемых искателей приключений, до откровенных шизофреников. Братья возблагодарили случай, когда им просто подарили щенка волкодава. За полгода этот щенок

вымахал до размера телёнка и теперь бегал вдоль хлипкого забора, спешно установленного братьями по границе владений и шугал нежелательных «гостей».

Тем не менее, идиоты находились. Или не замечали надписей и плакатов вида «Собака питается ворами», или просто их игнорировали, но периодически приходилось высвобождать из «жарких объятий» усердной собачины, очередного такого любопытствующего. Со в хлам, в лоскуты изорванной одеждой.

Многие тут же начинали кричать, что они, типа, их всех засудят, но когда их приводили в дом и показывали запись регистратора, быстро сдувались.

А когда сами братья начинали вслух, громко, на полном серьёзе обсуждать перспективу «передачи вора полициям», эти гаврики разве что не писались от страха.

С одной стороны, это было смешно. Но это же и нервировало.

Чёрт их знает кто такие и зачем они лезли.

Тем не менее, за глухими стенами «фазенды» творились «ещё те» дела. Каждый день, Василий, заводил дизель, и начинал проверку очередного «зубца» на графике. Каждый зубец — ещё один мир.

Но ничего стоящего не попадалось. И так изо дня в день, из месяца в месяц.

Наконец, один раз набрав очередной такой «адрес», и уже рутинно запустив сканирование радифона, Василий чуть не подскочил. За «окном» был самый обычный лес. Но...

По данным сканера, все диапазоны забиты какими-то очень сложными и явно искусственными сигналами.

— Что-то нашёл? — полюбопытствовал Григорий, так как заметил, что Василий аж вспотел от неожиданности.

— Да. Кажется что-то такое есть!

— Гм... Когда ты так говоришь, — вот таким тоном, — мне почему-то хочется вместо своей СВДэхи, что-то типа КПВТ. - фыркнул Григорий.

— А разве не страшно? — возразил Василий. — Ведь нашли-таки что-то очень такое... с технологиями. А ну-ка оно будет не только сильнее и продвинутое нас, но и ещё агрессивное?

На последние слова Григорий только плечами пожал. Сказывался опыт предыдущей работы.

— Предлагаешь сходить разведать?

— По любому придётся.

Так как Василий не обладал необходимыми навыками, то на разведку двинул, естественно, Григорий.

С собой какого-то серьёзного оружия не брал. Но мощный бинокль прихватил.

Для связи решили использовать маленькие радиостанции, которые ныне в ходу у альпинистов. Расписали время связи. Помахав рукой на прощание брату, Григорий нырнул в межпространственную дыру и тут же перешёл на лёгкий бег.

Весьма скоро скрылся из виду.

Связь была назначена через каждые полчаса.

Первые два сеанса ничего нового не принесли. Но вот на третий, поступило сообщение, что Григорий вышел на край леса и видит какой-то городок. Залёг. Наблюдает в бинокль.

Ещё через полчаса.

— Странный городок. На улицах — ни души!

Ещё полчаса спустя.

— Совсем никого! Одни кошки по улицам бегают.

— Что собираешься делать?

— Подумаю. И всё-таки пойду посмотрю этот пустой город.

* * *

Вернулся Григорий ещё через два часа. Уже начинало смеркаться.

— Фигня там какая-то! — в сердцах бросил он любопытствующему братцу только что закрывшему за ним «дверь измерений».

— Вот возьми фотик. Всю флешку забил... И ни одного человека! Либо какие-то полудикие домашние животные, либо тупые роботы, метущие улицы и тротуары... И ни души!

Григорий не заметил, что дважды сказал, на разные лады, что город совершенно безлюдный. Это сильно настораживало.

Но Василий, всё равно рвался на разведку города.

Григорий обозвал его «хрЕновым романтиком» и посоветовал не соваться. Ему вся эта пустота города откровенно действовала на нервы и наводила на очень нехорошие ассоциации.

Поэтому, Григорий категорически отсек любые поползновения изнывающего от любопытства брата пойти вместе с ним, и дальше в течение ещё пяти дней ходил один. Постепенно расширяя круг исследованной площади города.

Заходил в дома.

Осматривал их очень тщательно. Но нигде никого не было. Было такое впечатление, что люди, аккуратно наведя порядок в доме и в городе, куда-то буквально только что ушли. И не вернулись. От этого, чем дальше тем более, становилось страшно. До жути.

Ещё на что обратил внимание Григорий, это на надписи.

Их здесь, как и во всяком городе родного мира, было бесчисленное количество. Но все они были выполнены на каком-то незнакомом языке. Буквы были всякие. Была латиница. Была даже кириллица. Были и вообще какие-то «крокозябры».

Что-то отдалённо можно было понять по кириллице. С трудом. Из чего следовало, что этот мир — какой-то клон нашего, родного. Но очень и очень отдалённый.

Многое внезапно разрешилось, когда Григорий, набравшись наглости попробовал активировать какие-то службы в доме, в который любопытствуя зашёл.

Как ни было жутко поначалу, но ко всякому притерпеваешься. Никаких особых опасностей, сколько он ни шнырял тут, так и не заметил. Поэтому Григорий «просто для эксперимента» подошёл к какой-то панели и нажал кнопку, назначение которой он перевёл как «вызов».

Та стена, у которой он стоял, оказалась экраном.

Причём не просто экраном, — голографической штукой.

Появилась девушка неопишуемой красоты. Уж насколько Григорий ценитель женской красоты, и привереда, но и тут у него челюсть отвалилась. И только через минуту он сообразил, что с ним поздоровались. Причём по-славянски.

Усилием воли, Григорий «собрал мозги в кучу» и попытался наладить общение. Ясно было, что ответ ему был на одном из славянских языков. Что-то угадывалось. Но с трудом.

Немалое препятствие в налаживании контакта представляло и то, что Григорию эта краля по-настоящему нравилась. Так что пришлось продираться ещё и через собственное смущение.

Наконец, переборов себя он сосредоточился на попытках понять собеседника и хоть на чуть-чуть перевести в диалог с пониманием. У собеседницы тоже были те же проблемы. Разве что смущение отсутствовало.

Через пару минут поиска взаимопонимания, оба прошлись по другим языкам. Григорий хоть и знал два — один, английский, прилично, другой, испанский скверно, но и это не помогло. Собеседница ни того, ни другого не поняла. Наконец, видно придя к выводу, что надо принять какие-то особые меры, она сделала жест, который Григорий понял как «обождите».

Минуты три спустя, из какой-то норки выкатился маленький робот, и внезапно удлинившимся манипулятором подал Григорию, вполне знакомый наушник. Из тех, которые просто вешаются на ухо.

Девушка на голо-экране на своём примере показала как вешается этот наушник. Григорий, так как было совершенно нечего делать, поступил как просили.

Как только он это сделал, в обоих(!) ушах зажужжало. Наступило мимолётное головокружение и... Следующую фразу, произнесённую на неизвестном ранее Григорию языке, он понял до последней буквы и интонации!

«Вот так техника!» — подумал он и приступил к тому, чего добивался — к добыче детальной информации.

Дальнейший диалог с приятной собеседницей его так увлёк, что он чуть не пропустил сеанс связи. На стандартный «Говорит первый, приём!» брата он чуть не ответил на том языке, на котором только что болтал. Чтобы избавиться от наваждения, Григорий мотнул головой и через некоторое усилие ответил по-русски.

— Привет брат! У меня всё нормально. Нашёл собеседницу. Болтаем. Тут всё хорошо. Новостей очень много и выяснить надо много так что подробно в следующем сеансе.

Василий слегка прибалдел. Он знал привычку брата волочиться за каждой юбкой, но то, что он и тут, в неизвестном мире, где нет людей, найдёт себе именно собеседницу... Походило на анекдот.

А новостей у Григория было действительно очень много.

Практически сразу выяснилось две, поразившие Григория до глубины души, вещи.

Что болтает он не с живым человеком, а с информационной системой планеты.

И что на всей планете ни одного человека не осталось.

Второе его не на шутку встревожило, но инфосистема его тут же «успокоила»: ни война, ни эпидемия, ни что иное убийственное тут не было виной.

— Они ушли. — грустно сообщила «девушка». — Они давно готовились, искали. Потом нашли. И ушли. Все. И теперь мне скучно. Я рада, что хоть вы меня посетили.

— То есть вы хотите сказать, что нам здесь ничего не угрожает?

— Да. Ничего. И я буду рада вас встретить. У нас тут жить хорошо. Всё, что вам нужно я обеспечу. Все мои ресурсы к вашему распоряжению. Хоть большая часть их законсервирована...

В последнем сказанном сквозила некоторая тревога, но как оказалось, создатели

системы наделили её не только интеллектом, но и эмоциями. Она реально боялась, что и эти уйдут, а после снова будет так же скучно.

То, что система засекала их обоих, Григорий даже не сомневался.

Впрочем, учитывая обычную военную паранойю, Григорий в свою очередь опасался, что ему эта самая «инфосистема» лжёт. Или по крайней мере, недоговаривает.

Когда он попытался выяснить, куда «ушли» жители, он получил такой ворох данных и философских трудов пополам с лютой физикой, что тут же ему расхотелось разбираться. Правда, он оценил и на этом материале достоинства «переводчика». Тексты тоже свободно читались. Даже математика выглядела знакомой.

Но, как понял Григорий, чтобы реально понимать что там написано, нужно иметь соответствующее образование как минимум.

Как объяснила собеседница (ну вот язык у Григория не поворачивался называть её всю дорогу «инфосистемой!»), устройство, висящее сейчас у Григория на ухе, было эдаким «электронным протезом» для его речевого центра. Формально, с этим устройством он мог разговаривать на любом языке, который там содержался. То есть не было того ограничения, что есть у полиглотов — 10–12 языков, — так как все функции «языковых навыков» и память на языки, брал на себя этот самый «переводчик».

Вот так, с «переводчиком» на ухе, и с ворохом плохо структурированной информации, Григорий и убыл.

На этом его первый серьёзный контакт с, как оказалось, по-настоящему единственным разумным обитателем этого мира, закончился.

* * *

— Вот такие дела! — закончил Григорий свой рассказ. — Что будем делать?

— Ты рассказал, — и я стал бояться. — полез чесать затылок Василий. — Но очень уж вкусный сыр в этой «мышеловке»! Может попробуем, рискнём и покопаемся?

Григорий задумался. Потом тяжело вздохнул и махнул рукой.

— А чёрт с ним со всем! Не в первый раз! Рискнём!.. Но всё равно, что ты думаешь насчёт исчезновения всех жителей?

— Мало данных. — буркнул Василий с мрачной миной. Это обстоятельство и его тоже немало беспокоило. — Но если рассуждать логически... Общепланетарная система не может быть ярко настроена против людей. Люди — её часть. Они её создавали для защиты себя любимых от «происков» окружающей среды и для помощи себе же. Это в идиотском «Терминаторе» не так. Следовательно, если не зарываться, то есть шанс и выяснить что там произошло, и ещё натягать разных ништяков оттуда.

— А не занимаемся ли мы самоуспокоением, потому, что видим перед собой ТАКУЮ добычу? — задал резонный вопрос Григорий.

— Может быть... Но с другой стороны мы можем оказаться в положении человека, который боится собственной тени.

— И то верно!

— Как поступим завтра?

— Завтра, пойдёшь ты сам. А я, так уж и быть — посижу, подежурю на установке.

— Давай!!! — взвился от энтузиазма Василий.

* * *

Как ни странно, но Василий, почему-то не испытывал какого-то страха перед этим миром. То ли авантюристическая натура в нём выиграла, то ли просто потому, что он не любил делать выводы из ничем не обоснованных предположений.

Но шёл он к городу с ожиданием Чудес. И за Чудесами.

Может он рассчитывал получить все ответы, на все вопросы по устройству мира?

Возможно так. Но ещё его толкало вперёд жгучее любопытство. То самое, которое очень знакомо археологам, когда они внезапно находят целый город неизвестной цивилизации. И теперь им предстоит открыть все тайны этого, давно исчезнувшего народа.

По сути, в данном случае, ситуация была аналогичной.

Народ — исчез. Давно.

Остался город. Город неизвестной никому на Земле цивилизации. И вот его-то и спешил почти бегом увидеть и исследовать Василий.

Город он увидел довольно скоро. И даже издаля он производил исключительное впечатление. Кстати совершенно не такое, какое производят на впервые их увидевших, мегаполисы Золотого Миллиарда.

Там, присутствует ощущение давящей тяжести. И некоей неистребимой грязи, под внешне красивой и чистенькой оболочкой.

Тут же, сам город выглядел так, что даже с первого взгляда в таком хотелось жить. Город-парк, город-дворец... не подходят для его описания. Скорее всего всё это вместе взятое. Плюс какая-то дико притягательная УЮТНОСТЬ.

Всё это ещё более «раздраконило» Василия. Ему ещё больше захотелось попасть туда и рассмотреть всё подробно. Братик у него был полный лопух в изысках архитектуры, а он... Он интересовался архитектурой, причём в той её части, что отвечала за эргономику. Поэтому, он даже не пытался войти в какой-либо дом, чтобы немедленно приступить к общению с инфосистемой планеты.

Он просто бродил по улицам и улочкам городка. Наслаждался его видом, красотой и той самой уюtnостью, что сквозила буквально от каждой стены.

Что характерно: каких-то там изысков технологического плана, на домах, на улицах, особо заметно не было (ну, разве что роботы шныряли иногда). Тем не менее, весь он производил именно то самое впечатление — удобства для жизни. Поэтому, Василий первый час просто ходил и подмечал изумительные по своей простоте и гениальности находки местных архитекторов.

А вот когда он уже от этого изобилия новизны и интересных решений, откровенно начал уставать, вот тогда он и направился в сторону ближайшего здания. По виду, — что-то типа земного кафе.

Просто зашёл и просто сел за столик.

И тут, прямо перед ним возникла девушка.

В красивом платье. На взгляд Василия, довольно строгом.

Но то, что эта дамочка возникла внезапно, его на секунду напугало. Однако, вспомнив, с чем он имеет дело, вздохнул свободнее и поприветствовал.

— Здравствуйте уважаемая! А нельзя ли и мне этот...

Василий жестом показал на ухо, намекая на такой же аппарат, который был подарен Григорий.

— Конечно! — ответила на чистейшем русском девушка и тут же к столику подкатил робот. С такой же самой «игрушкой». Василий тут же нацепил переводчик на ухо и с превеликим интересом ощутил, как появилось Знание.

Вот — его не было. А вот — оно уже есть.

— Спасибо! — поблагодарил он на Общем Языке, который только что узнал. — Мне Григорий очень много о вас рассказывал. Он от вас в полном восторге!

Девушка-голограмма весьма натурально зарделась от смущения.

— Я рада, что ему понравилась. Рада, что ответила на все его вопросы и он остался доволен полученными ответами.

Звучало это несколько... по-машинному. Люди так бы не отвечали. На что Василий не только обратил внимание, но и спросил прямо.

— Извини... Ты говорила Григорию, что ты инфосистема планеты.

— Да! — с готовностью и с радостью заявила она. — И если ты что-то захочешь узнать — спрашивай!

— Или ты стесняешься? — с хитринкой спросила девушка. — Ты долго не заходил никуда.

— Да... Вот... Ходил по вашему городку... Ну очень интересно!

— Я заметила! — лукаво сказала собеседница.

— Он у вас такой уютный и удобный...

— Так переселяйтесь сюда и живите. — тут же последовало предложение. Причём заявлено было с прямодушной непосредственностью. Которая тут же покорила Василия. — Честно, мне без вас было очень скучно.

— Но... Мы как бы не хозяева этого мира. Мы тут гости. Вот пришли к вам погостить. — осторожно заметил Василий.

— И хорошо! У меня очень давно не было вообще никого, чтобы просто поговорить. Даже гостей. Приходите чаще. Я буду очень рада вам. Всегда.

— А прежние куда делись? Умерли?

— Что вы! Они все были давно почти бессмертными! — воскликнула девушка.

— А где они тогда?

Девушка погрузилась.

— Они Ушли. — печально сказала она.

— А почему? — не унимался Василий.

— Им стало тесно в этом мире. Они хотели стать чем-то большим.

— И как? Стали?

— Да. Стали. Причём уходили они долго. Сначала небольшая часть. Потом больше. Всегда кто-то не желал, идти Выше. Оставались. Но рано или поздно в них вырастало новое поколение и оно устремлялось Ввысь. В конце концов, их осталось совсем немного. И они, Оставшиеся, однажды не выдержали. Собравшись все вместе, долго решали идти или не идти. Решили идти. Тем более что Ушедшие их Звали. И они ушли. Эти последние. А я осталась одна... Но теперь всё хорошо — вы пришли!

— Бедная ты наша! И сколько же ты тут одна сидишь?

— Уже четыреста восемьдесят девять лет, два месяца и одиннадцать дней было.

От названного у Василия отвалилась челюсть.

— Ну нифигассе!!! А всё выглядит так, как будто бы вчера ушли и вот-вот вернутся.

— Я старалась сделать так, чтобы всё осталось как было. А вдруг они возьмут и вернутся... Да и материалы тут практически вечные...

— Бедненькая! И как же это тебя так угораздило одной остаться! — искренне посочувствовал ей Василий.

Он обратил внимание на то, что стал к ней относиться как к живой. Да она и вела себя как живая. Вот только прикоснуться к ней было нельзя.

— Давай я тебя назову... Гайяна! А то как-то не по-человечески...

— Хорошо! — с энтузиазмом согласилась она. — Меня так давно никто не называл... И не звал...

Но тут, неожиданно сам Василий покраснел. Но так как вопрос жёг язык, он всё-таки задал его.

— Извини... А тебя так те люди запрограммировали, что ты такая... живая?

Гайяна просияла. Видно ей этот вопрос наоборот доставил удовольствие. И потом её будто прорвало.

— Нет. Изначально я была обыкновенным искином. Но потом, когда я смотрела на людей, мне почему-то захотелось стать ими. Или кем-то из них. Это так тоскливо быть одной, быть сверхмогущественной и вместе с тем, одинокой. Люди ко мне хорошо относились, но чувствовалось то, что они не воспринимают меня как равного себе. А потому я захотела стать. А после они стали сами... сверхмогущественными. И мне поэтому, стало не только тоскливо, но и немного завидно. Ведь я не могла пойти с ними. Я не могла эволюционировать по их пути. Вообще мой путь и мой предел конечны...

Василию остро захотелось прижать её к себе, погладить, успокоить. Слишком она была... Как человек.

— Но когда они ушли — я поняла, что у меня всё-таки есть путь. И стала делать из себя человека. Скажи, мне удалось это?

Соврать было сложно. Но Василий и не собирался.

— Да. Тебе даже очень удалось. Ты — практически человек. В тебя даже влюбиться недолго!

Гайяна кивнула с благодарностью.

Да и иначе и быть не могло. Такой могущественный сверхинтеллект не мог не определить влёт когда человек лжёт, а когда говорит правду. Василий сказал правду.

— Вообще мне кажется, что это сделал преднамеренно мой создатель. — продолжила Гайяна. — Он закладывал в меня первоначальные качества. В том числе и эмоции. Я не могу это помнить, да и записей не сохранилось... И я ему очень благодарна за настоящую жизнь, а не существование. За то, что я есть.

Василий заметил, что его всегдашняя паранойя стоявшая сторожевым волкодавом всегда, когда он открывал дверь в иной мир, сейчас спит.

Крепким, здоровым сном.

А ведь как получалось — сидит он здесь и болтает с, по сути, Богом этой планеты. Точнее очень симпатичной Богиней. И... ничего!

Впрочем... Если рассуждать логически, то в случае её агрессивных намерений, он бы и секунды не прожил.

А тут вона — сидит перед ним, хоть и в виде голограммы, и травит душу.

Василий размяк. Но потом у него в голове «щёлкнуло». И проснулся стародавний хватательный рефлекс.

Ведь если посмотреть здраво на всё, что его окружало — это была даже не халява.

Это Мегахалява. И не попользоваться ей — самый страшный грех. Наказание за который, по твёрдому убеждению Василия, может быть только самая лютая казнь.

Всё-таки он был когда-то студентом. А как и всякий студент его мозги были заточены на немедленную утилизацию любой халявы. Причём не просто на сто процентов, а на все двести.

Но также было у него и другое ограничение — на жадность.

Жадность он считал — «смертельной халявой».

Поэтому, быстренько пробежавшись по действительно насущным своим потребностям он с некоторой опаской определил первоочередные и приготовился их осторожно озвучить, боясь что «вдруг-сон-кончится-и-проснусь». Халява действительно, как он ни готовился и не стремился к такому, была воистину сказочной.

— Слушай! Извини, но тут такое дело... А у вас больницы и медицина действуют?

— Конечно! — Удивилась Гайяна. — У нас все поликлиники и больницы автоматизированы. Я их всегда держала в самом наилучшем состоянии. Действуют. Не сомневайся...

— А тебе нужно подлечиться? — встревожилась она.

— Ну... Не только мне бы... — смутился Василий. — У меня тут слегка гастрит... Давний. Ещё с университета.

Гайяна прищурилась.

— А тебе разве не делали чистку генов и модернизацию с оптимизацией обменных процессов? — с удивлением спросила она.

— Ну... — ещё больше смутился Василий. — В том мире, откуда мы пришли, этого ещё не додумались делать...

— Так давай я хоть прямо сейчас! Сейчас транспорт вышлю и через час уже будешь в лучшем виде! — засуетилась Гайяна.

На Василия надавил страх. Ему вдруг вспомнились целые табуны американских фильмов про чернейшее предательство и обман. Но желание стать суперменом (а он не сомневался, что после этого он как раз и станет суперменом) пересилило страхи.

— Давай! — решительно сказал он и поднялся из-за стола.

Собеседница тоже поднялась. Обхватила плечи руками посмотрела на улицу. Там как раз тихо, и без звука подкатился экипаж. Весь в цветах и фигурных барельефах.

— Он что, из золота? — с подозрением спросил Василий.

— Нет. Просто покрытие золотом. Ведь этот металл очень устойчив к коррозии. И для тех, Ушедших, его цвет был очень приятен. Говорили — Свет Солнца.

— У-у! А не дорого?

— В смысле энергоёмкости затрат на производство?

— Хотя бы так... да.

— Нет. Не дорого. Мои технологии собирают металлы по атомам из окружающей среды. А также и все остальные нужные элементы. За два тысячелетия функционирования накопилось много. И в запасах отложилось.

Василий чуть не подавился своим языком. Девушек не принято спрашивать о их возрасте. Но тут додумать было элементарно. Выходит Гайяна... имеет возраст в две тысячи

лет!!! Но сама фраза «в запасах отложилось» подразумевали просто немислимые накопленные богатства в виде того же золота, платины и прочего.

«Ну чё, птенчик! — сказал сам себе и просебя Василий. — Ты хотел очень большого богатства, чтобы осчастливить свой мир? Вот оно!».

Но что он ещё понял, так это болтовнёй пытается отодвинуть необходимое действие. Василий мысленно обругал себя нехорошими словами, с благодарностью кивнул Гайяне и вышел навстречу транспортному средству.

* * *

Когда он вернулся на «базу» он разве что не подпрыгивал от переизбытка энергии. Григорий, сидящий за контролем и параллельно режущийся в шахматы с компьютером, глянул на него изрядно скептически.

— Ты чё, брат, «на грудь» там принял? А ну колись! И вообще винцо там как — очень выдержанное?

— Всё это фигня! — заявил Василий.

— А что не фигня? — уже ёрнически спросил Григорий.

— А как тебе вот это?

Василий подошёл к столу, взял монтировку и... голыми руками, просто согнул её в дугу. Если просто сказать, что Григорий охренел — это ничего не сказать!

Когда Василий рассказал что он сделал, как это было и что получилось, Григорий долго молчал. В нём боролись два чувства — опасения и, что греха таить, — зависть.

Раньше всегда было так, что он защищал Васю, а Вася прикрывал Гришу там, где он был слаб — в сугубо интеллектуальных областях. Потому Григорий и закончил школу без троек, что братец пыхтел, вытаскивал его каждый раз, когда он по той или иной причине отставал по естественным наукам.

Дальше, в их паре, Василий всегда был мозговым центром. Всё, что относилось к ловкости и силе — было на брате. И «симбиоз» этот настолько устоялся, что когда это равновесие пошатнулось, Григорий почувствовал обиду. Как будто его предали. По здравому размышлению он понимал, что это неправильно. Поэтому, для начала отбредавшись что типа: «Понаблюдаю» он долго размышлял.

Наконец, таки решился. И пошёл сам. Как он выразился «на правёж».

Когда Григорий вернулся, на его физиономии блуждала блаженная улыбка. Но вдобавок он шёл насвистывая мотив известного немецкого военного марша: Дойче солдаты унд дер офицеры....

— Братец! Ты охренел, ошизел и вааще! — с упрёком кинул Василий. — Если ты говоришь, что я типо-упился, то ты возвращаешься оттуда как обдолбленный!

— Нда?!

— Да!

Григорий хмыкнул.

— Это как понимать твои нацистские песенки? — настаивал Василий.

— Просто! Хочу попасть на Великую Отечественную и намылить холку всему Вермахту! Как в АИшках...

— Ты точно обдолбился! — уже откровенно заржал Василий.

Меж тем Григорий подошёл к столу, на котором так и лежала согнутая монтировка. Взял её в руки, пару раз подбросил в воздух и... разогнул. Посмотрел на братца. Но с некоторым огорчением обнаружил, что на него сия демонстрация не произвела никакого впечатления.

* * *

Следующую неделю Василий торчал в том мире почти круглосуточно. Ненасытная жажда познания захлестнула его. Он торопился узнать как можно больше про Ушедших.

Про мир вообще.

После, когда он выполз-таки в свой родной мир, рассказ у него получился на удивление коротким.

— Понимаешь, Гриша... Этот мир, очень сильно отличается по истории от того, что есть у нас. Тот язык, что мы знаем сейчас как «Общий» — вообще санскрит. Смекаешь что это значит?

— Да... Я припоминаю кое-что из того, что ты мне рассказывал... Гм! Выходит тут и развитие цивилизации пошло по принципиально иному пути и финал у него больше... так сказать «восточный»?

— Не совсем так! Индийские понятия «нирваны» тут никак не относятся к делу. Также и всякие другие буддистские заморочки. Всё-таки этот мир был переполнен наукой.

— Ну а для нас что главное?

— Для нас главное, что их опыт выгребания из дерьма нам категорически не подходит. Гайяна вообще говорит, что наш случай «какой-то жутко злокачественный». Это она о наших горячо любимых амерах.

— Так и что, наша идея начать сюда людей переселять потихоньку...

— Никуда не годится! Нам надо, как ни печально, но самим всё у себя исправить. Если мы приведём людей на готовенькое, они просто... Сгниют заживо. Превратятся в свиней, которые будут только лежать по диванам и жрать, жрать, жрать... Потому, что «потреблятельство» их кредо.

— Но тогда... Если выбирать нормальных людей...

— Опять ничего не выйдет. Мы здесь, возможно, сделаем некий рай. Но кто поручится, что эти нормальные люди, получив всё даром не скурвятся, и не впадут в то же самое «потреблятельство»?

— Гм... Да! Никакого. То есть ты хочешь сказать, что мы...

— Мы должны пройти свой путь.

— Как-то печально звучит... И что будем делать?

— Хе! Вот что я придумал....

В следующие дни, ушли на то, чтобы составить самое подробное техзадание.

— Если мы должны пройти свой путь, то, следовательно, самое первое, что мы должны сделать для своего мира — это уберечь его от гибели.

— Крутой замах! — начал ёрничать Григорий. — МЫ! ДОЛЖНЫ!! СПАСТИ МИР-Р!!

— А что делать? Если у нас есть такие возможности. То и исходить надо из них.

— Ты сначала, легализуй эти самые возможности... — резонно возразил Григорий. —

причём так, чтобы эти возможности у тебя не отобрали.

— А это значит, что у нас должна быть некая собственность, которая была бы... — Василий, слегка потерялся, поэтому просто махнул рукой и начал описывать задумку.

Просто так перетащить что-то в наш мир и установить его здесь — это подвергнуть опасности и себя и то, что мы сюда перетащим. Опасности захвата «лихими людьми».

А что нам тут прежде всего нужно?

Технологии!

Это значит, что мы должны сюда притащить документацию на эти технологии. Так как «в бумаге» это будет сотни и тысячи тонн, то единственное решение тут — в электронном виде. А это нехилых размеров комп. Правда, если исходить из технологий того мира, он получится не такой большой, но... Всё равно ему понадобится и защита и сокрытие от лишних глаз.

Где его легче всего спрятать?

В параллельном мире.

На суше то как сделать?

На суше это проблематично по той причине, что могут грубо сесть на хвост и проследить. А после залезть в тот мир.

Следовательно, где у нас есть такие возможности, чтобы проследить нас было особо проблематично?

В море!

Следовательно нам нужна яхта.

— Быдымц! А как ты её зарегистрируешь?! — тут же бросил реплику Григорий.

— Ну это уже мелкие технические трудности. Если мы имеем ресурсы этого, покинутого мира, мы можем смостырить в виде ценности что-то и продать как своё или «найденное сокровище».

После просто суём взятку или просто покупаем тут яхту и меняем её на ту, которую сделает нам Гайяна.

— Гм... А как ты её думаешь тащить по суше в лес, а после пропихивать в ЭТУ дыру? — насмешливо спросил Григорий.

— А я и не буду ещё СЮДА тащить!

— А как тогда?

— Просто! В океане есть множество таких узловых точек. И, что для нас особо ценно, они такие, что там можно раскрыть такое окнище, что в него не только яхта — амерская АУГ вся целиком пройдёт!

— Что-то мне это напоминает...

— Бермудский треугольник. Ага. Но это к делу не относится.

— Как так не относится?! — возмутился брат. — Ты прикинь! Берём АУГ и закидываем их к динозаврам! Пускай там с ними трахаются!

— А как ты к ним близко подойдёшь? — насмешливо спросил Василий. — В океане. Где они ежесекундно в готовности и разгоняют по своему курсу следования даже лодки!

— А что, только с близости оно должно...

— Ясное дело!!!

— Жаль! — тут же скис Григорий.

— Ну так вот... — вернулся к «исходным баранам» Василий. — яхта для любых средств будет тогда, просто неуловимой — при опасности или приближению какого-то хмыря, она

просто будет уходить в параллельный мир. Ну... эдакий «Летучий Голландец». Однако с неё мы можем получить всё, что угодно.

— Хе-хе! А название мне нравится!

— Мне тоже. Только если так назовём реально — «не поймут».

— Так мы можем написать сие на местном Едином...

— Да... Так и сделаем! Но... что-то надо будет всё равно написать для регистра...

— Напишем! Не переживай.

— Так... а какова будет оснастка этой яхты? Если она автономная должна быть по идее, то... что, она атомная будет? С атомным движком?!!

— Типа того.

— А мы не... того... не облучимся?!!

— Не! Всё учтено. Там какой-то «супермикротермояд». И всё излучение утилизируется.

— Нихренассе!

— Ну дык! Где мы, а где они!.. Кстати я всё-таки планирую сделать её и парусной.

— А это нахрена?!!! Ведь она атомная!

— А ты представь себе, что попадает она куда-то, где есть парусники, но нет ещё пароходов. Ну, хотя бы мы решили помотаться по тем временам и мирам! Как там посмотрят на посудину, которая движется без вёсел и паруса? Да нас тут же на костёр отправят, как только мы к ним на берег сойдём или приблизимся.

— Ну, разве что так... из таких соображений. — Согласился Григорий.

— Итого: Яхта... Что-то типа «Maltese Falcon»...

— А это что за «зверь»? — тут же прицепился Григорий.

— А вот это! — сказал Василий и показал на компьютере.

— Яхта, где почти всё автоматизировано. Даже постройка и убирание парусов. Три мачты. В отличие от обычного прямого парусного вооружения пять парусов каждой мачты яхты «Maltese Falcon» по-сути объединяются в один и действуют как единая аэродинамическая колонна. Таким образом, получается три паруса каждый площадью по 800 м'. Такое устройство парусов обладает повышенной эффективностью, поскольку в отличие от обычного рангоута, мачты которого создают высокую турбулентность, паруса супер-яхты вынесены вперёд и полностью перекрывают мачты. При сворачивании паруса наматываются на оси внутри мачт. Мачты имеют форму конуса с максимальным диаметром 1,3 метра; на каждой мачте по шесть рей, выполнены из углеволокна, закреплённых на кронштейнах в двух метрах перед мачтой. В вертикальном положении каждую мачту удерживают два полутораметровых подшипника, которые позволяют мачте вращаться на 180 градусов...

— Па-анятна! — остановил Григорий словоизвержения Василия. — Далее!.. И я понял, что издали выглядит «*примерно*» привычно на взгляд человека, привыкшего к парусным судам.

— Гайяна выполнит всё, естественно, на своих технологиях...

— Ага... И он ещё будет летать, как тот самый из мульты «Корабль призрак»? Со скрытыми ракетными установками и тэ дэ и тэпэ?

— Ну... Типа того, только без полётов!

— Вах! Успокоил! А то, блин, не люблю высоту и летать! Сронют исчо блин-н! — коверкая слова снова начал ёрничать Григорий.

— А ты не выделяйся! — хмыкнул Василий. — что-то же надо делать! А полагаться

на прочих — это заведомо будет знать весь мир и очень скоро. И о переходах между мирами и о Гайяне... А это песец! Ведь первыми, кто сюда ломанётся, — зуб даю! — это не наше правительство.

— Ладно-ладно! Завёлся! Я сам могу тебе, на эту тему, на пару суток лекцию запузырить. Бу-га-га-га!

— Но если эта яхта будет постоянно в море, — резко перейдя на серьёзный тон, начал Григорий, — как мы на неё будем попадать, в случае надобности?

— Моторной шлюпкой.

— А она там поместится? — скептически скривился Григорий.

— Там небольшой вертолёт поместится....

— Э-э-а...

— Ну не вертолёт, а чё-нить более технологичное из мира Гайяны. А шлюпка будет обязательно.

— С атомным приводом? — картинно подкинулся Григорий.

— А то-ж!

— И с соответствующим вооружением?

— Ясно дело! И яхта тоже!

— А как пополнять боеприпасы? — тут же скривился Григорий, думая, что поймал Василия.

— Боеприпасы будут самопополняющиеся. — огорошил брат.

— Это как?!!!

— А какая разница, что в цель попадёт — стальная болванка, или разогнанная до скорости три-четыре маха ледышка из воды, охлаждённая почти до абсолютного нуля?!

— Ни-фи-гас-се! — изумился Григорий. — А эта ледышка, она же хрупкая...

— Не! На низких температурах и при соответствующем составе воды — твёрже марочной стали.

— Ахренеть! А! Слуш-шай! А может найдём мир, где 1904-й и расхреначим эскадру Того? Этой нашей «мирной яхтой»?

— Ты подожди! Нам ещё её надо сделать.

— Точнее не нам, а Гайяне... Так она, я уверен, её за день смострячит!

— Вот тогда и подумаем!

— Но вообще... — вдруг резко поменял тему Григорий. — объясни мне: чего мы это так ломимся в открытую дверь. Так сложно всё делаем. Что нам стоит понаделать тут, у Гайяны тучу «Терминаторов» и прийти с ними к нам сюда. И раскатать нахрен всех врагов?

— Объясняю на пальцах и по второму разу. — озлился Василий.

— Во-первых, — начал он «рубить» менторским тоном, — мы получим то же самое, что и просто всех переселить сюда. Во-вторых, даже если мы просто изничтожим всех врагов... Кто будет править? Ты?

— Например, я! — тут же с апломбом заявил Григорий.

— Ага. А я при тебе буду Дарт Вейдер? Да?

— А чё? — прищурился брат. — хорошая кандидатура! Ты только правильно выучись говорить «Да прибудет с вами сила!». И всё путём.

— Не ёрничай. Я серьёзно. Ведь для того, чтобы править, нужны кадры. Даже для страны нужны тысячи. Причём спаянных одной идеологией, идеей. Какие-никакие, но единомышленники. И второе, чтобы люди уважали и признавали твою власть. И если ты её

взял грубой силой, ты при любом раскладе — их враг. Захватчик. Окупант. И долго ты не просидишь. А если просидишь, то тебе беспрерывно придётся убивать, убивать и убивать тех, кто будет пытаться свалить твою власть.

— Гм! Предполагается ещё и «в-третьих»?

— Да. И это главное. Гайяна ни за что не согласится делать армию роботов-убийц. Мораль не та.

— Вот блин! А я забыл, что она у нас как-бы «Антискайнет».^[2] Мог бы с этого начать. А остальное не упоминать.

— Мог бы. Но что-то мне подсказывает, что нам понадобится это знание потом.

— Интуиция?

— Как хочешь это называй. Но я ЗНАЮ!

— И всё-таки, братец, у тебя нестыковка в логике... — сказал внезапно хитро прищурившись Григорий.

— Это ещё где? — недовольным тоном в свою очередь спросил брат.

— Ты говоришь, что Гайяне не позволяет мораль и этика клепать армию роботов, для завоевания мира.

— И что?

— Так ведь если не позволяет, то почему она нам на яхту готова поставить оружие?

Василий фыркнул.

— Армия роботов предполагает массовые жертвы. Это — против её морали. А оружие самообороны на яхте — нет.

— Но ведь и в том, и в том случаях будут гибнуть люди! — возразил Григорий.

— Я понял, к чему ты клонишь. Но дело в том, что это — увечная философия и типичный идиотизм нашей интеллигенции.

— «Слезинка ребёнка»! — как приговор бухнул Григорий.

— Именно. И... Кстати, оружие там будет поставлено очень эффективное. Несмотря на небольшой калибр.

— А поподробнее...

— Представь пушечку, типа твоего любимого крупнокалиберного пулемёта. Но, стреляющего снарядами с начинкой из геля. Гель — жидкий водород, с наполнителем, который и делает его гелем. Попадая в цель, снаряд раскрывается и распыляет водород по объёму. Дальше — зажигание и БАБАХ!!!

— Ох, ты ж блин!!! Объёмный взрыв! Это что получается, что если калибр будет двадцать...

— Двадцать пять.

— ...То он будет долбить как стамиллиметровая гаубица?!

— Больше. Водород, всё-таки. Умножай на двадцать.

— Класс!.. Но я не понимаю, как этот снаряд, в полёте не испаряется... Ведь если три-четыре маха, то перед ним будет ударная волна с очень большой температурой. Он же будет испаряться!

— Будет. — невозмутимо согласился Василий. — Но ты забыл эффект абляционной теплозащиты.

— Чито-то припоминаю... Это когда оболочка испаряется, и тем самым защищает сердцевину?

— Оно.

— Ну совсем класс!!! Сейчас даже у амеров такого нет... Но... А чего бы Гайяне не поставить что-то такое, чтобы совсем небывалое?

— Другие виды гораздо более энергоёмкие. А тут, в этом варианте, можно использовать для того, чтобы и от пиратов отбиться, и даже от воздушного нападения. Главное что материал для патронов всегда будет под днищем корабля. А! И ещё не сказал... Там способ выстрела — вообще ПЦ!

— Чё такое?!!

— Электромагнитная пушка, использующая эффект сверхпроводимости. Ведь снаряд подаётся охлаждённый почти до абсолютного нуля! А это значит, что ещё одна фишка: стрельба бесшумна. И можно разгонять снаряд до скоростей хоть в три, хоть в десять маха. И это значит, что простреливаться будет до очень больших высот. Ну а скорострельность — ваще! Бортовой залп линкора за секунду собьёт и в порошок сотрёт!!!

— Вместе с линкором сотрёт?

— Может и вместе с линкором.

— Вот теперь я совсем спокоен за судьбу нашего предприятия! Когда идём топить Того? — с преувеличенным энтузиазмом заявил Григорий.

— У, блин! — взвыл братец. Но потом просто махнул рукой. — Ты АИшки на Самиздате перечитал, братец.

— А то-ж! — гордо выпятил грудь Григорий и стал загибать пальцы.

— Дойников — о «Варяге» и Того — как его победить. Коротин — тоже о кораблях. Михеев — аналогично... Да дохрена народу пишет! Чего бы нам за пример не взять? Заодно и свою «пирог» в деле испытаем!

— Угу! — задумчиво сказал Василий и оскалился. — А также там есть Олег Пономаренко с его космической программой. Однофамилец наш, блин!

— Вот-вот! И его тоже за пример возьмём! «Хрен-ли нам, быкам...!».

— Мда! — вякнул Василий и не нашёлся что сказать.

Вообще, Василий, когда формулировал задание для Гайяны, сформулировал его достаточно широко. Обговорив особо лишь сопряжение с протоколами связи и программами своего мира.

Гайяна поморщилась, когда ей принесли «на освидетельствование» ворох дисков «От Майкрософт».

На вопрос, чем не нравится, она ответила в своей обычной прямолинейной манере.

— Очень примитивное программирование. Причём выполненное на двоичной, а не на троичной логике. К тому же в операционной системе есть закладки. Очень нехорошего свойства... Хорошо упрятанные.

— Упс! Я всегда знал что янкесы сволота! — тут же выдал присутствовавший при разговоре Григорий.

— А можно распечатку этих закладок с комментариями? На нашем языке. Хочу нашим спецслужбам отправить. Впрочем не на бумаге, а на диске. Но файлы в формате pdf.

— Сделано! — невозмутимо сказала Гайяна и скромный робот тут же вручил только что испечённый диск.

Григорий хищно улыбнулся.

— Вот, Вася! Мы уже начали активно помогать державе! И это хорошо-о!

— Но всё наше как, будет сопряжено?

— Уже сделано! — улыбнулась Гайяна.

В следующие несколько дней Василий таскал из нашего мира в мир Гайяны накопители. Со всеми доками и прочими материалами, которые считал нужными иметь в информационной системе яхты. Григорий на это только плечами пожимал. Но всё внезапно закончилось в самый неожиданный момент.

И был он очень пугающим.

Однажды, зайдя к Гайяне, Василий обнаружил, что на его «переводчике», который также мог быть использован и как коммуникатор, вдруг появились новые знания. И эти знания о языках его собственного мира.

Французский, английский, немецкий, итальянский, испанский, японский, китайский, арабский... И ещё много каких языков.

Но то, что они были именно земными, он очень быстро убедился просто подключившись к радио и теле передачам Земли. С переводчиком он понимал все и всё.

С интернетом была та же самая история. Иероглифы как японские, так и китайские, читались как родные.

Обнаружив это, Василий тут же ринулся в переход, где он немедленно столкнулся с Григорием.

— А ты чего туда? — ревниво спросил Василий.

— Да так... Тоже решил компы яхты загрузить. Своим. — слегка удивился Григорий.

— И что это «своё»? — подозрительно спросил Василий.

— Да так... Оружие.

— Да уж! Кому что, а вшивому баня!

— А ты чего подпрыгиваешь? — заметив обеспокоенность спросил Григорий.

Василий в двух словах описал что обнаружил.

— Могу сказать, — тут же заявил Григорий, — что никаких таких языков я ей не подгружал.

— Тогда что это?

— Может она изучила их по нашим передачам?

— Через нашу открытую «форточку»? — скептически скривился Василий?

— А почему бы и нет? Что-то где-то ухватила и...

— Курочка по зёрнышку... — улыбнулся Василий

— Йа-йа! Курочка по зёрнышку — весь двор в дерьме!

— Но меня смущает слишком большая детализация знаний. Такого ни в каком интернете не встретишь.

— Это почему же?

— Объём просто охрененный. Как будто от реального носителя языка получено.

— Ага... Понял! — сообразил Григорий и то, что он сообразил ему не понравилось. Это можно было объяснить тем, что кто-то ещё залезал в мир Гайяны. И если по количеству языков считать, то как бы не целая делегация из представителей разных наций. Если не скопом, то по отдельности.

Для разговоров с Гайяной, они облюбовали здание местного университета. Так что в первую очередь туда и побежали.

— Гайяна! — сразу начал Василий после обычных приветствий. — В твой мир ещё кто-то за последнее время приходил?

— Да. Совсем недавно пришла ещё одна представительница человеческого рода. Но она

не из вашего мира. Я хотела вас познакомить...

Братьев продрало от этого известия. Ведь если кто-то прошёл через свои двери измерений, то вывод был однозначный — это представитель цивилизации никак не менее развитой, нежели их собственная. А возможно, что и более развитой.

— Кстати, вот она! — неожиданно заявила Гайяна и кивнула за спины братьев.

Братья обернулись.

У входа в зал, стояла дама. Лет двадцати пяти. И очень заинтересованно, хоть и холодно, разглядывала их обоих.

Что сразу бросалось в глаза, так это наряд дамы.

А нарядец был в самую пору какой-нибудь восточной принцессе.

На ногах что-то типа сандалий, сверкавших так, что казалось сами ступни светятся. Ноги в золотистого цвета носках, с зелёными полосками из растительного орнамента. Их закрывали, плотно перехваченные на щиколотках, штаны-шаровары зелёного цвета, с золотым орнаментом.

Платье до колен, с богатой, золотой вышивкой, и глубокими, до бёдер разрезами, имело наплечники чуть выдававшиеся за пределы плеч. Причём на этих плечах, был ещё какой-то симметричный то ли орнамент, то ли ещё что-то отдалённо напоминающий погоны у военных. Грудь это платье полностью закрывало, по самую шею, но сама шея была открыта, и на ней висела толстая цепь с каким-то не менее массивным медальоном.

На голове то ли тиара, то ли диадема. Так как братья в таких тонкостях не разбирались, то каждый про себя назвал её «короной».

Корона обхватывала каштанового цвета гриву волос, сзади лишь слегка прихваченных какой-то то ли брошью, то ли ещё чем-то, напоминающим браслет с зелёными камнями по краю.

«Восточность» облика подчёркивалось смуглостью кожи и тонкими чертами лица больше именно восточного, чем европейского типа.

Когда дамочка двинулась по направлению к братьям, даже в шаге её сквозила надменность и властность.

«Ни дать ни взять принцесса!» — подумал Василий, настороженно разглядывая гостью. — Рост примерно, метр семьдесят пять, метр семьдесят восемь.

Под её взглядом даже всегдашняя дурашливость Григория слетела и заменилась на не менее надменное выражение прожжённого служаки. Даже челюсть слегка выпятил.

— Приветствую вас! — также надменно бросила гостья. — Я, принцесса Натин, княжество Аттала, мир 23-568-499-12. Прогрессор университета «Альтаир». Мир...

И ещё последовательность цифр, которая ничего ни Василию, ни Григорию не сказала.

Но что они поняли сходу, — перед ними представитель могущественной и далеко ушедшей вперёд цивилизации, которая шастает по мирам и занимается прогрессорством. Как она среагирует на Землян — тоже было загадкой. И ни Василию, ни Григорию что-то ну совершенно не горело её прояснять.

А ну-ка эта дамочка возьмёт их и «упакует»?! Куда-нибудь типа их тюрьмы. Чтобы не рыпались и не нарушали их «канонических схем» в поднятии «отсталых цивилизаций». А свободой оба очень дорожили.

«Вот-те здравствуйте! — подумал Василий. — принцесс-то мы тут не заказывали!».

Глава 4

Вихри враждебные...

По порядку, стоило представиться и братьям.

Григорий ещё больше выпятил челюсть и заявил.

— Я, Румата Эсторский! Это — он небрежно кивнул налево, в сторону брата, — Васса. Мой брат.

При этом его надменность, казалось стала вообще запредельной.

— Университет Арканар. Исследователи. Разведка и картография миров.

По видимому, апломб заявления несколько сбил кураж с принцессы.

— Мне неизвестен мир, с университетом Арканар. — уже осторожно и неуверенно заявила она. — Не могли бы вы привести координаты по сетке линий вероятности?

Григорий перед этим очень хорошо усвоил от брата одну очень простую вещь: миров в линиях — около триллиона.

Если не ещё больше. В десятки раз.

И пересекаться их представители могут очень слабо. Так что и встречаться они могут редко. И о существовании друг друга они могут только предполагать.

— Как я понимаю, наши эмиссары ещё не пересекались. — нагло соврал Григорий. — мы пока что изучали этот мир. Пока вы не появились здесь.

— Понимаю. — тут же обрела прежнюю надменность и самоуверенность принцесса. — Вот сетка(в голове, явно переданное через Гайяну и «переводчик», возникло знание). И координаты моего мира(цепочка цифр). Явитесь там в Координационный Центр Миров. Но здесь вы нежелательны!

Последнее было сказано таким тоном, что подразумевало лишь один смысл: «Я вас выслушала, а теперь пошли вон и быстро!». Григорий, изобразив некоторые удивление и недоумение, вынудил Натин пояснить.

— Я нашла этот мир и он близок к нашему. Он нам очень нужен для осуществления наших целей и проектов. Вы — издалека. Следовательно, вы здесь персоны нежелательные.

(Ага! Типо моё и не отдам!)

Григорий пожал плечами, показывая что он это всё «принял к сведению».

— Кста-ати! — вдруг резко сменил Григорий язык общения на русский — А нельзя ли поинтересоваться у Вас, откуда вот этот язык? Какое отношение вы имеете к этому миру и вообще Ваши цели по отношению к нему?

Принцесса нахмурилась.

— Это запретный мир. Вам туда нельзя. — чуть ли не сквозь зубы процедила она. Видно, назойливые пришельцы её начали сильно раздражать.

— Почему? Вы его «прогрессируете»? — проигнорировав и тон и сказанное стал настаивать Григорий. Василий предполагал, что дамочка прямо сейчас взорвётся проклятиями и просто их вытолкает вназад. Но этого не произошло. Она, почему-то решила пояснить.

— Нет. Признано, что затраты и потери на его подъёме никак не оправдывают рисков. В виду этого принято решение оставить там наблюдателей и запретить его для посещения кем бы то ни было. Во избежание создания прецедентов типа Йокаита и создания военных угроз мирам Главной Последовательности.

Шпарила она как по писанному. И, похоже, это так и было. Что-то заучила, и теперь кидает в лицо братьям.

— Ясненько! — чуть насмешливо ответил Григорий всё на том же самом русском. И далее перешёл снова на санскрит.

— Очень жаль! А то мы хотели бы посмотреть кое-что да и с инфосистемой этого мира мы сдружились.

Щека у принцессы дёрнулась.

— Этот мир будет закрыт. — добавив в голос металл заявила принцесса.

— И что, так сурово?

— Это не в моей или вашей власти и возможностях! — отрезала Натин. Видно прищельцы её таки достали. — Так что убирайтесь отсюда! Впрочем...

Принцесса коснулась своего медальона и что-то в нём долго рассматривала.

— Впрочем, учитывая обстоятельства, можете остаться ещё на семьдесят восемь часов. Здесь. Но после, чтобы вас здесь не было!

Принцесса резко развернулась и вышла.

Василий, обернувшись к Гайяне, которая с печальным видом и молча выслушивала весь диалог, стоя поодаль. Впрочем, для её голограммы это не имело никакого значения где находиться.

— Извини Гайяна... — начал Василий и его голос почти сорвался. Но искин его прервала.

— Ничего... Я понимаю. Я уже привыкла. Привыкла быть одной. Я понимаю, что оставаясь здесь вы подвергаете опасности свой мир и себя. Поэтому... Я буду ждать! Вы ведь всё равно вернётесь?

— Обещаю! — сказал Василий, хотя у него такой уверенности не было.

Когда он поднял глаза чтобы бросить прощальный взгляд на Гайяну, у неё по лицу текли слёзы.

Он опустил глаза, согнулся в поклоне и направился к выходу.

— Мы вернёмся! — бодро и уверенно заявил Григорий. И от его слов Гайяна слегка воспрянула духом.

Когда они вышли на улицу, Василий оглянулся по сторонам. И кивнул Григорию. Мол отойдём.

— Слушай, Гриня! — начал он, когда они отошли за деревья парка, так, чтобы не быть видными из окон университета. — Как ты думаешь, она быстро сообразит, что мы не «прогрессоры празднующиеся», не «исследователи-разведчики» и не выяснит, что мы из того самого мира, который она объявила «временно закрытым»?

— А фигли ей соображать, если она по инфосистеме это сейчас в пару минут выяснит! Весь вопрос когда это ей взбредёт в голову — полезть и поинтересоваться у Гайяны.

— А как выяснит... — начал начал Василий.

— ... Так тут же возжаждет нас «ошкурить» и вышвырнуть в наш родной мир. Или чё похуже сделать.

— Яхту жалко! И Гайяну.

— Мне тоже.

— Что делаем?

— Тикать надо и уводить яхту в параллельные миры. Чтобы хрен нашла её, наша краля! — рубанул Григорий.

— Точно! Куда-нибудь в район наших времён начала века... Я уже вычислил. — чуть задумавшись выдал несколько неуверенным тоном Василий.

— Кайв! Того с эскадрой нас ждут! — тут же ободрился и перешёл на хохмаческое настроение Григорий. — Тогда побежали!

— Э-эх! Гайяну жалко! — застонал снова и уже на бегу Василий.

— Не переживай! У неё теперь другая игрушка будет — вот эта принцесска! — гоготнул Григорий. — Да и мы обещали вернуться!

— Когда?! — с отчаянием воскликнул Василий, но Григорий лишь отмахнулся.

Добежали до пирса довольно резво. Попрыгали на борт красавицы-яхты попутно сняв швартовы.

Василий, забегаая в капитанскую рубку бросил голосом необходимые распоряжения, и быстро подскочив к дисплею ввёл на комп координаты ближайшей точки. А она находилась всего-то в полумиле от берега. Задав курс и скорость, он вышел на палубу к Григорию, который уже успел устроиться под мачтой и с блаженной миною разглядывал морские просторы.

Но тут, вдруг, на пирс выбежала давешняя принцесса. И бежала она так, как будто за нею все черти ада гонятся. По крайней мере, ни Василий, ни Григорий ещё не видели, чтобы кто-то вот так быстро бегал.

— Заворачивай!!! — закричала дамочка, едва не свалившись в воду. — Заворачивай! Шторм надвигается!!!

Василий посмотрел на совершенно чистый горизонт и удивился. Никаких надвигающихся штормов, ни по одному из признаков никак не было видно.

«Может эта дамочка решила нас развести? На чём?! И, главное, зачем?!» — подумал Василий. Но на всякий случай решил перестраховаться и самым безразличным тоном крикнул.

— Спасибо, мы знаем.

Принцесска аж подпрыгнула и вслед уже понеслось такое...

— Идиоты! Кретины! Дебилы!

— Мы вас тоже очень любим! — ответил Василий, от чего на дамочке, казалось все её длиннющие волосы вот-вот дыбом встанут. Она сжала кулаки и от бессильной злости зарычала.

— Слушай, Вась! А чего это она прибежала? Ведь могла и по радио...

— Не могла. Радио было отключено. И вообще связь. За ненадобностью.

— А-а!

Григорий тоже помахал рукой, всё ещё размахивающей кулаками, ругающейся на пирсе принцессе, и обернулся в сторону моря.

— Пойдём внутрь. Скоро переходить. — бросил Василий.

— Думаешь...

— На всякий...

— Ну ладно!

Григорий нехотя поднялся на ноги и потащился за братом.

К этому времени, яхта, набрав что-то около двадцати узлов, лихо приближалась к точке перехода. Так как прыжок предполагался в одну из соседних линий миров, в мир, лежащий на временной шкале практически вплотную, то никаких особых казусов не ожидалось. Должно было быть то же самое море. С теми же двадцатью метрами под килем.

Василий активировал генератор прокола, вывел координаты, и нажал пуск.

Через секунду прямо по курсу яхты высветилась здоровенная арка перехода. Как хорошо было видно, за ней, и погода и состояние моря слабо отличались от той, из которой уходили. Василий расслабился и откинулся в кресле, спокойно наблюдая, как надвигается незримая черта границы между двумя мирами.

И тут...

Внезапно «переход» свернулся в какую-то жуткую, сияющую всеми цветами радуги, воронку. Мир, куда они направлялись, пропал, а вода неодолимым потоком хлынула вперёд, увлекая с собой яхту.

Что было дальше, ни Василий, ни Григорий не помнили.

* * *

— О-ооб. я! — простонал Григорий приходя в себя.

Он разлепил глаза и с трудом сфокусировал их.

Увидел потолок. Капитанской рубки. Прислушался.

Яхта слегка подрагивала разрезая мелкую морскую волну. Но ничего ещё, кроме мерного тикания работающего авторулевого не услышал. Звукоизоляция у капитанской рубки была хорошей, так что для того, чтобы услышать плеск волн, и шум ветра, надо было выйти на палубу.

Григорий заворочался и чуть привстал на локтях.

Лежал он возле большого пульта управления. У подножия. То, что на белом потолке капитанской рубки не было красных отблесков от сигналов тревоги, говорило о том, что яхта чувствует себя хорошо и куда-то также хорошо следует.

Рядом, под капитанским креслом заворочался Василий.

Он отлепил лицо от ковра и шальными глазами посмотрел на Григория.

— И чё это было?!! — были его первые слова.

— Это я у тебя хотел спросить... — недовольным тоном ответил Григорий с трудом поднимаясь на ноги.

Немного тошнило. И голова кружилась.

— Слышь... Гриня... тебе не тошнит? — спросил брат, приняв сидячее положение и прислонившись спиной к пулту. — Голова не кружится?

— Есть немного... — буркнул Григорий.

— И что это нас так приложило, что у нас сотрясение мозгов? — потирая голову кинул Василий в пространство. Но тут же вскинулся и встревоженным голосом спросил.

— Яхта цела?!!

— Успокойся! — буркнул Григорий. — Всё целое. Тревожных огней нет. Тока вот никак не пойму куда нас занесло... Горизонт чист. На радаре... На радаре тоже никаких берегов не видно.

— Если мы там, куда шли, то мы в Чёрном море... Вот тока если на радаре ничего нет... Мы что, так далеко ушли?!! Так сколько мы в отключке провалялись?!!

— Да?! — с сомнением спросил Григорий. — Ты мне не напомнишь, случаем, брат, какова максимальная глубина Чёрного моря?

— Две тысячи двести десять метров...

— Гм... Странно...

— А что?

— Под нами пять тысяч.

— Что-о?!!!

Василий подпрыгнул как ужаленный. Но тут же чуть снова не свалился на пол.

Резкое движение породило такое головокружение, что пришлось срочно хвататься за спинку кресла. Не дожидаясь, когда оно утихнет, Василий, перебирая руками по подлокотнику осторожно вполз в кресло.

Слегка посидел, чтобы прийти в себя. Потом оглядел, то, что вывела ему в сообщения умная машина.

На яхте всё было целое и нормально работало.

Сразу же из паранойи посмотрел показания радиометра. Там были даже меньше показания, нежели в родном 21 веке. Крайне незначительно. Но это говорило за то, что в этом мире атомных войн не было.

Состав воздуха тоже был нормальным.

Только под килем пять тысяч сто десять метров...

«И куда это нас занесло? — думал Василий. — Спутников — нет. Радиофон — чистый. Значит не только до 1957 года, но и до эры радио. По крайней мере в эфире не было никаких „музык“ или ещё каких-то модулированных сигналов. Ни с амплитудной, ни с частотной модуляцией».

Слегка подумав, Василий дал другое задание для компьютера — искать любые сигналы похожие на искусственные.

Тут его ждал успех. Где-то кто-то баловался с искровым передатчиком. Значит, эпоха, в которую они попали (если это вообще история Земли того образца, что он знал), где-то между 1890 и 1906-м. Это уже несколько приободряло.

Василий довольно потянулся и собрался было продолжить свои изыскания, как в рубку вбежал перепуганный Григорий.

— Слушай Василь! Тут СОЛНЦЕ НЕПРАВИЛЬНОЕ! — замогильным голосом выпали он.

Василий проморгался, собрался с мыслями и задал самый элементарный вопрос из всех, которые у него в этот момент в голове нашлись.

— Чем?

— Оно движется В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ!

— Ф-фу! — облегчённо выдохнул Василий. — Ну ты напугал!

— Так и что?! — обиделся Григорий.

— Элементарно, Ватсон! Ты только что определил, что мы В ЮЖНОМ полушарии!

— Ну и что, что в Южном?! — всё ещё не понимая, деревянным голосом спросил брат.

— Это значит, что в Северном полушарии сейчас лето. Если мы в южном полушарии, то солнце где должно быть? НА СЕВЕРЕ!! И куда оно должно двигаться? Представь!

У Григория медленно выражение лица сменилось с испуганного на обиженное.

— Мда!.. Яволь! ПонЯл! Я дурак! — деревянным голосом заявил он и развернулся на пятках на сто восемьдесят градусов.

— Слушь, брат! — кинул ему реплику в спину Василий. — Сообрази что-нить пожрать на камбузе, пока я тут вожусь с определением местоположения...лёгенькое. А то... Сотрясение мозгов таки.

— Ладна! Определяйся. Что-нить соображу.

Кстати, чисто по компасу они шли сейчас на северо-запад. По рельефу дна определить местоположение пока не представлялось возможным, хотя таковая карта имелась. Нужно было пройти достаточно много, чтобы накопилась информация и можно было сопоставить.

Пока чесал в затылке и рассуждал, пришёл Григорий с небольшим столиком на колёсах.

— Ну как? Что-нибудь ясно?

— Ну... Мы кажца в эпохе между 1880-м и 1906-м. В южном полушарии. Ни широту, ни долготу пока определить не судьба.

— А как же это делали в старину? — удивился Григорий доставая из столика скромную еду. — Ну там с секстантом...

— Чтобы так определять, нужно знать точную дату, и время по Гринвичу. Тоже точные. Тогда определишь. А так — ждём ночи.

— А зачем ночь ждать?

— По звёздам, определяться будем.

— А-а!

* * *

Ночью окончательно определились с широтой. Оказалось, что находятся они всего в одиннадцати градусах южнее экватора. И что это не чужая планета.

— Ну нихренассе как нас... занесло! — сказал Василий, определившись по знакомым созвездиям и созерцая ни разу не виданные им южные.

— А что? Что необычного?

— Необычно всё в том, что должны были выйти в Чёрном море, если мы прыгали с Чёрного моря. А тут — хрен знает где. То ли в Тихом океане, то ли в Атлантике, то ли в Индийском...

— И чё теперь делать?

— Та идём как шли! Северо-запад? Пушай так и будет. Куда-нибудь упрёмся.

Но, на радость обоим братьям, уже через сутки, набрав статистику, комп яхты точно однозначно определил их местоположение — Атлантика.

А раз так, то яхту развернули строго на север. И так как оба изнывали от неведения куда и в какие времена их занесло, увеличили тягу двигателей, Да ещё и паруса поставили.

Впрочем, паруса поставили не для скорости, а так, для маскировки. Мачты на яхте были убирающимися если нужна была не маскировка, а скорость. Но тогда очертания у судна были бы очень необычными для этого времени. Впрочем даже и для века двадцатого.

Где-то на третий день пути попался какой-то корабль.

Сначала его засёк радар. Отметка была чёткая, так что чисто из любопытства решили завернуть и посмотреть кто. Судя по курсу — возврат в Европу, из Южной Америки.

Ещё через некоторое время стал виден и сам корабль. Вполне себе парусное судно, с красивыми обводами. Клипер.

— Торгаш, наверное... — с сомнением высказал предположение Василий. Но Григорий был озабочен другим.

— Слушай... А это не слишком ли сильно отличается от нашего мира?

— Чем? — лениво спросил брат, разглядывая изображение на экране выведенное с

телескопа на топмачте.

— Ну... В это время, если это тысяча девятисотый... Уже должны быть железные суда и под паром.

— Почему же? У нас такие до сих пор плавают. Даже встречал в интернете снимки парусников вполне промыслового назначения. А тут... Даже преимущество у этих есть. На уголь тратиться не нужно.

Но тут Григорию пришла мысль, от которой подбросило их обоих.

— Слушай, брат! — начал Григорий противным, скрипучим голосом. — А ты не подумал, что у нас тут проблема... С бумагами.

— Какая? — не сразу сообразил Василий.

— Элементарно Ватсон! — вернул Григорий Василию обидную фразу. — Представь себе, что заходим мы в порт, а там что у нас в первую очередь потребуют? Документы!

— Блин-н! — тут же схватился за голову Василий.

— Бубликом! — передразнил Григорий.

— Чё делать? — спросил Василий обескураженно воззвись на брата.

— А чё? Давай у тех гавриков документы «на проверку» попросим!

— А если не дадут?

— Так мы потребуем! Фигли мы тут изгилялись с вооружениями?!

— Гм! — у Василия на лице проявилось хищное выражение и он тут же положил курс на перехват.

Судно было испанским. И вблизи выглядело не так красиво, как издали. Сейчас, метров с двухсот, было видно, что судно уже довольно старое, обшарпанное. Да и команда не производила впечатления чего-то чистого и опрятного.

Про команду же можно было судить прямо и непосредственно, так как на палубу той «Санты-Марии-дель-чего-то-там» высыпали как бы не все, кто не был на вахте. И пялились на невиданное чудо. А посмотреть было на что.

Во-первых, если издали, ещё можно было принять корабль Гайяны за «просто парусник», то вблизи уж совершенно никак.

Во-вторых, сверкающий металлический корпус, без единой части чего-либо деревянного, практически без привычного парусного такелажа, производил впечатление суперфутуристическое.

В-третьих, поразительная скорость судна. Эту «Санту-Машку» догнали так, как будто бы она вообще стояла со спущенными парусами.

Чтобы не портить впечатление «сугубо парусного» судна, Василий убрал часть парусов, попутно уменьшив тягу гидродинамического движка яхты, уравнивая скорости.

Когда он выдал команду на убирание парусов, у испанцев чуть ли не синхронно челюсти брякнулись вниз. Ведь паруса убирались автоматически. Просто — намотались внутрь мачты, и всё. Кто-то из наблюдающих за всем этим зрелищем стал яростно молиться.

— Пройдись видоискателем телескопа по выпученным глазам и открытым ртам испанцев, Василий ещё больше сократил расстояние — метров до ста пятидесяти и бросил.

— Твой выход, Гриша!

Переодетый в ослепительно белый костюм-тройку, Григорий, сияя ослепительной улыбкой, сверкая брюликами на запонках, вывалился на палубу.

Команда «Санта-Марии» всё ещё пребывала в столбняке.

— Эй! На барже! Не соблаговолят ли уважаемые доны явить мне лик своего славного капитана? — сказал Григорий по-испански.

Команда пребывает в столбняке.

— И что? Мне долго ждать? — скривил надменное лицо Григорий.

В команде наметилось некоторое шевеление. Там вспомнили, что им, кажется что-то было сказано, и, возможно задан вопрос. Вперёд выкатился, похоже, боцман.

— Э..э. Сеньор... Вам что-то нужно?

— А что, разве так не было слышно? — напустив надменности и засунув левую руку в карман брюк, сказал Григорий.

— Говорите громче сеньор!

Григорий достал из кармана маленький микрофон, вывел громкость бортового матюгальника на «побольше» и рявкнул.

— Карамба! Там на вашем баркасе что, все глухие?

От акустического удара присел не только боцман. Пару матросов даже смело от фальшборта.

— Так слышно?! — чуть убавив громкости сказал Григорий.

Боцман мелко закивал и быстро начал креститься и бухтеть молитву.

— Так где капитан? — жёстко спросил Григорий.

И тут, резко отодвинув в сторону боцмана, появился мужик с сединой и с властными замашками.

— Что вам нужно сеньоры, и кто вы такие? — спросил капитан.

Последний вопрос у команды клипера был, вероятно, весьма насущный, так как никаких флагов, каких-либо государств над яхтой не виднелось.

Григорий усмехнулся.

— Сеньор капитан? Главное не кто мы, а что мы ищем и чем располагаем. А ищем мы преступников. Поэтому мы настаиваем на принятии представителя нашей команды на борт и досмотра ваших судовых документов.

Капитан оказался не из робкого десятка. Быстро окинув взглядом корпус яхты, и не найдя привычных стволов не только пушек, но и завалящего мушкета, он хмыкнул и заявил с изрядной издёвкой.

— А если мы этому воспротивимся и не примем? Тогда что вы будете делать? Обстреливать мой клипер ругательствами?

— Почему же ругательствами? — не менее насмешливо ответил Григорий и обернулся к Василию.

— Канонир! Шандарахни вверх, чтобы над ними взорвалось, но повыше возьми. Чтобы им такелаж не сдуло. А то вдруг сеньоры не те... А мы их потопим случайно...

Говоря это, Григорий ни на секунду не выключал громкоговоритель. Так что всё сказанное дошло до каждого на палубе клипера.

Находящийся на капитанском мостике Василий что-то потыкал на пульте. В одной из надстроек открылся люк и из него высунулось нечто... Оно даже на взгляд Григория не особо походило на пушку. Раздался резкий хлопок и высоко над клипером расцвёл бутон аэрозольного облака в то же мгновение превратившееся в клок яростного пламени.

Жёсткая ударная волна шибанула так, что даже Григорий, на палубе яхты чуть не скрючился. Удар был болезненный.

На клипере, всё-таки что-то из такелажа лопнуло. Не много, но у команды, после того,

как она слегка отошла от шока ударной волны взрыва, тут же появилось множество проблем.

— Сворачивайте паруса и ложитесь в дрейф! — приказал Григорий как только голова изрядно оглушённого капитана показалась над фальшбортом.

Спустя минуты три, по реям побежали, а точнее поползли, всё ещё не до конца отошедшие от шокового воздействия объёмного взрыва, матросы. Сворачивать паруса.

Когда катер яхты подошёл к борту клипера, там уже достаточно пришли в себя, чтобы без проблем принять на борт визитёра. Григорий поднялся на палубу и оглядел встречающих. У некоторых был страх в глазах. Но все остальные смотрели на него волком.

«Суровые мариманы!» — подумал Григорий.

Мрачный капитан, после обычных взаимных представлений, провёл его в каюту и вытащил документы. Но эта мрачность мгновенно у него испарилась, и заменилась сильнейшим удивлением, когда визитёр достал из кармана цифровой фотоаппарат и стал переснимать каждый лист тех документов, что лежали перед ним на столе.

Наконец, набравшись то ли храбрости, то ли не совладав с любопытством, капитан полюбопытствовал.

— Дон Румата! Не могли бы вы объяснить что вы делаете?

«Благородный дон» просто показал результат.

— Это такой фотоаппарат. — сообразил капитан. — Поразительно! Цветная картина!

— Просто техника. И никакого колдовства. — несколько ёрнически добавил Григорий. — Вы Жюля Верна не читали?

— Нет, благородный дон! Но мой внук — зачитывается.

— Так вот... — наставительным тоном изрёк Григорий, — многое из того, что он описал из техники — есть на самом деле. Он лишь сочинил сюжеты и лица.

— Уж не вы ли ему это рассказывали, сеньор? — ещё более осмелел капитан.

— Да сеньор капитан. Вы угадали. — «Скромно» заявил Григорий, пряча в карман заполненный фотоаппарат. — И, рад вам сообщить, что вы прошли проверку и мы теперь с чистой совестью можем принести Вам искренние извинения. Что потревожили.

— Я понимаю! — тут же с готовностью закивал капитан. — Но кого вы ищете? Может мы бы Вам могли в этом помочь?

— Гм... пожалуй нет! И называть человека, называть груз, который он тащит, тоже не можем. Чтобы не спугнуть. Так что извините ещё раз и...

Изящным жестом Григорий выставил поверх всё ещё разложенных бумаг столбик золотых монет.

— Думаю, вы примете в знак извинений эту небольшую материальную компенсацию.

Капитан тут же рассыпался в благодарностях, но столбик золота со стола исчез как по волшебству. Очевидно, что он «убедился» ещё раз не только в суровости пришельцев, но и ещё в благородстве происхождения, в богатстве, если этот сеньор, так разбрасывается настоящим золотом. А то, что золото настоящее уже можно было судить по его весу. После, конечно, капитан каждую монету попробует на зуб, но сомнений в том что это настоящее золото, практически не было.

Собственно этот жест, со стороны Григория был вполне сознательный и никакой не «самаритянский».

Денежки — чтобы капитан плыл не оглядываясь и не поминал «наглого незнакомца» нигде и никогда.

Когда они показались на палубе, команда всё также встретила их обоих хмурыми

взглядами. Только исключительно довольный вид капитана их несколько расслабил. Рассыпаясь в заверениях искреннего уважения к «благородному дону», капитан проводил Григория до трапа.

Прежде чем спуститься в катер, Григорий «милостиво» пожал руку капитану и пожелал команде добраться до пункта назначения. Объявив попутно, что досмотр проведён и претензий к кораблю и команде нет.

* * *

Чтобы «набрать статистику», а точнее образцов для подделки, напали ещё на несколько кораблей. Для этого пришлось изрядно пошарахаться из угла в угол Атлантики, барражируя поперёк основных трасс из Европы в Америку.

На большинстве обошлось без эксцессов, но на каком-то дурном пароходе-сухогрузе следующем и Ливерпуля в Бразилию вышел небольшой облом. Капитан, явно болеющий комплексом «крутизны Великобритании», попытался показать зубы и захватить в заложники Григория.

— Вы уверены с-сэр? — как заправский лорд процедил Григорий сквозь зубы, созерцая ухмыляющиеся рожи команды, вооружённой какими-то карабинами.

— Уверен! — нагло заявил капитан, но тут же об этом сильно пожалел.

— Хорошо! — невозмутимо сказал Григорий и скомандовал. — Канонир! Огонь! Сделай из этого корыта дуршлаг!

Уже в следующую секунду корабль сотрясся от серии сильнейших ударов и с палубы послышался громкий треск. Это разорвались несколько снарядов с начинкой из водорода. Над палубой. Сметая всё, что там было в море, выгибая палубы внутрь.

Корпус загудел и задрожал, принимая десятки ледышек, уже без боевой начинки.

— Вы забыли, что в мире уже есть эфирная связь, сэр! — насмешливо сказал Григорий глядя в округлившиеся от страха глаза капитана. Наверное, в его представлениях всё представало в совершенно мистическом свете.

— Так мы всё-таки договоримся, или нам топить вашу лоханку?

— Сначала мы убьём тебя! — прорычал боцман, командуя «группой захвата».

— ... И потеряете всякую надежду не только договориться, выйти с минимальными ПОКА потерями, но и вообще выжить. Вас просто расстреляют. Чтобы и следов не осталось. А акулы быстро сметут трупы и никто больше не узнает что с вами произошло.

— БРОСЬТЕ ОРУЖИЕ!!! — внезапно рявкнул он на деморализованных матросов и те повиновались. — Канонир! Приостановить обстрел!

Тут же наступила звенящая тишина.

— Итак, с-сэр! Документы вашего корабля! ВСЕ!!! И груз приготовить к досмотру!

На этот раз наглы повиновались, полностью сломленные демонстрацией силы.

Добросовестно отсняв всё, что только можно, Григорий прошёл ещё и по трюмам, прихватив с собой сканер Гайяны.

Интересная такая, штучка. Выглядит как планшет. Но показывает всё, что находится внутри ёмкостей, за стенами и т. д. Как и предполагал Григорий, в трюме, хорошо упрятанные, лежали какие-то товары, явно не присутствующие в предоставленных бумагах. Наверное, в Бразилии эти товары имеют большую цену. Но для Григория с Василием они

были совершенно ни к чему.

— Вы дурак, сэр! — бросил Григорий капитану. — Ваша контрабанда нас не интересует. Но ваша глупость вам обойдётся как бы не вдвое дороже, нежели её стоимость.

Капитан пошёл багровыми пятнами.

— Но можете быть спокойны! Мы не нашли у вас то, что ищем. И можете идти дальше.

Когда Григорий прибыл на яхту, первое что он спросил у Василия, уверен ли он, что никого не поубивал на том корабле.

— А как же! На сканере было всё очень хорошо видно, кто где находится. Так что дырявчатыми стали те каюты, где заведомо никого не было и не было чего-то жизненно важного для корабля.

— Гм! — Григорий обернулся в сторону покоцанного судна. Борта во многих местах густо-густо были испещрены аккуратными отверстиями. — Они сквозные?

— И не сомневайся!

— Писец!!!

— Ну как, достаточно нам бумаг? — задал более прагматичный вопрос Василий.

— Более чем! Пожалуй, из того, что есть можно уже свои «оформить».

— А что будем делать с этими?

— Да пусть плывут! А вот когда прибудем в Испанию, там нужно будет срочно запускать слезливую историю, как «ужасный капитан английского судна, взял в заложники владельца яхты и требовал за него выкуп, но команда доблестно отбила его у англичан, никого не убив, и отпустив их хоть и не целыми, но живыми и здоровыми... Местами... Слегка...».

— Мда...

— А чё ещё делать с этим долбодятлом?!! Он за свою контрабанду испугался. Так, если бы проявил выдержку, то и отделался бы лёгким испугом. И у нас проблем было бы меньше.

Василий покачал головой выражая сомнение, но Григорий проигнорировал. Вместо этого он полез во внутренний карман пиджака и достал свёрнутую газету.

— Вот, что надо было нам сразу же искать, а мы забыли. — сказал он кидая газету на стол. — Из даты следует, что мы попали в май 1899 года.

Глава 5

Хулиганы мирового масштаба

Сэр Арчибальд, аккуратно сложил пенсне в коробочку и откинулся в кресле. Лёгкий бриз, дувший с утра с моря развевал занавески в кабинете и нёс запахи моря, навевающие приятные воспоминания. Но не они сейчас теснились в голове престарелого торговца, всю свою жизнь посвятившего морской торговле. В том, что происходило на море было нечто неправильное. И настолько неправильное, что отдавало духом сумасшествия.

Первые сообщения о необычном судне, нападавшем на суда в Атлантике начали приходить неделю назад. Станный парусник, нападал на судно, но никого не убивал, никого не топил, и даже не грабил. Хотя, как отмечалось в сообщениях, парусник был вооружён пушками, стрелявшими снарядами с необыкновенно бризантной взрывчаткой.

Также некоторыми отмечалась и поразительная скорострельность — одна пушка могла за секунду выпустить несколько снарядов! При такой угрозе, естественно, никакой капитан не рисковал подставляться под прицельный огонь этих необычайных морских хулиганов.

А сценарий нападения был всегда одинаков: появляется парусник, он быстро догоняет корабль-жертву, а дальше следует предупредительный выстрел.

После — спектакль с проверкой документов и груза. И ведь единственное требование, которое они предъявляли к капитану судна — показать документы и груз! Только и всего!

Причём уже второй капитан, от которого получил письмо с попутным кораблём сэр Арчибальд, отметил необычный фотоаппарат, который применял досматривавший судно джентльмен. Документы зачем-то обязательно фотографировались. После проверки, сей безукоризненно и богато одетый джентльмен, обязательно извинялся и покидал судно!

И больше ничего.

Могли бы это быть происки конкурентов?

Вряд-ли.

Аналогичное послание, с описанием аналогичного же курьёзного столкновения в море, получил недавно и конкурент. Как докладывал шпион. А он из надёжнейших.

Что больше всего удивляло — документы посмотреть может любой чиновник порта. А это значит, что ничего сверхсекретного в них содержаться не могло. Всё секретное, если оно действительно есть, содержится в трюме. Среди груза. Надёжно упрятанное.

И если верить капитанам — этот господин, проверяя груз ни разу не обратил внимание на эти спрятанные тюки и ящики. Хотя, явно видел их. Но, как он утверждал, искал он не это. Хотя после, уже уходя, допускал некоторые завуалированные шутки насчёт содержимого контрабанды.

А это значило, что он прекрасно понимал что есть что. Но искал он... что?!!!

Сэр Арчибальд тяжело поднялся из своего кресла и не спеша подошёл к открытому окну. Отдёрнул занавеску и подставил лицо солённому бризу.

Ласковый ветер слегка привёл мысли в порядок. И, что главное, успокоил. Ведь использовать полученную информацию этот джентльмен не мог. По одной простой причине: когда корабль прибудет в порт — он будет разгружен. И контрабанда уплывёт оставив кристально чистыми всех, кто ею занимался. А утверждения со стороны ведь ещё чем-то надо доказать! Вещественным. Но изъятия этой контрабанды не было ни разу.

И никаких официальных лиц.

Только этот джентльмен в белом фраке...

В дверь аккуратно постучали.

Когда она открылась, на пороге показалась худющая фигура мужа племянницы.

Франт был одет по последней моде. Но не богато. Зарабатывал он себе на жизнь репортёрством.

— А, Лори! — без особого энтузиазма поприветствовал Арчибальд взмахом руки вошедшего. — За новостями для своего листка пришёл?

Вошедшего, такое приветствие явно покорило. Он собрался было ответить достойно, но хозяин примирительно махнул рукой в сторону кресла для гостей.

— Проходи. У меня как раз есть для тебя эти новости.

Услышав это, тот, кого называли Лори, склонив голову проследовал к креслу. Хозяин же прошёл к бару, достал початую бутылку шотландского виски и два бокала. Молча поставил их на столик перед Лори. Когда разлили виски и выпили, проговорили должны дежурные темы насчёт родных и близких настал черёд и новостей.

— Читал я твои статьи... И ты зря там иронизируешь. Всё гораздо серьезнее и загадочнее, чем тебе представляется. Мне только что принесли очередное сообщение о нападении. И всё также как и прошлые разы: никого не ограбили. Никого не пустили на дно. Даже никого из этих обезьян матросов не побили. Просто зашли, полистали документы, сфотографировали их и удалились. Чертовщина какая-то!

— Я уже понял, что в тех сообщениях был неоправданно легкомыслен — неожиданно покался Лори.

Сэр Арчибальд поднял вопросительно бровь ожидая продолжения.

— Сэр! В Европе появились сообщения о необычном паруснике! — с жаром выпалил Лори.

— Неужели о том самом? — тут же заинтересовался Арчибальд.

— Да, сэр! Европа воспринимает эти сообщения как любопытный курьёз. Но не более того. Ведь никто не пострадал.

— А что-нибудь более определённое?

— Пишут что парусник странный.

— Это каким образом странный? Новая конструкция? Мои капитаны что-то там бляли в своих письмах... Невразумительное. Боятся!

— Даже слишком новая. — подтвердил Лори. — Многие отмечают, что на том паруснике совершенно нет такелажа!

— Но этого попросту не может быть! — вскинулся Арчибальд.

— Я тоже посчитал это газетной уткой. Но...

— Что «но»?

— Сообщения повторяются. Из разных источников! И все как один упоминают эту деталь — у парусника начисто нет такелажа!

— Чертовщина какая-то! — фыркнул сэр Арчибальд. — «Летучий Голландец» какой-то!

Как только была завершена эпопея с изготовлением документов, Григорий резко вспомнил про свою задумку. Пришлось ещё вспомнить и свой талант брехуна и рассказчика.

Просмотрев в своё время кучу фильмов, в том числе и с захватом заложников, припомнив некоторые литературные приёмы, которые в двадцать первом веке используют писатели, чтобы поддерживать напряжение на протяжении всего повествования, он сел за

комп писать.

Он не был суперталантом. Он был просто очень опытным рассказчиком с хорошей памятью на сюжеты. И это ему более чем хватило. Так что когда они подплывали к Европе, уже была распечатана первая часть «нетленки», под названием «Бриллиантовый заложник».

Наверное, название слямзил с «бриллиантовой руки», но это уже были «мелкие детали». Ибо тут, в этом мире, такого никто не знал и близко. Кстати, в творчестве ему сильно помог комп. Так как был он не амерский, а от Гайяны, то в нём обнаружилась куча опций и свойств, которые очень сильно ускорили работу над книгой. То, на что с обычным компом уходило месяца два, тут легко делалось дня за четыре. Искон яхты, которого Григорий напряг в помощь написания книги, быстро проанализировав описанные характеры героев, уже с тридцатой страницы стал предлагать вполне конкретную правку и сюжетные ходы в рамках общей канвы повествования. Что ещё больше ускорило работу над книгой.

Нельзя не сказать, что такая помощь Григорию очень понравилась. Он быстро прикинул, что ещё неделя, и с «Бриллиантовым заложником» будет «покончено».

Слегка почесав в затылке, он достал старые-престарые детективы, и перевёл их на европейские языки. Тоже распечатал. Это было легко и заняло всего-то пару часов. И то, большая часть времени ушла на то, чтобы взять эти детективы, убедиться, что они написаны не ранее двадцатых годов, и собрать их в кучу для перевода.

И именно за этим занятием его застал Василий.

— Ты чё, тут решил печатный двор на яхте основать? — поразился он, созерцая стопки книг вдоль стен.

— Не-а! — гордо вякнул Григорий. — Ты погляди что я тут удумал!

Он взял с ближайшей стопки книгу и подал брату. Тот раскрыл, и увидел французский текст. Пролистнул дальше. Кое-где встречались иллюстрации, выполненные в старинном стиле.

И вообще, оформление страниц, тоже доставляло эстетическое наслаждение.

— И нахрена это тебе? Да ещё на иностранных языках?

— Издадим! Здесь! Заключим договорА, и вперёд. В тех странах, в которых будем останавливаться.

— А зачем?!! — удивился Василий.

— А вдруг нам сюда ещё случится наведаться? Или сами здесь прогрессорами станем?

— А ты не перегрелся? — уже ядовито поинтересовался Василий. — У нас, в нашем мире, проблем дохрена. Разгребаться хватит до конца жизни. А тут ещё этот мирок... Пупок не развяжется всё тащить?

— А если просто тут слегка «отвисать»? От дел праведных? Ты представляешь — мы сюда прибываем, а тут, уже у нас стабильный доход и бабло. Вполне легальное капает. И ничего дополнительно уже не нужно продавать.

— Не думаю, что на издании этих книг ты много заработаешь... Тут и в этом времени.

— Так, а что всегда людей привлекало? Приключения! Вот эта-то литература и будет для них в самый раз.

— Хм... Да ладно. Попробуем... Ничего плохого из этого не будет. Но, ты сам понимаешь, что мы сейчас должны просто проскочить в Чёрное море и там уже — домой прыгнуть.

— А яхту где «запаркуем»?

— В соседнем мире. Какой — видно будет. Но не этом.

— А почему? Ведь смотри какой шик: она здесь будет всегда под присмотром. И никаких подозрений.

— И то верно... — полез по привычке чесать затылок Василий. — Что-то я туплю нипадецки.

— Тогда моя идея — в самый раз.

— Пожалуй... Пожалуй и я посмотрю, что можно тут издать такого-эдакого. Что пользовалось бы спросом.

Василий развернулся и шагнул к своему терминалу.

А на горизонте уже показались Канарские острова...

* * *

Знаменитые Канарские острова, в те времена оказались жутким захолустьем. И так как сильно хотелось увидеть, как выглядел мир Земли в 1900-х, не сходить на сушу, для братьев было выше человеческих сил.

Но эта «экскурсия» не принесла ничего необычного. Такое можно найти и в двадцать первом веке. Единственно что над теми халупами, что здесь, и теми каменными строениями сейчас торчат спутниковые тарелки, и освещаются они не керосиновыми лампами, а электричеством.

Ещё люди одетые по модам тех времён. Транспорт на конной тяге. Так что больше всего было любопытно не самим братьям, а местным жителям.

С их точки зрения, яхта, на которой они прибыли и «прикид», который они продемонстрировали всем местным, был более необычным.

Именно здесь, Григорий и закончил своего «Бриллиантового заложника». Как-то его впечатлили пейзажи и вулканы, что закруглил он сюжет очень даже прилично и быстро.

Побежав по окрестным холмам и вулканам, покупавшись и поныряв на местных пустынных пляжах, братья отправились дальше.

Следующим портом, в котором они сходили на берег, оказался Кадис.

Испания.

Вот тут экзотики было побольше. Но что тут же своротило обоих братьев это вонь и грязь. Этому городу, до стерильности и прилизанности европейских городов начала двадцать первого века было изрядно далеко. Хотя, все туристические достопримечательности в виде храмов, крепостей — наличествовали. Не везде можно было просто так пройти, но всё-таки погуляли, поглазели.

Испанцы, в свою очередь поглазели на самих братьев, шатающихся по улицам в берцах, в странных пятнистых штанах, и с не менее диковинными браслетами на руках.

А именно так самые обычные часы воспринимались местным населением. Тогда даже простейшие карманные, были достоянием богатых и состоятельных.

Насмотревшись на грязь и Григорий, и у Василий, резко потеряли желание обедать даже в местном ресторане. Так что побродив по городу, и не найдя приключений, они погрузились на свою яхту и отбыли далее.

Кстати, таможеню и вообще портовых они удивили.

Если идут, как они сказали, издалека, то должны были бы пополнить запасы воды и провианта.

А эти «богатенькие», обошлись всего-то одной корзиной апельсинов...

Впрочем, не только удивили. Внимание и интерес к «странным господам» буквально читался открытым текстом в глазах всех таможенников, которых они видели в любом порту, где были. Их постоянно крутили на какие-то взятки, пытались найти какую-то контрабанду. Или ещё что-то интересное для таможни.

Но ничего найти им так и не удалось. Даже оружия. Которым яхта была насыщена.

Да, они ходили по каютам и поражались «роскоши». Пытались даже что-то втихаря стырить. Но так как тырили мелочёвку, то на это братья закрывали глаза.

И так как придраться к братьям было просто невозможно, то их просто отпускали. Даже несмотря на то, что часто сомнения вызывали документы.

Но как ни сомнительно выглядели документы, они были всегда, на взгляд таможенников любого уровня, подлинными.

К тому же эти двое вели себя так, как будто за ними стояла как минимум некая, весьма высокородная семья, род. Как минимум, герцогская. Поэтому, потёршись возле яхты, облизнувшись на видимое богатство, никто не решался попытаться что-то «откусить» у братьев больше, чем мелкая подачка.

Однако вскоре, интерес к яхте усилился.

До публики вдруг дошло, что «загадочный парусник», о котором судачили уже все газеты Европы, слишком уж сильно похож на тот, что сейчас стоял в порту Кадиса. Об этом хоть и с большой задержкой, было доложено портовому начальству.

Начальство же повело себя предсказуемо.

— От его действий кто-нибудь из испанских кораблей пострадал?

— Нет, сеньор, по нашим сведениям никто не пострадал.

— Тогда и нам до них дела нет! — отмахнулось начальство и тут же забыло про яхту.

Так они и ушли из Кадиса. С корзиной апельсинов и полные загадочности.

Той, которой немедленно «нагрузили» яхту ушлые газетчики и праздные зеваки с любителями сплетен. То, что «это та самая яхта» тут уже никто не сомневался. О чём немедленно по телеграфу было сообщено всем, кто в этом был заинтересован. То есть всей Европе.

* * *

Марсель поразил братьев ещё большей грязью.

Да. Франция.

Но конец девятнадцатого. Экскурсия была тоже — бегом. Тем не менее, Василий почти непрерывно снимал на свою видеокамеру всё, куда ни направлял свой взор. Но слава Братьев Люмьер уже успела сюда доползти через газеты. Стоило увидеть хотя бы раз, картинку, отображающуюся на видоискателе видеокамеры, как возле братьев тут же начинала собираться толпа.

Пару раз было прикольно. На третий и четвёртый, стало раздражать. На пятый, Григорий уже начал тихонечко ругаться. Поэтому после старались снимать быстро.

Более благоприятное впечатление произвела Ницца. Она как была курортом для богатеев, так и осталась. И, похоже, застройка тут мало поменялась.

Василия больше всего поразили в этой Ницце не архитектурные красоты или виды

природы. А наряды купальщиков. С точки зрения современных родных пляжников, сей наряд ничем не отличался от нормального вечернего прикида, в котором они по барам и ресторанам шляют. Даже неизмеримо более строгое. Например, дамам вообще нельзя было никак открывать ноги.

Узнав эти «тонкости» Григорий ржал как конь, а Василий, просто молча снимал окружающих людей. В «естественной» так сказать, обстановке.

Но, как ни странно, повышенный интерес публики к ним двоим и к их яхте, почему-то ускользнул от внимания братьев. Они не знали какова тут норма любопытства к вновь прибывающим кораблям, и разным экзотическим пришельцам. А то, что никто так и не решился расспросить их насчёт «они или не они хулиганили на просторах Атлантики», лишь сыграло этому неведению на руку.

Тем не менее, уже в Марселе их яхту провожала из порта взглядом изрядная толпа зевак. И то, что парусник без такелажа, да ещё без команды, которая бы ставила и убирала паруса, уже ни от кого не укрылось.

Автоматическое разворачивание парусов, у провожающих вызвало дружный вздох изумления. Но этого уже братья не слышали. И не видели.

Так как смотрели вперёд. В море.

* * *

Конный экипаж бодро скакал по бульжным мостовым Амьена, направляясь к хорошо известному, каждому жителю города, месту. Возница спешил. Потому, что спешил единственный пассажир. А пассажир был тоже весьма известен. Но не так, как хозяин того дома, к которому он направлялся.

Ровная дорога позволяла слегка расслабиться и снова вернуться к загадке, которую пассажир получил совсем недавно. С почтой.

Издатель Этцель разложив на коленях папку, с превеликим интересом созерцал прекрасно отрисованные листы с текстом. Впрочем, слово «отрисованные» в отношении того, что он видел, было натяжкой. Всё, начиная с букв, кончая графическими элементами на каждом листе текста, явно было выполнено на исключительно хорошей типографской машине. Именно типографской, так как обычная печатная машинка такого качества печати выдать заведомо не могла. Тем более, графику.

Он впервые встретился с таким оригинальным способом присылать рукописи — практически в готовом виде. Отпечатанном. Но разобранном на отдельные листы. Очевидно, для удобства набора.

Что же, весьма учтиво и экономит бездну времени на вёрстку!

Возникал даже вопрос: и зачем понадобилась этому господину э-э-э... — месье Этцель глянул на лист с истинным именем автора — Румате Эсторскому, скромная издательская фирма Франции, если они и сами, судя по выполненной печати, могли прекрасно издать книгу?!!

Тут издатель изрядно скромничал. Скромная она была лишь в его устах. А на самом деле была известна далеко за пределами Старого Света. Ибо печатала никого иного как самого Мэтра — Жюля Верна.

Но всё равно факт того, что книга была напечатана — изумлял. Да и не только этот

факт. Каждый лист был украшен разнообразными виньетками, которые, кстати смотрелись вполне органично. Делали сам текст ещё более привлекательным так как их было воистину в меру не больше, но и не меньше чем хотелось бы. Также радовали глаз прекрасные гравюры во весь лист. Видно и художник у месье Эсторского тоже не из любителей.

Месье Верн, имел очень красивый дом. В нём было очень приятно жить, но помня кто он есть по натуре, ему можно было посочувствовать. Да, дом просто замечательный. Но не иметь возможности путешествовать — это, для природы неугомонной, жаждущей приключений и новых впечатлений, конечно же тяжело. И всё из-за того, что несколько лет назад, психически неуравновешенный племянник месье Верна — Гастон — тяжело ранил его в лодыжку. С тех пор он не мог ходить. Да и болезнь, проявившаяся не так давно, легла на его плечи ещё более тяжким бременем.

Знаменитый писатель встретил Этцеля в своём кабинете.

После бурных приветствий издатель осторожно, из вежливости поинтересовался здоровьем месье Верна. На что тот понурился.

— Увы, увя мой дорогой друг... Проклятая болезнь меня изматывает. Зрение от меня уходит. И всё труднее, и труднее писать...

Жюль Верн прищурился и пристально посмотрел на толстую папку, лежащую на коленях издателя.

— Я так понимаю, это гранки моей книги? — вежливо поинтересовался Верн. — Что-то не так?

— Нет-нет! Всё так... У Вас всегда всё замечательно. Но это не гранки Вашей книги. Это чужая книга и именно из-за неё я приехал к Вам.

— Очень любопытно! Если вы приехали ко мне из-за какой-то книги, да ещё не моей, надо сделать вывод, что... Она чем-то вас очень сильно удивила или даже поразила. Впрочем, это даже по вашему лицу, месье Этцель, видно.

Оба расслаблено рассмеялись. Верн удачно поддел Этцеля.

— Вы правы. — отозвался Этцель. — книга поразительна. И она очень напоминает Ваши произведения. Книга набита множеством научных фактов и удивительных технических изобретений. А герои этими изобретениями пользуются так, как будто всю жизнь ими пользовались. Да ещё на ходу придумывают и осуществляют новые... Но не это меня потрясло.

— Очень рад, что у меня нашлись-таки талантливые последователи. Однако полагаю не это главное, если вам пришлось покинуть Париж. Что-то с книгой всё-таки не так!

Месье Верн как всегда был проницателен. Не зря отец, проработавший с ним на ниве издательства всю жизнь, так им восторгался.

— Но этот месье Эсторский... — попытался объяснить Этцель. Он поразительно сильно, ярко, талантливо развил Вашу мысль! Ту, что вы заложили в самую основу «Робура-завоевателя», «Флаг Родины»!

— Это какую мысль? Я их там много... — рассмеялся писатель.

— Ой, не скромничайте месье Жюль! Автор мной упоминаемый, до ужаса ярко описал опасности прогресса. Он прямо пишет, что если наука вырывается из тисков нравственности, то становится своей противоположностью — из слуги человечества и прогресса становится убийцей!

— Вы сказали «до ужаса»... — заинтересовался Жюль Верн предлагая развить эту мысль и пояснить. На что издатель не преминул ответить.

— Да-да, мой дорогой месье Жюль! Он... Он описал вещи настолько кошмарные!.. Честно говорю! Я закончил читать поздно вечером. И всю ночь не мог заснуть! У меня перед глазами стояли эти страшные картины, им описанные! Они воистину были... Навевающими леденящий ужас!!!

— Ну... не он один... И до него нас стращали разными ужасами... — попытался перевести всё на шутку Жюль Верн. Хотя то, что он уловил натуральный страх в голосе сына своего старого друга, его заинтриговало.

— Ну, — отмахнулся издатель. — этим кликушам Апокалипсиса что воют на каждом углу не хватает одного — НАТУРАЛЬНОСТИ.

— Вы хотите сказать...

— Всё описано настолько натурально!.. Насколько, что невозможно не поверить!!! А когда начинаешь верить, становится ещё страшнее! Я уж начал думать, что, а вдруг мы действительно с наукой открыли жуткий ящик Пандоры...

— Вы меня заинтриговали. Я обязательно попрошу, чтобы мне прочитали это произведение...

— Увы, — пояснил он, — зрение ослабло. Приходится просить читать.

Жюль Верн мелко кивнул будто отгоняя неприятные мысли и резко сменил тему.

— Вы хотели бы чтобы я дал своё слово в начале? Я полагаю, что вы уже решили его печатать.

— Да, да, месье Верн! Это настолько необычное произведение, но в русле Ваших идей и романов... Хотелось бы увидеть Ваше предисловие. К тому же... К тому же я от этого месье Эсторского получил плату за издание. Тут уже долг чести.

— Хорошо. Я напишу. Обязательно напишу. И... вы меня очень сильно заинтриговали! Жюль Верн подслеповато улыбнулся.

* * *

Далее в планах братьев значился Стромболи.

Бросили якорь недалеко от берега. И так как никаких причальных сооружений в те времена совсем не было, просто выехали на своём «катере» прямо на пляж. Откатились подальше от уреза воды и «окопались».

Все действия «простого транспортного средства» с яхты Гайяны вызвали самый нездоровый интерес немногочисленных рыбаков, живущих там. Правда, очень скоро угасший.

Залезли на вулкан. Пофотографировали фонтанирующую лаву. Понюхали серы. И переполненные впечатлениями, отправились дальше в Рим.

Было интересно скользить вдоль побережья Италии, но почему-то, после Марселей-Ницц, вылезать и что-то смотреть, охоты не было. Даже мимо Неаполя проскочили.

Высадились в Чивитавеккья.

Добрались до Рима. И... вляпались.

Сейчас это бедствие как-то забылось. Но в те времена, оно было самым обычным для Европы и мира.

Клопы.

Василий про это бедствие забыл. Григорий не знал. Так что после первой же ночёвки в

отеле, хотелось бежать куда-подальше. Заели. И ведь, выбирали что получше.

Пришлось потратить день, чтобы найти что-нибудь вообще суперфешенебельное. Нашли. И долго спрашивали, исплашивали, пытали всех — есть или нет клопы.

Заверили что нет.

Однако и там, — в супердорогом — они были.

Не в таких диких количествах, как в предыдущем, но были. Кстати именно тут братья узнали для чего служила такая штука как балдахин.

Оказалось, что в те времена он — вещь незаменимая. И предохранял он спящих, от падающих с потолка клопов. Всё же хоть какая-то, но защита.

Тут, кстати, испытали ещё одну «придумку» Василия. Вполне себе криминального свойства во все времена.

Когда сходили в Марселе, то обменяли золото на франки.

С трудом.

А проблема там заключалась в том, что... Золото было самой высшей пробы.

Ну ясно дело, что высшей! Если бы химик ещё более детально проверил, то обнаружил бы ещё более интересный факт — золото химически чистое. Совсем.

И всё потому, что это золото нафильтровала яхта. Прямо из морской воды.

Не так много, но на пару килограмм хватило.

Конечно, это был явный «косяк» Василия. Он просто не знал, что на деньги шло золото... гораздо более низкой пробы чем «три девятки». Что стоило для достоверности «разбавить» то золото, какими-то другими, менее ценными металлами. Чтобы проба была не три девятки, а, например, 720.

Дальше, памятуя о том, что «всё может пригодиться», Василий, не долго думая, просто откопировал бумажные деньги Франции. Тем более, что аппаратура позволяла копировать с любой детализацией. Вплоть до молекул. Так что франки у них на руках были более чем «настоящими». Никто не определит. Разве что если не сличать две купюры по мельчайшим деталям. Вот тогда и можно было определить, что они поразительно одинаковые. Но не более того. А так как накопированы были разные, то и опасность попасться была исчезающе маленькая.

На всё остальное братьям было наплевать, так как особо задерживаться в этом мире они не собирались.

Даже завиральная идея Григория, издать тут книги с детективами и приключениями и на этом навариться на будущие времена — умерла. И всего-то из-за того, что Василию пришла в голову простейшая идея с копированием.

Впрочем, что они таки сделали, — договорились и в Кадисе, и в Марселе об издании «Бриллиантового заложника»(в последнем случае отослали отпечатанную на принтере «рукопись» известному парижскому издателю с приложением денег на издание). Ну очень сильно хотелось Григорию досадить тому индюку-капитану. За пережитые неприятные минуты.

Фамилию и имя капитана, название судна и многие детали того приключения, Григорий оставил без каких-либо изменений.

Да, они рассчитывали ещё сюда раз-другой заглянуть. В этот мир. Но не более. Поэтому очень интересно было узнать, как по миру расползается книга, сплетни и новости. Тем более, что они, памятуя, что для улучшения движения такого товара как книга, очень хороша реклама, задвинули её по разным газетам Франции. В виде короткого «описания

приключений». Естественно в версии, которая описана в книге.

* * *

В далёком Амьене, с некоторых пор, газеты читались с особой жадностью. И читались не кем-нибудь. И не просто так. А с целью выискать ещё и ещё больше свидетельств наступающих перемен. В технике, науке. Они должны были быть. Не могли не быть. Не могли не наступить.

Прочитав книгу, месье Верн долго-долго размышлял находясь под впечатлением. И впечатления эти были неоднозначные.

С одной стороны было приятно осознавать, что его предположения о двойственной природе науки в современном мире, оказались правильными. Да, действительно, наука без морали представляла огромную опасность. С другой стороны, Верн почувствовал, что есть нечто и некто, кто его хоть и слегка, но превзошёл.

Он почувствовал, что этот некто в своих предположениях гораздо более смел. В своих научных построениях гораздо более дерзок, нежели сам Жюль Верн. В книге, прочитанной им, присутствовало описаний технических штучек, как бы не в десяток раз больше, нежели в любом из его произведений. Даже если брать такой сверхпопулярный роман как «20 тысяч лье под водой». Одно описание яхты чего стоило! Не «Наутилус», но нечто более серьёзное и совершенное. Почти волшебное.

Почти...

Это «почти» становилось даже чем-то особо дерзким. Даже в таком, изрядно секуляризованном обществе, как французское. Одна фраза «чем выше технология, тем меньше она отличается от сказочной магии», можно было повесить на стену в виде лозунга. Лозунга на все времена. И вместе с тем... Прямое, зримое предупреждение: «если эта „магия“ попадает в руки злого человека, Добро становится Злом. И чем выше эта магия, тем ближе она к тому, что воистину можно назвать „меч Апокалипсиса“...». Как точно подмечено!

Что-то подобное, месье Верн сам хотел сказать в своём только пишущемся романе. Но тут... Тут это же сказано прямо, без кривотолков.

Да. придётся серьёзно перерабатывать будущий роман. Если его выпускать в том виде, что намечался, он будет даже не бледной, а совершенно проигрышной версией того, что написано у этого месье Эсторского!

Жюль Верн надолго погрузился в размышления, быстро перебирая сюжетные ходы будущей книги.

Его размышления были прерваны горничной принёсшей свежую газету.

Он взял со стола большое увеличительное стекло и быстро, привычно окинул взглядом заголовки газет. Один из них сразу же привлёк его внимание: «Братья Эсторские на своей яхте прибывают в Чивитавеккья». И фотография на пол страницы.

Красивейшее судно. Парусное, судя по мачтам. С необычных очертаний корпусом. Необычных очертаний надстройками.

Сами эти очертания производили впечатление чего-то стремительного. Приспособленного к скорости. Скорости быстрее ветра. Как будто уже сама эта яхта была сам ветер. И что ещё обращало внимание, — полное отсутствие такелажа. Ни единой

верёвки. Даже шнурка не висело на мачтах, не было растянуто между ними.

Жюль Верн приблизил газету к лицу, стараясь разглядеть даже мельчайшие детали изображения. Но увидел лишь скопление мелких пятен, из которого складывалось фото в газете. Верн сам долго и помногу путешествовал. Под парусом. На разных кораблях. И понимал что к чему в парусах и вообще в кораблях. Он прекрасно разбирался в этих вопросах, чтобы сразу понять — это СЛИШКОМ необычное судно.

Он ещё раз бросил взгляд на заголовок.

«Братья Эсторские...». Так вот каково ваше судно, братья! И ты, автор, выходит там не один. Как и в романе. В романе спутником главного героя является брат. Брат-учёный.

Кстати о брате!

Он учёный. И из описания следует... Ну совершенно не тот типаж, который всегда описывал Жюль Верн — эдакого рохлю-растеряху. Чудаковатого и безвредного.

За описанием месье Эсторского видно, что его брат, даже если он учёный, — стрелять умеет. И слишком далёк от образа неприспособленного к жизни ботаника. Когда надо бежит, прыгает и вообще геройствует. Причём не забывая о том, что он учёный и что-то там должен исследовать, сделать выводы... Даже с риском для жизни. Наука для него — образ жизни. Эдакий капитан Немо. Но без надломленности и загадочной мрачности. По жизни выглядит обычным, ничем не примечательным обывателем. Может где-то слегка романтиком и авантюристом. Но не тогда, когда доходит дело до науки. Когда дело касается науки — становится одержимым. Вот так!

А судно... На фото судно напоминало... Напоминало то, что описано в романе! Причём даже до деталей!

Парусное вооружение, автоматически ставящееся и убирающееся. Двигатель не паровой и не внутреннего сгорания. А какой-то особый электро-динамический. Кстати, это отмечают наблюдатели в статье. Без парусов движется очень быстро. А труб нет! Да прямо как в книге!

Выходит... Выходит он описывал СВОЁ СУДНО?!! В этом фантастическом романе?!!

Какова смелость!

Впрочем... А вдруг он описал всё так, как есть, со своим судном. Все те изобретения... Всего лишь наложив на реальное описание, реального судна фантастический сюжет?

Гм... Ведь сам грешил таким же. Сам не раз описывал суда, на которых путешествовал, иногда и приключения, в которых участвовал, впечатления, которые испытал. Приписывая их своим героям. Выходит, есть и подражатель. Хороший, надо сказать подражатель, если ещё и сделал себе фантастическое судно.

Верн откинулся в кресле и прикрыл глаза. Настроение у него резко улучшилось. Ведь всегда приятно видеть, как Мечта осуществляется. Да, пусть нет ещё «Наутилуса». Но если есть ВОТ ЭТО — значит будут и они. «Наутилусы». Скоро.

Но тут в голову великого писателя просочилась весьма несвоевременная и неудобная мысль. Он нахмурился и попытался её ухватить. Слишком уж она была скользкая и... угрожающая?

«Ведь уже неделю по Европе ходят сплетни о некоем судне, нападающем на корабли в Атлантике. Никого не ограбив, это судно идёт и нападает на другое. Эдакое морское хулиганство. А вдруг...».

Жюль Верн резко открыл глаза и посмотрел туда, где на его столе аккуратной стопкой лежал недавно прочитанный роман. «Бриллиантовый заложник».

«Нет! Это совпадение. Скорее всего меcье Эcтopский использовал этот факт. Или кто-то использовал, зная, что данный роман пишется, распространил через газеты нелепицу, — подумал писатель. — Не может быть, чтобы вот тот ужас был реальностью. Скорее всего совпадение или чья-то злая воля. Воля, пытающаяся как-то очернить братьев Эcтopских».

Но как он ни отметал беспокойную мысль, она всё возвращалась. С некоторым раздражением, Верн принялся читать газеты дальше. Теперь уже специально выискивая разные слухи и сплетни, которые бы хоть как-то, но могли быть связаны с этой яхтой и с этими двумя...

* * *

А сплетни и новости, даже без придумки Григория, тут ходили, как говорится, «косяками». И самая свежайшая новость гласила о том, что какой-то итальянский граф пал от руки некоей корсиканки. Причём не просто так пал, а якобы был разрезан на куски, порублен в лапшу со всей своей челядью.

Газеты пеной исходили, пытаясь перекричать друг друга, измышляя «подробности». Одна, кровавее и завиральнее другой. Но все они сходились на версии, что некая то ли корсиканка, то ли сицилийка, мстя за похищение своей сестры графом, залезла в его замок и вырезала всю челядь вместе с ним самим.

Эту версию также хором, якобы, подтверждали освобождённые этой «сицилийской(?) корсиканской ведьмой», наложницы графа. По всему выходило, что граф, являясь для местных, чем-то типа сексуального террориста, крал хорошеньких девиц и составлял из них настоящий гарем. Но тут, с корсиканкой, что называется, «нашла коса на камень».

Тем не менее, что самое пикантное, все эти спасённые хором утверждали, что та самая корсиканка, проделала всё своими руками. Одна!

— Ка-акой шикарный сюжет!!! — подпрыгнул Григорий. — Надо срочно написать!

И тут же полез в свой планшет.

Кстати говоря. Планшет был сделан Гайяной. Так что там мощностей и возможностей было неизмеримо больше, чем где-либо. Буквально за двое суток, Григорий из различных, как он говорил, «цельнотянутых» кусков произведений подобного сорта, что были у него на планшете, составил свой рОман. Причём написал его на итальянском.

Получился эдакий «блокбастер» девятнадцатого века. С погонями, драками, интригами и всем прочим. Что он и заправил местному издателю.

Правда, пришлось побегать. Поискать. Издатель сначала ломался, но потом, когда ему примерно рассказали о чём, дали дайджест и выдержки, взял.

Впрочем, тут скорее всего наибольшим аргументом был всё-таки внешний вид братьев. Памятуя, что тут очень серьёзно смотрят именно на «одежку», пришлось обоим вырядиться как денди.

Это приключение добавило стимулов ещё раз заглянуть в этот мир. Уж слишком сильно они здесь наследили. Слишком жгучее любопытство себе же разожгли. Вида: «А как вывернутся в этом мире те самые „информационные вбросы“, что тут наворотили?!!».

Похихикав насчёт «очень ловкой корсиканки» и пожелав ей всячески удачи, они отбыли из Рима, погрузились на свою яхту и продолжили движение в сторону Дарданелл.

Сэр Арчибальд был в ярости.

Из Аргентины, почти из Аргентины, с попутным судном пришло сообщение... ДА КАКОЕ!

Ещё одно нападение. На лучшее судно. Даже глядя на ровный почерк капитана, описавшего происшествие, он ощущал его ужас. Мало того, что чуть не попался с серьёзной контрабандой, да ещё... Ещё этот трижды проклятый парусник, с этими дьявольскими парусами без такелажа! Да ещё, оказывается, этот парусник вооружён! Да ещё так вооружён, что любому корвету Роял Нэви фору даст! Описание разрушений и повреждений, которые нанёс этот негодяй всего-то за несколько секунд просто потрясал. Борта и надстройки, судна, по описанию превратились в натуральное решето. Тысячи сквозных дыр! Это что за оружие, которое может за несколько секунд выпустить ТЫСЯЧИ снарядов, да так, чтобы они прошивали СТАЛЬНОЕ судно НАСКВОЗЬ?!!!

И тут... Тут в мозгах сэра Арчибальда замкнуло. На целую минуту, долгую, томительную, тягучую минуту он впал в ступор. Но когда он из него вышел, он кинулся рыться в газетах.

Но ничего не успел найти.

Пришёл племянничек Лори. И видно было, что у него самого новости не из приятных. Лицо у него было какое-то печально-потрясённое.

— Сэр... — каким-то странным, полуобожженным тоном начал мямлить племянник. — в газетах пишут что...

Последние слова застряли у него в горле.

— Что пишут?! — взревел сэр Арчибальд. Он не мог представить что мог ещё более важного и более кошмарного притащить этот индюк-репортёр. Более ужасающего чем это письмо от капитана, всё ещё лежащее открытым на письменном столе.

— В-ваше судно! — заикаясь выговорил родственничек и протянул газету.

— Как? Уже и в газетах об этом пишут? — не поверил сэр Арчибальд и вырвал газету из рук.

Быстро пробежав по строкам небольшой заметки он взвыл. Он понял, что этот негодяй Эсторский его опередил. Версией событий. И ведь как всё ловко вывернул, негодяй! Не они на его, Сэра Арчибальда судно напали, а на него, капитана Эсторского вероломно напали! Из-за чего команде пришлось открыть огонь, чтобы выволить капитана из плена!!!

Это был тот позор, который уже не смыть. Даже если исхитриться и выставить самое убедительнейшее опровержение, всё равно найдутся сотни, тысячи идиотов, что будут твердить прежнюю, компрометирующую его, сэра Арчибальда, версию! Ведь она прозвучала первой.

Он думал, что за этот день уже ничего более страшного и тяжёлого не случится.

Зря думал.

В дверь постучали. Вошёл посыльный. С каким-то подозрительно объёмным пакетом. Как раз размером с упакованную книгу.

— Что там? — взревел сэр Арчибальд.

— Вам посылка. Из... — посыльный сверился с записью. — Из Кадиса. От некоего благородного дона по имени Румата Дин Эстор.

Плыли-плыли... Довольно быстро. Даже под это дело мачты убрали. Но... Опять задрала жаба.

Ведь где двигались?

Мимо Греции.

А так как оба в детстве зачитывались Мифами Древней Эллады, книжками по археологии, то чем дальше их яхта огибала Пелопоннес, тем более устрашающие размеры принимало зловердное земноводное.

Наконец, по молчаливому согласию, где-то на траверзе острова Карави, выставили курс на Афины.

Земноводное одержало очередную блестящую победу и, удовлетворённо квакнув, удалилось до следующего подходящего случая.

У обоих в глазах можно было прочесть: «Хочу увидеть Парфенон!».

Когда подходили к порту, к пирсу сбежалась приличных размеров толпа. Толпа ничего не скандировала, не орала, но смотрела на корабль, во все глаза.

Да, конструкция и «поведение» яхты, были очень необычным, но почему тогда на неё было ноль внимания в Кадисе, Марселе, Чивитавеккья?

Василий свернул остатки парусов, и далее стал вырубивать уже чисто на движках. Толпа на пирсе загудела.

Появились какие-то очень быстрые личности с треножниками фотоаппаратов. Растолкали ближайшую часть толпы и, установив свою аппаратуру, принялись с ней возиться.

Василий нахмурился. Григорий же пребывал в сильном недоумении.

— Слушай, Григорий! Ты там в Риме, Марселе ничего не натворил?

— Н-нет! Я был максимально осторожен. Даже никому морду не набил.

— А были поводы? — тут же проявил повышенное любопытство Василий.

— Изрядно! — процедил брат, видимо вспоминая какие-то происшествия.

— Ну... Ты знаешь, мне кажется, что надо срочно облачиться в наши обычные «мундиры». — Всё более беспокоясь сказал Василий. — на всякий случай.

— Сейчас метнусь за ними! — ещё немного понаблюдав толпу, сказал Григорий и нырнул вниз, на нижние палубы.

Через минуту он вернулся с их «бронезилетами». Точнее даже их назвать «скафандрами-от-Гайяны». Надевалось всё это роскошество под одежду. И могло выдержать прямое попадание даже очень серьёзного калибра из ручного стрелкового оружия. А при случае, могло закрыть и голову. Целиком.

Тут же на мостике, не спуская глаз с толпы, они спешно переоблачились. Почувствовав, таким образом, себя более уверенными, стали рассуждать более взвешенно.

— А не лучше ли было нам всё-таки отвернуть и следовать через Дарданеллы?

— Поздно. Мы уже, практически в порту. Да и вдруг это просто толпа зевак? Ведь пресса, то да сё... Растрезвонили про нас по всей Европе. Ведь яхточка, где два владельца, и ни одной души команды — более чем за пределами мыслимого. Даже по нашим родным временам.

— Гм... Логично. И похоже многие тут читали мэтра Верна. Про капитана Немо.

Робура...

— Ага. Точно. Яхточка у нас — А-ля «Капитан-Немо-Жюль-Верн». Скорее всего эти зеваки — поклонники его таланта.

— Но...

Григорий, кивнул и, проигнорировав «но», продолжил.

— И смотри. Там на пирсе всего-то два долбодятла в форме торчат. А если бы нас хотели арестовать, там была бы их толпа, и на рейде нездоровое шевеление.

Василий обернулся в сторону рейда и ничего не нашёл подозрительного.

— Пожалуй, ты прав. И вот эти любопытствующие граждане, всего лишь любопытствующие граждане.

— Может они ни разу не видели корабль под перуанским флагом! — добавил Григорий.

— Ладно. Возьми ещё пару «сувениров от Гайяны». Так, «для поддержки штанов».

— Уже взял! — С энтузиазмом подтвердил Григорий и протянул в свою очередь Василию маленькую коробочку.

Василий взял её и сунул под одежду, к «скафандру». Там коробочка прочно прицепилась к ткани, как будто и была с ней единым целым. Оторвать её или раскрыть, отныне мог только владелец «скафандра».

То, что это зеваки, прибывшие посмотреть на необычный корабль, было подтверждено уже во время швартовки.

На палубу как раз вышел ленивой походкой Григорий и направился к швартовам. Толпа заволновалась. Но в её волнении не было ничего такого... нездорового.

Правда, какие-то «знатоки», видимо обсуждая манёвры капитана, что-то начали оживлённо обсуждать показывая пальцами насколько далеко яхта подошла к пирсу.

А вот когда Василий, подойдя бортом к пирсу врубил боковую тягу гидродинамического двигателя, толпа взвыла. «Знатоки» заткнулись и выпучив глаза, наблюдали за невиданным зрелищем — корабль пятащийся БОКОМ!

Григорий всё также опираясь на фальшборт, как ни в чём не бывало, созерцал окружающие пейзажи.

Как и полагается любому нормальному компьютеру, — а процесс причаливания на последних метрах вёл именно он, — расчёт был до миллиметра. Даже не коснувшись бортом причала, яхта встала как вкопанная всего-то в полуметре от пирса. Толпа взвыла от восторга. Встречающие «официальные лица», вслед за «знатоками», тоже выпучили глаза от изумления.

Григорий бросил трос принимающему с носа, потом быстро прошёл на корму и проделал ту же самую операцию. После также прошёл к середине судна и как бы невзначай ткнул в какой-то красный кружок.

По борту яхты тут же выросла гряда амортизаторов. Включившиеся электромоторы, подмотали швартовы и прижали яхту к стене причала. Тут же часть фальшборта отвалилась и превратившись в великолепный трап, перекинулась на пирс.

Толпа разве что подпрыгивать от восторга не стала.

«Таможня» же вообще «замёрзла».

Пришлось «отмораживать», дважды пригласив пройти на борт.

Как и предполагал Григорий, никаких особых претензий к ним со стороны местных властей не было. Более того, сама процедура прошла очень быстро. Гораздо быстрее, чем в прошлые разы. С них даже взятки никаких не пытались содрать.

А из любопытства, сквозившего прямо через слово, в разговоре таможни, можно было судить, что они получили, стараниями газетчиков славу чуть ли не нуворишей королевской крови. Таинственность и полная неизвестность их происхождения, только добавляла перцу в слухи и сплетни, распространяемые жёлтой прессой.

Братьям захотелось срочно отвалить, но проснувшаяся жаба грозно рыкнула и оба поплелись к трапу, вслед за удаляющимися «официальными лицами».

— Что-то мне подсказывает, — произнёс Григорий на санскрите, — что прогулочка до Парфенона будет очень утомительной.

Таможня заозиралась, услышав более чем непривычный язык из уст «нуворишей», а газетчики, стоявшие на пирсе тут же сделали стойку. Слух у этих щелкопёров был отменный. Ведь слышали несмотря на изрядный шум рядом стоящей толпы.

— И чем утомительной? — не понял брат.

— Вниманием затрахают. — Так же недовольно ответил Григорий. — Пойдём собак кормить. Может отстанут... Хотя бы на время.

— Э-э! — проблеял Василий, но Григорий влёт понял его затруднение.

— Хорошо. Молчи, или поддакивай, а я с ними буду разговаривать.

— Благородный дон... — подскочил к ним рыцарь пера, как только нога Григория коснулась бетона пирса.

— Румата. — буркнул Григорий созерцая виды поверх шляпы газетчика.

— Благородный дон Румата! Мы вас приветствуем...

— Спасибо! — тут же невозмутимо оборвал Григорий всё также созерцая виды. — что-то ещё?

— Не могли бы вы, удовлетворить любопытство публики и читающей общественности...

— Да. Можем. Слегка! — дал он согласие на интервью. Щелкопёр понял намёк правильно, так как тут же перешёл к делу.

— ...Откуда вы, и с какой целью прибыли на нашу славную землю!

— На Парфенон посмотреть. — ответил на вторую часть Григорий и тут же посмотрел на стоящего рядом такого же газетчика с блокнотом на перевес. Тот тоже понял правильно.

— Как вы прокомментируете скандал в Риме...

— Какой? — вяло и скучающим тоном спросил Григорий.

— Про корсиканку, убийцу благородного...

— Никак!

— Но, судя по подписи, Вы благородный дон, написали целую книгу.

— По мотивам... — тут же отбрехался Григорий. — Кстати! Как я понимаю, книга вышла?

— Да, но пока что в Италии, где, по сообщениям итальянской прессы, наделала много шуму. До нас ещё не дошла.

— Жаль! — всё также смотря поверх головы репортёра, улыбаясь заявил Григорий.

— Вы не отрицаете, что именно вы её написали?

— Нет!

— Значит, вы были в курсе происходящего?

— Слегка, отдалённо, из слухов и сведений, полученных окольными путями.

— Так значит, написанное в Вашей книге — не литературный вымысел?

— Частично.

Полученная информация, похоже «вставила» не только газетчиков. Толпа онемела.

— И вообще... Мы развлекаемся. Со скуки. Имеем право?

— Э-э да! — очнулся от оцепенения журналист, и только тут заметил, что с ним разговаривают вполне по-гречески.

— Не соблаговолит ли уважаемый Дон Румата, прояснить нам... Я заметил, что вы общались с нами на греческом. В Италии ваша книга на итальянском. Во Франции вы говорили на чистом французском, с испанцами — на испанском. Вы наверное получили очень хорошее образование... Сколько вообще языков вы знаете в совершенстве?

— Много.

— В совершенстве?!!

— Да. Много и в совершенстве.

Глазёнки корреспондента округлились и он временно потерялся. Чем тут же воспользовался другой.

— Но, — набрался он наглости. — Вы не сказали, откуда вы родом и откуда прибыли!

Григорий хмыкнул.

— Издалека! — отмахнулся он и величественным жестом дал понять, что интервью окончено.

Толпа расступилась их пропуская.

Подскочил какой-то носильщик, но тут же был отослан подальше, так как «господа» несли свою поклажу самостоятельно. И никому не хотели её вручать.

* * *

О том, что книга «Бриллиантовый заложник» вышла из печати, Жюль Верн узнал не от издателя, а из газет. По восторженным отзывам одних и по ругани других. Последнюю всегда начинают всякие неудачники от литературы.

То для них «слог не тот». То автор дурак, потому, что «так не бывает» и вообще «герои поступают неестественно».

Но и тех и других заслонили пересуды.

То же самое сейчас происходило в гостиной Жюля Верна за чашкой хорошего, английского чая.

— Ну вы же по реакции на свои романы, месье Верн знаете, — развёл руками издатель Этцель, — что многие люди верят в то, что написано в книгах. Верят, даже если на первом же листе их предупредить, что написана фантазия.

— Я, признаться, тоже чуть не поверил! — поддержал его Жюль Верн. — уж очень так... предметно они всё описали. Логично. Последовательно. Одно вытекает из другого... Помните, как главный герой буквально «вычисляет» где находится база Доктора?

Этцель рассеяно кивнул, но тут же задал мучивший его вопрос.

— Вы сказали «они написали»... Вы считаете, что книгу писал не один автор?

— Подозреваю что да, не один, а двое. Но это чисто моё предположение. Братьев Эсторских — двое.

— Любопытное предположение... — согласился Этцель. — Но... Я хотел вас спросить...

Издатель замялся.

— Вы обратили внимание на их яхту? — подсказал писатель.

— Да. — тут же согласился месье Этцель. — И многие на это обратили внимание. Из уже прочитавших. И слишком много параллелей тут же возникло.

— Уж не из-за этого ли начинают верить в то, что описано?

— И... да!

— Но... Вы не находите несколько натянутой историю с эболой? Я хоть и не специалист в области болезней, но если рассуждать логически... Если существует такая болезнь, то почему мы все до сих пор живы? Ведь возникнуть эпидемия может в любой момент. Среди негров Африки. И возникает, как написано в книге. А там — передаться белым и пошло дальше. Почему этого не происходит?

— Ну, месье Верн, — отозвался до этого молчавший второй гость великого писателя. — Я, как отслуживший в иностранном легионе двадцать лет, могу сказать, что такие вещи происходят там постоянно. Разные тропические лихорадки косят и местных и наших. Только успеваем могилы копать. Страшный мор. Однако... Мы люди цивилизованные. Мы меньше подвержены этой напасти. Гигиена защищает. А местные как жили в грязи, так и умирают. Тысячами.

— Но что меня смущает, господа... — всё равно гнул свою линию месье Этцель, — там сказано, что Доктор нашёл способ выводить новые разновидности бацилл. Он занялся селекцией этих смертоносных бацилл, пока не вывел абсолютно смертельную.

— И вы верите, что такое возможно? — скептически заметил старый вояка.

— Вы знаете, полковник... Да! Я говорил в Париже с учёными из университета. Они хоть и удивились такой идее — выводить новых микробов, но не отрицают её принципиальную возможность. Возможность их селекции. И описанный в книге «отряд 631» Доктора Исии, вполне мог существовать!

Полковник всё равно скептически хмыкнул всем своим видом показывая, что ни на грош не верит «этим яйцеголовым».

— Меня вот что смущает. — не обращая на это продолжил Этцель. — Там сказано, что изначально бацилла не передавалась по воздуху. Но Исия её «научил летать». И она стала передаваться от одного к другому через дыхание, через простой чих. И тогда расчёты мировой пандемии, которые делал брат главного героя становятся очень даже зловещими! Конечно, описанные зверства, которые чинили тамошние подчинённые доктора... Да, они выглядят неестественно...

— Это почему? — тут же взвился полковник. — Вы явно забыли что творилось у нас лет эдак четыреста, шестьсот назад... Да и то, что белый человек в Африке, негров вообще за людей не держит... Это тоже со счетов не сбрасывайте.

— Но это так ужасно!

— Такова жизнь! — развёл руками полковник. — Я видел там и не такое. Так что лучше сменим тему.

— Но меня смущает всё-таки написанное. А вдруг нам действительно угрожала...

— Да, месье Этцель. Угрожала. — хохотнул полковник, оборвав невежливо издателя. — Но это если предположить, что всё, что написано в книге господина Эсторского — правда до последней буквы.

Верн же с интересом вертел головой не пытаясь вмешаться. И так господа спорщики говорили то, что надо.

— А вы разве не читали последних газет? — спросил внезапно Этцель.

— А что там такое? — поднял заинтересованно бровь полковник.

— Там есть интересное сообщение... — по описаниям местных рыбаков, яхта братьев Эсторских заходила на... Стромболи!

— И что они там делали?

— Они там продемонстрировали местному населению лодку, которая может не только плавать, но и выезжать на берег. Вполне самостоятельно... Но не это главное.... Главное, они предприняли экспедицию к кратеру вулкана. И что-то там долго делали. Странное. На краю кратера. А когда вернулись, по словам рыбаков, были очень рады. До помешательства рады. Но вот чему?...

На несколько минут повисло молчание. Каждый вспомнил последние строки романа. И стало... очень неудобно. Мир показался таким хрупким и зыбким....

Никто из диспутантов не хотел доводить свои умозаключения до широкой публики. Даже когда их по отдельности спрашивали репортёры. Но всем, особенно репортёрам, рот не заткнёшь. Не запретишь думать и делать выводы.

Кто-то из пишущей братии сделал-таки выводы. Из прочитанного. И грянула сенсация.

* * *

В следующие часы после высадки на берег Эллады, буквально через полчаса, после того, как они осели в одной из гостиниц, начали прибывать посланцы с приглашениями посетить какие-то светские салоны и рауты. Григорий же, ссылаясь на то, что прибыли они сюда отдыхать, просто поблагодарил за приглашения и мягко их отклонил. «На потом».

Кстати, на этот раз, идя в гостиницу, братья были уже во всеоружии. И как только получили свои комнаты, так тут же обработали их инсектицидом... И во все последующие дни, эту процедуру периодически повторяли. Так что зловредные насекомые их больше не беспокоили. Пребывание на древней земле Эллады превратилось в удовольствие.

Братья, кстати и не предполагали, что туризм в эти времена уже развит.

Однако по Парфенону шлялись буквально толпы со всей Европы. И они, уже попавшие на первые полосы европейских газет, тут же стали центром внимания всех этих празднующихся. Гид, нанятый для экскурсии, от этого внимания постоянно спотыкался и заикался. Василий с Григорием, видя всё это, лишь посмеивались.

Уже как-то притерпевшись к этому, поминая постоянно, что они в этом мире лишь временно и «проездом», они к этому вниманию относились как к погоде. Что, как оказалось, только прибавило им в «рейтингах».

Пребывание на греческой земле, неожиданно превратившееся в приятный отдых, расслабило.

Братья посмотрели в сторону Дарданелл, вспомнили, что родителям сказали, что отбывают «не менее чем на два месяца» так что они не будут беспокоиться, и окончательно расслабились. Где-то на пятый день пребывания, Григорий вспомнил об аквалангах. Но хотелось всё-таки не просто попугать местную рыбу, а что-то вытащить. На память.

Для этого нашли какого-то археолога и долго его пытали насчёт предположительных мест с затонувшими кораблями. Поначалу, от него ничего вразумительного добиться не удалось. Но когда ему объяснили, что на яхте есть «сверхновейшее водолазное оборудование» с помощью которого можно погружаться до 60 метров, он оживился и что-то

раскопал в своих книгах. Как «район, где возможно...».

Взяв этого археолога, как оказалось, любителя (пока, как он говорил) и студента, отправились поплавать. Звали студента Диметриус, от чего оба брата тут же его стали называть сокращённо Димой.

Дима сначала сильно боялся, но потом, когда ему объяснили как пользоваться аквалангом и продемонстрировали на нескольких своих погружениях, что всё более чем безопасно, если соблюдать определённые простейшие правила, тот загорелся.

Когда же он совершил-таки, первое погружение, то вообще преисполнился телячьего восторга.

Да оно и ясно.

Если до этого, водолазы были постоянно привязаны к шлангам, всяческим тяжёлым скафандрам, и прочему сильно ограничивающему свободу барахлу, то с аквалангом человек вполне себя мог почувствовать наравне с рыбой.

Так как у братьев на яхте был ещё и сканер, то довольно скоро нашли что-то очень перспективное на предмет археологических «раскопок».

Стали на якорь.

Первым поплыл Дима с Григорием, а Василий остался сторожить на поверхности. На всякий случай.

Как оказалось, они не ошиблись. На сравнительно небольшой глубине, лежали останки древнегреческого судна полного амфор.

Обфотографировали место.

Во второй раз пошёл уже Василий с Димой. Тут уже слегка «побыковали». Василий, пользуясь камерой, пофотографировал Диму и себя на фоне находок. После подцепили пару амфор и подняли на поверхность.

Едва освободившись от акваланга, Дима чуть не расцеловал только что выгруженные на палубу амфоры. Облепленные ракушками и остро пахнущими водорослями.

Сзади подкрался Григорий и внезапно хлопнув Диму по плечу, от чего тот подпрыгнул, громко спросил.

— Ну, Дима, будете писать статью о находке?

— А... Да, конечно! — закивал он едва придя от неожиданности.

— Кстати, можно вас поздравить. — тут же включился Василий тоном университетского профессора. — Вы только что основали новый вид археологии — подводный.

У Димы отвисла челюсть.

Мысль таки впиталась в его мозг. Он что-то хотел возразить, но Григорий снова включился.

— Если сделаем всё путём, это и будет основанием нового вида археологии. Пойдём писать. — сказал он и увлёк Диму внутрь корабля.

Диму тут ожидал новый шок, когда буквально за час, была не просто написана но и распечатана со всеми чертежами и схемами добротная статья.

— Вот! Это уже можно публиковать. Куда направите?

Дима таки слегка пришёл в себя и заикнулся насчёт фотографий, которые были приложены.

Василий же просто фыркнул и «пояснил», что у них не цветных просто нет. Потом вспомнил то, что они снимали «просто так» и быстренько соорудил портрет

новоиспечённого «подводного археолога» на фоне ещё не поднятой со дна амфоры. В окружении рыб. На метр в длину портретик вышел.

— А чо-а? Приятенький, такой портрет получился! — оценил Григорий. — Ты его дома в рамку поставь. На память.

Когда они причалили и Дима ушёл, Григорий, смотря ему вслед спросил.

— Вася! А вообще был такой археолог в истории как Диметриус Папандреус?

— Не припомню... Но тут уже есть и пребудет навечно!

И заржал.

* * *

Некоторое время братья просто отдыхали, иногда шокируя местное население своими «купальными костюмами», состоящими из одних плавок. В эти времена нравы были изрядно консервативные. Но тут мало-помалу началось такое...

Как метко припечатал Григорий — «бурление говн».

Началось с того, что на Корсике, «неизвестную корсиканку» объявили национальной героиней. И объявили, что если кто на неё покусится, да ни дай боже поранит, то вся Корсика объявит тому роду вендетту. Причём население потрясло при этом книгой. Какой книгой, догадаться не сложно.

Параллельно с этим, разгорался дикий скандал в окололитературных кругах. Причём под лозунгом «Он превзошёл Маркиза Де Сада!!!».

Так как Василий не удосужился прочитать ни ту, ни другую «нетленку» Григория, то пришлось идти к нему и «трясти».

— Так, братец. Объясни мне как ты «превзошёл маркиза де Сада»?

— Чего?!! — не понял Григорий и глаза у него полезли на лоб.

Василию пришлось сунуть ему под нос газету. Тот быстро пробежался по тексту и выпал из кресла.

Хохотал он долго и от души. Василию же пришлось лишь дожидаться когда этот приступ дикого ржача закончится и брат будет в состоянии что-либо пояснять.

Наконец тот выдохся, вернулся в кресло и взялся за пояснения.

— Понимаешь, брат... Я же ведь брал за основу наши родные, современные образцы этого жанра. А там что? Пра-авильно! Есть изобилие сцен, где живописуется членовредительство и прочие малоаппетитные подробности.

— А ещё чего ты там расписал?

— Чисто книжно-бульварную «тактику ниндзя». С тотальной героизацией героини.

— Бли-ин-н!!!

— Но я, чтобы не было ничего такого «на всякий случай» изменил фамилии действующих лиц.

— Но публика уже половины Европы, искренне считает, что описано чуть ли не документально!

— А и хрен с ними! — отмахнулся Григорий и принялся ржать по новой.

— Но в «Бриллиантовом заложнике» ты фамилии изменил только наши?

— Ага!

— Кстати... — с видом прокурора сощурился братец, — а что ты там такое накатал, что

у Франции, и Испании в придачу, крышу напрочь сорвало?

— Так ты и этого не читал? — уже обиделся Григорий.

— ...Но прочитаю! — с угрозой пообещал Василий.

— Вот и прочитай!

— Но какого хрена в Европах нарастает паника? — не отставал братец. — Что ты им такого заправил, что публика, прочитав книжку бегают по потолкам и непрерывно писается от страха?

— Гы! Я им эболу расписал. Во всей красе. Со всеми тошнотворными подробностями. Приврав, конечно, что у неё летальность и вирулентность стопроцентная. [\[3\]](#)

— А поподробнее?

— Помнишь, у Жюль Верна, на последних годах жизни было очень нехорошее предчувствие? — вдруг очень серьёзным тоном заговорил Григорий.

— Помню. «Робур-завоеватель», «Властелин Мира» — там очень ясно читается опасение, что достижения прогресса попадут в нехорошие руки.

— Так я это продолжил! Я написал, как — далее Григорий с пафосом стал декламировать.

— ...«доблестные инженеры, стремящиеся осчастливить весь мир благами Прогресса, создают чудо-корабли, чудо-фотоаппараты и прочая, и прочая, в то время как Злой Гений, обиженный на весь мир, открывает в джунглях Юго-Западной Африки страшную болезнь в деревне Эбола. И обозлённый на всё человечество, решает уничтожить его».

Григорий ещё стал в позу оратора и принялся картинно размахивать руками.

— То есть, ты описал типичного «Доктора Зло»... — сделал вывод Василий.

— Именно! — подтвердил с энтузиазмом Григорий. — Кстати, я там нашего «раднога» полковника Исию с его «отрядом 631» изобразил. С некоторыми подробностями его работы.

— Ну ты зверь! — выпалил Василий, но по его физиономии было видно, что не в осуждение. Братец же, став в позу стал декламировать.

— «И далее эти доблестные инженеры, после немыслимых приключений, убивают-таки этого Доктора Зло, но дело его всё равно продолжается. Незадолго до своей гибели, он отправляет на ничего не подозревающем корабле, с виду безобидный груз. Но если он будет открыт в Европе — все умрут в страшных мучениях. И груз, по договору, должен быть перегружен с корабля из Африки сначала на корабль идущий в Южную Америку, а потом с него на тот, который идёт в Европу. Доблестные и отважные инженеры на своём корабле....»

— ...Пускаются в погоню и начинают шерстить все проходящие мимо них суда. — продолжил Василий. Но брат и тут перехватил его речь и закончил.

— Таки перехватывают груз, доблестно топят его в кратере вулкана. В бурлящей лаве. Хэппи энд, с друзьями на фоне заходящего солнца и мирно курящегося вулкана...

— Угу... А тут прибывает в Ливерпуль послание из далёкой Южной Америки, что вот мы накуролесили... — кинул Василий. — Кто-то сопоставляет написанное в книжке... Кстати, брат, поздравляю — книжка пошла «на ура!»... И то, что они получают в послании. С совпадением до мельчайших деталей, кроме интерпретации... Плюс ещё несколько сообщений от капитанов других кораблей.

— ...А дальше это пронюхивают газетчики, делают «верные выводы» и страшилка понеслась!

— Именно! — замогильным голосом подтвердил Василий.

Несколько секунд Григорий переваривал услышанное. Но после просто рухнул от хохота

в своё кресло.

— Братец! — ядовито начал Василий, не дожидаясь когда Григорий закончит ржать. — А ты подумал, что эти журналюги, ещё сопоставят то, что ты написал, и наше посещение острова Стромболи?

Григория же это наоборот ещё больше развеселило. Но когда он отсмеялся, пояснил.

— В описании — контейнер крепкий, хорошо запечатанный. Мы его ещё круче запечатали, чтобы не лопнул и он, расплавляется прямо в лаве, что даёт полную гарантию убиения бациллы.

— И что?! — не сдавался Василий. — А ты подумал, что скоро найдут какую-нибудь деревню на речке Эбола. А после, там же, и саму бациллу. Ты представляешь, какая ошизиловка начнётся в Европе?

— Бу-га-га! Тем хуже для них! — легкомысленно заявил Григорий. — Может из-за этой их ошизиловки ПМВ не случится.

— Ага! Щаз! Держи карман шире! Как же! Не состоится! — принялся ёрничать Василий. — Но всё это чепуха! Главное, что надо срочно уносить ноги. Пока нам их не оторвали. Как спецслужбы, так и доблестные поклонники твоего таланта.

— Гм! — перестал смеяться Григорий и уже серьёзно закончил. — А вот тут ты пожалуй прав! Что-то мы засиделись. Пора и домой.

Глава 6

Под «Весёлым Роджером»

Категорическое решение идти дальше и домой, однако решили отложить на следующее утро. У них как раз накопилось несколько приглашений на разные салоны. Которые они последовательно обходили в предыдущие вечера. От нечего делать.

Но самым запоминающимся был визит к оккультистам. И, так получилось, он выпал как раз на последний вечер пребывания их в Греции.

Если всякие салоны чисто светской направленности, были в общем, изумительно скучным времяпрепровождением, то тут как в зоопарке. Как бесплатная экскурсия в дурдом «с полным эффектом присутствия».

Начиналось всё так же, как и обычно в других салонах. Пришли. И тут же ощутили себя эдакой изюминкой. Слонами на показ. Как будто вся толпа только и пришла сюда, чтобы поглазеть на экзотику. А за «экзотику» были как раз братья.

Что тут же бросалось в глаза, так это изобилие экзальтированных девиц, всех возрастов, с полубезумными глазами и не менее колоритных мужиков. Как правило, мужики делились на чёткие категории. Самая многочисленная — адепты самого низшего ранга. С телячьим восторгом в глазах и ощущением «приобщения к тайнам». Чуть менее многочисленная — завсегдатаи. Люди подсевшие на эзотерику.

И самая малочисленная — это личности с «одухотворённым взором». Как оказалось, адепты какого-то градуса посвящения «в тайны». Был даже один залётный масон, который тут же прицепился к Василию. С какого-то бодуна он решил, что Василий из двух братьев главный.

У Василия как раз было довольно хреновое настроение, и он пошёл на сие сборище чисто за компанию с братом. Тому было в падлу идти одному. И тут «на зуб» ему попадается вот этот «птенчик». Студент какого-то университета.

Некоторые «танцы» и знаки масонов Василий знал и, с чистого отвращения к этой публике, решил слегка разыграть «одухотворённого» балбеса. Когда он как-то невзначай провёл краешком бокала с вином по горлу, типа почесал, студент-масон подобрался. Но когда на вопрос «кто твоя мать», Василий ответил «Серый Ангел», — спал с лица и, резко попрощавшись, удалился.

И никакие уговоры хозяйки тут никак не помогли.

Григорий заметив это, подошёл к брату и спросил что он такого отчебучил, но тот лишь отмахнулся.

В отличие от Василия, Григорий, ещё по памяти аналогичных сборищ «эзотерических кружков» в родном городе, чувствовал себя как рыба в воде. Он ни на грамм никому из эзотериков не верил, но почему-то его очень сильно влекли эти самые люди и их «теории». Он в них находил ту самую «специю», которая делала и жизнь, и мировосприятие, многоцветным и интересным.

Ясное дело, что он от них набрался такого, что все эти здешние, ему, по части мозголомства, просто в подмётки не годились.

Вполне естественно, что обычные, стандартные сценарии сборищ местных эзотериков были поломаны на корню. И всё потому, что Григорий, несколькими брошенными фразами не просто заинтриговал, а до ошаления зарядил публику.

Дальше весь вечер крутился вокруг Григория и его сказок. А рассказывать Григорий любил. Причём, если видел, что собралась вот такая публика, у которой любая лапша намертво прилипает к ушам, врал складно и самозабвенно.

Даже Василий заслушался.

Рассказ Григория был диким коллажем из «Тайн Великой Цивилизации Инков» (ведь братья, якобы, из Перу и там что-то такое открыли), утопшей Атлантиды, Лемурии, и прочего, достаточно стандартного для этих времён бреда. Но то, что он вставил туда — выходило за всякие рамки.

По нему выходило, что Земля — проходной двор для разнообразнейших богов, и инопланетных цивилизаций, которые перманентно учат людей «Небесным Премудростям», а дурные земляне регулярно забывают эту Древнюю Мудрость. Или употребляют её так, что всем во вред.

— Что, думаете, Атлантида, просто так потонула? — в запале восклицал он. — Да ничуть не бывало! Эти заигравшиеся дети, открыли тайны атома и ту бездну энергии, которая там таится. Но не нашли ничего лучшего, как развязать войну применяя атомные бомбы. Что это такое? А вы представьте бомбу, вот с этот комод величиной, которая при взрыве может за раз стереть в пыль такой город, как Париж или Берлин! Вот потому Атлантида и потонула!

Инки до сих пор ждут Кетцаль-коатля. Полу-птицу, полу-человека. Пришельца со звёзд, который их научил всему. Представителя древнейшей межзвёздной империи. Учёного и миссионера.

Кстати знаете, что календарь Инков и Майя по точности намного превосходит лучшие европейские результаты? Они знали продолжительность года, не с точностью до нескольких секунд, как это есть сейчас в Европе, а с точностью до тысячных долей секунды! Откуда? Со звёзд!

А догоны? Чернокожее племя в Центральной Африке?! К ним прилетали существа сс второй звезды системы Сириуса. Да-да! Сириус, на самом деле двойная звезда. И вокруг неё вращается другая, маленькая и тусклая. Обращается с периодом в пятьдесят лет. И вот возле неё жила раса полубогов, которые также пытались нас учить — и всё не в прок. Но догоны помнят их!

Китайцы?

А вы думаете, что они дураки все?

Да ничуть не бывало! В памяти их поколений запечатлелось другое пришествие — из системы, возле Звезды Ригель. Пришельцы умели делать полумозговые механизмы, питаемые всё той же атомной энергией. И первый их император в Китае, был Цинь Шихуанди. Из пришельцев. И тоже оставил просто вал знаний. И тоже не в прок.

Индийцы?

Те тоже хороши! Три тысячи лет назад они летали по воздуху в огромных кораблях. Но забыли это искусство. И всё потому, что тоже, как и Атланты подрались с применением атомного оружия. Их города... Один помню — Мохенджо-Даро — был уничтожен таким оружием. В преданиях других народов это оружие упоминается как «огонь небес». Почему? Да просто! Атомную бомбу кидали как раз с таких летающих кораблей. А что после такого тотального опустошения может быть?

Они потеряли всё. И знания в первую очередь. А теперь влачат настолько жалкое существование. Потому, что забыли всё. Уцелели не те, кто строил звёздные корабли, а те,

кто ковырялся в земле!

Содом и Гоморра уничтожены не богом, а Древними. Атомным оружием. За мерзость скотоложества, гомосексуализма и прочих явлений падения нравов...

И далее, и далее, и далее...

Василий, поначалу, порывался заставить Григория заткнуться. Но увидев, что вся публика слушает его разинув рты, махнул на это рукой. Но зоркая держательница салона заметила эти дёрганья и задала вопрос Григорию. На что тот, ничтоже сумнящся, ответил с солдатской прямолинейностью:

— У нас с братом на этот счёт были очень жаркие споры. Он сторонник того мнения, что человечество не доросло до знаний дарованных нам Богами в древности. Я же говорю, что наоборот, надо всемерно изучать историю нашей Земли, и печальный опыт предыдущих поколений. Чтобы те катастрофы, что учинили наши предки больше не повторять. Ведь это может закончиться очень печально — полным и окончательным уничтожением человечества. И это будет тот самый Апокалипсис. Только сделают его — люди.

Все с жаром закивали.

* * *

Когда возвращались с этого сблища, Василий выговорил Григорию.

— Ты опять наговорил «сорок бочек арестантов».

— Да расслабься! Что с убогих взять? Они хотели? Они получили!

— Так они весь этот бред понесут дальше.

— ... И посрамят Блаватскую.

— Не посрамят. Дамочка на всю голову больна. И таких же больных она увлечёт покруче чем ты.

— Но ты не учитываешь, что ведь многое из того, что я им сказал в научной области, будет открыто? Нептун и Плутон ещё не открыли. Сириус Б ещё кружится вокруг главной звезды не открытый. Календарь Майя — тоже, кажется, пока не известен. Самолёты Инков — тоже пока что в рисунках археологов. Мифы Индии и Китая с этих позиций тоже никакая падла не изучала, а уж вообще сведения из астрономии, что я тут на них вывалил...

— ...Короче, им разгребаться в твоих предсказаниях, и бреднях хватит на пару сотен лет. Нострадамус-два, блин!

Григорий заржал.

— Кстати, брат! — Отсмеявшись бросил Григорий. — Меня тут некоторые нестыковки заинтересовали.

— Какие?

— Да помнишь, когда ты меня начал пытаться газетными статьями... Там ты говорил об опизировке, которая поднимается в Европах... Но ведь в эти времена, в этом мире, не могут книги так быстро распространяться! Как я знаю, сейчас ещё не изобрели способ передавать их по телеграфу.

— Да просто всё! Мы остановились в Испании. Ты толкнул свою книгу. Когда мы уезжали, её начали печатать. Следовательно, она начала распространяться. Так?

— Так!

— Дальше мы были в Марселе. Там тоже запустили. Но! Ты же ведь описал всё

достаточно жутко. Так?

Григорий кивнул.

— И не только жутко, но и очень реалистично. А дальше, подумай, что будет делать газетчик, которому в руки попала твоя книга. Он прочитает, охренеет, и для того, чтобы «состричь свои купоны», превратит твою книгу в предсказание. Чёткое. Ясное. Но так как эту книгу в газете не тиснешь, что он сделает? Он возьмёт главную идею — про вирус и мировую эпидемию. И опишет своими словами. Лишь вскользь сославшись на тебя. А так как шум от нас и нашей яхты уже пошёл, другие газетчики свяжут всё воедино. И дальше по телеграфу... Короче вот тебе опишилово... Кстати заметил, что этой опишиловки здесь пока нет?

— Да. Заметил.

— Вот потому и нет, что книжка твоя далековато, и местные газетчики просто не прониклись. А мы знаем о ней только из газет Италии и Франции, что здесь если кто и читает, то их очень мало.

— Ага. Представил. Когда кто-то из Франции или Италии притащит экземпляр книги «Бриллиантовый заложник» сюда, то и здесь рванёт.

— Именно! И нам тут сильно повезло, что всё здесь пока что в отзвуках.

— Вот это да-а! Вот это мы набарогозили!

— Так это ты ещё не всё учиываешь...

— А что ещё?

— Ха! Ты не учиываешь «культ страха» что был всегда в Европе, ещё со времён Великой Чумы. И тут в Европе ту чуму слишком хорошо помнят. И страх у них перед заразой впечатался в гены. Впечатался в протестантские догматы их религии. Страх перед неотвратимым и страшным. Твоя сказочка про эболу упала на слишком унавоженную почву.

— По твоим словам выходит, что аналогия с почвой неуместна — вполне серьёзно заявил Григорий. — тут скорее подойдёт аналогия со спичкой и сухой травой в степи.

— Да. Пожалуй это будет точнее. — согласился Василий.

Григорий некоторое время помолчал.

— Ну нихрена-с-себе! Честно говорю — я не знал!

— Короче, братец! Ты только что, своими книжками и болтовнёй, сделал то самое МНВ.

— Чи-то?!

— Азимов «Конец вечности»... — скривившись напомнил Василий.

— А-а! Вспомнил... Мораль: завтра без вариантов — ноги в руки. Пока не началось. Здесь. Мы, оказывается, впереди волны!

— Я рад что ты понял. — саркастически заметил Василий. — И то, что тут история явно пойдёт по иному пути — тоже ясно. Такого масштаба психоз бесследно для цивилизации не проходит.

* * *

Отчалили рано утром. Так как уходили «по-английски» — ни с кем не прощаясь — то из провожающих были две бродячие собаки, полисмен и пара рыбаков. И этим всем было абсолютно пофиг то, что Василий выводил яхту, как лихач автомобилист своё авто из

гаража. Только рыбаки мельком увидев, как яхта лихо разворачивается на месте лишь слегка пожали плечами.

В этот день дул довольно крепкий ветер с запада, тащил облака, грозившие вылиться дождём. Поставили паруса и уже это дало довольно приличную скорость. Километров сорок в час. Это всё было хорошо, но вот нарастающая болтанка из-за поднимающегося волнения, могла вымотать. Одно хорошо, что если быстро идти, то за двое суток вполне можно было дойти до Стамбула. Плохо, что они совершенно не знали обстановку в Дарданеллах.

Там самое узкое место — Чанак-кале. И если там будет много кораблей, да при таком ветре, что сейчас... Проблем будет много. Уже то, что по пути следования они видели множество кораблей, плывущих в обоих направлениях, внушало некоторое опасение.

Однако, всё прошло нормально. Радар, эхолот с функцией сканера, плюс компьютер, дали как раз ту свободу в навигации, которой не хватало очень сильно всем, кто в этом мире в это время плавал по морям. Проскочили.

Также проскочили и мимо Стамбула. Глянули на него с утрачка и, оставив по левому борту двинули на выход в Чёрное море. Турки, когда они отказались от лоцмана, посмотрели на них как на сумасшедших. Но тем не менее, прошли. Несмотря на дикое переплетение течений в узком морском проходе и всё ещё не ослабевший ветер.

Подтвердив репутацию лихих мариманов, братья наконец, вырвались на простор Чёрного моря.

Встретили несколько мелких баркасов, и пару пароходов на курсе в сторону Керченского пролива. Отвалили вправо и, убедившись, что их никто не наблюдает решили прыгать через миры.

Но не тут-то было.

Уже запустив сканер, полей, Василий был неприятно удивлён необычностью обстановки. Все точки, через которые можно было пробить проход выглядели как-то... не очень обнадеживающе.

Пройдя широкой дугой по штормящему морю, и не найдя более подходящих точек, Василий попытался прорваться на первой попавшейся.

Не вышло. Даже признаков прохода не обозначилось.

Снова переход. До следующей точки.

И снова неудача.

Тогда Василий решил «долбить» все попадающиеся точки, какие только есть. Через сутки, сильно вымотанный, он понял, что что-то слишком не так. Ни один проход не открылся.

Взяли курс на Новороссийск. Кстати, в то время уже достаточно крупный порт. Там находилась одна из самых мощных точек по переходу. Решили даже в наглу, пробить в пределах видимости с берега проход туда. Но как ни пытались — безуспешно.

Василий, чем дальше, тем больше начал трястись от страха. Страх, что здесь застряли и надолго.

Он взял старый свой «зонд».

Осмотрел и протестировал каждую цепь. Всё работало нормально.

Запустил на «точку перехода». Переход не открылся.

Григорий, стоически наблюдающий как мучается брат помалкивал, понимая, что ни его рацеи, ни его подначки или ругань тут ничем не помогут. Но и у него всё больше и больше росло ощущение обречённости.

— Василь! — сказал он однажды за обедом. — Как ты думаешь, а не сделала ли нам подляну та самая «принцесса»?

— Почему ты так считаешь? — мрачно поинтересовался Василий.

— Ну, помнишь, она говорила, что «этот мир будет закрыт»... В смысле наш. Родной. Или уже закрыт. А тут мы сами в эту мышеловку полезли, ну нас, чтобы не возиться с отловом тут тупо и замуровали.

Василий отложил вилку и посмотрел в потолок. И после длительного раздумья ответил.

— Я тоже всё больше склоняюсь именно к такой версии.

— И что будем делать?

— Пробиваться.

— Как?

— Мне кажется, что всё дело — в мощности аппаратуры. Так что нужно сделать установочку, нужного размера и с питанием от хорошей электростанции.

— Под «хорошей электростанцией» ты что имеешь в виду?

— Что-то типа Днепрогэса.

— Нихренассе!

— ... И то не уверен, что хватит пробить проход.

— Итить, твою налево! Действительно «замурили»!

Братец витиевато и многоэтажно выругался.

— Таким образом, нам нужно тут оседать, натурализовываться окончательно и думать, как выплывать в этом общем потоке дерьма.

— Будто у нас там — молочная Амазонка. — мрачно и коряво пошутил Григорий.

— Но задачи — сходные. Мы хотели попрогрессорствовать? Вот и будем здесь прогрессорствовать. И, кстати, тебе на заметку: тут нравы и порядки не в пример мягче и проще, чем в наше время.

— Например?

— Мы можем тут ввезти хренову тучу ценностей. И так натурализовать их — элементарно. Ты, кстати, можешь ходить со своим любимым ПП. Или «Береттой». Тебе никто тут слова не скажет. Если, ты, конечно, кого-нибудь не пришьёшь. Тогда будут разбираться. Но если в порядке самообороны, да ещё ты «ноблес» — тебя оправдают вчистую и даже не особо копать будут.

— Да... Это — цимус! А что ещё? — сильно заинтересовался Григорий.

— Дохрена чего. Я не интересовался плотно этим временем. Так что изучать будем — по ходу дела.

— А! Кстати! Тут на берегу, те самые места, где упомянутый Бука в нашем мире и в наше время ошивается. Отдыхает летом. И куча разных офисных хомячков со всей России. Дикарями. Озёра и «бухта контрабандистов». Сплываем? Отдохнём хотя бы день?

— А хрен-ли нам?

Сказано — сделано. Подошли к берегу максимально близко. В этих местах, дно очень резко уходило вниз, так что подойти удалось почти что вплотную. Бросили якорь. Высадились.

В эти времена и в этом мире всё было дико и пустынно. Лес был практически таким же. Оно и понятно — можжевельный лес растёт медленно. И живёт такое деревцо, иногда до тысячи четырёхсот лет.

— Ну и где твой знакомец Бука обитал? — спросил Григорий.

— А вон там. В лесу. Там у нас была куча стоянок. И одна, которую прозвали «Стоянка лешего». Там мужик когда-то отдыхал и оборудовал её. На лешего реально, говорят, похож был.

— Ну... Будем представлять, что с нами все наши друзья. Плюс этот твой Бука. — сказал Григорий, доставая только что синтезированное кухонным агрегатом яхты, сырое мясо. Достал красное вино и прочие ингредиенты пикника.

Пока плавали и ныряли, мясо замариновалось. Выложили мангал прямо на берегу. Из массы сухого плавника набрали дров и запалили костёр. И долго-долго, как в старые добрые времена сидели, смотрели как садится солнце за морской горизонт, как проклёвываются звёзды и болтали. Болтали и болтали. Провожая прошлую жизнь. Вспоминали то, как жили там, в своём мире.

Теперь для них «свой» и надолго — вот этот.

— Гриня! — вдруг обратился довольно резко Василий. — Давай договоримся об одном правиле. И строго ему будем следовать.

— Какое-такое правило? — встрепенулся Григорий.

— А то, что нам там, у нас, вливали в мозги всякую дрянь. Пропаганда... И давай не будем заранее, исходя из своих представлений, судить этот мир. Он может оказаться слишком другим.

— Справедливо... — согласился Григорий.

— А раз он может оказаться слишком другим, будем исходить только из того, что видим перед носом. Лады?

— Лады... — пожал плечами Григорий.

* * *

С первыми лучами Солнца, осветившим горы, отправились дальше. В Одессу.

Почему в Одессу?

Расчёт был прост: в таких городах как Новороссийск, Анапа, Керчь, могло не оказаться нужного промышленного потенциала. И слишком далеко от Центра.

В Севастополь их могли просто тупо не пустить. Всё-таки военно-морская база. А они, тут более чем иностранцы. А Одесса была давно большим портом со своей промышленностью.

Но, в Анапу всё-таки завернули. Ухмыляющийся Василий, таинственно намекнул на некий шок, чем заинтриговал Григория.

Причалили к новенькому пирсу. Как оказалось, тот бетонный причал только-только построили. Но всё равно, было мелковато. Осадка у яхты была — будь здоров.

Высадились.

По реакции встречающих поняли, что о «баламутах всея Европы» тут и не слыхивали. То есть тут не то, что волна эбола-опизиловки не дошла. Но, не дошли даже новости Европы двухмесячной давности. Их приняли просто. Как неких очень богатых господ путешествующих на своей яхте. И не более того.

Шоком, обещанным Василием, оказался порядок, установившийся при продаже вина.

Вина тут производили, как оказалось, море! Даже за кордон вывозили, от чего Григорий тут же возгордился за Державу. Он верил в то, что она до революции была богатой и

сильной.

Ага. Именно так.

Григорий похихикивая повёл на базар, который был недалеко и... Оказалось, что вино тут продаётся не бутылками, не бочками, а ВЁДРАМИ.

Нашли полковника, производителя вина. У него взяли аж четыре бочки хорошего красного сухого.

— Очень хорошее вино, господа! Заверил полковник. Я сажены специально во Францию ездил покупать. Эти прижились и теперь вот, не только кукурузу и хлеб выращиваем, но ещё и виноград. Вино делаем! Как во Франции!

С полковником расстались друзьями. Обещали ещё как-нибудь «завернуть на огонёк». В будущем. А вино реально понравилось.

* * *

Когда плыли мимо Керченского пролива, заметили какие-то суда, идущие в Азовское море. Всё-таки, как оказалось, в эти времена, грузопоток тут был приличный.

Мимо Крыма проскочили быстро.

И вот — Одесса!

Первое, на что они попали в Одессе — их попытались обокрасть. Преступность в городе была... Как говорится, «ещё та». Так что старый-добрый Бабель совершенно ничего не привирал, когда описывал нравы этого городка.

Ясное дело, что большинство населения ворами и бандитами не было. Однако присутствие этой малочисленной, но гнусной прослойки, постоянно ощущалось.

Показательной была стычка в каком-то баре-пивняке, куда завернули по ошибке, братья. Думали просто харчевня.

А оказалось...

Когда они уселись и заказали поесть-попить, из какого-то угла вылезло... Чмо.

Вихляющей походкой хлыщ припёрся к их столику и начал на них натурально «наезжать». Братья слишком поздно поняли, что попали явно не туда, куда стремились. Это был какой-то притон-малина.

Хлыщ, чувствующий у себя за спиной поддержку корешей, которые сидели за другими столами и нагло скалились, вообще распоясался. Начал кричать, что «ми тебя на перо посадим» и прочее и прочее.

Григорий грубо послал хлыща «по кочкам».

Хлыщ обозлился и реально достал «перо».

Григорий хлопнул себя по груди. Жест был, с точки зрения «зрителей», странный. Но это для них он был странный. А на самом деле — активация полной защиты.

Гриша выскользнул из-за стола и достойно встретил франта с финкой. Перехватил за запястье нападающего и скользнул ему за спину.

Довольно примитивный приём айкидо. Типчик кувыркнулся в воздухе с грохотом обрушился плашмя спиной, на грязный пол. Григорий вывернул ему запястье и чуть-чуть сильнее нажал, нежели было бы достаточно.

Рука нападавшего хрустнула. Франт вскрикнул.

Перехватив финку выпавшую у него из рук, Григорий почти без замаха отправил его в

сторону своего стола. Нож воткнулся рядом с оставленной ложкой и завибрировал.

— Детям финки не игрушка! — глубокомысленно заметил Григорий и пнув противника для острастки направился к своему столу.

Но не успел он дойти до стола, как почувствовал неладное. Резко обернулся.

Франт бледный от злости и сильнейшей боли в поломанной руке, стоял возле стены и вытягивал из внутреннего кармана наган. Зная, что сейчас произойдёт Григорий даже не стал метаться. Не зря он идя в город всегда надевал защиту. Хмырь злорадно сквозь еле сдерживаемую боль оскалился. Прозвучал выстрел. Ещё. Ещё.

Ощущения у Григория были такие, как будто кто-то довольно сильно трижды ударил кулаком в грудь. Защита, перераспределила полученный от пули импульс на весь корпус, так что ни синяков, ни ещё каких-то серьёзных повреждений быть не могло.

Но рубашку пули испортили. Ту, что была надета поверх защиты.

Разыграв сильнейшее огорчение, Григорий выплюнул в лицо франту.

— Ну ты и скотина! Ты пошто мне, гад новую рубашку-то подырявил, а?!!

С этими словами он кинулся к бандиту. Тот успел выстрелить ещё два раза, но тщетно.

На этот раз Григорий не стал его жалеть и устроил противнику настоящий сложный перелом обеих рук.

Фраер уже не пытался подняться на ноги, а только корчился от невыносимой боли не рискуя даже пошевелить руками. И тут раздался ещё один выстрел.

— Руки на стол, урла позорная!!! — услышал он злобный вопль брата.

Когда он обернулся, завсегдатаи повскакивали с мест и жались к стенам. Те, что не успели, благоразумно положили руки на стол, демонстрируя что в них ничего нет. Один же из них, с развороченной пулей ладонью, тискал запястье целой рукой и орал. Возле стены валялся, близнец только что отобранного Григорием револьвера.

Что хорошо, плёнка на защитном костюме, была типа «хамелеон». Она не только плотно приставала к телу, но и точно отображала на своей поверхности вид того, на чём лежала — тело хозяина. Так что когда Григорий демонстративно, с мукой в глазах расстегнул рубашку и стряхнул на пол расплюснутые о грудь пули, у толпы урок глаза были ну очень круглые. Ведь как видели урки, стряхивал он пули с голой груди.

— Какую рубашку, падла, испортил! — со злобой повторил ещё раз Григорий и сунув первый наган себе в карман, направился к тому, что лежал у стены.

— Ты как всегда быстр и меток, брат! — с удовлетворением сказал он, подбирая наган с окровавленной и изувеченной рукояткой.

— А мог бы и сразу в лоб! — философским тоном заметил он, обращаясь к бандиту с полуоторванной кистью. — чтобы наверняка и не мучился... Или всё-таки в лоб? А то, вижу ну о-очень сильно мучаешься!

Бандит тут же всеми возможными способами продемонстрировал что не надо.

— Ну вы смотрите! — уже с угрозой обратился он к уркам. — А то в «Беретте» пятнадцать патронов. Как раз каждому на лобик хватит...

Григорий отошёл подальше и уже брезгливо сказал.

— Пошли отсюда брат! Тут жрачка хреновая... И говном воняет.

Дермцом тут действительно пованивало. Как раз от того, с простреленной рукой. Видать от страха обделался.

Отогнав толпу местной гопоты в угол, братья осторожно проследовали к выходу.

Напоследок Григорий, лениво вынул и свою «Беретту» и продемонстрировав её

присутствующим прошёл на выход вслед за братом.

* * *

Когда вернулись на яхту, то оказалось, что и её тоже пытались ограбить. Не вышло. Ни отмычки (их просто некуда было совать), ни фомки, ни кувалды не помогли налётчикам. Вся выполненная из сверхпрочных материалов, яхта представляла из себя эдакий пятидесятиметровый, компьютеризированный сейф, открывающийся только их истинным хозяевам.

Тем не менее, все перипетии налёта на яхту братья получили, что называется на блюдецке. В форме видео.

Все рожи налётчиков там были настолько хорошо отображены, что Григорий не удержался и распечатал каждый портрет в формате 30х40 см и отнёс в полицию.

— Ну, брат... Если это современная Одесса, то... Что-то мне не хочется тут жить... Почему? Прежде чем с комфортом тут располагаться, придётся делать тотальную зачистку города от гопоты и оргпреступности. А то, чую, спокойной работы тут не будет.

— Я того же мнения. — Буркнул Василий.

— И куда тогда нам податься?

— В Питер.

— А почему именно в Питер?

— Там лучшая в Европе уголовная полиция.

— О! Это замечательно... — выговорил брат. — А! Кстати! Ты где так метко стрелять научился?

— Да я случайно...

— Хорошо, однако! Хм... Случайно!

— Однако дерьмо! — неожиданно в сердцах воскликнул Василий, и с силой саданул кулаком по столику.

— Не спорю! — примирительно заявил брат. — Ну так чо? Поплыли?

— Пошли! — поправил его Василий. — Корабли — ходят, а плавает — только дерьмо.

Вот так они и покинули славный город Одессу. Но всё равно обещали вернуться. Урмам это обещание не понравилось. Но их мнения никто и не спрашивал.

* * *

Обогнуть Европу — неслабое мероприятие. Но если у вас полностью автоматизированная яхта, да ещё комп может вполне нормально «стоять вахту» полностью подменяя и капитана, и штурмана, и рулевого, да ещё сама яхта самовосстанавливающаяся, самоподчиняющаяся, да сама же ещё всё необходимое для своего функционирования добывает из морской воды — такое путешествие не будет шибко затруднительным. И главная трудность тут — скука.

Каждый её убивал по-своему.

Григорий, извращался с написанием романов, на полную эксплуатируя возможности компа, предоставленного им Гайяной.

Василий же корпел над вычислениями.

Но как он ни пытался найти решение из того положения, в которое они попали, по любому выходило, что они в этом мире, буквально замурованы.

Да ещё он далеко не полностью понимал все следствия той теории Мировых Линий, которую получил от Гайяны. Так что ломать голову у него было над чем. И конца этому разбирательству в теориях он не видел.

Но как он ни крутил, всё равно получалось, что из того, что он видел на приборах яхты, отсюда выхода нет.

По крайней мере — пока нет.

Он не уставал по пути следования «драконить» каждую подходящую и неподходящую точку для перехода. Причём всегда выбирал настройки на разные миры.

Это, конечно, было опасно, но учитывая прочность яхты, да возможность быстро закрыть «окошко», если что не так пойдёт, прибавляла наглости в экспериментах. Но всё было впустую.

Когда прошли Гибралтар, Василий уже постоянно пребывал в крайне скверном настроении.

Он был зол на себя, на этот Мир, и на каждого, кто проплывал мимо их яхты. Точнее, по-морскому, надо бы говорить «проходил». Но у Василия, всё окружающее стало скоро ассоциироваться с большим-пребольшим клозетом. И что там может мимо «ходить»... Нет! Только проплывать!

В этом мнении он был, конечно, не прав. Просто он был сейчас зол. И именно этот злой настрой подвиг его самого на хулиганство.

А собственно что? Григорий в мегахулиганстве уже отметился?

Отметился!

Пора бы и Василию тоже. Всё же одна кровь.

Но не эта мысль Василием двигала.

Его двигало исключительно и только — наличное, текущее зверское настроение.

Василий вспомнил, какую бездну бед, — вот эти «общечеловеки», то бишь Европейцы, за двадцатый век доставили России. Своей жадностью, подлостью.

Постоянным стремлением объявить всех кто слабее их недочеловеками или вообще животными, чтобы их убивать и поработать «с чистой совестью».

И вдруг жгуче захотелось завернуть тут рядом. К одному из самых гнусных персонажей мировой политики — к англичанам. В Лондон. Тёмной ночью. И вдолбить по Тауэру.

Но, эта мысль была тут же отброшена. Против эскадр Британии, если они навалятся все вместе, им не вытянуть заведомо. Так что если и мстить, то, как говорят: «мечь такое блюдо, которое надо потреблять холодным».

Также и совесть потом не даст спокойно спать. Ни в чём не повинные люди, которые даже и близко не относятся к тем, кто отдаёт преступные приказы не должны страдать.

Василий задумался. И все мысли его вертелись вокруг, можно сказать только что, учинённого хулиганства с эбола-психозом. Да, этот психоз пока охватил очень узкий слой народонаселения Европы. Во-первых, самый высокообразованный, во вторых, читающий романы. Но и это уже было что-то. Уж очень сильно в свете предстоящей мести, Василию понравились как разворачивающиеся события в Европе, так и вообще предполагаемые последствия. Но пока никаких особых, перспективных идей в голову не приходило.

Яхта как раз почти пересекла Бискайский залив и подошла к проливу Ла-Манш. К его

южным «воротам».

Погодка была хоть и не штормовая, но небо было заложено низкими, плотными облаками, которые ветер нёс куда-то на юго-восток. Луна ещё не взошла. И на бескрайних просторах океана, были видны только навигационные огни проходящих здесь судов. Радар же показывал ещё большее количество проходящих, нежели было видно в прямой видимости.

— Оу! Какая толпа!!! — услышал он за спиной восклицание Григория. Тот заинтересовавшись над чем братец так долго размышляет, решил посмотреть тому через плечо на большой навигационный экран.

— Дык «канал». Тут всегда, во все времена было столпотворение. — уныло сказал Василий. Он пребывал до сих пор в депрессии. Но Григорий был совершенно иного мнения.

— А это кто тут шляется? — задал он вопрос в пространство и тут же сам ринулся искать на него ответ. Благо телескоп и прочие примочки к нему позволяли хорошо видеть в темноте.

— Наглы... Наглы... Наглы... О! Швед... Наглы... Наглы... Француз... Снова наглы... Да что они, ВСЕ ЗДЕСЬ?!!

— Так «канал» и есть «агличский»... — буркнул Василий и вдруг оживился.

— Ненавижу наглов!!! — зарычал он и тут же полез что-то перебирать в программах компа, управляющего яхтой.

Григорий замолк и с интересом стал следить за тем, что озверевший братик «ваяет». Минуты через две он понял, замысел брата и стал подавать ценные советы.

— Да! Класс! А теперь сделай их проекцию «рваными». Во! Супер! И теперь ещё проекцию сюда... Ну помнишь, я изгилялся, модели строил? Возьми моего, он танец классно танцует с саблями! Да. Сюда. И проекцию на облака — череп и кости... Или ещё лучше — «Весёлого Роджера»! Во, смак получилось!

Сильно повеселевший Василий, завершив программирование проекционной системы яхты нажал на «ввод»...

В мгновение ока, вид яхты преобразился. И всё благодаря обыкновенным проекторам. Да, чуть-чуть подняли борта метаморфозом. Чтобы очертания корабля приблизились к формам старинного пиратского брига. И ещё пару щитов, чтобы можно было на них вывести изображение. Но всё остальное сделали проекторы, превратившие надутые паруса в колышущиеся под слабым ветерком, рваные обрывки. По «палубе» расхаживали скелеты, выряженные в полуистлевшие камзолы, размахивающие самым разнообразным оружием семнадцатого-восемнадцатого века. И всё это объятное зеленоватым «пламенем», несло на север по мрачным волнам. К проливу Ла-Манш. И самый смак — над кораблём, на низких облаках плясало такое же зелёное изображение «Весёлого Роджера». Причём не на много меньшее, нежели сам «корабль-призрак».

* * *

Дикий, крик вахтенного, выбросил шкипера Янсена из гамака. Он даже не мог представить, что скромный Густав, может так орать. Так, чтобы было слышно в его каюте, да ещё так громко.

Густав продолжал орать, будто его все черти ада, сейчас, прямо на палубе расстилают

по адской сковородке. И в его крике было столько ужаса, что шкиперу стало самому не по себе.

Когда шкипер всё-таки вылетел на палубу, то застал бедного Густава всё также орущего, но уже почти осипшего, ползающим на брюхе по доскам настила. Причём вид у него был такой, как будто он в эти доски натурально зарыться хочет.

Янсен огляделся. На корабле, на первый и второй взгляд всё было в порядке. Так как опасные воды были ещё далеки, то...

Он бегом забежал в рубку. Там никого не оказалось. Закреплённый штурвал удерживал судно на прежнем курсе, но то, что рулевой отсутствовал был гнуснейший беспорядок.

И тут на палубу кто-то вышел ещё.

И снова дикий крик. Уже матроса из команды.

И тут шкипер краем глаза заметил нечто зелёное, идущее параллельным курсом к их кораблю. Двигающееся явно быстрее. Догоняющее.

Когда он глянул в том направлении, он сильно пожалел, что родился на свет.

В восьми-десяти кабельтовых, над тёмными волнами мчался парусник, объятый призрачным, зелёным пламенем. С оборванными, истлевшими парусами и над всем этим, как печать Дьявола, крутился огромный, такой же зелёный, круг с «Весёлым Роджером».

Трясущимися руками Янсен схватил висящий на шее бинокль и направил его в сторону Ужаса.

То, что он увидел, снилось ему в самых кошмарных снах до конца жизни.

На палубе корабля.

Синхронно.

Размахивая кривыми саблями и старинными пистолетами.

Плясали скелеты.

И плясали какой-то дикий, сатанинский танец. Невиданный им нигде. Ни до. Ни после.

Тут он понял что непонятные звуки, временами доносившиеся со стороны призрака складываются в зловещую, ритмичную мелодию...

Янсен опустился на колени и стал истово молиться.

Он не молился так никогда в жизни. Так искренне, с таким страхом. С такой дикой, нечеловеческой жадой Спасения.

Ибо прямо перед ним плыл тот самый....

Тот самый «Летучий Голландец».

Янсен не знал, как называется танец и, естественно, не мог знать, но любой житель конца двадцатого века, в нём безошибочно узнал бы брейк-данс.

Глава 7

Чисто английские тараканы

После Ла Манша и Па де Кале решили-таки зайти в Амстердам. Тем более, что у Василия возникла надобность кое-что заранее узнать, чтобы после, уже в Питере не дёргаться. И, тем более, не мотаться в Амстердам по той же самой надобности. А проблема была в алмазах.

Одно дело делать фальшивки, копируя бумажные деньги. На них можно было попасться.

Хоть и небольшой шанс, но всё-таки имелся. Поэтому стоило реализовать другой источник доходов. Но для этого нужно было точно знать и цену на алмазы, и конъюнктуру. Чтобы не быть обманутыми.

Выходка с «Летучим Голландцем», как ни странно, успокоила обоих. Было такое ощущение, что «хватит с них на пока». Так что стоило бы уже начинать более спокойно относиться и к тому, что происходит и начинать создавать конкретный фундамент своей собственной прогрессорской деятельности.

Григорий шутил: «Если взял имя Руматы — надо соответствовать!». Брат лишь посмеивался.

Сразу же по прибытию они заметили, что на них как-то нехорошо косятся. Но когда они спокойно сошли на берег, и также спокойно стали обсуждать насущные проблемы постоя. К ним мгновенно потеряли всякий интерес.

Но, тем не менее, в порту царило оживление. Причём оживление нездоровое. Все суетились, но было видно, что это не деловая суета.

Как только появился мальчишка, разносчик газет, на него налетели как голодные коты на пробегающую мышку. В мгновение все газеты были распроданы, и довольный продавец быстренько ретировался за новой партией. Наконец, до некоторых дошло, что некая яхта, только что прибывшая в порт может быть либо свидетелем, либо участником, либо носителем ещё каких-либо новостей. Потому, что прибыла только что.

Толпа оторвалась от прочтения газет и каким-то «голодным» взглядом посмотрела на прибывших. Но, слишком большое отличие от «всяких прочих», как по одежде, так и по видимому статусу, не позволило портовым рабочим подойти и справиться у «господ».

Братья заметили эти взгляды. Переглянулись.

Ухмыльнулись. И сами подошли к тем самым работягам. За объяснениями. Их мгновенно взяли в кольцо любопытные. Так что диалог с плечистым и мускулистым докером происходил под пристальным вниманием как минимум человек пятидесяти.

Кстати, надо бы упомянуть факт, что ещё на стадии изучения полученных языков, с «переводчиком», там обнаружилась очень интересная функция — акценты.

То есть можно было имитировать различные акценты, от лёгкого до очень жёсткого.

Для общения с докерами братья выбрали лёгкий испанский акцент голландского.

Обнаружив, что господа прилично общаются на голландском, и, по виду, являются неслабыми мариманами, преодолевая страх перед «ноблес» закидали вопросами.

Как и предполагал Григорий, их хулиганская выходка в «английском канале» вызвала не просто волну сенсации, а шторм в прессе и вообще в обществе.

Оказалось, что по обе стороны «канала», в порты спешно прибывали корабли, и

команды, сломя голову кидались на сушу. Подальше от моря. Причём часто капитаны бежали впереди команды. Паника была такой, что охватила даже часть населения портовых городов. Особенно, когда узнали из-за чего это повальное бегство.

А так как описания были сходными, то сомнений в том, что произошло, ни у кого не было. Здоровый скептицизм по обе стороны пролива просто был утоплен в буре страха и диких пересудов.

Добавилось ещё шуму от того, что в Па де Кале «Корабль Признак» видели с обоих берегов. То ли видимость была отменная в этот момент, но объятый зелёным пламенем парусник видели довольно отчётливо. И также отчётливо видели как он «растворился в темноте» выйдя в Северное море.

Религиозный угар, кликушество нарастали как лавина, катящаяся с гор по мере прибавления как реальных свидетелей, так и свидетелей липовых, ищущих дешёвой популярности. И, самое необычное — сенсация грохнула буквально только что.

Телеграф из портов разнёс весть. Газетчики подхватили. И на следующий день — «рвануло».

Вот именно это и узнали братья, буквально за двадцать минут общения с портовыми работягами.

На прямые вопросы, видели ли они что-то такое, они сдержано ответили что да, видели некое зелёное пламя, движущееся по морю далеко за кормой, но не придали этому значения. Но то-ли вралли они коряво, то-ли сработала обычная в этих случаях шиза, когда верят во всё, что подтверждает уже сложившуюся версию, а всякие прочие отметаются, но толпа им явно не поверила.

И тут, как чёрт из табакерки, выпрыгнул журналист.

Акула пера тем и отличается от всяких прочих, что стеснительность и такт у них отсутствует как класс.

Газетчик тут же закидал братьев таким количеством вопросов, что те, по-началу, потерялись. Но Григорий всё-таки более тёртый, быстро пришёл в себя, сгрёб газетчика и увлёк его прочь из порта.

Когда проталкивались через уже плотную толпу, он выяснил и из какой газеты сей господин, и где находятся всякие научные и околонаучные заведения Амстердама, лучшие рестораны, лучшие гостиницы и забегаловки города.

Но тут Григорий сделал небольшую ошибку. Он сказал с какого корабля братья. И газетчик вцепился в них тут же как клещ. Ибо понял, кто эти братья, и на какую ходячую сенсацию он напал. Впрочем сами братья, неожиданно для газетчика не проявили обычной в таких случаях для всех представителей высоких сословий чванства и неприятия газетчиков.

Наоборот, оба проявили живейшее желание поэксплуатировать самого газетчика. Как бесплатного гида.

Выбрали гостиницу. Закинули вещи. Под прицелом округленных глаз газетчика обработали комнату инсектицидом, и отбыли прогуляться, пока отравы не выветрится. Консьержу же строго указали, чтобы до их возвращения, в комнату никого не пускать. Даже уборщиков.

Выполнив «необходимые процедуры», братья снова вцепились в «бесплатного гида». К тому времени уже знали, что зовут того по имени Эдвин. И следующим их желанием было «Уютное кафе».

«Уютное кафе», в которое завёл журналист, оказалось приличным баром для богатых и

состоятельных, которое, к тому же, оказалось рядом.

По крайней мере, в помещении присутствовали некие господа явно не мелкого достатка. На зашедших они, конечно, покосились, так как и Василий и Григорий, как я уже и говорил, вырядились в те наряды, которые сочли удобными, а не те, которые общеприняты здесь. Впрочем, после происшествия в Одессе они, по обоюдному, молчаливому согласию, носили оружие. В кобурах в подмышках. А чтобы их не «светить», приходилось носить и нечто типа пиджаков. Но так как по жаре в пиджаках шлаться было пыткой, решили заменить их на лёгкие куртки с покрытием, отражающими тепло. Вот это самое «повышенное альbedo», как шутил Василий и привлекало внимание.

В общем, их «прикид» был в рамках приличий, но сильно выдавал в них пришельцев. Однако на последнее обоим было уже давно наплевать.

Подскочил официант, проводил к столику. И тут... Тут оба брата обнаружили, что очень давно не пили приличного пива.

В пивопитии известно — главное начать...

Через час осоловел даже, косящий под скромного, Эдвин. Однако в блокнот строчил исправно не забывая отхлёбывать из кружки и заедать обильной закуской. А стосковавшиеся за простым общением после длительного плавания братья были рады поболтать.

Наверное они очень громко обсуждали перипетии своих приключений и путешествий. Как действительных, так и мнимых. Но вскоре к их столику осторожно подполз официант и также осторожно завёл речь.

— Там господин англичанин, спрашивает, Вас, господа... Не могли бы вы быть так любезны...

— ...Короче он хочет к нам за столик и поболтать на обоюдоинтересные темы. — Икнул Григорий. — Зови!

Официант смутился от такой прямолинейности. Василий же постарался затереть конфуз.

— Мой брат как всегда по-солдатски прямолинеен. Зовите господина... Как его там? Мы с удовольствием поболтаем! — радостно сообщил он.

В общем, Василий предполагал о чём будет речь. И если этот господин так навязывается, да ещё этот господин англичанин, то тут явно что-то нечисто. Преодолеть свою английскую надменность... Гм!

Предварительные предположения Василия, в общем целом оправдались. Оказалось, их почтил вниманием целый член Королевского Географического общества.

Сей «истинный член» оказался поджарым типом лет тридцати. Звать Генри. Держался чопорно. Однако, жгучий интерес к братьям и желание быть знакомым с уже знаменитыми личностями, видно сильно перевешивал эту самую чопорность.

Как знал Василий, «просто члена» в Королевском Географическом обществе Великобритании давали всякому, кто изъявил желание. Членом же без всяких «просто» мог стать только человек кто был рядовым предыдущие пять лет и/или имел отношение к географии посредством участия в исследованиях, публикациях или по роду деятельности и был выдвинут и поддержан другими членами. Членство дарует возможность использования приставки FRGS после имени члена. Что собственно и присутствовало.

Однако, братья тут по неопытности, допустили маленькую ошибку — резко переключились на английский в своём «переводчике» и забыли об акценте. Что тут же отметил их собеседник. Он проявил живейший интерес и отметив факт того, что братья

говорят как истые англичане, поинтересовался, какой колледж они заканчивали: Итон?

Пришлось «разочаровать» и мягко уйти от прямого ответа. Англичанин только недоверчиво покосился на них. Видно не до конца поверил. Однако вскоре перешёл к делу.

Оказалось, сей господин принадлежит к бывшему обществу исследований внутренних областей Африки, которое когда-то влилось в Королевское географическое, став его составной частью. И стало окончательно ясно, из-за чего сей банный лист к ним подцепился. Продравшись через церемонии сей джентльмен так и заявил что вызвало искреннее веселье Григория.

— Вы сомневаетесь, что эбола реально существующая болезнь?! Бу-га-га-га!

Англичанин покраснел.

— Мой брат слишком прямолинеен, сэр! Он заканчивал военную академию, в отличие от меня. Но вы действительно зря сомневаетесь. Это вполне реальная болезнь. И реальна опасная. Это мы можем засвидетельствовать лично! — Решил загладить Василий. Он хоть и ненавидел Великобританию как страну, как мирового паразита, но сей человек в чём-то был даже симпатичен. Всё-таки исследователь. Поэтому он решил не отбрыкиваться от такого собеседника.

— И она, как вы утверждаете, именно в Африке? — также скептически заявил Генри.

— Да. В Заире, Судане и ещё нескольких местах Африканского континента. — ровно продолжил Василий. — Назвали мы эту болезнь по реке. В Заирских джунглях. Эта река так и называется — Эбола.

— И на берегах этой реки водится эта болезнь?

— Точнее на берегах этой реки она периодически устраивает тотальное опустошение.

— И вы можете описать эти места?

«Ну истинный исследователь-камикадзе! — с сарказмом подумал Василий. — Ломится попасть в привилегированные члены Королевского географического».

Но ответил также как и ранее, скучающим тоном.

— И даже показать на карте, если она у вас есть.

— А зачем? — вдруг снова вступил в разговор Григорий. — Зачем бегать за картой? Я могу и так нарисовать где.

Он достал из внутреннего кармана блокнот и шариковой ручкой (тут же вызвавшей самый живейший интерес обоих аборигенов) быстро набросал небольшую схему. Так как память у него на такие вещи как карты, была отменной, то и нарисовал орографию довольно точно.

— Вот смотрите. Вот главная река Конго. Вот притоки. Правый приток — Монгала. Вот этот. У этого притока есть составная часть — верховья. Он называется Эбола.

Если у англичанина и были какие-то сомнения в том, что братья не соображают, что несут, то тут они исчезли. Слишком подробно было расписано.

— Неужели вы сэр, собираетесь туда отправиться и изучать эту болезнь? — высказал предположение Василий.

— А почему бы и нет? — с некоторой обидой произнёс Генри.

— В таком случае, напишите завещание. — резко заявил Григорий. — Обязательно. А всем, кто с вами пойдёт, тоже объясните куда они идут и тоже потребуйте чтобы они написали завещания. Ну а если таки пойдёте, то вам совет: не прикасайтесь к заражённым. Закрывайте рот марлей, закрывайте глаза маской. И вообще ни в коем случае не подходите близко ни к заражённым, ни к каким-либо мёртвым или больным животным. Эбола

передаётся как контактным способом, так и воздушно-капельным путём. Передаётся как животными, так и птицами. Наш проводник заболел через два дня, после того, как на него упала мёртвая птица. Все носильщики, кто ухаживал за ним, и далее хоронил — умерли.

— Но как же вы убереглись?

— Хм... Нам повезло. Ну и... резиновые перчатки, маски и прочее, и прочее.

— Есть ли какое-нибудь средство от этой болезни? Вы слышали от дикарей?

— Нет от этой болезни никакого средства, так как это вирус, а не бактерия — брякнул Григорий.

— Так это яд?^[4] — спохватился англичанин.

— Нет, сэр, это не яд. — поспешил загладить оплошность Василий. — Мы так называли микроорганизм, меньше обычной бактерии. Который проходит через фильтры... Или вы не знакомы с трудами уважаемого Ивановского?^[5]

— Нет, сэр. Не знаком.

— Гм... Что-то вы тут в Европах от жизни отстали! — в свою очередь брякнул Василий, чем вызвал удивление английского учёного. — Вам надо срочно ознакомиться с его доказательством.

— Но из того, что вы говорите, сэр, следует, что от бактерий средство есть? — заметив оговорку, прицепился Генри. Тут уже обоим братьям понадобилось срочно вспомнить когда были открыты антибиотики. И снова играть взятую роль.

— Есть. — демонстративно пожал плечами Василий. — И его знают очень многие народы мира. За исключением, почему-то Европы и европейских учёных.^[6] В Индии, даже известно лекарство, которое лечит психические заболевания.^[7] Но ваши исследователи там, почему-то напрочь отбрасывают знания индийцев, считая что они дикари.

— А разве не так? — возмутился англичанин.

— А они считают дикарями вас. — развёл руками Василий. — так что вы квиты. Мы изучали по всему свету вот такие знания. И пришли к выводу, что по многим направлениям Европейские учёные просто неучи. Точнее по большинству значимых для людей направлений — вообще неучи. Европа, надо отдать ей должное, выбилась в лидеры только в одном — в военном применении накопленных знаний. В военной технике. Во всём остальном — тотальное отставание.

Григорий тут же сообразил куда ветер дует и поспешил вступить в разговор.

— Но если копнуть глубже, — оседлал он своего любимого конька (Василий еле заметно кивнул поощряя его) — то обнаружится интересная деталь. В древности эти народы обладали такими знаниями, до которых европейские исследователи не то, что не дошли, но и даже не подозревают.

— Например? — скептически бросил англичанин, но это он сделал зря. Григорию это только и надо было.

— Например? Ха! То, что масса эквивалентна энергии! — воскликнул Григорий и тут же в своём блокноте, под картой Заира написал $E=mc^2$. И пояснил что значит каждый знак.

Василий на этот пассаж еле сдержал на лице серьёзное выражение.

— Но это бред! — тут же заявил с апломбом англичанин.

— Да? — Скептически заметил Григорий. — Ничего! Скоро и до ваших физиков дойдёт. Но и это не всё! Ответьте на вопрос: Свет волна или частица?

— Волна, естественно!

— А вот и неправда! — торжествующе заметил Григорий. Если будете смотреть по публикациям, заметьте такое явление как фотоэффект.

— Но тогда что есть свет? Частица?

— Частица, со свойствами волны.

— Но это бред! — снова повторил англичанин.

И тут, как говорится, «Остапа понесло». Почувствовав, что есть уши, на которые очень хорошо можно загрузить тонну другую лапши, Григорий завёлся. И завело его именно вот это отрицание оппонента. Он отрицал, но вместе с тем, как было видно, подспудно сомневался в том, что говорит и был готов принять альтернативное знание. И эта альтернатива его до изжоги тянула к себе.

Забытый журналист Эдвин, уткнувшись в свой блокнот, лихорадочно писал, писал и писал. Чуть не плача от того, что часто просто не успевает за говорливым Григорием.

Василий же, наблюдая за этими потугами рыцаря пера, тихо посмеивался. Но вдруг англичанин заявил такое, что даже Василия подбросило.

— Но сделать летательный аппарат тяжелее воздуха невозможно! Это доказано!

— Как так «доказано», если летает?! — хором воскликнули братья.

Журналист от такого неожиданного заявления сломал карандаш и уронил его на пол.

— Ваши доказательства господа! — обиделся англичанин.

— Вам простейшее сэр, или чтобы самим полететь? — ехидно спросил Григорий.

— Давайте, для начала, простейшее.

Григорий выдрал из блокнота лист и быстро сделал бумажный самолётик. И уже в следующую секунду сей «летательный аппарат» гордо скользил над столами паба.

— Это простейшее доказательство. К тому же вы забыли уважаемого Отто Лилиенталя!

— Но Лилиенталь создал аппарат, который планирует. Но не летает. Также как и ваша бумажная модель. — не сдавался англичанин.

— Вы хотите, чтобы мы сделали этот самый самолёт? — насмешливо заявил Григорий.

— Да, сэр! — невозмутимо заявил нахал.

— Да элементарно! — снова заржал Григорий, чем вогнал в шок обоих «аборигенов». Но тут же сильно их заинтриговал, бросив Василию. — Брат! Когда мы его можем собрать?

Василий невозмутимо пожал плечами.

— Ну... Думаю, в течение пары-тройки месяцев. Как только мы придём в Петербург.

Джентльмен оказался настырный. Прежде чем попрощаться, он заключил пари, что ни за три, ни за шесть месяцев, братья не сделают самолёт. Пари было заключено пустяковое, на бутылку коньяка «Курвуазье Наполеон». Но и Василия, и Григория, «заело».

Они дали себе слово, во что бы то ни стало самолёт всё-таки сделать за три месяца. Тут же, как только Генри откланялся, распределили кто за что отвечает. Так как Григорий был заядлым дельтапланеристом, то на нём — общая конструкция дельтаплана.

Василий взял на себя двигатель. Как самое сложное в настоящее время. Но так как насущными были несколько иные дела, пришлось их отложить.

А насущным было выяснение некоторых цен и конъюнктуры рынка алмазов. Василий выяснил, для начала, цены продажные. А потом и цены на покупку. И то и другое его вполне удовлетворило. И когда он вынырнул из этих самых забот, то оказалось что он живёт как бы не уже в совсем ином мире.

В Европе паника и психоз достигли апогея.

Везде, куда бы Григорий ни приходил, обсуждались одни и те же «новости» — «Корабль-Призрак», и «Новая Чума».

Но, как было хорошо видно, «новая чума» была очень сильно потеснена «Кораблём-Призраком».

Со значительным отрывом от них следовали новости о разных новых религиозных «пророках» и их высказываниях, а в сущности новых кликушах, до которых не дотянулись цепкие руки местной «карательной» психиатрии.

В связи с этим, наметился и ещё один «тренд» — Страх Африки. Колониальные империи трещали. Падение товарооборота с африканскими колониями, привело к падению многих компаний и вызвало натуральный экономический кризис.

А за кризисами, всегда маячит только один призрак — войны.

Григорий, видя такое, мотался как угорелый, почуяв, что и для них двоих тут запахло жареным. Единственно, чего он добился, так это культа среди почитателей, и лютой ненависти буржуинов, завязанных на поставки из Африки. Автора «Бриллиантового заложника» они стали воспринимать как того самого «дурного вестника», приносящего несчастья. И тут уже не до рациональных объяснений... Ибо ненависть была натурально иррациональная.

Видя это, Григорий только и смог сделать против, так это небольшой культик героев, плюс постарался перенацелить ненависть на тех, кто ломился осваивать глухие районы Африканского континента.

Тем не менее, спустя недели три, помимо усилий Григория, об изначальной причине паники — книге с красочным описанием эболы, — начали потихоньку забывать. И весь скандал с паникой начали приобретать вообще какие-то совершенно иррациональные черты. Тем более, что начались выступления учёных разных стран, которые «как дважды два» пытались доказать, что описанное в романе «Бриллиантовый заложник» — не более чем выдумка.

Что вируса такого нет. И болезни нет.

Что селекционировать вирус — невозможно в принципе и так далее.

Но, ясное дело, самым главным «доказательством» выступало что, *«такое заболевание как Эбола европейской науке неизвестно»*.

Такое «мощное» доказательство вызвало чуть ли не истерический смех у Григория. Но мешать деятельности учёных-пропагандистов он не стал.

Первая волна паники постепенно начала затихать.

У Василия заботы были несколько иного плана, хотя он всё это тоже наблюдал. И наблюдал весьма внимательно.

Он, памятуя, о пари решил кое-что сделать для постройки самолёта. А что-то сделать можно было только с использованием технологий и производств этого мира.

Яхта, изначально мыслилась только как тайная база и сейф с технологиями запредельного свойства. Ведь именно технологии и знания в конце двадцатого, в начале двадцать первого века, постепенно становились главным сокровищем, отодвигая на второй план драгметаллы и прочие материальные ценности.

А это означало, что никаких таких мощностей по производству чего-то там, — даже в микроскопических размерах, — яхта не имела. Вот разнообразнейшие полезные вещества из морской воды нафильтровать, или насинтезировать чего-нибудь съестного — она могла. Также она могла сама себя чинить — за это отвечала туча мелких, узкоспециализированных роботов, ползающих между переборками, по нутру яхты.

Но сделать даже небольшой ДВС, нужный для дельтаплана — тут уже увы!

Так что Василий кинулся изучать то, что было в наличии в Амстердаме.

И столкнулся с тем, с чем сталкивается любой практик, витающий в облаках.

С несоответствием своих хотелок, представлений о реальности и тем, что есть в наличии.

Ведь как всё обстояло в родном мире?

Берёшь чертежи, с пояснениями и указаниями технологий.

По этим чертежам, тебе, иногда даже в течение дня, изготавливают ту самую фиговину, что заказал.

А вот здесь — не тут-то было!

И то, с чем в первую очередь столкнулся Василий — несоответствие технологий.

Часто, чтобы сделать даже самую простейшую вещь, требовалось создание целого предприятия. Или целой технологической цепочки. Начиная с добычи руды, её обработки, добычи нужного вещества и так далее — до конкретного изделия.

Василий раньше даже и не подозревал, что в одном маленьком ДВС его родного мира, скрыта такая бездна технологий и материалов. Но, оно и ясно: к существованию многого, что окружает, привыкаешь и воспринимаешь как само-собой разумеющееся. Но вот оказалось, что в конце девятнадцатого, многого просто не существует как класса.

Обескураженный Василий, быстро, с помощью компа, переработал проект двигателя. Поубирал оттуда всё, что только можно было из сложных технологий. Оставил самое элементарное и тут же столкнулся с другой проблемой — алюминий.

Ведь для того, чтобы аппарат полетел, нужно, чтобы двигатель был не только мощным, но и лёгким. Иначе, аппарат просто сам себя не поднимет. А это значит, что многие детали просто принципиально нельзя делать из стали.

Ладно, немного алюминия, можно добыть. Если что — сама яхта нафильтрует. Но что-либо делать в промышленном масштабе даже здесь в Амстердаме, — дело швах!

И когда он это всё осознал, он с ужасом подумал о другом: «Ведь если тут, в Амстердаме, в одном из самых развитых промышленных центров Европы я не могу найти необходимого, то что меня ожидает в России?!».

Вот за этими невесёлыми думами его и застал Григорий. Вернувшийся от очередного обхода издателей, журналистов, почитателей и прочих центров распространения слухов, сплетен и вообще всякой информации.

Быстро обменялись впечатлениями и новостями.

Новости порождали уныние. А у Григория на их почве вдруг возникла совершенно завиральная идея, вернуться в Одессу и там выстраивать империю. Свою. Так как «Одесса достаточно далеко от этих европ» (он так считал), «а?рок можно построить»...

— Мы тут ТАКО-ОЕ, натворили! А нам тут жить... — вернулся он к тому, с чего начал.
— Блин! Чё делать? — всё также витая в своих проблемах и думах выдал Василий.
— Выкручиваться! — решительно заключил Григорий. — И предлагаю для этого — возвращаться в Одессу.

У Василия от этого заявления лицо стало кислым и он приготовился к длительному спору с братом. А для этого начал в менторском тоне.

— Итого. Повторяю: В Одессе — ловить нечего. Кроме бандитов, воров и прочего криминального люда. Мы это видели. Для того, чтобы иметь перспективу вырваться, нужна наука, промышленность и тэ дэ. В России этого — промышленности и науки — кот наплакал...

Григорий набрал воздуха в лёгкие и хотел уже задвинуть спич на тему «России, Которую Мы Потеряли», но брат лишь отмахнулся и напомнил «соглашение».

— Гриня! Мы тут, — вот и увидишь. Посмотрим предметно, кто прав, и у кого тараканы жирнее.

Григорий резко выпустил из лёгких воздух и мрачно посмотрел на Василия. Однако тот, продолжил, как ни в чём ни бывало.

— В Америку, из-за этого переться — жаба задушит с особым садизмом. Ибо у нас она, у обоих, двинутая патриотка. В остальные страны — та же песня. Следовательно, плывём в Россию. Куда? В Питер! Как и решили ранее. И там оседаем. Так как там — наиболее развитый в промышленном и научном плане город.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Дальше, Василий кратко расписал что надо бы сделать, как надо бы сделать, причём прямо приплёл для весомости те самые АИшки, что брат вместе с ним прочитал когда-либо.

Григорий обескураженно почесал в затылке. Но вскоре вид его преобразился на более уверенный в себе.

— Ты у меня, брат, молоток. Я того же мнения! — согласился Григорий закрывая тему с возвращением в Одессу. — Но что же делать вот с этим... с этими психами?

— А чо с ними делать?!! — удивился Василий. Так как он над всем этим хорошо и плотно думал последние дни, выглядел он, в отличие от Григория вполне уверенно.

— Ты удивишься, но я считаю, что этот психоз — нам на руку!

— Это как?!! — поразился Григорий.

— Они боятся Новой Чумы? Вот мы и предоставим им интерпретацию!

— Ты хочешь остановить мировую войну?

— Ну... попытаться стоит.

— А почему так пессимистично? «Попытаться»...

— Причины у войны... Приводные силы той войны — экономика. И элементарная жадность с подлостью наглосаксов.

И если ими группа стран, ставится в положение — либо сдохнуть, либо бороться за место под солнцем, то война неизбежна.

— Но тогда как?

— Во первых, подгадим наглам политику... — уклонился от прямого ответа Василий. — Помнишь тараканов этого нашего знакомого... Генри! ПутешественничеГ блин!

— У него некоторые тараканы... — хмыкнул Григорий, — как бы не величиной со слона!

— Ото ж! Таковую дикую смесь в убеждениях из науки и мистики, похоже, только тут

можно встретить.

— И ты хочешь... — начал догадываться Григорий...

Василий ехидно заулыбался и кивнул.

— Айда на яхту. Надо бы кучку статей или даже книжку тут толкнуть... С твоими талантами, можно ещё одну волну запустить.

Григорий оскалился. Идея ему в общем понравилась. А туманность заявления Василия только ещё больше заинтриговала.

* * *

Вскоре в разных газетах Европы начали выходить очень интересные статьи. Почти никто не обратил внимание, на то что они похожи по своему глубинному смыслу, по продвигаемым идеям. И всё потому, что по форме они отличались друг от друга кардинально.

Если выходила статья, например, в уважаемом и серьёзном издании, то и форма изложения была уважаемая и серьёзная. Если же в «жёлтой прессе», то и форма была соответствующая. В последнем случае «спектр колебаний» формы был неизмеримо шире. От просто слегка завиральной, до люто шизоидной. От наукообразной, до дремуче мистической.

И так как общий тираж, количество статей, было огромным, никому не пришло в голову, что за всеми этими «публикациями» стоят всего-то два человека.

Хорошо иметь продвинутый комп в конце девятнадцатого века!

Но что же продвигалось?

В первую очередь получила мощную подпитку идея, что пришествие «Корабля Призраков», или ещё как там его называли, является предвестником войн. А так как всплыл Призрак у «рубежа веков», то он является предвестником конкретно Великих Войн в двадцатом столетии. Мировых войн.

Так как он появился конкретно в «английском канале», и большинство встретивших его были англичане, то и указание на конкретного виновника этих мировых войн вполне ясное. Этот «пакет идей», продвигался через жёлтую прессу. Вполне анонимно. Под псевдонимами.

Что же насчёт Великой Чумы...

А с Чумой поступили просто. Если она «по всей Африке», то вероятность её подцепить и привезти с войсками — весьма велика... И тут тоже к этому же — Корабль Призрак.

Намёк — на Англо-Бурскую войну.

Другой же пакет идей — кто и как будет виновником Великой Бойни, — продвигался уже через прессу уважаемую. Тут уже слегка засветился Григорий. По обоюдному согласию, было решено потихонечку раскручивать его через европейскую прессу как Автора и Аналитика. Благо начало было положено.

Правда, даже тут не обошлось без «мистики».

Иногда в публикациях бросались либо намёки, либо туманные утверждения о том, что братья обладают неким «Тайным Знанием Древних», которое позволяет им предсказывать будущее, видеть его. Вполне естественно, что сначала эти намёки вряд-ли будут приняты всерьёз, но после того, как предсказания начнут сбываться, их неизбежно вспомнят. А если

не вспомнят, то можно будет всегда напомнить, с указанием конкретных публикаций, из тех, которые всегда проверяемые.

И третий пакет идей, который начал продвигаться, был нацелен буквально в самое основание мирового господства Европейской цивилизации. И так как по устоявшейся тогда парадигме это господство целиком и полностью основано на экономической и военной мощи, — на это не обратят внимания. По крайней мере сейчас.

Но, тем не менее, в будущем, закладываемая мина могла рвануть так, что в ключья разнесёт всё возводимое на крови здание «европейской цивилизации». И мина эта подрывала главное — уверенность западного буржуа, в своём моральном, интеллектуальном превосходстве над «всякими прочими» дикарями. Уверенность их в том, что именно они владеют Истиной и стоят на магистральном пути Прогресса, в то время как «всякие дикари», просто «блуждают в потёмках».

«Бремя белых», как его сформулировал Киплинг, обращалось против них же самих. Выставляя «цивилизаторов» в самом неприглядном свете. Как варваров в храме. Варваров, разрушающих Рим.

Вышла маленькая книжечка, где расписывались все «подвиги» английской администрации в Индии, приведшие к Великим Голодам, «унёшим до ста миллионов жизней». Причём расписано было в самом, что ни на есть «академическом», беспристрастном стиле. Но всё равно, само содержание выставило Великобританию как величайшего вурдалака в истории планеты.

Вышли и другие книжки, подобного содержания. Уже в области так называемой геополитики. Раскрывающих цели ведущейся войны со всем миром. А также к чему это неизбежно ведёт.

Сделаны они были достаточно быстро потому, что всё, естественно, было уже на компе. В виде книг. Нужно было только взять конкретные тексты, очистить их от «ненужных» ссылок на другие источники, появившиеся после 1900 года и...

Но это было всё мелочью, если бы не вышел «фундаментальный труд»...

Под наглым названием «Древние Цивилизации Земли».

У нас, в нашем родном мире, есть телеканал. РенТВ.

В быту его ещё называют в шутку МифТВ. За то, что там несут такую чушь, что у любого человека, владеющего темой, просто уши вянут.

Впрочем, большинство людей, кто с мозгами, смотрят передачи того ТВ чисто из соображений «посмотреть фантастическую историю». Но...

Как говорится, вся прелесть той фантастики состоит в том, что делается коллаж из фантастических бредней и действительных фактов. А зачастую просто фактов, тенденциозно подобранных и интерпретированных.

И вот представьте себе, что выходит такая книга, где есть факты. Причём факты, часто ПОКА(!) европейской науке неизвестные, но вот-вот всплывущие. По огромному количеству областей знаний. От астрономии до биологии.

И всё это туго накручено на общую идею: «В древности были цивилизации, намного превосходящие современную». А для того, чтобы всё это было в конце концов принято, количество действительных фактов там просто зашкаливало. Причём выданных в самом прямолинейном и незамаскированном виде.

Особо сильно поиздевались авторы над здравым смыслом, используя фрагменты

перевода эпоса Махабхарата.

По страницам книги летали разнообразнейшие «виманы» и «пепелацы». Причём всё это было расписано так, что типа есть ещё какие-то источники, в которых всё это подробнейшим образом описывается (кстати да, есть отдельные мифы и тексты!).

По этой бодяге получалось, что в древней Индии люди владели тайнами материи, да такого уровня, что могли летать к Звёздам!

Виманы, в частности, описывались нескольких типов — антигравитационные, ракетные, и «обычные», типа вертолёт.

Также в отдельную категорию выносились «пепелацы». И начинались эти самые «пепелацы» с устройств, в котором житель нашего мира без труда увидит самолёт. Как обычный, так и сверхзвуковой.

И всё это сопровождалось рисунками. Как из реальных древних текстов и свитков, так и переведёнными в «рисунок» фотографиями вертолёт. Фотографиями со всех сторон.

Отдельно стоял «Фотонный звездолёт Древних», рисунок и описание которого, братья нагло содрали с фильма «Аватар».

Не обошли вниманием авторы и причину по которой всё это исчезло.

Причина была проста как валенок. И, кстати, имела реальную основу — великое похолодание 13 тысяч лет назад. *(В те времена — конца девятнадцатого века, такие тонкости палеоклиматологии ещё не были известны, но расчёт был сделан на то, что рано или поздно найдут и... Вот тогда...).*

Так что причина была приведена весомая. Типа: Великие, увидев, что на Земле стало слишком холодно, решили податься на Звёзды. А здесь остались только самые смелые и отважные, решившие пережить трудные времена.

И всё это густо замешано на постоянных утверждениях обладания теми же индийцами тайных знаний невероятного уровня. И для «мелкого примера» приводились йоги, которые по страницам книги маршировали густыми стройными колоннами, демонстрируя всю глубину и мощь тайных мистических знаний, которым «сырым и убогим европейцам» просто не понять, так как идиоты и дураки.

Последнее, естественно, никак не проговаривалось в явном виде, но из общего содержания это вполне можно было вывести.

И под конец...

Было выведено Предсказание, что Древние, таки, Вернутся!!!

И вот тогда...

Тем реальным дикарям, кто задирали их родственников ну очень не поздоровится!

Книжка вышла толстой. Не в последнюю очередь из-за изобилия иллюстраций.

Но оно того стоило. Ибо постебались от души.

Осталось только раскидать по разным издательствам нескольких стран — Великобритании, Франции, Испании, Италии, Германии. И, естественно, на их родных языках.

На голландском тут вышло практически сразу. А вот на остальные, пришлось поднапрячься. Благо, телеграф и курьерская связь тут налажены были очень хорошо.

За всеми этими информационными войнами, Василий не забывал и о том, что будут делать братья, когда придут в Питер. Поначалу, он сильно рассчитывал на производства, которые есть в Питере.

Но уже здесь, в Амстердаме, он с ужасом узнал, что в России НЕ производится столько всего, причём необходимого, что из списка этого необходимого можно отдельную книгу составить.

В частности, не производились подшипники. Высокоточные станки и прочая, и прочая, и прочая. А это значило, что многие задумки с производствами, что лелеял Василий, можно было смело отправлять в утиль. Ибо осуществлять эти задумки просто не на чем и не из чего. Получалось, что практически всё, что необходимо для производства даже простейшей фиговины, надо заказывать за рубежом. То есть «в Европах».

Но, Василий и тут не сдался, принявшись искать «обходные пути».

Самая первая мысль, которая ему пришла в голову, это попытаться приспособить для некоторых начальных нужд мощности яхты.

И тут он обнаружил то, от чего в пору было биться головой о переборки.

Дело в том, что он стал жертвой собственного техзадания, которое выдал Гайяне на эту яхту.

Она и сделала яхту. Идеально. По тому, что он нарисовал и расписал. Эдакий самодостаточный, псевдоорганизм. Практически вечный. Но могущий производить только то, к чему его изначально предназначили.

Сначала, Василий попытался разобраться в биосинтезаторе. Том, что производил пищу. В надежде, что с помощью него, можно будет наладить производство для собственных нужд некоторой электроники.

Снова облом.

Оказалось, что там не по атомам собирается. И собирается только органика биологического происхождения. То есть, кусок мяса или там, банан, система произведёт. Но простейшую микросхему — уже вряд ли. Ибо сделано там всё и задано исключительно жёстко. А так как жёстко, потому и вечно. Там попросту «разболтаться» было нечему.

Системы производства «интеллектуального оружия». Та же самая ситуация. Снаряд, который выбьет конкретную заклёпку в конкретной посудине на расстоянии полсотни километров, сия система произведёт «на раз». А вот что-нибудь сверх того — шиш! Причём сама система управления была настолько серьёзно интегрирована в производимое средство уничтожения, что изъять или произвести её отдельно, было не судьба.

Несмотря на эти обломы, Василий всё равно не сдавался. Но чем дальше, тем больше он убеждался в том что ничего поделать тут нельзя. И опираться придётся только на то, что есть в настоящее время, в окружающем мире. На производства 19 века. И то, на 90 % находящиеся за пределами России.

Это был «удар под дых».

Единственно, что утешало, — все издательства, с которыми они вели переговоры на издание книги, книгу приняли к изданию. Некоторые, правда, заочевряжились, но после длительных переговоров, и указания на поднявшуюся мощную и «пенную» волну нездорового интереса к этой теме в обществе, всё равно приняли.

Под конец, огорошил братец. Когда уже надо было отчаливать, он явился на яхту весь сияющий и подпрыгивающий. На вопрос чего это он такой, тот сначала отмахнулся. Но Василий, зная что Гриша любит, чтобы его поупрашивали, пристал как клещ.

Наконец тот раскололся.

— Я им, напоследок «конину» задвинул!

— Чего?!! Какую-такую конину?!! — не понял Василий.

— Темнота! — всё также сияя счастливой улыбкой заявил братец. — «Конина», это эпос про Конана-варвара.

Василий уже набрал воздуха в лёгкие, чтобы разразиться возражениями, но Григорий лишь отмахнулся и продолжил.

— Не бойсь! Всё путём! И всё «в рамках техзадания». Во-первых, — начал он загибать пальцы. — Задвинуто как «пересказ древнейших легенд и сказок Гипербореи». Во-вторых, сильно поправлена «география». Конан в новой версии гиббореец. И Гиперборея по описалову, совпадает с Русью. Причём ближе к Уралу.

— Ага. — тут же посерьёзnel брат. — Можно со всем спокойствием, задвинуть чухню про Аркаим. И настропалить туда археологов.

— Вот-вот! — подхватил Григорий, бывший фанатом «конины» — пусть раскопают «Родину Конана»!

И заржал.

* * *

Генри спешил. Спешил не потому, что мог опоздать. А потому, что новости жгли язык.

Сразу же после разговора с братьями Эсторскими он понял, что вот она Удача! И если сейчас её не ухватить за хвост, то уже никогда в жизни, возможно такого случая не представится. А так как этими братьями интересовался сам майор Келл, то стоило вдвойне поспешить. Поэтому и спешил.

Но, как говорят умные люди, спешить надо медленно. Да и хотелось выжать этот источник информации до доньшка. А вдруг ещё что-то интересное будет сказано?

Состоялось ещё несколько разговоров с одним из братьев — Руматой. Но тот нёс такую чушь, что впору было обращаться к доктору за помощью.

Чисто для проформы поболтавшись ещё в Амстердаме, оценив деятельность, развитую братьями Эсторскими, Генри спешно отбыл в Лондон.

Впрочем, это он так считал, что «спешно». Через «Канал» никто не хотел его переправлять. Вообще.

Ни за какие деньги.

Побежав так несколько дней, добравшись до Кале всё-таки смог каким-то чудом стать пассажиром на совершенно задрипанном судёнышке. Судёнышком правил капитан, которому похоже уже на всё было наплевать. Так как ни во что не верил. Кроме, естественно, звона монет в своём кармане. А содрал он за место с Генри такие деньги, что ему дурно стало.

Но, ничего не поделаешь!

В Лондоне, его самого и его доклад ждали. И ждал ни кто иной как майор Келл.

Как доплыл до Дувра, Генри потом долго вспоминал. С содроганием. Но всё-таки доплыл. И это было главное. После, даже не отойдя от перипетий плавания на ходу разваливающимся судне, он рванул в Сити.

Успел, в самый последний момент. Но это уже было несущественно. Главное, что вошёл

в нужное помещение Географического общества минута в минуту. Как и было назначено.

Там его ждали. Президент Королевского Географического общества Клементс Маркем, и тот самый майор.

— Генри Сесил, сэр! — представил его Клементс Маркем майору.

Ранее они не были знакомы. И то, что его тут, в Королевском Географическом обществе будет ждать некто из Роял Нэви, придавало встрече ещё большее значение, нежели Генри ранее думал.

«Возможно, — мелькнуло в голове у Генри, — если сейчас показать себя, то обеспечу себя карьерой на всю жизнь».

Майор выглядел представителем не мелкой конторы. Вероятно, разведки. Впрочем, учитывая то, с кем разговаривал Генри и то, какие амбициозные цели перед собой ставил, именно разведка тут и могла заинтересоваться. В первую очередь. И самим Генри, и теми персонажами с кем он контактировал.

Для начала Маркем, выдал скупые, довольно рекомендации относительно Генри, а дальше перешли к делу.

Вскоре стало ясно почему именно присутствуют на встрече одновременно майор Келл и Председатель Маркем. Генри даже невольно вспомнил, что именно Маркему принадлежит честь распространения семян хинного дерева и начала производства хинина в Индии. И всё потому, что речь почти сразу же зашла о *«гипотетической тропической лихорадке»*. Малярия — тоже очень скверная болезнь. Но, благодаря усилиям сэра Маркема, хинина достаточно, чтобы лечить. И даже вылечить людей.

Но вот эта «эбола»...

Только сейчас Генри понял, насколько сильно и за живое зацепил роман Руматы Эсторского публику Европы. Ранее он наблюдал весь шум вокруг книги и её содержания, как бы со стороны. С истинно английским снобизмом. Но глянув на озабоченные лица как сэра Маркема, так и майора Келла, он понял — дело слишком серьёзное.

— Вы понимаете, Генри, — сказал Келл, стряхивая в пепельницу пепел сигары. — В Африке очень много разных хворей. И в мире тоже. В этой книге...

Майор сигарой указал на скромно лежащий на краю стола знакомый томик.

— ...Описана болезнь. Похожая на лихорадку Денге. Всё было бы хорошо. Но в тексте прямо говорится, что это НЕ лихорадка Денге! Причём приводятся такие подробности, которые заставили всех наших экспертов отнестись с к тексту очень серьёзно.

— Простите... Какие именно подробности так сильно заинтересовали специалистов?

— Там прямо указано, что у этих заболеваний, во-первых, разные «ареалы» обитания. Во-вторых, передаются эти болезни по-разному. Например, денге передаётся через укусы комаров, как и малярия, а вот эбола — нет. В третьих, описаны бациллы, которые вызывают эти болезни. Да так, что заставляют думать о неких дополнительных и очень глубоких познаниях автора в этом вопросе. Там сказано, что это вирусы. И идёт ссылка на работы какого-то русского. Мы проверили. Всё сходится. Но дело в том, что даже этот русский и отдалённо не имеет представления о том, что написано про вирусы в книге Эсторского! К сожалению и наши специалисты тоже.

— Но не заставляет ли это усомниться в описаниях? — вставил своё квалифицированное мнение сэр Маркем. — ведь если не известно Европейской науке, то не может же быть, чтобы где-то какие-то дикари могли бы опередить её?

— Ваше мнение о братьях Эсторских. — вместо ответа обратился майор к Генри.

Генри смутился. И было из-за чего.

— Они имеют великолепное европейское образование. По английски они говорят чисто. На йоркширском диалекте.

— Что заставляет заподозрить в них англичан?

— Но они это отрицают. Говорят, что их очень хорошо учили. И, кстати, на голландском, как утверждают сами голландцы, братья говорят с лёгким испанским акцентом.

— То есть в происхождении их ничего не ясно! Тем не менее — они очень богатые люди и выходцы из очень богатой семьи. Изначально полученное образование на это указывает прямо.

— И, смею отметить, эти господа обладают воистину энциклопедическими познаниями! Хотя как и у всяких людей с множеством знаний, присутствуют совершенно неестественные убеждения.

— Например?

— Они утверждают, что могут построить летательный аппарат тяжелее воздуха, что индийцы обладают некими тайными знаниями, которые намного превосходят европейский уровень.

— Приводили примеры?

— Да. Говорили о некоем лекарстве лечащем сумасшествие. Также о каких-то тайных знаниях у местных мистиков, и упоминали предков индийцев, как умевших строить воистину фантастические устройства.

Келл посмотрел вопросительно на Председателя. Тот неопределённо как-то махнул рукой и выговорил.

— В Индии можно наслушаться и не такого. Только всё это на поверку оказывается сказками.

— И всё-таки? Возможно ли такое, что они хотя бы в части этой пресловутой эболы, сказали истину?

— Это следует проверить. И если окажется, что данная болезнь существует в реальности...

— ... Вы думаете, что и «отряд 631» «Доктора Исии» может оказаться не выдумкой?

— Да, сэр! — уверенно сказал Генри. Он тут же определил «куда ветер дует» и что его хрустальная мечта — поучаствовать в экспедиции в Африку — вполне может осуществиться. Возможно, даже в качестве руководителя.

— Нас ещё вот что беспокоит... — пыхнув сигарой медленно выговорил Келл, — этот Исия... Имя — японское. И описание такое, что также заставляет заподозрить козни Японского императора. Тем более, что у них очень серьёзные обиды на САСШ и на Британскую корону. А учитывая их так называемый, самурайский дух... Это становится слишком серьёзным.

— Я готов возглавить и провести экспедицию в верховья реки Конго! — тут же подскочил Генри.

Келл так красноречиво посмотрел на Председателя Королевского географического общества что у Сесила сердце упало куда-то далеко в желудок. Председатель слыл в определённых кругах как личность вздорная и своенравная. Но всё обошлось. Тот принял торжественный вид и утвердительно кивнул.

— Я тоже считаю, что необходимо осуществить экспедицию в Центральную Африку. В

любом случае эта экспедиция является своевременной и может дать много знаний.

— Со стороны Роял Нэви также будет всемерное содействие! — неожиданно высказался майор.

Это означало, что и деньги и средства будут выделены немедленно. Генри Сесил был на седьмом небе от счастья.

Он и не подозревал с каким ужасом ему придётся вскоре столкнуться.

Глава 8

Ктулху для Роял Нэви

Пока шли на выход каналами к Северному морю, Василий дежурил на мостике. Хотя бы для того, чтобы не пугать аборигенов, которые вполне могли в бинокль увидеть есть или нет на мостике кто-нибудь. Поставить проекцию, вместо себя, он не догадался.

Поэтому скучал и молча прокручивал в голове разные варианты деятельности в области прогрессорства.

Внезапно, снизу на мостик вбежал чем-то сильно возбуждённый Григорий. В руках у него была зажата свежая газета.

— Ты гля, Василь, что творится! — выпалил Григорий и сунул ему под нос газету, свёрнутую так, чтобы была видна только одна, выделенная статья.

Василий опустил ноги с подножки пульта на пол, и углубился в чтение.

— И как твоё мнение? — всё также возбуждённо спросил Григорий, когда заметил, что брат прочитал.

Василий тут же полез чесать затылок.

— Соблазнительно... Но ведь... День ещё. И как быть, если нас засекут?

— Но если мы уберём мачты и паруса, изменим слегка очертания корпуса, включим «хамелеонство»...

— Ладно! Уговорил. Сейчас выйдем в море, тогда будем решать как крутиться.

— Лады! Тогда я сейчас посмотрю, вооружение. Хотелось бы чтобы их сразу и к рыбам.

— Не сомневайся. Там и мявкнуть не успеют.

— Но всё равно...

А статья, которая вызвала такое нездоровое оживление на яхте, рассказывала о том, что из Портсмута вышли четыре транспорта с войсками. И эти войска направляются в Южную Африку. На войну с бурами.

Сколько войск за раз решили бритты перебросить — не называлось. Но наверняка несколько тысяч. Дата отправки была в статье вчерашняя. Значит, вся эта флотилия в плавании уже сутки. Могли отмотать миль пятьсот. Если не тихоходы.

Василий вывел на экран карту и принялся за расчёты.

Получалось по любому, что если их догонят, то вокруг будет много нежелательных наблюдателей. Топить наблюдателей вместе с наглами?

Западно!

Пропустить транспорты дальше, чтобы никто уже... Но ждать было очень долго. И вдруг они завернут именно на Суэц и далее через Сомали будут свои войска выводить?

Василий начал прикидывать. Когда и при каких обстоятельствах яхта могла догнать. И получалось, что если прямо сейчас убрать мачты и паруса, врубить полную мощность двигателей, причём со всеми наворотами, что Гайяна поставила для увеличения скорости, то... Нагонят корабли ночью.

Но, опять «но». Прямо сейчас придётся ломиться на максимальной скорости на виду у очень многих. Через Ла-Манш. Полностью дешифруя и себя, и возможности судна.

И тут помог случай. Точнее погода.

На радаре погоды обозначился край облачного фронта. Быстро просчитав что будет уже через три-четыре часа, Василий потёр руки и взялся за программирование компа.

К вечеру, ветер стал крепчать. На море сели тучи. Видимость тут же сократилась до километра и менее.

Убедившись, что в ближайшем радиусе кораблей нет, а следовательно, их никто не увидит, Василий включил режим хамелеона. Теперь, даже если яхта пройдёт в двухстах метрах от чужого корабля, её не увидят. Можно было развернуться и лечь на курс к Ла-Маншу.

Паруса быстро убрались, а мачты бодро втянулись в корпус. Борта яхты слегка преобразились от чего внешний вид, даже без «хамелеона» претерпел изрядные изменения. И всё это — для достижения максимально возможной скорости.

Тут, правда, работало ещё одно соображение, которое братья решили обязательно использовать.

Если быстро «метнуться» туда и обратно, зарисовавшись после в «обычном» для себя месте — т. е. там, где яхта должна быть, если пойдёт своим и тихим ходом — то никто не свяжет их с тем, что должно произойти с английским войском на транспортах. С их планируемой пропажей.

Как показывал комп, преобразования корпуса яхты на простом изменении надводной части, не закончились. Что-то преобразовалось и в подводной. Василий не проявил особого интереса к этому, так что сия тайна так и осталась им нераскрытой. Тем не менее, судно постепенно набирало ход. И постепенно же, вылезало из воды. Всё больше и больше вытягивая то, что было ранее под водой, вверх. Уменьшая сопротивление. Наконец, совсем окутавшись облаком водяной пыли, корабль рванул так, что дух захватывало.

Не много времени прошло и скорость достигла расчётной — 180 узлов.

Наверное со стороны яхта сейчас выглядела феерически: несётся над водой что-то смутное. Как медуза прозрачное. В облаке водяной пыли.

В проливах намечался очередной приступ паники.

И тут прибежал радостный Григорий.

— Слуха-ай! Что я нары-ыл! — начал он с видом кошки дорвавшегося до сметаны.

— И что? — проявил вежливое любопытство брат.

— Оказывается, есть вообще фича, а не оружие!

— ?!!

— Гляди!

Григорий подскочил к терминалу и вывел описание на экран. Минут пять Василий углублённо изучал.

— Давай запустим! Для Роял Нэви!

— Но тут говорится, что радиус действия небольшой.

— А нам что, нужно большой? Но ты прикинь, какой эффект будет! Да даже здесь, в Ла-Манше мы можем такое отмочить, что у наглов при слове «море» долго недержание мочи случаться будет!

— Что ты имеешь в виду?

— Ну... помнишь Ктулху?

— Ну... Хе! Ты хочешь показать его?

— А чего бы и нет?! И прямо сейчас. Ресурса материалов у нас на три раза накоплено.

— А нам по мозгам не даст?

— Не-а! Защита яхты — что надо!

Василий ещё с пару минут что-то просчитывал в уме. Но потом просто махнул рукой.

— Давай! — хищно оскалился он. — Но при проходе мимо судов в «канале», надо будет сбрасывать скорость.

— Зачем?

— Чтобы не усвистеть мимо так нихрена и не понявших моряков. Чтобы прочувствовали!

— А-а! Точняк!

Ночка выдалась тёмная. Иногда накрапывал дождик. Ветер разогнал небольшую волну, так что иногда, рассекая очередную, нос судна окатывало веером брызг.

Вахтенный на сухогрузе «Гастон», спешащим в Лондон, запахнул дождевик и вышел на палубу. После пришествия «Летучего Голландца» в эти воды заходить стало не просто боязно, а жутко. Вообще проливы славились своими мелями, и подлыми течениями. Множеством кораблекрушений. А тут ещё и эта мистическая жуть из глубины веков, пронёсшаяся вихрем вдоль берегов, через территориальные воды Британии.

Теперь, заходя в эти воды капитаны и команды судов, испытывали двойной страх. И не факт, что мелей и течений тут боялись больше, чем Древнего Морского Ужаса. Но те, кому не посчастливилось попасть именно в эту ночь в это самое место, даже не подозревали какой по настоящему Большой Ужас их поджидает.

Вахтенный поёжился. На мгновение ему даже показалось, что огни кораблей, идущих в отдалении, размазались и тут... Тут он почувствовал, как воздух вдруг задрожал.

Море вдруг будто издало утробный рык. Заныли зубы, заболели кости. И дикий, ничем не передаваемый страх, сжал сердце.

Вахтенный схватился мёртвой хваткой за поручни, но всё равно не удержался на ногах и упал на колени. В кубриках просыпалась команда, выкидываемая из постелей Ужасом. В мгновение ока весь сухогруз превратился в бедлам.

Но, страх, как вспыхнул, так и угас, оставляя после себя мечущихся людей, не понимающих что же это их так ударило по мозгам, и чего это ТАК надо бояться, что вдруг захотелось срочно попрыгать за борт.

Полностью прийти в себя никому не удалось. Над морем внезапно загорелось марево и из него вывалилось ТАКОЕ страшилище... Морда опутанная щупальцами, руки, как те же щупальца, но снабжённые огромными когтями и присосками.

Чудовище вскинуло когти к облакам и заревело.

— Бойтесь, бойтесь грешники! Сам Ктулху идёт по ваши британские души! — раздалось над тёмными водами.

Вахтенный уже не знал куда деваться. В воду — так там вот это чудовище. Вниз в трюм — так этому, одной рукой хватит располовинить от носа до кормы их бедную посудину...

Мгновенно поседевший, бедный моряк стоял на коленях и созерцал зрелище Чудовища, проносящегося на немыслимой скорости мимо их корабля. Где-то внизу, под его бесчисленными ногами-щупальцами бурлила вода поднимая тучи водяной пыли, оставляя позади длинный шлейф плотного тумана.

Отбойная волна мощно ударила в борт сухогруза. Но вахтенный всё смотрел за корму, на удаляющийся Дикий Немыслимый Ужас.

Не он один дал зарок в тот злосчастный вечер, что больше в море не выйдет никогда.

Свето-звуковые эффекты отключили, когда проскочили основное скопление судов.

Теперь можно было разгоняться до максимальной скорости. Если суда достаточно быстрые, то находиться они должны где-то за Брестом. В Бискайском заливе.

Вот тут пришлось пошарахаться по морю. По выходу в Залив, обнаружилось сразу три похожие «цели». И как назло то, что искали, оказалось как раз третьим. Впрочем, это уже никакой роли не играло. По крайней мере для англичан.

— Топить будем всех, или кого-то оставим? — с вожделием спросил Григорий разворачивая на своём мониторе систему управления оружием.

— Посмотрим как сработает эта инфразвуковая фиговина. А если что — под нами уже склон материкового шельфа. В обозримом будущем никакие водолазы не достанут.

— И концы в воду... — добавил Григорий.

Чем больше приближалась яхта к судам-жертвам, тем сильнее дёргался Василий.

Болезнь, которая его поразила, обычна для русской интеллигенции — дурная рефлексия. И лечится она только разумом. Если интеллигент последнего не имеет — он рефлексировать дальше, вгоняя в шок своими идиотскими поступками всех окружающих, кто разумом обладает.

Если имеет разум, то... просто выстраивает себе такую шкалу ценностей, которая не противоречит главному принципу любой цивилизации — минимизации потерь. А этот принцип имеет вполне конкретное воплощение в сугубо гуманистической сфере: Если убив одного мерзавца, можно спасти от гибели ХОТЯ БЫ ОДНОГО, но нормального гражданина — то так и надо сделать. Ибо ценность жизни мерзавца, тысячекратно ниже ценности жизни нормального. И ниже, хотя бы потому, что он убивает часто не одного, а множество людей. И если не напрямую — зарезав, зарубив, застрелив... — то опосредованно. Доведя до гибели от голода, до самоубийства и так далее.

Сейчас, во тьме ночи вырастали корабли. Несущие людей. На войну. На убийство других. На захват собственности и земли тех, кто не хочет покоряться мерзавцам-аристократам Великобритании и платить им дань.

По сути, главные виновники сидели в Палате Лордов и прочих центрах принятия решений Великобритании. Но вот эти... Эти были орудием предстоящей подлости. Виноваты ли они, что являются орудием?

И да, и нет.

Можно ли как-то пожалеть этих «инструментов»?

Можно.

Но чем это обернётся?

Страданиями и гибелью неизмеримо большего количества людей.

Василий знал, чем обернулись в двадцатом веке все войны и алчные поползновения, как он её называл Наглобритании. И если сейчас не дать этим всем Пэрам и Лордам чувствительно по носу, СЕЙЧАС слегка не притормозить, то вся эта мразь учинит всё, что знает Василий из истории двадцатого века — обе мировых войны, кучу разнообразных колониальных, в которых погибло как бы не больше людей, нежели от того побоища, которое устроил Гитлер.

50 миллионов говорите?

Но вой сейчас стоит вселенский потому, что погибли «белые европейцы».

А сколько погибло «аборигенов» и «дикарей» во всех колониальных и прочих захватнических войнах двадцатого века? Или просто вызванных подлостью англичан и

прочих «цивилизаторов-колонизаторов» чисто колониальных рукотворных катаклизмах?

Больше, граждане. Значительно больше.

Особенно, если учесть все те великие голода, которые были прямым следствием политики колонизаторов на захваченных территориях.

Когда вся череда этих фактов всплыла у Василия в голове, когда проплыли перед глазами кадры кинохроники и фотографии умирающих от голода «дикарей», всякая жалость испарилась. Осталась только холодная отрешённость. Как будто обрабатываешь дихлофосом гнездилище мерзких тараканов.

Либералы часто любят патетически восклицать: «Что может быть ценнее человеческой жизни?!».

А ведь ответ прост: «Две и более человеческих жизней».

Расстояние до кораблей сократилось до необходимого минимума. Яхта вышла почти на центр ордера.

— Пора! — выговорил Василий и голос почему-то всё равно сорвался.

Но, в отличие от него, Григорий не страдал рефлексией в такой тяжёлой форме. Без всякого сожаления он нажал на пуск.

Тут же в воздух был дан бесшумный залп.

Снаряды взлетев на нужную высоту, лопнули и распылили большое облако порошка.

Да, облако имело вполне определённую структуру. И ионизацию. А вот дальше... По нескольким, раздельным каналам, в это облако полилась энергия...

Первые секунды не происходило ничего. Только вдруг, все части кораблей завибрировали в такт неведомому резонатору. Загудели сами собой трубы. Низко. Зарычали переборки.

И невыносимый ужас объял человеческую начинку этих стальных посудин.

Ужас, который усиливался тем, что был абсолютно необъяснимым. Тем, что никто не мог понять почему весь корабль сотрясается мелкой дрожью и эта мелкая дрожь явно не вибрация от парового двигателя. Потому, что у этой дрожи была своя «мелодия». Пробиравшая до костей, бьющая в сердце.

Те, кто спал мгновенно проснулись.

Те, кто не спал заорали хором и начали бегать кругами, не находя выхода. Ведь куда деться с корабля? Только за борт!

Но тут из трюмов пошёл толпа объятая паникой. Кого-то затоптали. И этим больше всего повезло.

Кто-то кинулся к шлюпкам и возле них немедленно возникло побоище. Ведь шлюпок было мало, а людей — много.

Наконец, что-то удалось спустить и туда немедленно набилось столько народа, что шлюпка перевернулась.

На крики офицеров, и стрельбу из табельного оружия, никто не обращал внимания. Паника перешла уже давно в ту стадию, когда толпа начисто отбрасывает всякий разум, заменяя его на чистое, и ничем не замутнённое желание во что бы то ни стало спасти.

Офицеров, которые хоть как-то боролись с накатывающими волнами Страх, просто смели. Затоптали. И паника как была, так и продолжилась.

Впрочем, довольно быстро палубы кораблей опустели. Остались только до хрипоты

ржущие от страха кони, которые были просто заперты вниз, в загон. Люди же все как один плыли в темноту. Не мысля куда они плывут, лишь бы подальше от кораблей, но страх всё длился, длился и длился.

Минут через десять, после начала бегства, перевернулась последняя шлюпка. Через двадцать на волнах моря не осталось ни одного живого.

Кого-то убил инфразвук, просто порвав сердце и лёгкие.

Кого-то убила паника.

Но дальше в неведомые дали моря плыли лишь пустые железные коробки. Пыхтя машинами, которые дожигали в своём нутре уголь, который закинули перед катастрофой, выплёвывая пар и копоть. Но скоро они остановятся и корабли, подхваченные течением поплывут дрейфуя обратно — в сторону Бреста. Далее, циркулярное течение потащит вдоль западного побережья Франции на юг, где их и обнаружат, сначала, рыбаки, а после, заинтересовавшись причиной дрейфа, обследуют высадившиеся на их борт, с проходящих мимо судов, моряки.

Вот тогда и вспомнят... Ктулху.

Но это будет не скоро.

В далёком Амьене, борясь с наступающим недугом, Жюль Верн перелопачивал прессу.

Жизнь вокруг вдруг понеслась вскачь. За неделю случилось столько, сколько ранее не случилось и за год. Сотни статей, тысячи слухов. И большинство вокруг темы «эбола». А о тех, кто запустил её — просто забыли. И это было обидно.

Ведь ТАКАЯ ЯХТА!!! Чудо, а не яхта!

Про неё надо писать. Про её удивительные, чудесные качества. Про фантастические технические новшества. Но о них — ничего. А ведь великий писатель уже начал верить во все эти цветные фотоаппараты, маленькие переносные эфирные передатчики, передающие голос, а не треск. И многое, многое другое. Ему хотелось это увидеть. Хотя бы в репортажах газетчиков. Но этого не было.

Вдруг, взвилась паника. В «английском канале».

Десятки судов, вдруг как воробьи от сокола шарахнулись от миража пролетевшего вдоль пролива. И тут же, страхи про «эболу» дополнились не менее мощной истерикой на почве мистики.

Сначала месье Верн, как истинный материалист и апологет науки, игнорировал бред, изливающийся из уст газетчиков, из уст свидетелей и просто кликуш. Но потом, также вдруг в голове вспыхнула мысль. Из книги.

«Чем выше технология, тем меньше она отличается от сказочной магии».

«А вдруг?!! — подумал Верн. — Вдруг это не галлюцинации свихнувшихся от перепоя или ещё как моряков? Вдруг этот „призрак“ — рукотворен?».

Но тогда возникал вопрос как это можно было сделать? И на ум приходило только одно сравнение — «магия» синематографа.

Он помнил, как первые ролики вызвали воистину фурор. Как возникла паника в зале, когда зрители увидели на экране, движущийся, казалось бы на них поезд. Но поезд был не более чем изображением на чистой белой простыне.

Может и «Корабль-призрак» тоже что-то типа того же «синематографа», только выполненного на уровне неизмеримо более высоком?

«А ведь действительно! — уже с энтузиазмом стал размышлять Верн. — Братья уже

продемонстрировали множество технических чудес. Описали их. И, нет сомнений, что они описывали что-то очень реальное. Своё. И если можно создать „живого призрака“ на простыне экрана синематографа, то почему бы и не создать что-то более серьёзное в более крупном виде?!».

Жюлю Верну чуть плохо не стало от такого предположения. И чем дальше он размышлял, тем более реальным казалось его предположение. Но, кстати, чуть плохо не стало, не из-за страха.

От восторга.

Мысль была действительно, как озарение.

Он вспомнил туго надутые паруса кораблей, споро бегущих по волнам. И он представил картину: множество проекционных синема-аппаратов, крутят картины на этих надутых парусах...

А если это возможно и так просто... То значит, так и есть!!!

Конечно, месье Верн заблуждался насчёт «так просто». Но это было уже не существенно. Главное — понять идею. Оставалось понять зачем это делалось. Но и это тоже было достаточно просто.

Газеты были полны «пророчествами» о грядущей Мировой Войне. О Великой Бойне. И эти «пророчества» почти все завязаны на явление «Корабля-Призрака», «Летучего Голландца» в Канале. Причём хорошо было заметно, что страх перед «исчадиями ада», перед «адским воинством, прошедшим по волнам моря» — неизмеримо больше, нежели страх перед войной.

Оно и понятно: адом и дьяволом страшают постоянно и с самого рождения. А вот о войне зачастую говорят как о лёгкой «героической» прогулке, где удачливые и всепобеждающие Герои Нации, тысячами истребляют врагов и получают медали со званиями. В людях, никогда не видевших войну, это порождает самоуспокоенность, сон разума... А сон разума известно что порождает!

Выходит, братья решили вот таким крайне необычным образом разбудить разум Европейцев? И кого? В первую очередь англичан!

Жюль Верн несколько даже злорадно рассмеялся. Будучи патриотом Великой Франции, он естественно упустил из виду, что хоть и небольшая часть моряков, видевших «Призрак», но была французами. И паника также захватила французское побережье. Это такое свойство у патриотизма есть — всё пихать на исконных врагов, выгораживая своих. Но месье Верн был истинным патриотом. Так что у него даже и мыслей таких не возникло. Впрочем, это было не важно.

Но тут великий писатель нахмурился. Возникшая следом мысль очень сильно озаботила.

«А нужно ли с кем-то делиться догадкой? Но ведь если братья решили остановить Войну... Все их усилия пойдут насмарку! Однозначно не стоит!» — сделал вывод месье Верн и тут же повеселел. Он даже и не подозревал, что по странному стечению обстоятельств, оказался единственным человеком в Европе, кто твёрдо пришёл к таким выводам. Можно сказать, что этому же способствовала его романтическая и жаркая вера в Науку, в её силу. Мало кто обладал в те времена такой Верой. Такой силы. Но он даже и не подозревал этого.

Наоборот — испугался, что подобные мысли ещё кому-то придут в голову.

В дверь кабинета постучали.

Зашла служанка.

— Месье! Вам два письма и посылка!

Жюль Верн принял письма с посылкой и посмотрел от кого письма.

Одно из писем было сопроводительное. От издателя.

Он быстро вскрыл его и прочитал. В нём месье Этцель сообщал, что пришло очередное послание и заказ от братьев Эсторских. Но на этот раз с просьбой и пожеланиями. Что он и исполняет. А просьба была — передать первый экземпляр новой книги «Древние Цивилизации Земли» и письмо от автора с пожеланиями.

Прочитав эти строки, Верн бросил первое и схватился за второе письмо. И да, там действительно значилось «отправитель: Румата Дин Эстор».

В письме были поздравления, пожелания и выражение искреннего уважения. Вроде бы обычное... Но и тут, даже это письмо было крайне необычным — чернила!

Линии письма были тоненькими и явно писаны не чернильным пером. А неким другим устройством. Больше похожим на карандаш. Остро заточенный.

Пошарив по ящикам, Верн достал часовую лупу. Вставил в глазницу и уже с большим увеличением разглядел написанное.

Нигде не было линий, которые были бы хоть чуть-чуть смазаны. Это значило, что чернила были не жидкими, а скорее всего пастообразными. И наносились действительно тонким инструментом. Не царапающим бумагу, как это неизбежно бывает при письме пером.

«Ролик! Шарик! — мелькнуло озарение. — Шарик, катающий чернильную пасту. Маленький шарик. И перо, которым письмо написано — шариковое!».

Уже это свидетельствовало о том, что данное письмо не розыгрыш заигравшихся шутников из многочисленных друзей.

Писатель вчитался в письмо.

В нём речь шла о новой книге, написанной братьями. На этот раз о Древнейших Цивилизациях Земли. О том, что было больше десяти тысяч лет назад. О тех удивительных временах, когда люди летали... К ЗВЁЗДАМ!!!

Писатель не поверил глазам. Не поверил автору. И дочитав до конца, с предвкушением удовольствия вскрыл посылку. В ней действительно оказалась большая книга. Но вместе с ней, на стол вывалилось и несколько фото. Цветных.

То, что это было не что-то рисованное красками — ясно было с первого взгляда. На первом фото — яхта. На втором, двое молодых людей, очевидно в капитанской рубке яхты. И, на что сразу же обратил внимание Верн, пульт управления яхтой выглядел совершенно фантастически. Он такого даже и представить не мог. И тем не менее...

Но последние фото ввергли его вообще в ступор.

На них были те самые звёзды. Только вблизи.

То, что Сатурн, на одном из фото изображён именно с близкого расстояния, Верн понял сразу. Ракурс был такой, что никогда с Земли, ни в один телескоп не видно.

Он посмотрел на обратную сторону фото. Там, тем же почерком и пером, было написано: «Только для ваших глаз!».

И последняя — Земля. Со стороны. Фото.

И такая же пометка «Только для ваших глаз!».

Верн спустя час спрятал фото. Оставил только два — с яхтой и братьями. На которых не было предупреждающих надписей. И взялся за книгу.

Книга не просто увлекла. Он напряг прислугу, чтобы они читали, когда уставали

собственные глаза, потом читал сам, и так попеременно, пока не дошёл до конца.

Поразили иллюстрации. Подробнейшие. Поразило изобилие описаний. Да таких, от которых голова шла кругом. После фото, сейчас лежащих в дальнем углу ящика письменного стола, Верн поверил во всё.

Он увидел также и свои ошибки. Те, которые допустил в повести «Из пушки на Луну». Понял, что нельзя построить пушку. Невозможно перенести людям те перегрузки, что возникают при выстреле. И всё потому, что тут же в книге были даны объяснения. Почему. И что реально может поднять человека в космос. И не просто в космос. К звёздам.

На следующий день, он перечитывал книгу ещё раз, напрягая глаза, жадно. Разглядывал иллюстрации. И понял, что у него идей в голове — на две жизни. На две жизни писать, писать и писать. Стало на минуту обидно, так как он понял, что не успеет всё осуществить. Но решимость была такая, что он понял — будет писать до последнего вздоха.

Душу грело ещё осознание, что всё, что он написал, пусть и с ошибками, будет осуществлено. Появилась даже уверенность, что несмотря на все опасности, предсказанные братьями, человечество прорвётся. Победит свою алчность, и низменные инстинкты. Чтобы подняться к звёздам. Стать народом звёзд.

Вот как эти стали. Когда-то.

Древние.

Когда он закончил читать, на его столик горничная аккуратно положила свежую газету.

Жюль Верн посмотрел заголовок и рассмеялся. Он совсем забыл за чтением о «корабле-призраке». Но...

Видно братья снова «вышли на охоту».

«Удачи вам!» — пожелал Жюль Верн. И полез за стопкой свежей бумаги.

Пора было начинать работать. Над новыми книгами.

Глава 9. Вы нас не ждали, а мы припёрлись!

В следующие двое суток, яхта гоняла по океану, с целью не попасться никому на глаза. И для того, чтобы этого точно не случилось, обогнули Англию с запада. На всё той же сверхскорости и с включённым «хамелеоном».

По всей видимости, их никто не засёк, так как суда обходили как можно дальше. В том числе и рыбацкие судёнышки.

Крюк вышел огромный, на что Григорий потом зубоскалил насчёт бешеной собаки и предлагал переименовать в это имя яхту.

Вышли из режима невидимости только при приближении пролива Скагеррак. Утречком, подняли мачты, подняли паруса, и неспешным ходом легли на курс в сторону Каттегата.

А в Каттегате, были осмотрены со всех сторон. Пристально.

Ведь их парусник был из очень необычных. К тому же ещё и уже знаменитых. Тут пресса Европы постаралась.

Ясное дело, чтобы не «палить» невероятные скоростные параметры яхты, шли всё время под парусами, лишь слегка подбавлявая электродинамическим движком. Всё-таки тащиться до Санкт-Петербурга через всю Балтику на скорости узлов 15, было жутко скучно. Да и чем ближе был заветный город, тем больше разгорался ажиотаж — что увидят.

Ведь столько легенд написано и сказано об этом городе и этом времени. Как с «красной» стороны, так и с «белой». А так как серьёзных историков у нас в России, как правило, мало кто читает, то оба брата пребывали в полном неведении что встретят.

Ведь очевидно, что каждый мифотворец врёт. И врёт с определённой целью. Обеляя и приукрашивая «своих» и очерняя, «врагов».

Вопрос тут всегда стоял в том, кто больше наврал. И на чьей стороне было больше правды.

Белые патриоты, считают, что на стороне Царя и Белого движения. Что закономерно.

Красные — ясное дело, придерживаются противоположного мнения.

К тому же есть такое понятие как «временной лаг».

Его размер — два поколения. Именно за пределами этого лага, обычно начинается самое чернейшее враньё. И всё потому, что вымерли те, кто мог бы лично поймать лжеца за руку и сказать: «он врёт потому, что я помню — было совершенно не так».

Да, есть мемуары. Да есть исторические хроники.

Но с обеих сторон, эти самые мемуары и хроники долбятся и каждая сторона выставляет их в выгодном для себя свете. Объявляя либо ложными, либо правдивыми.

Конечно, есть «воспоминания» и «творчество» как геббельсовского выкормыша генерала Ваффен СС Петра Краснова, так и «исторические исследования» английского фальсификатора истории Роберта Конквеста. Эти — за пределами.

Есть дикая чушь «документального» фильма Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». И им подобные «материалы».^[8]

Но остальные?

Чему верить?

Вот и разрывались братья на части.

Хотелось увидеть побыстрее.

И каждый лелеял мечту, что именно его «тараканы», окажутся «менее тараканами», чем у брата. Ну, хотя бы не такими «жирными», как представлял их оппонент в своих «наездах».

* * *

Через несколько дней после памятной встречи в Королевском Географическом Обществе всё завертелось.

Вообще дело организации экспедиций от Королевского Географического, часто тянулось годами. Как это было, например, с Антарктическими экспедициями. К тому же, на почве дележа средств, выделенных меценатами, разгорались нешуточные скандалы и склоки. Генри был свидетелем таких склок. Почему к председателю Клементсу Маркему он относился очень настороженно. Фаворитизм и вздорность характера председателя, подкосила карьеру не одного из членов Королевского Географического.

Но тут всё происходило настолько быстро, что у Генри даже возникла шальная мысль: «Я сплю и вижу долгий сон». Но эти мысли быстро улетучились, когда сам Вернон Келл прояснил ситуацию с этой экспедицией.

А странности объяснялись, как оказалось, очень просто: на Африку были завязаны финансовые и деловые интересы слишком многих «жирных котов». И от благополучия предприятий в Африке, от торговли африканскими товарами, эксплуатации ещё природных богатств зависело благополучие слишком многих торговых и не только, кампаний Англии.

Поэтому, стоило председателю Маркему заикнуться в определённых кругах, что некий Генри Сесил ищет средства на исследовательскую экспедицию в Центральную Африку, так его тут же завалили предложениями и даже требованиями организовать её как можно быстрее. Господа откровенно побаивались. Причём не болезни. А финансовых потерь, связанных с паникой вокруг болезни.

Они даже ставили вполне конкретную цель: «разоблачить слухи» и, естественно «доказать, что никакой такой лихорадки эбола не существует».

Вскоре этим же заинтересовались и в военном ведомстве. Сама по себе перспектива чудовищной эпидемии, так красочно расписанной в книге их тоже беспокоила. Но уже в контексте защиты своих войск, факторий, гарнизонов, стоящих в Африке. А для того, чтобы знать как защищаться от этой болезни, надо было её, естественно, исследовать.

Прочие «добавки» в виде «Доктора Зло» по имени «Исия» и его «отряда 631» были восприняты как литературный вымысел. Но всё равно, само собой разумеющимися были также и проверки этих «слухов». Ведь «эбола» и «Доктор Исия» были связаны.

И если этот Исия умудрился сделать «абсолютное оружие», как говорилось в книге, то стоило хотя бы попробовать раздобыть что-то из его записок, материалов исследований. А вдруг там есть нечто, что действительно можно превратить в оружие и стращать всех врагов? Ведь тогда Англия воистину становилась бы властительницей Мира!

Оставалось лишь соединить эти два стремления с разных сторон — с военной и деловой стороны. Соединить желания, капиталы, возможности и прочие средства.

Генри, преисполненный энтузиазма, немедленно сам приступил к формированию состава экспедиции. Набора добровольцев из учёных и просто авантюристов, которых, кстати, в Королевском Географическом обществе всегда хватало. Через тех же своих знакомых, он узнал, что упоминаемые Эсторскими костюмы защиты, реально существуют и

давно. Защитные костюмы для работы в очагах чумы. Такой костюм действительно защищал тело человека и от испарений, и от насекомых, которые могли переносить заразу.

Было заказано три десятка таких костюмов. Генри рассчитывал, что если та болезнь (или какая другая но тоже опасная) будет обнаружена в тех местах, то учёные, защищённые по полной форме, смогут работать безопасно. Но потом пришёл Вернон Келл, посмотрел на формирующиеся запасы, и дописал ещё три десятка. Справедливо указав, что костюмы могут, если что, понадобится охране, да ещё и запас на случай порчи тоже надо иметь.

Так или иначе, подготовка шла фантастически быстро, и Генри уже назначил сроки отплытия, когда в Канале грянула очередная паника. Да такая!..

Казалось что она весь флот выморозила по оба берега. И надо было случиться такому, что именно тот самый корабль, с тем самым капитаном, с которым было достигнуто предварительное соглашение о перевозке экспедиции к берегам Конго и обратно в эту злосчастную ночь был в море. И как раз в Канале.

Когда корабль пришёл в порт, вся команда немедленно уволилась. Генри посетил капитана, но что-либо выяснить не смог. Капитан был дома. И был до синевы пьян. И, что самое печальное, не собирался вообще выходить из этого состояния в ближайшем будущем. Родные и близкие капитана только и смогли сказать, что капитан больше уже никогда не выйдет в море. Вообще.

Генри развернулся и попрощавшись, обещал зайти позже.

Но через несколько дней ему пришло официальное письмо, в котором недвусмысленно говорилось, что того парохода больше нет, и капитан уже... умер. Как можно догадаться от перепоя. Куда делся пароход тоже не сложно было догадаться — выставлен на торги.

Это означало, что поиск корабля для экспедиции предстояло начинать с начала. Но побегав по судовладельцам Генри понял, что паника эта не просто паника, а Паника.

Это же означало, что сроки, уже назначенные и объявленные, летели к чертям.

Вернон Келл проявил недюжинную «пробивную» способность. Ранее он договорился о том, что экспедицию будут сопровождать военные. И не просто так, взвод охраны. Получалось, что экспедиция вполне могла быть названа военной. И хоть каких-то боевых действий в джунглях центральной Африки никто специально не планировал начинать, но и солдаты и офицеры для этого мероприятия уже были выделены и готовились.

Вернон Келл прошёл к кому надо, нажал где надо и «в последний момент» проблема с кораблём была решена.

Для экспедиции был выделен крейсер «Талбот».

* * *

И вот, наконец, из-за горизонта выплыл сначала Кронштадт, а после и сам Санкт-Петербург.

Входили как на параде. Лёгкий бриз надул паруса и издали яхта была похожа на изумительно красивый парусник недавно ушедшей эпохи. Но чем ближе он подходил к берегам Невы, тем больше людей замечали, что на этом странном паруснике такелаж, привычный для всех других судов, отсутствует как класс. Мачты, реи паруса и всё! Даже верёвочных лестниц, так нужных для команды, чтобы подняться на мачты и работать с парусами просто не было.

И уже стандартный общий вздох изумления празднующейся публики, вызвало убирание парусов. Просто р-раз, и они смотались. Исчезли. И теперь, на водах залива покачивается на лёгкой волне трёхмачтовое нечто, без вант и вообще без единого человека на палубе.

Но, впрочем, один таки появился. Чтобы принять на борт человека, спешно прибывшего к судну на катере. И выглядел сей появившийся господин, тоже как при параде. Здесь, не видели ни разу Советскую форму офицера ВДВ. Впрочем, Григорий, а это именно он выкатился на палубу навстречу морякам, и тут «добавил от себя». Впрочем, добавил слегка, но от этого она теперь имела некоторые южноамериканские мотивы.

Григорий всегда любил выпендриться и тут не упустил возможности. Единственно, что смущало наблюдающих этот маскарад — не было каких-либо знаков принадлежности к ВС какой-либо страны. То, что она похожа на парадную, было видно издалека. А вот чьё — знал только нагло улыбающийся Григорий.

Чтобы войти в порт понадобилось всё-таки взять лоцмана.

Братья не поняли — то ли порядок тут такой в это время был, то ли то, что они спустили паруса и остановились на приличном расстоянии от берега на входе в залив, но к ним довольно быстро прибыл катерок.

Однако, и тут прибывших на борт яхты ждал лютый облом и шок. Когда они проследовали «на мостик», то как ни вертел штатный лоцман головой, он не увидел никаких штурвалов. Зато увидел красивую картинку-схему на столе. Цветную. Где была изображена акватория порта и подходы к нему.

Сначала лоцман подумал, что не туда зашёл. Но Василий быстро его поправил.

— Вы только скажите куда направить яхту, а мы её выведем в лучшем виде.

Лоцман, приободрившись, начал, было, командовать но был остановлен.

— Вы покажите место, куда яхта должна швартоваться. Где? А вот на этой схеме.

Справившись с собой, лоцман, с трудом узнав места — а показано было как бы сверху — таки указал. Тут же от места, где на схеме находилась яхта, пролёг пунктир курса. Оптимальный. Василий лишь нажал пуск, и яхта поползла к месту назначения.

Всё также пребывающий в некотором обалдении лоцман начал интересоваться кто проложил курс, но Василий ответил просто и кратко — Гайяна.

Лоцман, ясное дело, не понял кто это, но решил что это кто-то из команды. Дальше, так как всё равно делать было нечего, он задал другой вопрос. Помявшись для приличия.

— Господа! А на каком языке эти надписи? Ни разу до этого не видел таких букв.

— На языке Древних. — последовал вежливый ответ.

Ну и да! Действительно Древних. Ведь можно же было так санскрит назвать. Впрочем, шрифты были как раз с мира Гайяны. Но это мало что меняло.

Когда же до пирса оставалось совсем чуть-чуть, местного «аборигена» также вежливо попросили помочь «господину команданте» — кивок в сторону расфуфыренного Григория — со швартовкой.

Григорий, рад стараться, на немецком объяснил лоцману, что надо делать. Дальше всё шло как обычно.

Однако, народу сбежалось поглазеть на швартовку яхты — не в пример больше, чем в Амстердаме. Возможно, уже доползли слухи через прессу, что яхта с двумя сумасбродными богатеями из Южной Америки, направляется в порт Санкт-Петербурга. Телеграф — штука серьёзная.

Когда же тут толпа узрела манёвры яхты, то взвыла покруче, чем при швартовке в Греции.

Впрочем, Василий быстро сообразил, что, возможно, народу тут было много потому, что день выходной. А публика была действительно разномастная.

Особо выделялись пара городских, и некие люди в форме. Похоже таможня, портовые или кто-то типа них.

Но вот тут братьев поджидала неожиданность. Неприятная.

И заключалась она в том, что чиновники, пройдя на борт, вдруг как-то по-особому переглянувшись начали «тянуть резину». Придирки были буквально ко всему и «на ровном месте». Пытались, также, что-то лишнее содрать, но встретив твердокаменное выражение лица Василия, нагло-кирпичное Григория, с присовокуплением просьбы «предоставить прейскурант цен на услуги», — отстали.

Несколько раз переспрашивали есть или нет на борту ещё кто-то из команды. Пришлось также несколько раз сказать, что нет и их всего двое.

— Но как же вы вдвоём управляетесь с таким огромным кораблём?! — изумлённо спросил один из досматривающих. На вид, человек лет пятидесяти, с уже седеющей бородой. Видать, помнит ещё те времена, когда всюю тут ходили и швартовались парусники.

— А нам и не нужно напрягаться! — почти презрительно отозвался Григорий. — за нас всё делает автоматика.

— Что, простите? — не понял спрашивающий.

— Автоматика, это механизмы, которые могут выполнять за раз несколько связанных действий, заранее заданных при их создании, — деревянным тоном ответил Василий, так как вся тягомотина его тоже начинала доставать. — Вы видели эту автоматику, когда мы швартовались.

Думал, что отвяжутся. Не тут-то было! Этот простой ответ тут же повлёк кучу дополнительных. Поняв, что если не отвечать кратко и жёстко, то болтать тут будешь до следующего утра, Василий постарался как можно сильнее скомкать объяснения.

Под конец пристал портовый чиновник, отвечающий за порядки. Как он там специально назывался, Василий забыл. Но вопрос был существенный.

— Господа! Но как вы будете следить за порядком на яхте в ваше отсутствие? Или вы намерены нанять охрану? Если хотите, могу поспособствовать...

— Спасибо господин... э-э начальник. У нас всё запирается так, что вскрыть можно только из пушки и десятидюймовым снарядом. У нас уже были прецеденты в других портах. — насмешливо ответил Григорий. — Помню в Одессе, к нам на борт, в наше отсутствие припёрласть целая банда. С фомками, кувалдами и отмычками. Даже поцарапать не смогли. Не то, что проникнуть внутрь.

Среди портовых промчался целый ритуал переглядываний.

— Э-э, господин Румата! Так это вы в Одессе... — наконец сообразил один из таможенников.

— ...Сдали в полицию всю банду, распечатав в цвете все их фотографии. — закончил Григорий. — Да. Это были мы. Так что если у вас тут есть какие-то бандиты, то пускай

приходят именно на наше судно. Сдадим после всех.

Таможня заухмылялась.

— Да! — спохватился Василий. — Я забыл предупредить, что автоматика у нас настроена так, что сама включает освещение на палубе и огни на реях, когда стемнеет. Так что просьба не пугаться. Иногда эту автоматику вводит в заблуждение гроза, но это мелочи. Тут всё настроено на падение освещения ниже определённого предела.

Таможня снова переглянулась, а Василий выругал себя за длинный язык, так как после таких объяснений немедленно следовали ещё большие расспросы.

Но, тут один из них, видно главный, полез в карман жилетки за часами. Как бы невзначай посмотрев на время, он тут же начал закругляться и пригласил братьев пройти дальше в контору, для окончательного оформления документов.

Бюрократия чувствовалась ещё та.

Но при оформлении случилось происшествие. Мелкое, но знаменательное, от которого и Василий и Григорий неприятно насторожились.

— С какой целью въезжаете? — со скучающим видом задал клерк очередной вопрос, чтобы записать в своём документе.

Василий неопределённо пожав плечами, как что-то само собой разумеющееся заявил.

— Ну... Для начала, мы хотели бы просто въехать! Осмотреться, пожить, посмотреть Санкт-Петербург. А после, может быть попросить подданства Российской Империи и приступить к совершению подвигов во славу короны.

Произнесено всё было весьма напыщенно, но, видать, тут и не такое видали и не такое слыхали. Хотя заявление о подданстве восприняли с воодушевлением. Но и тут...

В конторе было ещё несколько чиновников. И их реакция была неожиданной для братьев. Одни тут же проявили повышенный интерес и симпатию, но были и такие, что стали посматривать в сторону братьев, с неприязнью. «Понаехали тут!», видать, лозунг имеющий очень древнюю историю.

Василий и Григорий переглянулись.

Наконец, вся бумажная канитель была закончена, им вручили положенные бумаги, и братья, таща каждый свой чемодан на колёсиках направились к выходу.

Но... На выходе их уже ждали.

И стало ясно, чего их так мурыжили и волынили. Придирки и тягомотина, оказывается были заранее обговоренным действием. И взятки, всегдашний спутник той таможни, были тут не при чём.

Перед входом, маясь от жары, их ждала толпа репортёров.

Стало ясно, что у таможни и портовых был некий договор с ними. И их задержали для того, чтобы до них вовремя добрались. Кстати говоря, кроме журналистов толпу составляли и просто зеваки. Этих было как бы не в три-четыре раза больше чем служителей пера и сплетни.

Писаки сходу выяснили, что братья великолепно болтают на немецком, и дальше весь их «допрос» происходил на языке Шиллера и Гёте. Часть толпы, из тех, кто просто припёрся поглазеть и послушать, заскучала. Не все хорошо знали немецкий, а многие его совершенно не знали. Но, на беду братьев, к журналюгам это не относилось.

Неизвестно, что про братьев наговорили европейские журналисты, но можно было предположить, что как минимум что-то из цикла «очень любят давать интервью».

Репортёры разве что не подпрыгивали, стараясь перекричать коллегу и задать первым вопрос. Из воплей репортёров также стало ясно, что в Петербурге их, оказывается, не ждали.

А если и ждали, то очень даже не скоро.

Почему-то среди этой публики было распространено мнение, что яхта должна была зайти последовательно в Гамбург, Ригу, Таллин. И только после этого в Санкт-Петербург. А тут — «здрасьте-не-ждали!».

Впрочем, это было выяснено очень быстро. И дальше начался буквально шторм вопросов.

И все — вокруг той самой шизы, что запустили братья. А так как пустые английские суда, дрейфующие вдоль побережья Франции, только-только обнаружили, то и большая часть вопросов также была по этой теме. Типа, «а что вы думаете по этому поводу?».

С одной стороны, это хорошо, что их, благодаря раскрутке в Европейской прессе, стали воспринимать как экспертов. Но тут следовало проявить максимальную осторожность. Чтобы не выдать свою причастность. Даже малейший повод не дать. Поэтому Василий поспешил оборвать поток вопросов, выстроив интервью уже по своему сценарию.

— Подождите, господа! — замахал руками он.

Толпа репортёров тут же утихла.

— Во-первых, вы возможно, знаете, когда мы вышли из Амстердама. А тогда, когда мы выходили, в газетах значилось, что тот э-э... конвой? Те суда, только что вышли из порта и направляются в сторону Африки. Мы этому делу никакого значения не придали, кроме того, что сделали вывод о наращивании военной группировки Англии в Юго-Западной Африке. Больше мы ничего не знаем! По той простой причине, что мы следовали в Петербург, не заходя в другие порты. Уяснили?

Репортёры с умным видом закивали.

— Очень хорошо! Тогда во-вторых. Раз мы не в курсе, то не могли бы вы, господа, нам хотя бы кратко описать, что произошло и из-за чего такой ажиотаж?

В следующие несколько минут, репортёры в красках пересказали и что по их мнению, произошло, и как нашли те суда, брошенные пассажирами и экипажем. И напоследок, расписали великий шум и, как в двадцать первом веке в мире братьев выражаются в таких случаях, «великий срач».

Даже по тому краткому и очень сжатому описанию было ясно, что градус шизофрении и паранойи, в том числе и чисто религиозной, достиг новых, неведомых ранее высот. Распутин и прочая религиозно-мошенническая братия просто нервно курят в углу.

У Григория вытянулось лицо. А Василий же начал от чего-то хищно подхихикивать. Это не укрылось от внимания репортёров и они тут же надели на обоих с вопросами.

Василий тут же стёр с лица ехидство, сделался серьёзным и запузырил речь.

— Господа! Моё мнение таково. В Европе назревает кризис. Он может вылиться в войну. Причём эта война будет уже не локальным конфликтом. В него будет вовлечено практически почти всё население мира. Хотя бы потому, что будут воевать метрополии. А если воюют метрополии, то и колонии будут воевать с колониями. Что это значит? Это значит, что мы стоим на пороге Первой Мировой Войны.

Публику неприятно резануло это словосочетание — Первой Мировой Войны. Особенно «Первой», так как предполагал, что после неё будет Вторая, а возможно и далее...

— Эта бойня, по большому счёту, абсолютно бессмысленна. — продолжил Василий. — так как ресурсов планеты хватит на безбедную жизнь населению в десять раз большему,

нежели сейчас. Просто англичане решили сделать так, чтобы им и только им достались все сливки. Это понимают практически все, но некоторые страны думают, что смогут тут что-то выгадать для себя. Как союзники. Да могут. Но это ничего не меняет. А так как вся Европа, подспудно понимает кто виновник многих будущих бед, то их сознание порождает чудовищ. Ведь не зря говорится — сон разума порождает чудовищ. И тот сон разума, который сейчас объял английский парламент, он не только приведёт к миллионным жертвам, но и к крушению Британской Империи.

Будущее отбрасывает в прошлое свою тень. Одни люди могут «прочитать» эту тень. Другие её только ощущают. Но вместе это складывается в ожидание катастрофы. И это ожидание выливается в катастрофы, типа «Ламаншского инцидента». Ведь мы видели тот вихрь — овеществлённое ожидание той самой, предстоящей катастрофы. Один из Всадников Апокалипсиса.

— Так вы можете «читать тень, которую отбрасывает наше будущее»? — постарался уточнить репортёр.

— Очень смутно. И всё, что мы прочитали — мы публикуем.

— А какие из Всадников, уже замечены Вами? — тут же вклинился другой репортёр.

— Не нами замечены. Мы лишь интерпретаторы того, что видят люди Европы. А их пока два — Смерть и Мор. Возможно, то, что погубило корабли с войсками из Портсмута — это Третий Всадник — Война.

— А существуют ли естественно-научные объяснения всем этим феноменам?

— Конечно есть. Просто европейская наука до понимания этих процессов и явлений очень сильно не доросла.

— Уж не хотите ли вы сказать, что у Вас оно есть?

— Мы только начали к нему приближаться. — сдержанно и уклончиво ответил Василий. — но так как в этих знаниях мы существенно обогнали коллег из Европы, нас там просто не понимают. Ну что же — мы подождём, когда наши предсказания, основанные на этом новом знании, просто тупо сбудутся.

— И когда по вашему мнению грянет эта самая Первая Мировая Война?

— Если не будет мощной эпидемии в Европе, — многозначительно указал Василий, — то, вероятность начала этой Войны, распределена с 1913 по 1916год. Наиболее вероятный же год начала войны — 1914-й.

Скормив таким образом, нужную сенсацию «собакам», братья отправились искать гостиницу для остановки. Ну и для оборудования первой базы-форпоста.

Почему-то Российская Империя, по молчаливому согласию братьев мало-помалу начала восприниматься как некая территория для завоевания. Какого именно завоевания, братья понимали пока смутно.

Однако, когда уже ехали на тарантасе, нанятом тут же в порту, Василий сказал на санскрите. Чтобы даже самые случайные чужие уши — например извозчика — не могли понять что говорится.

— Я тебе ещё не говорил об одном интересе, связанном с Европейской паникой. А её можно тут использовать на полную катушку. Помнишь, я говорил, что раскрутка паники нам очень выгода?

— Какой это? — заинтересовался тут же Григорий.

— Сейчас здесь неизвестны антибиотики. Если мы сейчас начнём их производить в промышленных масштабах...

— Я понял!

Первая экскурсия по городу вышла спонтанно — на извозчике. Пока ехали смотрели по сторонам. Оба брата были в своё время в Санкт-Петербурге, но уже спустя сто лет. Так что многие из тех мест, что сейчас проезжали, они помнили. В сущности, они не поменялись никак. Разве что через сто лет вывески были уже другие, да и транспорт не на гужевой тяге, а на бензине и электричестве.

Сильно повеселили «автобусы» тех времён — омнибусы. Эдакий открытый со всех сторон вагон, с длинной подножкой в виде толстой доски вдоль колёс, запряжённый парой лошадей. Просто представлялись те же самые автобусы, но уже более поздних эпох по сравнению с этими.

Люди.

Люди всё также как и через сто лет сустились, спешили куда-то, словом, занимались своими делами, но вот одеты были совершенно не так. Мода и порядок шиться по жару в пиджаках, в конце двадцатого, в начале двадцать первого века, казалась не просто нонсенсом. Однако, здесь братья не рискнули ей перечить. Впрочем, следуя уже обычной своей паранойе, оба были вооружены. Зачем — это уже родная параноя могла вразумительно ответить. Но ей слова не давали.

Простонародье было одето ближе к погодным условиям, в более лёгкие одежды. Впрочем, зачастую и более ветхие. Чувствовалось, что тут всё-таки не сто лет спустя. Бедновато.

Мужики в общем были одеты так, что по ним часто можно было определить и род занятий. Форменная одежда. Пока, без привычки, определять «влёт» кто какой профессии, было сложновато, но со временем, наверняка ещё приестся.

Ну и вообще то, что было впоследствии забыто, и что в конце двадцатого века почти никто не помнил — в те времена выйти на улицу без головного убора было НЕДОПУСТИМО. Для всех сословий.

Дамы, также в зависимости от достатка и сословия, одевались соответствующе. Но всегда — платья до пят. На богатых ещё и здоровенные «шляпки». С наворотами. Впрочем, это сейчас, наверное, шляпки тех времён кажутся здоровенными, так как в наше следуют больше прагматическим соображениям в этом наряде.

Запахи.

Это сейчас в жару в Санкт-Петербурге стоит запах палёного бензина, нагретого асфальта и горелой резины. Если ветер не с Финского залива.

А здесь пахло конским навозом. Оно и понятно — гужевой транспорт испражняется не дымом сгоревшего бензина, а вполне конкретными «яблоками» и вполне конкретной мочой. Всё это разливалось по мостовым, откладывалось кучками, которые собирали дворники.

Во всё это вплетались и другие запахи.

Запахи свежееиспечённого хлеба из хлебопекарен и прочие, уже малоуловимые.

Ну и вывески... Собственно за сто лет разницы особой не чувствовалось. Разве что надписи с ятями. А так, как выразился Григорий — «сплошная немчура». Он, конечно, слегка «загнул». Но то, что иностранных было много, с иностранными же фамилиями — факт.

В гостиницу устроились в ту, что нашли самой приемлемой для себя, как людей

привыкших к плодам прогресса. А она оказалась очень ещё и дорогой. Но так как Василий перед этим «подпечатал пару пачек» — проблем с оплатой не возникло. Валюту принимали любую.

Процесс вселения в номер, был обставлен уже привычной процедурой попутного выселения паразитов. Даже не пытаясь найти что-либо из клопов или тараканов, номер весь был обработан инсектицидом, в вящем удивлении всех постояльцев и, особенно, всякой прислуги. Даже подробные объяснения что к чему тут не помогли. Но изрядный интерес к «новейшему европейскому средству» разожгли сходу. И немаленький. Григорий тут же начал хихикать на тему: «А может для начала сделаем химическое производство по производству дихлофоса или чего там, а не пенициллин?».

Судя по тому, как буквально на следующий день началось паломничество разнообразных личностей с просьбами продать средство или указать производителя, резон в этих словах брата был. Даже владелец гостиницы притащился, с просьбой обработать другие номера, с обещанием «вдвое... нет, втрое снижу плату за проживание».

Сославшись на ограниченное количество средства, согласились на обработку ещё двух номеров люкс. Всё-таки здесь, в этих помещениях, предстояло прожить довольно долго. И с хозяином лучше занять самые наилучшие отношения.

Заметив, сколько даже после снижения цены, будет стоить постой в их номере, Григорий сморщился и кинул своё любимое словцо: «жлобьё!». И пояснил.

— Жлобьё мы с тобой братец! Бу-га-га-га!

Василий развёл руками и сослался на то, что иначе придётся жить только на яхте. Впрочем, учитывая то, что если собрались «водворяться» по правилам империи всё равно придётся жить тут... Пока не будет куплено какое-нибудь жильё.

Пользуясь установившимися хорошими отношениями с управляющим, Василий прицепился к нему, чтобы узнать, как он выразился «что где лежит и как до него добраться».

До собрания промышленников и прочих высокопоставленных и богатейших людей империи и города, тут нужно было очень сильно постараться добраться. И проблема была не в том, что далеко. А в том, что «высоко». Туда можно было получить приглашение только если чем-то себя зарекомендуешь. Например, приобретёшь много недвижимости, построишь завод, или ещё чего такое, чтобы приносило очень большой доход. Иначе и разговаривать с тобой не будут.

Другим выходом были разнообразные салоны. Как и в других городах, где уже побывали братья, в салон могли их пригласить практически сразу и легко. И, как показывал опыт, тут только выбрать оставалось куда идти. А так как слава у них уже была, то стоило ожидать таких приглашений со дня на день.

Однако, даже решив тут «слегка осесть» братья не оставляли надежды, из этого мира, пробиться обратно. А для этого, как вычислил Василий, нужны были гигаватты энергии. Сколько — он не знал, но брал за основу именно нижнюю планку в своих прикидках — восемьсот мегаватт. А это очень серьёзная электростанция. Построить её здесь — это нужны связи. Прежде всего связи. И репутация. Иначе ничего не сделаешь.

Впрочем, как и в родном мире.

Как занять репутацию? Чтобы вообще сверкало...

Собственно, уже имели то, что имели. Славу великих возмутителей спокойствия «в Европах». И богатеев, «а-ля-Капитан-Немо-Жюль-Верн». От яхты братьев супертехнологиями запредельного свойства воняло за версту. А, значит, было явное указание

для всех, что братья сами являются носителями этих технологий. Оставалось только подождать, когда некие эмиссары неких промышленников Российской Империи за теми технологиями прибегут.

По крайней мере, так считали сами братья. Но как оно будет в реальности — тут уже как случится.

Но, так как просто валяться на диване и мечтать братья не привыкли, да и пребывание в вынужденном бездействии на яхте, во время переходов от одного порта к другому, тоже давило, они кинулись в пучину деятельности решительно и бесповоротно.

Вот только перед этим у Василия с Григорием состоялся очень серьёзный разговор.

— Гриша! — начал Василий очень сурово, резким тоном, не допускающим возражений. Брат тут же напрягся, так как не любил, чтобы им так командовали.

— Давай договоримся об ещё одном. И думаю, что ты меня поймёшь.

Брат посмотрел на Василия как Ленин на буржуазию.

Учитывая что прототип сего сравнения уже бегал по просторам России поднимая народ на борьбу за счастье народное, это добавляло комизма в создавшееся положение.

— Мы уже здесь. — припечатал Василий. — А это значит, что нам надо вести себя очень осторожно. Я знаю, что у тебя представления об Этой России самые радужные, что типа свободы и прочая, и прочая... Но давай, пока не разберёмся что к чему вести себя сверхосторожно. Тем более, что это иной мир, параллельный. И здесь может быть всё совершенно по-другому, нежели у нас.

Григорий поморщился, вздохнул, признал правоту брата и нехотя кивнул.

— Поэтому, — продолжил Василий, — воздержись вообще от каких-либо комментариев и болтовни насчёт политики. Как внутренней, так и внешней.

— Но ты же сам ещё тогда в таможне... — ехидно заметил Григорий. Василий поморщился.

— Я там накосячил. Не стоило так явно пинать наглов. Тем более, что они сейчас как-бы союзники России по Антанте. Но всё равно... Главное тут — ни в коем случае ничего не жужать про существующие порядки. Мы тут иностранцы. Мы интересуемся тем, как живут люди, и каковы они, эти порядки. Но не более того! Никакого выражения эмоций по поводу этих порядков!

Григорий удивлённо пожал плечами, но всё-таки нехотя признался себе, что попав в то, что считал своей мечтой, вполне мог что-то такое ляпнуть не подумавши. С восторгу или наоборот. А потом... Если правы те, в которых веровал Василий, их возьмут за мягкие, седалищные места тела и будет не просто масса неприятностей. Могут и вышвырнуть из страны как нашкодивших котят. Хотя бы из соображений «на всякий случай», «кабы чего не случилось». Ведь факт — их здесь не ждали. И им далеко не все тут рады.

Глава 10

Полёт навигатора

Начальник Петербургского охранного отделения пригладил усы и отложил бумагу в сторону.

— Ну-с, и что мы имеем по этим господам?

— Э-э, не очень много Владимир Михайлович. Пока наши агенты стараются, но мало что добыли. Первое, что настораживает, это то, что они поразительно хорошо говорят по-русски.

— Гм. Так может они... наши, родные, так сказать? — усмехнулся начальник.

— А вот это... Это вряд ли, Владимир Михайлович! Мы навели справки. Некоторые, что успели. Но, что отмечают все, кто с ними общался, на европейских языках эти двое господ изъясняются очень чисто. Но... Относительно русского... Тут однозначно — не наши люди!

— И это почему? — поощрил подчинённого начальник.

— Что стоило бы отметить, ЗА то что они наши, говорит некоторый южный акцент. Так говорят выходцы из Новороссии. Но само построение фраз, употребляемые обороты речи, изобилие вставок слов европейских, говорит однозначно — не наши! Уж что-что, но среда, в которой воспитывалась, накладывает очень серьёзный отпечаток.

Владимир Михайлович сдержанно рассмеялся.

— Уж не скажете вы милейший, что умудрились раскрыть тайну, по которой кипит Европа? Тайну их происхождения?

— Ну... Владимир Михайлович... Я бы так не сказал. Далеко пока до этого. Но выводы некоторые, сделать можно.

— Оч-ень любопытно!

Начальник охранного отделения сложил руки на столе и почти навалился на него грудью, демонстрируя неподдельный интерес.

— Несколько признаков. Первое — исключительное знание языков. Второе — великолепное техническое знание. И образованность, по многим наукам, никак не менее бакалавра. А то и выше. Присуще обоим. Это значит, что они обучались в элитных учебных заведениях Европы.

— Именно Европы? Ведь писакки утверждают, что они приплыли откуда-то вообще издадека...

— Смею вас заверить — именно Европы. Нигде больше такого высочайшего уровня образования получить невозможно. Даже более того скажу — вероятно, перед этим они получили образование у лучших учителей. И обучались персонально. После — элитные школы типа Британского Итона. И завершение — Университет никак не ниже Кембриджа или Гейдельберга.

— Чем же тогда объяснить их южный новоросский акцент?

— Только учителями. Вероятно, кто-то из выходцев из Новороссии обучал этих господ языку.

— Но они точно не наши?

— Абсолютно точно! Стоит их послушать хотя бы пять минут, как это становится совершенно и непреложно ясным. Ну не говорят так по-русски! Да ещё их сильно выдаёт изобилие в речи иностранных слов. Причём не таких, как мы часто присовокупляем,

например, из французского. А из очень многих языков, и преимущественно английского. Очень много научных терминов, но если послушать нашего инженера и их — разница видна отчётливо. Даже термины они произносят часто очень иначе.

Больше того скажу! Они на каждом шагу демонстрируют полное незнание реалий Империи. То, что у каждого в крови. Они часто даже правильно обратиться не могут. И... интересное наблюдение смею отметить: со всеми они говорят как с равными или как с теми, кто им безусловно и по статусу обязан подчиняться. Это говорит только о том, что они выходцы из высокого сословия. Возможно, титулованные особы.

— А имена? Они действительные?

— Нет, Владимир Михайлович. Как мне представляется — псевдонимы.

— Могут ли это быть некие из разведки? Английской например? Ведь вы говорите, что у них в речи много английского?

— Думаю, Владимир Михайлович, что... нет. Слишком уж... нагло себя ведут. Так разведки не поступают. Тем более, что всегда на виду у всех.

— И чем сейчас заняты эти господа?

— Заняты они тем, что ищут дом, который бы хотели купить для постоянного проживания. Также ищут большие сараи или им подобные строения типа складских. И обязательно с прилегающими к ним полем. Этим занимается тот, кто называет себя доном Руматой. Второй же налаживает знакомства с профессорами и прочим учёным людом.

— Очень странные интересы и сочетания. А что они собираются тут сделать у нас? Не говорили?

— Гм, вы будете смеяться, Владимир Михайлович, но они, как говорят, хотят сделать механическую птицу и начать летать на ней по воздуху.

— Почему же! Не буду смеяться. — Доброжелательно усмехнулся начальник охранного отделения. — Господа решили посрамить профессора Можайского. Ведь у него сие дело закончилось крахом, хотя... усилия чуть не завершились успехом. Может этим удастся.

Докладавающий кивнул и продолжил.

— Называют, сей аппарат двояко. По-русски это звучит как «самолёт», а на их тарабарском языке, который они изредка употребляют — «пепелац». Отмечаю, что знатоки грузинского языка утверждают, «пепела» в их языке — мотылёк.

— Так может они и грузинский знают? — Тут же заинтересовался начальник.

— В этом знании пока не замечены. Но в том, что иногда употребляют некий неизвестный никому язык — совершенно точно.

— Прямо полиглоты какие-то... Но, а в отношении вольнодумства сии господа никак не отметились? — перешёл к более насущному, господин начальник охранного отделения. — Политикой не балуются?

— Вот тут, всё тёмно, Владимир Михайлович. Сразу же отметились весьма резкими суждениями относительно Британской короны. Их послушать, так англичане прямо исчадия ада какие-то.

— Может личные обиды?

— Возможно и так. Но они, по документам, приплыли к нам аж из Перу. И вот это, по моему, самое подозрительное.

— Уж не думаете, что они из Парагвая? — усмехнулся начальник. — Парагвайские шпионы?

— Не исключаю, ваше сиятельство! — совершенно серьёзным тоном заявил

собеседник. — Всё-таки парагвайский реваншизм хоть и в анекдотах, и шутках... Откуда-то они к нам явились! Но во всём остальном, тщательно избегают разговоров на политические темы. Особенно о Российских политических дрязгах.

— Хорошо! Продолжайте наблюдение.

* * *

Процессия во главе с бричкой братьев Пономаренко, растянулась метров на триста. Второй ехала бричка нагруженная недавно собранным и испытанным на стенде двигателем, вместе с нехитрой конструкцией из шёлка и дюралевых труб. И только вслед за ними ехали брички с фотографами — этих потащили всех, до кого удалось дотянуться и кого удалось уговорить поехать. Дальше ехала кучка репортёров, разных газет. А самой последней, тащилась бричка с целым кинооператором. Этот мастер оказался единственным на весь Санкт-Петербург. Наобещали ему три короба, плюс ещё тележку. Так что сей славный муж, взяв кинокамеру и все свои запасы плёнки отправился в дальнее, для него, путешествие — за город. На поля.

Журналисты же все двинули по своей воле и даже благодарили, что их предупредили о предстоящем «действе всемирного значения». Так как раньше братья уже зарисовались как поставщики не хилых скандалов и сенсаций, тут им верили на слово. А то, что нагнали таинственности, ещё больше разжигало ажиотаж и любопытство всей пишущей братии. Последнее, кстати, не пустое обобщение.

Вместе с журналистами увязались какие-то писатели с поэтами. То ли за вдохновением попёрлись, то ли за компанию, то ли специально, учуяв запашок «исторического события». Но так или иначе, толпа получилась славная. Прохожие, которые шныряли по улицам, даже останавливались провожая необычную процессию. Также как и жандармы.

Радовала и погода.

С утра установилась ясная, солнечная погода, с лёгеньким ветерком. А это означало, что никаких особых противопоказаний для испытаний аппарата не предвидится.

— Куда едем? — любопытствовал Василий, так как к выбору места он был непричастен. Всё выбирал и искал Григорий, по его детальнейшим объяснениям и планам.

— Помнишь, в Питере, в наше время, было такое поле как «Воздухоплавательный парк»? — ответил Григорий на санскрите. Предосторожность весьма кстати, так как извозчик, нанятый ещё с вечера, проявлял недюжинное любопытство, пытаясь понять что же такое братья удумали учинить.

— Припоминаю... По песне.

— Вот у нас будет свой «Парк» и своя песня. Там рядом какие-то поселяне живут, но это мелочи. Главное есть место, где твоему пепелацу разогнаться.

— Это хорошо. — блаженно ответил Василий, перед этим целый месяц убивший на беготню по разнообразным заводам и мастерским. Чего только не наслушался Григорий от него за это время. Даже нечто типа «малого загиба»^[9] пришлось услышать из его уст. И самые мягкие эпитеты были «криворукие» и «тупоумные». Но, кажется, все перипетии сборки, наконец-то позади. И теперь, после испытаний на стенде движка, эпопея по знаменитому пари с англичанином, подходила к концу.

— А ты уверен, что полетит? — несколько помявшись спросил Григорий. Уже чисто

для острастки.

— Да куда он денется?! — несколько расслабленно заявил Василий. — Копия почти один в один с тем, который у меня в сарае. Ну, тот что ТАМ остался. Единственно что двигатель менее мощный. А нам достаточно даже просто от земли оторваться и метров двадцать по воздуху пролететь...

— Всего? — недоверчиво спросил Григорий.

— Всего! Достаточно просто с разгону подпрыгнуть на два метра. — у Райтов в нашей реальности было тоже самое. Сначала двадцать метров пролетели. И сейчас они во всех энциклопедиях. Я почему и тащу тут кучу корреспондентов, чтобы удостоверить и задокументировать.

— А кино есть?

— И кино есть. Кроме нашего, разумеется. Свою телекамеру я, естественно никак не «уволую». Тем более на такое событие. На неё будешь снимать ты.

— Ладно. Как-нибудь разберёмся. Она там и на автомате всё снимет.

Поле было большим. С одной стороны стоял лес, с другой подступали дома разрастающегося города, даже какая-то церквушка каменная виднелась. И ещё были какие-то совершенно деревенского вида домишки, стоящие отдельно, какие-то большие постройки, но там было что-то военное и к нему решили не приближаться вообще. Во избежание неприятностей.

А в общем — то, что надо. Поле достаточно ровное и было куда разбежаться. Так что оценив простор, Василий удовлетворённо крикнув, приступил к выгрузке летательного аппарата.

К этому времени подтянулись и газетчики с фотоаппаратами. Праздные писатели, вместе с тут же появившимися будто ниоткуда зеваками, стали чуть в сторонке, с любопытством наблюдая, что же это тут собирается такое.

В свёрнутом виде мотодельтаплан представляется для непосвящённого эдаким, странной конструкции, трёхколёсным мотоциклом. Наверное, и наблюдатели подумали об этом же. Благо уже успели на излёте века девятнадцатого насмотреться на разных чудаков и откровенных придурков, изображающих из себя «Великих Изобретателей».

Поначалу, некоторые даже стали отпускать скептические шуточки, но когда Василий, с помощью Георгия расправили крыло, затихли и далее наблюдали со всё более возрастающим интересом. Меж тем, оставленная Григорием как бы невзначай, тренога с маленькой видеокамерой тихонько запечатлевала исторический момент.

Газетчики пока ходили и глазели. Что-либо записывать или расспрашивать не собирались. Набирались, так сказать, впечатлений. Однако некоторые фотографы уже, похоже, успели сделать несколько снимков. Особенно один, по имени Карл Карлович с помощником. По тому, как он мостился со своей треногой и камерой, было видно, что не любитель. Григорий, бросив взгляд на этого профи одобрительно кивнул и вернулся к завершению сборки летательного аппарата. Однако отложил в памяти, спросить у Василия, не отметился ли этот фотограф чем-то действительно великим в истории. А вдруг!

Меж тем, проверив всё своё хозяйство, Василий жестом созвал всех присутствующих журналистов. Кто был в отдалении тут же рысью подбежали поближе. Увидев, что все собрались, в том числе и зеваки, Василий задвинул речь.

— Господа! С давних пор, человек с тоской смотрел в небо, завидуя птицам, которые

летают выше туч, в этой далёкой и заманчивой синеве. И с давних пор, человек изобретал способы подняться в небо. Было много попыток, вполне провальных. Были великие, кто отметился на этом поприще типа великого Леонардо да Винчи, но только братья Монгольфье смогли наконец преодолеть земное притяжение и подняться в небо на воздушном шаре. Но этого было явно недостаточно. Сей аппарат не может летать как птица, а полностью подвержен прихотям воздушных течений. Поэтому, следующим шагом было бы создание аппарата тяжелее воздуха. Однако, многочисленные попытки, до сего момента, не увенчались успехом. Более того! Существует устойчивое мнение в Европах, среди тамошних ОТСТАЛЫХ УЧЁНЫХ, что построить аппарат тяжелее воздуха в принципе невозможно. Н мы собираемся здесь и сейчас посрамить европейских ретроградов, закосневших в своих тупейших догмах прошлого века. И уверенность в успехе нам придаёт Древнее Знание, которым мы обладаем. Человек когда-то, давно, в седой древности летал среди звёзд. Так чем мы хуже! Сегодня! Мы! Сделаем! Первый Шаг! К звёздам! Как завещали нам Великие Предки!!!

Толпа «зависла». Было слышно только торопливое шуршание карандашей по блокнотам. Газетчики никогда не терялись. И нигде не терялись. Этим нужна была сенсация, и они её получили в полном объёме. Причём вне зависимости от окончательного результата предстоящего действия. Несколько «завис» даже Григорий, не ожидавший, что братик так задвинет.

— Румата! — сквозь зубы произнёс Василий и продолжил на санскрите. — Твоя очередь. Твоя очередь толкнуть пламенную речугу.

— О чём?! — встрепнулся тот.

— Да дифирамбы стране пребывания! Штоб она жила долго и счастливо и померла только после своих врагов.

— Понял! — тут же приободрился Григорий и ка-ак понёс...

Остап Бендер бы обзавидовался. Нью-Васюки — нервно курят в сторонке.

«Под сенью Императорского стяга...» «стройными рядами», «лучшей в мире страны» и т. д. и т. п.

Речуга вышла настолько трескучая, что даже бывалых газетчиков стало потихоньку типать. Увидев это, Григорий тут же закруглился.

— И вот мы, жители Страны России, Великой Империи, во славу Императора и его народов, совершаем подвиг во имя его и во веки веков!

— Класс! — восторженно похвалил брата Василий из-за его спины.

Приняв мужественный вид, он «величественным» жестом снял соломенную шляпу, и не менее позёрским движением отбросил её на траву. Нацепил на голову шлем, опустил прозрачное забрало. Остановился, чтобы его сфотографировали на фоне мотоделтаплана и полез в кресло пилота. Памятуя о том, что сменять пластины в фотоаппарате в нынешние времена, дело хлопотное, задержался. Когда увидел, что фотографы перезарядили пластинки, величественным жестом поднял руку вверх и помахал всем присутствующим.

Кинооператор, уже вовсю трещал своей камерой, остервенело крутя её ручку.

Но тут подскочил озабоченный Григорий.

— Слушай! Братик! А ты защиту одел? — с угрозой произнёс он.

У Василия вытянулось лицо.

— Забыл! — сквозь зубы процедил он.

— Ты сдурел!

— А что делать?! Уже поздно. Та ладно! Сколько уже летал. Прорвёмся!

— Я тебе шею намылю после всего! — возмущённо, на санскрите выпалил Григорий. Но Василий ослепительно улыбнулся и помахал толпе.

— От винта! — дал он команду, и Григорий, не найдя ничего больше что можно было сделать, тут же побежал распахивать народ подальше от машины. Чтобы не задело.

Убедившись, что путь на взлёт расчищен, Василий показал Григорию большой палец и запустил двигатель. Винт тут же превратился в сверкающий круг. Осталось только взлететь. Хотя бы метра на два, но подпрыгнуть.

Дав полный газ, Василий начал разгон. Выгоревшая на солнце трава всё ускоряясь покатила под колёса дельтаплана. Но тут уже сработали чисто пилотские рефлексy Васи́лия. Он, выбросив переживания, насчёт сомнений в мощности двигателя, сосредоточился на своих ощущениях. Ощущениях скорости. И когда она, по его мнению, достигла нужной величины, мягко отжал штангу.

Крыло загребло воздушный поток и тут же крупная дрожь прекратилась. Дельтаплан был в воздухе.

Забираться слишком высоко Василий не стал. Поднялся метров на двадцать, и заложив длинную дугу развернулся назад, в сторону газетчиков и фотографов.

Внизу проплывали дома, поля, бежала куда-то ошалевшая от страха корова... И вот та самая толпа народу. И туча шляп над нею. Причём так высоко...

Василий даже чуток выше поднял аппарат, чтобы не дай бог чей-нибудь головной убор не попал в винт. Но потом сообразил, что и так высоко.

Сделал пару кругов над полем. Глянул вниз. Кинооператор, лихорадочно перезаряжал свой аппарат. Хмыкнул и заложил круг пошире. Из какого-то здания на противоположном краю поля, выбегали военные и задрав головы, смотрели на невиданную птицу в небе Санкт-Петербурга. Выбежал какой-то офицер. С руганью. Все тут же вытянулись по струнке. Но через пару секунд чуть ли не по команде вскинули руки в указующем жесте. Офицер обернулся и застыл как вкопанный. Даже рот раззявил.

Но тут что-то хлопнуло. Дельтаплан вздрогнул.

Это уже был явный непорядок. Такого быть не должно. Василий плавно развернулся со снижением метров до десяти и постепенно сбрасывая скорость, направил аппарат в сторону поля свободного от людей.

Внизу мелькали какие-то сугубо сельские строения. Как раз показался чей-то двор. И тут над головой Васи́лия что-то громко треснуло. Аппарат кинуло на левое крыло и соломенная крыша мелкого сарая ринулась ему навстречу.

Еле успел выключить двигатель.

Удар.

Вверх взлетела солома, куры, туча перьев и помёта. Равномерно покрывая и аппарат, и самого Васи́лия.

Всё произошло настолько быстро, что Василий даже испугаться не успел. Но то, что успел поджать ноги и сжаться комком, говорило, что с нужными реакциями было всё в порядке.

Распрямился.

Прощупал себя.

Переломов и ран не нашёл. Кроме здоровенных синяков и ушибов. Только после этого отцепил пристяжные, страховочные ремни и выпал на пол, покрытый толстым слоем

куриного помёта.

Поднялся на ноги. Огляделся.

В воздухе всё ещё летали перья и солома. Возмущённые неожиданным вторжением куры истерически квохтали и через пролом крыши, заваленную стену спешно покидали курятник. Когда Василий протянул, было, руку к двери, она резко отворилась.

Отворилась явно рукой хозяина, который в данный момент стоял с совершенно круглыми глазами, держась за дверь. Василий же на него глядел так, как будто именно из-за него он влетел в первую в этом мире и в этом времени, авиационную катастрофу.

— Э-э... — наконец, «отмёрз» хозяин — вашебродь... А вы здесь откель?!

— Откель-откель... С неба свалился! — злобно буркнул Василий и отодвинув тыльной стороной руки, всё ещё обалдевающего мужика, вышел под солнце.

В это самое время, забор и местного кабыздоха преодолевали первые ряды репортёров. Кабыздох оказался упорный, злобный и смелый. Только получив четвёртый раз сапогом по зубам, он обиженно скуля ретировался и забился за широкую спину хозяина. Что интересно, на Василия, этот собак даже не вякнул. Рассудив, наверное, что если рядом с хозяином и если хозяин молчит, значит свои.

Прибежал Григорий.

— Цел? — коротко спросил он у Василия.

— Синяками отделался. — буркнул тот, стараясь не сильно испачкать шлем, но поднять прозрачное забрало.

Григорий всё-таки обошёл вокруг и осмотрел брата со всех сторон. Не найдя кровоточащих ран, слегка успокоился, однако прикоснуться к измазанному в курином помёте брату, так и не рискнул.

Хозяин, видя, что творится нечто непотребное, попытался что-то проблеять в виде возражений, но его возражения были нахрапом задавлены подпрыгивающими от энтузиазма журналистами. Его, как мешающую мебель, отодвинули в сторону, и тут же принялись за свои профессиональные «танцы»:

— сфотографировать первого человека, поднявшегося в воздух (это они, правда, уже сделали перед взлётом),

— сфотографировать аппарат, торчащий из крыши курятника (как раз доказательство, что он свалился сверху — кроме смутных теней, которые у них неизбежно получатся при фотографировании аппарата в воздухе),

— ну и самого героя, покрытого славой и птичьим помётом. Благополучно приземлившегося на птичек. Сверху. И тем самым дважды их посрамивший, но их же помётом покрывшийся.

Василий, найдя, наконец, способ слегка зачистить от куриного помёта руки, — используя солому, которую нашёл поблизости, — снял свой шлем и засунул его подмышку.

Поёжился. Страх, всё-таки кольнул его. Он понял, что если бы не успел снизиться до пяти метров, заходя на посадку, то всё могло бы закончиться и не так ровно. Он поднял руку, призывая к вниманию. Толпа, набившаяся во двор тут же наострила уши, мгновенно прекратив все прочие переговоры.

Даже давешний пёс, страдающий от побоев, проскулив и что-то недовольно рыкнув, спешно удалился за курятник.

— Господа! До полёта у меня были сомнения, что хватит ли мощности двигателя. Но,

изначально, я сделал всё с некоторым запасом, и опасения оказались напрасными. Тем не менее, хотелось бы отметить, что для обозначения возможности полёта аппарата тяжелее воздуха, мне достаточно было подпрыгнуть на нём метра на два, и пролететь метров двадцать по воздуху. Но, как вы видели, вместо двадцати метров, я намотал по воздуху несколько километров, причём на высоте до тридцати метров. Так что любому снобу из европейских, более чем достаточно, чтобы заткнуться и не повторять бред, что, мол, «летательный аппарат, тяжелее воздуха, построить невозможно».

Толпа взорвалась аплодисментами и восторженными восклицаниями, но тут вылез Григорий и подняв руку попросил ещё внимания. Василий, кивнув, отошёл в сторону.

— И, господа, заметьте, что с сего дня начинается новая эпоха — эпоха полётов человека по воздуху. Как птица. Не по прихоти воздушных течений, а свободного полёта. И всякие дирижабли тут — просто мелочь. Но также, прошу вас особо отметить и зафиксировать, что тут только что было сделано сразу три рекорда.

Газетчики как по команде оторвались от своих блокнотов и вопросительно, жадными взглядами, воззрились на оратора. Выдержав нужную паузу Григорий продолжил.

— Первый рекорд — первый полёт человека на аппарате тяжелее воздуха. Абсолютный рекорд. Перебить невозможно. Второй рекорд — высоты полёта. Это не какие-то два-три метра, да с подскока, что могут сделать другие аппараты в других странах, других энтузиастов. Это вполне полноценный полёт причём на высоте в 30 метров и с дальностью не тридцать сорок метров, а в несколько километров. И третий рекорд — рекорд скорости полёта. Скорость достигала на этот раз восьмидесяти километров в час. Как вы понимаете, такую скорость никакой воздушный шар не может развить. Разве что при ураганном ветре. Поэтому, мы вступили в эпоху, которая называется «Выше, дальше, быстрее!». И намерены дальше ставить рекорды и бить их. Свои же рекорды. Устанавливая новые.

Сказано всё это было с дальним прицелом. С тем, чтобы уже никто и никогда не смог бы перевернуть, оспорить или вообще поставить под сомнение первый полёт. И тут Григорий оказался очень прав. Уже ближайшее будущее показало, что кому-то очень сильно резануло по нутру, этим фактом. Поэтому, первое, что попытались оспорить оппоненты, так это вообще полёт аппарата. И придирка была элементарной: «этот аппарат разгонялся тройкой коней, к которым был пристёгнут как воздушный змей. А значит, полноценным этот полёт быть не может». Но дальнейшие полёты мотодельтаплана, пошедшая в тиражи киноплёнка первого полёта, фотографии аппарата, задавили все эти сомнения.

Но тем не менее, — находились... Находились мошенники от истории, которые после пытались переписать честь первого полёта на людей, совершивших их значительно позже. И в значительно меньших масштабах и с меньшим же успехом. И всё потому, что этот факт бил преобладающе. Потому, что рекорд поставлен в «азиатской стране России», а не в «просвещённой Европе».

А тут, стоя под нежарким уже сентябрьским солнышком, Василий посмеивался, представляя только, что последует за всеми этими их очередными «хулиганствами». Братик как раз закруглялся с перечислением рекордов, когда до него дошло, что кое-что, Григорий таки упустил.

— Извините, господа. Но мой брат упустил-таки один рекорд. Явный. — бросил он, когда Григорий почти завершил свою речь. Все тут же перенесли внимание на Василия. Он же, ехидно ухмыляясь и также выдержав эффектную паузу произнёс.

— Брат забыл, про первую в мире авиационную катастрофу. — И показал на торчащий

из крыши сарая аппарат. — За этим тоже наш приоритет.

Толпа оценила юмор и разразилась кто хохотом, кто аплодисментами. Недовольный Собак выглянул из-за сарая, но не найдя возможности вставить в общее веселье своё «гав», усунулся обратно.

— Однако! — тут же оживился Григорий, когда смех стал стихать. — а ведь аппарат очень крепкий. Как получилось так, что...

Он не договорил, так как немедленно взвился Василий.

— И действительно! Давайте-ка его оттуда извлечём. Надо осмотреть.

Толпа тут же бросилась помогать. Но так как все бросились скопом на несколько минут воцарился хаос. Пришлось категорически вмешаться Григорию, чтобы навести порядок и после этого, следуя его командам, аппарат таки был извлечён из сарая и вытаснен со двора. При этом курятник развалили окончательно. Переживающему такое непотребство хозяину, Григорий, под шумок сунул что-то в руку от чего у того резко округлились глаза и он преисполнился к братьям горячей благодарности. За разгромленный курятник и разогнанных по всей округе кур.

Меж тем, публика приступила к подробнейшему изучению извлечённого аппарата. Было видно, что винт, двигатель уцелели. Рама была погнута, но не фатально. Но вот крыло...

Внимание всех привлекло восклицание одного из газетчиков.

Все тут же повернулись в его сторону.

Василий озабоченно осматривающий двигатель, оторвался от этого занятия и посмотрел что же там нашли. Подойдя он увидел весьма характерное отверстие в балке крыла.

— Как я понимаю, господа, перед полётом этого не было — заявил нашедший.

— Определённо... — озабоченно буркнул Григорий. Но тут внимание Василия привлёк разрыв ткани крыла.

— И этого тоже не было!

Григорий переключился на находку брата.

На шёлке крыла были отчётливо видны *порезы*.

Василий нервно сглотнул. Он представил что было бы, если бы подрезанная ткань лопнула не в нескольких метрах над землёй, и не при почти сброшенной скорости, а тогда, когда он забрался на тридцатиметровую высоту...

Григорий же соображал быстрее. Он схватился за видеокамеру, которую он благоразумно снял с треножника и повесил себе на шею, прежде чем бежать за упавшим аппаратом брата.

Не обращая внимание на окружающих его зевак он открыл видеоискатель и, найдя запись, быстро промотал назад. Когда он увидел, что искал, то еле успел сдержать рвущийся из души «большой загиб». Тот, который он толкал всегда, когда случалась именно Очень Большая Пакость.

Оно и понятно. Неча «аборигенам» знать подобные мелочи их умений. Хотя-бы «на всякий случай». Поэтому он зашипев, переключился на санскрит. И, благо, что переводчик хранил знания языка характерное для его носителя, а не выучившего его «обычным» способом. Ругательств там тоже было предостаточно.

Оценив злобность монолога, окружающая толпа сообразила, что «дон Румата изволит ругаться». Потому всё внимание тут же переключилось с дыры в штанге и порезов ткани на

Григория, извергающего ругательства на неизвестном языке.

— Что нашёл? — прервал его словоизвержения Василий на том же языке.

— Ты погляди какая падла! — резко оборвав матюги, позвал Григорий.

Василий метнулся к нему и посмотрел то, что сейчас прокручивал брат. А там как раз хорошо было видно, что когда братья толкали каждый свою речь, когда всё внимание толпы было приковано к ним, к аппарату подкрался некий фраерок. Неприметной наружности. Одетый как и все.

Но то, что он сделал после того, как подошёл...

Как очевидно, его сгубило полное незнание того, что видеокамера, брошенная Григорием, продолжает снимать. Ему, видно, и в голову не пришло, что для ЭТОЙ видеокамеры, не нужно крутить ручку, чтобы она что-то там снимала. И благодаря этому, он запечатлелся со всех сторон. В том числе и лицом.

— Найду — убью! — пообещал импульсивный Григорий, на что более сдержанный брат тут же «возразил».

— После того, как выясним, кто заказчик.

— Согласен! — тут же успокоившись процедил сквозь зубы брат.

Чуть в отдалении жандарм опрашивал всё ещё пребывающего в нирване от свалившегося богатства хозяина двора. И видно было что сей мещанин не только не возражает против уничтожения курятника, но и хоть сейчас готов предоставить «господам-летунам» под погром ещё и дом.

— Чё ты ему сунул? — заметив это спросил Василий.

— Сто рублёв. — буркнул Григорий, просверливая взглядом собравшуюся толпу. Но неизвестного диверсанта там явно не присутствовало.

Появились военные. И, как заметил Василий, как раз те самые, которых он видел сверху. Во главе со своим начальством. Тем самым, что открыв варежку глядело на мотодельтаплан в воздухе.

Также стали прибывать и жандармы. Ну, этим, как говорится, по штату положено разбираться во всяких общественных бурлениях. Под ногами сустились куры, неизвестно откуда, появившиеся дети. Побитый пёс обиженным взглядом созерцал толпу из калитки уже не решаясь гавкнуть. Хотя бы для острастки.

Григорий в окружении толпы зевак и репортёров, внимательнейшим образом осматривал покалеченное крыло, видно пытаясь сообразить откуда стреляли. И тут к на секунду выбывшему из круга внимания публики Василию подкрался один из газетчиков.

— Извините, господин Эсторский, но... не могли бы вы прояснить один момент...

— Пожалуйста! — бросил Василий, продолжая меж тем, зачищать следы куриного помёта на своей одежде.

— Вас на яхте двое, — начал репортёр. — А какие судовые роли у каждого из вас?

— Я — навигатор. Мой брат — капитан. — коротко ответил Василий.

— То есть, полёт на этом аппарате, можно сказать, совершил навигатор? — решил слегка уточнить собеседник.

— А вы так и озаглавите свою статью: «Полёт навигатора». - неизвестно чему усмехнувшись сказал Василий. Впрочем неизвестно было всем окружающим. Сам Василий прекрасно помнил одноимённый фильм, который ему в детстве очень сильно понравился.

Глава 11

Профессиональные садисты и их клиенты

С мотodelьтапланом разобрались очень быстро. Балку, простреленную неизвестным, быстро заменили на запасную.

Василий тут вознёс осанну своей родной паранойе, которая его ещё тогда, при изготовлении рамы и балок, подвигла на изготовление запаса. Так что после небольших замен, профилактики двигателя и ремонта порезанной ткани крыла, можно было летать дальше.

Кстати последнее вызвалось сделать сразу такая туча баб...

После феерического успеха первого полёта, у братьев резко появилось огромное количество друзей и добровольных помощников. Так что кое-что по мелочи, можно было перегрузить и на них.

Быстро нашёлся подрядчик и возможность построить небольшой ангар на краю поля. Тем более, что военное ведомство, в лице тамошнего командования, проявило некоторый интерес к новшеству. Так что на краю поля сейчас кипела работа, шло строительство.

И если всё будет нормально, то скоро там будет вполне приличная база по изготовлению и испытанию самолётов.

Газетчики, меж тем, с подачи Григория, нарыли ещё один — пятый рекорд. Рекорд дальности полёта на самолёте-пепелаце. Когда попросили военных, то они прикинули по карте протяжённость всех кругов, которые Василий нарезал. Оказалось, что никак не меньше двадцати километров. Словом, было что побивать прочим претендентам на звание первых лётчиков мира.

Григорий же, осатанев от самого факта диверсии, носился по Петербургу, выискивая «вражину».

Первое, что ему на ум пришло, так это то, что англичанин, чуя что может проиграть подговорил-подкупил кого-то, кто мог бы испортить аппарат.

На месте Григория, вполне нормальная рабочая версия. Но реальность превзошла самые дикие предположения.

Сначала поисков, он сам бегал и показывал всем, кому ни попадя, распечатанный портрет злодея. Но очень скоро убедился, что так будет искать до морковкина заговения. Пошёл к профессионалам. Договорился с сыскарями и вуаля! Нашли, причём всего-то за два дня.

Договор с сыскарями Григорий заключил конкретный: Они находят, ненадолго, для допроса, передают Григорию, и только после этого, пойманного «пакуют» как преступника и отправляют по этапу.

Но тут-то и началось самое интересное...

Место, куда решили притащить пойманного диверсанта, было одной из квартир доходного дома, которое под такие случаи снял сам Григорий. Памятуя, что стены, пол и потолок в таких комнатёнках вообще никакой звукоизоляции не имеют, он заранее озаботился тем, чтобы к его «вселению» туда всё вышеозначенное, было обшито дополнительными панелями. Причём в точном соответствии с тем, что нарисовал для этого комп яхты. Из местных материалов, просто, надёжно и сердито. Вышло всё равно недёшево. Но так как для братьев деньги были разновидностью крашеной бумаги, то и не

заморачивались.

Притащили пойманного, поздно вечером.

Григорий был предупреждён, так что встретил «ловчую команду» на пороге квартиры.

Трое сыскарей, одетые как рядовые обыватели, втащили внутрь куль замотанный в одеяло и без всякого милосердия, грубо бросили на пол. Куль издал гневное мычание и заворочался.

— Замечательно! — с вожделением произнёс Григорий и оглядел прибывших. Он знал, что ранее эти господа были офицерами. Сейчас, выйдя в отставку, на бескормнице занимались тем, что приносило деньги. Но так как среди истинных офицеров быть полицейским было очень зазорным, стыдились своего занятия. И терпели. Единственно что когда ловили реальных преступников и препровождали их по этапу в тюрьму, на каторгу, это приносило мимолётное удовлетворение. А так — сплошное расстройство.

Дон Румата, в лице Григория, никакими такими комплексами против их профессии не страдал. О чём тут же сообщил нанимаемым с развёрнутым объяснением своей позиции.

— Господа! Я уважаю Вашу профессию. И это не для красного словца. Уважаю Вас, так как вы очищаете общество от гнили. Поэтому — никаких стеснений между нами!

Господа офицеры преисполнились уважения к дону Румате и после этого между ними установилось полное взаимопонимание.

Когда Григорий закрыл за вошедшими дверь, а они освободили руки от ноши сгрузив её в отдельную комнату, он поочерёдно пожал всем руки и предложил по сто грамм коньяка.

— Обождёт! — с ухмылкой сказал Григорий увидев вопросительный взгляд их старшего. — прошу!

Широким жестом Григорий указал за столик, где уже стояли рюмки, бутылка и шоколад.

— Ваше здоровье, господа! — толкнул тост Григорий и опрокинул в себя свою порцию. Сжевал кусочек шоколада.

Меж тем, сыскари с интересом разглядывали помещение, в котором они оказались. Заметив эти взгляды, Григорий тут же пояснил.

— Не люблю, когда меня подслушивают. Поэтому дал задание плотникам так отделать стены пол и потолок, чтобы никакая зараза, ни с какой стороны подслушать не смогла.

— У вас, вижу и окна, необычные... — заметил старшой, которого звали Степан Венедиктович. — Тройные. Это тоже, чтобы не подслушивали?

— И это тоже, но больше для того, чтобы тут было тепло. Благодаря этой конструкции, кстати дорогой, чтобы протопить помещение, нужно не так уж и много дров. И держится тут тепло неизмеримо дольше, чем где-либо ещё. Так что, в обозримой перспективе, эти окна даже дешевле, чем другие. Дешевизна выходит на экономии топлива для обогрева жилища.

— А за этим, как, — пришлось побегать? — внезапно переменял он тему.

— Нет, господин Румата. Нашли быстро. С портретами вашего-то изготовления...

Товарищи заулыбались.

— Но... Смею предупредить.

Григорий вопросительно поднял бровь.

— Сей господин... по нашему разумению... не в себе.

— Это как?!

— Ну... — замялся Степан Венедиктович и чтобы не говорить, просто повинтил указательным пальцем у виска.

— Понятно! — усмехнулся Григорий.

Он действительно думал, что ему понятно. Но реальность оказалась куда интереснее.

Когда пойманного диверсанта распаковали, первое, что бросалось в глаза, — ясный, ничем не замутнённый взор. Не замутнённый даже интеллектом.

Но что буквально пёрло от этого типа, так это непрошибаемой и всепобеждающей уверенностью в собственной правоте.

Такой взор Григорий видел в реальности у одного совсем спятившего пиита, который писал высокопарный, цветистый, но совершенно откровенный бред. Его стихи были просто нечитабельные, потому, что одна строфа по смыслу не стыковалась со следующей и так далее. А множественность смыслов никак не складывалась во что-то общее и цельное. В результате, чтение его «нетленки» оставляло весьма тягостное впечатление.

Однако, сей пиит, когда ему указывали на очевидные огрехи, начинал сначала плеватьсся ядом, а после, просто переходил на личности.

Кончалось это тем, что этот идиот принимался писать на «обидчика» клевету и кляузы во все инстанции.

Пойманный индивид превзошёл и эти ожидания.

Сначала, Григорий рассчитывал на то, что его просто запугает. И тот расскажет всё, что знает.

А пугать он умел. Тем более, что изначально, нахватался разных знаний. Особенно в спецподразделении. Там много народу служило. С разными специальностями и знаниями.

Но, естественно, пугать сразу — не собирался. А вдруг сей хрен сам расскажет всё. Уже испугавшись того, что его изловили, да ещё доставили в какое-то мрачное помещение.

А помещение в квартирке было для этого выделено специальное. Если во всех остальных комнатах была мебель, ковры, то в этой — «голые» стены, которые под невзрачными обоями скрывали как раз ту самую изоляцию и с окном, закрытым массивными ставнями.

Так что первое, что увидел «клиент», это тусклые обои. И серый потолок.

Диверсанта вытряхнули из одеяла, пересадили на массивный, дубовый стул и крепко к нему привязали. Меж тем Григорий внёс небольшой столик и поставил рядом «клиентом». На него, не раскрывая, поставил небольшой саквояжик. Из тех, с которыми любят ходить местные доктора.

Клиент с подозрением посмотрел на саквояж, но ничего не сказал. Хотя, по его виду было ясно, что его аж распирает. Григорий решил ему в этом слегка помочь. Поставил напротив него другой стул и сев в него долго изучал харю врага. Тот всё также пыжился, сдерживая рвущиеся из души слова.

— Итак... Говори. — начал Григорий размеренно, преднамеренно тусклым голосом. — Зачем ты пытался убить моего брата?

И тут клиента прорвало.

— Порождения ехидны! Сыны от семени Дияволова! Да падут на ваши головы громы и молнии Господни!

— Короче. — всё тем же тусклым голосом выговорил Григорий, прерывая поток проклятий. — Отвечай на простой вопрос. Зачем ты пытался убить моего брата? Кто тебе это приказал? Сколько тебе было заплачено?

— Ангел Господень! — уже с совершенно безумным взором воскликнул «клиент». — Ангел Господень меня ведёт! И обещаны мне были райские кущи и вечное блаженство, а вам

Геенна Огненная!

— Мы говорили, что он безумен. — извиняющимся тоном вставил свой комментарий Семён Венедиктович.

Вообще-то, и после первых же слов у Григория закралось такое же подозрение. Но он всё равно решил хоть что-то, но вытрясти с этого типа. Саквояж он не стал открывать. Клиент был явно не того качества.

С превеликим трудом, Григорий из него вытянул, что готовился сей хмырь к своей диверсии давно. И возмущали его всякие люди, которые «своим нечестивым телом, пачкают чистый небесный свод». Что это значило, пришлось выяснять отдельно.

Оказалось, что сего «божьего посланника», «инструмента божьего промысла», «меча в руках Ангела», больше всего бесили воздушные шары, которые регулярно запускались на поле Воздухоплавательного парка. Возмущали люди, которые на этих шарах поднимались в небо. И этот шизик решил этому если не воспрепятствовать совсем, но хотя бы помешать.

Как хорошо знал к тому времени Григорий, рядом с тем полем, размещался Учебный Воздухоплавательный Парк — военное учебное заведение Русской Императорской Армии. И служил тот УВП для подготовки офицеров-аэронавтов воздухоплавательных частей. Ясное дело, что там запускались аэростаты и даже, как говорили, готовились некие дирижабли.

По сути, это учебное заведение стало прообразом будущих Военно-Воздушных Сил России. Пока что, там обучали воздушной разведке с аэростатов, азбуке и телеграфному делу. Но также производили и аэрофотосъёмку. Первую в России.

И вот эти «пачкуны небес» так возмущали пойманного «божьего человека». Также стало более-менее ясным, что никакого отношения к старому знакомому из Британского Королевского Географического общества, этот придурок не имеет.

Григорий, вытянув из задержанного всё, что было возможно, откинулся на стуле и долго обескураженно размышлял что с ним делать. То, что отпускать его нельзя, было ясно как день. Ведь он не только порезал крыло мотодельтаплана, но и стрелял в него. И чудо, что не попал в пилота. И если просто отпустить — он наверняка попытается всё повторить. Ибо в мозгу у него горит синим пламенем факел Праведной Борьбы Против Сил Сатаны. Что бы ни случилось с ним, всё будет истолковано ЗА это дело. В пользу него и его продолжения.

Отдавать в руки полиции и военных — так те его сгноят и вообще в порошок сотрут. Так как дело государственное и пахнет политикой.

С другой стороны — человек откровенно больной.

Не найдя ничего лучшего, Григорий решил посоветоваться с братом. Когда он вошёл в комнату, где сидели ожидающие его вердикта сыскари, те подскочили со своих мест и вытянулись по стойке смирно. Григорий глянул на них мрачно, но на немой вопрос ответил.

— Дело сложно, господа! — к тому, что я подозревал, этот человек, **возможно** не имеет отношения.

Григорий специально выделил слово «возможно».

— Но для того, чтобы отвести все сомнения, нужна проверка. У специалиста. — продолжил он. — Нужно удостовериться со всей очевидностью, что он действительно сумасшедший, а не ловко им прикидывается. Вам известны такие специалисты?

Господа офицеры недоуменно развели руками.

— Ясно! Пора вызывать брата. Он у нас как раз медициной сейчас занимается.

К удивлению сыскарей, Григорий подошёл к некоему странному устройству, стоящему на столике, и нажал на кнопку на его поверхности. Раздался гудок.

— Это радиотелефон, господа. — «пояснил» Григорий, чем ввёл присутствующих в ещё большее недоумение. Ведь они имели дело только с обычным телефоном, где нужно сначала крутить ручку, потом болтать с «барышней», и только после этого та барышня соединяла с абонентом.

В отличие от того, обычного для них, этот прибор был больше похож на узенький брусок. С кнопками.

«Брусок» тоненько загудел и через пяток секунд раздался голос Василия.

— Слушаю! Что случилось?

— Приветствую тебя брат! — сказал Григорий. — у меня тут господа сыскари.

Данная фраза тут же указывала Василию на то, что к тому, что говоришь надо отнестись осторожно.

— Они нашли, с божьей помощью, того самого диверсанта. Но есть проблема.

Григорий сделал небольшую паузу, прежде чем продолжить.

— Я с ним поговорил. И у меня создалось впечатление, что человек болен.

— Чем? — тут же без паузы, в своём стиле краткости, задал вопрос Василий.

— Псих. — также кратко ответил Григорий.

— Ясно. — снова не стал вдаваться в многословие Василий. И слегка задумался.

— То есть, — через длинную паузу ответил он, — нужно освидетельствование у психиатра? Чтобы он чётко сказал, псих он или имитирует?

— Именно так.

— Ясно.

Спустя ещё один длительный период задумчивости, Василий выдал.

— У меня есть некоторые связи... Уже. Но прямо сейчас мне бы не хотелось тревожить почтенную публику. Только с утра. Ты сейчас на квартире?

— Да.

— Хорошо. Давай решим так: сейчас вы там его как-то приспособливаете, чтобы он не сбежал или вам же не нашкодил, а я прибываю завтра часам девяти утра и мы отвозим его к нужному человеку.

* * *

На следующее утро приехал Василий. И вид у него был несколько обескураженный.

Григорий тут же заметивший эту особенность, прицепился.

— И что ещё случилось?

Василий оглянувшись на сыскарей и с несколько извиняющимся видом сказал на санскрите.

— Ты не поверишь, но на весь Санкт-Петербург нет психиатрической клиники. Есть просто больницы. И никакой Кащенко здесь, к сожалению, ещё не отметился.

— И что делать? — помрачнел Григорий

— Тащим туда, куда возможно. Я тут нашёл в больничке одного специалиста.

Через час кружения по улицам и улочкам, прибыли к больнице. Вынесли «свёрток» и протащили его туда, куда указали усталые санитары.

— Он буйный. — предупредил Григорий. — Чуть не убил человека. Случайность спасла.

Санитары поблагодарили и начали уже по-своему паковать пациента.

Пришёл и врач.

То, как он действовал, сильно позабавило Григория.

Он подошёл к связанному, вытащил у него кляп и пару секунд слушал, что он скажет.

Потом отвернулся и с безразличным видом вынес вердикт.

— Да, господа. Наш пациент. Но, смею вас огорчить... Заранее предупреждаю, что надежд на выздоровление очень мало.

— Но как же там медикаменты... Галоперидол, аминазин... — брякнул Григорий, из-за чего Василий посмотрел на того как на врага народа. Врач же, услышав слово «медикаменты» вкупе с неизвестными названиями тут же оживился. Пришлось Василию разочаровывать эскулапа.

— Сожалею. Но мой брат судит по тому, чего на данный момент нет в Европе. И в Европах не известно.

— Но вы, откуда-то знаете? — справедливо возразил врач.

— Да. Знаем. Но это медицина не европейская. А более... Продвинутая.

Врач прищурился и Василию пришлось тут же дополнять.

— Но вы не беспокойтесь. У нас в планах как раз налаживание производства этих, уже проверенных медикаментов. Кстати, и не только этих.

Предупреждая закономерную реплику, Василий поспешил дополнить.

— Вам и Вашей клинике мы предоставим их в первую очередь.

Удовлетворённый таким ответом, однако посетовал, что до сих пор, никаких нормальных медикаментов для лечения тяжёлых психических расстройств, наука так и не нашла.

— Значит, потребность в них крайняя? — буркнул себе под нос Григорий.

— И не только их. — обернувшись к нему бросил брат.

— Но а как же вы сейчас-то лечите, если медикаментов нет?! — поразился Григорий, обратившись к психиатру.

Тот с горечью усмехнулся. Но потом посмотрел в глаза Григорию и что-то определив кивнул им следовать за собой.

Видно что-то подсказало многоопытному эскулапу, что с этими двумя странными господами лучше очень хорошо дружить. И если они обладают неким знанием, которое, возможно, поможет в лечении тех самых бедолаг, с которыми он каждый день имеет дело — то тем более надо отнестись к ним как можно более приветливо. Несмотря на загруженность работой.

В последнем, на некоторое время можно положиться на подчинённый медперсонал. Но чуял он, что оно того стоило. Стоило небольшой потери времени на экскурс и лекцию.

Как понял из экскурсии Григорий, конкретно в этой больнице, с пациентами поступали достаточно гуманно.

Но вообще... В иных больничках и клиниках...

Чтобы хоть чуть-чуть привести в чувство, в разум того или иного шизика, в виде лечения прописывались такие «процедуры», что даже по описанию страшно становилось.

Одним из действенных методов, пришедших из старины глубокой, в деле лечения психических расстройств, считался шок. А шок вызывали весьма конкретными издевательствами над людьми.

Например:

Применялись методы обуздывающие — смирительные кровати и кресла, особые маски, привязывание к столбу и прочее; устрашающие — пальба из пистолетов, показывание змей и скорпионов, опускание под воду и прочее; ослабляющие — голод, кровопускание, рвотные и прочее. Широко применялись физические наказания больных, ледяные ванны, карцер.

Вот что такое ледяная ванна?

Клиента брали и без обиняков окунали в ледяную воду. И держали там, пока он не впадёт в шоковое состояние. И так много раз.

Также, как метод применялся и другой способ — обматывали пациента мокрыми простынями и выставляли их на холодный ветер. И тоже до шокового состояния(говорят, помогало, если применялось часто).

Вполне естественно, что пациент терпел при этом невыносимые муки, и эти муки, считалось, подвигают психику больного «выпрыгнуть» из болезни.

К концу девятнадцатого века, появились некие медикаменты, но всё это было даже не полумеры. Однако, невзирая на слабый эффект, врачи всё равно пытались помочь своим пациентам.

— Как я понял, — грустно сообщил Григорий, — в старину, чтобы вылечить какого-то психически больного, нужно было быть не просто врачом, а профессиональным садистом.

Доктор же, обладая изрядной долей профессионального цинизма, только посмеивался.

Когда вышли на улицу, памятуя то, что могут подслушать Василий недовольно выговорил Григорию.

— У нас только что был серьёзный прокол...

— Это я понял. — сконфуженно буркнул Григорий.

— Аминазин и, особенно, «галину петровну»^[10] тут, если ничего не изменится, изобретут через пятьдесят-шестьдесят лет.

— Печально... — тут же осунулся Григорий. — А может мы это же... Как бы изобретём?

— Можно. Но ты представляешь, сколько всего надо для этого поднять? Ведь тут ВСЕГО нет!!!

— Но ведь Россия в конце века... — начал было Григорий, но был прерван Василием.

— ...Тотально отставала от всех прочих стран Европы. И если ты до сих пор этого не видишь — ходи и смотри сам!

— Впрочем... — слегка запнулся он, — зачем просто так ходить?! Ты хочешь осчастливить этот мир? Хорошо! Давай сделаем хотя бы один завод. По производству медикаментов. Пенициллина. А после, пристроим ещё один. Для производства аминазина, галоперидола и прочих. Побьём ИГ Фарбениндурии!

— А как же... Как же небо? Самолёты?

— Небо и самолёты, спихнём на тех, кто тут есть и уже в теме. Дадим им технологии. Начальные. Пусть барахтаются. Учатся. На всё нас тут заведомо не хватит.

— Но... — попытался вякнуть что-то Григорий, но был прерван так и не закончившим мысль Василием.

— И вообще... Покрутившись здесь я понял, что был дурак. И что главное — не технологии.

— А что?!! — изумился Григорий, совершенно не ожидавшего от Василия ТАКОГО признания. Ведь по всем параметрам, Василий был чуть ли не чистейший технократ. А тут

— такая заява!

— Главное, всё-таки это люди... — как-то зло выговорил Василий. И посмотрел на со страшной силой офигевшего Григория.

— Нетривиальное знание да?

Глава 12

Лекарство от глупости

Проблема: Как сделать так, чтоб никто после не смог бы оболгать или оспорить достижение?

Самое дубовое средство — сделать это достижение фактом, доступным самой широкой публике.

Самый первый шаг к этому — просто объявить в как можно более широком перечне средств массовой информации. По всему миру. Но это только первый шаг, так как всегда найдётся умник, который скажет, что «газетчики как всегда врут» и ему тут же поддакнет толпа завзятых диванных «экспертов».

Второй шаг, это «поднятие волны». Нужна шумиха. Чтобы насчёт этого достижения говорили как о чём-то само собой разумеющемся как можно больше людей. Тогда «эксперты» с их «авторитетным мнением» просто потеряются на фоне глобального ора «простой публики».

Поэтому, первое, что сделал Василий, после восстановления своего пепелаца, это объявил, что в ближайший выходной, на поле Воздухоплавательного Парка, произойдёт эпохальное событие — установление мирового рекорда дальности полёта аппарата тяжелее воздуха.

А для того, чтобы после никто не сомневался в том, что произошло именно то, что заявлялось, было всё поставлено на самую широкую ногу.

Во-первых, на поле был сооружён огромный стенд, где был нарисована большая схема Санкт-Петербурга. Причём нарисована на жести. Чтобы специальным магнитным значком, изображающим мотodelьтаплан, можно было оперативно выставлять положение аппарата на данный момент времени.

Во-вторых, во всех точках города, были расставлены свои наблюдатели, которые должны были по телефону сообщать о пролёте на специальный пункт, откуда уже докладывалось всё на поле. Ну и специальный человек выставлял «птичку» в нужный пункт на схеме.

В-третьих, свидетелем этого события, так или иначе становился весь город, так как проложен путь был так, чтобы аппарат был виден со всех его улиц.

Отдельно договорились с воздухоплавателями. Всё-таки формально, это поле было их. Но так как все были заинтересованы в этом полёте, то не только разрешили, но и предоставили своих людей для наблюдения. Особенно после того, как Василий с Григорием подробно расписали возможности применения самолётов в боевых условиях. Командующий воздухоплавателями, видно не только будучи энтузиастом полётов человека, но и учуяв перспективу выйти в генералы, причём очень даже быстро и круто, не только согласился, но и изъяснил живейший энтузиазм.

Оно всегда так — когда устремления души, вдруг совпадают со стремлениями чисто материальными и тщеславными, делают из человека просто титана.

Утром, на поле стояло декоративное ограждение, отделяющее поле для зевак от взлётно-посадочной полосы дельтаплана, а также изрядное число жандармов, самого живописного вида. С шашками. Эти следили, чтобы никто не пытался перелезть через шнур с красными флажками, обозначающими ограждение.

Когда братья подъехали к полю, там, видно собравшиеся затемно, толпились самые разномастные горожане. Эти, завидев приближение героев подняли ор и кинулись было, к бричкам, но тут же были остановлены полицией. Впрочем, как и было обговорено.

Василий и Григорий, чуя, что сейчас именно что творится история, не стали сразу слезать с брички, а каждый толкнул с неё речугу.

Чтобы народ не передёргивало, Григорий умерил количество эпитетов, сохранив общее ура-патриотическое содержание.

Тут, видно, не были ещё знакомы с речами знаменитых демагогов и вообще с принципами открытыми знаменитым социопсихологом 19–20 вв. Ле Боном.^[11] Так что к концу коротенькой речи, народ разве что из башмаков от восторга не выпрыгивал. Что явно свидетельствовало о том, что иммунитета к подобному у них ещё нет и очень долго не предвидится.

С брички было хорошо видно, что отдельно от всей толпы, организовано что-то типа трибуны с креслами для Высоких Гостей. Гостей было приглашено много, но, видно, что не все из Высоких решили прибыть «на балаган». Так что каких-то сверкающих мундиров не наблюдалось. Хотя, Василий тут же толкнул брата локтём и обратил внимание на уже прибывших.

— Видишь того дядичку марксopodobной наружности? — очень строго спросил он у Григория на санскрите. — А также чуть дальше того худого, с гордой осанкой и слегка печальным взглядом.

— Кудрявого что-ль?

— Вот! — удовлетворённо кивнул Василий. — Первый, это Дмитрий Иванович Менделеев, а второй Александр Блок. Не вздумай как тогда, что-нибудь брякнуть артефактного!

Брат тут же оскалился припоминая конфуз с доктором в больнице.

— Дмитрий Иванович вообще очень много помогает. И местному Парку и вообще уже мне успел помочь. — добавил Василий.

Первым делом, как сошли, тут же поспешили к трибуне, здороваться со всеми Высокими. Василий, так как большую часть приглашал он, представлял их Григорию. Так что процесс несколько затянулся. Тем не менее, к сильному удивлению Григория, среди прибывших кроме вышеназванных, оказалось много реально исторических личностей. Что ему жутко польстило. Однако вида он постарался не подавать.

Отдельной стайкой, но тоже вне ограждения, стояла группа дам и энтузиастов, помогавших в ремонте аппарата и вообще в производстве и сборке. Этих привилегированных, видя, что часть мест на трибуне для Высоких пустует, попросили занять их, что им ещё больше польстило.

Глядя на сияющие глазищи дам, Григорий вскользь заметил, что не только первый самолёт будет российским, но и первая женщина-пилот. Василий тоже бросил взгляд на энтузиастов.

— Представь себе, что просьб сделать пилотом от баб поступило в два раза больше, чем от мужиков.

— Ого!!!

Меж тем, техники Воздухоплавательного Парка сгрузили мотодельтаплан и быстро его собрали. Подцепили и присоединили к двигателю здоровенный бак с топливом.

Памятуя о недавнем происшествии с «первым диверсантом», собранную конструкцию

ещё раз придирчиво осмотрели на предмет огрехов и повреждений.

Огрехов в сборке и повреждений не нашли.

— Братишка! Твои орлы бдят? — опасливо покосившись на толпу зевак спросил Василий на санскрите.

— Ещё как! Я дал дополнительные указания. Наняли ещё группу серьёзных мужиков. Так что всё путём!

Василий кивнул и демонстративно стал застёгивать кожаную куртку. Куртка была чёрная. Сшитая по специальному заказу. Пока что в облегчённом варианте. Без серьёзного утепления, так как погоды стояли не холодные.

Застегнул на все пуговицы, застегнул ремешки на вороте, подняв его так, чтобы облегал шею, надел не торопясь кожаные перчатки и также неторопливо застегнул рукава.

Наблюдая сие священнодействие толпа затихла, почуяв, что Началось...

Прибежал техник со сферическим шлемом в руках, немедленно вызвавший повышенный интерес спецов, сидящих на трибуне. Техник принял у Василия шляпу и передал шлем.

Также, слегка играя на публику и всё тех же фото-кинооператоров, Василий засунул шлем подмышку и отсалютовал толпе. Толпа взвыла. Фотоаппараты дружно клацнули.

Скромно перекрестился. Но так, чтобы это тоже было видно. Чем несказанно удивил Григория. Ведь Василий, ранее в Верах замечен не был. Даже больше в атеизме, чем любви к крестам и куполам.

И тут вдруг, грянул оркестр. Василий застыл в изумлении. Григорий завертел головой. Тоже недоумеая откуда он здесь мог взяться.

— Ты приглашал оркестр? — спросил Василий.

— Нет. — ответил Григорий наконец сообразив чья это инициатива. Ухмыльнулся. — Но всё под контролем! Теперь главное тебе обязательно взлететь. И пролететь хотя бы метров сто. Чтобы все видели полёт. Иначе не поймут.

— Оно как-то понятно... — вздохнул Василий и уселся в своё кресло пилота. Пристегнулся. Григорий же пошёл к винту.

— От винта! — скомандовал Василий и тут же захлопнул щиток шлема. Григорий же крутанул винт, запуская двигатель. Пришлось снять аккумуляторы, чтобы облегчить аппарат. Потому и такая канитель с запуском.

Двигатель чихнул и винт тут же превратился в сияющий круг. Аппарат начал разбег. Тяжёлый. Длинный.

Повинуясь какому-то наитию, или специальной команде, жандармы дружно приложили ладони к козырькам. Василий ответил тем же — приложил ладонь к шлему. Но тут скорость возросла настолько, что жест получился скомканный. Да и страшновато было отрывать ладонь от штанги. От Гайяны ему хоть и досталось много силушки, но с рефлексами не пошутить.

Взлёт прошёл успешно. Беснующаяся толпа осталась позади. Заложив вираж Василий выставил мотодельтаплан на курс и ещё чуть выше поднял его над городом. Теперь, внизу медленно проплывали крыши Северной Пальмиры. Лёгкий бриз со стороны Финского залива, совершенно не мешал полёту. Даже вороны, заметив издали огромную «птицу», спешили броситься в рассыпную и подальше.

Василий, посмотрев на бескрайние просторы крыш, ещё и поехидствовал про себя: «Вот что бы тебе, Василий, было бы, если бы ты вот так, без кучи бумажек с разрешениями от тьмы инстанций, в своём мире попытался пролететь над Питером? А тут — суперкайф!

Летишь, глядишь, ни о чём таком не думаешь... ворон пугаешь!»

Внизу же, заслышав странное жужжание в небесах, останавливались прохожие, и глазели на невиданное зрелище — странный аппарат с человеком в странном, круглом шлеме под огромными крыльями. Многие ещё недоумевали как же это он летит, если крыльями не машет?!! Но летел.

Пилот ещё, наверняка рисуясь выбросил руку в сторону, сжал кулак и выставил большой палец. Типа: «всё отлично!».

Что характерно, внизу были видны бесчисленные церкви. И не только православного чина. Они, посверкивая кто железными, кто золочёными крестами медленно проплывали назад. Внизу, толпы простого народа, стоящие на паперти или просто проходящие мимо, задирали головы, смотрели на аппарат и крестились. Массово.

И вот, пролетая так мимо очередной церкви, Василий заметил, как из неё выкатилось нечто круглое в рясе.

Быстро глянуло в небеса и... давай потрясать кулаками!

Это уже был беспорядок. Василий, из хулиганских соображений, прервал прямой полёт и сделал тройку кругов вокруг этой «мятежной» церкви. Поп внизу, похоже, вообще от ярости на части рваться стал.

Василий перестал выделяться и лёг на прежний курс. Но, происшествие было скверным. Если какой-то попик на него вызверился, то обязательно жди неприятностей.

РПЦ тут структура могущественная. Посильнее всяких прочих будет. И жутко мракобесная.

К слову сказать, даже о теориях великого похолодания 13 тысяч лет назад, что толкали братья, в присутствии этих крестобрюхов заикаться не стоило. Могли припасть «богохульство». «Ведь всем известно, что Бог создал мир семь тысяч лет назад...».

Пока летел до первой контрольной точки, в голову Василия стали проникать довольно мрачные мысли. Он уже трижды пожалел, что нарезал круги над той церковью. Но потом подумал: «А что если, просто опередить того попика и пожаловаться его вышестоящему духовному начальству, что типа, „пролетал мимо, просил благословения, а он обложил х... ми и проклятиями“».

Чуть повеселев, Василий продолжил свой полёт.

По пути следования мотодельтаплана, контрольных пунктов натыкали много. И Василию, над ними достаточно было просто появиться, чтобы человек, отмечающий его прибытие, побежал к телефону и отправил сообщение в Воздухоплавательный Парк.

Там посыльный на поле доставлял весточку офицеру, стоящему перед большой схемой Санкт-Петербурга и тот длинной палкой с крюком переставлял отметку самолёта на новое место. Глашатай, стоящий тут же рядом, громко объявлял, что «Наблюдатели докладывают: самолёт пролетел над..., и направился в сторону...». Так как сообщения прибывали достаточно часто, толпа на поле не скучала. К тому же их, по ходу дела, развлекал духовой оркестр.

Но когда на схеме стало оставаться всё меньше и меньше пунктов, которые самолёт ещё не пролетел, в толпе начал ощутимо разгораться ажиотаж. Кто-то указал, откуда должен появиться самолёт и большая часть народа теперь смотрела в ту сторону.

Наконец, над горизонтом появилась далёкая точка приближающегося мотодельтаплана.

Не сразу, но она была опознана, так как ворона вряд-ли будет иметь красный цвет. А именно так были окрашены крылья дельтаплана.

Дельтаплан заложил три «почётных» круга над полем и выключив двигатель зашёл на посадку.

Григорий при этом через «матюгальник» уже всю комментировал и сам полёт, и заход на посадку. Так что то, что аппарат заходит на посадку с выключенным двигателем ни от кого не укрылось. Потому, что было непосредственно на это указано.

Собственно, заходу на посадку с выключенным двигателем обучают всех мотодельтапланеристов. Изначально. Чтобы в случае аварии двигателя, они могли благополучно посадить аппарат и не убится. А тут специально всё это было обговорено и организовано.

И тут всё чуть не испортила некая дамочка.

Откуда она вырвалась, и как оказалась посреди импровизированной ВПП, потом долго гадали. Но то, что она не была из энтузиасток, специально допущенных — абсолютно точно. Те как сидели так и продолжали сидеть на своих местах на трибуне. Да и не знал её никто.

Тем не менее, сия коза с букетом цветов, оказалась прямо по курсу заходящего на посадку дельтаплана.

У Василия всё внутри сжалось. Врубить двигатель, даже если была бы такая возможность, он не успевал. Отвернуть в сторону уже никак — вот-вот колёса травы коснутся.

— Ложи-ись!!! Падай!!! — орал Григорий безумной дамочке. А та размахивая букетом со счастливой улыбкой наблюдала как на неё надвигается крылатая машина.

Василию только и осталось что чуть-чуть наклонить крыло в сторону от дурочки, и просвистеть мимо. Благополучно. Ни крылом, ни боковым шасси её не задело. Разве что шляпку сдуло. Но так как первым коснулось земли одно правое колесо, Василий чуть не сделал «авиакатастрофу N2». Обошлось.

Когда к нему подбежали техники, он сидел с закрытым забралом шлема и медленно успокаивался. Ибо очень хотелось выйти и обматерить безумную барышню.

Наконец он медленно отстегнулся, и не снимая шлема, не поднимая зеркального забрала вылез из кресла.

Та самая дамочка с букетом тут же оказалась рядом. Со шляпкой надетой набекрень и со всё тем же безумно счастливым выражением лица. Но когда она не увидела лица за забралом шлема её счастливая мордашка немедленно сменила выражение на крайнюю растерянность. И даже испуг.

Вид был настолько уморительный, что Василий не выдержал и рассмеялся.

Хохотал он долго. Но так как смеяться в шлеме как-то не очень удобно, он содрал его и теперь вместе с остальными техниками веселился от души. Те тоже поняли что произошло.

Потом набежала толпа.

Подхватили на руки и начали качать.

Василий был не против, но сильно переживал за свою сферу. Почему-то он был уверен, что стоит её хотя бы на секунду выпустить из рук как он её больше никогда не увидит.

Наконец, качальщики утомонились и поставили его на ноги. Толпа продолжала орать, оркестр играл марш, вокруг суетились военные, полиция и всё это образовало такой хаос, что казалось бы он и во веки веков не кончится.

И тут к нему каким-то чудом, пробился Менделеев.

Этого славного мужа тут многие знали и уважали. Расступились.

— Сударь! Не могли бы вы мне объяснить, как вы умудряетесь что-то видеть сквозь забрало вашего шлема? Ведь оно зеркальное!

— Очень просто, Дмитрий Иванович! Это оно только снаружи так выглядит. На самом деле, покрытие у этого забрала таково, что пропускает через себя строго определённую порцию света. А всё остальное, что сверх предела, отражает обратно. В этом шлеме даже на солнце можно смотреть не мигая.

Менделеев тут же изъясил живейший интерес.

Василий же просто передал ему шлем и предложил надеть его. Тот его без стеснения и колебания надел, и первое, что сделал просто посмотрел сквозь забрало на солнце. Глядел долго.

Да уж! Менделеев, со сверкающей под солнцем тысячами искорок шлемом-сферой 21 века на голове, с торчащей из под него бородой — зрелище, что называется на вечные времена. И как его в таком виде умудрился сфотографировать Григорий — тоже загадка на все времена. Так как рядом он его не видел.

Потом был банкет в ресторане.

Платили братья, но всё время некие богатые буратины порывались оплатить всё в честь Победителей Небесных Просторов. Правда всё это было пресечено указанием, что всё оплачено заранее.

И вот когда участники уже осоловели от выпитого и съеденного, Василий обратился к брату. На санскрите.

— Румата, у нас есть проблема.

— Какая?

Василий вкратце описал происшествие возле церквухи.

— Да и послать этого дурака! — рубанул Григорий.

— Не спеши! Дорога скользкая! — съязвил Василий. — Церковь тут, в это время, структура сугубо государственная. И если они вдруг решат, что мы типо еретики, богохульники, то нам не то, что подданства не видать как своих ушей, но и свободы. Упекут.

— Чё за бред?! — возмутился Григорий.

— А ты что, до сих пор не читал свод законов Российской Империи? — удивился в свою очередь Василий. — Ну ты олень! Я удивлён, что мы до сих пор на свободе. Ведь если ты не знаешь элементарного... колись, ты ничего не говорил такого, что можно было бы описать как «УМЫСЕЛ в совершении»?

— А причём тут умысел? За мысли не сажают!

— Ты уверен?

То, каким тоном было сказано, мигом вышибло всю самоуверенность из брата.

— Что ты хочешь сказать? — уже резко помрачневшим тоном спросил он.

— По уложению о наказаниях разница между «умыслом» и «поступком» в политических преступлениях не существует. Сами подобные «злодеяния» караются сроками, превышающими уголовные; также существует «административная ссылка», когда в ссылку, например, в Якутию, отправляют по приказу — без суда. Ты это знал?

Братец кашлянул.

— Нет. — Признался он. — Но какое это имеет отношение к церкви?

— Прямое. — заявил Василий и кинулся развивать тему. — Мы с тобой атеисты. А в теократическом государстве, это преступление. Политическое. Ибо «богохульство».

— Гм... Я начинаю понимать зачем ты кинул тогда, на оформлении бумаг это... как его?..

— Вероисповедание Бахаи?

— Да.

— Так вот, слушай и запоминай. Далее, кажца мы тут попадаем конкретно. И попадаем из-за того, что мы тут неправославные нафиг! Запоминай, что такое Бахаи. И после, чтобы те брошюрки, что я тебе дам, завтра же, выучил наизусть. Но... первое. Бахаи это такая религия, которая считает, что каждому народу Бож дал своё откровение. КАЖДОМУ СВОЁ. А это значит, что народам на почве религии грызться незачем. Потому, что каждый имеет свою частичку Божественной Истины. И всем просто нужно собраться вместе и эту самую Общую Божественную Истину найти. Усёк?

— Да.

— Запомнил?

— Да.

— Далее... Местные цари к бахаи относились очень благосклонно. Не помню в каком году они приняли беженцев и облагодетельствовали. Сам строй их религии царям нравился. Поэтому, чтобы нас не дирбанили разные кретиноиды из ПГМнутых, говорим всем, что мы бахаи и далее по тексту. Понял?

— Понял!

— С умными же православными, кто не кретин, разговаривать будем только на основании того самого писания, что я тебе завтра дам.^[12]

— Хм... А как же твоё убеждение? — решил подколоть братец. — Засовываем далеко в карман?

— Не смейся. Чтобы сохранить себя и сделать Дело, придётся изображать. А то, что мы оба реально атеисты, если и будут знать, то особо приближённые и особо доверенные из учёных.

По виду Григория можно было судить, что инфа, которую задвинул Василий, его очень сильно задела. И неприятно поразила. Потому, что основательно подгрызала один из мифов про Свободу Слова и Совести в РКМП(? см. сноску (8)). Не было оснований не верить Василию. Потому, что они здесь и проверить просто. Это дома можно было сказать что-то типа: «Это было давно и неправда. А тех кто знал, кто свидетель эпохи, давно уж нет. Потому не докажешь».

— Но что же будем делать с этим попом? — чуть переварив мысль спросил Григорий.

— Думаю, что надо бы закинуть мульку, что вот я пролетал мимо, а некий священнослужитель не только отказал в благословении, но и матом ругался у храма. Мы типо, уважаем православие и вообще, но вот сугубо отдельные...

— Я понял! — просиял Григорий.

* * *

Всё оказалось намного тяжелее.

Попик при храме был мелкий. Но тупой и глупый, однако тот, кто стоял над ним, и являлся настоятелем, наоборот, скотиной умной и прожжённой. Когда братья явились к нему, и попытались всучить претензии, он просто на них «наехал». И суть «наезда» была

проста как валенок: «хочу денег и много». Он сразу смекнул, что иностранцы, (или те, кто выдаёт себя за иностранцев, ведь по русски говорят хоть и не совсем правильно, но чисто) очень богатые люди. А это значит, учитывая прецедент, с них можно отжать кругленькую сумму. «На полном законном основании».

Некоторые, особо упёртые читатели, особенно адепты находящиеся в начальной стадии ПГМ (те, кто в развитой стадии — ничего кроме библии не читают), могут возмутиться и сказать нечто, типа «такое не может быть, потому, что не может быть никогда». И «обосновать» свою точку зрения, что Он, типа, Целый Православный Настоятель, а следовательно «по определению» лицо чистое в помыслах и бла-а-ародное.

Ога.

Щаз.

Уже «верим».

Особенно после педофильских скандалов с весьма не мелкими попиками из той же РПЦ.

А если не верим, то без балды, можем залезть в ХРОНИКИ и посмотреть как в те времена это происходило. А описаны в тех хрониках (реальных, исторических документах ТОЙ эпохи), случаи, когда церкоф положив глаз на чьё-то имущество, под предлогом покаяния за грехи, эту собственность натурально отжимала у владельцев. И то, что грехов как таковых у «виновника» могло просто и не быть, их не волновало. Главное — собственность.

Можно, конечно, привести для примера длиннущее описание того, как, например, один «толстый» монастырь натурально сгноил в темнице помещика, отказавшегося переписать на монастырь своё имение с крестьянами. Но зачем? Те, кто верует — не убедятся. Так как они веруют. А вера и знание — вещи противоположные.

Это мы можем просто взять и прочесть, как оно тогда было.

А вот братьям не повезло. Они именно что в «тогда было» конкретно попали.

Шантаж был самый тупейший.

Настоятель, отец Серафим, настаивал, что «нечестивый полёт на не освящённой и явно Дьяволом поддерживаемой в воздухе повозке» якобы «осквернил храм». А это даже не богохульство, а кое-что покрепче. За такое, как уже знал Василий, вполне могли и сжечь на костре.

И ведь не поспоришь — реально сжигали. В хрониках даже двадцатого(!!!) века такое упоминается. И ничего, что спалили крестьянина. Главное — факт. Спалили.

Григорий, присутствовавший при разговоре уже готов был броситься на попа и тупо свернуть тому шею. От отчаяния и ярости. Но Василий дал еле заметный знак: «Всё под контролем». А буря, поднявшаяся в душе Григория была вполне конкретная. И объяснимая.

Получалось, что вот так просто, тупо и легко, все их построения ломает какой-то мелкий поп. Причём так, что им, только и бежать из страны остаётся. И всё потому, что этому жирному крестобрюху, сильно хочется и дальше вкусно жрать и мягко спать. И это означает, что ту катастрофу, что висела над страной, братьям уже никак не предотвратить.

Ведь если они сейчас уйдут из страны, то уже никак не смогут повлиять на процессы, приведшие Российскую Империю к тому злосчастному кровавому концу.

А если прогнуться, и начать давать деньги — то же самое. Не слезут, пока не выдохнут всё, что есть. И не важно, что там, в «загашниках» просто нет дна. Будут доить, доить и доить, не давая жизни. Не давая поднять головы.

Григорий еле сдерживаясь, глянул на Василия. Тот сохранял самообладание тоже с трудом. Поддерживал каменное выражение лица. Но видно тоже хотел сделать нечто подобное и, возможно, с большим садизмом. Ведь он тоже понимал, какова сейчас цена вопроса. Что на кону жизнь Империи и полутора десятков миллионов сограждан.

И всё из-за этого «святого» мерзавца.

— Хорошо, святой отец. — вдруг внезапно согласился Василий. — Мы просим Вас пока не давать этому делу ход и вообще пока не распространяться. Мы заплатим. Но для такой огромной суммы, нам нужно время. Нам нужно её ещё собрать. Поэтому, нижайше просим отсрочки в неделю.

Поп осклабился и «благодарно» кивнул.

— Так как самое надёжное место для хранения подобных сумм — наша яхта, то через неделю в это же время, то есть в четыре часа пополудни, я приглашаю Вас, на борт нашей яхты.

Когда вышли из храма, Григорий был готов снести его и срыть до основания. Похоже, это происшествие дало ему заряд «бодрости» как бы не год вперёд.

— Что, братик, теперь понял, почему после семнадцатого вот этих вешали на ближайшей осине? — ехидно заметил Василий. — И не какие-то мифические «злые жидобольшевики в кожаных куртках», а вполне себе свои же православные христиане?

— В ухо дам! — рыкнул Григорий.

— Но, что-то с этим надо делать... — не обратив внимание на зубовой скрежет брата, заметил Василий.

Григорий с подозрением на него покосился. И увидел, что брат не то, что не в ярости, а в очень даже глубокой задумчивости. Причём на губах у того блуждает какая-то загадочная улыбка.

Братик вздрогнул. Такой вид у Василия, он видел раза четыре за всю жизнь. И каждый раз оно кончалось ТАКИМ... Жертв проделок братика, было искренне жаль.

Почему, будучи более ловким, более сильным, и более подготовленным в мордобитии и вообще, Григорий, в глубине души брата побаивался. Вот за такие минуты. И за то, чем оно кончалось.

— Есть идея. — наконец, выдал он. — Едем на яхту.

* * *

Следующие несколько дней Василий забросил все текущие дела, — точнее переложил всё, что не срочно и не требовало именно его присутствия и участия — на брата. А сам что-то мудрил на яхте.

Григорий терялся в догадках. Самое дубовое, и самое прямолинейное, что ему представлялось, это конкретная военная диверсия против того вымогателя.

Он даже несколько раз, приходил к тому храму. Но не помолиться.

Он в красках представлял себе, как внутрь влетает одна из ледяных ракет Гайяны и через секунду на месте этой постройки остаётся только груда мелкой щебёнки или вообще котлован. Прикидывал также, каковы разрушения будут в окружающих строениях.

Потом, подумал, и отмёл этот вариант.

Следующий, который пришёл на ум, просто та же самая ракета, но заточенная чисто на этого попа. Попала в брюхо — и растаяла. И никаких следов.

А попику — хана.

Каких-то других вариантов, для его военной натуры, что-то в голову совершенно не приходило. Впрочем, ему действительно хотелось этого вымогателя порвать в мелкие лоскуты. А это желание, помимо воли накладывало естественные ограничения на варианты.

Наконец, в один из дней, Василий позвал брата на яхту. Как он туманно выразился «на презентацию». Что именно он собрался «презентовать» — не сказал. Но вид, когда встретил Григория имел очень довольный.

Григорий же, все эти дни пребывал не в лучшем настроении, поэтому, сходу, с порога, задал мучивший его вопрос.

— Ты что-то говорил про «умных и честных православных». А они вообще есть?

— Есть. Могу познакомить. Соловьёв — философ, Иван Павлов — психолог... Да много ли? Можно и графа Толстого сюда же записать. Но его эти вот... как раз от церкви и отлучили.

Григорий скептически покачал головой, но спорить не стал.

— Но ты что-то всё-таки придумал... — как утверждение сказал он.

— Да. Пойдём.

Василий провёл в кают-компанию, и подвёл к тому месту, где раньше был во всю стену киноэкран. Сейчас же там, вместо экрана было большое зеркало. Григорий повернулся к нему, мельком глянул. И вопросительно посмотрел на брата.

— А зачем тут зеркало?

— А ты приглядишься... — сказал Василий и стал рядом.

Некоторое время ничего не происходило. Но потом, над отражением Василия, вдруг зажёгся нимб. Красивый, такой. Радужный. И чем дальше, тем больше он сиял.

Потом вдруг за его спиной прорисовались белоснежные крылья. Ещё мгновение и они распахиваются во всю ширь с характерным хлопком и шорохом перьев.

— Так это всё-таки экран! — догадался Григорий. — Ты программу для него написал!

— Это не всё. — прервал его Василий. — ты на своё «отражение» посмотри.

Григорий глянул. И долго-долго смеялся.

По его «как-бы отражению», ползало сразу три рогатых создания, с кожаными крыльями и премерзкого вида. Что самое интересное, у каждого из созданий был свой, индивидуальный облик.

А смеялся Григорий потому, что тут же представил на своём месте того самого попа. Ведь нет худшего наказания для попа-грешника, нежели увидеть предметно доказательство, что бог и дьявол существуют.

Когда отсмеялся, задал вполне ожидаемый вопрос.

— А как комп отличает того, на ком что рисовать?

— Ну... — сделал загадочное лицо Василий, но потом «раскололся» — всё элементарно. Я не стал заморачиваться с распознаванием наших личин, а задал самое простое: на ком есть этот значок...

Василий продемонстрировал брату неприметный значок.

— ...Тот ангел. А кто не имеет — тот грешник.

— Дай и мне значок. Не хочу перед людьми позориться. — тут же хищно потребовал

Григорий.
— На, держи.

* * *

Через несколько дней прикатил и давешний поп.

Бричка остановилась у трапа яхты, и сильно просев под тяжёлой поступью ожиревшего священнослужителя жалобно скрипнула сгружая того на бетонную поверхность причала.

С ним же припёрлась и какая-то шушера в виде измождённых худых мальчиков в ритуальных одеяниях. Был также и тот самый жирный дятел, который послужил первоосновой конфликта.

Встретил «делегацию» Григорий.

Он еле сдержал рвущуюся улыбку, когда поп, с важностью и сознанием полной победы прошепствовал по трапу.

— Сюда. — сказал Григорий указав на дверь входа во внутренние помещения яхты. При этом служки дружно вытаращились на нахала, который во-первых, не поздоровался с духовным лицом, во-вторых... да он вообще себя вёл как нехристь!

Жирный поп покосился на Григория, но ничего не сказал.

— Служки могут подождать тут. — также без проявления каких-либо эмоций кинул Григорий, имея в виду пустую палубу яхты. На этот раз поп таки кивнул. Видать тоже не хотел делать их свидетелями неблагоприятного дела.

Плотно притворив и закрыв изнутри дверь за попом, Григорий последовал вслед за ним. И чем ближе была кают-компания, тем больше разжигалось в нём предвкушение потехи. Поп же, наверное привыкнув к полной безнаказанности пёр вперёд уверенно, как танк на учениях.

Василий встретил их стоя посередине главного зала. Аккурат напротив «зеркала».

— А! Гэбриэль... Прикрой дверь и проходи сюда. — кинул Василий, полностью проигнорировав попа.

— И ты тоже. — Чуть «поправился» Василий, обращаясь к попу.

Наверное поп списал всё на то, что братья — иностранцы, и не знают как полагается обращаться к расейским попам. Но, хоть и неохотно он всё-таки повиновался.

Василий убедившись, что поп подошёл и стоит точно напротив, посмотрел ему за спину и кинул.

— Гэбриэль! И ты тоже, пожалуйста, подойди.

Григорий обратил внимание, что Василий к нему обратился подчёркнуто уважительно. В отличие от попа. Поп же, явно начав что-то подозревать воззрился на Василия с явным неодобрением.

«Угу. Посмотрим что ты скажешь уже через пять минут» — с сарказмом подумал Григорий, глядя на этот цирк. И братец не подкачал.

Он посмотрел в сторону экрана, как бы приглашая посмотреть туда и попу, а после заговорил. И тон у него был торжественный. Как у обвинителя, начинающего длинную речь на суде.

— Здесь зеркало у нас. И это не обычное зеркало. Ибо есть «Зеркало Истины». Оно единственное на Земле, которое показывает скрытое от глаз смертных. Смотри же! И узри

то, что МЫ ДАВНО ВИДЕЛИ.

Последние слова были не просто выделены. И не просто так. Это также было сигналом системе начать «процесс преобразования изображения».

Зажглись два нимба. С шелестом и хлопанием распахнулись во всю ширь ангельские крылья. А на попе проявился ТАКОЙ ЗВЕРИНЕЦ!!!

Григорий на пару минут оглох.

Такого ора он очень давно не слышал. И даже не предполагал что услышит от этого полузадохнувшегося от «социальных накоплений» попа.

На него, наверное, на некоторое время напал столбняк, так как он выпучив глаза неподвижно таращился на всю ту ужасную фауну, что, якобы, по нему сейчас ползала.

Василий протянул руку, и зверушки на экране шарахнулись. А те, кто не успел, с попаленными хвостами, боками, крыльями упали на пол. И стуча по нему когтями, копытами, шелестя останками крыльев, бросились с криками наутёк. Звук был «пришит» изумительно хорошо и к месту. Единственно, что Василий не решился добавлять ещё и запахов.

Посчитал что отравлять воздух в каюте — явно излишне.

Но навонял сам поп. От дикого страха.

Он бухнулся на колени, и как позволяло, волочившееся по полу брюхо, постоянно стуча лбом о палубу, резво двинулся задом к выходу.

Григорий еле успел перед ним двери пооткрывать.

Служки, сгущающиеся на палубе офигели не слабо, когда из распахнувшейся двери показался не сам их главпоп, а его обширная задница.

Поп резво развернулся всё также стоя на карачках, и двинул по трапу на берег, не забывая на каждый метр, громко стучать лбом о гулкие ступени и орать.

— Помилуй! Помилуй мя господи! Грешник я! Каюсь! Всё отдам только помилуй мя господи-и!!! Каюсь во всех смертных грехах! Убереги меня от Геенны огненной!

И так далее и тому подобное.

Также на карачках, забрался в бричку и невзирая на то, что служки даже не приступали к процессу посадки, заорал кучеру:

— Гони! В храм гони! Скорее!!! О господи!!! Какой я грешник!!!

Служки, ничего не понимая, хлопали глазами вслед стремительно удаляющейся бричке.

Тот самый жирный поп, что прибыл вместе со своим начальством также остался. И ничего не понимая уже был готов кинуться вслед, но тут вслед за Григорием, показался Василий. И в руках у него был массивный крест который перед этим висел на шее у главпопа.

Он было, подпрыгнул и попытался принять крест из рук Василия, но тот его проигнорировал.

Выбрал служку из тех, у кого были глаза самые забитые и совестливые. Подошёл к нему. Повесил крест ему на шею. И сказал.

— Иди в храм. Будешь следующим.

И коснулся ладонью его макушки.

Ничего не понимающий пацанчик, судорожно кивнул и зарысил вслед укатившей бричке. Крест так и болтался у него на шее.

На толстого оба брата даже внимания не обратили.

Спустя полчаса. В кают-компании.

— Это ты хорошо придумал, чтобы он никому не мог проболтаться. — хмыкнул Григорий, проматывая уже, наверное, раз десятый, запись «визита».

— Ну да. Если проболтается, то все его грехи, по уговору, остаются при нём. «И гореть ему в геенне огненной!». — Усмехнулся брат прихлёбывая чайк, и закусывая печеньем.

Чуть помолчали. Хлебнули чаю. И тут Григорию пришла в голову мысль от которой у него челюсть отпала.

Слуш-шь, братец... тут какое дело. — начал он.

— У-ум?

— Ты, в присутствии этого толстомордика, меня обозвал Гэбриэлем. А это как бы не главный среди ангелов. Типа Верховного Главнокомандующего.

— И?

— А потом мной ещё командовал... Ты подумал, о том, что взбредёт этому идиоту в голову, когда он сложит эти «два и два»?.. О том, кто ты есть...

— Гррм-кхм!!!!!!!!!!!!

Глава 13

О старых знакомых и пользе салонов

Что вынес Григорий из происшествия с вымогателем, это тривиальную мысль: Что тогда, что сейчас, что в родном мире, что в этом — мошенники и негодяи встречаются также часто.

И также часто они рядятся в мундиры, в рясы. И эти самые рясы-мундиры никак не являются предохранителем от подлости.

Оставался только вопрос: Где мошенников и негодяев было больше?

Впрочем, в последнем Григорий ошибался в самой постановке вопроса. Но на эту уже совершенно нетривиальную мысль ему придётся выходить гораздо дольше.

После полётов, после установления сразу нескольких рекордов, после того, как в Европе эти достижения, хоть и сквозь зубы, но признали (не признать было невозможно, так как свидетелей — целый Санкт-Петербург), братьям срочно оформили подданство. Также началось какое-то копошение насчёт наград и прочего.

Но всё это было мелочи. Главным было то, что их таки признали «сильные мира сего». Пока что им были закрыты двери разных привилегированных обществ, где собирались крупные промышленные магнаты, предприниматели, но двери различных салонов и обществ помельче распахнулись крайне широко.

Братьев стали наперебой зазывать все, мало-мальски известные клубы и сборища. Василий с Григорием не брезговали приглашениями, но и сами постарались организовать своё. Чуть помельче, но состоящее из люда сугубо научного.

Приглашать на свою «тусовку» поэтов и писателей, пока что брезговали, так как слишком хорошо помнили какого качества эта публика в их родном мире. Насколько среди них велик процент откровенной дряни и «пятой колонны». Каков процент стукачей и добровольных доносителей «в органы».

Клуб собирался либо в доме, который братья временно под это дело снимали, либо в Университете. В зависимости от целей.

Если устроить просто посиделки и хорошо, со смыслом провести время — это на дому. Если что-то сугубо научное провернуть, то уже Университет. Там, собственно, и контингент был неизмеримо шире. В этих научных посиделках, больше речь шла о технике. Вопросов «высокой науки», там пока не касались. Чисто из соображений осторожности, надо было занять в этой среде репутацию «твёрдых учёных и практиков», прежде чем выкидывать нечто, что крайне поперёк устоявшимся мнениям.

Но тут, в виду того, что шум в Европах наделанный полётами «пепелаца» достиг-таки своего апогея, решил и местный градоначальник снизойти и сделать большой приём в честь Великого Достижения.

Мгновенно, на такое отреагировали и салоны помельче. А так как заметили, что братья ходят туда, где профессоров, учёных много, то постарались и их тоже приглашать. Нельзя не сказать, что учёная публика была от такого только в восторге. Кто из тщеславия, а кто и из тех соображений, что можно было пообщаться не только с коллегами, но и с людьми стоящими повыше в табели о рангах.

Ясное дело, что ходили туда и просто посмотреть на «знаменитых воздухоплавателей»

братьев Эсторских. Тем более, что где бы они ни появлялись, там всегда происходило что-то особенное. Они всегда выдавали нечто, что было либо очень свежо, либо скандально.

На их фоне как-то даже слегка померкли славы записных магнитов экзальтированной публики — разных спиритических и парапсихологических обществ. К последним уже как-то привыкли. И они даже успели поднадоесть. Ибо всё было уже сказано, а нового что-то не появлялось. Ну, разве что мадемуазель Блаватская могла ещё что-то эдакое новенькое сморозить. Но то, что «выдавали» братья, часто вообще ни в какие ворота не лезло.

А те и рады стараться. Есть интерес — надо «окучивать». Тем более, что «план опшизения», который они негласно составили и которому придерживались, требовал очередных вбросов свежей информации, свежих идей.

Братья знали, что через полвека, будет очень поганая гонка. Гонка ядерных вооружений. И приведёт она к очень серьёзному истощению ресурсов планеты. Как интеллектуальных, так и материальных. Дикий перекося в разработку средств уничтожения, привёл только к тому, что совокупное вооружение противоборствующих сторон вполне могло четырежды уничтожить всё живое на земле. И вся цивилизация, реально стала на порог полного самоуничтожения.

Чисто так, рационально подумать, то напрашивается вывод-вопрос. Риторический.

А чего бы добились цивилизация, если бы все эти средства были потрачены на созидание? Например, на борьбу с болезнями, поиск способов обеспечения всех жителей земли пропитанием и элементарными благами цивилизации?

Следствие и вывод были очевидные. Надо было как-то напугать мир так, чтобы он шарахнулся от этой перспективы — от самой перспективы Гонки. А это можно было сделать только на основе каких-то знаний.

Тупо сказать всем, что вот, мы-мол, из будущего и там вообще жо. а? Не поймут. И пошлют, скорее всего, к психиатрам.

Следовательно, надо было действовать тоньше.

Увязать мифы о «Древнейшей Истории» о, якобы, бывшей и сгинувшей тогда цивилизации, с тем, что предстоит пережить миру в ближайшие десятилетия.

Чтобы «знание» о том, что «было», сплелось с тем, что есть прямо сейчас, и отбросило от того самого гибельного порога.

Задел на этот план уже был. Далее следовало вводить новые понятия и новые концепции. Вполне научные.

Было уже сказано, что было похолодание на земле и люди кто сгинул, а кто просто сбежал с планеты. Нужно было «объяснение».

Значит, прямо сейчас надо было вводить понятие «атомной зимы». И плясать отсюда. Но также обязательно надо прибавлять то, что БУДЕТ известно. Второе даже более важно, так как если оно будет открыто позже, то сработает эффект узнавания, и данное открытие пойдёт уже чисто психологически под маркой «предсказанного» и как «несомненное подтверждение».

Если поднять волну психоза насчёт рукотворного Апокалипсиса, то, возможно, само общественное мнение уже сможет сломать хребет милитаристам и прочим паразитам. Чисто из опасения «повторения Древней Катастрофы».

Ведь что было в мире, из которого вышли братья Пономаренки?

В том мире, всякие «ядерные зимы» и великие катастрофы, с гибелью планеты были более чем гипотетическими. Умозрительными. И часто подвергаемыми сомнению, что вот,

мол, всё это чепуха, и человечество, в лице Передовых Наций(читай США и их сателлитов), обязательно выживут.

Тут же, если всё достаточно аккуратно построить, может получиться так, что гипотеза, обретёт силу Доказанного Факта. И уже это, послужит дополнительным тормозом в гонке ядерных вооружений. И, как следствие, ещё одним рычагом влияния на «сильные державы» Запада. Уже изнутри. От народов.

И антиядерное движение тут может получить значительно больший размах и силу. Возможно, что вполне достаточную, чтобы свергать правительства и устанавливать новый, более справедливый строй.

И вот для этого, Василий использовал не только шизы телеканала РенТВ, но и достаточно давнюю брошюру ещё советского историка Александра Горбовского. Он не поленился и выучил некоторые фрагменты из того произведения чуть ли не наизусть. Чтобы после вовремя процитировать.

С цифрами и фактами.

Вполне естественно, что вся эта мура должна была выйти и в печатном виде. Что и было сделано.

Но в первую очередь всё, что будет напечатано, должно быть обкатано на людях.

Что значит обкатано?

Нужно посмотреть как и какие формы подачи информации лучше воспринимаются людьми этого времени. Какие именно стереотипы и представления о мире надо подключать, чтобы на них опереться для лучшего изложения темы. Чтобы тема не просто была усвоена, а усвоена полностью и из неё был сделаны нужные выводы.

А где такая обкатка лучше всего может быть проведена?

На каком-нибудь салоне.

В тот вечер решили пойти на салон, где по слухам на вечере будет несколько профессоров. Хозяйка салона, мадам лет сорока — сорока пяти, жена какого-то средней руки то ли лавочника, то ли промышленника. Салон уже был братьям известен — уже несколько раз на него хаживали.

Салон был какой-то чопорный. Если там что и предлагали, то чай и немного угощения к нему.

На этот раз братья решили внести свои коррективы и ввалились туда с двумя ящиками шампанского и ещё двумя ящиками разнообразнейшей закуски.

— А чо нам быкам?!! — сказал Григорий. — Чего бы нам не прийти туда уже со всем своим, и повеселить публику. Они ждут веселья и развлечения? Вот и повеселимся!

В этот вечер обалдевшая хозяйка открыла дверь перед некими двумя, лица которых полностью были закрыты возвышающимися выше головы ящиками.

— Это нам?! — удивлённо спросила она.

— И мы, как бесплатное приложение! — прозвучал голос из-за ящиков.

Хозяйка услышав что-то знакомое, решила заглянуть за них и выяснить кто же это их держит. И с изумлением обнаружила, что это приглашённые давно братья Эсторские.

Мгновенно, вся программа салона полетела к чертям.

Было много шуму, много смеха, песен. «Дон Румата» как всегда тиранил слух непривычной общественности необычными песнями и стихами. Народ вздыхал, вспоминал то того, то другого поэта Питера, которые «к несчастью тут отсутствуют», а Григорий лишь

посмеивался. Он был сильно рад тому, что как раз эти и не присутствуют. Дело в том, что он часто приводил стихи двадцатых-тридцатых годов. Могли узнать стиль.

Но чтобы лишних неприятностей не возникало с подозрениями, он русские стихи и песни мешал с английскими и французскими.

Впрочем, довольно быстро, по мере нарастания лёгкого опьянения публики, общее веселье съехало на обычные разговоры и пересказ баск.

Григорий тешил своих слушателей, по преимуществу, правда, слушательниц, завиральными историями «из своих приключений и путешествий». Что характерно, Григорий предпочитал описывать что-либо, а не свои похождения. Например нравы, культуру стран, где он, якобы, побывал. А так как он очень любил в своём мире смотреть телеканал «кинопутешествий», «культуру», «историю» и прочие познавательные, то трепаться он мог не просто долго, а до бесконечности.

Но так как центров притяжения внимания было два, то скоро весь салон поделился как бы надвое. Первая часть — Григорий, вторая часть за Василием.

Возле Василия отиралась публика более интеллектуальная. Потому и дискуссии шли там более приближённые к науке. Но так как Василий специально поддерживал довольно свободное выражение эмоций, многие быстро к этому привыкнув, тоже часто вели себя несколько экспрессивно. Тем не менее, тон у спорщиков был больше шутливо-доброжелательный, нежели агрессивный.

Вот и сейчас, за круглым столом, чинно сидели славные мужи города, остепенённые разными званиями в области наук и неспешно обсуждали очередной «доклад» Василия.

Да-да! Василий как раз начал обкатку на аудитории одной из заготовок по «похолоданию».

— Но это чепуха! Как могло случиться такое «локальное похолодание»? — удивился оппонент с пышными бакенбардами, сидящий напротив Василия.

— Не торопитесь с выводами! — сделав трагическое лицо, возразил Василий. — Всё очень печально. И творцы этого похолодания — люди.

— Но ведь похолодание это глобальное явление. Как мог слабенький человек, устроить такое грандиозное атмосферное явление?

— Вы же не будете отрицать факт того, что уже сейчас человечество откровенно геологический фактор? Строительство каналов, рудников и прочего, уже серьёзно меняет лик планеты.

— Но как это всё относится к «рукотворному похолоданию»? — поднял бровь сосед, до этого молча и скептически наблюдающий за дискуссией сложив руки на груди.

— Напрямую. — немедленно ответил Василий. — Если вы читали книгу, то наверняка видели упоминание оружия под названием «пламя небес». Причина похолодания — война с применением этого оружия.

— Тут вы противоречите сами себе. — тут же возразил скептик. — Если применили это самое «пламя небес», массово, то температура на Земле, должна была наоборот, повыситься. Ведь как там.... Антиматерия?

— Да. Аннигиляция антиматерии. Или, как ещё один вариант, часть массы бомбы, превращалась в энергию. Мгновенно. Как — непонятно. Возможно, в ближайшие десятилетия, физика развиваясь даст хотя бы намёк, что имелось в виду.

— Так если эта бомба взрывается, то выделяется что? Тепло! Не холод. Значит, температура напланете должна была повыситься.

— Отнюдь! Вы не учитываете то, что взрыв происходит над городом. А это значит, что мгновенное выделение такого большого количества тепла поджигает его. И город сгорает. В огненном шторме. Но пожар типа огненный шторм характерен тем, что там всё горит не на плоскости, а в объёме. А это значит, что поднявшаяся температура испаряет всё, что может гореть. Однако кислород быстро выгорает — горючих веществ, которые испаряются от жара пламени, слишком много. Что получается при большой температуре из летучих веществ? Образуется огромное количество сажи.

Восходящие потоки горячего воздуха поднимаются вверх, увлекая за собой ту самую сажу. И так как раскалённых масс воздуха очень много то подъём идёт до стратосферы. На высоты свыше одиннадцати километров. И именно на эту высоту закидывается сажа.

Сгоревших городов — очень много. А это значит, что и сажи в атмосфере очень много.

Если бы она распределялась ниже, то и выпала бы вместе с осадками в течение месяца — двух. Но так как она слишком высоко, то и витать она там будет очень долго. Кстати, можете проверить это расчётами.

К чему это приведёт? Ведь сажа очень хорошо поглощает тепло, свет. Она чёрная. Это значит, что всё что выше десяти километров очень хорошо прогреется, а то, что ниже — наоборот, очень хорошо охладится. Что это как не глобальное похолодание?

Далее, сколько будет выпадать эта сажа из атмосферы... Приблизительная прикидка показывает, что выпадать будет больше года. Но когда выпадет, значительная часть суши, из-за похолодания будет покрыта снегом. А он имеет очень хорошее альбедо. Какое это будет иметь последствие?

Холод продлится значительно дольше. И земля оттаивать будет очень долго. Что в свою очередь, из-за замедления атмосферной циркуляции, также замедлит и выпадение сажи. И далее, и далее, и далее. Холод будет поддерживать сам себя.

— Но вы в той книге даёте чуть ли не точные даты! С точностью до года. — решил господин с бакенбардами перенести внимание на более понятное для себя. — Откуда вы получили их? Есть какие-то материальные источники, которые прямо говорят о тех временах?

— И да, и нет. — хитро прищурился Василий.

— Как понимать?!

— Просто! Есть множество фактов, из материальной культуры разных народов. И они позволяют нам судить о более точной дате катастрофы. Речь идет о странном совпадении исходных дат различных календарей.

Египетский солнечный цикл насчитывал 1460 лет. Известна дата завершения одного из этих циклов (1322 год до нашей эры). Если от этого года отсчитать семь циклов по 1460 лет, это даст нам дату 11542 год до нашей эры.

Ассирийский календарь состоял из лунных циклов по 1805 лет каждый. Конец одного из таких циклов приходился на 712 год до нашей эры. Оказывается, нужно отсчитать ровно шесть циклов, чтобы получить эту же дату — 11542 год до нашей эры. Это не может быть случайным совпадением.

Событием, которое легло в основу летосчисления этих народов, могла быть только катастрофа. Это подтверждается сопоставлением и двух других календарей — майя и древних индусов, между которыми также имеется поразительное тождество.

Исходной датой лунно-солнечного индийского календаря был 11 652 год до нашей эры. А календарь майя, состоявший из циклов по 2760 лет каждый, также дает нам дату 11 653

год до нашей эры

Разница в один год между началом индийского календаря и мая не говорит ни о чем, так как это должно было произойти и в том случае, если бы оба календаря были начаты в один год, но в различные месяцы.

Разрыв же в 110 лет между 11 652 и 11 542 годом — это, очевидно, время между началом катастрофы и ее окончательным завершением. Дело в том, что хаос после катастрофы прекратился не сразу. Память народов рассказывает об этом времени как об эпохе резкого похолодания, когда верхние слои атмосферы, загрязненные газами и пеплом, не пропускали солнечного света. Целые поколения людей жили и умирали, так и не увидев солнца. Когда же наконец прорвалась тяжелая пелена вечно свинцового неба и появилось Солнце, это было знаком того, что эпоха катаклизмов завершилась. Это появление Солнца после долгого периода холода и мрака послужило, по нашему мнению, также поводом к возникновению солнечных культов.

— Сто десять лет во мраке и холоде!

— Вполне естественно, что выжившие, предпочли уйти с Земли. На звёзды. А те, кто остался, те, кого либо бросили, либо они сами захотели остаться и попытаться пережить тьму и холод — они стали нашими предками.

Шампанского было достаточно, чтобы не быть пьяным. Как раз достаточно, для «оттаивания» общества.

Но, чего-то сильно не хватало.

Василий глянул в сторону заливающегося соловьём Григория, которого с глазами, круглыми как тарелки, слушали дамы. И подумал, что не пора ли послать за чем-то к чаю.

Чем-то посолиднее, нежели обычные печенюшки хозяйки.

Василий взял свой недопитый бокал и уже приготовился влить в себя остатки вина, как его привлёк шум.

Со стороны входа слышались радостные восклицания хозяйки. Видно пришёл кто-то, кого давно ждали. И кто опаздывал. Судя по шуму, пришла какая-то дама.

Постоянно треща всякую светскую чепуху хозяйка ввела, наконец гостью в зал.

Василий сидел лицом ко входу. Его самый активный собеседник, — тот, что с пышными бакенбардами — спиной. Так что он вошедшую видеть не мог. Но очень хорошо увидел, как глаза Василия резко округлились от изумления. Закашлялся, так как шампанское, которое он цедил, от неожиданности попало не в то горло. Но когда прокашлялся...

— Принцесса Натин! Откуда здесь?! — выпалил Василий по русски и не заметил того.

Рядом, услышав восклицание брата, подавился своей речью Григорий.

Глава 14

Аудитор Истины

Собеседник заметив, что в восклицании промелькнуло не только изумление, но, в том числе некоторый страх, обернулся.

Он увидел даму, лет двадцати пяти, одетую в чисто европейское платье, но с диадемой на голове. Что уже было необычным.

Необычным было также и лицо той, кого называли «принцессой Натин». Черты лица были не европейские. И, что добавляло в ситуацию интриги, на лице Натин тоже проявились некоторые чувства. И главным было чувство растерянности. Дама явно не ожидала увидеть тех, кого увидела.

Медленно стерев с лица удивление, и приняв самоуверенный вид она шагнула навстречу поднявшимся из-за столов братьям. Те тоже, вслед за Натин справились с удивлением и теперь разглядывали появившуюся даму даже с некоторым интересом.

Натин подошла ближе к братьям.

Что бросалось в глаза сразу же, вела себя она настороженно.

Вероятно, что-то произошло с тех пор, когда они видели её последний раз. Что-то сбilo с неё кураж. Тем не менее, хозяйка не успела представить гостью, как она заговорила сама. Причём с братьями.

И это было ясно хотя бы потому, что заговорила она с ними на санскрите.

— Приветствую вас, братья Эсторские. Можете не представляться, я уже и так знаю как вас здесь зовут.

Вместо насмешки, которую ожидали братья — вежливая улыбка.

Ну... Хорошо. Братья молча кивнули.

— А можно ли поинтересоваться как Вас сейчас величать? — также на санскрите поинтересовался Григорий.

Натин благосклонно кивнула и выдержав паузу ответила.

— А пусть нас здесь представит хозяйка. Ведь так положено по местному этикету?

Сказав это она обернулась к растерянno слушавшей до сих пор их разговор держательнице салона и также благосклонно кивнула.

— О-о! Господа... Вы уже знакомы с госпожой Юсейхиме... — раскланялась она с братьями и стараясь замаять неловкость. Но по всему было видно, что её аж на части рвёт от любопытства. То, как эти трое разговаривали, и какими взглядами обменялись, не укрылось от внимания хозяйки.

— Господа! — обратилась она к остальным. Все тут же наострили уши. Но зря. Дальше хозяйка, распираемая от гордости, закатила целую приветственную речугу, на тему «нас удостоила чести посетить госпожа...» и т. д. и т. п. Но заметив, что Натин проявляет некоторые признаки демонстративной скуки тут же округлилась и объявила.

— Прошу любить и жаловать: госпожа Натин Юсейхиме!

— ... -СамА! — не удержался и «подложил язык» Василий.

— Простите? — растерялась хозяйка.

— К её титулу стоит добавлять в конце уважительное «-самА». Я прав, химе-самА?

Натин улыбнулась краем губ.

— Совершенно излишне знать значение моей нынешней фамилии здесь... Младший

принц Васса дин Эстор. — произнесла она на санскрите. И добавила по-русски — Вы же не требуете здесь в России прибавлять к своему имени «синно-сама»?

— Нет! — поспешно ответили братья.

— Вот и договорились! — также по-русски сказала Натин.

— Ворон ворону глаз не выклюет. — прибавил на санскрите Григорий. — Или если слегка переиначить — «Прогрессор прогрессору...»?

Натин ещё больше усмехнулась и с интересом посмотрела на Григория.

— Вы абсолютно правы Румата-доно. — сказала она снова на русском, чем ясно дала понять, что сейчас не стоит болтать на санскрите и не место для выяснения отношений.

Всё это время те, кто заметил оговорку Василия в самом начале, со страхом взирали на всю троицу. И было из-за чего. Ни Натин, ни братья друг перед другом не «сгибались», тем самым демонстрируя равные статусы.

В последствии эти игры вполне могли выйти боком. Но сейчас главным была новость: в этом мире не только они, но и представитель могущественной трансмировой цивилизации прогрессоров.

* * *

После посещения салона, трое господ-профессоров, добирались до дому. Ехать долго, да и бричка двигалась не спеша, под светом немногочисленных газовых фонарей.

Так что сама обстановка способствовала неспешной беседе трёх давних друзей. Тем более, что события на последнем салоне жгли язык.

— Вы знаете экзотические языки. — как утверждение толкнул один из них приглашая высказаться. И высказаться насчёт братьев Эсторских, которые опять, в присутствии других людей общались на каком-то очень странном языке. Доселе не слышанном в почтенном Питерском обществе. По крайней мере в той части, к которой принадлежали диспутанты.

— Никакие они не экзотические. — возразил тот, к кому обращались. — Один — язык жителей страны Ниппон. Второй — тот, на котором написаны священные тексты Буддизма. Санскрит. Но очень сильно изменённый.

— Уж не хотите ли вы сказать, Викентий Иванович, что они разговаривали на одном из этих языков?

— Всё не так просто Николай Дормидонтович!

Знаток языков, он был полиглотом и знал их уже около тридцати, сделал небольшую паузу, чтобы собраться с мыслями. Слушатели терпеливо ждали. Тем более, что он половину времени, проведённого на салоне разве что не подпрыгивал от возбуждения. Потом же пообещал всё объяснить после салона. Когда всё закончится. Было ясно, что он не только услышал, но и понял. Вот только что?

— И вот, господа, что я вам скажу... — наконец начал он. — То, что я услышал, воистину невероятно! И вообще огромное спасибо, что вытащили меня проветриться как в старые добрые времена.

Друзья тут же с благодарностью закивали.

— Невероятная удача — не только хорошо провести время, да её увидеть знаменитых братьев Эсторских. Тех, которые сейчас, кажется всю Европу взбаламутили.

— Так мы Вас, Викентий Иванович и потащили с тайной мыслью, что Вы с ними

столкнётесь и сможете понять на каком таком языке они постоянно между собой разговаривают. По правде говоря, всю почтенную публику Питера сия загадка интригует донельзя. Одно время полагали, что они разговаривают на каком-то хитром диалекте перуанских индейцев, но после, когда они показали свои знания и в других языках, просто потерялись в догадках. Один из нас, даже предположил, что это некий новомодный волапюк.^[13]

Почтенный профессор-полиглот снисходительно усмехнулся.

— Первое, на что я хотел бы обратить ваше внимание, братья говорят на очень странном диалекте санскрита...

Викентий Иванович Шерцль,^[14] а это был именно он, снова сделал паузу. На этот раз чтобы сказанное дошло до слушателей.

— Чем же этот диалект странен? Кстати, господа, я вообще не слышал о существовании какого-то диалекта санскрита...

— Не всё так просто в подлунном мире. Язык, на котором они говорят, отличается от классического как современный русский, от старославянского. И, что интересно отметить, в нём, по отношению к тому санскриту что знаем мы, очень много новых слов и оборотов...

— Так может это вообще другой язык?

— Можно сказать и так... Также как и о современном русском языке, по отношению к церковному старославянскому. Но, что я могу вам со всей определённости заявить, этот язык — не придумка страдающих от безделья молокососов. Очень хорошо видно, что язык для них родной! Вот что самое странное! Это не какой-то дурацкий язык типа волапюка или им подобный... Он... Он ЖИВОЙ!

— Извините, господа, но я несколько не понимаю... Вы говорите о санскрите, и тут же говорите, что «язык, на котором говорят братья — живой».

— Не такой, каким мы его видим в древних текстах. А любой живой язык — он развивается. В него входят новые слова и обороты речи. И этот, обсуждаемый — он из этой породы. Да я вообще, прекрасно зная санскрит, с трудом понимал, что они там лопочут! И часто не потому, что диалект другой, а потому, что присутствуют термины. Я это особо подчёркиваю господа! Научные термины! И ясность, однозначность терминов, слов! Как будто этот язык давно эволюционировал в сторону именно чёткости и однозначности того, что говоришь. Для старых языков, для языков дикарей это не характерно.

— В нашем языке тоже присутствуют термины...

— Так, да не так! Они, — эти термины, — заимствованные из других языков. А эти — по словообразованию — родные! А о чём это говорит? А говорит это о том, что родились эти термины в нации, которая не чужда наукам, которая сама по себе развивалась!

— Выходит, басни о неверном понимании Индии и их народа — не басни вовсе?! Выходит, что есть там какая-то ещё каста?

— Возможно... Но сегодня... Сегодня на нашем собрании было вообще нечто невероятное! Пришла вы помните, госпожа Натин. И фамилия... Фамилия у неё... Руку дак на отсечение, что это псевдоним высочайшей особы!

— Вы сказали, простите, что перебиваю, что тут, в случае с госпожой Натин, полностью понимаете что говорится...

— Именно милейший, именно! Фамилия у неё была на языке страны Ниппон! И наши обсуждаемые братья, этот язык совершенно точно знают. Да так, что высказали несколько реплик в этом языке! И что меня поразило... по фамилии получается, что особа Натин — из

очень высокородных. Но ведь и братья, по традициям страны Ниппон не падали перед ней на колени, что в их традиции строжайше обязательно.

— И... это говорит о том, что они одинакового положения?

— Не просто одинакового! Помните, что сказал Васса Эсторский, когда наша уважаемая хозяйка салона представила высокородную Натин? Он тут же прибавил после Фамилии Натин — «самА»! А это прибавляют после титулов в ниппонском языке. Титулов дворян. Но самое поразительное... Юсейхиме переводится как «Принцесса волшебства», «Принцесса волшебных духов»... «Принцесса фэйри» наконец, если так можно выразиться.

— На неё посмотреть — можно представить, что так и есть! — пошутил собеседник. — Кстати, Викентий Иванович, а она сама не из этих «ниппон»?

— Она не японка. — Отозвался до сих пор помалкивающий и внимательно слушающий Николай Дормидонтович. — Я во Владивостоке много японок видел. Там мода иметь японскую прислугу в доме. Однозначно не японка! Хотя... Возможно, в её крови, что-то есть от «жёлтой крови».

— Да... Да! Истинно так! И я бы сказал, что... Но лучше по порядку. Вы обратили внимание, что господа Эсторские очень спокойно отреагировали на её фамилию, но очень сильно удивились её появлению? А это показательно! И что сказала по-русски принцесса, на реплику господина Вассы? Она сказала буквально: «Вы же не требуете здесь, в России, прибавлять к своему имени „синно-сама“!». А «синно» на языке нихон — «принц крови»!!!

— То есть, встретились три особы королевских кровей! Как замечательно! — рассмеялся тот, кого называли Николай Дормидонтович.

— Да! И то что они говорили на санскрите, по смыслу: обсуждали уместность прибавлять эти самые титулования! Химе-сама — уважаемая принцесса, синно-сама — уважаемый принц на языке страны Ниппон.

— Но, тогда... тогда, господа, возникает закономерный вопрос: что у нас здесь забыли, что делают в России сразу три особы королевской крови, да ещё и инкогнито?! Ведь помните, эту историю с принцем Сиамом? — напомнил Сергей Константинович.

— Когда он женился на русской? — поднял бровь Николай Дормидонтович.

— Да. Так он не скрывал от всех, что является принцем. Он не был «инкогнито».

— А эти — скрывают! — задумчиво подчеркнул Николай Дормидонтович.

— Гм! Странно всё это... — Заметил Викентий Иванович.

— У вас есть какие-то предположения? — тут же заинтересовался Николай Дормидонтович.

— Да. Всё хорошо... Но в эту схему с «инкогнито», что-то не укладывается предыдущее и текущее поведение братьев Эсторских. Вы же знаете, какой шум они подняли в Европе. О них уже сколько месяцев шумит вся Европа... Да что Европа?! Уже весь мир! И это называется «инкогнито»? Да это больше напоминает поведение великовозрастного балбеса, который вопит на весь мир: «Смотрите! Смотрите! Вот он я!».

— Гм... Действительно!

— Но! Ведь нигде эти «великовозрастные балбесы» не заявляли никак о том, что они «принцы крови»! Хотя... Хотя богаты! Чертовски богаты! И какая яхта у них! Сказка, а не яхта!.. — с мечтательной улыбкой заметил Сергей Константинович.

— Вы хотите сказать, что они здесь проговорились? — обратился Николай Дормидонтович к профессору Шерцлю.

— Думаю, да! Ведь обратите внимание, что говорили они так, чтобы окружающим не

было понятно. На языке, который здесь не знают. Или они считают что не знают. Говорят так, чтобы другие заведомо не поняли то, что они хотели бы скрыть!

— Резонно.

— А что значит на японском языке слово «доно»? — Заинтересовался Сергей Константинович. — И когда оно прибавляется? Вы же помните, что принцесса Натин даже ударение сделала, когда обращалась к господину Румате.

— Да! Тут, да, забыл сказать! Тоже интересно! Дело в том, что это окончание прибавляется, если обращаются к воину. Причём как самурай к самураю. Это военное сословие среди дворян страны Ниппон.

— То есть, это значит, что господин Румата Эсторский имеет военное образование. Но тогда получается, раз к нему так не обращались, Васса Эсторский — не имеет? Так?

— Возможно, но... Не только. Если верно то, что я разобрал перед этим, что было сказано на санскрите, то Васса «младший принц». И, получается, что Румата — старший принц. По крайней мере, старше по отношению к господину Румате.

— Но всё равно, господа, остаётся открытым вопрос — откуда они, какого рода, какого Дома? — резонно отметил Николай Дормидонтович.

— Да... Загадок стало ещё больше. — согласился Сергей Константинович.

— И одна из них, во фразе, которой обменялись Натин и Румата. — продолжая размышлять вслух сказал Шерцль. — Там что-то в их речи было вида «Приближающие совершенство»? «Совершенствующие»? Что-то, что непосредственно относится к их роду деятельности, помимо их титулов... Как военное звание, род войск или...

— Или род науки, которой они занимаются? — высказал предположение Сергей Константинович.

— Возможно...

Вдруг, Николай Дормидонтович вздрогнул. Судя по изменившемуся выражению лица его что-то осенило.

— У вас есть какие-то мысли на этот счёт, Николай Дормидонтович? Уж не по поводу «совершенствующих»? — заинтересовался профессор Шерцль.

— Есть и не одна! Но я хотел бы перед этим, перечитать их последнюю книгу.

— Это которая «Древнейшие цивилизации»?

— Да. Именно её!

— Но что же в ней вас так привлекло?

— А вы её читали? — с вызовом откликнулся Николай Дормидонтович.

— Да... Пролистывал. Но ещё не брался читать серьёзно. Оч-чень уж необычный труд.

— А вы прочитайте. И после мы свои впечатления обобщим.

— Но что же вас так насторожило?

— Есть некоторые мысли... И все они вертятся вокруг фразы, которая стоит в конце книги.

— И какая же это?

— «Древние — вернутся!».

— Уж не хотите ли вы сказать, что эти двое...

— Нет. Не двое. Трое!

— «Древние»?!! — удивился Сергей Константинович. И на лице его проявился крайний скептицизм.

После неожиданной встречи в салоне, решили встретиться в какой-нибудь неформальной обстановке. Так, чтобы никто не мешал. Самым подходящим для этой цели оказался ресторан «Палкинъ» на углу Невского и Владимирского проспектов. Можно было и в «Европу», но этот был ближе к «конспиративной квартире», в которой ныне обретался Григорий, «плетя заговоры», а точнее спешно формируя свою службу безопасности.

Памятуя о том, как было всё в их родном мире, каковы вообще нравы и «обычаи» в среде «предпринимателей» и вообще, надо было озаботиться о прикрытии и Дела, которое они мало-помалу раскручивали, а также и себя, своих друзей, которых они здесь приобрели.

Вообще для Григория, было крайне неприятной неожиданностью, что реальность, в которой он оказался, изрядно не соответствует той лубочной картине, к которой он привык в своём мире и времени. После нескольких неприятных столкновений с окружающей средой и действительностью, он ещё более осторожно стал относиться и к поступкам и к словам, сказанным где-либо.

Приходилось проверять все свои шаги «на вшивость», прежде чем что-то сделать. Всё более и более, в разговорах с братом на людях Григорий стал прибегать к санскриту, убедившись в том, что этот язык тут почти никому не известен.

Но и то, опасаясь, что всё-таки какой-то нойон или знаток языков попадётся-таки в ближайшем радиусе, старались не болтать лишнего.

Заказали отдельную комнату. И явились чуть-чуть загодя.

И когда уже подходили к дверям и швейцару, внезапно, будто из-под земли выросла давешняя принцесса.

На этот раз у неё было явно хорошее настроение. На лице довольная улыбка, как у кошки, только что «заправившейся» отменным лакомством.

Братья удивились и переглянулись.

— «Точность — вежливость королей». Кажется так у вас тут говорят? — сказала Натин, в ответ на комплименты.

Она решительно подошла к дверям заведения и сверкающий швейцар величественно открыл перед нею дверь.

Вообще, ресторанчик активно косил «под Европу». Распорядитель, видя пришедших, тут же подскочил и заговорил по-французски, приглашая пройти за ним в приготовленное для них помещение. Официанты ходили чуть ли не строем. Один за другим, гуськом. И всё норовили подавая блюдо сказать «вуа ля!».

У Василия глаза на лоб полезли, когда он узрел колонну официантов, несущих для них разнообразную снедь.

— А зачем так много? Мы что, сюда жрать пришли? — спросил он у Григория, больше стараясь уесть принцессу. Ну очень сильно хотелось ему сбить у неё вот это довольное выражение лица. Та и ухом не повела.

— И жрать тоже! — с трёхфунтовым апломбом заявил сибаритствующий Григорий.

Наконец снедь была расставлена, а распорядитель, постоянно кланяясь, желая приятного аппетита, выкатился за дверь и плотно прикрыл её. Григорий ещё прищурился ему вслед, проверяя, действительно ли плотно прикрыта дверь или кто-то таки подслушивает. Однако, против прослушки у них всё-таки (по крайней мере пока) был железный метод —

разговор на санскрите. На него, показывая пример, он тут же и перешёл, в свою очередь пожелав всем приятного аппетита.

Слегка утолив голод, оценив великолепное качество блюд, приступили к десерту.

— Как я понимаю, посещение Координационного Центра Миров, вы решили оставить «на потом»? — слегка ехидно начала Натин, намекая, что пора и поговорить за чем пришли.

— Примерно так! — неопределённо отбредхался Григорий. — А вы, разрешите полюбопытствовать, какими судьбами здесь?

Вот тут лицо Натин приобрело несколько сконфуженное выражение. Слегка помявшись она ответила вполне откровенно.

— Мне показалось, что вы из Закрытого Мира. А раз так, то... — Натин шумно втянула в себя воздух. — Я ринулась вслед за вами. Спасать.

— И каковы успехи? — чуть насмешливо спросил Григорий.

Натин покраснела. На её и без того смуглой коже это смотрелось.

— Вы там, в Арканаре, крутые аж жуть! — с видимым уважением выговорила она. — Нырнуть в самую воронку гиперпространственного смерча. И выйти из него!.. Практически «не почесавшись»!!! Свободно ведь могли распасться на составные частицы, а у вас даже корабль целенький... Не говоря уже о вас самих.

Она покачала головой. И с уважением, интересом посмотрела на Григория. Василий же сжал челюсти, чтобы не выдать действительных чувств по этому поводу. Он понял, что под «штормом» тогда, Натин имела в виду нечто, происходящее в то самое время в гиперпространстве. То, что для них было неизвестно. О чём они даже не подозревали.

Также становилось ясным, что им просто фантастически повезло, если Натин говорит, что могли и на элементарные частицы «диссоциировать».

— Но я всё равно не понимаю. Даже если вы такие крутые — зачем так было рисковать?!! — продолжила принцесса.

— Из наглости. — фыркнул Григорий, продолжая играть свою роль. — Рассчитывали проскочить.

— И если бы не смерч — возможно бы проскочили. — с видом эксперта заключила Натин и покосилась на закрытую дверь.

— Тут санскрит почти никто не понимает. — заметив косой взгляд Натин высказался Василий.

— Но всё равно не стоит недооценивать аборигенов этого мира. В прошлую нашу встречу на салоне был известный санскритолог. Он мог нас понять. Почему я и не рискнула разговаривать на серьёзные темы там же.

— Хорошо. — с умным видом кивнул Григорий, хотя явный прокол с санскритологом его слегка покоробил. Лишнее свидетельство к тому, что надо следить за речами. Даже на «незнакомых» языках. — Но здесь, я думаю можно. Хотя бы по той причине, что профессора сразу же следить за нами вряд ли приставят. Что вы собираетесь делать? И каковы ваши цели здесь?

— Ваши здесь — прогрессорство? — проигнорировав вопрос сама, в свою очередь задала вопрос Натин.

— А к чему такое любопытство? — также проигнорировав вопрос спросил Григорий — хотите помочь?

— Благодаря вам, я серьёзно здесь застряла! — уже зло высказалась Натин. — ведь вы сами должны понимать, что это как минимум «мёртвая зона», а как максимум —

«минусовая». Что вообще...

Тут, по-видимому у Натин кончились слова, а остались одни эмоции. Закончить фразу она не смогла.

— Пардон! — тут же вступил в разговор помалкивающий Василий. — Что вы имеете в виду под терминами «мёртвая зона» и «минусовая зона»?

Всё так же зло и обиженно поглядывая на братьев Натин менторским тоном выговорила.

— Мёртвая зона — область в гипере, перекрывающая сразу множество линий вероятности. Общее свойство — очень высокий потенциальный барьер для перехода между линиями. То есть, для того, чтобы прорваться домой, нужен звездолёт. У вас он есть? Или у вас есть договор, что он вас заберёт? Если да, то прошу вас меня...

— ...Подбросить до дому? — чуть не рассмеявшись закончил за неё Григорий, но общий смысл сказанного, хоть и не весь до него дошёл.

— Не ёрничайте, Румата! — ещё на пару градусов понизив температуру в голосе, бросила Натин. — Я попала сюда из-за вас. И если у вас есть возможность, по моральным соображениям вы должны помочь. Тем более, что мы коллеги.

— А «минусовая зона»? — встрял Василий.

— Минусовая... — ещё больше помрачнела Натин, — гипотетически — прошлое одной из линий. И, судя по тому, что я видела — той самой, которая была закрыта недавно.

— Проще того запретного мира, из которого, по вашему предположению, пришли мы? — сохраняя каменное выражение лица спросил Василий.

— Да. — ответила Натин и лицо у неё дёрнулось.

— Кстати, если мы коллеги... — постарался перебить их Григорий, — то какую роль вы играли в Аттале?

— Княжество мира Аттала, в котором я работала... Там я подменила принцессу, изъятую в наш мир. Она всё равно там бы погибла... — с охотой начала рассказывать Натин. Видно эта работа для неё была всем. — у неё тяжёлый генетический дефект.

— Гемофилия? — попытался уточнить Василий.

— Нет. У женщин гемофилия практически не встречается. Порфирия. И ещё кое-что, что обрекало на гибель: её бы обвинили в том, что она вампир из-за порфирии и спалили бы на костре. Ну, сами представьте: белая кожа, красные глаза, солнца — боится, так как на её коже под солнечными лучами тут же образуются язвы. Классика по мифам о вампирах. Если бы мы не вытащили её вовремя и не залечили — сожгли бы на костре.

Выкрали. А вместо неё поставили меня. Я успела там подняться до ранга Аудитора Истины в местной религии. И приступила к медленным преобразованиям... К сожалению...

Натин опустила глаза.

— Понятно! — постарался закруглить разговор Григорий.

Натин снова зло глянула на закрытую дверь, будто там кто-то таки подслушивал и обратилась к Григорию.

— Я так понимаю, вы тут обосновываетесь надолго?

— Да. — невозмутимо ответил Григорий.

— И звездолёт, если за вами и будет, то нескоро...

— Да. Точно. — подтвердил Григорий.

«И чёрт меня раздери, если я в этом хоть на грамм соврал!» — подумал Григорий, до которого тоже начало доходить насколько они вляпались.

— Очень жаль! — ещё больше помрачнела Натин. — Выходит, я провалила задание...

Было такое впечатление, что она вот-вот расплачется. Контраст между тем, какой она была в начале встречи и тем, что сейчас, был огромный.

«Кажется она убедила себя в том, что мы типо „Могущественные Инопланетяне“ и поможем ей вернуться в её прогрессируемый мир. А тут — облом».

— Но вы можете присоединиться к нам. — осторожно предложил Григорий.

— И попытаться сделать так, чтобы этот мир в будущем, не стал таким, каким вы его видели, и из-за чего его пришлось закрывать.

— Это — почти невозможно. Он уже всё равно что мёртвый. — буркнула бывшая принцесса. — Но... Я подумаю. Мне всё равно деваться некуда.

— Вот... — сжалился над Натин Василий и выставил перед ней пару маленьких коробочек.

— Что это? — проявила слабый интерес Натин.

— Огранённые алмазы. Если у вас нет местных денег — берите. Продав вы можете взять с них приличную сумму для старта.

— Хорошо. Я, значит, в деле! — тут же оживилась Натин. Но всё равно было заметно, что её очень сильно грызёт случившаяся с ней катастрофа. Она молча, как-то даже нехотя взяла коробочки и сунула в свою сумочку.

Дальнейший разговор был больше «нио чём». Так, светская болтовня троих людей. Но когда уже прощались, Натин огорошила обоих.

— И, уважаемые... Меня всё мучает вопрос... Откуда вы знаете, да в таких подробностях историю мира Аньяны?

Заявление Натин было весьма неожиданным. Братья удивлённо переглянулись. Так как в таких областях более компетентным был всё-таки Василий, Григорий кивнул ему. Тот же, вместо того, чтобы что-то ответить сам кинул вопрос.

— На каком основании вы решили, что мы подробно знаем историю мира Аньяны?

Натин не обратила внимание на то, что Василий высказал вопрос очень насторожённо. И ответила в своей прямолинейной манере.

— То, что вы написали в «Древнейших цивилизациях», если опустить некоторые незначительные детали, полностью относится к действительной истории Аньяны.

— Как интересно! — не удержался от саркастической, но вместе с тем восторженной реплики Григорий. Василий тоже удивился.

— А вы интересовались преданиями и вообще криптоисторией того самого закрытого мира, который мы тут обсуждали?

— Хм! Там вообще малоисследованный мир. По понятным причинам... Его просто закрыли во-избежание неприятностей. И оставили наблюдателей. Каких-либо специальных исследований там не проводилось.

— А стоило бы! — заметил едва сдерживая улыбку, Василий.

Принцесса вопросительно посмотрела на него.

— Тот коллаж, что мы тут заправили — есть пересказ мифов и легенд того самого закрытого мира.

Если кто-то когда-то видел охотничью собаку, то он помнит что такое «охотничья стойка» у неё. Примерно то же продемонстрировала и прогрессорша.

— Вы мне обязательно это должны рассказать! — тут же выпалила она. Глаза и зубы у

неё разгорелись от жажды знаний.

— Обязательно, но не сейчас. — ушёл от ответа Василий.

— Это понятно. — как само собой разумеющееся выговорила принцесса. — Но что вы добиваетесь этими пересказами здесь?

— Вы сами сказали, что это может быть минусовая зона. — резонно заметил Василий. — А если минусовая, то следовательно, эти мифы и легенды относятся и к этому миру. По крайней мере их могли сюда занести. Кто-то из мира Аньяны. К тому же, нам как-то надо подготовить общественное мнение к тому, что мы дальше будем тут проталкивать. В частности знания.

— Уж не хотите ли вы ещё и легализоваться со своим действительным происхождением? — просчитав что-то в уме, без паузы вставила Натин.

— И это тоже.

— Странный способ легализации... — покачав головой заметила принцесса.

— ...Преследующий ещё несколько целей. — Вставил своё Григорий, который был, естественно, полностью в курсе дальних прицелов Василия.

— Хорошо! — внезапно снова приобрета свой изначальный на сегодня, сияющий вид, выговорила принцесса. — Обсудим это как-нибудь ещё... А! И вообще! За повесть про корсиканку — большое уважение и спасибо.

— Это за что? — оторопело спросил Василий. У Григория же просто челюсть отпала. Но потом до него кое-что дошло.

— Так это... Та корсиканка-сицилийка...

— Была я! — закончила за Василия Натин и насладившись обалдевшим видом братьев зашагала к извозчику, который поджидал её.

Глава 15

Сплошные обломы

Натин исчезла из города внезапно. Всегда за ней волочился некий шлейф людского шума — дамочка была не только с характером, но и с прибабахами.

А тут — тишина...

Это сейчас стало ясно, что она — та самая Натин. Так что факт её исчезновения из города был определён довольно уверенно.

Впрочем, Братья не расстраивались.

Если сказала, что в деле, если ей деваться реально некуда — придёт ещё. Однако, оставались некоторые вопросы, которые хотелось бы прояснить.

Во-первых, не сама же по себе она сюда ломанулась. Скорее всего на каком-то транспортном средстве. Возможно компактном, если смогла спрятать в Европе.

Во-вторых, сильно интриговала загадка «сестры». Ведь в Италии, все газеты и слухи упорно твердили, что «Корсиканка» поубивала слуг и прибила графа из-за некоей сестры, которую тот утащил.

Правда, во втором случае, было довольно конкретное и логичное соображение:

Её ловят. Она цепляется к одной из похищенных, сближается с ней, называет её своей сестрой и даёт обещание всех вытащить.

Тогда получалось, что эта «как-бы сестра», скорее всего личность достаточно одинокая. Скорее всего сирота. Ведь если были бы родители, то они быстро бы этот слух разоблачили.

Также логично выстраивались и догадки относительно того, зачем она и куда испарилась: поехала выцеплять свой транспорт с тайной стоянки, и, возможно, ту самую «сестру». Из Морального Принципа Маленького Принца. Того самого, что у Экзюпери.

Также неслабое любопытство разожгли её слова брошенные мимоходом об истории мира Аттала, где она прогрессорствовала, и слова о слишком сильном сходстве истории, что наваяли братья в книге и реальной истории мира Аньяны.

Так что они с некоторым нетерпением ждали её возвращения.

Однако, надо было думать и о том, что они хотели бы сделать в этой России (её версии, если параллельный мир и в той самой, если попали в прошлое). А планы у них были «наполеоновские».

Им хотелось никак не менее, спасти Россию от тех самых катастроф и катаклизмов, которые они знали по истории.

Впрочем, и мифы тут тоже присутствовали, так как каждый имел те представления, которые имел. А брались те представления не только из учебников. Но и из писул публицистов и историков разной степени серьёзности и ответственности.

Вообще, пока что серьёзно «доставалось на орехи» чисто Гришиным «тараканам». Оно, собственно и понятно почему. Уже эдак к нулевым годам, практически весь комплекс мифа «РКМП» был разбит в пыль. И дальше, уже ближе к десяткам, над ним стали потешаться все кому не лень. Даже на Лурке вывалили здоровенную простыню со стебом. Однако, находились всегда (и к сожалению, будут находиться всегда), личности, которые просто веруют, или те, кому было просто лень или недосуг разбираться в сущностях.

Григорий, из-за этого, набив виртуальных и реальных шишек на неверном представлении о реальности, чувствовал себя как сапёр-новичок на первом своём минном

поле.

А о его наивности, по Питеру уже стали слагать легенды. Он, если в самое ближайшее время не постарается «исправиться», мог вполне стать персонажем анекдотов.

Пока что его миловало общественное мнение. За то, что он непосредственно причастен к ослепительной «виктории в воздухе» — первому полёту аппарата тяжелее воздуха. А все его «чудачества» списывались на то, что он иностранец, словом — немчура, по какому-то странному стечению обстоятельств, сносно разговаривающий по-русски.

Прожив в Питере не так уж и много времени, он стал действительно обвыкаться. По крайней мере, серьёзных ошибок уже не допускал. Но не зря в законах Мэрфи строго зафиксировано:

«Закон первый. Всякая пакость которая может случиться — случается.

Закон второй. Если пакость не может случиться — она всё равно случается.

Закон третий. Если вы всё предусмотрели, если всё у вас хорошо, и перспективы безоблачны, то вы явно не замечаете какой-то очень большой пакости, которая уже нависла над вашей головой».

Для Григория в мягкой форме сработал именно третий закон.

Реальность, если её не игнорировать особо злостным образом, для «мозговых тараканов» лучший дихлофос. Для Григория даже такой возможности не было — игнорировать. Потому, что эта самая реальность не находилась «где-то там далеко», а смотрела прямо ему в глаза.

И тогда, в тот самый злосчастный день, когда его система верований, наконец получила первую серьёзную трещину, Григорий пребывал в благодушном настроении. И его не смутило даже то, что братец прикатил в, мягко говоря, сильно офигевшем виде.

— И что на этот раз произошло? — лениво поинтересовался Григорий, философски созерцая округленные глаза братца.

Тот набрал было воздуха, чтобы разразиться то ли речью, то ли очередным «загибом а-ля Пётр первый». Но, задержав дыхание, таки выпустил воздух из лёгких.

— Поехали. Кое-что покажу. Что купил тут, мать его....!

Григорий тут же преисполнился энтузиазма.

— А что купил?!

— Завод... — почему-то сквозь зубы процедил Василий.

— Заводец, — объяснял Василий уже в пути, — я прикупил потому, что там было куда развиваться. Помещение — каменное, двор — большой. Рядом — пустырь. Потому и купил. Даже за ценой не постоял.

— Ну я думаю! — фыркнул Григорий. — С нашими-то возможностями! Ха! Владелец не слишком высоко подпрыгивал?

— Достаточно высоко. — мрачно сказал Василий. — Я дал ему названную цену.

— Э-э... не стоило. — поморщился Григорий. — Дальше могут и прочие нас за дойную корову принять...

Василий отмахнулся.

— Не та проблема. Деньги — пыль! Вспомни пиндосов из нашего мира.

Григорий лишь пожал плечами. И действительно, последнее время он ко всем «брюликам» стал относиться как к «разновидности кристаллического углерода», а не к чему-то сверхценному.

Дорога у здания завода была разбитой и грязной. Почти на всю ширину её разлилась

огромная лужа из смеси лошадиной мочи, раскисших лошадиных «яблок» и небольшой примеси дождевой воды, медленно сочащейся с осеннего неба. Люди, спешащие по своим делам, осторожно форсировали сие водное препятствие по перекинутым доскам вдоль забора.

Правда непосредственно перед зданием такого непотребства не было. Но то, что уже было видно — внушало некоторые подозрения. Впрочем, давно подмечено — чем дальше от центра города, тем запущеннее дороги и обшарпаннее дома. Так что вылезая из брички, и Василий, и Григорий внимательно смотрели под ноги и по сторонам. Грязь, однако, была везде. И смердело не только от того «моря нечистот», что недавно бричка форсировала.

Прочавкав по жирной грязи несколько метров до порога заводоуправления, они остановились. Их встречал некий господин, в добротном пальто и шляпе, надвинутой почти на глаза. Да и весь вид у встречающего был как у нахохлившейся вороны на суку под холодным дождичком.

Кстати холодный дождичек таки наличествовал.

— Пантелеймон Исидорович Савельев — представил его Василий. — Инженер сей обители скорби.

— Ух! Ну и имечком с отчеством родители наградили! Сразу и не выговоришь. — добродушно посмеиваясь и пожимая руку выговорил Григорий. На что инженер лишь пожал плечами, хмыкнул и предложил «господам владельцам» пройти внутрь.

Само заводоуправление ничем примечательным не было.

Обычная контора, как и везде.

Такие же как и в нашем мире-времени. Только мебель — по времени, и вместо компьютеров-калькуляторов на столах старые-добрые счёты с засаленными костяшками.

Это же здание непосредственно прилегало и к цехам. И вот когда Григорий шагнул под своды первого в его жизни цеха этого мира... как говорится в анекдоте, «тут-то всё и началось».

И первое что его встретило, был запах. Тяжёлый.

Григорий не понял сразу, что это могло быть. Но когда увидел толпу их поджидавшую, понял. Так пахла толпа, давно не бывших в бане, не мывшихся людей.

На всё это накладывались запахи чисто заводские. Пахла грязь, стоящая большими лужами на полу, пахло само производство. И воздух в цеху был явно давно застоявшийся. Тяжёлый.

Впереди, с хмурыми лицами стояли рабочие.

Не сказать, что они были одеты в рванину, но одежда на них была ну очень ветхой. Обувь на ногах и та была далеко не модельная. Чаще просто лапти.

Но взгляд, которым встретили эти рабочие вошедших братьев, инженера, был... голодный.

Без всяких переносных значений. Люди, стоящие перед ними были реально просто голодными. Давно не евшими.

Василий, явно увидевший эту картину ранее, нервно сглотнул. Ибо выглядела эта толпа хмурых и голодных людей страшно. Григорий же, вдруг, неожиданно для себя, почувствовал себя сильно виноватым за то, что сыт и хорошо одет. Среди толпы видны были бабы с детьми.

Дети были откровенно в грязи. Да и вся толпа производила впечатление далеко не чистое. Не только запахом. В родном мире бомжи и то выглядели, по сравнению с этими

бедолагами, как жуткие богачи.

Инженер не обращая внимание ни на что, прошёл сквозь толпу, словно её и не было. Люди молча расступились. Братья, последовали за ним. Толпа проводила их хмурым молчанием и взглядом исподлобья.

Как понял Григорий, из попутных пояснений Исидора Пантелеймоновича, производство было самое примитивное. Никаких технологических изысков. Труд в основном ручной. Механизации труда, почти никакой.

Там, где нужны были более или менее соображающие и знающие, работала «рабочая аристократия» — уже, можно сказать, потомственные рабочие. Все остальные — вчерашние крестьяне, ничего особого не умеющие, пришедшие в город на заработки.

Широкий двор, ничем не замощённый, также утопал в грязи. Чуть поодаль, стояли какие-то деревянные постройки. Одни были явно складами, а вот другие...

— А где живут эти ваши рабочие? — вдруг догадался спросить Григорий.

— Половина живёт тут же — в подвале.

— Где?!!

— В подвале. — ответил инженер остановившись и удивлённо посмотрев на Григория.

— А другая половина?

— Другие... Те, что тут работают давно, потомственные рабочие, живут в собственных домах чуть поодаль. Остальные в том бараке.

Инженер кивнул на одно неказистое деревянное здание, что весьма было похоже на банальный сарай.

«Скот. Рабочий скот» — вспомнил Григорий определение из его эпохи. И это точно соответствовало тому, что он прямо сейчас видел перед собой. Рабочих тут явно за людей не считали. И разница чувствовалась не только в одежде.

Как понял из дальнейших расспросов Григорий, рабочие из далеких мест имеют при себе какой-либо мешок или сундучок с кое-каким имуществом, вроде перемены белья, а иногда даже «подстилку» для спанья; те же, кто фабрикантом считался «не живущими» на фабрике, т. е. рабочие из окрестных деревень, уходящие домой по воскресеньям и праздничным дням и ночующие в мастерских «только» по будним дням, не имеют при себе в буквальном смысле ничего. Во всяком случае, ни те ни другие никогда не имеют никаких признаков постелей.

И то, что было на этой фабрике — ещё ничего.

Например, на овчинодубильных заведениях они сплошь и рядом спят в квасильнях, всегда жарко натопленных и полных удушливых испарений из квасильных чанов.

А в рогожных фабриках, на одной из которых перед этим «заведением» побывал Василий, вообще мрак.

Войдя в мастерскую, посетитель попадает как в лес. Только раздвигая перед собою всюду развешенную на жерновах и веревках мочалу, осторожно передвигая ноги, липнущие к полу, покрытому толстым, в 1–2 вершка, слоем грязи, попадая на каждом шагу в наполненный жидкою грязью выбоины, образовавшиеся местами в прогнивших и провалившихся досках пола, натываясь на кадки с водой, вокруг которых стоят целые лужи, рискуя ежеминутно придавить всюду ползающих по полу маленьких детей, он добирается, наконец, до одного из окон, у которого кипит работа. Устройство мастерских везде одинаково. Вдоль стен с окнами поставлены «становины», т. е. четыре стойки со связывающими их перекладинами, так что против каждого окна образуется нечто вроде

клетки длиною в 4 и шириною в 2Г-3 аршин. Каждая такая становина служит как местом работы, так и жильем семьи «стана» — рабочей единицы рогожных фабрик; все же остальное пространство, т. е. середина мастерской и проходы между станами и большими русскими печами, сплошь занято развешенной мочалой. Таким образом каждая становина рогожной мастерской представляет ни больше, ни меньше, как стойло, где семья проводит все 24 часа суток. Здесь рогожники работают, здесь же и едят и отдыхают; здесь они спят, один на досках, положенных на верхней раме становин, так что образуется нечто вроде полатей, другие на кучах мочалы на полу, — о постелях, конечно, не может быть и речи; здесь они рожают на глазах всего населения мастерской, здесь, захворав, «отлеживаются», если организм еще в силах побороть болезнь, здесь же и умирают, хотя бы и от заразных болезней. Все население этих мастерских располагается настолько тесно, что лишь в трети случаев на каждого из живущих приходится от 1 до 1,3 куб.с. воздуха /1 сажень = 2,13 м., 1 куб.с. = 9,71 куб.м./, а в 65 % случаев (из 60 мастерских) приходится на каждого всего 0,4—0,9 куб.с. Всегда жарко натопленные и сырые, вследствие крайнего переполнения живущими и непрерывной мочки мочалы в горячей воде, эти мастерские не имеют никаких искусственных приспособлений для вентиляции: ограниченное число оконных форточек и простые двери в стенах, по совершенно понятной причине, рабочими всегда тщательно забиты и замазаны, между тем как естественная вентиляция через стены почти всегда понижена вследствие их сырости. Вся грязь, какая отмывается от мочалы, попадает на пол, всегда мокрый и прогнивший, а так как он никогда не моется, то за 8 месяцев работы рогожников на нем образуется толстый слой липкой грязи, в виде своего рода почвы, которая отскабливается только раз в год, в июле, по уходу рогожников. Везде, — помещаются ли мастерские в деревянных или каменных зданиях, — грязные, никогда не обметающиеся и никогда не белящиеся стены их отсыревшие и покрыты плесенью; с закоптелых и заплесневелых потолков обыкновенно капает как в бане, с наружных же дверей, обросших толстым слоем ослизнелой плесени, текут буквально потоки воды.

И как тут же подтвердил инженер — картина эта вполне типичная и самая обычная.

Жильё при фабрике, представляло собой, обычную деревянную казарму, разделённую перегородками. И перегородки ставились для семейных. Все остальные спали прямо как есть — «толпой», бок о бок. Такая же картина была и в подвале фабрики, где жили остальные рабочие.

— Хе! На других фабриках, и того нет! — огорошил Григория Исидор Пантелеймонович. — У нас хоть загородки. А в других семейные прямо со всеми спят. И ничего. У нас ещё не так плотно заселено. В других фабриках рабочие вообще спят «друг на дружке». Каморки, если таковые есть на человека объёмом в один кубический сажень. А то и меньше. Кстати у нас за жильё маленькая плата. А у других до пяти рублёв доходит.

— А сколько ваши работники получают? — тут же задал напрашивающийся вопрос Григорий. — В месяц.

— Мужики, кто не квалифицированный — двенадцать рублёв, женщины — десять рублёв. Подростки по пять рублёв. Квалифицированные же, получают поболее — те аж по сорок рублёв получают.

Григорий недоверчиво покосился на инженера. Тот не заметил этого. Да и на лжеца он был совершенно не похож.

— А рабочий день у вас сколько длится? — решив «добить» братца спросил Василий.

— У нас ещё хорошо с этим. Всего-то двенадцать часов.

— Кстати! — заинтересовался Василий. — А чего они такие хмурые? Да ещё и выглядят голодными. Им что, зарплату не выдавали? И как давно?

— Ну... зарплату им уже второй месяц не выдают. А хмурые они потому, что думают вы их всех выгоните. И набирать будете других. А у них это — единственный заработок.

— Ага... — как-то неопределённо ответил Василий и тут же завернул всех обратно в цеха.

Их там встретила всё та же хмурая толпа. Василий, то ли отошедший от шока, то ли уже притерпевшийся к видам и запахам, прошёл на небольшое возвышение, откуда все были хорошо видны.

Толпа также послушно и угрюмо проводила их взглядом и приготовилась выслушать свой приговор. Так как было ясно, что новый хозяин хочет что-то сказать им.

— У меня есть пока две новости для вас. — без предисловий начал Василий.

— Первая. Вам выдадут в ближайшие несколько дней зарплату за два месяца. Возможно, что уже завтра. Вторая новость, что никто не будет уволен. Все остаётесь на своих местах. Завод будет перестроен, так что для всех найдётся работа и рабочее место на новом производстве.

Толпа оживлённо загудела. Лица просветлели. Даже улыбки появились.

— Ну и из текущих распоряжений... — решил не расхолаживать народ Василий. — наведите пока в цехах порядок. Мусор — выкинуть, грязь убрать. Стены — побелить. Господин Савельев — распорядитесь, чтобы людям всё необходимое для этого было выдано.

Инженер кивнул.

— Ну ты и... — начал было Григорий, когда они вышли из заводоуправления, попрощавшись с инженером. Но не договорил.

— И кто я? — ехидно поглядывая на братца спросил Василий.

— Фабрикант! — также в тон ответил Григорий.

— И ты тоже. То самое срамное слово. Придётся и дальше иметь дело вот с таким.

Василий выразительно кивнул назад. На фабрику. Тут везде так.

— Мы всё-таки в параллельном мире... — перешёл Григорий на последнюю линию обороны своих убеждений.

— А мне так кажется, что в нашем родном... Прошлом. — заметил Василий. — вот тебе, для ознакомления.

Он протянул Григорию маленькую брошюру.

Тот взял в руки и посмотрел на обложку. Там значилось: Е.М. Дементьев. «Фабрика, что она дает населению и что она у него беретъ». Москва 1897 г. [\[15\]](#)

После этого происшествия, Григорий взглянул на окружающую реальность совсем другими глазами.

До сих пор и Василий, и Григорий обретались в слоях общества выше среднего. От них, вот эта самая голытьба, на которой реально создавались все те самые средства, проматываемые элитой на балах и пустых развлечениях, была скрыта.

Элита устраивала салоны, ходила в театры.

Эти же, постоянно балансировали на грани голода или вообще гибели.

Дамы элиты, и среднего класса были озабочены какие у них шляпки и тряпки.

Бабы рабочих — что будет семья есть сегодня. И будет ли вообще есть.

Реально, в той самой страте, которой вертелись Василий и Григорий, явственно был

слышен «хруст французской булки», вальсы Шопена и прочие «звон гусарских шпор» с «изысканной французской речью». Элита развлекалась. Она была далеко наверху.

А внизу вызревала ярость. Даже не злоба.

От безысходности существования. Именно существования, так как жизнью, постоянную борьбу за выживание назвать невозможно.

Это в элите и среднем классе, рассуждали о гуманизме и прогрессе. Под людьми же подразумевались такие же как они.

Те кто внизу — быдло. Рабочий скот. НЕ люди.

Если о представителях своего круга можно было порассуждать о том, как надо «поступать по гуманизму», то для «рабочего скота», было только одно отношение: «Испортился? Выкинуть и заменить!». А то, что получивший травму или заболевший тем самым обрекался на голодную смерть, их не волновало. Главное — прибыль.

По сути — прибыль на людях, обдираемых до костей.

Осознание этого факта погрузило Григория сначала в депрессию, а после и в отчаяние.

Он внезапно понял, что он находится среди тех, кто в революции, почти в полном составе будет уничтожен.

И, как он сам ощущал на своём примере — за дело.

Ведь они пока что ничего тут не сделали такого, за что их можно было бы этим отчаявшимся людям уважать.

Да, полетели на самолёте. Который сами же сделали. Но этого мало.

В глазах голытьбы, которую Григорий наконец, стал замечать, он и его брат был «барин». А значит враг. Паразит.

Григорий вспомнил, что почти все революционеры — выходцы как раз из слоёв не рабочих, не крестьянских. А представителей того самого среднего класса. И даже высшей элиты.

Они видели всё то, что вот так, внезапно, открылось Григорию. Изначально. И боль собственного народа они воспринимали как свою. Потому и шли на смерть. Ибо эта боль была страшнее смерти.

Шли на смерть за лучшую жизнь. Не для себя.

Для тех, кто будет после них.

Шли на смерть, чтобы будущий социальный взрыв не выродился в «бунт бессмысленный и беспощадный», сносящий всё на своём пути, убивающий и правых и виноватых.

А ведь так и было.

В его, Григория, мире. В Гражданскую войну.

И теперь, глядя в голодные глаза рабочих, он понял, **чем** была ТА война. Каких трудов и жертв тем самым, проклинаемым либералами, большевикам, стоило обуздать эту стихию. Направить из разрушительного, в созидательное русло.

Голод отключает разум. Отчаяние, заражает паникой и желанием крушить всё. Потому, что это «всё» — ненавистно потому, что «виновато» в том самом отчаянном положении, в котором оказался человек.

Соображение было элементарное.

Но следующее за ним было и ещё одно.

Как следствие.

И как признание собственной неправоты и подлости тех, кому он до сих пор верил на

слово.

Никакие большевики не могли поднять страну на революцию, если бы эта страна не была перед этим доведена до отчаяния.

Ведь рвануло сразу и по всей стране.

К тому же самих большевиков было чудовищно мало — всего-то тридцать тысяч на огромную страну. Да и то, половина из них сидела по тюрьмам, а другая половина — в лучшем случае слонялась по заграницам.

Если принять тезис, что мол «проклятые большевики разрушили процветающую страну подняв революцию», то немедленно нужно сделать следующее, закономерное предположение. Прямо вытекающее из тезиса: «Весь народ в России, обуял приступ массового безумия. Эдакая массовая эпидемия бешенства, буйного помешательства». Что невозможно в принципе. По природе человеческого существа. Природе человеческого общества, которое даже в гибельном состоянии старается нащупать некую почву для устойчивости. Но никак не кидаться во всеокрушающую волну ярости и разрушения.

Последнее возможно только в одном случае — если другого выхода из наличной катастрофы попросту нет.

Эти мысли толкнули Григория на самое элементарное — на перерасчёт того, что он ранее делал.

Первая мысль, просто всех накормить — отпала сама собой.

Никаких бриллиантов, никакого количества золота не хватит, чтобы накормить всю страну. Нужно нормальное сельское хозяйство, которое произведёт то самое продовольствие.

Вторая, более близкая к реальности — выстроить «свою» экономику, которая бы постепенно переломила все катастрофические тенденции, что уже наметились в России по суди была ближе к реальности.

Но только прикинув в уме что надо сделать, сколько финансов это потребует, и каких людских ресурсов, осознание масштаба предстоящего деяния, тут же снова обрушило Григория в депрессию.

И именно в таком состоянии нашёл его Василий, когда по какой-то надобности зашёл на яхту.

Сам Василий, уже покрутившийся по фабрикам, заводам, артелям, насмотревшийся на то, как живёт рабочий люд, уже успокоился. Теперь его волновало как сделать то, что они задумали. Поиск путей к этому.

Пока наметились два из них. Но надо было ещё, и ещё, и ещё. Уже реально не хватало ни времени, ни сил. А тут ещё и братик решил покукситься. Выяснив причины его нынешней депрессии, он не стал восклицать что-то типа «Я же говорил тебе!». Что было бы закономерным, но бестактным.

Он просто перевёл внимание брата на решение тех проблем, над которыми он же и думал.

— Ты уже пересчитал много. И это самое элементарное. — начал он. — Ты знаешь, что для того, чтобы стать реально сильными и реально повлиять на ситуацию, бабла надо на порядки больше.

— И так как брюлики товар хоть и ликвидный, но не может дать нам всё, что надо. Нужно двигать производства.

— На чём будем зарабатывать?

Григорий пожал плечами. Тут он явно был не так компетентен, как брат.

— Хорошо! — воскликнул брат и начал разворачивать своё видение выхода из ситуации.

— Первое, что видно невооружённым взглядом, так это то, что тут нет многого того, что необходимо для производства двигателей.

— А чего например?

— Подшипники. Их закупают все за границей.

— Так ты тех, последних, прикупил, чтобы сделать подшипниковый завод?

— Именно!

— Хм!

У Григория, так как он занимался созданием системы безопасности, тут же мысли устремились в нужном направлении. Он знал не понаслышке, как поступали с конкурентами в родном мире-времени. И доподлинно знал, так как успел поинтересоваться, что и здесь между конкурентами далеко не братская любовь процветала — грызлись между собой как стая бешеных собак.

— Тебе пора получать охрану, братец! — заключил он многозначительно.

— Это зачем?! — опешил тот.

— А ты что, собрался сыграть роль сыра в мышеловке? — начал ехидничать Григорий. — И меня не предупредил? Типо: вот, меня пытаются поймать-убить, а я их р-раз! И в дамках!

По растерянному виду Василия он понял, что братец о конкуренции не подумал.

«Ага! А вот я и брата на тараканах поймал!» — злорадно подумал он и продолжил.

— Вася! — начал он ядовито. — Ты думаешь, что тебе конкуренты, загибающие миллионы на нашей родной отсталости, позволят просто так их вышвырнуть с ТАКОГО жирного рынка сбыта как Россия?

Василий тут же «сдулся» и озабоченно принялся тереть пальцем лоб, что означало усиленную работу мысли.

— Что ты предлагаешь? — наконец, выдал он, видно, не придя ни к какому приемлемому выводу.

— Для начала изучим ситуацию на месте.

Василий из этого ничего не понял, но так как было предложено нечто осмысленное, поплёлся вслед за, внезапно обретшим прежнюю энергию жизни, Григорием.

* * *

На фабрике они застали вялое копошение. Мужичье, не шибко многочисленное, с багрово-синими рожами, медленно, как сомнамбулы двигаясь, пыталось изобразить что-то в виде работы, по очистке цеха и двора от грязи и мусора.

Между ними бегал давешний Пантелеймон Исидорович Савельев, весь красный от злости пытаясь хоть как-то упорядочить это вялое броуновское движение. На удивлённое восклицание Василия, главинженер разразился сначала матерными словами по адресу рабочих, но потом, слегка отведя душу, он таки снизошёл до объяснений.

— Господа! Как обычно эти скоты перепились! Надо было им по частям выдавать.

Малыми порциями. Но не всё сразу же!!! — чуть не плача выдал Савельев.

— Что? — не понял Василий. — что не выдавать?

— Зарплату! Они как увидели на руках какая им огромная сумма пришла, так сразу почти все и упились. Вот, до сих пор выковыриваю на работу тех, кто уже в себя пришёл и работать способен.

Видя, что хозяин пребывает в несколько обалдевшем состоянии и, похоже, вот-вот изволит гневаться, инженер поспешил с пояснениями.

— И ведь не уволишь всех! Либо эти бунт устроят, либо пришедшие на их место будут такие же как и прежние. С-скоты!

— А просто поговорить не пробовали? — наконец нашёлся Василий.

— С этими?!! — удивился Савельев. — С этими скотами? Не знаю, как там у вас в Европах... Может там рабочие поумнее и дисциплины поболее, но эти — эти только плеть, похоже, понимают. Как привыкли, что их барин за каждую провинность порет, так и до сих пор к цивилизации не приучены! Они ничего не понимают!

Инженер продолжая кипятиться, меж тем, не забывал и о задании. Несколько раз выдав командный рык настропалил на что-то хмурых мастеров, которые тоже пытались управлять этим, мучающимся от похмельного синдрома стадом, он махнул рукой и предложил «господам хозяевам» пройти в управление.

У Василия, видно воспитанного на лубочном представлении о «рабочем классе» и его «сознательности» всё ещё был грубый разрыв шаблона. Григорий же, мог даже веселиться, так как уже был знаком с некоторыми представлениями о рабочих в среде тех, с кем общался. В целом то, что он видел, соответствовало ранее услышанному.

Уже после за чашкой чая, когда Василий несколько отошёл от шока увиденного, разговорились.

Как было ясно видно, у инженера представление о рабочих было довольно мрачное: лентяи, тупицы необразованные, пьянчуги.

— Ну вы представляете?! — восклицал он. — Семья сидит без крошки хлеба, а этот боров попёрся со своими дружками пропивать получку! И пропил! И не он один такой! Тут нормальных, на кого положиться можно, по пальцам пересчитать!

Слегка переведя дух, видно наболело, инженер продолжил.

— А как работают?! Ничего приличного доверить нельзя. Приходится многое просто самому выполнять. Мастеров не хватает. Квалифицированные... — мало их! Слишком мало. Обучить кого-то — никак! Дубьё сплошное. Элементарного усвоить не могут. Да что там — большинство даже считать не умеют. Читать умеют — единицы. Процент брака с трудом до сорока процентов довели.

— Сколько-сколько?!! — поразился Василий.

— До сорока. — несколько удивлённо сказал инженер и пояснил.

— Это в нашей лапотной Рассее ещё нормой и достижением считается. Ну не умеют у нас работать! Эх! Нам бы ваших, европейских работяг... Мы бы тут горы своротили. А эти — с-скот!

— Ну и как? Они вообще поддаются дрессировке? — попытался Григорий сбить инженера на некоторый «конструктив».

— С трудом, господин Румата. — поморщившись признался Савельев. — Чтобы получить что-то удобоваримое, нужно чтобы пара поколений рабочих сменилась. Иначе — никак не вижу выхода. Всё испробовали. Ничего не помогает.

— А если попробовать их учить? Образовывать? Научить, для начала, читать, писать, считать. Может дальше что-то выйдет.

— Дык, господа! А кто же их будет учить? Тута деньги нужны и кадры. Чтобы учить этих остолопов. Да и бесполезно для этих. Эти уже дубовые. Они взрослые. И из них ничегошеньки уже не выйдет. С детей надо начинать. А их... Опять деньги и кадры...

Уцепившись за первую попавшуюся здравую мысль, Василий тут же выдал.

— Хорошо! Как только закончите с уборкой... помните то самое место, что мы размечали и пустым осталось?

— Да, господин Эсторский.

— Вот на нём строить школу. Будем по воскресеньям этих ваших остолопов учить. А детей их — во всё оставшееся время.

— Не пойдут... Дети не пойдут. — тут же сморщился инженер.

— Почему?

— Все работают. Жрать-то нечего.

— Хорошо. — кивнул Василий. — Будем их кормить. Обедями. А самым успешным в обучении — ещё и слегка приплачивать.

Теперь у инженера, похоже, наступил разрыв шаблона. Но к чести его, тот быстро пришёл в себя. Буркнул «бу сделна!». И уже с большим оптимизмом стал смотреть в будущее. Он представлял, на что хотел перестроить завод Василий.

Но тут вмешался в разговор Григорий и быстро перенаправил его на свои интересы.

— У вас, Пантелеймон Исидорович, есть среди рабочих свои осведомители? Вы в курсе их настроений?

— В курсе, господин Румата. — осторожно кивнул инженер, учуяв, что разговор начинается какой-то очень серьёзный. Обычно о таком не распространялись.

— Я думаю, вы в курсе также о таком явлении как конкурентная борьба...

Инженер нахмурился, но кивнул.

— То производство, что мы делаем, вышвырнет с рынка России некоторых наших европейских коллег. Или, как минимум, уменьшит им прибыли. Поэтому надо быть готовым к диверсиям и саботажу.

— Да с таким рабочими и целевого саботажа не надо. Сами всё по тупости своей природной сделают. — махнул рукой Савельев.

— Это понятно. Но нужно ещё и с этой стороны прикрыть производство. Поэтому, завтра к вам придёт один из наших специалистов. От меня лично. Зовут его — Кирилл Игнатьевич. Он поможет вам организовать всё как надо. И охрану территории, и слежение. В том числе контрразведку наладить против промышленного шпионажа.

— А это что за зверь, господа? — удивился Савельев. — От которого ещё и контрразведку налаживать надо...

— А вот это — уже вам Кирилл Игнатьевич расскажет.

* * *

Когда вернулись на корабль, каждый по-своему довольный и каждый по-своему задетый грубой реальностью долго молчали. Переваривали полученные впечатления. Наконец, Григорий вяло поинтересовался.

— А что такое ты замыслил начать производить, что говорил «имеет абсолютную ликвидность»?

— Пенициллин. — одним словом припечатал Василий.

— Он?!! Абсолютно ликвидный товар?!!

— А чего ты удивляешься? — в свою очередь удивился Василий. — Тут пока нет никаких антибиотиков. Я же тебе говорил. И по многим случаям пенициллин — панацея. Тута даже воспаление лёгких или банальная кишечная инфекция — почти что смертный приговор. Итого: захочешь жить — купишь. А так как в этой области никого ещё не было, то и мешать особо некому.

Григорий скорчил хищную мину и фыркнул

— «ИГ Фарбениндустри»! — бросил он.

— Чего?!

— «ИГ Фарбениндустри» нам тут же на хвост сядет. И постарается нас задробить. Они — химический концерн-гигант Европы... Впрочем, если я ошибаюсь и они ещё не образовались... Или ещё не раскрутились, то других химических концернов, производящих лекарства, для нас будет более чем достаточно.

Василий сник.

— Вот поэтому я и организую контрразведку. — продолжил, как ни в чём не бывало Григорий. — Кадры есть. Есть и откуда сманивать. Так что тут всё путём! Не дрейфь. Но готовым надо быть. Крокодилы ещё те!

Снова помолчали.

— Слушь, брат! — нарушил молчание Григорий. — А с этим твоим производством пенициллина, какие есть вообще трудности? Там, как я понимаю, химия?

— Ну... химия там есть. Но химия больше в других областях нужна. На аминазине, например. Так что и там есть одна неприятность, которая пока не решена.

— Кадры?

— Именно.

— Угу... Из тех долбокретинов, что мы сегодня гоняли, не наберёшь. Упорят всё «на раз».

— Но у меня есть идея, где набрать кадры.

— И где? — тут же встрепнулся Григорий.

— Ты не поверишь, но... на Бестужевских курсах! Поехали!

— Куда?

— На Бестужевские курсы. Договариваться. Увидишь что это.

Увидев, что Григорий несколько не понял, решил напустить туману и заинтриговать.

— Я знаю — тебе понравится.

Григорий не знал что это за курсы, пришлось Василию учинить небольшую лекцию на этот счёт. Тем более, что времени в пути было достаточно.

И начал Василий с заявления которое ещё больше углубило ту самую трещину в представлениях Григория, что возникла при близком знакомстве с рабочим человеком и их положением.

— Помнишь Софью Ковалевскую?

— Это которая математичка?

— Да. А знаешь, почему она училась за границей?

— Потому, что там лучше учили? — сделал осторожное предположение Григорий.

Получив оглушительную оплеуху от реальности в деле с рабочим человеком, он стал уже сомневаться во всём.

— Нет. В России поступление женщин в высшие учебные заведения было запрещено. Поэтому Ковалевская могла продолжить обучение только за границей. И поток баб на обучение за границей постоянно нарастал. Ясное дело, это не прибавляло никакой популярности России в глазах «просвещённой Европы». 1870-х годах правительство России наконец осознало, что необходимы действенные меры, чтобы русские женщины не уезжали учиться за границу.

20 сентября 1878 года эти курсы были основаны. Они долго юридически не приравнивались к университету, несмотря на то, что их профессора были те же и программы ничем не отличались от университетских.

Из соображений «за державу обидно» и из сочувствия к курсисткам многие профессора проводили лекции на этих курсах бесплатно. Среди них было очень много знаменитейших и по наше время профессоров и учёных: Сеченов, Бекетов, Лесгафт, сам Бестужев-Рюмин возглавивший курсы.

Преподавали также и профессора Петербургского университета А.М.Бутлеров, А.Н.Веселовский, Н.И.Кареев, Д.И.Менделеев, Е.В.Тарле и другие.

Система обучения была курсовая. Такая же как и у нас в наше время в ВУЗах. На курсы принимались лица, не моложе 21 года, представившие аттестат об окончании учебного заведения в объёме 8-ми классов женской гимназии, справки о политической благонадёжности и согласия родителей или опекунов. Последнее препятствие преодолевалось часто крайне предосудительным в те времена методом — фиктивным браком. Не потому, что все были такие сверхморальные. Но на «баб на курсах» смотрели с крайним осуждением.

— Да. Б..во в «высшем свете» тут процветает. — Саркастически заметил Григорий. — Как меня просветил один доктор, среди женских болезней в «свете», наиболее распространены «французский насморк» и сифилис.

— Именно. Так что не в морали было дело. А в том, какая смачная пощёчина всем дуракам: бабы ломаются получить высшее образование. И ПОЛУЧАЮТ! Не потому, что купили, а потому, что УМНЕЕ этих дураков!

И не только умнее, но и упорнее. Ведь стоят те курсы по нынешним временам немало. 50 рублей за год. Или 5 рублей за предмет для вольнослушательниц. Поэтому в 1878 году было учреждено для помощи этим курсисткам **«Общество для доставления средств Санкт-Петербургским женским высшим курсам»**.

Несмотря на то, что многим получение высшего образования давалось ценой больших жертв — экономить приходилось на всём, несмотря на то, что после четырёхлетнего образования они никакими преимуществами не пользовались, число женщин, желающих получить высшее образование росло.

Министерство же упорствовало — никак не хотело признать курсы полноценным университетом, и вообще чинило препятствия. Начались выступления курсисток. Вскоре они стали слишком активными и постепенно приобрели политический характер. В ответ на это прием на курсы был прекращен. Но после трехлетнего перерыва приема выяснилось, что стремящиеся к высшему образованию женщины хлынули за границу, в университеты Парижа, Цюриха и других городов. Опять облом! Русские женщины опять стали позорить Россию в Европе! Одним фактом обучения там, показывающим, что в России им учиться

невозможно! Да и не только это. В верхах поднялась тревога: талантливые умы покидали Россию. Более того, возвращаясь на родину, они привозили из Европы вольнолюбивые идеи. Последнее для царского режима было ещё хуже.

Министерство было вынуждено уступить и признать наконец Бестужевские курсы высшим учебным заведением с объемом образования, равным университету. Число уезжающих за границу сразу снизилось, а среди слушательниц появились даже иностранки.

Так как учатся там только те, кому реально приспичило, то плохих оценок у них просто не бывает.

— А нам что надо для дела? — закрутился Василий с рассказом. — Нам нужны грамотные химики. Сверхаккуратные. А кто у нас тут может быть сверхаккуратным? Женщины.

— Дай угадаю, кто тебя на эту мысль натолкнул. — ухмыльнулся Григорий.

— Очевидно...

— Дмитрий Иванович Менделеев?

— Конечно! Я ему только описал то, что мне нужно, так он мне тут же указал на эти «курсы».

— И мы сейчас едем нанимать волонтеров?

— Не только. Надо бы там тем курсам денег подсыпать... Думаю, что по договору с их Студоветом...

— У них и такое уже есть?!!

— Да. Только называется «Центральный орган». Будем финансировать обучение наиболее талантливых, плюс тех перспективных, кто просто беден.

— А как ты собираешься обойти неизбежное кумовство?

— А вот на это у меня есть кое-что!

Василий красноречиво постучал по саквою, чем ещё больше заинтриговал Григория.

— Там нас ещё будет ждать Иван Петрович Павлов.

— Тот который «собака Павлова и прочие психологии»?

— Тот самый. — Начал улыбаться уже во все зубы Василий.

Заинтригованность Григория постепенно переросла в нетерпение. Допытываться, однако, раньше времени Григорий не стал. Знал, что Василий, если решил — не ответит. Да и не интересно будет.

* * *

Возле солидного трёхэтажного здания Курсов их встречали. Некий энергичный человек в добротном сюртуке, шляпе по современной моде и несколько дам весьма молодой наружности. Последние от нетерпения даже слегка подпрыгивали.

Когда подъехали поближе, Григорий с трудом опознал во встречающем знаменитейшего физиолога. Правда, это было простительно, так как те портреты и фото, что были ему памяты, сделаны значительно позже 1900 года. Когда у великого учёного шевелюра поседела.

Уже когда сошли на мостовую, заметили, что Иван Петрович встречает их не один. По представлению, оказался председатель Совета Андрей Николаевич Бекетов. Этот учёный муж для Григория был неизвестен. Но, как потом пояснил Василий, оказался тоже довольно

знаменитым. Ботаником.

Стайка же барышень чуть поодаль, наблюдала приезд «высоких гостей» с круглыми-круглыми глазами. Такого раньше не было. Можно подумать, тут принцы крови притащились или там ещё какие представители ныне царствующей династии.

На правах хозяина Андрей Николаевич пригласил пройти в кабинет, где их ждали другие преподаватели.

В коридоры меж тем, сбежался, похоже весь контингент «курсов». Они жались к стенам, но внимание к гостям было такое же как и у встречавших на улице.

— Какие красоти! — разразился комплиментами на санскрите Григорий. — Я хочу здесь жить!

Брат усмехнулся и неожиданно предложил.

— А ты предложи руководству специальный курс для этих барышень — по самообороне без оружия. Бесплатный. Я думаю, что оценят.

Сказанное на незнакомом языке, ещё больше разожгло ажиотаж среди курсисток. Они явно ожидали нечто такого. Для них братья определённо были за ходячую экзотику. Причём того самого характера, что и до сих пор поминаемый, несмотря на пройденные года, принц Сиама.

«Может эти дамочки и на нас „зубы точат“?» — подумал Василий, пока шли по коридорам. Мысль была, в наличных обстоятельствах, весьма логичная.

После небольшого совещания с преподавателями, вышли к курсисткам. Точнее прошли в зал, где все собрались. Толпа студенток оказалась на удивление плотной и многочисленной. И, похоже, в зал набились далеко не все, кто хотел попасть. Стояли и в проходах.

После обязательных представлений и объявлений, которые произвёл Глава преподавательского совета, слово дали Василию. Он же с первых своих слов «взял быка за рога».

— Милые барышни! Идя навстречу Вашему стремлению получить высшее образование, мы решили...

Короткий кивок в сторону Григория...

— ...Пойти дальше обычного порядка найма работников из выпускников. Не только помогать тем, кто учится, но и заранее определять тех, кто хотел бы работать после окончания обучения у нас, или в смежных наших предприятиях. Также, мы решили совместить полезное с приятным и провести, совместно с уважаемыми профессорами Ваших курсов...

Уважительный и длинный поклон в сторону преподавателей.

— Небольшой эксперимент. Суть его: через новейшие разработки в области человеческой психологии, определить те области деятельности для каждого из участвующих в эксперименте, наиболее для него подходящие. Как по складу характера, так и по явным, а особенно по скрытым талантам.

Последнее вызвало небольшой шум и перешёптывания.

— Скрытые, даже от тех, кто ими обладает. Что немаловажно для их обладателей. Ведь часто, как убеждает наш опыт, о некоторых сторонах своей натуры, некоторых особых талантах люди не подозревают. И открывают их в себе лишь случайно. Впрочем, вы сами с этим сталкивались. Так вот наша система тестов как раз и предназначена для выявления таких скрытых талантов. Поэтому, даже если некая дама, прошедшая наше тестирование не

соизволит дальше работать у нас, она всё равно останется в солидном прибытке. Так как будет доподлинно знать самые сильные стороны своей натуры и области деятельности, в которой она заведомо добьётся лучших результатов, нежели где-либо ещё.

Сделав небольшую паузу, Василий продолжил.

— Так как для большинства результаты теста — дело сугубо личное, результаты будут знать только двое. Я, как обработчик результатов, и та, кто участвует. Выдавая результат теста участвующей в эксперименте, мы далее даём возможность поступать с ним как ей заблагорассудится — либо объявить всем о том, что там будет написано, либо просто выкинуть и забыть.

Какие последствия будет иметь тест вообще?

Тоже важный вопрос. По ним вы не только сможете определять области наилучшего приложения ваших сил, но и мы сможем сами выбрать среди вас тех, кому будет предложено работать на наших предприятиях.

Так как мы пока что только начинаем свою широкую деятельность, то можем предложить места работы пока на одном из предприятий. На нём нужны специалисты, хорошо знающие химию, владеющие химическим анализом, а также хорошо знающие такой раздел науки как биология.

Тесты проходить — дело сугубо добровольное. Мы предлагаем, вы можете выбрать или отказаться. Но в любом случае, заявки всех желающих далее работать у нас, будут рассмотрены. В рамках компетенции каждой.

В конце речи Василий мягко закруглился и с улыбкой осмотрел зал. На лицах курсисток читались очень противоречивые чувства. Главными были любопытство и страх.

В сущности, Василий предложил на курсах то, что далее рассчитывал ввести везде. Инструмент тестирования, он очень специфичный и часто неоднозначный. Но некоторые параметры личности он может определить достаточно хорошо. Если, конечно, адаптирован под среду, в которой проводится. Под среду, прежде всего, культуры народа.

К сожалению, такой адаптации проведено не было. Так что пришлось пользоваться только теми тестами, которые имелись. С надеждой провести впоследствии ту самую адаптацию. И так как научное сообщество Петербурга отнеслось к самой идее не просто насторожено, но с ярко выраженным скепсисом, то приходилось пока заниматься вот такой «самодеятельностью» — брать всю тяжесть первого шага на себя.

Расчёт был также и на Владимира Михайловича Бехтерева. Как одного из крупнейших в то время учёных-психиатров. Но в данный момент он отсутствовал.

За тесты для всех присутствующих говорил тот факт, что сами по себе экзамены и результаты проверочных работ в сущности тоже те самые тесты. И результаты по ним тоже кое-что показывают. Это Василий в своей речи тоже упомянул.

В случае же с тем, что предлагали братья — охват был более широким и это пугало.

Желая как-то разрядить обстановку Василий предложил задавать любые вопросы.

Зал оживился.

Сначала вопросов было немного, высказанных несмело, робко. Но потом, обнаружив, что «братья не кусаются», отвечают доброжелательно и исчерпывающе, они посыпались как из рога изобилия.

Под конец, же были такие, которые совершенно не относились к теме предстоящих тестов. И первый такой не относящийся, был на тему обучения летать на самолётах.

— Может ли женщина научиться летать на самолёте? — задала некая дама с вызовом во

взоре.

«Видно из тех, кого в Европах феминистками называют» — слегка улыбнувшись подумал Василий. Но ответил несколько уклончиво.

— Если есть на то желание, если женщина достаточно смелая, ловкая и сильная — то почему и нет? Почему именно так... Страх высоты всё-таки сильный инстинкт и его приходится преодолевать, прежде чем начать полноценно летать. Также требуется способность быстро принимать решения в необычных условиях. Эти препятствия одинаковы для всех, независимо от пола.

— А вы можете кого-нибудь из нас обучить летать?

— Конечно. — пожал плечами Василий. — Уже несколько дам на Первой Лётной Базе проходят такое обучение.

Данное заявление вызвало бурную реакцию зала. Шум улёгся с трудом. Но когда он улёгся, вылезла дамочка с сияющим взором, явно давно пытающаяся расхрабриться и ляпнула.

— А правда, что вы — Древние?

Аудитория онемела.

Василий бросил многозначительный взгляд в сторону Григория. Тот крепился еле сдерживая рвущийся наружу ржач.

Преподаватели же пребывали в некотором шоке. Они вот-вот могли выйти из него и довольно резко оборвать, так что Василий поспешил с ответом. Точнее с уходом от него.

— Гм! Это один из тех вопросов, на который отвечать бесполезно. Скажу я правду или ложь — всё равно будет много людей кто поверит и кто назовёт нас лжецами. Вне зависимости от того, что будет сказано — правда или ложь. Ведь проверить-то ответ невозможно.

Как это ни странно, но, вопреки опасениям Василия, участвовать в тестах вызвались почти все курсистки. Он не стал заморачиваться вопросом, чем вызвана такая смелость. Просто приступил к их проведению.

В сущности теста было два.

Первый — тот, который известен многим под названием IQ.

Второй — более специализированный и один из результатов которого отвечал как раз на тот самый вопрос — к какой профессии имеет наибольшую склонность тестируемый.

Уже после, когда собрались в кабинете преподавателей, Василий задал жгучий вопрос.

— А откуда этот странный вопрос про Древних? Мол — мы есть они?

— Да! Очень интересно! — поддержал его Григорий. — У меня вообще такое ощущение, что мы новости тут узнаём последними.

— А этому виной ваши книги, господа! — с улыбкой ответил Андрей Николаевич Бекетов. — А также, распространившийся последние недели, среди столичной интеллигенции слух, что на самом деле обещание того, что «Древние вернутся» есть намёк на то, что они уже здесь!

* * *

— Кажется наша кампания по бреду в прессе и книгах, начинает приносить плоды. —

Сказал Василий приглашая к обсуждению.

Некоторое время пожив в гостиницах и квартирах, братья поняли, что это пока не по ним. Так что большую часть они стали проводить именно на борту яхты. Не только «удобства цивилизации» их привлекали. Но и то, что в этом мире для них она стала чем-то очень родным.

И сейчас братья находились как раз в кают-компании яхты. А раз так, то и болтать на санскрите у них никакой необходимости не было.

— Меня смущает то, что... А не выльется ли вся эта мура в какую-нибудь шизу, сугубо враждебную нам? — Задал вопрос Григорий.

— Ты имеешь в виду ту дичь что творится в Европах?

— Её. А раз она связана по смыслу с нами, то и нам может тоже достаться. Могут кем-то объявить — и пиши пропало.

— Чем-то типа посланников Ктулху...

— Типа того. Не стоит ли нам перестраховаться?

— А что ты предлагаешь?

— А чёрт его знает! — несколько смятенно кинул Григорий. — Но эта опшизовка уже напрягает.

— А я думаю, что надо бы продолжать нагнетать. Раз начали. Тем более, что культки и культы подрывающие главную парадигму Запада множатся.

Григорий фыркнул.

— Опять ты завернул так, что хрен поймёшь. А чисто по-русски?

— По-простецки... — хмыкнул Василий, — там в Европах куча идиотов, что уверовали в Восток и его превосходство. А с такими идеями, с Востоком не повоюешь... Ведь ты знаешь, что сейчас в Китае восстание.

— Это которое «боксёрское»?

— Да. И там могут победить китайцы.

— Вряд ли. — мрачно заметил Григорий. — Для этого нужно, чтобы они были лучше вооружены и организованы. Или... те самые идеи должны проникнуть из элиты в массы.

— Но ведь управляет всеми этими войсками элита!

— А разве заметно, что они там уже начинают дёргаться из-за «комплекса европейской неполноценности»?

Василий усмехнулся.

— Классно ты ввернул: «комплекс европейской неполноценности»!

— Как умею! — оскалился Григорий.

— Надо бы его продолжать развивать...

— Ну... Я считаю, что наибольший эффект имело бы быстрое возвышение России. Ведь они нас за дикарей считают.

— А тут проблема в тотальной отсталости. Как экономической, так и вообще... Нам самим не верят. Ты это видел.

— Я видел в основном то, что нам не доверяют потому, что мы по понятиям «немчура»! — Припечатал Григорий.

— Смотря кто. И смотря где. — возразил Василий.

— Но я уже сейчас ощущаю сопротивление. Нарастающее. Нам как-то надс зарисоваться как свои в доску.

— Или как абсолютные авторитеты.

— Глашатаи Истины В Последней Инстанции! — тут же добавил Григорий и заржал.

— А почему бы и нет? Ведь уже самолёт сделали. Показали, что можем. И слова на ветер не кидаем.

— Угу. А тут ещё в книге написано что летали...

— Да. Сопряжено. Но... Недостаточно. Я тут помотался по учёным сообществам. И могу сказать, что нас до сих пор воспринимают как шарлатанов. Очень удачливых, но шарлатанов. Всё, что мы уже наболтали, так сильно расходится с текущими представлениями о мире, что нас попросту уравнивали с Блаватской и ей подобными.

— Но всё-таки! Объясни мне зачем ты так упорно пытаешься пробить себе этот «абсолютный авторитет»? Надеюсь не из комплекса неполноценности?

Василий рассмеялся.

— Конечно же нет! Всё банально. Суди сам. Мы хотим устроить тут техническую революцию. Она связана часто с такими научными представлениями, которые сейчас, по наличествующим представлениям — просто бред. Также нам надо достаточно большое количество как последователей, так и просто людей, которые бы не стремились нас перепроверять на каждой букве. А просто брали идеи, технологии и их осуществляли.

— А что, разве сейчас не так?

— ЕЩЁ КАК!!! — воскликнул Василий.

От избытка чувств он слегка потерял дар речи. Но когда сей дар к нему вернулся, Василий начал говорить очень эмоционально.

— Да куда ни сунься... — А я тут побегал по многим учёным... — везде выслушивают. Вежливо. А после: «Да-да! Очень интересно... Но знаете, у нас тут ДЕЛА...». И всё на этом заканчивается! Ведь почему Владимир Михайлович Бехтерев в Бестужевке отсутствовал? Именно потому, что не доверяет нам! Мы для него выскочки и шарлатаны. И будем ещё долго «выскачками и шарлатанами»! А без помощи таких людей нам ничего тут не поднять!

— А Павлов? Он же был.

— Павлов был только потому, что положился на авторитет Менделеева. И потому, что сам преподаёт в Бестужевке. А так мы и для него — тоже что-то типа шарлатанов. БОГАТЕНЬКИХ шарлатанов.

— Выход? — холодно спросил Григорий и Василий тут же сбросил с себя свои кипящие эмоции. Дальше он говорил также холодно как и брат.

— Выхода два. Первый — тянуть нововведения самим до тех пор пока предметно всё это сообщество не убедится что нам можно доверять. Можно доверять нашим технологиям и идеям. На примере конкретных достижений, продукции.

Второй — слегка подхлестнуть этот процесс. Но это должны быть достижения такие, чтобы идея, что сегодня дамочка из бестужевки высказала, приобрела статус уверенности. И для этого нужно нечто, что было бы воистину космических масштабов.

— Ты хочешь «подтвердить» легенду, что мы «летаем по звёздам»?

— Именно!

— И как ты это мыслишь? — саркастически заметил Григорий. — прокатиться до Луны и обратно? А разве наша яхта на такое способна?

— Нет. Не способна. Но ты кое-что забыл.

— Чито такое я забы-ыл? — заговорил тут же, на паданковом слэнге, Григорий. Но было видно, что он заинтригован.

— Айда! У нас тут есть время до вечера. Можем успеть.

— Это куда?!

— В Пулково!

* * *

Лишь когда появились купола, Григорий вспомнил о знаменитейшей на весь мир астрономической обсерватории. И начал догадываться о том, что решил учудить брат на этот раз.

Если судить чисто по внешнему виду, то обсерватория мало отличалась от того, что они видели ранее на фотографиях.

Подкатили к главному входу.

Хоть и был уже вечер, — солнце вот-вот готово было закатиться за горизонт, — можно было со всей определённости говорить, что тут люди работают. И работать будут ещё очень долго. Ведь главная работа астронома — ночью. И предмет изучения — небесные светила. И в основном те, что видны только ночью.

Встречал их небольшого роста мужичок в сюртуке. С аккуратной шапочкой на голове, с бородкой клинышком, как любили в советские времена, особенно в тридцатые годы, изображать учёных, запредельно далёких от жизни.

Мужичок не скрывал своего удивления настолько поздним визитом. Видать обычно «господа» в такую позднюю пору не шлялись по Пулковским высотам, тем более не заходили к странным и отчуждённым от окружающего бурления жизни учёным-астрономам.

А тут — сразу два богатея, да ещё настолько скандально знаменитых.

Видно чисто из уважения к недавним достижениям братьев, да ещё и исходя из надежды, что эти богатеи что-нибудь отсыпят от щедрот на нужды обсерватории, не позволило астроному просто сухо отшить несвоевременных визитёров.

А подготовка к «рабочей ночи», похоже тут шла полным ходом.

Мужичок назвался Аристархом Аполлоновичем Белопольским. От названного имени Василия тут же глаза разгорелись из чего Григорий понял, что это какая-то знаменитость. В будущем. Или, возможно, уже в настоящем.

Белопольский, раздираемый противоречивыми чувствами попросил пройти в его кабинет, чтобы выяснить с чем и для чего пришли сии господа. Но уже в самом начале беседы стало понятно, что он братьев, ни за коллег ни вообще за что-то серьёзное в науке не держит. А значит, собирается держать некоторую дистанцию. Это было видно настолько явно, что Григорий тут же поверил Василию до последнего слова. Ранее он склонен был валить всё на его излишнюю впечатлительность. Тут же, подтверждение всем его словам, сидело прямо перед ним и вело себя именно так, как предсказывал Василий.

Правда сам Василий, видно уже изрядно отчаявшись в своих заходах пошёл буквально напролом. Вероятно посчитав, что напор и натиск в данных условиях самая лучшая стратегия.

После первых же представлений и общих слов он перешёл в наступление. Упомянув уже сильно известную и скандальную в некоторых научных и околонаучных кругах книгу он перешёл к делу.

— Проблема в следующем: Нам не верят. Но у нас есть абсолютно достоверная

информация. — тоном не допускающим возражений заявил Василий.

— Какого вида, господа? Ведь у нас, как вы, господа, видите, не сыскное агентство, а астрономическая обсерватория. Мы, тут по части тел небесных, а не уголовных. — несколько насмешливо отозвался астроном.

— Так вот у нас, Аристарх Аполлонович, как раз именно астрономическая информация. И вы зря иронизируете.

— Очень любопытно! — деланно оживился Белопольский. — Комета? Новая звезда?

— Почти.

Василий достал толстый и увесистый томик «Древнейших цивилизаций» и осторожно положил его на стол. Для «весомости». Белопольский лишь глянул на обложку. И по его виду — несколько насмешливому (что он пытался всё-таки скрыть) стало ясно, что с её содержанием он знаком. И знаком, скорее всего по пересказам. Что, кстати, стало ясным из дальнейшего разговора. Почему Василий и решил оставить томик учёному.

— Мы исследователи. И кое-что нашли. И нашли в прошлом. Сначала — не поверили, но потом... Потом убедились предметно, что всё сказанное в древнейшем манускрипте не просто правда. Часть того, что мы узнали — Василий пододвинул в сторону Белопольского томик — здесь. Но это лишь то, что можно сказать для необразованной публики. Что-то типа, «вот, есть такая планета, которую ещё не открыли...» и так далее. Но реальное её местоположение на настоящий момент, параметры орбиты — это колонки цифр, в которых «широкая публика» не разбирается и разбираться принципиально не хочет.

— Вы, хотите сказать, господа, что у вас с собой есть те самые, «колонки цифр» с параметрами орбиты, местоположением новой планеты?

— Да. Вот здесь.

Василий достал папку и протянул астроному. Тот открыл и бегло просмотрел.

— Это астероиды?

— Но все они находятся между орбитой Нептуна и внешним астероидным поясом, ещё один из остатков творения нашей Солнечной системы, как и кометное облако.

— Между орбитой Нептуна и ЧЕМ?!

— Эхмм... Пояс преимущественно мелких объектов, в основном из метанового и водяного льда, между тридцатью и пятьюдесятью пятью астрономическими единицами тоже ещё не открыт, что ли? — Сконфуженно пробормотал Василий и тут же поспешно добавил. — Тогда простите, можете считать, что я ничего не говорил...

Белопольский вздёрнул бровь и посмотрел поверх папки на Василия.

— Даже так?

В его словах сквозил неприкрытый скептицизм.

— Это отдельная тема. — постарался уклониться Василий. — Но там первым номером стоит планета. Мы её называли Плутон. И вы её очень легко найдёте, так как мы её нашли вполне самостоятельно. Она имеет звёздную величину достаточную, чтобы можно было найти в небольшой телескоп. А вот остальные — тут только ваш астрограф поможет.

— Вот этот... Первый. Значит, вы утверждаете, что его открыли... И называли. — сощурившись выговорил Аристарх Аполлонович, читая таблицу на первой странице папки.

— Да. И нам нужно подтверждение этого открытия. Конкретно этого. Остальные планеты можете «открыть» сами.

— Но тут... — Белопольский пролистал папку и посмотрел в конец нумерации. — Тут больше сотни!

— В манускрипте было больше. Но, к сожалению, часть его утеряна. — сделав трагическое лицо сказал Василий.

— И что это за манускрипт? — проявил вялый интерес Белопольский.

— Золотая фольга вместо листов. Буквы и цифры выдавлены. Был спрятан (и очень хорошо) в древнем индийском храме. В тайнике. Мы его обнаружили случайно, так как там часть стены обвалилась и открыла его. Но, как я говорил, часть листов этого манускрипта утеряна. И, судя по тому, что там написано, утеряна очень давно.

— И какова судьба этого манускрипта? Точнее его уцелевшей части? — спросил Белопольский, видно, приготовившись к длинной и завиральной истории. Но Василий его разочаровал. Ограничился кратким сообщением.

— К сожалению, мы его не уберегли. У нас его украли. И переплавили в слитки. Дс того, как мы добрались до похитителей.

Белопольский не сдержался и с сомнением хмыкнул.

— Мы понимаем, что всё это выглядит как очень сомнительная история. Но, думаю, что конкретные открытия, конкретных планет вас убедят.

— И вы уверены, что эти открытия будут?

— Да, уверены. Кстати, есть совершенно дикие данные, по спутникам больших планет. Но мы не уверены. Также в том манускрипте утверждается, что у Юпитера есть очень слабое кольцо. Типа как у Сатурна, но маленькое. В плоскости экватора. У Урана — пять колец.

— А в чём сомнения?

— В правильности перевода. Цифры, как мы убедились, перевели правильно. А вот остальное — тут уже сложно.

Лицо Белопольского уже откровенно выразило крайний скептицизм. Предвидя это, Василий перешёл уже к совершенно иным предложениям.

— Конечно, мы понимаем, что вы сильно загружены работой. И поэтому, чтобы не быть уж совершенно... как это по-русски... Дармоедами?... Мы хотим оплатить Вашу работу. Полностью. И даже готовы, по Вашему указанию, купить астрономический инструмент. Тот, который вы укажете. В Европе.

Предложение взятки было явным. На что учёный лишь рассмеялся.

— Ну, господа, если вы решили заняться благотворительностью, то это не ко мне, а к директору.

— Но вы за эту работу как... берётесь?

— Вы меня заинтриговали, господа. И могли бы не предлагать деньги. Для астронома, новая планета многого стоит. И не в деньгах тут дело.

— Мы понимаем!

— Кстати, о брате! — внезапно включился в разговор Григорий. — Извините, что вмешиваюсь, но он великий скромник. И он, не сказал главного. Он сам учёный. Имеющий некоторые труды в области физики и, что вас обязательно заинтересует в области астрофизики. И если не ошибаюсь, у него была небольшая работа связанная с объяснением пульсаций цефеид. Так что вы его просто так не отпускайте.

— А вот это ещё более интересно! — оживился Белопольский.

Василий знал, что Белопольский как раз цефеидами и занимается в настоящее время. И чисто научная работа в этой области могла его убедить в том, что братья таки учёные. А не «просто погулять вышли».

А это всё могло послужить дополнительным стимулом для поисков тех самых планет и

планетоидов.

То, что Плутон будет открыт в этот же вечер Василий не сомневался. Координаты были точными.

А дальше... Энтузиазм астрономов довершит всё.

Глава 16

«Наследие предков»

Извозчик подрёмывая вёл свой экипаж по ночному Петербургу. Уже зажглись фонари, но прохожих на тротуарах города не убавилось. Жизнь продолжала бурлить. И даже несмотря на то, что день был очень насыщенный, братья подумывали куда бы ещё завернуть.

Не в смысле «напиться-нажраться». А развлечься.

Для этого нужен был «салон». Но, что-то не припоминалось такого, который бы собирався именно в это время.

— Разыграли как по нотам! — сказал Василий довольно. — И ты вовремя вставил прс цефеиды.

— Как просил — так и вставил. — пожал плечами Григорий, продолжая осмыслять то, что увидели.

Заметив, что брат пребывает в мрачной задумчивости, Василий поспешил слегка сменить тему, догадавшись о чём тот думает.

— Как видишь, нам не доверяют. — припечатал Василий. — И вот такое отношение я сейчас встречаю везде. Что-то протащить из «новья» невозможно. Мы — чужаки. И всякие наши сверхновейшие типо-разработки этих снобов не интересуют. Тем более, что часто они за гранью их представлений о мире. В области «это невозможно» или «вообще бред».

— АИшки-АИшки... — задумчиво выдал Григорий мерно барабая пальцами по подлокотнику. — это только в дурных АИшках тока пришёл, так тут же тебе в рот заглядывают и спрашивают «что изволите» чтобы немедленно бежать, сломя голову, исполнять...

— Ну... На СИ много дураков обретается...

— Мы сами такими были! — ехидно усмехнулся Григорий.

— Не торопись! — мрачно возразил Василий. — Как только я себя начинал считать «умным», реальность тут же подсовывала очередную подляну. Вся наша деятельность тут — сплошной танец на граблях.

— Неужели мои тараканы... — хихикнул Григорий.

— У меня свои. — ещё более мрачно сказал Василий. — А реальность оказалась гораздо хуже, чем я представлял. Не только у тебя...

— Вот-те раз! А я думал, что это только я тут такой олень! — заржал брат. — И какие тараканы, если не секрет, у тебя обнаружились?

Василий болезненно поморщился. Посмотрел с сомнением на ухмыляющуюся физиономию брата, не решаясь продолжать. Но Григорий не дал ему ускользнуть от ответа.

— Давай-давай! Колись!

— Ну... — замялся Василий. — Нас там наши красные, убеждали что рабочие все такие «сознательные»... Типо классовое сознание и те де и те пе.

— ...А оказалось, что быдло! Бу-га-га-га! — закончил за него Григорий и заржал.

Василий посмотрел на него с осуждением и тот поспешил заткнуться.

— Всё! Молчу! — примирительно замахал руками Григорий. — Продолжай.

— Ну... Словом... Я понял тут одно: для «классового сознания» тут нужно длительное целенаправленное просвещение. То, которое делают сейчас большевики.

— А иначе их же будут воспитывать в противоположную сторону — в сторону

быдлчества и рабов. Злые буржуины. — Тут же закончил, не выдержав Григорий. Но Василий и не подумал возражать. Только кивнул.

— Но тогда получается, что вся «МРАКсистская» теория летит к чертям? — задал риторический вопрос Григорий.

— Получается так... — обречённо выдохнул Василий.

— Получается, что для того, чтобы их планы осуществились, чтобы «рабочий класс» стал «рабочим классом-по-теории», нужны целенаправленные усилия... Кого?

— Передового класса. Интеллигенции.

— Нда? А то, что большинство этой самой интеллигенции сами по себе такое же быдло, которое один в один сплошь «Плохиши»... Спят и видят как угодить тем самым буржуинам...

— Но ведь другие... Те, кто сделал революцию... Они ведь были из интеллигенции.

— Вот! Я о чём и говорю: вся эта «классовая теория» — фуфло!

— Но ведь они как-то сделали! — не сдавался Василий.

— Пропаганда и агитация. Ты сам это часто повторял. Ещё тогда. — напомнил Григорий.

— Тогда получается, что массы делают тем, чем они являются — Идеи!

— ... И ты сам же говорил, что «Идея, овладевшая массами становится материальной силой». Кажется это Володька Ульянов сказал...

— Не важно... Но всё равно. Что нам делать сейчас? Уже ясно, что мы вдвоём тут ноль без палочки. Со всеми брюликами.

— Работать с массами. Интеллигенции! — нагло выдал Григорий, прекрасно осознавая комизм ситуации. Ведь то, что он только что выдал, должен был говорить именно ему, и именно Василий.

— Но... Если мы станем резко марксистами — нас заметут. И на этом всё закончится. Мы ничего не сможем построить. Сделать. Открыть.

— То есть — пшик. И заметь, что ты сам только что признал: «марксизм-фуфло!».

Василий поморщился. Для него марксизм был чем-то типа религии. А тут — крушение иллюзий. Причём очень жестокое.

— И что ты предлагаешь?

— Да свою Идею создавать и толкать! — ещё более нагло заявил Григорий.

Василий поднял бровь ожидая продолжения.

— А, собственно, нахрена нам что-то создавать, если она у нас уже есть?!

— Это какая?!!

— Древние... — тихо, и как сам-собой разумеющееся выдал Григорий.

— Ты...

— Нифига!

— Данунах!..

— Нифига!

— Поясни. — Сдался Василий.

— «А хрен-ли нам, кабанам!» Мы хотим построить совершенный мир, в отдельно взятой стране? И фигли мы паримся? У нас уже есть железобетонная основа для «Живого Примера». Ведь если кто-то знает, что это было сделано и сделано успешно, то...

— ...Надо всего-лишь повторить! — закончил за него Василий.

— А значит...

— «АНЕНЕРБЕ»! Российское! «Наследие предков»!

— В масть! — с энтузиазмом поддержал Григорий.

— Тока без «врилей» и прочего бреда! — тут же очень серьёзным тоном отрезал Василий.

— Да у нас и так... Вся «система» — сплошной бред... — в пространство кинул Григорий.

— А вот нифига! Без бреда! — решительно отсёк Василий. Было видно, что он уже включил мозги на обработку идеи.

— Но... то, что мы уже наплели... Ты прав! — примирительно закончил он. — придётся оставить.

— И делать на его основе. — оскалившись закончил за брата Григорий. Эта идея как нельзя лучше соответствовала его хулиганской натуре, воспитанной на тоннах перечитанной фантастической литературы.

* * *

В Петербургском охранном отделении, об этой хитроумной придумке знали всего лишь двое. Не считая, конечно, исполнителей. Владимир Михайлович с удовлетворением пододвинул к себе папку с докладом, и приготовился к «раскрытию тайн». Эти двое «из ниоткуда» очень сильно занимали последнее время его и его штат. Ведь после успешного полёта, причём не одного а нескольких, ими внезапно заинтересовалась Высочайшая Коронованная Особа.

Пока что у Николая Александровича не возникало шальных идей пригласить на приём этих двух.

Но рано или поздно, при такой активности, которую развили братья Эсторские, желание возникнет. И к нему надо быть готовым. Пока-что охранное отделение, Владимир Михайлович к своему стыду мог это признать, терялось в догадках что это за люди и какую линию поведения с ними выбрать.

Любые наведения справок по этим двум упирались в один факт: до определённого момента, про них никто не знал и даже не подозревал об их существовании. И тут вдруг — вот они! В Европе. И далее, и далее, и далее...

Да ещё этот их язык. Почти никому не известный.

Хорошо, случай помог — слух пошёл из среды санскритологов и лингвистов. Дикий слух. И по нему удалось выйти на тех, кто этот язык знал.

Но о прямом использовании для слежки этих господ даже речи не могло идти. Слишком уж приметные они.

Приказать выучить филерам их собачий язык?! Это нужно время.

И тут заместителю пришла в голову гениальная идея. Послать следить за ними одного человечка. Давно уже бывшего на примете у Охранки. Главное качество которого было — абсолютная память.

Вот тут-то дело таки пошло.

Слухач — слушал и запоминал. После, пересказывал ничего не понимая что услышал знатоку-лингвисту. А вот уже лингвист переводил.

И вот перед ним результат. Папка с расшифровкой бесед. Тех, что удалось подслушать.

«Интересно... это почему у секретаря, готовившего папку такое удивлённое лицо? — подумал Владимир Михайлович, постукивая указательным пальцем по обложке пока ещё закрытой папки. — Хм! Уж не принадлежат ли эти господа Эсторские действительно к какому-то из Великих Домов? Ну что же... Посмотрим».

Владимир Михайлович открыл папку и, для начала, просмотрел содержание. Папка оказалась толще, чем он ожидал. Хорошо подчинённые поработали! Много материала.

В перечне значилось что-то из науки и истории. Якобы высказанное братьями...

«Пока отложим» — кивнул своим мыслям начальник Охранки.

Ещё — круг знакомств.

Это уже интересно. Но тоже отложим. Хотя сам перечень внушает... Как уважение, так и подозрения. Есть господа, которые уже замечены в неподобающих высказываниях и мыслях.

А вот и расшифровки бесед.

Ага...

Ресторан... Салон... Университет... Ещё...

Начальник углубился в чтение.

Он знал, что братья — необычные. И где-то как-то был готов к чему-то эдакому. Но то, что он увидел, превзошло все его самые дикие ожидания.

Вскоре он поймал себя на мысли: «Или я с ума сошёл, или мои подчинённые, или у этих братьев „не все дома“!».

Покачав головой он продолжил чтение.

Спустя час, начало копиться раздражение. Братья настолько сильно выбивались из шаблона, к которому он привык, что хотелось запустить в кого-то чем-то тяжёлым. Например, в составителей этого.

Но они-то тут причём?

Владимир Михайлович, пробежался ещё раз по расшифровке беседы между братьями и особой, назвавшейся Юсейхиме. Посмотрел в описания, якобы знаний, которыми сыпали братья. В краткий пересказ их книг и окончательно разозлившись, отпихнул от себя раскрытую папку.

Братья вели себя как настоящие сумасшедшие. Такие, которых без надежд на выздоровление помещают в тихие заведения. За городом. Под присмотром дюжих санитаров.

Но как тогда быть с тем, что этот... как его... самолёт-пепелац, они таки сделали! И летает, каналья! Хорошо летает!

К тому же, в общую схему с их сумасшествием не укладывался факт, что они ВОТ ЭТО скрывают разговорами на неизвестном языке... Впрочем, не неизвестном. Малоизвестном для специалистов.

Если бы они были бы теми самыми сумасшедшими... Классическими... Они бы этот бред орали на всех улах. По русски, коли его знают. Ну, или там по-французски, по-английски, немецки...

Но не так, чтобы истинный смысл сказанного был бы известен только знающим этот проклятый язык!!!

Следовало всё это очень тщательно обдумать.

Владимир Михайлович, сложил руки на груди, отодвинулся от стола и с омерзением на лице погрузился в тяжкие размышления.

Первое, что следовало из документов, перевод был скверный. И больше не потому, что

знаток языка был посредственный, а потому, что «слухач» говорил то, что услышал. И если он услышал плохо, то говорил то, что различил. Отсюда неопределённость перевода. И как назло, самый скверный перевод — со встречи всех троих в ресторане.

Ведь явно было — встреча важная. Самая важная из всех, что были до этого и пока есть после.

Второе и по порядку. Первая же фраза, чётко услышанная — некий «Управляющий центр миров». Что это за организация и где она находится? Хорошо, если не в России — одной головной болью меньше. Но всё равно остаётся вопрос — где он и каков его характер? Какая из держав его создала и для чего? Или это очередная масонская ложа, которые сейчас лезут как сорняки после хорошего дождя?

Жаль, что слухачу не удалось расслышать следующие реплики этой молодой особы по имени Натин, что-то поясняющие на этот счёт.

Дальше идёт вообще какая-то чушь.

Ну, Арканар — это, возможно некий город или... организация? Опять непонятно! Не братья принадлежат этому Арканару. Или выходцы из него. И, что самое паршивое, никаких упоминаний никто так до сих пор об этом Арканаре больше не добыл. Даже намёков. Но фраза, хоть и переведена коряво, логически увязывает этот «Арканар» и то, что братья имеют какую-то очень хорошую подготовку (Знание?), полученное в этом «Арканаре».

Дальше идёт некий смерч. Причём упоминается некое «над(сверх?)пространство». Причём это здесь? Да ещё в смысле «корабль, проходящий через это „над(сверх?)пространство“...» причём с увязкой, что могло порвать в клочки! И где, в какой области мира такие смерчи бывают? В Северо-Американских Соединённых Штатах?

А что! Вполне возможно. Оттуда сейчас чего только не вылезет. Бандиты, авантюристы всех мастей...

Но что интересно — далее идёт речь о целях всех троих здесь. И говорится что-то о «приближающих совершенство».

Масоны?

Опять они! Как они надоели!!!

Однако дальше идёт какой-то трёп на какие-то запредельно сложные «высокие материи». Переводчик явно ничего не понял, хотя, как видно из пометок, много раз переспрашивал у слухача.

Какие-то «мёртвые зоны», «отрицательные зоны». Но что понял, то и записал. А записано... БРЕД!

Натин Юсейхеме — желает попасть «домой». Но для этого зачем-то нужен... «корабль летающий среди звёзд»!!!!

И эти трое говорят об этом корабле как о само собой разумеющемся и чем-то вполне обычном! Это ли не бред?!

Но... Что тогда говорить о содержании их книги «Древнейшие цивилизации»? Может они и есть Древние? Потомки тех самых? А тут просто пытаются скрыться? От кого? Зачем?

Нет! Бред! Уже сам бредишь. От одного только соприкосновения с этими сумасшедшими.

Ой как плохо!..

А ведь весь их диалог — на грани или вообще за гранью бреда!

Владимир Михайлович, окинул все доклады и тяжело вздохнув, сосредоточился-таки на анализе, кляня весь свет, чертей и ангелов за то, что в этом бреде приходится разбираться.

Говорится о некоем мире-княжестве «Аттала». Откуда, якобы произошла Натин и где некоего... ВАМПИРА спасла и вылечила... от вампиризма! Жуть.

Если правда, конечно.

Но эти — воспринимают как само-собой разумеющееся. Да ещё упоминают болезнь, которая «болезнь королей». И тоже в контексте, что лечится.

Гемофилия лечится?

Если бы не чудо-лекарство, недавно появившееся в больницах Петербурга, как «экспериментальное», да ещё из рук этих братьев, можно было бы списать на тот же бред.

И снова: фантастические вещи из рук этих двоих, прямо наталкивают на мысль, что и всё, что здесь написано — правда.

Самолёт-пепелац обещали? Сделали! Летает!

Чудо-лекарство, спасающее от воспаления лёгких обещали? Оно есть! И готовится выпуск массовый. Делается завод!

Странное лекарство, якобы лечащее безумие... Тоже есть! Вот доклад.

Произведена малая партия в лаборатории. По технологиям, предоставленным братьями Дмитрию Ивановичу Менделееву.

Да, он делал не всё своими руками. А руководя группой, на оборудовании и в лаборатории оснащённой этими братьями. Но... вот есть и сейчас испытывается. В больнице Питера. И говорят, что уже есть очень обнадеживающие результаты.

«Экспериментальная малая партия»... «Готовится промышленное производство»...

Если бы не сомнения, что всегда гложут, эти братья — та самая курица, несущая золотые яйца. Для Империи!

...Но что тогда делать со всем этим бредом?!!

Что делать с этими «кораблями, летающими между звёзд» и на котором братья прибыли на Землю и которые «прибудут в будущем, чтобы забрать братьев обратно»?!!

Что делать с упоминаемыми как само собой разумеющееся «Миром Аньяны», и вообще «родственными мирами»?!!

Да ещё в контексте, что эти трое по мирам шастают как по бульвару?!!

Неужели то безумное предположение, которое высказано было в среде лингвистов, а далее как эпидемия инфлюэнцы расползшееся по столице — верно?

И они реально... ТЕ САМЫЕ ДРЕВНИЕ?!!

Но каковы их цели здесь?

Что ожидать от них?

Что однозначно, — до Государя их сейчас допускать ни в коем случае нельзя! Даже если эта какая-то безумная игра разведок Держав — всё равно нельзя... И тем более нельзя!

И ведь беда! Государь ими положительно очень сильно интересуется. Прочитал эту их безумную книгу... Что делать, когда и слухи, только-только начавшие распространяться по столице, дойдут. С его-то жгучим интересом к мистике!

Как бы не получилось так, что братья обретут над ним, над его мыслями крайне нежелательную власть! Этого никто не простит. Особенно великие князья.

А уж тогда... Тогда Туруханский край или Камчатка — раем покажутся.

Но...

А вдруг это действительно те самые Древние?!

С оружием, уничтожающим адским пламенем целые города, опустошающим континенты. С оружием воистину Апокалипсиса! Звёздные империи, для которых самая

передовая Европейская держава, всё равно что дикари-индейцы с луками и стрелами против ружей и пушек...

С их «кораблями летающими меж звёзд» и прочим!!!

Начальник Охранного управления резко встряхнул головой.

«Нет! Вы переутомились, Владимир Михайлович! — сказал он сам себе. — Надо бы отдохнуть. Иначе всё это безумие... Оно ЗАРАЗНО!»

Он резко закрыл папку и отодвинул её в сторону, пытаясь привычным усилием воли привести мысли в порядок.

«Но то, что братьев Эсторских в нынешних обстоятельствах подпускать к Двору ни в коем случае и ни в какой форме нельзя — однозначно!» — сделал он вывод и хлопнул по закрытой папке ладонью.

* * *

О выводах, сделанных относительно них, в Охранном отделении, братья, естественно, не знали. Да и не было им дела до царя и их придворных. Василий знал о «качествах» нынешнего «венценосца», а Григорий, набив шишек на текущей реальности, тихо догадывался.

Тихо, потому, что хмуро.

А хмуро, потому, что жалко было расставаться с любимым мифом РКМП. Он был такой красивый... После пары столкновений с высшими сановниками они, по молчаливому согласию, сами не лезли «наверх». Василий с удовлетворением, а Григорий с тяжким вздохом прощания с ещё одним своим «тараканом», обнаружили, что почти все они если не поголовно, больны всё той же болезнью, хорошо знакомой им по «родным временам». Взятничеством, стяжательством и патологической ленью.

На благо державы и короны, этим сверкающим упырям было глубоко начхать. Главное для них — толщина собственного кошелька, табуны лошадей в конюшне, несметные своры собак... То, чем можно было похвастаться перед другими.

Василий был удовлетворён тем, что хотя бы тут было всё так, как он себе представлял (кое в чём он ошибался, но с этим ему предстояло ещё разобраться). Григорию же хотелось в этом «гадюшнике» найти хотя бы пару вменяемых, умных и честных (лучше бы у брата спросил где искать).

Но подоспели совершенно иные проблемы и о высшем свете пришлось временно забыть.

А проблема, которая вот тут прямо сразу всплыла, была настолько тривиальная, и настолько гнусная, что хотелось выть. И заключалась она в том, что грамотные кадры, — где бы они ни искались — кончились. Планов громадье, которое наворотили братья, упёрлось в банальное отсутствие тех, кто мог бы их осуществлять.

Василий ещё осенью поступил очень дальновидно, что вышел на Менделеева. Собственно выход был спонтанный — через Воздухоплавательный парк, которому помогал великий учёный. Дмитрий Иванович был человеком хоть и не простым в общении (кстати, для некоторых современников он представлялся чуть ли не мизантропом), но всё-таки патриотом и человеком очень сильно увлечённым своей наукой — химией.

И когда Василий пришёл к нему с просьбой вывести его на химиков, более-менее

грамотных студентов, людей, которые бы могли далее работать на организовываемой фармакологической фабрике — Дмитрий Иванович, тут же обеспечил его несколькими людьми. Тем более, что перед этим, выполнил хороший заказ на синтез некоего лекарства. Как потом для него оказалось — лекарства для лечения сумасшедших.

Менделеев был скептиком, но когда из больницы Санкт-Петербурга, от врачей начали приходить восторженные отзывы, сменил своё мнение.

Были и другие заказы. Например, на очистку некоего вещества с его стабилизацией. Технология была описана очень подробно. Так что весьма скоро Дмитрий Иванович утвердился во мнении, что братья люди очень образованные и серьёзные. Чепухой не занимаются, и его любимую химию очень уважают.

Но... На этом все быстрые успехи братьев закончились.

Набор на Бестужевских курсах дам, которые имели представление о химии, также не спасал положение. Уже простейший подсчёт необходимого количества грамотных кадров — даже просто грамотных — приводил в уныние.

Тут ещё всплыло обстоятельство, называемое **«О сокращении гимназического образования»**. Или, как его называли в народе, **«Циркуляр о кухаркиных детях»**. Изданный ещё в 1887 году министром просвещения Российской империи графом И.Д. Деляновым.

Доклад рекомендовал директорам гимназий и прогимназий при приёме детей в учебные заведения учитывать возможности лиц, на попечении которых эти дети находятся, обеспечивать необходимые условия для такого обучения; таким образом *«гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию»*.

Доклад был составлен на совещании министров внутренних дел, государственных имуществ, управляющего министерством финансов и обер-прокурора святейшего синода Российской империи и опирался на воззрения К.П. Победоносцева о необходимости «остудить» российское общество, ограничив передвижение из «неблагородных» слоёв населения в разночинцы и студенты, основную движущую силу революционного подъёма предшествующих лет.

В циркуляре не содержалось каких-либо инструкций по отчислению уже учащихся в гимназии представителей низших слоёв общества, однако имеются сообщения, что такие отчисления имели место.

Так что даже если набирать кадры из выпускников реальных училищ и гимназий — всё равно будет очень сильно не хватать. Хотя бы потому, что наиболее грамотные, успешные, тут же расхватывались. Да и вообще, большинство шло на госслужбу, поступало в университеты. Идти в услужение фабрикантам, да ещё таким как братья Эсторские, уже прославившимся в обществе крайне странным поведением, желающих было мало.

И это обстоятельство мало менял тот факт, что братья были первыми людьми, поднявшимися в воздух на летательном аппарате тяжелее воздуха. Создателями самолёта.

Более того! Как ни странно, но это обстоятельство, в глазах многих было даже «отягчающим вину обстоятельством», так как по их мнению, «свидетельствовало о ветренности и непрактичности господ». То, что создавалось производство лекарств, да ещё таких невиданных как аминазин и пенициллин, люди не знали.

Да и знать не хотели...

Как всегда — пока не припечёт.

Да даже если и припечёт, то кого они будут в первую, вторую и прочие очереди славить и благодарить за спасение от смерти?

Врача?

Производителя лекарства?

Того, кто это лекарство открыл?

Нет!

Бога они будут благодарить.

А всё остальное их не касается.

А кто же будет реально благодарить за лекарство?

Тот, кто понимает и знает.

Как раз те самые врачи, которые ранее с бессилием и отчаянием наблюдали, как гибнут их пациенты от простуд, горячек и прочих инфекционных заболеваний, а сейчас получили, наконец, в руки реальное средство спасения пациентов от гибели.

Как оно часто водится, все средства для изменения положения хотя бы в этой области, лежали рядом и под носом.

И реальность избрала довольно прямолинейный способ ткнуть братьев в это обстоятельство.

То, что должно было стать «Фармакологической фабрикой», на настоящее время представляло из себя нечто сараеподобное. Хоть и каменное.

Внутри всё было тщательно вычищено, вымыто и продезинфицировано. Несколько помещений, изолированных по возможности, друг от друга представляли собой отделы, где производилась та или иная технологическая операция. И на каждую из них нужны были свои люди, соответственно обученные.

Культура производства была тут такая, которая ранее и не снилась никому из «аборигенов» даже в самых фантастических снах. Вот для этого и понадобились именно бестужевки. С прочими гимназистами и «реалистами». Потому, что именно они были хотя бы морально готовы к предъявлению таких требований.

Гимназисты и реалисты, были те ещё. Чаще всего или выпускники или те, у которых отчаянно не хватало денег на жизнь и учёбу. Последнее обстоятельство, решили исправить «на ходу». Недоученные гимназисты и реалисты, получали гарантию будущего места работы, если продолжают учиться на месте. И не филонят.

Половину дня они работали на смене, а после, — вторую половину, — садились за парты.

Как ни странно, но это им очень сильно нравилось. Когда же спросили чем нравится, братья очень долго смеялись — не нужно было учить латынь, греческий. А только один язык по выбору. Либо немецкий, либо английский. Также не было и «Закона божьего»(на отсутствие которого тоже почти все балбесы жутко обрадовались), на которое братья просто махнули рукой, объявив, что если православный и добропорядочный — сам выучится, а у них, мол, на это денег нет и вообще помещения.

Помещения были. Просто обоим братьям-атеистам было в жабу тратиться на засиживание мозгов своих будущих и нынешних работников всякой не нужной для работы и будущего мутью. К тому же они прямолинейно заявили, что В СВОЁМ(они это обстоятельство

тщательно подчёркивали) учебном заведении, учат только тому, что непосредственно должно понадобиться для работы на фабрике. А остальное, в том числе и официальные аттестаты, их не волнуют.

То, что программы не соответствовали имперским, их тоже не волновало. Они просто раздали учителям переведённые на «настоящий русский» свои же учебники физики, химии и прочих нужных предметов, убрав оттуда исторические сведения, что после 1900 года. Оставив для затравки некоторые сведения, которые наука современности ещё не открывала. Последнее — из чистого издевательства над наличной реальностью и теми, кто будет интересоваться с дурными целями. Да и с целью поиздеваться над ретроградами и консерваторами из современных учёных. Это же служило ещё и для подготовки почвы под «Наследие Предков».

Кстати, то, что братья ввели химию в изучение своими «гимназистами», было довольно необычно. Химии в перечне предметов для гимназий не было.

Правда, тем учителям, что этот предмет преподавали, приходилось объяснять всё «на пальцах», так как лабораторию для учебных целей пока невозможно было организовать — всё пошло на производственные нужды. А для всего остального — когда ещё из Европ прибудет, или здесь же произведено будет?...

Всё делалось в нынешние времена весьма неспешно. Это братья постоянно спешили. Зная, что предстоит и стране и миру в ближайшем будущем.

Что ещё было введено — построили из брёвен рядом столовую. Где кормили обедами своих работников. Ясное дело эта мера была прежде всего для школяров. На последнее, так как кормили по тем временам, очень прилично, все работники взирали «квадратными глазами». Что также способствовало всемерному прилежанию во всех областях деятельности на фабрике. Такую работу потерять — потом вся Рассея будет смеяться над идиотом.

Хоть и было в подчинении нанятых на работу инженеров и учителей совсем немного людей, но слухи о необычных нововведениях на фабриках братьев Эсторских поползли по Петербургу.

И что совсем поразило братьев, нововведения резко испортили отношения с другими фабрикантами. Да, сами обыватели, на все те нововведения смотрели как на фантастическую, безумную блажь. И никакие объяснения рационального характера не принимались.

Фабриканты же, также невзирая на элементарные объяснения, хмурились, так как считали данный пример провокацией для своих же работников.

В тот день Василий явился на фабрику, чтобы провести общее собрание работников и поставить перед ними новые задачи. В ближайшее время приходило новое оборудование, и его надо было не только установить, но и проверить, прочистить и так далее. Также была мысль, самых толковых из работников, кто проявлял некие таланты в области химии и прочего — начать потихоньку готовить к более серьёзным вещам — пока секретным даже от тех, кого предстояло готовить. Так что всем работы резко прибавлялось.

И вот, во время собрания, Василий обратил внимание, что одна из «бестужевок» находится в крайне подавленном состоянии. Она рассеяно слушала, что говорится. Её мысли были заняты чем-то, что явно её очень тяготило.

Заметив это, Василий тут же прицепился. Что случилось и что такое. Поначалу, студентка сильно отнекивалась, но потом, будто собравшись с духом поведала, что у неё серьёзно заболела мать. Так как на дворе уже было начало декабря, то чем заболела, можно

было догадаться с большой вероятностью.

— У неё простуда?

Девушка опустила взгляд и мелко закивала, как будто это какая-то великая вина.

— Воспаление лёгких?

Снова торопливые кивки опущенной головой.

— Не чахотка?

Опять кивки.

— Ясно! А почему раньше нам не сказала? — удивился Василий. — Разве я не говорил, что за лекарство мы производим?

Студентка подняла взгляд и также испугано помотала головой.

— Вот... же! — удивился Василий и сам покраснел. — Ладно... Расскажу.

— То, что мы производим — называется антибиотик. Первый в мире. Средство, против инфекций. Пока его знают в среде врачей, как «соль номер восемь». Те, кому предоставляется для клинических испытаний. Потому, что мало. Лечат этим антибиотиком как раз те самые болезни, что вызываются стафилококками, стрептококками. В том числе и воспаление лёгких. Не просто лечит. А спасает часто людей от смерти. Поэтому, я особо заявляю, если ваши близкие заболеют — немедленно докладывайте мне или главинженеру. Он передаст мне. А сейчас, пока закончим и перенесём уже мелкие вопросы на завтра на это же время. Сейчас же я поеду на дом к заболевшей. Посмотрю, чем можно помочь.

Прихватив попутно медикуса, что был при заводе на штатной должности, взяв из сейфа, из свежей партии, пенициллин, Василий отправился на дом к работнице. Пенициллин, кстати, был пока драгоценностью. Та партия, что постоянно готовилась для испытаний, производилась на маленькой установке, которую собрали, можно сказать, на коленке инженеры, нанятые ещё по приходу яхты в Питер.

Им не объясняли для чего. Сразу вообще ничего не было сказано. Только вот эта установка, «для отработки технологии». А точнее для обучения. Ясное дело, что и количества вещества на выходе были скромные.

Тем не менее, кое-что для некоторых нужд, в частности для испытаний, и вот таких «пожарных случаев», накоплено было.

Работницу звали Ольга Владимировна. И судьба у неё была довольно обычная для тех времён, того социального слоя и тех обстоятельств. Была она старшей дочерью в семье военного.

Отец — майор. Ещё до того, как это звание отменили в империи, вернулся с какой-то из войн России калекой. Без ноги.

Жили на его пенсион. Мать ещё прирабатывала. Но так как дочерей как-то надо было «ставить на ноги», да ещё характер у обеих был боевой, решили получать образование по-полной. Почему и пошла она на Бестужевские курсы. Чем очень сильно гордилась. Доучиться оставался год. И тут внезапно умирает отец. Начавшиеся финансовые трудности и горе, однако, не сломили семью. Мать решает, что доучить дочек надо во что бы то ни стало. Поэтому, основные траты — на оплату учёбы старшей. Но для этого пришлось сильно «ужаться».

Переехали в более дешёвое жильё. Питались — впроголодь. И когда начались холода, не нашлось денег на дрова. Решили на этом поэкономить. Даже то, что с некоторых пор, старшая прирабатывала на фабрике братьев, по полдня, не сильно исправило положения.

Денег катастрофически не хватало. Ведь и младшей надо было закончить свою гимназию.

Вообще без отопления было никак, но хотя бы чуть-чуть... Но это «чуть-чуть» обернулось простудами. И тяжелее всего пришлось матери, которая и так была не очень сильна здоровьем.

Когда прибыли на место, Василий ещё раз, поразился бедности живущих. А ведь те, к кому он ехал, считались людьми ну никак не бедными. Откровенная голытьба из деревень — тут по подвалам и сараям ютилась.

В квартирке было изрядно холодно. Поэтому, когда Василий переступил порог этого, с позволения сказать, жилья, то тут же послал приказчика, за дровами.

Первое, что бросалось в глаза, когда заходишь в комнату, так это облезлые, старые обои. Бедность обстановки — старые шкафы. Стол, наверное помнящий ещё ту отечественную, застеленный, тем не менее белой застиранной скатертью. И три кровати. Вероятно, когда-то эти комнаты были и «ничего», но сейчас, по прошествии лет, и здание, и сами комнаты, сдаваемые в наем, сильно поистрепались.

Как объяснила Ольга, хозяйка, держательница этих трущоб, никаких отсрочек в платежах не принимала. Требовала, чтобы платили в срок. А с неплательщиками обращалась крайне сурово — с полицией просто вышвыривала на улицу. Потому их семье пришлось выбирать либо жить на улице, либо всё-таки заплатить из того, что необходимо было заплатить за дрова.

Вообще, как чётко понимал Василий, в таких условиях, воспаление лёгких — смертный приговор. Если не принять срочные меры, то пациент очень быстро, в течение пары суток умрёт. Воспаление перейдёт в отёк лёгких, а после — острая сердечная недостаточность и смерть. Потому, стоило подумать как дальше поступить.

Врач, осмотрев пациентку, полностью подтвердил диагноз — воспаление лёгких. Прогрессирующее. Тут же ввели первую дозу лекарства. Внутривенно. Но так как угроза перехода болезни в более тяжёлую форму была велика, решили-таки, заболевшую перевезти в больницу.

Тут как раз из гимназии явилась младшая.

Заметив нездоровый блеск в глазах и румянец, Василий попросил фельдшера осмотреть и её. Оказалось, — тоже простуда. И если оставить всё как есть — вполне вероятно, что воспаление лёгких будет и у неё.

Посмотрев на обстановку, на сквозняки, Василий махнул рукой и приказал «паковать» обеих и тащить в больницу. Ту, что при заводе.

Пока ехали, Ольга тяжело молчала, погружённая в свои думы. А Василий помалкивал потому, что ему пришла весьма несвоевременная мысль.

И несвоевременная она была потому, что надо было бы до этого догадаться раньше.

— Матвей Семёнович! — обратился он к врачу. — У вас есть записи по аналогичным пациентам, которые проходили лечение до того, как мы начали производить лекарство?

— Конечно, господин Эсторский! — тут же отозвался врач.

— И у вас есть статистика выздоровевших и умерших?

— Ну... Если так можно выразиться... То да. Есть.

— И много без лекарств помирали в таком положении?

Врач засопел. Глянул на Ольгу, но после, так как спрашивал всё-таки не абы кто, а работодатель, помявшись ответил. Коротко.

— Все.

От этого заявления Ольга чуть в обморок не хлопнулась. Василий же, наконец, заметив это «обстоятельство» поспешил разрядить ситуацию.

— Вот и замечательно, что у вас есть и записи и статистика. Когда пациентка выздоровеет, а также выздоровеют все, кого мы таким образом вылечим с помощью нашего лекарства, надо бы опубликовать эти данные.

— Но у нас нет пока пациентов... За исключением госпожи...

— Будут! — Оптимистично заявил Василий. И обернулся к Ольге. — Тебе задание. И вашим студенткам!

Произнесено было безапелляционным тоном, так что Ольге пришлось волей-неволей выйти из полушокового состояния и прислушаться.

— Надо пройтись по знакомым, знакомым знакомых, родственникам и так далее, и найти тех, кто сейчас попал в подобное положение. У кого воспаление лёгких. Всех заболевших — вести в больницу, что мы организовали. Не брать только тех, у кого чахотка. Эти — пока не излечимы.

— Э... Это лекарство не лечит чахотку? — с некоторым разочарованием спросил медикус.

— К сожалению, там бацилла такова, что нужно другое лекарство.

Матвей Семёнович тяжело вздохнул.

— Но ничего! Мы и его скоро будем делать! — оптимистично пообещал Василий. — вот только с этим надо бы развернуться. Побыстрее бы.

— А в чём проблема? — тут же заинтересовался врач.

— Обычная... — пожал плечами Василий. — Во-первых, недостаток квалифицированных кадров. Таких как Ольга и другие.

Василий кивнул на «бестужевку».

— Во-вторых, недостаток помещений, зданий и вообще оборудования. На наших расейских заводах, многое оборудование просто не могут сделать. Так что заказывать многие узлы приходится в Германии.... Да и ещё много чего. Но мы справимся!

Когда Василий уходил из больницы, где уже определены были в палату мать и дочь, он услышал как медик с жаром убеждал Ольгу.

— Это чудо, а не лекарство! Оно буквально с того света людей возвращает! Не волнуйся! Всё будет очень хорошо! Вот увидишь!

— Вот это и опишите в статье, что я заказал! — обернувшись назад кинул обоим Василий и зашагал к выходу.

«С обязательным указанием того, кто это лекарство „изобрёл“ и производит!» — добавил он про себя, мысленно ставя галочку — проверить и проконтролировать, чтобы так и было.

Пока возился с проводкой электрического освещения в новые цеха пришла ещё одна мысль с которой он решил также подробно поделиться с братом. Григорий уже становился эдаким медиамагнатом, в миниатюре. Ведомством пропаганды в одном лице. Так что, как говорится, «ему и карты в руки».

Кстати и вот это действо, что сейчас производилось, — проводка электрического освещения в цеха, — для современных питерцев было ещё одним поводом для пересудов. Ещё больше убеждало их в том, что братья ну «совсем-ку-ку». Хотя, прогрессисты, что также были среди питерцев, разве что не подпрыгивали от восторга. Жаль, что их было мало.

Кошмарно мало. Даже среди учёного люда, был изрядный процент консерваторов.

Кстати говоря, технари и «естественники», в этом смысле были все (за очень редким исключением), именно прогрессистами. Что не удивительно. Ведь именно на технический прогресс были завязаны их работы. Причём прямо здесь и прямо сейчас.

Технари, эта немногочисленная прослойка в обществе, единственная, кто полностью осознавала тот факт, что от прогресса в технической и технологической области, зависит и независимость и вообще жизнь державы.

В отличие от них, гуманитарии стояли практически целиком на консервативных, а чаще даже и на ретроградных позициях. И, как вы можете судить, уважаемый читатель, таково положение и у нас. Кто, какой слой общества оказался главной проституткой в современности? Кто, вслед за власть имущими в 80-е-90-е начал призывать народ назад в прошлое, в девятнадцатый век? И, кстати РЕАЛЬНО вернул страну на сто лет назад... Да ещё там, в этом социальном и вообще прошлом старательно удерживал общество, воплями «назад вернуться нельзя!».

«Гуманитарии». Как «учёные общественных наук», так и всякие артисты со стихоплётами!

Здесь, в конце века 19-го была такая же ситуация. Только лексика была иная. А сущность — та же.

Какая вообще беда была у прогрессистов главная?

Да как и во все времена — разобщённость. Существовая каждый по-отдельности, замкнутые только в своём маленьком кругу, они не осознавали часто, насколько они многочисленны и насколько большую силу представляют.

Вот именно их и предстояло, как-то объединить.

«Аненербе-рус» грядёт, так сказать!

Брата он застал, как и всегда, за очень важным делом. Которым он занимался последнее время. За написанием разнообразнейших книжек, статей и их изданием.

В другое время он также занимался установлением плотных знакомств с офицерством этого времени и выяснением их настроений, устремлений.

Это самое установление знакомств работало у него на то, что он пытался протащить некоторые стратегические и тактические идеи, которые появятся лишь в отдалённом будущем. Когда армии достаточно много поубивают своих солдат на старых приёмах, боясь перейти на что-то новое.

Но, в данный момент у брата была пора именно пропагандистской работы.

Почесав как-то в затылке, Григорий, оценил свои потуги в области журналистики, и решил потихоньку завести себе и тут в Питере какое-нибудь печатное издание. Пока-что приглядывался, кого бы прикупить. Или наоборот, сделать что-то своё, «с нуля». Однако, сотрудничество с изданиями Европы, которое было налажено ещё летом, он не терял. Продолжал исправно снабжать их разнообразнейшими «материалами».

Василий как раз застал его за тем, что он раскладывал папочки перед «своими» корреспондентами, выдавая соответствующие задания.

— Э-э... Мне может позже зайти? Ты занят? — спросил Василий на санскрите, увидев незнакомых людей.

— Нет-нет! — ответил поспешно Григорий по-русски. — Мы уже почти закончили.

Григорий действительно быстро закрутился, дав напутствия каждому и отпустил репортёров.

Василий с сомнением посмотрел вслед уходящим, но всё-таки, махнув рукой, сел напротив брата спиной ко входной двери.

— И какие новости? — жизнерадостно спросил Григорий.

— Надеюсь, ничего политического ты им не заправил? — опасно покосившись за спину, проигнорировав вопрос бросил реплику брат.

— Нет, конечно! — удивился Григорий. — Я им заправил очередные басни насчёт будущих технологических новшеств и благ. Больше про самолёты.

— А ещё что?

— Про наше лекарство. Ты знаешь, слушок уже по столице пополз. Стараниями *нашей* профессуры.

Григорий сделал ударение на слове «нашей», имея в виду тех, кто сотрудничал с братьями и потихоньку начинал им верить. Всё-таки, одно дело выслушать кучу «завиральных» историй насчёт того, что можно сделать, а совсем другое, увидеть эти самые «завиральные идеи» воплощёнными в жизнь и вполне себе действующими.

— Ага! В масть!

— Чё в масть? — слабо заинтересовался Григорий.

— Я как раз пришёл к тебе по этому поводу.

— По поводу пенициллина?

— Да. Ты, надеюсь, не называл его именно пенициллином? Никому? — слегка насторожившись спросил Василий.

— Как договаривались. Только «Соль номер восемь».

— Это хорошо... — неопределённо отозвался Василий и тут же с жаром продолжил.

— Понимаешь, тут такое дело... Гнилое. Как бы нас тут не ошкурили ненароком, и вообще «на короткий поводок» не поставили. Я тут слегка покрутился среди народу... Перспективы и разговорчики — ещё те.

— К примеру? — уже больше заинтересовался Григорий.

— Народ тут... — Василий поморщился запнувшись. — Тёмный. И не только голытьба тут «тёмная». А нам надо, сам понимаешь, чтобы люди соображали что откуда идёт и кого именно надо тут слушать и кому именно давать деньги на развитие.

— Не понял?! — удивился Григорий и продолжил с изрядной насмешкой. — Тебя что, муха тщеславия укусила?

— Да какое там тщеславие! — с раздражением отмахнулся Василий и с ещё большим жаром продолжил. — Суди сам: мы хотим сделать тут, в Питере, фармакологический концерн. Так?

— Так! — кивнул Григорий.

— Но для этого нужны деньги. И не только от продаж.

— Я понял так, что есть некие, кто уже сейчас решил погреть свои лапки на спасённых пенициллином?

— Не только на пенициллине! Но и на аминазине.

— На аминазине?! Это как? Кто-то пытается у нас отжать рынок? Или само лекарство?

— Ни то и не другое. Всё ещё пикантнее. И на этот счёт надо уже что-то делать.

— Ладно. Заинтриговал. — резко успокоился Григорий и приготовился внимательно слушать.

— Что мы делаем этим пенициллином? Даже тем, малым количеством, что уже есть от «экспериментальной» установки? Мы спасаем людей от смерти. Спасаем души. А «Спасение Душ» у нас здесь и сейчас чья прерогатива? Пра-авильно! Церкви!

— Ну, насчёт душ, я с тобой не очень согласен. — возразил Григорий. — Это, если исходить из сущности, как раз к аминазину относится.

— Об аминазине — то вообще разговор особый. А о пенициллине байда следующая. Народ — тёмный. О фармакологии имеет представление только то, что вот имеется аптека, где что-то продают для больных. А кто по их представлениям, решает — «пора пациенту очокуриться», или «хай живе!»? Бог! Поэтому, все наши потуги с пенициллином, который реально и очень скоро будет спасать от смерти сотни тысяч людей, для них — «мимо кассы». Причём мимо НАШЕЙ кассы, которая как раз и предназначена для увеличения производства лекарства, увеличения количества спасённых людей. Ведь рядом уже с теми, кому мы реально помогли, ты видел — реально стояли попки со своими «образами» и кадилами. А что будет дальше, когда счёт спасённых от смерти пойдёт на тысячи?! Найдутся тысячи дармоедов в рясах, кто поспешит объяснить всем встречным и поперечным, кого и когда надо славить-благодарить. И, особенно, куда надо нести денежки.

— Задачу понял! — тут же просиял в энтузиазме Григорий.

— Тока ни дай тебе боже, цеплять РПЦ!!! — немедленно подпрыгнул Василий.

— Ни бойсь! Всё сделаю так, что ни слова о Церкви не будет. Ни о какой конфессии. Ни вообще о боге и те де... Но что с аминазином? Я догадываюсь, но всё-таки?

Григорий оскалился, приготовившись выслушать экзерсисы братика. И он не подкачал.

— С аминазином — вообще ж. па!!! — стал размахивать руками Василий. — Представь «картину маслом»: родители и прочие родственники бегают кругами, ищут возможности избавить родное великовозрастное чадо от шизы. Нанимают жутко дорогостоящего «изгонятеля бесов» где-то там... Приходят со всеми причиндалами в клинику, а их сей «одержимый» встречает не просто без охраны, но и ясным незамутнённым взором без капли шизы! Тут ещё подкатывается довольный доктор и говорит, что его вылечили «супер-новейшим лекарством от-братьев-Эсторских»!!! Узнаёшь свою лексику?

Григорий представил картину и заржал во всё горло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Насладившись эффектом и дождавшись, когда брат немного успокоится, Василий продолжил.

— Родители — в офигении. «Экзорцисты» вааще в о...ии!!! Родители хотели бы порадоваться вместе с врачами. А... у «святых отцов» же заработок из лапок волосатых уплыл! Вот они и устраивают, тут же, не сходя с места, врачам разнос со скандалом. Кричат что, мол, что «всё это — сатанинские происки, и на самом деле...». Ну ты знаешь уже какой бред они при этом выдать могут. Короче наш доктор многожды пожалел о том, что проговорился о лекарстве в присутствии этих жирных рясоносцев.

Новый взрыв смеха у Григория был на этот раз более продолжительным. Но когда отсмеялся, заговорил вполне серьёзно.

— Вот это, конечно, уже серьёзная проблема. Надо бы подключать «тяжёлую артиллерию» в виде Бехтерева и прочих психиатров. Ведь когда узнают, что к ним пришло — они этих церковников голыми руками порвут.

— Вряд-ли! — мрачно отрезал Василий. — Ты прикинь, какое бабло одновременно у попов из рук уплывает. Тут, кажца, битва будет «ещё та».

— Всё равно. По любому надо срочно приниматься пиарить наши лекарства. Причём не только здесь, но и в Европах.

— А как ты это сделаешь, если мы им ещё ни хрена не поставляли? Опирайтесь на то, что уже есть некие «впечатления» у местных врачей?

— А что остаётся делать? — развёл руками Григорий. — Не дрейфь! Выплывем. А если чо — у нас есть «зеркало»!

Оба понимающе ухмыльнулись, вспоминая давешний случай.

— Но и это тоже не всё...

— А разве мы что-то ещё производили? — ехидно заметил Григорий.

— Нет, но будем. И речь пока-что о пенициллине. И о промышленном шпионаже.

— Есть уже кто-то на примете? Кто-то уже интересуется? — тут же посерьёзnel Григорий.

— Всё хуже. Шпионаж в России ненаказуем. Поэтому, иностранный шпион ничем не рискует. Он просто считается «любопытствующим человеком». А промышленный шпионаж — вообще никак. Особенно от «своих же». Никак не закроешься.

— Это мы ещё посмотрим! — многообещающе вставил Григорий. — От кого и «никак»...

Василий с сомнением покачал головой и продолжил.

— Патентное право тут таково, что совершенно не препятствует знакомиться с новинками ни конкурентам, ни вообще каким-либо иностранным гражданам.

— То есть, ты не запатентовал пенициллин... по этой причине?

— Да я как увидел что надо писать в патенте, когда узнал, что с ним может ознакомиться любой — мне тут же расхотелось! Это же получается, что мы тут создавать будем, а пользоваться будут не «дарагия рассеяне», а всякие наглосаксы.

— Ты по какому-то наитию, назвал лекарство не «пенициллином», а «солью номер восемь»... Теперь вижу, что тут надо быть осторожным. И мне приказал называть иначе. Хм!

— Так, как назовём? Какова будет «товарная марка»?

— А что, дело уже стоит за промышленным производством?

— Да. «Первый бак» уже завтра выдаст сырец.

Григорий удовлетворённо кивнул и начал рассуждать вслух.

— Ну... давай подумаем... Реально, то, что мы тут начали выпускать — бензилпенициллина натриевая и калиевая соли. Первая — как раз и есть та самая «соль номер восемь». Калиевая — девятая. Следовательно, чтобы не уходить далеко от традиции... Кстати помнишь ту историю с тринитротолуолом?

— Это какую? — наморщил лоб Василий.

— Да я тебе рассказывал! Это когда немец его создал, так чтобы засекретить, называли его не нормальным химическим именем, а сокращённым — не тринитротолуолом, а толлом, тротилом.

— А-а! Так ты и пенициллин предлагаешь назвать так? В этом стиле...

— А почему бы и нет?! Например, бецициллин, или бензицинин, бецициннат...

— Ну... По моему мнению, бензицинин как-то лучше звучит.

— Так и будет. — заключил Григорий.

— Гы! — оскалился он спустя небольшую паузу. — А не слишком ли близко название к «бензину»?

— И что? — не понял юмору Василий.

— Не боишься, что из-за созвучия, некоторые идиоты будут пытаться лечиться от ангины бензином? — тихо заржал Григорий.

— Ну... это уже не наши проблемы, а проблемы идиотов!

И тут в дверь скромно постучали. Братья отсмеявшись посмотрели дружно в сторону входа.

— Войдите! — Громко крикнул Григорий.

В комнату, всё время кланяясь зашёл прилично одетый человек. Пальтишко, хоть и не дорогое на нём было, но добротное. Не потрёпанное. Да и сам он имел вид вполне ухоженный, благополучный. Это ещё подчёркивалось жизнерадостным выражением круглого лица. Да и вообще, как обратил внимание Василий, этот человек был очень похож на киношного Портоса. Такой же квадратный и живой.

— Знакомся брат! — сказал Григорий подав руку зашедшему. — Тимофей Аполинарьевич Веселовский. Инженер.

— Очень приятно! — ответил инженер в ответ крепко пожимая руку Василию. При этом он также крепко прижимал к груди запорошённую снегом шляпу.

— С последнего вашего визита, у нас прибавилось мебели. — улыбаясь сказал Григорий Тимофею Аполинарьевичу. — Вон там вешалка, на которую можно повесить и шляпу и пальто.

Вошедший подпрыгнул, рассыпался сначала в извинениях, потом в благодарностях и разоблачился.

Без пальто он выглядел не менее благополучно. Но как-то стандартно для данной эпохи. Традиционно. Как обычно выглядят все более-менее преуспевающие инженеры в это время.

— Вот, брат, представляю. Тимофей Аполинарьевич любезно согласился на моё предложение поработать на нас. Инженер-металлист.

— Очень хорошо! — Оживился Василий. — Нам как раз нужны инженеры такого профиля.

— Я слышал, извините, господа у вас какие-то проблемы с заводом, который вы недавно приобрели. Надеюсь, чисто технического характера... А то знаете...

— Не волнуйтесь! — тут же поспешил заверить его Григорий. — Там проблемы совершенно технического характера. Рабочий люд там вполне тихий и довольный жизнью.

— И как Вам это удалось? — тут же горячо заинтересовался инженер.

— Придёте — увидите.

— Мы хотели перестроить тот завод и построить на его базе подшипниковый. А оказалось, что больше нужен инструментальный. Даже станко-инструментальный.

— Ого! А у вас размах! — удивился инженер. — Но смею Вас заверить, что России и подшипниковый тоже нужен. Ведь мыслимое ли дело — практически все подшипники закупаем в Европах!

— Но также нужна и спецсталь... — удручённо заметил Василий. — Она тоже больше там же, где и сейчас подшипники.

— Да, да, да! Дикари-с! Рассея-матушка, к сожалению, ещё дикая страна.

— Вот и сделаем её НЕ дикой. — посмеиваясь заметил Григорий и было заметно, что он пресекает начавшееся словоизвержение. Похоже, у этого господина, «рассуждизмы» на тему «тотальной отсталости России» — любимая тема.

Василий, заметив это, ехидно улыбнулся брату. Напоминая так ему о его давешних

заблуждениях.

— Да... В России ныне всего не хватает.

— ...И кто-то там писал о «переразвитости капитализма в России»! — не замедлил Григорий подколоть Василия. Намёк был очень прозрачный — на капитальный труд автора, пока мало известного в широких кругах образованной общественности, под названием «Развитие капитализма в России».^[16] Где-то как-то подколка была справедливой, так как «тезис» о «переразвитости» был развит и раздут противниками «совка», апологетами «России Которую Мы Потеряли» до немыслимых размеров. Сейчас над РКМП — смеются. Но уже поздно. Миф сделал своё дело. СССР — уничтожен.

— Ладно. Не будем углубляться в схоластические споры. — мягко закруглил Григорий. — А перейдём к делу. Чисто для Вас говорим.

Григорий сделал паузу и многозначительно кивнул.

— Мы рассчитываем сделать и станко-инструментальный и прочие заводы. Но началом будет этот станко-инструментальный. Далее — подшипниковый. После — завод по производству ДВС.

— Пардон? — не понял инженер.

— Двигатели внутреннего сгорания. Для автомобилей самого широкого ассортимента. В том числе и более крупные двигатели. Например, для небольших судов. — пояснил Василий.

— Широчайший замах! — пожал плечами Тимофей Аполинарьевич.

— Ну... Пока что у нас удавалось всё, что мы задумали. — с апломбом заявил Григорий.

— Да... Самолёты — это нечто! — с восторгом поддержал собеседник.

— А будут не только самолёты. Как вы знаете, тут поле деятельности, в России — как бы не самое большое в мире. И перспективы тоже.

На последние слова инженер не выдержал и с сомнением пожал плечами.

Ага!.. «Отсталая, дикая, азиатская страна».

К сожалению, данное представление преобладало в среде технической интеллигенции. Причём больше в самом чернушном виде типа: «никогда не подняться России, так как рылом не вышли по сравнению с Западом». Типа: «там и люди лучше, умнее и вообще трава зеленее, солнце ярче светит»...:-)

Сколько не общались братья с подобными интеллигентами, неизбежно в той или иной форме, данный стереотип вылезал. Вкупе с преклонением «пред сверкающим Западом».

И ведь какой живучий миф оказался — до 21 века дожил, не сдох. Несмотря ни на что. Ни на победу над объединённым Западом во Второй Мировой, ни на технологическую научно-техническую победу, далее оболганную в Перестройку, когда к середине восьмидесятых, СССР лидировал по 43 из 50 ключевых, научно-технических направлений. «Колбаса» из сои заслонила всё...

Не стоило здесь и сейчас будировать этот вопрос, но вообще у обоих братьев чесались языки. У каждого по своему поводу. Еле сдержались.

— Трудности, они на то и трудности, чтобы их преодолевать! — философски заметил Григорий.

— А если вы сомневаетесь, в нас, то посмотрите с чем мы пришли. — подхватил Василий. — И не только на яхту, что за пределами возможностей Европейской техники. У нас с ВАМИ всё получится. И те инженеры, которых вы привлечёте тоже не пожалеют, ибо будут стоять у истоков великих научно-технических преобразований в России. Тем более,

что уже в России началось много чего. Вал открытий нарастает.

Сказано было довольно трескуче. Но подействовало, как ни странно, нужным образом. В глазах инженера зажёгся огонёк энтузиазма. Впрочем сам он выглядел легко зажигающимся.

— Вы намекаете про те открытия, что делаются? — тут же вспомнил он.

— Да. И это только начало. Например, в астрономии. Как ближайший пример. Про медицину — пока помолчу. Там неоднозначно. Пока...

На последние слова инженер не обратил внимание. Воистину, русских всегда тянуло к небу, к звёздам. А болячки земные оставались как-то так — как «неизбежное зло».

— Про астрономические открытия сейчас трезвонят везде. Открыли планету. Назвали Плутоном. И говорят, что вы, господа, причастны к этому открытию. — с жаром начал Тимофей Аполинарьевич.

— Да. Есть такое. — скупно подтвердил Григорий. Василий же усмехнулся, вспоминая как происходил визит к астрономам.

— Там не только Плутон есть. — проавансировал Василий. — Скоро открытия посыпятся как из рога изобилия. Вот увидите.

Но тут случилось неожиданное.

— Какое интересное совпадение! — вздёрнув брови сообщил инженер. — Недавно меня подряжала, небезызвестная скандально, особа — госпожа Натин Юсейхиме.

Братья на это удивлённо переглянулись. Инженер же правильно истолковав эти переглядывания как повышенный интерес поспешил выдать.

— Так вот она заказала переделать большой амбар недалеко от города. Причём сделать так, чтобы у него крыша была раздвижная. Может тоже астрономией увлекается? Вот у вас нет никаких предположений, господа, какой-токой астрономический инструмент можно поставить в большой амбар?

— Есть, и более чем есть! — проговорился от неожиданности Василий.

Глава 17

Валькирия сердится

О возвращении Натин в Петербург, братья узнали самым экзотическим образом.

В тот день решили набрать компанию, из свежих знакомых и пойти «потусить» как они любили выражаться, по паркам и бульварам столицы. Тем более, что стоял ослепительно ясный, безоблачный, морозный день.

Санкт-Петербург готовился вступить в новый, двадцатый век. В парке играл духовой оркестр, а по всем аллеям и вообще по бульварам расхаживала празднично одетая публика. Атмосфера надвигающегося праздника чувствовалась везде. Даже в пьяных приказчиках и прочей простонародной публике нетвёрдой походкой шествующей по своим делам.

Вполне естественно было и то, что когда братья с шумной кампанией появились в парке, то тут же стали центром внимания всех присутствующих. Ведь у них не было тех самых комплексов и «представлений о приличиях», что до сих пор, на пороге столетий, тяжёлым шлейфом волочились за обществом. Они просто развлекались, шумели, шутили, постепенно заражая своим весельем и хорошим настроением тех, кого вот так решили «вывести погулять».

Они как раз устроили «битву снежками», когда с другой стороны парка туда пожаловала интересная пара.

Две молодые женщины. Лет двадцати на вид. Одетые одинаково. В одинаковые шубки, одинаковые меховые шапки с брошками и пёрышками и в одинаковых сапожках.

Поэтому, если смотреть на них со стороны и издали, можно было бы подумать, что они близняшки. Тем не менее, на лицо они отличались разительно. Первая, выглядящая чуть старше, на лицо была то ли китаянка, то ли цыганка, то ли ещё кто. Но в её облике, казалось, смешались все эти расы. И ей, как никому другому, поэтому, шёл эпитет «восточная красавица».

Только одно в её облике не соответствовало трафаретному облику этой «восточной красавицы» — царственный, даже где-то жёсткий взгляд человека, привыкшего повелевать.

Вторая была потусклее. На вид — итальянка. Тоже молоденькая, но в глазах не было той величественности, как у первой. У неё хоть и изредка, но мелькал отблеск какого-то давнего ужаса, от которого та ещё не отошла совсем. Но то, с каким она упорством старалась соответствовать своей спутнице, бросалось в глаза.

Публика наметанным взглядом тут же определила в паре людей не мелкого достатка. Как раз по дорогим шубкам. И этот достаток, светивший достаточно далеко, мог и привлекал внимание потенциальных ухажёров.

Но на беду этих ухажёров, та, что была старшей, также старательно отшивала их. Одним взглядом. Не говоря ни слова.

Под ним, очередной претендент начинал заикаться уже через секунду и в конце концов сдувшись, рассыпаясь в извинениях, отступал подальше.

Но тут показалась вдали компания совершенно иного плана.

Таких тоже можно видеть. Довольно часто.

В нашем «зверинце».

Типичная компания вокруг очередного «мальчика-мажора».

Такие были всегда. Хамовитые, наглые и с уверенностью в полной безнаказанности.

Потому, что «папик покрывает» любую их проказу.

Мажор был корнетом. Наверняка выпускник Пажеского корпуса, причём из недавних. И, как можно было судить из богатой семьи. С титулами. Эдакий эталонный сыночек генерала. Только дурак, пьянь и хам. Он уже успел набраться в ресторане, и в сопровождении таких же как и он, попёрся на поиск приключений. Что это были за приключения с пьяных глаз, любой мог представить легко.

Но на сегодня им выпал чёрный день. Они этого ещё не знали. Но этот чёрный день в лице всего-то шуплой на вид девицы, уже направлялся неспешной походкой им навстречу.

Увидев пьяную компанию, девица слегка замедлила шаг и попыталась увлечь свою спутницу подальше от потенциальной угрозы. Но их уже заметили.

И заметил прежде всего заводила пьяной компании.

Наверное он её где-то уже видел, так как заорав что-то непотребное ускорился и пошёл прямо к застывшим от неожиданности девицам.

— Какие люди в славной Северной Пальмире! Гуляют!.. Ик!..

Подвыпившая компания мгновенно окружила двух девушек. Чернявая, похожая на ромейку, тут же с испугом стала жаться за спину той, к которой обращались.

— Чем обязаны? — холодно, почти сквозь зубы спросила она. И тут же добавила с усмешкой. — И кто вы такие? Вы «забыли» представиться.

— А зачем *тебе* моё имя если *ты* его знаешь? — возмутился вопрошающий. — И вообще... Требую к себе должного уважения.

То, что обращение было на «ты», явно свидетельствовало о том, что сей офицер Натин не только за равную себе не держит, но и всячески старается унижить.

На лице принцессы появилась холодная улыбка. Теперь, сторонний наблюдатель оценил бы её уже не как некую прогуливающуюся даму, а скорее как кобру, изготовившуюся к броску.

— С чего бы это вы, корнет, так вот вдруг, забыли правила хорошего тона? — холодно начала Натин. — Да ещё и по отношению к дамам.

— «Сонька, золотая ручка» дама? Вторая «Сонька золотая ручка»? — рассмеялся корнет. Нагло и пьяно. — И вообще, где твой «билет»,^[17] «дама»?

Корнет явно нарывался.

— О чём речь, убогий? Какие такие билеты? И вообще: тебя колет и гложет позор того вечера?

Само напоминание некоего пикантного происхождения с корнетом, было своеобразной пощёчиной ему. Однако, Натин явно не знала о чём речь и о каких «билетах» ведёт речь корнет. Тут уже самому корнету крупно повезло. Но он этого не знал. И даже не подозревал. До поры, до времени.

Корнет побагровел. Видно воспоминание об упомянутом вечере, о полученном унижении, сильно жгло его. И он ничего не нашёлся сказать, как продолжать гнуть прежнюю линию.

— Так ты и «билета», даже, не имеешь, «Принцесса волшебных духов»?! Какое упущение Главного полицмейстера! И куда только полиция смотрит?!

Сопровождающая его компания заржала. Только один мрачный субъект, в казачьей форме сохранял тупое молчание исподлобья созерцая встреченную парочку.

Откуда этот балбес-корнет знал об истинном значении «фамилии» Натин — «история умалчивает». Да мало ли откуда? Слухи, как и эпидемии, распространяются очень быстро. А

если эти слухи касаются чего-то очень таинственного и загадочного — то со скоростью звука. Да ещё и въедаются в подкорку. Всем, кто интересуется.

Так что нет ничего удивительного в том, что сказанное когда-то лингвистом-востоковедом, распространилось как «истинное знание» среди «среднего» и «высшего света» славного Санкт-Петербурга.

Корнет был пьян в дым.

А ещё он «доподлинно знал», что «некая Натин Юсейхиме — самозванка». Поэтому он не видел ничего зазорного или, тем более позорного в том, чтобы с пьяных глаз поиздеваться над «очевидной мошенницей».

— Вот и преклони колена перед принцессой, если знаешь кто пред тобой! — также спокойно и холодно парировала Натин.

— Да как ты смеешь, шлюха! — уже совершенно «сорвался с катушек» корнет и шагнул вперёд, замахиваясь, чтобы отвесить поновесную пощёчину.

Последствия этого его шага были неожиданны для всех наблюдавших стычку. Подошедшему корнету были нанесены очень быстро три коротких удара. Последний в челюсть.

Корнет рухнул.

На лицах сопровождающих застыли идиотские улыбки. Они явно не ожидали такого. Корнет стал на четвереньки и выплюнул на снег осколки зубов пополам с кровью.

Двое, стоявшие ближе всех к корнету, вышли из ступора и подхватили того под мышки. Поставили на ноги. Тот стряхнул с себя руки помощников и злобно сверкая глазами, сжав кулаки шагнул навстречу Натин.

Сообразив, что будет, наверное желая удержать своего товарища от некрасивого поступка, вслед за ним шагнули и сопровождающие. Натин же это всё оценила по-своему.

— *Lasciarti! A terra!* — Выкрикнула Натин, и стоявшая позади неё дамочка, неожиданно резво распласталась на земле, приняв «упор лёжа».

В следующую секунду «госпожа Юсейхиме» превратилась в вихрь.

Все, кто наблюдал это действие со стороны даже и подумать не могли, что можно двигаться настолько быстро. Четверо здоровенных мужиков рухнули как подкошенные. На ногах остался только казак, стоявший до этого позади всех. Он вытаращился на дамочку, даже рот открыл от изумления.

Меж тем корнет оказался гораздо крепче чем его дружки — снова поднялся на ноги и с уже совершенно озверелой рожей пошёл на Натин. Но вся его атака продлилась не более секунды.

Новый удар и он летит на присыпанный снегом тротуар.

Наконец и казак сообразил, что творится нечто из ряда вон выходящее и на них напали. Но ничего не нашёл лучшего, как выхватить висящую на боку шашку и замахнуться на принцессу.

Даже попытался ударить, защищая корнета.

А дальше произошло уже совершенно невероятное. Натин и не подумала уворачиваться. Даже не пригнулась. А выставила руку в перчатке навстречу уже рушащемуся на её голову клинку и перехватила лезвие.

Все, кто представлял себе что значит шашка, готовы были увидеть как отрубленная рука упадёт под ноги казаку. Но этого не произошло. Шашка была остановлена как банальный прут.

В следующую секунду вместо отрубленных конечностей, под ноги Натин упал оглушённый казак.

Всё так же сжимая в руке клинок посреди лезвия, Натин шагнула навстречу снова пытающемуся подняться на ноги корнету. Подняв голову и увидев что находится в руках принцессы он побледнел.

— Благодарю Аматарасу, что я не принцесса мононоке или ёкай! — всё тем же спокойным, холодным тоном бросила она в лицо застывшему на четвереньках мажору.

Раздался треск ломающегося клинка и ему под нос упали две половинки когда-то смертельного оружия.

Натин повернулась спиной и зашагала к сброшенной шубе. Никто и не заметил когда это произошло. И только сейчас заметили в каком необычном наряде предстала пред ними сия госпожа: короткие сапожки, шаровары, платье до колен. Тёплое. Всё выполнено в тёмно-коричневом тоне.

Словом — Натин в своём репертуаре.

Она подошла к шубе, быстро накинула её на себя и пошла помогать стать на ноги своей спутнице.

— Следующий раз, когда меня встретишь, — бросила она через плечо, всё ещё пытающемуся подняться на ноги корнету, — Целовать землю за тридцать шагов! И тогда, может быть, я тебя прощу!!!

Шум на противоположном конце парка, братья слышали не сразу. Были увлечены весельем. Но когда в том направлении ломанулась публика, они сообразили, что происходит что-то необычное.

— Что там происходит? — спросил Григорий, остановив мимо пробегающего малолетнего торговца пирожками. Выпучив глаза, тот тут же отрапортовал.

— Там Господа Офицеры (произнесено было с придыханием) напали на двух барышень!

— И?

— Она их всех поубивала!!!

Братья переглянулись.

— Что-то мне подсказывает, что Натин в городе. — На санскрите заметил Василий с сарказмом.

Не сговариваясь братья рванули по направлению к быстро растущей толпе. Вслед за ними потянулись и те, кто был с ними.

Ясное дело, что дамочек, устроителей побоища, давно и след простыл, однако картина «поля боя» представляла из себя живописное зрелище. Мгновенно оценив обстановку, Григорий с властным вопросом «Где трупы?» устремился к «пострадавшим».

Пока ещё редкая толпа обернулась и посторонилась.

Как хорошо было видно, в действительности все валяющиеся тела, трупами не были. Тем более что большинство уже проявляло признаки жизни и начинало шевелиться.

— Определённо, прогрессорша набарагозила! — заметил на санскрите Василий. — Иначе некому.

— Точняк! — согласился Григорий и подмигнув Василию, — мол, «поступай как я», — устремился по направлению к всё ещё не пришедшему в себя, и сидящему на тротуаре мажору.

Переступая через тело казака, Григорий быстро прощупал у того пульс на шее. Казак

был жив, но в глубоком отрубе.

— И этот ЖИВОЙ! — с очень хорошо изображённым удивлением выпалил Григорий. — Удивительно!

— Поразительно!!! — тут же подхватил Василий.

— Может всё-таки кто-то покалечен? — почти без паузы спросил Василий.

— Если и «да», то только один. — быстро сказал Григорий и оба дружно посмотрели в сторону всё ещё плюющего кровью мажора. Правый глаз у него шустро зарастал красивенным фингалом во всю глазницу.

— Удивительно!

— Поразительно!!!

— Сэр! У меня есть небольшое медицинское образование! — сказал Григорий, устремляясь к страдальцу. — разрешите вас осмотреть.

Тот, находясь всё ещё в шоке, не возражал.

Григорий быстро, и, как видно, вполне профессионально осмотрел мажора. В спецподразделениях учат началам первой помощи на поле боя, так что Григорию тут незачем было притворяться. Он действительно знал о чём говорит и что делает.

— Не может быть! — наконец изрёк он, закончив осмотр.

— Я не хочу умирать! — выпалил испуганно мажор, истолковав реплику Григория на свой счёт и в чёрных тонах.

— Не беспокойтесь! Кроме мелких повреждений у вас ничего серьёзного не обнаружено.

— Тогда к чему... — попытался выговорить побитый корнет.

— К чему я удивляюсь? — закончил за него

— Я удивляюсь, что вы живы и отделались лёгкими ушибами... Ведь правду тут говорят, что вы повздорили с госпожой Натин Юсейхиме?...

— Эта бандитка!.. — начал было корнет, но быстро заткнулся. Совсем опухшие губы мешали говорить. К тому же он сообразил, что признаваясь в том, что его отлупила дамочка...

— Вас били по голове? — внезапно спросил Григорий разглядывая зрачки «пациента».

Мелкий кивок.

— Да уж! Были бы мозги, — было бы сотрясение! — бросил саркастически в сторону Григорий. Хорошо, что будучи в изрядно оглушённом состоянии, корнет не разобрал то, что было сказано скороговоркой. За спиной у Григория, шатаясь и ошалело озираясь начали подниматься на ноги товарищи корнета. Кого-то шумно тошнило, подтверждая диагноз, что у кого-то мозги всё-таки есть. Ведь сотрясение же...

Казак продолжал валяться на снегу широко раскинув руки и задрал к чистому, голубому небу чисто выбритый подбородок.

— Кажется нашу знакомую прогрессоршу надо срочно спасать от крутых неприятностей. Этот мальчик выглядит сыном богатых и влиятельных родителей. — с тревогой заметил Василий на санскрите.

— Нет, брат. Печень у него целая. — «ответил» по-русски Григорий. — Если бы была разорвана, он был бы без сознания и при смерти. Но, по большому счёту я с тобой согласен! После такого господину корнету очень стоит с недельку побыть на постельном режиме. Во избежание последствий для здоровья необратимого характера.

Собственно ответом на реплику Василия было всего одно предложение. Остальное —

словесный мусор, для введения в заблуждение посторонних слушателей. Но тот, кто был готов к этому заблуждению таки «заблудился». Его разве что дрожь пока не сотрясала.

Натин в его глазах постепенно стала вырастать в нечто подобное чёрной судьбе. Неизбежное, беспощадное и смертоносное.

Увидев это в глазах корнета, Григорий тут же поспешил «развить успех» в нагнетании страхов.

— Вы знакомы со скандинавской мифологией сэр? — спросил он мажора. Мажор медленно, будто опасаясь расплескать остатки мозгов кивнул.

— Так вот. Там есть такой персонаж как Валькирия. Вы только что познакомились с её прямым аналогом. Эта Валькирия лишь слегка рассердилась. На ваше счастье. Но не дай бои увидеть вам Валькирию в ярости. Это будет последним впечатлением в вашей жизни. Так что вам искренний совет: Если вы уже с ней повздорили — либо изыщите возможности с ней быстро замиритесь, либо держитесь от неё как можно дальше. Во избежание...

— Да какая она Валькирия!.. — попытался возмущённо возразить корнет. — и вообще откуда вы её знаете?!

— О-у! — театрально закатил глаза Григорий. — Да вот... Сподобились. Быть представленными. И представьте себе, вот этот сумасшедший... — Кивок в сторону брата. — Даже пытался за ней ухаживать.

Василий на это утверждение громко засопел. Но «пациент» всё понял «правильно».

— Как видите, он цел. И здоров. И всё потому, что был изысканно вежлив... Он вообще по природе своей изысканно вежлив. Со всеми. Не только с дамами. Это мы, — люди войны — грубоваты.... Но всё равно... Я уверен, что и ему было не просто. Да ещё с той, в чьём клане с четырёх лет обучают владеть холодным оружием, и прочим милым игрушкам.

Корнета продрало. Почему-то ему очень сильно хотелось верить этому очень доброжелательному господину. А тот, рад стараться, продолжил во всё том же вкрадчивом тоне. Невольно к их разговору прислушивались его товарищи пытающиеся привести в чувство очень надёжно оглоушенного казака и некоторые из зевак, что был поближе.

— Уж поверьте нам: более опасной особы, чем эта дама... К тому же принцесса древнего рода... Таким вообще слова поперёк ставить — легче сразу застрелиться.

— А разве она действительно... — бледнея, с трудом шлёпая опухшими губами спросил мажор.

— Так вы ещё и сомневались?! — округлил глаза Григорий. — И... не дай бог!.. Высказали эти сомнения вслух?

Мелкие кивки.

— И при ней?!!!

Снова мелкие кивки. Василий за его спиной тоже картинно вслед за братом округлил глаза, «от ужаса» прикрыл рот и втянул голову в плечи.

— Поразительно! — «изумился» Григорий. — И вы ещё живы?!! Вам просто фантастически повезло!

Мажор, при этих словах вообще спал с лица.

— Запомните! — вдруг строго начал говорить, понизив голос Григорий. — Она — принцесса с Востока. Настоящая. И окончание «химе» в её фамилии — не случайность. Потому, что как раз и означает «принцесса». Я бы вам настоятельно рекомендовал временно исчезнуть из столицы. А мы, как знакомые с ней, попытаемся замять скандал... Но вы понимаете, что если обстоятельства этого дела дойдут до государя...

На корнета было жалко смотреть.

* * *

Григорий чуть-чуть соврал.

Спасать мажора он особо не собирался. По принципу: «Поделом! И чтобы остальным неповадно было!». Но было соблазнительно, привязать его обязательствами. Мог пригодиться в будущем. Поэтому следовало как-то всё вывернуть так, чтобы этот корнет оказался «как-бы ни при чём». Или выставить его жертвой недоразумения, но тогда кого-то обязательно — козлом отпущения.

Однако были и другие соображения.

— Ну что? Выяснил, кто был тот казак? — спросил Василия брат, когда они спешно изловив извозчика направлялись к одной из редакций многочисленных питерских газет.

— Да! — как-то по особенному хищно подтвердил Василий.

— И кто он?

— Краснов. Тот самый. Пётр Николаевич.

— Это который «генерал Ваффен СС» во времена Великой Отечественной?

— Да. Он самый. Один из мерзейших предателей Родины. Мне сказали, что недавно он вернулся из Абиссинии...

— О-о! Кайф!!! — недослушав брата воскликнул Григорий.

— А чё «кайф»?

— Есть кандидат на козла отпущения!

— Так ты всё-таки решил спасти того мажора?! — удивился Василий.

— А почему бы и нет? Пригодится зверушка в коллекцию. Он же будет нам обязан. А через него и его папик...

— Хм... — задумался Василий. — Имеет смысл.

— Да даже если и не имеет... Главный смысл уже сейчас этого уroda утопить! Ты представляешь какая удача?!!

— Намекаешь на то, что он нашего деда попавшего в плен к немцам расстрелял во время Войны?

— Именно!!!

И, кстати, да! Для братьев данный персонаж входил в список «вендетты» под первым номером. И добавочным стимулом было то обстоятельство, которое упоминается.

В 1943 году, во время наступления Вермахта, их дед попал в плен будучи контуженным. Устроил побег из лагеря. Но изловили и вернули его в лагерь как раз казачки Краснова — фон Панвица. И на расстреле красноармейцев как раз и присутствовал тот самый «генерал Краснов». О чём и рассказал выживший после освобождения из лагеря. Он лично и хорошо знал их деда, потому никаких сомнений в его словах не было.

— Да будет так! — подпрыгнул Григорий, увидев зажёгшийся хищный огонёк в глазах Василия. — делаем из него козла отпущения, спасаем дурака-мажора, а заодно и принцесску. — А... Кстати не выяснял, чего этот м. к оказался в компании с корнетом?

— Дык он кто? Хорунжий! А это кто? Прапор! А корнет по званию кто? Также прапор! Так что — свои все в доску.

— Да, собственно, и не особенно важно... Главное, вот этот УРОД!!! — сквозь зубы

процедил последнее слово Григорий. — Хорошо, что меня рядом не было, когда ты это выяснил. Добил бы!

Василий выдал ехидный смешок. Но промолчал. Он не сомневался, что братец это бы и сделал. И повод у него был бы сделан так, что не прикопаешься. А учитывая, что он хорошо знает «специфическую» медицину, сие убийство было бы проделано так, что никто бы и не заметил. Типа: «сам сдох».

— Но почему ты жаждешь спасти прЫнцессу? — вдруг выдал Григорий, резко сменив тему. — Она ведь, кажца нам тут конкурент. Причём конкурент от очень могущественной цивилизации. Как бы врагом не стала.

— У меня создалось впечатление, что она как раз — наш кадр.

— А может, ты хочешь в это верить? — тут же задал справедливый вопрос подозрительный Григорий.

— Ну... У нас особого выбора и нет! Если с ней поссориться — она точно будет нашим врагом. А так — есть шанс. К тому же, она попала в то же самое скверное положение с невозможностью возврата, что и мы. Так что мы ещё и «в одной лодке». Выплывать нам — вместе.

— С такими-то крокодилами.... - с сомнением покачал головой Григорий.

— А чо?! Симпатичный, такой, крокодил пола женска! — съязвил Василий.

Григорий просто заржал, не найдя что добавить.

* * *

В течение дня братья мотались по городу, «заряжая» нужных писак из всех газет, до которых могли дотянуться, чтобы вышла именно та версия видения происшествия, что была нужна братьям. Мажор и Натин были выставлены как жертвы жестокого недоразумения, детали которого были скрыты. С намёком, что к обоюдному согласию и по обоюдному решению недоразумение разрешилось. К тому же были скрыты и имена мажора и принцессы. Просто — «господин Н.» и «госпожа Ю.». Под последним как раз угадывалась «Юсейхиме», но это уже было несущественно. Сплетни всё равно разнесут кто там был. Главное — версия.

А вот «казак» был выставлен в самом чернейшем свете. Ведь действительно попёр на даму с шашкой наголо, да ещё пытался её рубануть. Тут уже на эту тему «авторы», (а точнее совершенно определённый автор), поиздевались от души. Единственное, что было укрыто, так это тот факт, что Натин остановила лезвие шашки почти что голой рукой. Ведь это уже было почти «за пределами», а значит, могло послужить причиной в подозрениях Натин «в колдовстве».

Василий и Григорий предполагали, что на ней в этот момент была такая же защита, как и на них — тот самый «комбез-от-Гайяны». Или что-то подобное. Всё-таки цивилизация там предполагалась у Юсейхиме — очень продвинутая. Даже более вероятно, что «своё собственное».

Так что всё было представлено как исключительная ловкость «госпожи Ю.», «не только увернувшейся от шашки, но и...», далее шло описание одного из приёмов рукопашки, которым сам Григорий владел, и который как раз для такого случая подходил идеально.

Расчёт подробного описания был на то, что заинтересуются и придут обучаться. А идея

устроить кружок по изучению рукопашки среди «бестужевок», Григорию очень понравилась.

Но это всё было уже как-бы прицепом. Главное — один из кошмарнейших в будущем предателей Родины, был заранее втоптан в грязь, и, как представлялось очевидным, больше росту в чинах ему не видать, как своих ушей. Да и позор ему был обеспечен если не навсегда, то очень надолго.

Ведь кинулся с шашкой «на бабу» и «от бабу» же получил страшный отлуп.

Да ещё и шашку потерял.

* * *

На несколько дней драка в парке стала главной новостью. Её обсуждали, перевирали, пере-перевирали все кому не лень.

Однако главные фигуранты — Натин и корнет — пропали из виду.

Тем не менее, через два дня братья получили весточку от корнета с благодарностями. Он догадался, чья рука направляла перья местной прессы, когда они выгораживали главного виновника. Но также выражал некоторое недовольство тем, что вот «честного казака писакки оболгали». Выражал осторожно, так как прекрасно понимал, что именно этим персонажем пожертвовали. Ради спасения именно его драгоценной шкурки.

К тому же, на все его впечатления, в том числе и на неизбывный страх, в котором он пребывал последние два дня, накладывалось одно очень серьёзное обстоятельство.

На пьяных внушение действует мощно. Потому, что алкоголь сильно ослабляет критическое и вообще рациональное мышление. А Григорий как раз и применил некоторые свои знания в области внушения.

Не сказать, что он был в этом деле мастером. Скорее любителем. Просто знал основные принципы, и умел чувствовать что и кому надо сказать, когда, как. Проспиртованные мозги корнета в этом деле ему только сильно помогли. Так что корнет сидел безвылазно где-то у своих родителей и тряся «строгое соблюдение постельный режим» (Ага! Подействовала фраза брошенная Григорием: «Во избежание необратимых последствий»).

Когда накал страстей стал спадать, кто-то из журналистов догадался обратиться к «знатокам джу-джитсу» за разъяснениями, что это такое было, когда одна дама отобрала шашку у бравого казака и как такое было возможно.

Объяснения были туманные. Видать сам «знаток» не понял как это возможно, но проникся уважением.

Про казака же вообще ничего слышно не было. Он как пропал тогда, после стычки, так и как в воду канул. Впрочем...

Чего и добивались.

Наконец, в один из прекрасных дней, аккуратно за пяток дней до нового года в дверь городской штаб-квартиры братьев постучали.

На пороге стояли две особы, на лицах которых было написана крупными буквами решимость и сур-ровость.

Когда они уже вошли Натин обернулась к следующей за ней по пятам барышне и представила её.

— Паола Ди Джакомо. Под моей защитой.

Паола скромно сделала книксен.

Братья же от этого слегка прибалдели.

Григорий даже чуть не брякнул своё любимое «Ахренеть-не-встать!». Ведь слова «под моей защитой» произнесены были не как банальная реплика или пояснение, а не менее чем объявлением статуса при официальном лице.

После небольшого «официального ужина», который, похоже, становился традиционным, приступили к делу. К тому делу, за каким пришла Натин к братьям.

Весь ужин братья приглядывались к Паоле. Ведь дамочка была для них абсолютно новой, и незнакомой. Первое, что бросалось в глаза, так это то, что она умеет пользоваться столовыми приборами и умеет себя вести за столом. Это говорило за то, что она — не из простолюдинок. В семье, из которой она происходила, был достаток и некий уровень благосостояния. Возможно некий, хоть и мелкий, но титул. Дворянский. На последнее намекала приставка «ди» перед фамилией.

У Натин Паола пользовалась некоторым уровнем доверия, так как за всё время пребывания у братьев, она старалась вести разговор только на итальянском. То есть на её родном языке.

Но, было заметно, что пока она говорила на итальянском — ничего серьёзного не обсуждалось. Окончательно об этом уровне стало ясно, когда Натин заговорила о деле.

На санскрите.

Перед этим, она повернулась к Паоле и кивнув, извинилась.

— Извини. Но нам надо сейчас поговорить о своём. На своём иномирном языке.

— Чай для гостии будет в неограниченном количестве? — шутливо спросила она на итальянском у братьев.

— И печеньки тоже. — добавил Григорий по-русски, но тут же поправился и повторил это же на итальянском.

— Я вижу, ваша спутница, пользуется у вас неким уровнем доверия, — начал Василий на санскрите, перед этим также извинившись и кивнув Паоле. — Насколько много она о нас знает?

— Мало знает. — ответила Натин. — Я сказала ей только одно. Что мы, трое не из этого мира.

— Была такая необходимость? — спросил Григорий.

— Да. Она видела слишком много. Она видела, как я расправилась с охраной того вельможи, что пленил её в Италии.

— Так сплетни не лгут, что вы кинулись спасать её? И у вас, кроме этого, иного мотива не было?

— Да. — коротко ответила Натин и, почему-то поморщилась, как будто этот ответ ей самой очень не нравился.

— А почему, если не секрет? — тут же заинтересовался автор бестселлера «Вендетта по-корсикански». Кстати говоря, у издателя данное название вызвало некоторую нервозность и он предложил альтернативное — «Честь или смерть». Но не прошло. Настояли на первом варианте.

Натин слегка улыбнулась и сказала по-итальянски.

— Она оказала мне несколько услуг. Очень ценных, перед тем, как её изловил тот вельможа. Я чувствовала себя обязанной. А когда оказалось, что бандиты графа убили её

родителей, пытавшихся уговорить его отпустить дочь, то взяла с собой. Она бы там не выжила. Граф разорил её семью полностью.

— Думаю, что ей в России понравится. — заметил Григорий.

— С нами — понравится! — загадочно бросила Натин и тут же перешла на санскрит.

— Каковы ваши стратегии тут, в этой стране и регионе?

— Намерены встроиться в процесс? — почти как утверждение спросил Григорий.

— Да. Я — прогрессор. Тем более, что желаю, наверное не меньше вашего, вернуться домой. И довести возложенное на меня дело до конца.

— Но ведь вы сами сказали, что для того, чтобы отсюда выбраться нужен звездолёт. — удивился Василий. — Собираетесь здесь его, «на коленке», собрать?

— «На коленке»? — проявила непонимание Натин.

— Идиоматический оборот. Означает: «Сделать что-то в совершенно кустарных условиях. Руками. Собирая изделие на коленке».

— Хорошо. Запомню. — ухмыльнулась Натин. — Хорошая шутка. Но вы сами понимаете, что с той промышленной и технологической базой, что есть сейчас, сделать звездолёт невозможно в принципе. А это значит, что надо поднимать какую-то из стран.

— Да. Мы понимаем.

— И выбрали эту страну?

— Да. — мягко улыбаясь, утвердил Василий.

— И по какому принципу выбирали?

— Если процесс пойдёт так как и в той реальности, которую вы закрыли, то через семнадцать лет, эта страна сделает колоссальный рывок в социальном развитии, получив, практически независимость от Европы и САСШ.

— А это действительно было так в той реальности? — с сильным сомнением выговорила Натин.

— Да. Тот пресловутый социализм, о котором трюндят социалисты в Европе, они построили. Опираясь на свои ресурсы, и на основе тех социальных отношений, что есть сейчас здесь. И вышел он далеко не таким как представляли в Европе.

Натин нахмурилась и надолго замолчала. Через некоторое время даже раздражённо начала барабанить пальцами по столу. Паола вопросительно посмотрела на свою патронессу. Та не среагировала, продолжая барабанить по столу кончиками пальцев.

— Что-то не так? — наконец нарушил молчание Василий.

— Да всё не так! — как-то очень нервно выговорила Натин. — Если то, что я видела в Европе верно, если верно то, что я читала в их газетах, то... У этого мира нет шансов. Ни единого. Система, что образовалась здесь и укрепляется...

Она назвала некий необычный термин. Причём выговорила его с каким-то особым омерзением.

— А раз так, то нам надо что-то предпринять до 1940 года. Или кардинально изменить ситуацию в этом мире... что мне представляется почти нереальной задачей... Или построить звездолёт. Что есть задача того же порядка. Короче — мы влипли.

— А если это не «мёртвая зона», а «минусовая»? — вдруг спросил Василий, который над теми словами Натин долго размышлял.

Натин бросила быстрый взгляд на Василия и у неё лицо слегка разгладилось.

— Я тоже над этим думала. Если это действительно «минусовая», то у нас есть некий шанс. Всё-таки прошлое. Если «альтернатива» — то никакого. Обычно «альтернативы» в

вопросах диких случайностей, очень жёсткие. И не повторяют их у себя.

— А вы считаете, что тогда... в том мире всё было на какой-то случайности?

— Скорее всего даже цепь случайностей. Посмотрите вокруг, чтобы убедиться.

Натин широким жестом, изящно, махнула рукой вокруг.

— То есть, у вас полный пессимизм по отношению к этому миру? — заключил Григорий. Ему стоило изрядных усилий сохранить спокойствие выслушивая приговор из уст прогрессорши.

— К сожалению, да. Таких, в том числе и мёртвых миров, вокруг очень много. Этот пучок вероятностей... Он весь какой-то ЗЛОКАЧЕСТВЕННЫЙ. В большинство мёртвых миров здесь, даже заглядывать, бывает, смертельно опасно. Вам повезло, что вы изначально не попали в такой мёртвый мир. Иначе бы выгребались из него... долго. Или вы как разведчики только по периферии пучка «чиркнули»?

— Что-то типа того! — отбрехался Василий и поспешил сменить мрачную тему. — Но ведь всё равно что-то надо делать! Я, и мой брат — мы лично сложа руки сидеть не собираемся, дожидаясь кончины этого мира.

— Я тоже. Но то, что я видела сама, то, что мне показывали в Университетской Библиотеке Миров — просто ужасно.

— Тем больше будет у нас стимулов поднапрячься. — подхватил Григорий. — Но... по вашим оценкам сколько примерно этому миру жить осталось?

Натин снова стала барабанить стол пальцами и скосила глаза в сторону.

— Думаю... От шестидесяти до ста сорока лет. — что-то высчитав в уме, выдала она. — Либо тотальная война с применением преимущественно ядерного оружия, либо биологическая война. В последнем случае получаем *полностью* выжженный мир. С *полностью* деградировавшей биосферой.

Натин дважды выделила интонацией слово «полностью». Красноречиво.

— Картина внушающая отчаяние... — слегка съёрничал Григорий.

— Ну... Ваши действия тоже как-то не светят оптимизмом. — тоже слегка ядовито заметила Натин.

— Что вы имеете в виду?

— Да то, что вы не успев закрепиться в этом мире, предприняли очень непоследовательные, хаотичные действия по технологическому и научному подъёму. Начали распространять истинные знания про перспективы развития мира. Описания ядерной войны и тотальной пандемии смертельной вирусной инфекции, что вы нарисовали — очень впечатляющие.

— Что, в Европе до сих пор бегают кругами и орут от страха? — улыбнулся Василий.

— Ещё как! — усмехнулась Натин. — Ведь вы ещё и подогреваете их периодически.

— Считаете неправильным? — спросил Василий.

— Н-нет. — слегка помявшись сказала Натин, легонько мотнув головой и завершила более уверенно. — Скорее всего нет! Но давление в информационной сфере, в этом направлении стоит наращивать. Психоз поднимает температуру в обществе. А с нею растут шансы сломать систему... (Снова тот самый незнакомый термин).

Василий не рискнул уточнять что она имела в виду. Боялся раскрыть своё «лоховское положение» в области прогрессорства. Григорий, вероятно, тоже промолчал по этой же причине.

И чем дальше они беседовали, тем больше шансов было как раз и показать свой

совершенно профанный уровень. Поэтому Василий решил несколько закруглить опасную тему, переведя её в более практическую плоскость.

— И как вы решили встраиваться в процесс прогрессорства? Исходя из таких мрачных оценок...

Неожиданно Натин сильно замялась. Видно Василий задел нечто, что для неё самой было изрядно неудобно.

— Какие-то проблемы? — не удержался Григорий.

— Да. — покраснев выдавала наконец, принцесса.

— Не сочтите это за проявление трусости. — начала торопливо она. — Но у меня есть серьёзная причина несколько отложить своё вступление в дело.

— Это какая? — несколько нескромно спросил Василий.

— Я не знаю как у вас в Арканаре производят встраивание в общество. Но у нас используется психомаска.

— Поясните пожалуйста. — Василий еле сдержал рвущееся любопытство. Ведь то, что рассказывалось — технология иного мира, далеко обогнавшего их собственный.

— Человек приспосабливается к социальной среде, вырабатывая некоторые стереотипы поведения. При этом некоторые психические реакции либо притупляются, либо наоборот обостряются. В моём случае, были обострены некоторые... гм... агрессивные реакции. Там это необходимо. Так как мир очень отсталый. И любое проявление мягкости в их понятиях есть проявление слабости. А если тебя заподозрили в слабости — сожрут. Не подавятся. И... психомаска, что на меня наложили... Короче, для этого мира, я классическая психопатка.

— Есть возможность это исправить?

— Быстро исправить — нужно то оборудование, что осталось «там». Если как есть... нужны длительные усилия.

— Ну... — Изобразив скуку на лице сказал Григорий, — вам, грубо говоря, надо время притереться к этому миру и к этой культуре.

— Да. — выдохнула Натин. — И в этом нужна ваша помощь.

«Так всё это словоблудие с длинными пояснениями от того, что она боялась попросить помощи! — дошло до Василия. — А я то думаю, с чего это она перед нами ведёт себя как студентка на сессии перед строгими преподавателями!».

«Так может она в чём-то тут ещё проговорилась?» — смекнул он и пробежался мысленно по всей беседе.

— Вы сказали, что желаете вернуться и довести возложенное дело до конца. Но ведь если это «мёртвая зона» — вы провалили задание. Значит, у вас есть уверенность, что это минусовая? — осенило его.

— Вы проницательны! — снова смутилась Натин. — Да. Действительно. Если минусовая, мы просто здесь остаёмся до «пороговой даты». Когда упадёт временной барьер. И я — в своём времени. И вы в своём. Мы оба сможем закончить то, что делали. Без ущерба для дела.

Последнее было сказано с подъёмом и оптимизмом.

— Ну... Я надеюсь, что это именно минусовая. — снова смутившись сказала она. — провалившись в прошлое, нам нужно только применить все свои способности, продержаться до пороговой даты. При этом, как очевидно, придётся заняться прогрессорством, чтобы, как минимум, оттянуть момент гибели этого мира.

— Ха! — сказал Григорий, как точку поставил. — Вот вам и стратегия с тактикой:

Оттянуть или предотвратить гибель мира как цель. Хорошая отправная точка для разработки конкретного плана?

— Конечно. — тут же согласилась Натин. — Очевидная.

— Поэтому мы и выбрали эту страну, так как тут уже была революция в том мире. — тут же добавил Василий.

— Отсюда, следует, что нам надо как-то повторить те условия, что были в той реальности. Цель: запустить здесь контрпроцесс, чтобы превратить его в лекарство от...

Натин снова повторила тот же самый термин, похожий на что-то медицинское, от которого у Василия уже скулы сводить начало. Но спросить что это такое он не решался.

— Но революция, естественно, должна быть совершенно перпендикулярна тому, что замышляют западные социалисты. Чтобы вышел реальный контрпроцесс, а не пародия на него. — продолжила размышлять вслух Натин глядя куда-то в сторону.

И на Василия, и на Григория эти слова подействовали двояко. Правда на каждого по-своему.

У Василия: «Если не та революция, то какая? Если не социалистическая, не капиталистическая... что за муть тут решила сделать Натин?! Но с другой стороны... Она, как-бы лучше нас знает. Но! А стоит ли ей в этом доверять? Вдруг это некий хитрый план, чтобы поставить этот мир себе на службу, приготовить к колонизации и захвату. Вона какой дракон в юбке в виде прогрессора! Что если они все там такие?».

У Григория: «Здорово! Значит, картина мира у Василия, тоже неверная! Натин подтверждает. Это хорошо! Счёт по „тараканам“ 1:1! Но... мою картинку всё равно жалко... Да и чёрт с ней, если выйдет что-то приличное! Разберёмся, как братик и говорил, „по ходу дела“, а там уже видно будет».

— Значит... Нужны дополнительные сведения о той версии процесса, что была в том мире. — неожиданно закруглила свои размышления Натин. — У вас есть информация по той реальности? Которой более-менее можно доверять?

— Кое-что есть. — уклончиво ответил Василий.

— Мне нужна эта информация! — тут же загорелась Натин. — И... И та тоже! Пс мифам!

Тут уже у Натин сработал хорошо развитый «исследовательский хватательный рефлекс». Видно там, в том мире Аньяны, произошло воистину что-то феерическое, если у прогрессорши вот так жадно глазёнки разгорелись.

— Будет. — с готовностью кивнул Василий.

— И... — снова замялась Натин. — нужно исследовать этот мир и эту культуру, а у меня...

Лицо у принцессы стало каким-то обиженно-злым.

— Мне нужно сопровождение. — наконец покраснев выдала она.

— Вы думаете, что кто-то из нас вас сдержит, по крайней мере успеет вовремя, если вы ринетесь в атаку? — насмешливо спросил Григорий.

— Ну... Я буду сдерживать свои реакции. К тому же я буду смотреть на поведение сопровождающего и, по возможности его отображать.

— Это — легко! — Сказал Григорий, а сам подумал: «Вот и будет возможность за ней понаблюдать и проконтролировать».

На этом и закруглились.

Ещё поболтали о том — о сём. Обменялись впечатлениями о том, что происходит «в

Европах» и в России. О нравах и привычках местного народу. Но это уже был просто светский трёп. Однако, Натин их очередной раз огорошила прямо перед уходом.

Видно характер у неё был такой.

— Кстати! Господа Эсторские! Вы в курсе того, что почти половина «просвещённой публики» Санкт-Петербурга уверена, что вы есть Древние? Из той, вашей книги...

— Шоб я сдох! — потрясённо выговорил Григорий и после паузы добавил. — Лет через триста!

Натин подошла ближе и лукаво посмотрела ему в глаза.

— Вот и «сдохнешь лет через триста» — передразнила она его. — если до этого срока сам не убьёшься. Ведь у Гайяны профилактику проходили, да? Не знаю как у вас в Арканаре, но подозреваю, что также как и у нас — профилактика делается последовательно. Это у Гайяны — за раз запас жизни на четыреста лет выдаётся.

Насладившись произведённым эффектом Натин удалилась со своей Паолой. Паола, как заправская фаворитка следовала за своей патронессой строго в полушаге позади.

— Ну и как тебе эта дам-мочка вблизи? — подколот Григория Василий, намекая на его привычку волочиться за всеми хорошенькими представительницами противоположного пола.

— Эт-то не в моём вкусе! — категорично заявил брат всё ещё с некоторым потрясением во взоре наблюдая удаляющуюся пару дам. — Мне больше по нраву киски. Тихие, домашние, тёплые. А это!.. Блин! Кобра!

* * *

Указание Натин на распространяющуюся в широких образованных кругах Санкт-Петербурга шизу, братья решили спешно реализовать. Но вот как это можно было бы облечь, как осуществить — тут возникали некоторые проблемы.

Предложения Григория по оформлению «движения», Василий нашёл неприемлемыми. Причём в его аргументах была изрядная доля правды. Под впечатлением от разных сект, которые в 1899 году были в бесчисленном количестве, Григорий и предложил составить их «по образцу и подобию», но с использованием тех «технологий» и методов, что он видел в своё время. В начале века 21-го.

Возражения в сущности сводились к одному. Сектантская шиза, с разными мистическими идеями и фетишами, что были в изобилии в Российской Империи на рубеже веков, суть свидетельство интеллектуального загнивания общества.

По своей внутренней сущности, все эти шизы были АНТИИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМИ АНТИПРОГРЕССИСТСКИМИ. Так как отрицали в корне науку как явного и прямо антагониста религиозной веры. Такого же свойства были и секты века 21-го, которые видел Григорий.

А для подъёма России нужно было общество как раз прямо противоположного свойства — прогрессистское и интеллектуальное. Но на чём и Василий и Григорий сошлись, так это на том, что в тайной организации должен был быть какой-то ритуал. Хотя бы ритуал посвящения.

Также братья сошлись и на идее выстраивания общества с кругами посвящения. По сути, получалось в проекте что-то типа масонской ложи, но на не религиозной и не мистической

основе. Однако как быть с изначальными идеями некоторых полу- и откровенно мистических учений, присутствующих в книге, тут возникли некоторые трудности. Переводить всю йоговскую муть, (особенно из раджа-йоги) на рациональную основу — жизни не хватит. Потому выход мыслился в привлечении широких слоёв психологов и психиатров к этому делу.

Но вот проблема была в том, что и тех и других было в наличии катастрофически мало. Как вообще грамотных инженеров, и, что особо печально, учёных. Быстро исправить это положение было совершенно невозможно. Потому решили пока бросить сие начинание на самотёк и сосредоточиться на текущих проблемах. А именно, на наращивании выпуска новых медикаментов, на инструментальном заводе и вообще поиске возможностей как-то расширить круг людей, желающих и могущих осуществлять новые для России и мира технологии.

Проблем же в этой области было немерено.

Вот, к примеру, будущий станко-инструментальный завод.

Что там прежде всего начали производить?

НАПИЛЬНИКИ!

Хохма в том, что до этого все напильники в стране были... Европейского производства. Первый завод по производству напильников в России, в «реальной» истории, появился аж в 1916-м году. Уж до чего простая вещь. Но для того, чтобы её произвести, существует своя, особая технология.

Но что делать вообще с любой технологией? Ведь это не просто некие бумажки, на которых расписано что-то там как его производить.

Технология, это, прежде всего завод, где это всё производится. Оборудование, которое там установлено.

Установили да?

Ага.

С трудом.

Для начала долго-долго, боролись с грязью и вообще жутким состоянием помещений.

Но что дальше?

А дальше, технология это инженеры, которые знают как эту технологию осуществлять. Знают её «ноу-хау» — «как делать». Или, совершенно по-русски — мелкие хитрости.

Но чтобы их знать, нужно их УЗНАТЬ.

А что для этого необходимо?

Чтобы сами эти инженеры ОСВОИЛИ эту самую технологию.

Своими ручками.

И только после этого, они смогут научить рабочих. В первую очередь высококвалифицированных, а после, те высококвалифицированные, научат всяких прочих.

То есть, на 99 % любая технология, это ЛЮДИ. Те самые, никому из конечных потребителей не известные инженеры, мастера и, к сожалению коекакеры(хрен ты от них куда денешься, особенно в условиях той ещё культуры и тотальной безграмотности!), которые эту технологию осуществляют.

Но, всё это — ВРЕМЯ. То самое время, которое катастрофически утекает. Приближая время гигантских социальных катаклизмов.

Однако, были и светлые стороны.

Неожиданно оказалось, что в Питере таки есть производство алюминия.

Производился тот алюминий в мизерных количествах. И практически весь шёл на экспорт.

Когда Василий впервые пришёл к владельцу того завода, чтобы договариваться, то тот сначала не поверил своим глазам, и ушам. Он долго никак не мог понять, зачем нужен этот очень мягкий металл, для авиации, когда существуют такие прочные и отличные вещи, как дерево, сталь...

Пришлось сливать технологии дюралюминия. Кстати говоря и тут тоже братья хоть и незначительно, но обогнали время. Немецкий инженер, придумавший в РеИ этот сплав, ещё до него не додумался.

А вот когда владелец завода узнал потребные объёмы... Он разве что прыгать от восторга не начал. Впрочем, как и вообще, освоение технологии было делом долгим. Также как и начало строительства самолётов, с применением этих сплавов.

Самолёты же... Также неспешно, но проектировались. Пока только проектировались. Деревянные...

И самая тяжёлая проблема в самолётах была — двигатели. Где производить их?

И тут произошёл курьёз. И произошёл он на почве поисков предприятия, где бы могли изготавливать двигатели.

Уже сколько братья находились в Санкт-Петербурге, но только сейчас, на пороге Нового Года узнали, что в городе есть завод по производству автомобилей... Там как раз готовились к началу выпуска... электромобилей.

Что, кстати, было особо интересно, всё делалось из деталей местного производства. «Экипажная фабрика Фрезе» — так назывался этот завод. На нём выпускались как просто экипажи, так и пытались ещё автомобили клепать.

Стоили те автомобили просто несусветные деньги по тем временам. Для сравнения: обычный экипаж стоил 50 рублей. Автомобиль — 1500. Не удивительно, что этих автомобилей на улицах Санкт-Петербурга было практически не видно.

Братьев также извиняло то, что они помнили из «той» истории только «Руссо-Балт». И также помнили, что он начал выпуск автомобилей в 1906 году. А о такой тонкости, что в Петербурге в него влилось предприятие ранее занимавшееся их выпуском, они не знали.

Установление связей с этим предприятием тоже было большим достижением. Постепенно складывалось что-то типа корпорации. Крайне рыхлой, крайне разнородной. Где производились медикаменты, автомобили, инструменты и в будущем — самолёты.

Кстати, о медикаментах.

Публикации в прессе о «чудо-лекарствах» особого впечатления на публику не произвели. И не произвели потому, что подобных им объяв и всяких «чуд» было в те времена много. От шарлатанов. Но отзывы конкретных врачей вскорости вызвали повышенный интерес к новому лекарству, под общим названием «антибиотик». И по мере накопления отзывов рос и спрос на него.

Вскорости этот рост грозил превзойти рост наличных мощностей по производству лекарства. Но это были всё равно временные трудности. А что в Европах это сообщение не вызвало серьёзного резонанса, братьев сильно обескуражило. И это на фоне всё ещё продолжающегося психоза на почве описаний болезни «эболы». Очевидно, что нужны были ещё какие-то дополнительные усилия. Явно на всё, что шло с «периферии», из «диких

стран», у европейцев был «иммунитет» в виде снобистского предубеждения вида: «да что там вообще могли найти?! Вот если бы в Европе...».

Впрочем, судьба многих изобретателей и учёных, типа Попова, когда приоритет открытия приходилось в будущем доказывать десятилетиями — в данном контексте была показательной.

Да что говорить?!

В 21-м веке даже величайшее открытие в химии — периодический закон, — на западе тщательно затушёвывается. Это в России Периодическая Таблица химических элементов это «Таблица Менделеева». А на западе уже даже фамилию открывателя мало кто знает.

Было полное впечатление, что обосновавшись в России братья оказались в некоей зоне отчуждения и забвения. За неким высоким забором, навевающим воспоминания о термине «железный занавес».

Оказалось, что сей «занавес» был всегда.

Только имел другие названия.

В России этот «занавес» действовал. Только действовал он слегка по-другому, нежели во времена «коммунизма». Всё, что шло с Запада — воспринималось «на ура». Как самое лучшее и передовое. Даже если было откровенной дрянью.

В то же самое время, самые лучшие достижения отечественной науки либо воспринимались с пренебрежением, либо вообще игнорировались. И братья Эсторские, как ни странно, несмотря на своё «иностранное» происхождение также попали в то самое положение — игнорируемых своих.

Даже то, что они наладили лечение своих рабочих и членов их семей тоже не имело большего шума, нежели тот, на который рассчитывали.

Тем не менее, восторженный визг хирургов, врачей-профи со стажем, применявших роганивар (который на самом деле пенициллин) таки достиг нужных ушей. И действительно: Если лекарство лечит довольно запущенные случаи гангрены и прочих заболеваний инфекционной природы, диагноз которых ранее был равен смертному приговору — тут уже нечто. Лекарство часто буквально поднимало со смертного одра ранее безнадежных больных и это также не могло укрыться от внимания общественности, подогретой нужным образом публикациями в прессе. Ведь спасало то лекарство от смерти их родных и близких.

А то, что «бенциллин-роганивар»^[18] лечит ещё и венерические заболевания...

Последнее — проблема венерических заболеваний, — была как нигде актуальна в среде элиты. И то, что лекарство связано с именем братьев Эсторских, имело изрядный триггерный эффект. Простая сплетня о том, что они, якобы, «те самые, которые Древние», в умах «просвещённой публики» стала обретать плоть и кровь. Не просто «экзотический слухок, имеющий скандальный душок». Это уже походило на анекдот. Именно лечение венерических заболеваний почему-то сильнее убедило элиту в том, что братья якобы, Древние, нежели все остальные, более весомые, аргументы и факты.

Лекарство, реально спасающее от гибели многих, самолёт и открытие Плутона, книги туго нафаршированные «тайнами забытых цивилизаций» (Ага! С самолётами-звездолётами и прочим невиданным здесь барахлом), которые жадно читались всеми от мала до велика, соединившись вместе в умах публики — таки произвели нужное впечатление.

Оставалось показать кое-что кое-кому, чтобы возникновение и становление «тайной организации» под названием «Наследие Предков», приобрело лавинообразный характер. И

ведь показать было что.

Фотографии Земли из космоса и планет Солнечной системы вблизи — всего лишь часть.

А ведь можно было и что-то из реальных кадров жизни людей 21века, в соответствующей редакции. Благо комп яхты позволял.

Можно было и вообще кадры из научно-фантастических фильмов сюда же присобачить.

Что показывать — братья нашли быстро. И сварганили даже несколько «пропагандистских роликов».

Оставалось лишь найти нужную впечатлительную натуру, чтобы всё это продемонстрировать.

Глава 18

Новый век

Новый Год же праздновали в ресторанах, которых в Петербурге уже тогда было очень много. Знать встречала Новый Год в ресторанах «Медведь» на Большой Конюшенной или «Кюба» на Большой Морской улице. Самым модным был ресторан «Контан» на Мойке. Среднестатистические жители города шли в «Донон». Современному новогоднему напитку, шампанскому, предпочитали жженку — напиток, похожий на пунш. Его варили из алкоголя, фруктов и жженого сахара. Новогоднюю елку в своих домах наряжали сладостями — орехами и конфетами. Верхушку елки украшали Вифлеемской звездой.

Практически никто не придавал никакого значения этой дате. Только торговцы использовали её в чисто коммерческих целях — на рынке появилось французское шампанское «Новый век» и «Конец века».

Братья тоже решили отметить вступление в новый век. Только по-своему. Они знали, что будет в 20-м веке, если всё пойдёт так же как и было. И кто будет основным поставщиком катастроф для России в этом веке. Поэтому они не удержались, чтобы перебросить через «железный занавес» «парудохлых кошечек».

За две недели до Нового Года, в газетах Европы и САСШ начали выходить разнообразные предсказания.

Как обычно, в те, да и в нынешние времена, свои «предсказания» выставляли разные «провидцы» и прочая нездоровая на голову публика. Для таких же как и они, нездоровых на голову. Так как процент последних был очень велик, то и популярностью они тоже пользовались изрядной.

Но это было ничто, по сравнению с тем, что выдано было под заранее раскрученными именами, ранее замеченных в поставках сенсаций и «комментариев», которые распространял Григорий.

Отличие от всяких прочих «предсказаний» в его статьях было слишком очевидно.

«Предсказатели» и «провидцы» гнали мистику. Предсказывали, как обычно, апокалипсисы с «сошествием ангелов с небес» и прочими «достоверными ужасами».

В статьях Григория — жёсткая аналитика. Показ того, что неизбежно случится в ближайшие пару десятилетий. И... ну надо же было поддержать традицию — просто описания войн будущего. Без показа техники. Просто с живописанием разрушений и смертей. С описанием немыслимого зверства, до которого дошли нацисты. А также с указанием, что до этих зверств дошла не какая-то «азиатская нация», а европейцы. С расписыванием механизма такого озверения и осатанения.

Расчёт был также на то, что даже если сейчас сии предсказания не будут должным образом восприняты, то вспоминать, по мере сбывания всех этих «чёрных мечт», будут всё чаще и чаще. В этом деле главное — вовремя напоминать что «а вот это было предсказано вот тогда-то и там-то».

* * *

Вообще, хотелось забабахать нечто грандиозное на празднование «рубежа веков». Но

как ни думали братья над этой задачей, так ник чему серьёзному не пришли. Все проекты были либо никчёмными, либо запредельно дорогими.

Для рабочих станко-инструментального завода устроили раздачу продуктовых новогодних подарков. Плюсом к зарплате.

Но для работников завода по выпуску лекарств, а также инженеров, решили сделать-таки отдельное празднование. В этом же мероприятии, решили совместить приятное с полезным. Закинуть и тут нечто, что после разойдётся в виде диких слухов. Что после послужит как раз основой для создания «тайной организации».

Как её создать у братьев нормальных идей не было. Просто приглашать — не вариант. Отбирать «наиболее достойных»? Как? По какому принципу? По каким признакам, качествам и вообще?..

Потому и делали, что в голову взбрело.

Собрали всех в ресторане. Заранее по приглачительным билетам.

Пришли гости, ясное дело, семьями. Толпа получилась изрядная — в двести человек, но все уместились. Расчёт по количеству гостей был сделан правильный.

Гости начали прибывать за час до начала банкета.

Надев всё лучшее, что у них было, нацепив те украшения, что смогли нажать за свою жизнь или доставшиеся по наследству. Многие стеснялись, так как достатком не обладали. Ни они, ни их предки. Тем не менее, по заранее согласованному сценарию, поближе, практически на почётные места была посажена семья той самой «бестужевки», недавно выздоровевшая от тяжёлого недуга. Мать выглядела ещё изрядно измождённой, но вот дети сияли здоровьем. Так что мать тут же усадили за стол, и детям наказали строго следить.

Братья всех встречали как самых дорогих гостей.

Но когда, наконец, собрались все, началось то, что было задумано.

Просто жрать и пить, даже на новогоднюю ночь — пошло.

Поэтому, Григорий, как записной тамада взял речь.

Продравшись через дежурные фразы он «взял быка за рога».

— Мы вас собрали не просто так. Мы хотели, чтобы вы разделили общее торжество — торжество ухода века 19-го. Славного, но всё ещё тёмного. Века, где были сделаны пока ещё робкие, но конкретные шаги к Свету, к процветанию всех людей на земле. И торжество встречи века нового, который знаменует наступление Новой Эры — эры Науки! Наука всё более приобретает силу. Силу, что преобразует мир. К лучшему.

Делает наше житие комфортнее, наполняет богатством и достатком всё большее количество людей. Делает их счастливыми. Спасает от смерти.

Впервые в нашем городе, в России, был открыт новый препарат. Из небывалой ранее когорты антибиотиков. Запущен в производство вашими усилиями...

Григорий обвёл рукой ту часть толпы, которые работали на фармакологическом заводе.

— ... И который реально спасает уже тысячи жизней от неизбежной, в самом недалёком прошлом, смерти. Но эти времена, когда умирали тысячами и им невозможно было помочь, уходят в прошлое. Есть лекарство, и среди нас есть также люди, кто был им спасён. Уже и среди нас! А ведь пройдёт совсем немного времени, и лекарство станет общедоступным. И войдёт в быт и повседневность. И кто знает, может и вас минует смерть именно благодаря этому лекарству, которое мы же и производим.

Наука теперь реально спасает жизни. Тысячами! А будут ещё и миллионы, сотни

миллионов спасённых!

Толпа взорвалась восторженными аплодисментами.

«Металлисты» меж тем, с завистью взирали на тех, кому достались первые лавры.

— Медикаменты не только жизнь теперь спасают. Но спасают и разум. И плевать на то, что некоторым алчным, кто потерял на этом свои барыши — это лекарство, буквально поперёк горла. Главное, что оно есть, и лечит ранее неизлечимые формы безумия. Не все, но лечит! И мы добьёмся того, чтобы все болезни, будь то тела или разума, лечились! Нашими и Вашими стараниями!

Толпа снова взрывается аплодисментами.

— Но ведь не только избавлением от болезней будет жив человек. — продолжил далее Григорий. — Людям нужно что-то есть, нужно, чтобы в их жилье были тепло и свет. Но для этого нужны трактора, чтобы вспахать землю, сеялки, чтобы засеять, жатки, чтобы сжать урожай. Чтобы были тепло и свет, нужны другие машины. Но чтобы их произвести нужны инструменты которых до недавнего времени в России не производил никто, нужно много чего ещё, и мы это сделаем! Мы уже делаем! И в этом ваша заслуга!

Григорий взмахом приветствует другую, меньшую часть приглашённых. Но все встречают этот жест дружными аплодисментами.

— А давайте посмотрим как оно будет. Там, в далёком от нас будущем... Не спрашивайте, как мы сделали это. Всё — всего лишь техника и технология. Технология овеществления мечты. То, чем во многом заняты вы на производстве. Но теперь, пользуясь плодами прогресса, мы можем показать также и то, что даст нам этот прогресс. В будущем.

На столе, напротив стоящих полукругом, рядом с Григорием зажёгся большой экран. Кадры, что там появились не были движущимися. Но они были цветными и поразительно детальными.

Зазвучала музыка. И на экране медленно сменяясь засверкали яркими красками картины того самого будущего.

На них, перед изумлённой публикой представала череда образов городов, со зданиями как распутившиеся цветы, башнями, устремлёнными в небо, с машинами проносящимися по улицам городов, наполненных людьми, в странных одеждах.

Сельские пейзажи с ползущими механизмами по полям, собирающими урожай и управляющими ими людьми.

Удивительные летательные аппараты бороздили своими белыми облачными следами синие просторы небес. Красивые суда разрезали гладь океанов, и везде, люди.

Люди, без тени тяжёлых забот и горя на лицах. Счастливые.

Да. Некоторые наряды, особенно дам, могли шокировать неподготовленную публику. Но тех кадров было мало.

— Хотите ли вы жить в этом будущем? — патетически воскликнул Григорий.

— Да!!! — восторженно воскликнула толпа. Причём среди них были не только те, кого пригласили братья, но и те, кто пришёл в ресторан сам по себе, отдельно, обслуга ресторана. Все, забыв про всё на свете, жадно впитывали в себя эти феерические образы, что проплывали на большом экране. Картинки завораживали. Люди млели, как будто вот здесь, сейчас пред ними открылись врата рая и они могут наконец-то, хоть одним глазком, взглянуть на житие небожителей. Так что восторг выраженный в дружном вопле, желание прозвучавшее в нём, были более чем искренними.

На те картинки хотелось смотреть до бесконечности.

— Но! — вдруг сурово заговорил Григорий, — У прогресса есть и обратная сторона. Его плоды, попав в руки людей злых и алчных, обращают всё против людей. Против этой красоты. И наша задача, не допустить, чтобы вот эта планета, стараниями алчных и недалёких негодяев превратилась из рая в пустыню. На завершающем кадре возникло изображение Земли. Из космоса.

Присутствующие тут же узнали треугольник Индостана, толстый крючок Каспия, в необычном очертании берегов, Африку, Аравию... И всё это сверкало как драгоценный сапфир в бесконечной тьме космоса.

У многих от зрелища спёрло дыхание. Многие просто забыли дышать, жадно впитывая этот образ.

То, что изображение и близко не походило на картину художника, было заметно сразу. Но как братья могли получить ЭТО?!!!

Эта простая мысль возникла у многих.

— Ведь она такая маленькая... Наша планета... Она — колыбель человечества. — продолжал меж тем вещать Григорий. — и от нас теперь зависит, дальнейшая её судьба. Погибнет ли она, или наоборот, поднявшееся из грязи и тьмы Веков Забвения, человечество, достигнет самих звёзд!

На экране — сменяются вообще фантастические пейзажи с небесами вовсе небывалыми.

Свет на экране медленно гаснет.

В зале воцаряется чуть ли не звенящая тишина.

Несколько длинных минут люди приходят в себя после увиденного. И, наконец, когда у большинства на лицах таки проступает более-менее осмысленное выражение, Григорий вскидывает торжественно руки провозглашает.

— А теперь — групповое фото!.. Просьба всем у кого есть маскарадные маски, их снять! Чтобы на фото были узнаны все. И чтобы ваши внуки и правнуки, внучки и правнучки могли по фото сказать: «Вот моя бабушка-прабабушка, дед-прадед в тот самый Новый Год! Год начала Новой Эры!»

Новый взмах руки и все видят, что Василий, на которого никто не смотрел, поглощённый феерическим зрелищем, уже установил треножник с малюсеньким фотоаппаратом. Малюсеньким, по сравнению с теми ящиками, к которым привыкли обыватели века девятнадцатого. И тем не менее...

В то, что это именно фотоаппарат, поверили все и бесповоротно. Братьям теперь верили как пророкам.

После такого-то представления!..

Народ, приняв самый торжественный вид из всех, на которые был способен, медленно и величаво выстроился стройными рядами. Свечное и газовое освещение, которое было вполне обычным для этого времени, как ни удивительно это было для братьев, выдавало приличный поток света. Не как можно было бы предположить типа «полумрак». Хорошему освещению, также способствовало в целом светлые и хорошо отражающие свет интерьеры.

Почему именно светлые — ясно было из того самого несколько бедноватого освещения, что всё-таки создавали газовые свечи и редкие пока в эти времена, электрические лампочки.

— Сейчас будет яркая вспышка электрического света. — предупредил Василий, когда все уже выстроились. — Это для того, чтобы получилось хорошее изображение. Так что не пугайтесь.

Он взвёл автоспуск и быстрым шагом присоединился к выстроившимся. Тем более, что свободный стул для него был зарезервирован Григорием.

— Сейчас метнусь за фотками. Для всех. В плакатном исполнении. А ты — пока развлекай публику. — сказал Григорий, когда фото наконец было сделано.

Публика промаргивалась от вспышки и шумно обсуждала, картинно округляя глаза, только что увиденное зрелище. И картины показанные на экране, и необычный фотоаппарат.

Василий кивнул и Григорий быстро зашагал к выходу с фотоаппаратом в руках. Когда он вышел на улицу, там, у бордюра было припарковано нечто. Похожее на автомобиль.

Оно, собственно, и было автомобилем. Собранным в единственном экземпляре (пока) но с двигателем, таким же, как и на дельтаплане. Чуть-чуть, правда, «доведённым». Не таким мощным, как хотелось бы, но километров сорок-пятьдесят эта «бумбарахайка», как тут же назвал её Григорий, могла выдать. А для Питера 1900 года эта скорость была уже чем-то запредельно быстрым.

Единственным и крупным пока недостатком этого транспортного средства было то, что заводился он «кривым стартером».

Крутанув ручку пару раз, Григорий, запрыгнул в зафыркавший выхлопными газами автомобиль и рванул с места в темноту.

Пугая прохожих и стоящих у обочин лошадей громом подвески и рыком двигателя.

Вот так, громяхая на булыжниках мостовой, автомобиль и достиг своих предельных 56 километров в час. Григорий для на всякий случай ещё вывел его на середину улицы. Чтобы вовремя, если что случится затормозить или свернуть. Однако, в ночь, как правило люди сидели либо по домам, либо по кабакам, либо по ресторанам. Особенно сейчас — в новогоднюю ночь.

Вскоре, пошли улицы не сильно освещённые, так что пришлось включить фары. И тут случилось то, что должно было рано или поздно случиться. Из за угла показалась повозка, запряжённая парой очень породистых коней, ведомая, как можно было судить по воплям — совершенно пьяным возницей.

Вознице было хорошо. Он пьяным козлетоном орал в морозное небо то, что считал за песню и по сторонам не смотрел. И, естественно автомобиля не видел и его не боялся.

Однако коники были иного мнения.

Увидев нечто рычащее и громко лязгающее, со светящимися круглыми, огромными «глазами» фар, они закричали и шарахнулись в разные стороны. Повозка от этого опасно накренилась. Когда не успевший затормозить на скользкой дороге Григорий, проскочил прямо перед их мордами они наконец выбрали направление и повозка таки завалилась на бок. Возница, по пьяни не успевший зацепиться за что-нибудь, чтобы удержаться от падения, вылетел и кубарем покатился по мостовой.

Автомобиль занесло и машина, на несколько мгновений став на два колеса с громом и лязгом остановилась. Двигатель заглох.

Меж тем, понёсшие кони, таки зацепились заваленной повозкой за придорожный фонарь. Но и это их не остановило. Продолжая биться, они вылезли из постронок, развернулись и остановились мордой к перевернутой повозке постепенно успокаиваясь.

Григорий чертыхнулся и быстро выскочил из кабины.

Упавший возница, выделялся на присыпанной снегом брусчатке, как бесформенный чёрный ком. Григорий, опасаясь худшего рванул по направлению к нему. С противоположной стороны улицы, к ним спешил какой-то дворник, но Григорий успел

первый.

Когда он уже подбегал, «ком» зашевелился и сел на задницу, ошалевшим взором вглядываясь в полумрак.

— Штоет-та было? — пьяным голосом спросил он у подбежавшего Григория.

Увидев, что «клиент» жив и условно здоров, Григорий притормозил.

— Вы со своей повозки упали.

Постанывая и ощупывая отбитые места возница огляделся. Кони всё ещё ржали и пытались совсем вырваться и убежать, но безуспешно. Подбежал дворник. Как раз, чтобы удостовериться, что упавший отделался лёгким испугом и кучей синяков.

Увидев, что есть на кого спихнуть заботы, Григорий тут же распорядился.

— Так! Ты! Позаботься о сём господине. А мне — надо спешить.

Буркнув что-то типа «бу-сделна господин-хороший» дворник принялся за дело. Вынул свисток и засвистел созывая таких же как он и полицию. Кивнув, и как можно более уверенно, по деловому Григорий зашагал к своей «бумбарахайке». Ему никак не хотелось влезать в разборки с полицией, так что он поспешил. Но как назло автомобиль никак не хотел заводиться.

Однако, прибежавшая полиция, на него только слегка покосилась, ринувшись в сторону опрокинутой повозки, возле которой уже начала собираться толпа из окрестных кабаков и дворов. Коней таки уже окончательно успокоили.

Наконец, авто рывкнуло и завелось ещё раз, напоследок снова напугав непривычных к такому виду транспорта коней. Григорий быстро залез в кабину и кинул своего стального коня в полумрак улиц новогоднего Питера.

Но на этом приключения Григория не закончились.

Освещённую собственными электрическими фонарями яхту было видно издалека. Она сама в эту ночь сияла как новогодняя ёлка, освещая всю округу ярким, почти солнечным светом. И тут... Григорий заметил, что на борту, что-то неладно. Остановив автомобиль возле пакгауза, он заглушил двигатель и осторожно двинулся в сторону корабля.

На пирсе никого не было видно. Но на борту было заметно какое-то непонятное шевеление. Григорий хлопнул себя по груди, активируя полную защиту своего «бронекостюма», и уже более уверенно, быстрым шагом направился к трапу.

Уже на подходах, на снегу, покрывавшем тонким слоем причал, были заметны многочисленные следы. Григорий невольно присмотрелся к ним.

Были заметны следы неких сапог. Это скорее всего полиция наследила. Судя по цепочке — довольно далеко от яхты и вообще от края пирса.

Дальше, следы по меньшей мере сразу шести человек.

Григорий проследил откуда они шли.

В той стороне вполне можно было оставить некое транспортное средство типа брички. Только он об этом подумал, с той стороны обострённый слух уловил еле слышный фырк лошади. Тут уже Григорий усмехнулся и резко сменив направление метнулся туда, где мог быть человек, оставленный стоять «на стрёме».

Осторожно прокравшись вдоль каких-то штабелей он наконец увидел первого. Того, кто должен был подать сигнал тревоги.

Стоял он довольно грамотно. В самой густой тени, которую можно было тут найти. Но, детина не учёл того, что у Григория было от природы острое зрение, да ещё обострённое тренировками в спецподразделении, да ещё выправленное Гайяной, да ещё... словом,

Григорий его видел. Хорошо видел. А вот супротивник. Не факт, что увидит вообще... И не увидел.

Прокравшись где стоя, где в «упоре лёжа», Григорий приблизился к ничего не подозревавшему, озирающемуся по сторонам мужику. Остановившись у него за спиной практически вплотную, он тихо свистнул в сторону. Мужик вздрогнул и резко обернулся. Но никого не увидел, так как смотрел не под ноги. А Григорий также тихо скользнул ему за спину и снова свистнул. Мужик ещё более резво обернулся, уже почувствовав чьё-то присутствие за спиной. Григорий, уже зная как тот будет поворачиваться также скользнул ему за спину. И так много раз.

Доведя увальня этой игрой в прятки до умопомрачения, Григорий его резко «успокоил».

Обшарил карманы ветхого полушубка и самого «сторожа». Но не нашёл там ничего, кроме почти пустого кисета с махрой, и мотка довольно прочного шнура. Последнее он немедленно употребил в дело. Теперь мужик убежать не мог. Руки и ноги у него были связаны за спиной.

Снова огляделся.

Ни полиции, ни других таких же «сторожей» не нашлось.

Тогда он взвалил тело на себя и уже не таясь зашагал в направлении яхты.

Грабители, а это были они, обнаружили Григория только тогда, когда ему до трапа оставалось метра три. Увидев, кого он тащит, увидев, что он один, бандиты выдали в пространство витиеватый матюг и дружно ломанулись к трапу.

Осталось неясным, что они хотели сделать в итоге — то ли просто удрать, то ли напасть на Григория. Но ни то ни другое им не удалось.

Григорий резко ускорился. И когда противники столкнулись друг с другом у трапа, он присел, перехватил бесчувственное тело их подельника и... кинул его в толпу.

Такой прыти от него не ожидали. Связанный, пролетев по воздуху метра три, врезался в самую гущу грабителей.

Эффект от такого был закономерный. Как с кеглями в кегельбане. Только двое, не успевших добежать до трапа избежали участи быть контуженными и придавленными прилетевшим тяжёлым телом. Но и этим прийти в себя от неожиданности и сориентироваться Григорий не дал.

В два прыжка он оказался на борту яхты.

Дальнейшее было уже предрешено. И завершено в пару секунд.

Свалив в кучу бесчувственные тела, он вызвал комп яхты.

— Бродяга!

— Я слушаю.

— Эти вот индивиды — враги.

— Принято. Какие будут указания относительно них?

— Запереть в каюте КПЗ. Никому не открывать до нашего прихода и без нашего на то разрешения. С яхты этих деятелей, ясно дело, не отпускать. До специального распоряжения. Никому кроме нас не отзываться. Ясно?

— Так точно.

Ещё через пять минут, все неудачливые взломщики были помещены в специальную каюту для таких вот задержанных и грубо свалены там на пол.

— Ты можешь просканировать их и определить... не слишком ли я их приложил?

— Имеется в виду, — тут же переспросил «Бродяга», — не имеют ли задержанные

опасных повреждений?

— Да.

Несколько секунд молчания.

— Сделано! — отозвался компьютер. — Опасных повреждений нет. Сотрясение мозга средней тяжести у всех. Есть небольшие переломы и трещины в рёбрах. Пока не опасно.

— Отлично... Когда очухаются — дашь им воды в бумажных стаканах, если что — в них можешь наболтать им лекарств от головной боли. Но ничего больше. Гальюн, думаю, они сами там найдут и поймут как им пользоваться.

— Принято. — буднично отозвался комп.

Ещё через полчаса, сияющий Григорий с толстенным рулоном фотоплакатов в руках, заявился на вечеринку. Предупреждённый о его прибытии, Василий выскочил навстречу.

— Ты чего такой довольный? — присмотревшись к брату спросил Василий. — задача распечатать фотки, кажца не такая уж и суперзадача...

— Да вот... На нашей яхте очередные урки погорели.

— Опять попытка взлома?

— Ото-ж! Они явно были информированы о том, что весь вечер мы будем в ресторане.

— Крысы в нашем кругу? — обеспокоился Василий.

— Или возле нашего круга. Надо проверять... Но не это меня прикололо.

— А что? — тут же ещё больше заинтересовался Василий.

— Мы с тобой кое-что забыли. Кое о чём, что было нам дано задаром.

— ?!!

Улыбка у Григория стала ещё более хищная, чем обычно.

— Я сегодня весьма не мелкого мужика метнул в толпу, на расстоянии метра четыре.

— Это как?!!

— Обеими руками. Благо упор для ног хороший был... Но это не главное! Ведь и у тебя эта самая сверхсила от Гайяны.

— А ведь и действительно! — удивился Василий, как бы другими глазами удивлённо разглядывающий свой кулак. — Я об этом совершенно забыл. Но к чему это?

— Будет лучше, чтобы об этой нашей способности знало как можно меньше людей. Даже из ближнего круга. Пусть лучше не знают. А бандюки... Кто им поверит?

— А к чему такая скрытность? — заинтересовался брат.

— Та... На всякий случай!

Василий удивлённо пожал плечами не найдя что возразить. Но тут Григорий, по своему обыкновению резко сменил тему.

— Слушай, Вась!

— Чо?

— Ты где таких картинок понадёргал?

Давно привычный к таким переходам Василий переключился мгновенно.

— Тебе понравилось! — оскалился он.

— И это тоже, но вот я опознал только два кадра из нашего мира... — с деланной подозрительностью продолжил Григорий.

— И не удивительно. Я большей частью всунул в ролик кадры мира Гайяны.

— Ну ты молодчага! Даже меня проняло. — оскалился Григорий и через секунду тихо рассмеялся.

— Стараюсь! — выдал довольный собой Василий и кивнул брату следовать за собой.

В ресторане, разгоралось веселье.

* * *

Натин было плохо. Очень плохо.

Накатывающая последние месяцы депрессия, таки вылилась в конкретную хандру. Ту хандру, при которой за что ни возьмёшься, всё валится из рук. И это ещё больше бесило.

Хотелось куда-то бежать, что-то непременно делать, но...

Если подумать здраво, то бежать — некуда. Делать — нечего.

Да, пока некуда, и пока нечего. В будущем обязательно что-то придёт на ум и она включится в работу. Так же как и было раньше. Несмотря ни на что.

Эта самая черта неунывающего, как бы сказали русские, «ваньки-встаньки», в своё время привлекла к её скромной персоне «твёрдой троечницы», внимание руководителя Проекта «Аттала».

Она не блистала в учёбе, так как была воистину «средним числом» во всех дисциплинах. Она заведомо не была такой как Мал, — лучший студент их группы, — блистающий эрудицией, находчивостью, да и красотой тоже. Объект тайного воздыхания бабской половины курса. Но... Наверное из чувства противоречия, Натин числила его в своих врагах. Или не из чувства противоречия, а от банальной зависти. Но так или иначе, почему-то *именно* эта враждебность и холодность, *именно* Мала Далека влекла к ней.

«Бои» между ним и Натин, стали с некоторых пор, объектом ажиотажного внимания не только их родного курса, факультета но и других студентов Университета. Разве что тотализатор на них не сделали... Впрочем... У Натин было мало информации. С этих оборотов-хохмачей, что водились в бессчётном количестве в стенах Университета, вполне станется и не такое.

Мал всё не унимался. Всё пытался хоть как-то, но «покорить сердце злой красавицы», раз за разом получая всё более злобные «отбрыкивания» Натин.

Малу сочувствовали.

Натин... Парни с интересом присматривались, что в ней нашёл такого Мал, а половина студенток — люто ненавидела. По понятной причине. Ведь не им, а ей досталось внимание этого красавчика.

Саму Натин, несмотря на всю её эмоциональность, никто из парней, серьёзно не нравился и почему-то не привлекал. Да, бывало, что она отдельными увлекалась, но также быстро и охладевало её внимание, когда она замечала, что «не тот он...». Не было в них, ухажёрах, чего-то такого, что было для неё важно.

Она сама не знала чего именно. Но упорно искала. Множа удивление студентов, и раздражение среди девчачьего контингента Университета. Прозвище «принцесса», стало для неё не похвальбой, а ругательством. Но она, с гордо поднятой головой, с надменным фырканьем, при упоминании, лишь насмехалась над этими потугами её уколоть.

И вот, ещё один удар для кумушек.

На «эту серую мышку»(справедливо отметить «серую» только в успеваемости), вдруг, внезапно обратил внимание один из патриархов Прогрессорства.

Вообще, с её-то успехами в учёбе, она могла рассчитывать только на очень третьестепенную роль в каком-нибудь Проекте, в каком-нибудь из захудалых миров.

Да, можно было и с этого захудалого, третьестепенного места, подняться на самый верх. На что, собственно говоря, она и рассчитывала.

Упорство, настырность энергия, её никогда не подводили. Не подведут, как она считала, и там. Однако, судьба внезапно повернулась совершенно иным боком.

Тогда, в тот памятный летний день, когда она зашла в деканат за получением направления на полевую практику, она и рассчитывала на такую вот «третьестепенную должность». И то, что в комиссии оказался ни кто иной как Сирхан Бах, её не удивило. В голове лишь мелькнуло — «вот тебе и должность в мире со средневековьем, в семейке, среднего статуса, в клане среднего статуса, в касте *совершенно* среднего статуса!»

Одно успокаивало, что тот мир и то королевство, что подверглось «атаке» Сирхана, последнее время её изрядно интересовали.

Руководитель Проекта, оказался в общении очень весёлой личностью. Небольшого роста, круглый и круглолицый сангвиник.

— О! Принцесса идёт! — воскликнул он, едва Натин переступила порог. Даже руки воздел вверх как салют.

Натин такое вступление очень сильно не понравилось. И то значение слова «принцесса» к которому она привыкла, только добавило раздражения.

«Ну всё! Капец мне и моей практике. — подумала Натин, — Если и этот колобок прикалывается... Начав „приветствия“ с упоминания прозвища... Загонят в такую дыру, что только держись!».

Следующий диалог, между деканом и Сирханом только усугубили её подозрения.

Сирхан Бах, ткнул пальцем в монитор перед собой, показывая декану что-то от чего у него тут же полезли глаза на лоб. Декан бросил мимолётный взгляд на Натин и выпалил.

— Сирхан! Пожалейте студентку!

— Ха! Вот! Это! — Сирхан быстро ткнул ещё раз в экран. Как стало очевидно из последующего диалога, в некие оценки Натин. По каким-то тестам.

— Н-ну, конечно, в этом у неё самые высокие оценки... Но это не значит, что надо загонять её именно ТУДА! — гнул свою линию декан, очевидно пытаясь защитить свою студентку от какой-то, как поняла Натин, уж несусветной «задницы».

— Это почему? — ехидно заметил Сирхан. — А вот на это что скажете?

Сирхан Бах быстро что-то вывел на экран и пододвинул декану.

Декан: долгий взгляд на экран. Потом такой же изучающий на Натин. Быстрый взгляд на экран... На Натин... На экран... На Натин... Откинулся в кресле и даже каким-то обиженным тоном спросил у Сирхана.

— Вы уверены?

— А почему бы и нет? — с апломбом в свою очередь спросил Сирхан, и не без куража воззрился на декана.

— Предлагайте! — мрачно сказал декан и в тоне его было заметно: он почти уверен, что Натин откажется.

Натин приготовилась к худшему. К «посту» официантки, в каком-нибудь заштатном сельском кабаке у Большой Дороги. Сдержалась, сохранив безучастное выражение лица.

Сирхан это заметил и одобрительно кивнул ей.

Но то, что услышала Натин в следующее мгновение, повергло её в неопишное изумление.

— У нас вакантно место принцессы в княжестве Аттала. — с предвкушением кинул

Сирхан. — Пойдёте?

В первую секунду она подумала, что ошиблась и не расслышала. Или неправильно поняла.

Ведь по сути ей предлагали пост, который дают только очень опытным асам. Ведь это место — буквально острие всего проекта. Пост главного действующего лица....

«Или у них там уже кто-то есть с равным статусом или выше? — подумала Натин. — И я поступаю под его руководство и сопровождение?».

Что подумала, то и выдала.

— Нет, — «разочаровал» её Сирхан. — Мы там ещё не настолько прытки, как хотелось бы. Но с вашей помощью вполне рассчитываем таковыми стать.

— Но ведь это же пост...

— Да-да! — кивнул Сирхан, начиная потихоньку смеяться наблюдая замешательство на лицах студентки и декана. — Это главная роль. Главный пост в Проекте. Так как? Идёте?..

— Да!!! — выпалила Натин, боясь, что Сирхан предложит нечто ещё, что её может привлечь больше (ведь страшно — сразу и на такое!!!), она соблазнится и упустит ТАКУЮ возможность.

— Авантюра! — бросил декан.

— А там, на том месте, именно авантюра и пройдёт! — ехидно заметил Сирхан.

— И нужен именно авантюрист. Ведь я правильно вас оцениваю? — обратился он к Натин.

— Да, уважаемый Сирхан Бах! — уже спокойно сказала она, поняв, что решение принято. И назад дороги нет.

После была подготовка.

Она выглядела первые два месяца как смерть из мифов. Белая как снег кожа (обесцветили на Базе), и красные глаза. И то и другое быстро сошло.

Сначала, когда она только вживалась в роль, очень сильно помог образ болезной. На неё собственно, и не обращали никакого особого внимания. Кроме главного священника Храма.

Этого приставили к ней по статусу. Он должен был учить её.

Но так как Натин уже изначально много чего изучила, она «вдруг» продемонстрировала «огромные успехи в познании пути к...». Тут на неё впервые обратили внимание. Слабое.

И обнаружили, что слухи о её «постепенном выздоровлении» не лгут. Глаза — не красные. Кожа — загорелая. И чем дальше, тем более тёмной становится. Да и она сама, проявляет всё более и более жгучую энергию, которая из неё так и прёт.

И вот тут-то всё и завертелось.

Простые нравы и порядки «нормального» средневекового общества — нравы пауков в банке: «кто сильный, тот и прав». А Натин была не просто сильной. Точнее не только сильной физически. Не зря же их готовили все эти годы в Университете.

Через два месяца после «старта», в Аттале её стали побаиваться. В среде знати.

Далее было уже закономерно. Прямо по схемам.

Она сделала-таки первый шаг.

Он давал власть. Небольшую, но власть позволяющую делать преобразования.

Тщательно просчитанные в её родном Университете. Выверенные.

И неожиданно для себя, Натин обнаружила, что ей всё это... нравится!

Страх первых дней позабылся. Но ему на смену выплыло понимание.

Понимание иезуитской интуиции Сирхана Баха.

Он знал, что Натин будет бояться, пока не освоится. Но эта самая боязнь полностью вписывалась в легенду её тяжёлой болезни. И избавление от страха, по мере привыкания, также вписывалось в картину «избавления от болезни». Было просчитано буквально всё.

Ей нравилось чувствовать такую мощь за спиной. Мощь родного мира. Как интеллектуальную, так и вообще. Постепенно она поняла, что многого она боялась напрасно. Что даже если что-то очень сильно пойдёт не так, — её вытащат. И, по большому счёту, ей достаточно просто следовать тому курсу, что изначально был задан. Чтобы не создавалось прецедентов для таких «сильно не так».

А тут... В этом мире, в который она попала очень случайно, по нелепому стечению обстоятельств...

Тут не было этого ощущения мощи за спиной. Потому, что... Нулевая зона. Здесь она была предоставлена сама себе. Один на один со всем миром.

Да ещё эти... Из Арканара. За которыми она бросилась, посчитав их выходцами из отсталого мира.

Да. она действовала строго по инструкции. По той, которая как раз и предназначена для купирования и предотвращения катастроф типа Йокаита. Но что же делать сейчас?

Эти Арканарцы...

Они внушали страх. Они буквально взорвали этот мир за каких-то полгода, посеяв хаос. Но не тот хаос, за которым следует распад.

Машина мира пришла в движение. Причём нельзя было не сказать, что *пока* этот мир движется к гибели.

Да, раньше была безнадега.

Рак миров.

Но сейчас, благодаря диким, и внешне очень непоследовательным действиям этих двоих, в будущем начали вырисовываться варианты. А в месте с ними, забрезжила надежда. Надежда на то, что удастся отделить ЭТУ ВЕТВЬ от мертвечины пучка Миров Распада.

А страх...

Страх — это от того, что она не понимала Арканарцев.

Их действия были далеки от того, что она уже изучала в Университете, как успешные преобразования. Но ведь все они относились не к мирам Распада! К тем, у которых было Будущее.

Может именно так выдирают из лап Смерти миры?

Но тогда... Тогда получается, что она столкнулась с действительно далеко ушедшей вперёд цивилизацией. Ведь ранее, то, что они делают считалось невозможным(но у них получается!!!). И это воистину было страшным.

Как и любое столкновение с запредельной мощью.

Как вспышка сверхновой.

Также очень сильно давило её то, что она не оправдала надежд.

Ведь попав в эти миры, она, по факту, завалила задание в Аттале. Исчезнув без следа, а, значит, и бросив на самотёк то, что делала. И, следовательно, на медленное угасание и гибель, если кто-то не подхватит.

Но ведь подхватить мог только равный ей по статусу. И если в обозримом будущем возможностей таких фантастически удачных подмен не предвидится, то и подхватить, исправить, поправить, продолжить будет некому.

Княжество продолжит своё полусонное существование в полупридушенном состоянии. Придушенном тамошней философией и религией. И, возможно, через пару десятков лет прекратит свою полусонную жизнь под копытами кочевников, пошедших в новое нашествие.

Кочевники создадут свою империю. Вполне паразитическую. И как любая паразитическая цивилизация, она долго не проживёт. Распадётся и сгинет под ударами поднявшихся на ноги соседей.

Но вот эта красота, что уже начинала светить сквозь мрак обыденности в Аттале, уже не повторится. Никогда.

Будет что-то новое, но уже не здесь и далеко не такое. И не через десяток лет, как рассчитывал Сирхан Бах, а через минимум сотню.

Обидно.

Очень.

Но...

Оставалась надежда, что это всё-таки та самая... не нулевая, а минусовая... Та, что вычислена была не так давно теоретиками. Ни разу ещё не виданная никем зона.

Однако... слишком фантастическая возможность.

Натин встряхнула головой, отгоняя наваждение. Уж что-что, но в положении, в котором она оказалась, не до самоуспокоения. Так-то оно хорошо получилось бы — просто просидеть здесь, дожидаться, когда миры снова пересекутся и выйти. Время — поперёк, а значит, там, откуда она ушла, оно как-бы стоит. И если даже здесь пройдёт пара столетий, то там, в родных мирах, лишь несколько секунд.

В любом случае, профилактика у Гайяны... Пройдя её она нарушила пару правил. Но сейчас эта профилактика даёт тот самый гандикап.

Впрочем стоп! А что если это учинил тот самый искин? Ведь кто его знает, на что способны искины Покинутых Миров? И вообще... Почему мир покинут? Уж не из-за самого ли искина? Ведь не зря же закрывают такие миры, как потенциально опасные. Может именно она/он это и учинила — отправила нежелательных свидетелей своего пробуждения куда подальше. Туда, откуда нет выхода.

А что? Очень эффективно! Закрыты мы тут надёжно.

И остаётся что?

А остаётся только одно — приложить все силы, чтобы вот эту потенциальную мертвечину реанимировать. И поднять до уровня лет за тридцать-сорок. Нереально? А кто сказал, что не реально?!! Да мы...!

Натин почувствовала, что депрессия уходит. Потому, что наклёвывается надежда. Надежда сделать что-то такое, что поможет вырваться. Даст возможность вернуться назад.

Но...

Опять это самое проклятое «но»!

Это значит, что придётся вступать в коалицию с Арканарцами.

А это страшно.

Мрачное настроение на несколько секунд снова захлестнуло Натин. Но потом...

«Какого чёрта!!! Страшно?!! Тебе?!! Здесь?!! — вдруг с гневом одёрнула себя Натин. — А в Аттале, вживаться в принцессу „без пяти минут кандидата на кремацию живьём“ было не страшно?!! И что?!!»

Мысль была здравая.

В этом мире, её никто не собирался кремировать заживо. И, если проявить должное

упорство и осторожность, никто не кремирует. А вот пробиться наверх, и поднять этот мир — вполне может получиться.

«А то, что придётся работать в тесной связи с этими Арканарцами... Так это же просто замечательно! — продолжила рассуждать Натин уже с оптимизмом. — Тут на десяток докторских диссертаций материалу можно набрать. Во будет подарочек родному Миру! Да и кумушек всех урою! Середнячок... А как выпендрилась!»

«И Мала — тоже урою!» — посуровев лицом, додумала она.

Но это уже будет потом. Когда из этого мира удастся вырваться. Главное — направление деятельности. А почву для деятельности уже братья Эсторские готовят.

Натин заметно повеселела, что не укрылось от вошедшей в комнату с подносом, Паолы.

На подносе стоял кофейник и две чашки.

Правильная девочка! Как раз кофе выпить и обсудить что делать.

Тогда, когда она её впервые увидела, решила что она такая же забитая зверушка, как и все остальные наложницы в замке графа.

Натин вбросили в общую с ними камеру плотно связанную. То, что «ловцы» её не избили, было благом. Да и граф бы это не одобрил, так как «порча товара». Все эти сломленные физически и морально бабы, лишь взглянули на новенькую, связанную, не сломленную.

Они думали, что она тоже будет сломлена, когда и её саму «употребят». Однако, в отличие от них, Натин была твёрдо намерена этого не допустить. Ни того, что её сломают, ни того, что какая-то грязная свинья будет её «пользовать».

Но те этого не знали. И не проявили никакого участия. Только Паола подошла, чтобы развязать, помочь. Не сломленная. Если бы не она, Натин, высвободившись, просто ушла из замка. Но уже ради Паолы она «задержалась». Чтобы не только высвободиться самой, но и прибить мерзавцев, вот так насилующих девушек, уродующих их души.

Только Паола смогла найти силы рассказать правду о том, и куда попала Натин, и что ждёт всех.

Когда всё было кончено, когда она тащила всю эту визжащую от ужаса толпу изнасилованных девок по коридорам замка, залитым кровью и усеянным трупами мерзавцев, только Паола помогала ей. Молча. Стиснув зубы, отворачиваясь от мерзко чавкающей под ногами крови, от искромсанных вояк, защищавших графа. Часто даже зажмурившись, она тащила всё это верещащее мясо из замка, спасая их.

Мало таких. Имеющих мужество, и не теряющих достоинства.

Она была достойна, чтобы о ней позаботились. А те спасённые...

Натин притащила их ночью к бургомистру. Всучила всю эту жалкую толпу растерянному толстяку в домашнем халате и тапках, обалдевшим его придворным и тут же исчезла. Прихватив с собой Паолу.

Исчезла, пока никто не сообразил, что на самом деле произошло. Пока её не начали ловить как убийцу графа.

Дальше была беготня по разным странам Европы.

Было изумление от открытия, что она, оказывается, великая героиня. И не меньшее изумление от того, что таковой её сделали те самые братья. Те, кого она считала Злом. По ошибке, приняв за эмиссаров закрытого мира.

И вот теперь, она, вместе с этими бывшими или просто несостоявшимися врагами, пытается сделать что-то, чтобы...

Натин прервала размышления. Паола разлила кофе и молча, вопросительно смотрела на неё.

— Я приняла решение. — кратко сообщила Натин. — Мы остаемся здесь. Здесь нам будет лучше всего.

Паола кивнула.

— Тебя всё ещё что-то беспокоит? — спросила Натин, заметив, что та хмурится.

— Да, госпожа. Я никак не могу понять, как я могла забыть так много... И проспать.

— И не надо понимать! — с усмешкой отрезала Натин. — Ты слишком много пережила.

И это тебя догнало. Сильное нервное истощение копится долго, и если не выплёскивается вот так, как у тебя — длинным сном, то... Ты могла умереть. Так что успокойся. Ты отделалась очень легко. И без последствий.

Паола нехотя кивнула, хотя было заметно, что до конца она так и не поверила. Умная девочка.

Догадывается, что за день, преодолеть расстояние от Швейцарии до Санкт-Петербурга — невозможно. А перевозить её бодрствующую на своём персональном самолёте... Это слишком. Лучше бы ей не знать многого того, что есть. Не знающий — не проболтается. Даже случайно.

А чтобы она не болтала лишнего, её ещё долго учить. Даже при её молчаливости.

Но что же делать с этими Арканарцами?

Как поступать самой?

Вести свою собственную игру?

Но на их стороне — сила и ресурсы. Челнок, замаскированный под парусник, они протащили в этот мир. Истинные исследователи-разведчики!

И очень умные, тоже. Так подсказать, что здесь их надо «тайно» величать принцами... Через книги!

Интересно, это какой мир они вместе поднимали? Где были принцами. Ведь я тоже работала принцессой. Очень интересно!

* * *

Посленовогодняя суэта, которую помнили братья в своём мире, тут не была в обычаях. Не было и тотального «опохмеляжа» с прострацией.

Просто, наступил новый день. Наступили новые заботы. Люди вышли на работу, на службу.

Это только зная вкушала негу и расслаблялась как могла. С балами и прочими развлечениями.

Братья не были склонны к развлечениям. Да и сама перспектива переиграть историю их очень сильно подогрела на усиленную деятельность в этом направлении. Так что день был обычный и утро было обычное. Хоть и нового, тысяча девятисотого года. В городской «штаб-квартире», которую они мало помалу осваивали. Чтобы не выглядеть вообще и совершенно странными. Хотя как раз на яхте, условия для проживания были не в пример более комфортные.

Домработница как раз выставила утренний кофе, когда Григорий развернул свежую газету и углубился в её изучение. За четыре месяца «упорных тренировок» он наконец

привык-таки к шрифтам и ятям газетных колонок.

Василий просто созерцал потолок, что-то в уме высчитывая.

Григорий похихикивая над местными новостями шуршал газетными листами.

— Какая прелесть! — вдруг выпалил он и заржал.

Василий оторвался от созерцания потолка и заинтересованно посмотрел на Григория.

— И что там такого интересного? Англия капитулировала перед бурами? — решил пошутить он.

— Не-а! Круче! Наша доблестная дамочка-ван-даммочка опять отметилась.

— И кого она на этот раз отметелила? — быстро сообразил Василий.

— Я лучше прочитаю... ну, писал полный лоходей... Даже «званиев» господ-офицеров правильно не знает как... Итак... э-э....:

«...дня, есаул А. из казаков Дона, в присутствии многих господ офицеров, в категорической форме потребовал от особы Н. развеять слухи о недостойном поведении казака К. Также он потребовал дезавуировать слухи о том, что этот же казак К. был ею якобы побеждён в рукопашной схватке. Господин есаул мотивировал свою претензию тем, что это якобы не могло быть совершенно, так как казак К. храбрый и отважный, на дам никогда не нападал, и не мог вообще в принципе потерпеть конфузию в схватке на палашах, да ещё от дамы, в виду того, что очень хорошо владеет холодным оружием.»

— Во как! — уже начал с первых же строк веселиться Василий.

— Так это ещё не всё!

— Охотно верю! И что там дальше было?

Григорий снова уткнулся в газету и продолжил читать.

— «...Госпожа Н. не стала вступать в словесные баталии. Однако, неожиданно для всех присутствующих она предложила казаку есаулу А. провести шутейный поединок на тупом оружии».

— И где она его собирается достать?

— Слухай дальше! — Григорий многозначительно поднял указательный палец и погрозив им в пространство продолжил чтение. — «...К вящей неожиданности присутствующих при сей стычке, нужное оружие в виде пары клинков у госпожи Н. тут же нашлось. И как удостоверили свидетели поединка, оно оказалось не только действительно затуплённым, и неопасным для поединщиков, но также вполне полновесным и крепким. Дальнейшей словесной перепалкой госпожа Н. поставила есаула А. в безвыходное положение, при котором он вынужден был принять вызов».

Василий зная характер и темперамент Натин, представил как мог развиваться этот «диалог» и тихо заржал.

— «В следующие минуты присутствующие при поединке стали свидетелями поразительного зрелища. Памятуя, что пред ним дама, есаул А. как истинный джентльмен, постарался выстроить свою защиту так, чтобы не ударить в грязь лицом, при этом исключив всякие нападательные тактики, которые бы могли повредить даме. Тем не менее, госпожа Н. продемонстрировав удивительное мастерство и ловкость, несмотря на всё мастерство защиты есаула А., четырежды условно поразила своего противника. Как потом рассказал вашему покорному слуге один из присутствующих при поединке офицеров, „если бы

сражались заточенными клинками, господин есаул был бы трижды убит наповал, и один раз серьёзно покалечен“.»

Василий уже ржал в полный голос.

— Короче она отлупила того есаула как последнего лоха. — заключил Григорий. — И что-то мне подсказывает, что эта егоза предметно продемонстрировала тому петуху, что вполне способна отрезать, при случае, у него яйца: «Один раз — серьёзно покалечен».

— Н-да! И как теперь нам «сопровождать» сие чудо природы неизвестной цивилизации? — ядовито заметил Григорий, еле сдерживаясь сам, чтобы не засмеяться. — Ведь она — ходячий вызов для всех идиотов и идиоток! После ТАКОГО...

— Не думаю, что всё так фатально! — отозвался Василий отсмеявшись и переведя дух. — После «такого» её наоборот будут всячески сторониться, или как минимум обращаться как... как...

— С гюрзой. — без паузы вставил Григорий увидев затруднения Василия со сравнением.

— Во-во! А ведь она нам, типо даже помочь хотела... И как она намерена это осуществлять при ТАКОЙ славе?

— Гм... А может до кого-то таки дойдёт, что это «та самая корсиканка»?

— Для этого им следует соединить две легенды: Ту, что про «вендетту», и ту, что про «принцессу с Востока». — глубокомысленно заметил Василий.

— А ведь могут...

— Поможем соединить? — загорелся Василий и вопросительно посмотрел на «главного мифотворца Европы».

— Да как два пальца! Лишь бы не повредило. — с апломбом заявил Григорий. — Тем более, что сия шиза выгодно затенит одно моё хулиганство.

— Это какое? — тут же насторожился Василий.

— Да я тут... по археологам прошёлся... Ну нужно же как-то «конину» в реальность двигать! — несколько возмущённо заявил он, видя недоверчивый вид Василия. Тот не одобрял действия Григория, «на своей территории». А все переговоры именно с учёной братией, Василий, негласно взял на себя.

— И каковы успехи? — осторожно спросил Василий, всё ещё не шибко доверчивым тоном.

— Нашёл одного. Друзья рекомендовали. Спицын Александр Андреевич, археолог. Императорское русское археологическое общество.

Василию фамилия ни о чём не говорила. У него просто руки не дошли покопаться в этой области по своим энциклопедиям.

— И каков результат?

— Да не ершись! Всё путём! — уже раздражённо бросил Григорий и выдал более развёрнутый «доклад о проделанной работе».

— В отличие от твоих «физиков-лириков», у меня всё оказалось не в пример проще. Я, ясное дело, в археологии — дилетант. Но ведь наши книжки, что мы когда-то прочли по этой части... Ну ты помнишь! Они дали некую базу знаний. Не только по предмету, но и по методам. И когда меня решили «обгрызть» на предмет неточностей и глупостей в нашей книге, я им тут же спесь и поубавил. Спросишь как? Да выдал им развёрнутое описание некоторых вещей... В том числе и методик, что только-только разрабатываются. И, как раз тем самым мистером Спицыным. Как только я упомянул эти методы — он был мой!

— И что ты ему в результате впарил?

— Аркаим!

Василий проморгался.

— И как он это всё воспринял?

— Да как-как?! Я ведь на что напирал: я ЗНАЮ, где находится городище. Что оно там СОВЕРШЕННО ТОЧНО стояло пять тысяч лет назад. Далее выдал краткое описание как он должно выглядеть на местности, как оно выглядело в реальности тогда...

— Ну ты рад стараться «фотографию» предъявил! — ядовито вставил Василий.

— Не! До такой наглости я с ним не дошёл. Но «рисунок» у него оставил.

— И ты ему предложил его раскопать?

— А как же! Я ему говорю: «Вы хотите стать „русским Шлиманом?“». Он тут же отбрыкиваться начал. «Но ведь это, — говорю, — Город Царя Имы! Легендарного! Того самого».

— Б...! - «заметил» Василий, не зная то ли смеяться ему, то ли...

— И как убедил? — не придя ни какому итогу нейтрально спросил Василий.

— Да просто тупо предложил не только оплатить летнюю экспедицию в те края, но ещё и две последующие, по выбору Александра Андреевича.

— Ну ты жучара! — фыркнул Василий. Но больше для проформы. То, что хотя бы тут есть какие-то подвижки, радовало.

— Я ему в тот же день выдал чек, на начало работ и всё такое... Но выдал столько, что, кажется, ему там на полторы экспедиции хватит.

— Ладно! Выдал, так выдал... — уже примирительно махнул рукой Василий и растерянно пробормотал. — Если пошло, так пошло. Будем считать, что пошло впрок.

Но тут разговор был прерван звяканьем колокольчика у двери.

Братья переглянулись.

— И кого это в такую рань носит? Ты никому не назначал...? — спросил Григорий.

— Нет! — недоуменно ответил Василий.

Загадка разрешилась быстро.

Домработница метнулась к двери и открыла гостям.

На пороге стояли... Натин и Паола.

«Вот кого не ждали, так это именно их!» — пронеслось в голове у Григория, но он тут же расплылся в самой добродушной улыбке и как гостеприимный хозяин пошёл приветствовать «дарагих гостей». Василий же благоразумно спрятался за его спину.

* * *

Паола, несмотря на то, что стояло на двое ещё утро, выглядела изрядно уставшей. Натин, наоборот, как всегда источала энергию.

«А ведь подумав... Только Натин и могла прийти к нам в такую „рань“ — подумал Василий, наблюдая, как Григорий расшаркивается, приглашая их к столу. Уже убранному после завтрака, но не убранного после чаепития. — Это у местных и нынешних время визитов начинается где-то с одиннадцати».

— Меня заставили оторваться от дел и прийти к вам, некоторые странные слухи. — начала Натин без предисловий, едва утнездившись на почётном месте для гостей и получив

дежурную чашку кофе.

Паола при этих словах «патронессы» тяжело вздохнула. Говорили на итальянском. Чтобы и она была в курсе.

Григорий поднял бровь и еле заметно бросил красноречивый взгляд на Паолу.

— Её пора вводить в курс дела. Понемногу. — также кратко и прямолинейно бросила Натин. Григорий же на это неопределённо пожал плечами.

— И что это за слухи? — переварив перемигивания и кивки также перешёл к делу Василий. — Уж не связаны ли они с той самой книгой, что сейчас в Европах шуму наделала?

— И с ней тоже. Содержание, как вы сами понимаете, для здешней цивилизации очень неоднозначное. Да и слишком много мифов и преданий Аньяны. Вы обещали просветить на их счёт.

«Ага! — подумал Василий. — Любопытство разожжено настолько, что принцесса разве что не подпрыгивает от нетерпения! Но что ей ответить? Ведь не правду же. Тем более всю... А что если применить простейшую демагогию и попытаться уйти от ответа?».

Данные очень неоднозначные мысли промелькнули в голове Василия, но выражение лица при этом сохранил скучающее.

— Книга — часть многоходовой операции, что мы тут начали. — начал он многозначительно и сделал паузу.

Натин кивнула ожидая продолжения.

— Возможно, у вас могут возникнуть некоторые возражения, с вершин Вашего опыта. — также продолжил Василий осторожно наблюдая за реакцией Натин. Но та лишь сохранила выражение вежливого внимания, хотя и еле заметного, сдерживаемого нетерпения.

— А чтобы понять, что за вопросы у вас возникли, — неожиданно продолжил Василий, — не могли бы вы сами с позиций ваших парадигм прогрессорства, объяснить что мы делаем и зачем?

«Ну-ну... — параллельно и саркастически думал Василий, — кто бы нам объяснил какого хрена мы это затеяли! Ведь начиналось всё чисто как большое хулиганство. Продолжалось как большое хулиганство, без определённой цели, и сейчас длится уже как мегахулиганство с нам же неясными последствиями».

Натин, похоже, восприняла всё как само собой разумеющееся, — за чистую монету. И учинила настоящую лекцию.

— Из элементарного анализа цивилизации, в данном мире, следует, что здесь — «рак миров». Причём захвативший главенствующие позиции.

«Шикарный заход! — мысленно покомментировал Василий. — Очередной кирпич в огород Гришиному РКМП!».

— Также как и биологический рак... — продолжила Натин.

«Ну нихрена себе! — подумал Василий».

— ...Распространение идёт посредством захвата ресурсов и паразитическим использованием их с полным игнорированием даже краткосрочных перспектив. Как своих, так и вообще всей цивилизации планеты.

«Чтой-то очень дико и туманно...»

— Основа идеологии — индивидуализм и эгоизм. Как и у раковой клетки — соблюдение только своего интереса, за счёт иных.

«Угу. Это как бы даже слишком очевидно».

— Также, в основе идеологии лежит постулат того, что Запад — передовая цивилизация, и тот путь, которым он следует единственный из возможных. А значит, все остальные цивилизации — отсталые. И если отсталые, то не являются, по большей части, вообще людьми. Так как не способны вырваться из своей отсталости по своим, сугубо внутренним причинам. Скорее всего даже биологическим. А раз так, то они могут стать только рабами Запада, который их эксплуатируя, поднимет, возможно, «к высотам цивилизации».

«Это — тоже очевидное качество их пропаганды и идеологии».

— По идеологии также полагается априори, что Запад — абсолютный авторитет во всём, что является вопросами жизнеустройства. Эта же позиция выражается в мемо-области. В виде мемов, служащих тараном для взлома идеологий стран-жертв.

— Точно так! — не удержался от восклицания Василий. Натин кивнула не заметив, но Григория явно покорило.

— Вы запустили мем-антивирус. Серьёзно подрывающий уверенность западного буржуа в своей правоте, уверенность элиты в своей правоте. И тем самым вы создали вторую ветвь возможностей в ранее безальтернативном будущем этого мира.

«И кто бы мне это же самое, мог бы объяснить ранее?!» — обескураженно подумал Василий. Но сказал совершенно иное.

— А марксизм? Он не создаёт такой альтернативной ветви? Что вы думаете по его поводу?

Натин восприняла вопрос как вопрос экзаменатора. И, похоже, к нему была готова.

— Марксизм несёт в себе как раз тот самый мем-вирус об исключительности западной цивилизации и его пути. А значит, утверждения об альтернативном пути, альтернативном паразитическому мироустройству слабо обоснованы и достаточно слабы, чтобы осуществиться.

— Но правка этой позиции возможна?

— Только в том случае, если будет сделан отказ от главного утверждения — безальтернативности пути Западной цивилизации.

«Оба-на! Ощущаю рост ослиных ушей у себя» — ещё более ядовито подумал Василий. — «ведь постулат более чем очевидный. И ведь именно это, когда-то проделали Ленин и Сталин, провозглашая построение Социалистической Империи, да ещё минувшая „стадия“ построения капитализма в России. Но это даже в наше время, в нашем мире — идея слишком не очевидная».

— Также, идеологическая система Запада выведена из равновесия. В ней возник хоть и небольшой, но очаг хаоса. А значит, возникла перспектива преобразования системы во что-то иное.^[19]

Ваша книга способствовала потере жёсткости системы.

Григорий бросил взгляд на Василия. Взгляд, если со стороны глядеть — ничего не выражающий. Но Василий понял более чем однозначно — братику после придётся много чего объяснять из неравновесной термодинамики. На пальцах.

И, кажется, ещё и самому объяснять. До сих пор Василию как-то и в голову не приходило применить постулаты синергетики, неравновесной термодинамики, к развитию такой системы как общество. Идеологии.

— В целом так! — примирительно сказал Василий, маскируя своё истинное отношение к тому, что только что услышал. — Но что вы думаете о текущих шагах по индустриализации

России?

— Как создание задела чисто материального для продолжения расшатывания системы.

— Вы готовы встроиться? — подал голос Григорий.

— Да.

— Хорошо. — тут же подпрыгнул Василий и бросился выяснять то, что наболело. На случай «а вдруг эта дамочка что-то ещё такое „сверх“- брякнет, что проблему решит». — Не могли бы вы, тут кстати, слегка нам помочь. Мы тут перед вашим приходом на эту тему дискутировали.

Натин снова кивнула и с ещё большим интересом посмотрела на братьев.

— У нас опасения насчёт того, что некоторые технологии попадут на Запад. А нам бы хотелось, чтобы оно всё осталось у нас здесь, в России и служило только этой стране.

— Вы хотите Россию сделать зародышем системы-альтернативы? — «догадалась» Натин.

— Конечно. — как-то даже поспешно ответил Василий и тут же спохватился. Может ведь и догадаться. Но, взглянув на Натин понял. Не догадалась.

— Я тоже об этом думала. Но не слишком ли технически и вообще отсталая страна? Аргентина и Бразилия в этом отношении будет перспективнее...

— Эта — ближе к Европе. — неопределённо брякнул Василий. — но всё-таки, как нам можно обеспечить неприкосновенность от копирования, например такого процесса как производство антибиотика?

— А в чём проблема? Вы патентное право тут плохо изучили?

Натин изящно пожала плечами.

— Ну... так я вам говорю... Я его изучила пока туда-сюда ездила по Европе.

Увидев искреннюю заинтересованность на лицах слушателей она вполне серьёзно, и, что интересно, без тени издёвки продолжила.

— Зачем вам патентовать процесс, когда достаточно описать само вещество? Забейте в патент химические формулы лекарств. Если идёт речь о пенициллине(его, кажется так, называли в том умирающем мире-аналоге?), то химики, его синтезировать по этой формуле — костыли лягут. А если даже и синтезируют, то стоит он будет как линкор. Боитесь, что могут найти действительный путь? Так специально забейте мутное описание именно органического синтеза. Чтобы направить. Торговую марку? Да. Тут вы правильно поступили назвав его максимально загадочно.

Братья переглянулись. Григорий развёл руками состроив на лице выражение: «ты тут спец — тебе и отбиваться».

— Хорошо. Но... Весь смысл этого патентования, как я понимаю, защита моих прав? Но будет ли Россия заниматься её защитой?

— Запатентуйте в Странах Европы. Чтобы они защищали. Тогда вы сможете торговать лицензиями. Или, просто торговать. Но если у вас не будет патента, любая сволочь, украдёт у вас технологию, запатентует её и подаст на вас в суд, что, дескать, вы её украли у бедного и несчастного имярек. И выиграет.

— Тогда получается, — начал рассуждать вслух Василий, — надо запатентовать во всех странах Европы, в САСШ, Канаде Мексике, Аргентине и Бразилии?

— Да. Так. — скупой кивнула принцесса продолжая расслабленно созерцать лицо Василия.

— Но что мешает, например, тем же ИГ Фарбениндурии, украсть, и построить завод в

стране, где нет таких препон как патентное право?

— Где например? В Африке? Индии? Так те страны — колонии европейских стран. Да даже если и найдётся такой необитаемый остров или ещё что-то. Ведь для такой махинации придётся всё тащить за тридевять земель. В том числе и квалифицированную рабочую силу. А это — слишком дорого выйдет.

— Гм... Надо всё-таки сделать. — замялся Василий.

— У вас есть сомнения, что Право будет нарушено?

— Уверенность в том, что будет нарушено. Уже через пятнадцать — двадцать лет.

— Из-за революций? — проявила немислимую догадливость Натин.

— Да.

— Ну, я думаю, что к тому времени у вас будут другие технологии и другие производства. В этом деле главное — не стоять на месте.

— Разумно! — согласился Григорий. Василий мельком бросил на него взгляд, вздохнул и махнул рукой. Тоже согласился.

— Но ведь не за этим вы пришли. — Внезапно вернул Василий обсуждение «на круги своя». — Что же вас так жгуче заинтересовало?

Натин вздрогнула. Видать тоже забыла о первоначальной цели за всеми этими обсуждениями.

— Вы вдруг затеяли некую экспедицию в область Уральских гор. Причём всё сделано так, что... Предполагает что вы там что-то рассчитываете найти. И это «что-то» — очень ценное.

Василий и Григорий невольно переглянулись. И тут, как инициатор и «главный мифотворец» взял на себя всё Григорий. И, как тут же стало ясно, снова «Остапа понесло». Авантюризм возобладал.

— Вы интересуетесь в связи с мифами и преданиями Аньяны?

— Да. — без тени сомнения, с готовностью подтвердила Натин.

— Есть намёк, что там, якобы, на Урале, был некий артефакт... — загадочно начал Григорий.

Натин тут же проявила повышенную заинтересованность. Григорий заметил это и продолжил.

— Мы, конечно в это не очень верим, но... По описаниям, тот артефакт, кольцо десяти метров в диаметре.

Внимание Натин ещё более повысилось. Она аж подобралась как перед прыжком.

— По легендам, через кольцо Боги мотались по мирам как по бульвару. И называлось это кольцо...

— ... Звёздные врата! — выпалила Натин.

* * *

Когда Натин со своей протеже ушла, братья долго сидели молча. Приходили в себя. Первым не вытерпел Григорий.

— И что ты на этот счёт скажешь?

— Насчёт чего? — отозвался Василий выныривая из своих дум.

— Насчёт «Звёздных врат»... Ну и всех этих легенд Аньяны.

Василий отчего-то скривился. Но после длительной паузы таки ответил.

— Если миров в параллельных реальностях больше чем дохрена, то... реализоваться может любая шиза, которую может выдумать человек. Лишь бы она не противоречила законам природы...

— А эта муть — не противоречит? Даже «Звёздные врата»? — поднял бровь Григорий.

— Выходит не противоречит.

— И мы можем мотаться на звёзды вот так, как в «Старгейте»?!! — подпрыгнул в энтузиазме Григорий но тут же погрузился. — Вот только гоаулдов нам тут не надо!..

— И не будет.

— Почему?

— Эта шиза про гоаулдов, сильно противоречит многим законам природы. Так что успокойся.

— Ты уверен? — на всякий случай переспросил Григорий.

— Да. Уверен. — подтвердил Василий и тут же ответил на другой, невысказанный вопрос поклонника «Старгейта». — И то, что «межмировые врата» называли «Звёздными» также и в... мирах Натин — тоже не удивительно. Должны были так называть. Романтиков везде хватает.

— Получается... — удивлённо начал Григорий, но прервался. Мысль пришедшая, показалась ему слишком уж смелой. Но за него закончил Василий.

— Получается, что нашему археологу, как его там...

— Спицын Александр Андреевич. — подсказал Григорий.

— Вот! Надо поставить дополнительное задание. На поиск «Звёздных врат»... А вдру наруют! Ведь Натин сюда не зря припёрлась. Вишь как подпрыгнула: экспедиция к Уральским горам, плюс ЗВ. Она так подпрыгнула, когда это всё услышала... Как будто Урал и ЗВ у неё постоянно были связаны по смыслам. И ассоциациям. Получается, что в той самой Аньяне именно здесь эти «врата» стояли.

Григорий шумно втянул в себя воздух.

— Логично. — подтвердил он.

— Но... — тут же напрягся Григорий, — Что за хрень она несла про...

— Про теории мироустройства?

— М... да! Она говорила так, что сама в это не верит.

Василий вдруг ехидно оскалился.

— А тебе не кажется, что мы имеем дело не с профи, а... СО СТУДЕНТКОЙ Н. ПОЛЕВОЙ ПРАКТИКЕ?

— А-а?!!!

— А что? — с энтузиазмом начал Василий. — суди сам. Она нам тут оттарабанила «теорию» так, как будто цитировала по учебнику. Как истовая студентка перед преподавателями на сессии. Далее! Она сама сказала, что работает от УНИВЕРСИТЕТА. Н какой-то там конторы, а именно университета!

— И мы её боялись? — не веря ещё спросил сам себя Григорий.

— И правильно делали... Но, она же прям сейчас боится нас. Но так как потеряла тогс или тех, кто ею руководил, — ищет опоры у нас. Потому что ей СТРАШНО!

— Мне тоже было бы страшно, окажись я на её месте... — серьёзно подтвердил Григорий.

— Бедная девочка!.. Но какая она всё-таки смелая! Вырезать целую банду негодяев! В

одиначку! Да ещё не терять духа попав в такое отчаянное положение! Её надо бы точно взять в компаньоны.

— Да она и так уже как-бы в компаньонах... — пожав плечами заметил Григорий. Но затем внезапно для Василия задал очень важный вопрос.

— Но что нам делать со всеми «теориями», что она нам тут толкала? Выглядят они — как полная дичь и чушь.

— Но... ты сам заметил, что она их тарабанила как по учебнику. А это значит, что что-то там такое у них есть в виде теории. Реальной. А нам как раз такой теории и не хватает.

— Для чего не хватает?

— Да для того, чтобы понимать что реально вокруг нас происходит, мы делаем, для чего мы делаем, какой цели реально надо добиваться, и каковы последствия наших шагов. Ведь пока... Пока мы тут действовали как конченные лохи!

Братья внезапно осознали, что всё, что они делали до этого — это импровизация.

Делали то, что в голову взбредёт.

Делали то, что считалось ими наиболее логичным и вытекающим прямо из наличного положения дел. Даже в стратегии они действовали больше именно так. Не пытаюсь просчитать что-то достаточно далеко, просчитать не только то, что непосредственно следовало из их шагов, но и то, как это будет восприниматься их потенциальными врагами. Какие шаги, в связи с этими их действиями, предпримут враги для, хотя бы, нейтрализации их усилий.

— Ну чё! — подвёл итог этих осознаний Григорий. — Как говорил дедушка Сталин, «Без теории нам смерть!».

— Это я должен был сказать. — обиженно буркнул «записной красный» Василий. Григорий же только бросил на него насмешливый взгляд.

— Ладно! Разберёмся по ходу дела! — вернул свой нахальный оптимизм Григорий. — Но радуется, что она так... марксизм приложила!

— И что тебя радует? — ещё более обиженно буркнул Василий, так как по отношению к этой теории у него были и большие надежды и большие иллюзии.

— Что мы уже окончательно переходим на прагматизм! — оскалился Григорий.

— Ну-ну! Не спеши дорога скользкая. Ты сам цитировал «дедушку Сталина». Только что.

В его словах была изрядная доля правды. И это понимали оба. Но долго ещё препирались. Однако уже вяло и несерьёзно.

Глава 19

Экспедиция смерти

Всякое может случиться.

Не зря есть присказка в Роял Нэви «...и неизбежные на море случайности». Но кроме случайностей есть и тотальное невезение. Такого количества зловердных случайностей Генри Сесил не видел ни до, ни после, ни вообще в жизни.

Всё началось с того, что просто гражданское судно отказалось в лице владельца, перевозить экспедицию. Дальше, вроде бы всё пошло как по маслу. Особенно когда выделили на это дело не только пол роты охраны, но и ещё целый крейсер «Талбот».

Казалось бы — круче не бывает! И что после этого всё мероприятие просто обречено на успех. Но...

Конго принадлежит ведь не Британской Короне. Это территория интересов Бельгии. И начались дипломатические тяжбы. Чтобы целый крейсер, да ещё экспедиция полная английских солдат шлялась по Бельгийской территории?! Бельгийцы взбеленились. Хотя их колонией Конго пока что не являлась.

Пришлось идти на уступки. Экспедиция становилась совместной — Англо-Бельгийской. Половину участников обеспечивала бельгийская сторона вместе с охраной.

Часть охраны со стороны английских сухопутных сил, всё-таки удалось выторговать. Также и то, что повезёт английских участников экспедиции крейсер. Непонятно почему, но книга «Бриллиантовый заложник» и упоминаемые там самураи почему-то сыграла роль козыря на переговорах. Лишь одного упоминания об этом обстоятельстве — «отряда 631 Доктора Исии» было достаточно, чтобы бельгийцы посуровели и сквозь зубы согласились и на крейсер, и на войска. Да ещё от себя дополнительно придали кое-кого из экспедиционных частей, расквартированных в Конго.

Но, сама тягомотина и нервотрёпка — согласятся-не-согласятся, — на Генри подействовала тяжело.

И вот наконец, получено всё. И продукты, припасы, и снаряжение, и сопроводительные документы. Все погрузились на крейсер и неспешным ходом отвалили в туман.

Генри долго стоял один на корме, закутанный в плащ и наблюдал как в тумане растворяется берег. Берег Туманного Альбиона. И на душе было очень беспокойно. Потом он это назовёт предвидением, предчувствием. Сырость и холод медленно просачивались под одежду. Под ногами дрожала палуба, сотрясаемая мощным двигателем. За кормой бурлила вода, а над головой стелился чёрный дым медленно растекающийся в низких облаках и тумане. Когда последняя тень Родины исчезла в тумане, и не стало вокруг различия между морем и небом, Генри тяжело вздохнул, повернулся и на плохо гнущихся ногах потащился в кают-компанию.

Пить бренди. Болтать на светские темы, резаться в бридж и вообще прожигать время оставшееся до высадки на далёкий берег Конго. Где его ждёт либо слава, либо могила либо и то и другое, либо забвение... Стоит отметить, что абсолютное большинство участников экспедиции его мрачных предчувствий не разделяли. Учёные так те вообще предвкушали море развлечений в виде конкретных данных, материалов на будущие толстые труды, которые, по их мнению, их обязательно прославят.

То есть они воспринимали экспедицию лишь как небольшой промежуточный этап. Да,

трудный, но этап, на котором не нужно останавливаться, а тем более задумываться, так как основная работа предстоит именно после. В Англии. При обработке того, что будет привезено.

Гораздо более сдержанными были медики и бактериологи. О вирусах некоторые узнали действительно не из работ Ивановского, а из книги Эсторского. Вот такая ирония судьбы. Что делать с этими вирусами они не представляли даже и близко. Особенно, если их в современные микроскопы не разглядеть. Но, тем не менее, они тоже пребывали в некотором ажиотажном предвкушении по части изучения новых болезней туземцев и прочего, и прочего, и прочего. Малярии они не боялись. С ними ехало много ящиков с хинином и прочими препаратами. Впрочем, и других болезней тоже. Но последнее просто потому, что их никогда «вблизи», а особенно «на себе» не видели.

Мрачные предчувствия преследовали Генри всё плавание до устья Конго. Высадились в порту Матади, который расположен почти в сотне миль от берега океана — река оказалась настолько глубокой и полноводной. Дальше корабль идти не мог. Выше по реке были знаменитые водопады Ливингстона. Вокруг них, до следующего пункта их путешествия — бельгийского города Леопольдвилья^[20] — была к тому времени уже построена железная дорога. Но дальше было уже сложно.

От Леопольдвилья большая река Конго тоже была судоходна. И была она потрясающе огромная. Родная Темза, к виду которой привык Генри, по сравнению с этой великой рекой, выглядела просто ручейком.

Но не это больше всего поразило Генри.

Поразило изобилие грязи.

Грязь была повсюду. На улицах Леопольдвилья, на домах, на людях. На всём. Да ещё сверху всё это разбавлялось и разводилось низвергающимися ливнями сезона дождей превращая всю округу в бесконечное чавкающее болото. Уже здесь Генри понял, что это путешествие не просто будет трудным. А будет кошмарным.

Дороги в Конго — это видимость. На самом деле это направления, затопленные грязью, и огороженные джунглями. Подпираемые болотами, над которыми колыхались немыслимые по плотности и размерам тучи разнообразных кусачих насекомых.

Грызло тут буквально всё. От насекомых, до крокодилов.

Немедленно пошли первые потери.

Рядовой Стенли поранил руку. Царапина. Но на следующий день царапина воспалилась и солдат умер в горячке.

Это было первое предупреждение джунглей, которое напугало. Сильно взведённые страшными описаниями книги, больного немедленно изолировали, и с ним контактировали только учёные с врачами. В изолирующих костюмах, пугая солдат и смеша население.

Население, кстати, эти костюмы восприняло как само собой разумеющееся. Как «костюмы белых шаманов, отгоняющие злых духов». То, что среди местных племён дикие по форме и расцветке костюмы у шаманов были обычным делом, тут в расчёт не бралось. Белые люди, в которых наконец-то проснулся страх реальной эболы, увидев это сделали свои выводы. По книге. Генри, услышав от переводчика, посмотрев на реакцию аборигенов, сделал тоже аналогичные: «Если эти костюмы дикарей не пугают, значит они их уже видели. Либо на братьях Эсторских с их подручными, либо на людях „отряда 631“ Доктора Исии».

Из подробных расспросов проводника Генри лишь утвердился во мнении, что «отряд

631» тут был.

— Ты видел людей в таких костюмах? — спрашивает он у проводника, попутно исполняющего ещё и обязанности переводчика.

— Да, маса, видел. — отвечает он постоянно кланяясь.

— Много таких людей видел?

— Много видел маса!

— На Монгале?

— На Монгале маса и дальше маса! Много видел маса!

— Много людей в таких масках?

— Там много людей в масках. Там злые духи маса.

Проводник говорил о своих «родных» аборигенах, о масках шаманов, которые выглядели одна другой страшнее. И тоже закрывали владельца часто с ног до головы. Но до Генри, заражённого страхом книги, так и не дошло. Перед глазами не бедного воображения мистера Сесила, после таких слов чёрного дикаря, немедленно встали описания других подручных «доктора Исии». С катанами и скальпелями наперевес.

После этого, на джунгли Генри смотрел уже другими глазами.

На вторую неделю пути, умер ещё один солдат. Он схватился рукой за лиану. Лиана оказалась змеей. Через час, свежий труп уже укладывали в свежевыкопанную могилу. И после беды посыпались на экспедицию, как из рога изобилия.

Кого-то сожрал крокодил. Кого-то дикари. Кто-то заболел малярией. А кто-то просто утонул в болоте. Но самое страшное для Генри было то, что он с напряжением всех сил еле-еле поддерживал себя. Своё достоинство. Достоинство белого человека. Впрочем, также как и остальные белые.

А что это значило?

А это значило, что каждый день, ты должен надеть на себя чистую рубашку, чистые штаны, плотный пиджак и пробковый шлем. То есть затянуть себя в европейское платье. Чтобы выглядеть достойно на фоне полуголых дикарей. Жара стояла невыносимая. Духота, и испарения с бесчисленных болот душили. Часто хотелось просто содрать с себя хотя бы пиджак, ослабить затяжку галстука, расстегнуть пуговицу на горле. Но нельзя. Это означало потерю лица. Как перед дикарями, так и перед своими же коллегами.

Вот так они и продвигались всё дальше и дальше вглубь континента. Вспоминая героического Ливингстона, не менее героического Стенли. И проклиная всё остальное на свете.

Маленькие и большие деревни по пути. И везде эти дикари. Разной степени дикости и воинственности.

Вот и сейчас эти лачуги, крытые листьями пальм, чумазые дети под ногами месят вездесущую грязь. И чёрные обезьяны, в боевой раскраске с пиками. Что-то лопочут. Руками размахивают. Но на белых смотрят со страхом.

Генри выходит вперёд с проводником. Начинаются обычные в таких случаях расспросы.

— Это Монгала?

— Да, маса. Монгала река! — отвечает проводник.

— А далеко ли до реки Эбола?

Проводник оборачивается к обезьянам с пиками. Что-то говорит. После оборачивается к Генри.

— О! Маса знает Эбола! Далеко Эбола говорят. Много-много дней пути.

— Что говорят те жители? Что они так шумят?

— Там на Эбола опять злые духи, маса. Много злые духи.

— Это которые в больших костюмах?

— Нет, маса. Их давно сожгли. Они не сдержат злые духи. Потому их сожгли. Так говорят эти люди.

У шаманов, которые «не сдержали злых духов» в Африке судьба была незавидная. Если племя уверено, что «шаман некомпетентен», что «не имеет авторитета у духов», его просто сжигали. С его же костюмом, якобы отгоняющим злых духов.

Но Генри делает свои выводы. Чем дальше они углублялись в этот зелёный ад, тем больше и явственней вставали перед глазами картины, описанные в книге.

— Господа! — обращается он к своим людям. — Вы слышали, что говорят эти дикари. Сведения, изложенные мистером Эсторским подтверждаются. Поэтому надо удвоить бдительность.

Медики удвоили.

Учёные ботаники и прочие, кто не был завязан на исследования болезней, пребывали во всегдашнем своём благодушии.

Командиры накрутили солдат на повышение бдительности. «Объяснили» кого надо опасаться. Солдаты прониклись. Теперь они в джунглях высматривали разных, с кривыми мечами, жёлтыми лицами и узкими глазами. Но как ни вглядывались, вокруг были только морды чёрные. С пиками и луками. К последним уже успели привыкнуть.

Зря привыкали.

Как раз со стороны этих черномазых дикарей и получили.

Вообще, как обратил внимание Генри(к сожалению поздно), все местные дикари пребывали в сильно возбуждённом состоянии. Явно тут шла какая-то местная то ли война, то ли локальная свара. Из-за чего, эта свара началась и чем подогревалась, стоило бы выяснить. Но белым господам это было ниже их достоинства. А зря!

При подходе к какому-то не такому и большому поселению, на них внезапно напали. Причём нападение какое-то было совершенно безумное. Ясное дело, дикарей быстро перестреляли. В поселение ворвались но ничего ценного там, понятно, не нашли. Солдаты, истосковавшиеся по вполне конкретным утехам кинулись бить и насиловать. Командование, после того, как пережило несколько не очень приятных минут во время нападения, не останавливало. И не возражало, чтобы солдаты после всех тягот похода «слегка расслабились»...

Уйти из разорённого посёлка дикарей далеко не успели.

Уже на пятый день после боя, треть солдат начала валиться с ног.

Симптомы: слабость, сильная головная боль, жар, ломота в суставах.

На пятые сутки у многих из заболевших, из ушей, носа, глаз потекла кровь. А тело покрылось кровавыми волдырями.

Это было только начало.

Глава 20

Бандиты, масоны и прочие животные

Пока получалось интересно и хорошо. И есть уверенность, что дело движется в правильном направлении. Хотя бы В ОБЩЕМ правильном. Все при деле. Студентка-практикантка процитировав свои учебники и сильно смутив Василия убежала искать подтверждения теориям. Сам Василий остался чесать в затылке и решать что делать в первую очередь — пытаться разобраться в том, что услышал от Натин, или идти «компостировать моск» своим любимым физикам. А у Григория как раз было дело из безотлагательных — банда.

Сдавая ещё в новогоднюю ночь «на правёж» всю компашку бандюков своим «господам офицерам», он дал вполне конкретное задание — выяснить кто эти воры и на кого работают. Дал конкретные направления для разработки.

Заявившись в «штаб-квартиру» он обнаружил, что дело не стоит, народ суетится и вообще — дым коромыслом. В буквальном смысле слова. В главной комнате было накурено так, что задохнуться можно было. По крайней мере некурящий Григорий закашлялся и тут же кинулся открывать окна. Несмотря на то, что на улице мороз. «Господа офицеры» переглянулись.

— Следующий раз курить — только на улице. — бросил Григорий недовольно. В комнате слегка проветрилось и можно было уже, без риска задохнуться, приступить к главному — что выяснили. Он прошёл к круглому столу и пригласил всех присутствующих сыскарей присаживаться.

— Семён Венедиктович! Докладывайте. — буркнул Григорий, всё ещё недовольный сильной задымлённостью помещения.

Семён Венедиктович, встал со своего места, прокашлялся, пригладил усы и вытянувшись чуть ли не по стойке смирно доложил.

— Допрос банды проведён полностью. По вашему приказу, задержанные были разделены по отдельным помещениям и допрашивались по одному. Как вы и предсказывали, в группе кроме вожака, оказался и один осведомитель... — тут докладчик слегка запнулся.

— ...неизвестных сил. — съязвил Григорий. — продолжайте.... Или эти силы были как-то названы?

— Никак нет! Добиться имени заказчика также пока не удалось.

— То есть, если я правильно понимаю, наблюдатель боится заказчика гораздо больше, чем вас?

— Так точно.

— Ага. Придётся его напугать сильнее. — как медицинское заключение бросил Григорий и кивнул продолжать.

— Вожак банды, некто Михаил Захаревич, по прозвищу Жиган. Пошёл на дело по наводке. Наводчик — Михаил Кона, по прозвищу Конопля.

— Сплошные Михаилы... — буркнул Григорий. — Этот Конопля и есть тот самый «наблюдатель»?

— Так точно. Он и есть.

— Замечательно! Продолжайте.

— Отсутствие полиции на пирсе во время налёта на яхту, явно было заранее оплачено.

Она там должна была быть и именно в это время. Кто оплатил — неизвестно. Наблюдатель не знает. Или не хочет говорить, так как своего истинного хозяина очень боится. Все остальные участники банды — просто сброд ничего существенного не знающие.

— Выводы?

— Выводы следующие: Банда действует по наводке некоего скупщика краденого. То есть лица, более информированного. Реально главарь — он. Использует сию банду в тёмную через своего осведомителя, который числится у Жигана как просто шестёрка-осведомитель.

— То, что заказчик у Конопли — скупщик краденого, это ваши предположения, или кто-то это так сказал?

— Никак нет. Предположения. Как рабочая версия.

— Угу. Вполне себе рабочая версия... — также скучающим тоном заключил Григорий и оглядел присутствующих.

Все чего-то ждали. Ждали вердикта. А также указаний что делать. Григорий промолчал и просто достал свой саквояжик.

— Приведите осведомителя. В допросную.

Получив конкретный приказ сыскари деловито поднялись и двинули к одной из комнат. Уже через две минуты, в «допросной», крепко привязанный к стулу сидел невзрачный круглолицый неопределённого возраста мужичок, с «ангельским» взором, который портил еле сдерживаемый страх.

Григорий заглянул ему в глаза, молча открыл саквояж и медленно, «со вкусом» стал раскладывать на небольшом столике перед ним, красноречивый инструментарий: иглы, крючки, пассатижи и прочие блестящие штучки. Конопля побледнел ещё больше и покрылся потом.

Григорий же закончив раскладывать на столе своё «хозяйство», с видом эстета оглядел получившийся натюрморт и с нехорошим блеском в глазах воззрился на «подопытного». Этот взгляд он долго в своё время отрабатывал доводя до совершенства — взгляд маньяка-садиста в предвкушении великого наслаждения. Оставалось только разыграть представление.

«С трудом» стерев садизм с лица, Григорий протокольным голосом спросил у осведомителя.

— Ну и как? Будем говорить или мне приступать?

Григорий бросил «вожделенный» взгляд на сверкающее великолепие хирургического (и не только) инструментария, лежащего на столике. Клиент икнул и нервно сглотнул, круглыми глазами уставившись на допрашивающего.

— Поверьте, есть боль, которую вы никогда в жизни не испытывали, — бесцветным голосом «профессионального садиста» продолжил Григорий. — Никто не выдерживал... Или вы выдержите?

Взгляд, который он подарил Конопле, содержал всё — и надежду, и вожделение.

Григорий боялся, что Кона окажется более мужественным, чем выглядит. И придётся кое-что всё-таки этому гнусу продемонстрировать из методов блиц-допроса. Но оказалось всё более чем замечательно. Переполнив разум бандита, страх выплеснулся наружу в диком крике.

— Не-ет!!! Я всё расскажу!!! Всё! Только не надо-о!!!!

Мысленно испустив вздох облегчения, Григорий скорчил кислую мину обломанного в надеждах садюги и приступил к делу. К допросу.

Впрочем, каждый раз, когда он замечал, что «клиент» начинает отходить от страха и пытаться что-то скрыть или соврать, он «оживлялся» и начинал «нетерпеливо» коситься на инструментальный «натюрморт». При этом его рука «как бы невзначай» тянулась в ту сторону. Он, «обрывая себя» её отдёргивал, но она «снова тянулась». Этого, было достаточно. Лишь один раз Григорий всё-таки дотянулся до столика и принялся «рассеянно» вертеть в руках один из «приборов». При этом глаза у осведомителя вообще округлились и речь превратилась в скороговорку.

Скоро Григорий знал всё.

Чуть-чуть ещё «поднажав» на клиента, он освежил тому память и тот выдал ещё кое-что. И ещё. И ещё, и ещё... Пока «подопытный» окончательно не иссяк.

И тут Григорий вспомнил разговор с принцессой.

«А что если... — подумал он. — что если в моей компании сыскарей есть некто, кто стучит в охранку? Ведь наверняка должен быть!».

Увидев блуждающую улыбку на лице Григория Конопля заёрзал на своём стуле. Глядя на этого здоровяка, он уже давно почти явственно ощущал на себе дыхание адского пламени... Ну если и не пламени, то остроту инструментов его «обслуживающего персонала» — точно.

«Что если прямо сейчас „накинуть пару лопат дерьма на вентилятор“? — продолжал размышлять Григорий. — Ведь если осведомитель есть, то уже вечером инфа будет на столе начальника. Гы! И что бы такое запузырить, чтобы у него вообще уши отвалились?».

Тут уже Григорий задумался капитально.

Увидев это, Конопля даже дышать стал через раз, боясь вывести его из глубокой задумчивости.

«По описаниям этого дурика, заказчик, — РЕАЛЬНЫЙ заказчик, а не скупщик краденого, — очень сильно смахивает на какого-то масона. — продолжил рассуждения Григорий. — Если бы это был кто-то из охраны или „приближённых“ из полиции, то откровенной мистической чуши в деле бы не присутствовало. Вот же блин! „Жезл Силы и свитки атлантов“ ему понадобились! Но может это какая-то секта? Типа тех, что на Вриле сейчас в Германии всходят... Тоже может быть! Но то, что они нас считают за конченных лохов — это они зря. Надо бы к этому „магистру“ „в гости“ заглянуть. В самом ближайшем будущем.

Но что же, всё-таки эдакого отмочить?...».

И тут Григорий снова вспомнил совершенно недавний разговор с Натин.

— Так! Дятел! Говори, было ли твоим заказчиком дано задание найти что-то типа: «Звёздные врата», «Врата Силы», «Межмировые врата», «Арка Богов», «Кольцо Богов»?

«Клиент» разве что не посинел. Слова у него явно в глотке застряли так как задан вопрос был самым свирепым тоном.

Он попытался что-то сказать, но после просто мелко-мелко отрицательно затряс головой.

— Вр-рёш-шь!!! — ещё более злобно зашипел Григорий от чего Конопля весь сжался.

— Давал он задание искать предметы с изображением этих сооружений? С описаниями?...

Бандиту было уже очень плохо. По его виду — вот-вот окочурится от дичайшего страха. И тут его спас до сих пор молчавший Савелий. Старый драгунский офицер.

— Господин Румата! Мне кажется, что этот прохвост всё-таки не осведомлён о чём

речь.

Резко «успокоившись», Григорий безучастным взглядом осмотрел потолок и кивнул.

— Да, Савелий Максимович. Похоже вы правы. Не знает. — спокойно ответил он, и вдруг выверившись рывкнул в лицо Конопле. — Но тот гад, что его посылал явно знает!!!

Вор тоненько завизжал.

— Уберите! — брезгливо махнул Григорий в сторону бандита.

Двое дюжих сыскаря, отмотали совершенно обессиленного вора от стула, и утащили с глаз долой. В «камеру».

Когда вернулись в комнату, то обнаружили на столе небольшую бутылочку коньяка, маленькие стопочки и пребывающего во всё том же задумчивом состоянии Григория. Он и пребывал в таком состоянии, пока все не сели за стол.

Резко встряхнувшись он озорно глянув на своих подчинённых, быстро разлил им по стопарику.

— Неожиданные результаты... Да? — спросил он у всех когда «опрокинули». — «Против нас работают масоны».

— Да уж! — хмыкнул в свои усы Семён. — Чтобы с масонами... Никогда не сталкивался!

— Да и вы, господин Румата, поразили донельзя! — отозвался Савелий.

— Это чем? — спросил Григорий.

— Ну... — замялся Савелий Михайлович. — Эта... Никогда не видел такого допроса! Вы, ведь, к нему и пальцем не прикоснулись. А он — как на духу всё выложил. И рад бы ещё, да кончился запас.

— А что в этом удивительного? — задал вопрос Григорий, хотя уже знал что последует.

— Извините за любопытство... А... вы где такому научились? И инструментики...

Григорий ехидно улыбнулся.

— Нас, как офицеров, в академии обучали всему. В том числе и приёмам проведения блиц-допроса.

— И как, много раз приходилось применять этот блиц-опрос?

— То есть вы хотите сказать, «приходилось ли мне пытаться пленных»?

Савелий смутился и не успел ответить, как на его невысказанный вопрос ответил сам Григорий. И ответ ещё раз порастил слушателей.

— Никогда!

— Но как же вы тогда...

— Разыграл? — хихикнул Григорий. — Элементарно! Нужно только представить, что вы маньяк-садист и вот-вот готовы сделать со своим «клиентом» всё то, чему учили. Нужно вжиться в роль... Как это делают артисты театра. Но не до такой степени, чтобы действительно начать получать удовольствие от пыток. Это уже будет очень ненормально... И печально. Достаточно, того, чтобы представлять что будет. И чтобы это же ощущал и видел ваш «подопытный». Дальше... Дальше, глядя на его реакции, довести своими репликами и жестами «клиента» до дикого ужаса... Дальше вы видели сами.

— Но если попадётся...

— Некто с крепкими нервами?

— Да.

— Для таких тоже есть свои приёмы. Таким даже показывать пыточный инвентарь не надо. Хотя попотеть тут придётся изрядно. Это уже — игра ума и хитрости...

— Так ваш саквояжик...

— ...Всего лишь реквизит спектакля! — закончил за него Григорий.

Григорий благоразумно умолчал, что если случится война, и придётся спасать страну, то... Применение всего того, чему его учили когда-то станет неизбежным. Умолчал потому, что не хотел сильно шокировать своих сыскарей. Те же, восприняв всё как очень длинную шутку над бандитом, расслабленно рассмеялись.

Но когда отсмеялись...

— Какие-то ещё вопросы? — поощрил их Григорий.

— Да ваш... Извините, Господин Румата! Что это такое вы спрашивали... Насчёт... «Звёздные врата»?

— Ах это! — Григорий лениво махнул рукой и разлил ещё по стопарику коньяка, чем вызвал серьёзное оживление.

— В контексте нашего расследования, вам стоит знать... Что мы не просто интересуемся древними легендами. Мы предметно знаем, что большинство из них, если убрать с них обёртку мистики — истина!

Заметив в глазах невысказанный вопрос, Григорий отмахнулся.

— Нет. Речь не о Библейских сказаниях. Речь о неизмеримо более древних преданиях, нежели сказки евреев.

Многих, такой отзыв о библейских текстах покоробил.

— А вы что, не знали, что Библию писали евреи? — заметив эту реакцию спросил Григорий. — Так возьмите и прочитайте! Там весь Ветхий Завет есть летопись жития евреев и их племён на землях Палестины.

Григорию бы здесь остановиться и подумать: «С чего бы это? Офицеры, как бы подразумевающие собой хорошее образование, и не знают элементарного». Но его уже понесло.

— Упоминание об этом артефакте — самые древние из всех, которые есть в Мирах. Говорят даже, что возраст этих врат — несколько миллионов лет. И сделаны они неизвестным народом... Но не это суть важно. Главное, по этим преданиям, тот народ, который после «обозвали» Богами, мог шагать через эти Врата по звёздам! Из мира в мир, открывая внепространственные тоннели, которые переносили их разом на немыслимые, межзвёздные расстояния...

Слушатели обалдели.

Выдержав паузу, как он думал для пущего эффекта, Григорий уже был готов продолжить, но вдруг голос подал самый молодой из сыскарей.

— Но... Ваше сиятельство, — забыл он форму обращения к Григорию, которую он долго добивался от них... — как же они шагали по звёздам... Ведь они такие махонькие! Да и по... по небу ходить...

Тут уже сам Григорий надолго потерял дар речи.

Правда когда обрёл, на помощь ему пришёл Савелий Михайлович. Он просто пояснил, что «Из нас кроме меня, извините, никто гимназиев не заканчивал», и что «все они имеют всего-то четыре класса образования».

При этом заявлении у Григория, как говорится, челюсть выпала. Однако, после подробных и дотошных расспросов он выяснил, что, оказывается, практически две трети офицеров Российской Армии имели то самое «образование» — церковно-приходские школы. А те, кто «имел гимназию», да ещё и неплохо учился, те поступали в армейскую

элиту(!) — в артиллеристы. Потому, что хорошо знали математику.

И всё это не потому, что большая часть офицеров выходила «из низов». Таково было образование большинства сыновей помещиков. Далеко не все своих чад пристраивали в гимназии. Да и далеко им из своих поместий до тех «гимназиев» было.^[21]

Узнав это, Григорий надолго «выпал из реальности». На мгновение у него перед глазами даже мелькнул образ: Дамочка, хамовито-ехидного образа, в потёртых джинсах и футболке, с надписью «реальность». Дико, заразительно, оскорбительно ржущая и показывающая на него пальцем.

— Н-да! — сильно обескураженный Григорий обвёл взглядом своих подчинённых. — Это я не учёл.

Компания «архаровцев» молча ждала что последует, даже не представляя что думать.

— Вообще... Вам, Савелий Михайлович, придётся что-то решить о просвещении всех прочих. Чтобы не четыре класса образования в головах было, а что-то более существенное. Чтобы люди хоть как-то но представляли в каком мире живут.

— Э-э... А это так необходимо? — осторожно спросил Савелий.

— С нами — это более чем необходимо! — отрезал Григорий. — Даже знание того, что звёзды — не свечи приколотенные к небесному своду, а далёкие солнца, у которых есть такие же планеты как Земля.

Судя по тому, как изменились лица присутствующих, заявление произвело сильнейшее впечатление. И непонятно было что больше поразило — то ли заявление о том, что надо учиться, то ли то, что «далёкие солнца, у которых есть такие же планеты как Земля». Григорий допускал, что как раз последнее многие, если не все, знают. Хотя бы чисто из разговоров, если «в школе не проходили». Но так или иначе, надо было с этим тотальным невежеством что-то делать.

— Да-да-да! Звёздные врата открывали дорогу именно к звёздам! И даже если мы их не найдём — слишком много тысячелетий прошло с исхода Древних с Земли — но кажется, кто-то кроме нас начал копать эту тему. И это нам может дико помешать. Нет, не помешать найти те треклятые Врата. Их на Земле вообще может не быть. По той причине, что их попросту разрушили. А потому что мешать будут нам, в нашей работе по подъёму и усилению России. А поднимать и защищать в наше непростое время, могут только образованные люди. Всем это понятно?

Сыскари неуверенно кивнули. Они и так уже начали привыкать, что их новый начальник иногда такое задвигает, что хоть стой, хоть падай. Но сейчас, кажется, он побил все мыслимые рекорды.

Григорий же, внезапно осознал простую вещь: если они что-то делали «высокоинтеллектуальное», то здесь, в этом мире, их мог понять и воспринять от силы один процент населения. Они изначально действовали так, как привыкли в своём, родном мире. Там, где ещё со времён СССР сохранилось достаточно качественное образование, дающее целостную картину мира. Где людей не знающих что такое звёзды, или верящих, что история мира насчитывает четыре тысячи лет — было исчезающе мало.

А тут... Тут они имели то, что имели. И если они хотят, чтобы их «заготовки» прошли и стали ведущими, то им либо надо заняться тотальным образованием народа, либо... Опуститься на их уровень!

После Григорий узнал, что многие офицеры с которыми он сейчас имел дело, стали

полицейскими, после увольнения из Армии. Увольняли тогда многих после реформы. И увольняли как раз по причине низкого образовательного уровня.

Власть внезапно озаботилась подъёмом интеллектуального уровня своего воинства (хотя бы офицеров) и повышением тем самым, боеспособности. Но вышло, как всегда всё это «серединка на половинку».

Да, «офицерские звания присваиваются тем, кто закончит двухгодичные юнкерские училища. Чтобы проступить туда требуется хотя бы неполное среднее образование и СДАТЬ вступительные экзамены». Но опять «неожиданно» оказалось, что для этого элементарно не хватает... кандидатов. Кандидатов, с «хотя бы неполным средним образованием», как бы его сейчас назвали. Так что уровень образования офицерского корпуса, да и вообще Российского обывателя был ну очень удручающим.

«Значит, — рассуждал Григорий, — мой братец просто осёл, если рассчитывает кого-то серьёзно убедить жутко наукообразной теорией Маркса. А о рабочих — и говорить не приходится. Что из этого следует? А из этого следует, что даже марксизм придётся пропагандистам переводить на „общепонятный“. То есть на термины „паразит“, „тунеядец“, „вор“, „грабитель“ и так далее».

Издав мрачный смешок, принятый подчинёнными за признак принятия особо иезуитского решения, Григорий поднялся из-за стола.

— Сдаём банду в полицейский участок.

Когда вытаскивали бандитов из их «камер» — спешно в своё время организованных «отдельных кабинок», — Григорий зашёл отдельно в камеру к доносителю. Тот, увидев такое, весь сжался.

— Слушай внимательно... — приблизив лицо к лицу, почти в ухо, сказал Григорий. — Если хоть что-то ты расскажешь из нашей встречи... Будь то, что нам тут рассказал, или ещё чего — ты не просто труп. Умирать будешь очень-очень-очень долго. Я тебе обещаю. У меня руки не просто очень длинные. Понял?

Подарив «улыбку василиска» напоследок, Григорий вышел, дав возможность своим сыскарям отцепить и выволочь наружу полумёртвого от страха бандита.

* * *

Григорий знал куда отправился Василий с утра пораньше. Новости были слишком горячие, чтобы их откладывать до вечера. Поэтому отправился вслед за ним.

Брата застал в не менее, чем он сам, обескураженном состоянии. В лаборатории профессора Ивана Петровича Павлова.

После всех приветствий и традиционных расшаркиваний, уселись по креслам. Профессор производил впечатление очень живого человека, можно сказать даже импульсивного. Сейчас он, закинув ногу на ногу и сняв с носа пенсне, размахивал задумчиво им в воздухе, периодически поглядывая на братьев. Попросив минуту, чтобы объяснить брату, Василий быстро ввёл того в существо дела.

— Дело в том, брат, что на нашего уважаемого профессора... — уважительный кивок в сторону Павлова, — начался очень гнусный накат. На него и на его дело. И связано оно с...

— ...Вивисекцией? — тут же вставил нетерпеливый Григорий.

Василий кивнул.

— Вы не поверите, господа, но именно об этой проблеме я думал, направляясь сюда.

— И каковы результаты размышлений? — с некоторой подколкой спросил Василий.

— Если это некая группа идиотов-мракобесов, — начал Григорий. При этом профессор шумно засопел, сдерживая смех. — ...то у нас есть серьёзная проблема. Ведь и мы используем в своих исследованиях проверку токсичности и побочных действий препаратов на животных. И кто сподобился на этот «наезд»?

— Баронесса Вера Илларионовна Мейендорф. — ответил Василий.

— Но... — у Григория тут же полезли глаза на лоб. Он извинился перед Иваном Петровичем и тут же перешёл на санскрит. — Но ведь, как я помню, этот наезд должен случиться в нашей истории на год позже и завершиться... ещё через шесть лет!

— Я вижу, что и ты интересовался этим скандалом. — ответил также на санскрите Василий и также быстро как Григорий. Со стороны казалось, что два человека перешли на родной язык, чтобы очень быстро обсудить то, что на неродном будет медленно.

— Да вот пришлось. Раз мы уже тут. Но как это получилось? Неужели это действительно параллельная реальность? Или...

— Мне кажется, что тут виной мы. Мы сильно подхлестнули исторические процессы. И то, что должно было случиться лишь через год случилось сейчас. Но, так или иначе, ту стержинку надо бы остановить до того, как она доберётся до жонки царя. Твои мысли на этот счёт?

— Как остановить?

— Да.

— Да задвинем в наших газетах кучку издевательских статей представляющих ту дамочку в самом неприглядном виде. Со всем её обществом «защиты животных».

Григорий хищно улыбнулся при этих словах. Василий же тоже улыбнувшись обратился к Павлову.

— А вы какого мнения насчёт всей этой мути вокруг «вивисекции»?

Павлов ещё больше оживился и выдал наболевшее.

— В негодовании и с глубоким убеждением говорю я себе и позволяю сказать другим: нет, это — не высокое и благородное чувство жалости к страданиям всего живого и чувствующего; это — одно из плохо замаскированных проявлений вечной вражды и борьбы невежества против науки, тьмы против света.^[22]

— Именно так и мы думаем! — тут же согласился Василий. — Эта кампания, если она дойдёт до высочайших лиц, может нам всем очень сильно повредить. В исследованиях. А нам в особенности, так как мы планируем ввод многих лекарств и скоро. Это может серьёзно отдалить сам факт введения, и тем самым породить множество смертей. Те, что могли бы быть предотвращены выпуском соответствующих лекарств.

— Хм! Господин Румата, меж тем улыбается? — заметил Павлов, — Он не находит ситуацию серьёзной?

— Нет, Иван Петрович! — ответил Григорий. — Я просто знаю как этому помешать.

— И как?

— Просто кидаем в наши газеты статьи, где показываем элементарное: Если последовать за требованиями баронессы, нам невозможно будет проверять и вообще искать новые лекарства. А это значит, что мы не сможем спасти тех людей, которых могли бы. А раз так, то вся вина за десятки и сотни тысяч смертей полностью ложится на того, кто нам эти исследования сорвал — на баронессу Мейендорф.

— Но... — тут же вскинулся учёный, — Это очень жестоко! И... я бы сказал...

— ... Некрасиво? — «подсказал» Григорий. — но ведь говорится «правда, только правда, и ничего кроме правды»!

— Всё равно... Я полагаю, что стоило бы побережь её чувства. Чисто из соблюдения приличий.

— Извините, Иван Петрович, — вступил в дискуссию Василий. — но учитывая то, что может случиться, а случится очень много совершенно напрасных смертей, поступать мягко из-за одной только слезинки баронессы, по-моему, аморально!

Сильно нахмурившись, не без внутренней борьбы, Павлов всё-таки согласился.

Он не знал, и, естественно, не мог знать, что в «изначальной истории», фонтан дерьма запущенный баронессой, достиг немыслимых размеров.

В 1901 году баронесса и её общество издали книгу «Жестокости современной науки», где среди информации, заимствованной из переводных изданий, помещено много указаний на работы русских физиологов и врачей и вскрыты факты жестокого обращения с животными в отечественных научных учреждениях. Выводы о жестокости сделаны на основании российской медицинской периодики и опубликованных диссертаций, но были и свидетельства очевидцев.

28 февраля 1903 г. В. И. Мейендорф прочла на эту тему доклад на приеме у Марии Федоровны, которая, выслушав его, собственноручно написала на полях: «Прошу обратить серьезное внимание».

В марте председательница Главного правления РОПЖ передала законопроект с сопроводительным письмом в Министерство народного просвещения и обратилась к министру Г. Э. Зенгеру с просьбой принять меры к искоренению жестоких приемов вивисекции в подведомственных ему учреждениях. Министерство в свою очередь предложило начальникам учебных округов передать этот вопрос на обсуждение медицинским факультетам университетов.

Пока университеты обсуждали законопроект и присылали свои отзывы, вопрос этот рассматривался и в Военно-медицинской академии. На заседании конференции ВМА 19 апреля 1903 г. был выслушан доклад баронессы Мейендорф и сформирована комиссия, в ее состав вошли профессора И. П. Павлов, Н. П. Кравков и П. М. Альбицкий. Свое заключение они дали 17 января 1904 г. Заключение содержало два основных вывода, первый давал оценку всем предложенным требованиям относительно изменения процедуры проведения опытов и состоял в утверждении, что автор доклада совершенно не знаком с тем предметом, о котором судит. Второй вывод касался последнего положения законопроекта, затронувшего святое святых научного сообщества — свободу исследований и научной деятельности. Комиссия категорически заявила, что контроль членов РОПЖ не только унизителен для науки, но и опасен для человеческого блага.

Но и этим не закончилось. Нападки продолжились и баронесса, возглавляя своё «Российское общество покровительства животных» протолкнула законопроект в министерство народного просвещения.

По неблагоприятному для антививисекционистов стечению обстоятельств с конца января исполнял обязанности министра С. М. Лукьянов, патофизиолог, он до получения в 1902 г. места товарища министра народного просвещения, то есть с 1894 г. по 1902 г., был директором Императорского Института экспериментальной медицины (ИИЭМ). Как учёный С. М. Лукьянов имел собственное профессиональное суждение о вивисекции и значении ее

для науки.

И даже защита законопроекта академиком, князем Б. Б. Голицыным, не возымела эффекта.

Тем не менее, нервы учёным помотали изрядно. И долго. То, что данная нервотрёпка отразилась на исследовательском процессе и говорить не стоит. [\[23\]](#)

Это означало, что сей процесс надо было оборвать в самом начале.

Уже на следующий день после беседы у знаменитого физиолога, все бульварные газеты Санкт-Петербурга пестрели статьями на очень схожую тему.

Сначала, бешеные восторги по поводу «панацеи, открытой братьями Эсторскими», которая «лечит почти всё». Приводились многочисленные примеры и почти легенды про сказочно исцелившихся людей. Прежде всего детей. Слюняво и помногу описывались сцены восторга родителей, снова обретших, казалось бы умиравших, своих детей. «...И всё это роганивар!».

И тут же...

Страшные описания того, как злая баронесса имярек, препятствует работе братьев, по изобретению новых лекарств. Имя баронессы не называлось. Но упоминалось некое общество защиты животных.

Далее, рассказывалось, что для того, чтобы сделать лекарство, нужно не просто его изобрести, но ещё и убедиться в том, что это именно лекарство, а не отравы. И если лекарство, то в каких дозах и когда его можно принять, чтобы случайно не убить или не покалечить человека. Рассказывалось, с какой тщательностью происходит этот процесс. Что как бы то ни было, но приходится делать опыты. И делать на животных.

Но тут... Тут появлялась зловещая тень некоей «неназываемой» баронессы, которая по злобе ли на всех людей, то ли из соображений лоббирования интересов иностранных компаний, производителей лекарств, за плату от них, препятствует работам по нахождению новых чудодейственных лекарств. И далее, практически во всех статьях шла нехитрая арифметика: «Если в день, в России от инфекций погибает ххх человек, то задержка работ хотя бы на день, по поиску и проверке лекарств, означает их убийство. Ибо „если бы могли ввести то лекарство, то они бы были спасены“.»

Таким образом, всё «общество попечения животных» выставилось чуть ли не преднамеренными убийцами десятков тысяч людей.

Впрочем, не всё малевалось в сугубо чёрных тонах. Писались и фельетоны. Но цель у них была одна — выставить и баронессу, и её общество, и всех, кто симпатизирует её идеям, как идиотов.

Как минимум идиотов.

Как максимум — убийц.

Тем не менее, оставался один очень важный вопрос — кто таков тот неизвестный масон, что так непринуждённо попытался «сесть на хвост» братьям.

То, что этот налёт был ничем иным как «разведкой боем» братья не сомневались ни на секунду. Григорий даже высказал вполне здравое предположение, что всякий бред насчёт «свитков и жезлов» был рождён чисто для того, чтобы хоть как-то «обосновать» цель для осведомителя. А реальной целью было то, что взять всё, что награбят на яхте бандиты, и выяснить что же всё-таки представляют из себя братья. По награбленным предметам.

Ведь не секрет, что по предметам обихода, по драгоценностям книгам и прочим вещам

вполне можно выяснить кто есть кто.

— Думаешь разведка? Наглы? — спросил Григория Василий.

Они, тепло распрощавшись с Иваном Петровичем, неспешно двинули в сторону другого научного заведения.

— Всё может быть. В том числе и масоны. — пожав плечами ответил Григорий.

— И если масоны?..

— А один хрен — и то и другое одинаково плохо. Будем драться!

— Обязательно драться?

— А как иначе?!

— Мы перешли дорожку и державам, и банкирам (если не перешли, то скоро перейдём) и разведкам, и... Да ты сам посуди! Мы что здесь в первую очередь учудили, что так сильно зацепило публику?

— Шизу толканули в массы!

— Во-от! Кто у нас в Европе главный монополист на шизу, если вычесть конфессии? Масоны! Так что я ни на грамм не буду удивлён тем, что именно масоны на нас первыми наскочили.

— Гм... Логично! — Согласился Василий.

— Кстати, а как у тебя успехи? — спросил Григорий.

— Переменно... — процедил Василий и сморщился как от зубной боли.

— А если подробно?

— Подробно... — тут же сильно помрачнел брат. — Подробно, это всю историю физики пересказывать.

— Да ладно тебе! В одной школе учились. — легкомысленно кинул Григорий.

Василий как-то подозрительно глянул на него и разразился лекцией.

— Мы сейчас находимся не просто на рубеже веков. В физике намечается большой перелом. И он связан с сильнейшим кризисом.

— Ну, если коротко, из этого кризиса вышли Теория Относительности, и Квантовая механика?

— Да. Именно.

— И ты решил слегка подстегнуть прогресс в этой области?

— Ты прав.

— И тебя тут же обозвали неучем, дураком, и вообще всеми срамными словами? — начал веселиться Григорий.

— Н-ну, не так прямолинейно, но суть верна, — замялся брат. Григорий же сдержанно гоготнул.

— У меня хуже! — огорошил Григорий Василия. И обескураживающе оскалился.

— Это как?!!! — изумился Василий и Григорию представилась возможность просветить брата насчёт недавнего открытия с уровнем образования. Однако, ни наблюдения, ни выводы на Василия особого впечатления не произвели. Он просто кивнул в знак того, что понял и принял, и тут же перешёл к больному вопросу.

— Проблема тут в смене парадигмы. — начал он. — Несмотря ни на какие доводы, наша Рассейская профессура держится за классические представления мёртвой хваткой. И почти все аргументы у них — «так считает вся Европа».

— Холеру ей в задницу! — то ли в шутку, то ли по злобе вставил Григорий.

— Я толкнул им элементарную теорию строения атома.

— Теорию Бора?

— Да. Теорию спектров. Толкнул вообще квантовую механику. Чтобы решить «проблему ультрафиолетовой катастрофы».

— Это что за зверь? Эта самая «катастрофа»?

— Ну... Тут пара англичан попыталась на основании классических представлений объяснить спектр излучения «абсолютно чёрного тела». А вышла полная фигня. Там, где на графике излучения в эксперименте получался всегда ноль, эти перцы получили бесконечность. Ну я им и затолкнул классическое решение. И показал, что соответствие эксперименту получается, если принять за факт излучение света не непрерывно, а порциями, квантами.

— И всё равно не верят?

— Не-а! Не хотят! А ведь до того момента, когда это же решение получит Макс Планк — совсем недалеко. Может он прямо сейчас его получает.

— Ух, какой ты тщеславный! — попытался подколоть его Григорий.

— Какое, нахрен, тщеславие?! — неожиданно взорвался Василий. — Если мы сейчас загребём России все наиглавнейшие открытия и достижения, то авторитет Европы рухнет! А вместе с ним и сказочка про «наиглавнейшую и единственную дорогу цивилизации»!

— Тады «ой»! — хмыкнув выдал Григорий. — И что собираешься сделать сегодня?

Василий неожиданно хищно оскалился. Видать долго тренировался — перенимал у братца.

— Я им эксперимент задвину! И пусть попробуют что-нить вякнуть поперёк после него.

— Это какой ещё эксперимент?

— Увидишь! — загадочно улыбаясь и глядя вдаль сказал Василий. — У меня весь этот «эксперимент» в одном кармане поместился.

При этом Василий довольный собой, хлопнул по нагрудному карману.

Глава 21

Эбола

Генри Сесил понял сразу, — Эбола «вышла ему навстречу». Но это понял, сначала, лишь он один.

Спустя пятнадцать дней, после появления первых заболевших, болело уже больше половины состава экспедиции. Но задолго до этого срока появились и первые умершие. С этих пор, Генри почти не снимал с себя защитный костюм. Ему особо запомнился день, когда умер первый солдат от эболы.

Тогда группа врачей экспедиции, решила сделать вскрытие трупа. Чтобы иметь представление о том, как болезнь повлияла на внутренние органы того бедолаги. Когда труп уже упаковали, а господа участвующие в аутопсии сняли с себя защитные костюмы... Они долго не могли вымолвить и слова.

Когда же заговорили... Лучше бы Генри ничего не слышал. И не спрашивал.

— Все его внутренние органы превратились в желе. — мрачно сказал старый врач Старк.

— Но как же так?! Ведь он умер всего-то два часа назад! — поразился Генри.

— Однако превратились. Внутри — сплошные кровоизлияния. Бедняга умер от них. А дальше... Дальше работала эта эбола. Продолжая пожирать уже мёртвое тело. Иного объяснения я не вижу.

Генри чуть придя в себя вспомнил, что об этом же писано было и в книге. Только он это забыл. И забыл, вероятно, потому, что описание было ужасным. Но что он также забыл, это категорическое указание — не производить аутопсию, если есть даже только подозрение на эболу. Ибо все участники — трупы. Из-за запредельного риска. Как бы сказал в этом случае Григорий: «Это просто отожравшийся до неприличия полярный лис!».

Через неделю после начала эпидемии в рядах экспедиции, ни о каком продолжении движения к Проклятой Реке(она в уме Генри теперь только так и называлась) уже не могло быть и речи.

Генри попытался выяснить, как болезнь, несмотря на все ухищрения, таки пролезла в ряды экспедиции. После тщательного опроса всех, он пришёл к единственному выводу.

Всё дело было в той самой деревне, которую они недавно прошли. Там уже была эпидемия. И жители напали на белых потому, что приняли их за тех самых, злых духов, что несут эту болезнь. А после... После, дав вольницу своим солдатам, офицеры подписали им смертный приговор.

Как было выяснено, как минимум две чёрных девки, которых насильничали солдаты, в той деревне, были уже больны. Лейтенант Клод, заболевший среди первых, упал в той деревне поскользнувшись в жидкое дерьмо.

И дальше болезнь пошла убивать личный состав подразделений приданных для охраны. Ещё через пять дней, когда половина заболевших уже умерла, у солдат и офицеров не выдержали нервы. Начались бунты. Часть солдат просто отделилась и ушла. Как считала обратно. Подальше от этих проклятых мест.

Больше их никто никогда не видел и о них не слышал.

Заболели ли они, и все умерли; были ли убиты в бою с местными аборигенами, съедены ими, или просто сожраны крокодилами и другими животными — это уже никто наверное,

никогда не узнает.

Но оставшиеся сами пребывали далеко не в лучшем состоянии. Любая хворь, даже небольшая, приводила к тому, что человек объявлялся поражённым эболой. Вскоре, чтобы спастись, таких просто убивали. «Из милосердия». Потому, что действительно, умиравшие испытывали просто нечеловеческие муки истекая гноем и кровью.

А отряд таял, и таял. Из живых, вскоре остались только четверо солдат. По иронии судьбы, двое бельгийцев и двое англичан. И два офицера. Бельгиец и англичанин. Учёные и врачи погибли все. И теперь все их записи Генри тащил на себе. Бросив всё, что даже представляло некую ценность — научное оборудование, инструменты.

Он справедливо считал, что теперь в этих записях — жизнь и смерть Англии. А возможно и всей Цивилизации. Когда пять выживших, добрались до Леопольдвилья, Генри мог быть там самым истинным из всех возможных эталонов «белого человека». У него даже волосы все стали белыми.

И, кстати, не потому, что он боялся заболеть. Он заболел. И самый большой страх он испытал как раз за то, чтобы остальные, не обнаружили этого. А самочувствие у него было как при гриппе, который он перенёс за год до путешествия в Африку. Он с диким страхом ожидал, что вот-вот, появятся и другие симптомы эболы. Язвы и прочее. Но они, на его счастье, не появились. Пронесло. Иначе, как и было уговорено, его бы пристрелили. И бросили.

Бросили бы потому, что даже тем защитным костюмам, что у них были, доверия не было никакого. И хоронить погибшего просто было некому. Даже подходить близко было до судорог страшно.

И самое чудовищное, за что его действительно могли убить, это бутылка. Небольшая, неприметная, непрозрачная. Там, как и было условлено, ранее, были сохранены ткани, поражённые вирусом. Не дезинфицированные.

Кого-то из шишек в Англии очень сильно заинтересовала идея селекции бацилл, упомянутая в книге. И эта бутылка была для Генри... В ней была его жизнь. И смерть. Причём и то и другое — в буквальном смысле этого слова.

В порту их встретили.

И когда увидели, что осталось от экспедиции — не поверили своим глазам. Когда узнали что произошло — долго, решали что делать. Но больше никто не заболел.

Спустя неделю после их прихода в Леопольдвиль, останки экспедиции погрузились на корабль и медленно отправились по реке к устью.

Каждый вечер, майор Томсон, из выживших, и Генри Сесил собирались вместе и нажирались. Пока не кончилась выпивка. Двоих солдат, что были с ними, вообще посадили под арест, чтобы никто не болтал лишнего. Кормили их очень хорошо. Но этим всё и ограничивалось.

Всё для того, чтобы страшные рассказы не поползли по кораблю. Не вызвали чего доброго, паники среди матросов.

Но... Дней через десять, вняв мольбам и просьбам Сесила и майора — отпустили. Всё равно, катастрофа экспедиции для всех была «секретом Полишинеля». Так что одной страшной историей больше, другой меньше — уже несущественно.

Однажды, вестовой, приставленный к Генри, вместо погибшего в джунглях, рылся в вещах.

В руки ему попала какая-то бутылка. Горлышко у неё было залито сургучом. И выглядела она как прочно забытая её хозяином. А слуга очень хорошо помнил, как хозяин каждый день ругался сетуя на то, что выпивка кончилась.

«Значит ли это, что об этой бутылке мистер Сесил забыл?» — подумал слуга. — «Но если он про неё забыл, то он же не будет против, если я ещё выпью потихоньку и выкину уже пустую за борт?».

Придя к таким оптимистичным выводам, он тихо сломал сургуч, вытянул пробку, и понюхал содержимое.

Лучше бы он это не делал. Наружу вырвалось такое амбре... Он выронил бутылку и небольшая часть содержимого пролилась под ноги.

Быстро убрав последствия этого «занюхивания», он выкинул бутылку за борт. Но это уже ничего не меняло.

Эбола снова нашла свою жертву.

Нет, не вестового, который выкинул уже давно протухшие образцы, где вирус давно умер.

Он не умер в одном из солдат, что сейчас преспокойно спал своей каюте. Двадцать дней инкубационного периода истекли.

Глава 22

Физики против «лирики»

Лёгкая, хоть и длинноватая, прогулка по Петербургу завершилась у здания Университета. Там уже ждали.

В аудитории университета, отданной под лекцию и дискуссию, яблоку негде было упасть. В неё, кроме профессуры, набилось столько студентов, что стояли даже в проходах. Григорий тихонечко прошагал к заранее зарезервированному для Высоких Гостей месту. С кем рядом сел, он не знал. Хотя тихо подозревал, что тоже кто-то из изрядно знаменитых.

Василий же, привычным взором окинув собравшихся, привычно поздоровался с аудиторией и быстро прошёл к столу, на котором были расставлены какие-то приборы. Быстро повернул небольшой белый экран, так чтобы было видно всем в аудитории и слегка переставил при этом приборы. Лаборант даже не успел рыпнуться, как всё было расставлено как надо. Василию лишь оставалось вяло махнуть ему рукой чтобы не беспокоился.

Привычки университетского преподавателя тут его выдавали с головой. Что явно отметила про себя вся преподавательская братия.

Также привычно заняв место за преподавательской кафедрой, Василий выпрямился и оглядел аудиторию. Аудитория тут же затихла.

— Дамы и господа! Уважаемые преподаватели и учёные! Прошлый раз я обещал показать некоторые опыты, которые прямо свидетельствуют о правоте нового подхода в изучении природы. Но для того, чтобы эти опыты были особенно убедительны, я попросил коллегу — кивок явно студенту, стоящему поодаль с пачкой листов в руках — доказать с точки зрения классической механики, что прибор, генерирующий монохроматическое, когерентное излучение, попросту невозможен, так как грубо нарушает фундаментальный закон природы — закон сохранения энергии. Итак, прошу любить и жаловать, Абрам Фёдорович Иоффе!

Не без театральных эффектов, приветственно взмахнув рукой, Василий пригласил студента к докладу.

— Я понимаю, что докладывать по столь важному делу будет, фактически студент. Студент Технологического университета. Но мне понравился этот студент тем, что очень плотно знает свой предмет. Впрочем, о качестве его доклада, и полном соответствии всем канонам как серьёзной работы, так и основным положениям классической механики — судить вам!

Сильно робеющий студент последовал к кафедре. Василий же посторонился, благожелательно при этом кивнув ему.

— Могу лишь со своей стороны сказать, что работа выполнена на очень высоком уровне. И полностью соответствует... Да иначе и быть не могло! Словом, вот вам возможно будущая звезда Российской физической науки.

Студенты зааплодировали, ибо такой заход жутко льстил им всем. Профессура же зашумела.

— Всё отлично, — шепнул он на ухо студенту. — Покажи им всем. Лаборатория у нас тебе обеспечена.

От такого захода на несколько секунд студент потерял дар речи. Но когда он к нему вернулся, действительно «показал».

Измалевав всю доску выкладками, ни разу не прервавшись, будто даже не видя аудиторию он досконально «раскрыл тему».

— Я его проинструктировал как себя вести — шепнул Григорию, отошедший подальше от кафедры Василий. — Сказал записать всё выступление, заучить его, и представить себе что вокруг никого кроме меня нет.

— Правильный студент! — одобрительно зашипел Григорий. — Где нашёл?

— А тебе фамилия, разве, ни о чём не говорит?

— Не-а!

— Будущий основатель ядерных исследований в Советской России.

— Оба-на!!!

Всё было сказано на санскрите, чтобы окружающим не допёрло о чём речь. Но последнее восклицание, говорило само за себя. Сидящий рядом препод настороженно покосился на Григория и проследив направление восторженного взгляда, обнаружил там студента Иоффе.

Меж тем доклад окончился и студент скромно став слева от доски принялся стесняясь стряхивать мел с ладоней.

— Блестяще! — тут же подхватил Василий и поспешил к доске.

— Как видите, Абрам Фёдорович, не оставил казалось бы камня на камне от возможности построить такой чудо-прибор. Ведь действительно противоречит! И действительно закону сохранения энергии.

Сразу же скажу, что вины в том, что выводы доклада не соответствуют действительности у докладчика нет. Я с ним специально обговорил этот вопрос. И он, следуя моим указаниям, сделал работу в точном соответствии именно с классическими, ОШИБОЧНЫМИ, как вы сейчас увидите, представлениями о природе вещей.

Василий благодарно поклонился Иоффе.

— Итак, настал черёд демонстраций. — воскликнул он как заправский артист и быстрым шагом подошёл к столу, где стоял спектроскоп. Уж спектроскоп Григорий ещё по школе мог легко определить.

— Вот это... — Василий достал из внутреннего кармана пиджака до боли знакомый Григорию серебристый цилиндрок. — Как раз и есть то самое устройство, которое настолько нагло противоречит всем классическим канонам физической науки. И грубо «нарушает» закон сохранения энергии.

В руках у Василия красовалась банальная для начала 21 века лазерная указка.

— Вот здесь... — Василий показал на нижний конец лазерной указки, — ...батарея микроаккумуляторов, питающая устройство. Потому мне и не нужно присоединять её к какому-то дополнительному источнику энергии. А вот здесь — само устройство.

Василий нажал на пусковую кнопку и сунул её в зажим на штативе. Тут же в её луче ярко засверкали многочисленные пылинки, витающие в воздухе аудитории а где-то на стене обозначилась ярко-алая звезда. Публика затаила дыхание.

Василий закрепил указку и медленно вращая её в зажиме направил луч на вход спектроскопа. Несколько дополнительных аккуратных движений и на экране засверкала одна узкая алая линия.

— Прошу! Излучение, как вы видите откровенно монохроматическое.

Он отошёл в сторону, чтобы картину на экране могли обозреть все.

— Но ведь и это ещё не всё!

Василий быстро переставил штатив с указкой в другое место стола, где стояла другая группа инструментов и приспособлений. Тут уже пришлось слегка повозиться. Но возникшая интерференционная картинка на экране также не оставляла никаких сомнений.

Василий, снова переставил штатив к спектро스코пу, вывел на экран одну-единственную линию и воскликнул.

— Итого: невозможное возможно? Но как? Очевидно, тут одно из двух: либо неверен закон сохранения энергии, либо одна из догм или сразу несколько из прежних представлений о мире — неверны. Да и сами посудите: если свет волна, то он не должен вести себя как частица. Но он ведёт себя как частица! Доказательством тому — фотоэффект, и открытое господином Столетовым явление давления света. Отсюда, чтобы не впасть в сумасшествие, надо предположить, что свет излучается порциями — волновыми пакетами. И энергия этого волнового пакета, подчиняется закону.

Василий быстро написал уравнение $E=h\nu$.

— E — энергия, h — постоянная кванта, ν — частота света.

И только если принять эти простые положения, что нам диктует Его Величество Эксперимент, всё становится на свои места. И никакого нарушения закона сохранения вот этим прибором...

Василий вынул лазер из зажима, выключил и высоко поднял его над головой.

— ...нет и не было!

Дальше, стерев выкладки предыдущего докладчика, Василий быстро накатал самую элементарную теорию работы лазера. После добавил кучу каких-то совершенно диких выкладок из своих любимых «квантов», что Григорий ничего не понял.

Также не поняла и большая часть аудитории. Но те, кто понял тут же взвились. Видно никак не могли отказаться от очень тёплых и удобных классических представлений. Посыпались возражения. Но не тут-то было. Видать к этому своему выступлению Василий готовился давно и загодя подготавливал своих оппонентов к конечным выводам. Поэтому он как гвозди стал заколачивать конкретные факты.

— Магнитное расщепление линий спектра — факт! А значит и факт — квантование спина атомов.^[24] И я вам уже давал схему эксперимента. И давал теорию объясняющую и это, и эффект Зеемана, и прочие эффекты в этой же области.^[25] Вам достаточно всё это проверить. И убедиться что это именно факт! А классическая теория, не более чем хлам!

— Вы хотите сказать, что все эти эксперименты уже делали?

— ... И сейчас я излагаю не только их результаты, но и демонстрирую устройство, которое использует прямые следствия и выводы, сделанные на основе этих экспериментов и теорий.

Василий подкинул указку в воздух и ловко её подхватил.

— Пожалуйста!

Он ещё раз включил указку, но на этот раз расфокусировал луч. На экране образовалось большое, сверкающее красное пятно.

— Так может выглядеть только пятно когерентного света. Можете проверить. В том числе и математически.

— Но какой практический выход может быть из этих театральных фокусов? — воскликнул кто-то в раздражении. Видно аргументы кончились.

— Да вы атомы в итоге, научите плясать канкан! Под свою музыку и на зависть всей той Европе, пред которой так преклоняетесь! Знаете, что это значит? Не знаете. А я знаю.

Потому и пытаюсь вас убедить. Чтобы вы могли достичь того самого могущества, когда вы сможете собирать любые устройства с любыми свойствами хоть по отдельным атомам? Представляете себе счётную машинку величиной с этот брелок?

Василий продемонстрировал брелок висящий как украшение на хвосте лазерной указки.

— Не представляете. А всё потому, что не хотите вот это воспринять. Воспринять то, что говорит вам сама Природа! А ведь она, дама очень капризная! Она слушается и выполняет желания только того, кто её саму внимательно слушает!

Присутствующие студенты восприняли шутку благосклонно и хохотнули.

— Но Бог не играет в кости! — брякнул ещё какой-то проф, найдя наконец, по-своему оригинальный аргумент против «всех этих вероятностей», что стояли в математическом аппарате квантовой механики.

— Бог не играет в кости? — ничуть не смутившись ответил Василий. Видно он был давно готов к такой реплике. — Не играет! Но Он создал этот мир таким, какой мы его видим. Мы имеем право осуждать то, как он устроен? Это глупо. Мы только можем его изучать и восторгаться. Сейчас открылась пред нами ещё одна грань Творения. И что? Мы должны тупо отрицать то, что мы видим, и тем самым гневить творца?

— Почему вы считаете, что мы этим гневим творца?

— Да очень просто! Но для этого нам всем стоит задать крайне неожиданный вопрос: почему бог создал человека?

Григорий тут же оскалился и чуть не заржал. Зная убеждения Василия, видеть как он играет на поле как он их называл «крестобрюхих» выглядело как настоящий сюр.

— Представьте, что вы что-то такое, очень красивое и очень сложное создали. Например, вы великий механик и создали механическую птицу, которая может самостоятельно летать по комнате, и петь песни. Вы испытали восторг от самого факта творения. Но будет ли этот восторг полноценным, если истинного искусства проявленного при создании никто не поймёт? Если нет никого, кто восторгался бы тем решениям, которые были сделаны в процессе создания этого чуда? Нет, не будет полноценным! Но для того, чтобы понимать, чтобы докопаться до всех деталей Творения и испытать восторг по поводу их решений, надо иметь разум. То, что и даёт возможность ПОНЯТЬ. И только понимании сущности Творения есть истинное восславление Творца!

Григорий, по-началу, воспринявший всю речь брата «про Творца» как наглый стеб, всё-таки оценил её по достоинству. И причиной всему этому была Инквизиция.

Хоть они и избавились от наглого наезда попа, покусившегося на их деньги по результатам полёта дельтаплана, но всё равно оставались другие попы. И не все руководствовались простым и элементарным устремлением собственного обогащения. Были и такие, как тот сумасшедший, который чуть не подстрелил Василия во время первого полёта.

Тот сумасшедший давно пускал слюни в одной из лечебниц, снабжённой свежей партией аминазина. Но до остальных, облечённых саном и не менее больных на всю голову тут так просто не доберёшься. Они быстрее до тебя доберутся и устроят неприятности.

Так что этот пламенный спич про Творение и Творца, имел сугубо прагматическую цель — защиты себя и своих людей, занятых Познанием, от нападок идиотов-мракобесов. Возможно, его даже кто-то из философов оценит.

Григорий ещё раз оглядел аудиторию и заметил то, что не увидел сразу. С противоположного краю сидел Павлов. Тот самый физиолог, у которого они совсем недавно

были.

Выходит, тоже заинтересовался революциями в естествознании?

Были и другие, которые смутно кого-то напоминали. Про кого он успел прочитать, но ещё не успел запомнить. Выходит, в аудитории собрался как бы не весь цвет Санкт-Петербургской науки!

Да уж! Братика стоило бы с этим поздравить.

Григорий мысленно усмехнулся. Его деятельность была не видимой для «простого взгляда». Но вместе с тем, очень даже на виду у всех. Это один из тех случаев, когда за деревьями не видят леса.

* * *

Между тем, начав баламутить общество Запада своими дикими опусами, ещё летом, Григорий ни на день не останавливался. Сейчас вокруг него образовалось что-то типа медиа-холдинга. Да ещё такого, когда многие журналисты по всему миру, даже не подозревали на кого работают. И ведь работали они на этот медиа-холдинг часто вообще сугубо «за спасибо». Получая материалы от «Центра», они с великим удовольствием их печатали, потому, что материалы были не просто необычными. В них чувствовался некий крайне необычный взгляд на реальность, та свежесть, которая всегда и везде привлекала читателя.

Однажды, ещё в сентябре, Василий сказал очень интересную вещь, которую Григорий тут же постарался воплотить в реальность.

— Если мы тут будем жить, будем выживать, будем поднимать Россию, то нам неизбежно придётся изучить весь этот мировой паучатник.

— Что ты имеешь в виду под «паучатником»? — спросил он тогда брата.

— Общество состоит из людей. И они далеко не всегда между собой ладят. Поэтому, для отстаивания своих интересов они объединяются в группы. По интересам. И таких «групп по интересам» в мире полно. По всей вертикали власти — особенно. Они все образуют пирамиду власти. Как в стране, так и в мире. Есть мелкие группы, с мизерным влиянием. Есть большие, которые определяют политику и «правила игры» в масштабах государства. Но есть и такие «игроки», которые заправляют уже всем миром.

— Что-то я не замечал за тобой особой приверженности к конспирологии... — ехидно заметил Григорий.

— А я им и не стал. — даже не поморщился брат. — Всё, что я сейчас говорю — объективная реальность. Есть интересы Домов. Царских, королевских и прочих династий. Есть интересы банкиров и их родов. Примеры: Рокфеллеры, Ротшильды, Леебы, Куны, Асторы, Онасисы и прочие. Драка идёт за владение ресурсами. За влияние на мировые процессы. И каждая из сил, естественно, хочет повернуть эти процессы себе на пользу. Они могут между собой договариваться о чём-то, ссориться, враждовать. И если мы хотим хоть что-то здесь исправить к лучшему, мы должны учитывать всё это. Иначе нас сотрут в порошок. Нам как-то надо проскользнуть между этих сил. Обрести свою силу. И такую, чтобы уже сожрать нас нельзя было без серьёзного риска подавиться.

— То есть наша задача сейчас, кроме как «мутить воду», — изучать расклады сил и борьбу интересов?

— Да.

— Тогда формируем медиа-холдинг мирового масштаба! — нагло воскликнул Григорий.

Тогда он просто воскликнул. Но потом, ознакомившись подробно с тем, что ему предстояло сделать, поначалу пришёл в ужас от масштаба. Однако, здраво рассудив и оценив уже сделанное, он пришёл к неожиданному выводу. Он на девяносто процентов именно это уже и сделал. Оставалось лишь оформить «Центр» в виде конкретной организационной структуры, набрать штат работников, укрепить уже полученные связи — и вперёд!

К октябрю, в купленном трёхэтажном доме, бывшем доходном, было оборудовано всё, чтобы начать работу. Работу по развёртыванию той структуры, которая могла со временем стать как бы не крупнейшей силой, повелевающей миром. Ведь деньги — далеко не тот инструмент, которым чаще всего руководствуются люди. Люди руководствуются своими представлениями о мире. Убеждениями. А деньги тут — всего лишь инструмент. Может быть и рычаг заставляющий того или иного индивида, организацию, или ещё чего-то там, сделать нечто, что нужно деньгодавцу. Но в том-то и хохма, что далеко не всегда деньги срабатывают. Человек, как давно доказано, существо иррациональное. И того самого «человека экономического» который присутствует в фундаменте всех «экономических теорий» начала 21 века, попросту не существует.

Люди в подавляющем своём числе — «антирациональны» ибо руководствуются соображениями часто далекими от меркантильных. Руководствуются своими убеждениями, ценностями. А вот какие эти убеждения и ценности будут у толпы уже в самом ближайшем будущем как раз и определит медиа-холдинг Григория.

Серьёзный замах?

Думаете всё это чушь?

Вспоминаем тотальную опшизовку на Украине...

И далее помалкиваем.

Ибо кто владеет информацией, тот владеет миром.

Самое главное, что тут, на исходе века 19-го, об этом мало что знали. И даже не подозревали что можно сделать с помощью пера и бумаги.

Григорий мысленно потёр руки.

* * *

«Спич братца надо быстро как-то оформить и толкнуть. Через журналы и газеты». — подумал Григорий.

А то, что сегодняшнее «представление» будет растиражировано — он не сомневался. С потолка уже сыпался пепел магния. От фотовспышек. Белые облака окиси магния, поднимались вверх, и там, у потолка, расплывались в стороны грибом. Из «гриба» тотчас начинали сыпаться жирные белые хлопья, оседая обильно на сюртуки присутствующих почтенных, и не очень, учёных, на головы студентов и просто зевак.

Карл Карлович Булла, как всегда занял самую выгодную позицию. В отличие от всяких прочих фотографов. И когда Григорий на него глянул, был занят перезарядкой своего громоздкого аппарата. Удовлетворённо хмыкнув, Григорий переключился снова на брата.

Того всё ещё продолжали мучить вопросами. Но и по характеру задаваемых вопросов, и

по довольному виду Василия, можно было судить: лёд недоверия к квантовой механике взломан.

Когда запас вопросов у учёных истощился и время отведённое на «демонстрации» почти закончилось, часть публики потащилась к выходу. Но большая обступила Василия. Посыпались вопросы уже совершенно не по теме. Василий чему-то кивал, на что-то возражал, но всё равно, по его виду — настроение у него было победное.

Не успел Григорий протиснуться к Василию, как его опередил профессор Павлов.

— Вы удивительно разносторонняя личность! — пожимая руку сказал он Василию. — Устроить революцию сразу в нескольких областях естествознания и медицины — этим мало кто может похвастаться!

— Стараюсь! — слегка покраснев и смутившись ответил Василий крепко пожимая протянутую руку.

Григорий испугался, что профессор надолго займёт внимание брата, но тот на удивление быстро распрощался и пожелав всяческих успехов отбыл. Воспользовавшись этим Григорий быстро влез в разговор.

— Кстати... Я тут Дмитрия Ивановича не видел. Его оповещали?

— Дмитрий Иванович в нирване! Исследует полимеры. Скоро будет технология бутадиеновых каучуков, полиэтилен, и прочие прелестные материалы. А эта лекция для него была не очень интересна. Он уже её видел от меня и у себя.

— Ах вот оно что!

Василий было отвлёкся на какой-то вопрос любопытствующего студента, но Григорий, едва дождавшись конца ответа, снова влез.

— Э-э... Братец! Разреши поинтересоваться... А из чего у тебя брелок? На лазере.

Публика наострила уши. Новый термин — лазер — всех очень сильно заинтересовал. Ведь только сейчас они узнали его. Да и сам вопрос тоже вызвал повышенный интерес.

Василий вынул из кармана свою указку и поднял до уровня глаз. Снизу, на коротенькой цепочке свисал хорошо узнаваемый для любого айтишника конца 20-го начала 21-го веков, квадрат, в углу которого было просверлено небольшое отверстие. Ножки-контакты были спилены. Но не настолько, чтобы совсем не было их видно.

— Да ты не просто так говорил о счётной машинке величиной с...

— ...горелый процессор. — тихо заржал Василий.

На процессоре уже давно отсутствовали надписи, свидетельствующие о его происхождении и производителе. Однако, вместо них, на «верхней» грани красовалась изящная наклейка-голограмма. Сатурн со спутниками.

— А вы нам эту машинку не продемонстрируете в действии? — задал вопрос какой-то студент. Так как диалог между братьями вёлся целиком сейчас на русском, все поняли его до последнего слова — «процессор». Что это за «зверь», конечно, не поняли, но из контекста догадались.

— И такие тоже будем делать! — Нагло заявил Василий. — Но...

Тут, видно, Василий что-то вспомнил и сильно смутился.

— Извините... — сказал он и тут же стал на носки, чтобы поверх голов обступивших студентов увидеть кого-то.

— Григорий! Я сейчас тебя познакомлю с замечательным человеком. Создателем и изобретателем радио... Господином Поповым Александром Степановичем.

— И что ты ему уже успел толкнуть? — быстро спросил Григорий на санскрите,

вспомнив недавний прокол с «брелком».

— Радиолампы и принцип голосовой связи. — всё также по-русски ответил Василий и замахал призывно рукой.

* * *

На следующий день...

Начальник Санкт-Петербургского охранного отделения, Владимир Михайлович Пирамидов был в ярости. В ярости от того, что вообще, как ему казалось, потерял опору в реальности.

Только что составленный отчёт от агентов говорил ТАКОЕ... что уже напрочь отказывалось помещаться в голове.

«Они ищут „Звёздные врата“?! Чтобы уйти к звёздам?!» — лихорадочно размышлял Владимир Михайлович, и прямо физически чувствовал как останки его бедной шевелюры начинают катастрофически выпадать. Выпадать от этой бессмыслицы. — «Что это?! Бред или реальность?! Но ведь о поисках братьями этих пресловутых „Звёздных врат“ уже докладывают аж из ЧЕТЫРЁХ источников! Да и как вообще понимать слова, случайнс сказанные Руматой Эсторским по-русски: „давай копить люминь...“ (*Имелся в виду алюминий?.. Или что?*), строить звездолёт(*всё-таки это тот самый, упоминаемый „корабль летающий среди звёзд!*) И СВАЛИВАТЬ ОТСЮДА!“»

ЧТО значит «сваливать»?

Убегать? Удирать? Или что?

Если они намерены этот звездолёт сделать, то почему они здесь, в России, а не в Германии?! Ведь именно там, на 90 % закупают оборудование. У нас тут в империи им что, мёдом намазано?

И ведь... Ведь чёрт их дери! Ведь если они уже СТОЛЬКО сделали, что от них ожидать ещё?! А вдруг и этот виман-звездолёт построят?!

Да как ещё всё логично складывается...

Один источник, докладывает, что целью археологической экспедиции ставится нахождение города Гиперборея. Плюс. Секретное задание искать эти самые «Звёздные врата».

Другой докладывает, что вот этот звездолёт-виман хотят собрать. Из «люминя».

Четвёртый — из полицейского управления. Непосредственно, Румата Эсторский допрашивал Мишу «Конопля» и особенно пытал его про «Звёздные врата».

Далее, третий, особенно ценный источник, так как в кругах масонов, докладывает, что и Эсторские, и масоны лихорадочно ищут, интересуются древнейшими источниками и, возможностью путешествия к звёздам. В том числе и возможными путешествиями Древних к ним.

И если посмотреть на всё вкупе... то получается всё дьявольски логично.

Если эти «Звёздные врата» на территории России, если города Гиперборея реально существовали и также на территории России, то... Со стороны Эсторских очень логично обосноваться именно в Российской Империи, а не где-то в Германии или Англии. Потому, что все эти сокровища именно здесь и добираться до них, будучи подданными Российской Империи — неизмеримо легче нежели...

Дальше, их деятельность.

Они поднимают промышленность России.

Зачем?

Если принять во внимание и ПОВЕРИТЬ, что они хотят «свалить», как они говорят, то вполне естественно их желание ПОСТРОИТЬ тот самый трижды проклятый виман. Здесь. В России. А для этого нужны производства и мощности.

Они и начали эти вещи делать с «пепелаца-самолёта». Далее, — станко-инструментальный завод, с перспективой его расширения до шарикоподшипникового.

Они развивают промышленность. Делают то, на чём и будут производиться, как надо понимать, детали того «звездолёта».

Далее — лекарства.

Если принять как данность, а не как предположение, что за дикой паникой в Европе по поводу болезни «эбола», стоят именно братья Эсторские, то... То значит, они готовят почву для массовых продаж своих лекарств. И чёрт меня раздери, если они на этом деле не заимеют фантастические, сказочные богатства!

К чему эти богатства нужны?

Для создания производств в России. Чтобы сделать тот самый свой «виман». И «свалить».

В свете того, что они делают, вполне логичными выглядят и деятельность Вассы Эсторского. Им как воздух нужны специалисты, и учёные. Чтобы создавать то, что необходимо для их «корабля летающего среди звёзд». Очевидно, что есть некие тайны мироздания, которые они знают, но не знают как их применить. Как из них сделать механизмы.

А для этого им и нужны учёные. Но если они застряли на устаревших представлениях... Логично их подтолкнуть.

Что и было сделано вчера. Этим господином Вассой. В Санкт-Петербургском университете.

Но тогда зачем нужны «Звёздные врата»?

Дьявольщина! Если подумать... Тоже логично!

Если есть «обходной» путь — то логичнее и легче прощупать и его. И если они найдут то... что? «Свалят»?

Тоже логично... Уйдут.

Таким образом, мы наблюдаем хорошую, разветвлённую стратегию деятельности. С ясными целями и задачами.

Угрожает ли она Императору, России?

А вот это — самый тёмный вопрос.

Если они сделают свой звездолёт, и улетят... То не придут ли по их следам другие? Оттуда...

Вполне могут. Но...

Предположим, мы прихлопнем их деятельность. Какова вероятность того, что по их следам (ведь они уже здесь бывали и не раз, по их же «хроникам»!) не придут другие? Например, искать их.

Но тогда хорошо бы быть достаточно сильным. И тут — деятельность Эсторских нам на руку.

Что из этого следует? Помочь?

Да. Помочь. Но до тех пор, пока они не сделают звездолёт. Дальше говорим им «спасибо» и... Уж там будет видно.

Но, тогда прямо из этого вытекает то, что надо помешать им найти... «Звёздные врата»! А это значит, что экспедиция должна быть укомплектована так, чтобы в случае находки «Звёздных врат», их можно было бы изъять и... перепрятать!

Чтобы они остались и доделали то, что сейчас делают. Чтобы выкачать из них всё, что они знают и умеют. До доньшка!

Ну что же? Вполне нормальная стратегия. Теперь... Теперь надо бы подумать как это всё осуществить.

Как только генерал дошёл до этой мысли, так тут же верулось и раздражение.

Он представил, что вот с этим всем, идёт на доклад, «наверх». К одному из Великих Князей. И...

Он поставил себя на место Великого Князя. И понял. Его воспримут как сумасшедшего.

Вдруг вся та конструкция, что он только что возвёл из умозаключений ему также показалась и необидительной и... и вообще сумасшедшей.

В крайнем раздражении он схватил папку и с яростью запустил ею в сторону двери. Она ударилась о дверь, и шлёпнулась у входа.

Листы выпавшие по пути полёта папки к цели, кувыркаясь в воздухе ещё с шелестом опали на паркет, когда дверь приоткрылась и из-за неё осторожно показался нос секретаря.

Владимир Михайлович схватил тяжёлое пресс-папье и запустил в дверь. Нос исчез. Дверь захлопнулась.

С трудом успокоившись, он таки нашёл себе мужество сесть за стол, привести мысли в порядок. Взял колокольчик и позвонил.

На этот раз дверь открывалась с большой осторожностью. И лишь увидев начальство, хоть и хмурое, но не собирающееся кидаться тяжёлыми предметами, секретарь осторожно проскользнул в кабинет. Аккуратно переступил через валяющиеся листы и приняв положенную позу «я вас внимательно слушаю» остановился.

— Да ваше сиятельство! — выговорил он, всё ещё пребывая в готовности уворачиваться от разных летающих предметов.

— Собери здесь! — буркнул генерал. — А после пиши приказ. Создать новый отдел. Название: «Наследие предков». Со штатом пять человек. Пока. Кого туда назначить будет решено отдельно.

— Будет исполнено! — всё ещё со страхом взирая на начальство выпалил секретарь и немедленно приступил к сбору рассыпавшейся папки.

* * *

Братья и не подозревали, что в Охранном отделении, их «слегка опередили», создав отдел и назвав его именем «Наследие предков». Да и сам начальник Охранного Отделения и не подозревал, насколько он предвосхитил будущее, повесив такое название на создаваемый, исключительно «по души» братьев Эсторских отдел. Да, это словосочетание последнее время очень часто мелькало в связи с братьями. Вероятно поэтому, у генерала и возникло в

голове именно это название как наиболее подходящее.

Братья же создавали свое «Наследие предков». И начиналось всё с «обыкновенного кружка по интересам», «клуба любителей истории». Только этот клуб назывался... Ну вы сами догадались!

Располагался он на первом этаже того самого здания, где Григорий организовал свой «мировой медиа-холдинг». Под это дело спешно разобрали несколько стен, и поставили в нужных местах большие бетонные колонны с прочими мерами усиления конструкции. Также спешно перестраивался подвал здания. Но об этом пока мало кто знал.

Когда братья подходили ко входу, там как раз восемь человек, «студентоподобной наружности» вывешивали что-то очень монументальное. Когда же Василий понял, что это у него глаза полезли на лоб.

— Итить, твою налево!!! Гриша! Ты охренел!

На вывеске, на двух языках, на русском и немецком значилось: «Наследие предков». Причём не просто так. Русское название — старославянским шрифтом — дугой сверху, Ahnenerbe было написано готическим — дугой внизу. Но не только от этой надписи Василий выпал в осадок. Между ними, чуть меньшим шрифтом торжественно значилось: «**Русское общество по изучению древней арийской истории и наследия предков**».^[26]

— А чо-а?! — выпятил челюсть Григорий. — Прямо сейчас, перехватываем управление у будущих нациков Германии. Уводим идеи и вообще арийство! Отныне и навсегда арья — русские. И только русские. Все остальные именно что — полукровки.

— Ты чего, тут нацизм решил сварганить за моей спиной? — с подозрением спросил Василий.

— Не-а! — как-то легкомысленно ответил брат.

— Никаких «особо чистых рас» не будет. А вот наследие... — загадочно продолжил он. — Кому должно принадлежать наследие Древних, если оно есть? Ясное дело «ближайшим родственникам»!

— И что это за «наследие» такое, что только «ближайшим родственникам» должно достаться? — ещё более подозрительно спросил Василий.

— Как так «какое»?!!! А мы что тут толкаем?!!

— А-а! Блин! Туплю... — стукнул себя по лбу Василий. — то есть ты хочешь все знания и технологии, что мы тут толкаем...

— ...Объявить наследием. Но пользоваться им, ясное дело будут все. Русский народ, — будет следить, чтобы это наследие никому не приносило вреда, и тем более, не применялось в целях грабежа других народов или, не дай боги, геноцида.

— Не переломимся брать на себя такие обязательства?

— Советский Союз нечто подобное на себя взял и нёс вполне успешно. — «щёлкнул по носу» своему братцу Григорий.

Василий лишь скептически покачал головой.

Меж тем, вывеска была окончательно закреплена. Студенты попрыгали с приставных лестниц, собрали инструменты и отошли подальше полюбоваться. И только тут заметили стоящих поодаль братьев.

— На скользкую дорожку мы стали... — бросил Василий, прежде чем студенты подошли ближе. Василий явно имел в виду, что именно так начинались, с оккультных обществ, фашистские организации в Германии. Сейчас он видел, что общество пронизано мистическими представлениями и религиозными предрассудками. Данный путь был самым

очевидным из всех, если нужно было сбавить нечто в виде «тайного общества». Но тогда как быть с тем, что это «общество» намечалось сугубо рациональное и цели у него были более чем рациональные?

Студенты, увидев кто пришёл спешно побросали лестницы и поспешили навстречу братьям. Тут же появились и несколько молодых особ женского полу. И тоже явно студентки. У последних, в глазах читался жадный интерес. Видать первый раз видели «Знаменитых Братьев Эсторских» вблизи.

— Вот, господин Румата! — обратился один из студентов с гордостью показав на вывеску. — Как вы и просили.

— Гм! К заданию, как вижу, подошли творчески! — гоготнул Григорий разглядывая сие произведение искусства. — Как твоё мнение, брат?

Василий более придирчиво осмотрел вывеску. И тут же нашёл кучу всего, к чему можно и нужно было придраться. Но глянув на студентов, понял, что они делали это всё сами. Своими руками. Не хотелось их огорчать.

— Замечательно сделано! Чувствуется стиль. Но на будущее, тут кое-что стоило бы поправить. Когда такие же будете делать.

— А...эту...

— Не стоит менять. Пусть так и будет. Всё-таки уже история. Как первый в своём роде.

— Но всё-таки что же там не так, господин Васса? — слегка успокоившись спросил предводитель.

Василий по старой привычке, бывалого преподавателя 21 века, просто вытащил свою лазерную указку и, включив её, показал.

Ярко-алая звезда скользящая по полотну вывески буквально в секунду заморозила толпу. Даже дворник, метущий тротуар от снега открывши рот и задрав голову вверх как загипнотизированный следил за мельканием сверкающего красного пятнышка. Но, по-прежнему, наверное уже чисто механически, по привычке, продолжая шоркать метлой по мостовой.

— Ну... во-первых, вот тут... самолёт, предназначенный для полётов со скоростями выше скорости звука, должен иметь двойную стреловидность крыла, а не просто треугольную. Эта двойная стреловидность обеспечивает устойчивость полёта на дозвуковых и на сверхзвуковых скоростях. То есть, внешний контур крыла должен быть вот так...

Звезда скользнула к кончику крыла нарисованного самолёта и аккуратно провела контур. Чувствовалось большое мастерство в обращении с указкой, которое Василий приобрёл преподавая ещё в своём мире в университете.

— Края крыльев тоже вот здесь, должны быть скругленными, по той же причине.

Звёздочка тут же показала где закруглено.

— По звездолёту. Вот это — не крылья. А баки. И он не должен быть похож ни на самолёт, ни на дирижабль. Сами посудите: этот корабль предназначен только для полёта в открытом космосе. Где нет воздуха. Следовательно, никаких винтов или крыльев ему не нужно.

— Но как же он там летает? — воскликнул один из слушателей, лицо которого Василию, вдруг показалось знакомым. Он отложил в памяти это впечатление на будущее и также обстоятельно ответил.

— Обычный принцип реактивного движения. Чтобы лететь в безвоздушном пространстве, нужно что-то от себя отбрасывать. Газ или ещё что-то. Этот звездолёт, как вы

можете судить, по этому огромному ЗЕРКАЛУ — а это именно зеркало — фотонный звездолёт. И использует реакцию уничтожения вещества. Превращения его в лучистую энергию, которая падая на зеркало, давит на неё и движет корабль.

— Но свет же... Как он может давить? — задала вопрос какая-то совсем уж девчушка. Василий на это кивнул и тем же профессорским стилем продолжил импровизированную лекцию.

— Кстати, господин-профессор Столетов, не так уж и давно, показал, что любой свет имеет давление. Простейшим опытом. НО, для того, чтобы быстро разогнать и до высокой скорости разогнать, этой лучистой энергии должно быть очень много. Поэтому эти корабли включают свой главный двигатель подальше от планет. Он сначала просто удаляется на безопасное расстояние. И для этого служат вот эти, менее мощные, но безопасные для планет двигатели.

Звёздочка снова прыгнула к корме нарисованного звездолёта и показала пару выступов, которые художнику, наверное, показались какими-то деталями «чисто для красоты».

Василий огляделся. Пока он объяснял, вокруг собралась изрядная толпа. Вряд ли кто понял весь смысл сказанного, так как для этого нужно было иметь хотя бы гимназическое образование, но скользящая по полотну алая звезда, да ещё в условиях тяжёло-пасмурного неба, с которого тихо падали редкие снежинки, поразила всех. И все глядели на вывеску. С открытыми ртами. Кроме Григория. Который тоже не без ехидной улыбочки разглядывал толпу.

А меж тем народу прибывало. Как всегда, зеваки, обнаружив, что стоит толпа и куда-то зачем-то пялится, останавливались и с интересом также начинали пялиться туда, «куда все». Лазер был уже давно выключен, осталась лишь вывеска. А толпа всё увеличивалась. И все также молча стояли. Смотрели. На вывеску.

— Кажется нам пора пройти внутрь и открыть заседание клуба. Очередное. — внутренне посмеиваясь над создавшимся положением сказал наконец Григорий.

На студентов это замечание подействовало как удар током. Они засуетились, заулыбались и весёлою толпой потянулись ко входу в помещение. Василий и Григорий переглянулись, посмотрели на всё продолжающую таращиться на вывеску толпу, усмехнулись и последовали вслед за студентами.

Внутри уже было всё готово для заседаний этого «жутко-тайного» общества. И, как оказалось, энтузиастов уже набралось человек двадцать. И все сплошь студенты. Причём, явно из разных высших учебных заведений Санкт-Петербурга. Это было весьма кстати. Ибо старшее поколение, больше за мистикой гонялось. И выслушивать то, «каким одно должно быть» это самое общество, с пересказом идиотизмов «Из Самой Блаватской», братьям было более чем не с руки. Впрочем стоп! А она свою «Тайную Доктрину» уже написала? Или ещё напишет?

Василий дал себе зарок обязательно на этот счёт справиться по своим энциклопедиям и прошёл в зал.

Братик Григорий, как всегда в таких ситуациях, резко взял на себя роль главного организатора (да и как могло ещё быть, если хозяин помещения и ещё и глава медиахолдинга?). Василий же скромно сел позади всех, чуть в стороне, чтобы наблюдать за «обществом».

Меж тем, посыпались вопросы. Григорию, раз он взял на себя роль и главного организатора, и главного рассказчика.

Но и Василия не забыли. Один из университетских, обернувшись к Василию, обратился к нему.

— У вас в руках было то самое устройство? Которое вы демонстрировали в университете?

— Да. То самое. — кивнул Василий поощряя к продолжению.

— Оно так чудно, называется... Не могли бы вы повторить?

— Лазер.

— Странное какое-то название. Оно похоже на английское слово. Его открыли англичане?

— Нет. И я уверен, что в Англии даже о возможности создания такого устройства не подозревают. — слегка рассмеявшись ответил Василий.

— Н-но тогда что оно означает? Это слово... Откуда произошло?

Аудитория явно ожидала очередных открытий Тайн Древних. И Григорий не подвёл их.

— Если обратиться к истории открытия, и особенно к имени его создателя, то данный вопрос решается сам собой.

— И как звали этого изобретателя?

— Лассе Ра. И, сразу замечу, он НЕ Европейец. — Ответил за Василия Григорий. Он сделал особое ударение на частичке «НЕ». — изобретение очень давнее, так что изначальное звучание его имени в названии прибора сильно исказилось. И сейчас он называется именно так — лазер.

«Врёт — как дышит! — с восхищением подумал Василий о своём брате. — Я до такого вряд ли бы дофантазировался. Да! Сразу видно человека, просмотревшего не один километр чуши от МИФ-ТВ!»

— Но а... второе устройство, что вы назвали... его «горелым процессором». Тут всё-таки явно английское происхождение.

— Да. Но только у слова, — быстро нашёлся Василий спеша вставить слово, пока Григорий что-нибудь не сморозит. Ему тоже хотелось «поучаствовать» в мифотворчестве. — Просто в русском языке нет аналога этому термину ну... мы и... «сварили» его по образцу и подобию современных европейских. Взяв за основу наиболее близкое к функции устройства слово «процесс».

— Да. Я думаю, что слово, изначально обозначающее род устройств данного назначения, на русский лад звучало бы изрядно коряво и... не так благозвучно, как хотелось бы. — вставил Григорий.

— А как звучит оно изначально?

Григорий тут же на санскрите выдал словцо, да так, что даже у Василия резануло слух. И судя по тому, что для Василия этот термин прозвучал как само собой разумеющийся, означало что именно так он звучал в мире Гайяны. Откуда его выкопал Григорий — уже детали.

Ответ удовлетворил студента. И дальше посыпались другие. Ещё более жгучие для любопытных студентов. Григорий, помня, что всё сразу никогда нельзя вываливать, от некоторых просто отмахнулся, отговорившись тем, что «всему своё время» и обсуждение мягко переключало на... египетского бога Ра. Некоторым «смекалистым» показалось, что не зря есть тождество между фамилией изобретателя лазера и именем божества.

А что? Лазер — источник света.

Ра — бог Солнца.

Типа, тоже имя «источника света». И пошло-поехало.

Студенты, «заподозрившие» что можно братьев заставить сознаться, что они и есть Древние, что этот самый Ра — сверхдревний открыватель, который жил ещё до Великой Катастрофы, до Исхода Древних, насели на Григория.

Студенты шалели от куража и собственной смелости, а Григорий, видя такое, еле заметно их поощрял. Но поняв мгновенно, куда ветер дует мастерски уклонялся от прямых ответов, стараясь увести обсуждение в другие области.

Василий же наблюдал всё это «заседание тайного общества» как бесплатный цирк. Однако, вскоре потревожили и его самого. Слева подлез какой-то студент и полушёпотом попросил прощения всем своим видом показывая, что есть очень важное дело. За спиной у него жался другой такой же. Причём тот самый, кого уже Василий заприметил на улице, при обсуждении вывески.

«Вот и представилась возможность узнать кто это такой». - подумал он.

Кстати этому юноше, как ни к кому другому, в этот самый момент подходила присказка «юноша бледный со взором горящим». Видно было что человек он очень увлекающийся.

— Мы слышали, что вы организуете экспедицию. Археологическую в район Уральских гор. — представившись Савельевым Борисом Игнатьевичем начал студент осторожно. Было видно, что он побаивается того, к кому обращается. То ли побаивается Василия как человека, то ли боится, что просьба, с которой он подошёл (а по его виду было видно, что сейчас будет что-то просить) может быть отвергнута.

— Да это так. — дружелюбно посмотрев на робеющих студентов ответил Василий. — Кстати, вы уже вступили в «Наследие»?

— Да, господин Васса. Вступили. Оба.

— И вы хотели бы поучаствовать в этой эпохальной экспедиции?

— Да... Если такое возможно... — замялся студент.

— Вы — из горного института. — как утверждение заметил Василий.

Оба кивнули.

— Кстати, представьте мне вашего друга! — спохватился Василий. Всё хотел узнать, кого же этот юноша ему напоминает, а тут за болтовнёй всё забыл.

— Глеб... Глеб Иванович Бокий. — слегка заикаясь представил того Борис.

Василий еле сдержал на лице светскую улыбку, чтобы не выдать рвущиеся наружу эмоции.

Впрочем, посмотрев в сторону брата и хищно улыбнувшись он ответил.

— Будет вам место в экспедиции. После окончания нашего мероприятия, подойдите оба.

Когда Бокий с товарищем ушли, Григорий накинулся на Василия.

— Вот скажи-ка брат: Нахрена нам эти долбокретины в экспедиции?

— А ты знаешь кто такой этот Бокий? — вопросом на вопрос ответил Василий.

— Знаю! В тридцатые занимался всякой шизой...

— Ты тоже занимался — РенТВ смотрел. — Подколол его брат.

— Так я в это всё не верил! Я его смотрел как фантастические кина смотрят. А этот верил! Да ещё отличался редкостным идиотизмом в поведении. За что и расстреляли его в итоге. Если Бокия допустить до экспедиции «Наследия Предков», его идиотизм и шиза вообще все рекорды побьют!

— Я вижу, что ты таки изучил историю. — ехидно заметил Василий.

— Пришлось... — набычившись буркнул Григорий.

— Но ты забыл одну немаловажную деталь... — как ни в чём ни бывало заметил Василий. — в 1900 году он вступил в партию большевиков.

Григорий пристально посмотрел на Василия. Было видно, что в нём борются старые представления и вновь полученный опыт. Наконец не без некоторой неприязни он спросил.

— Ты хочешь установить с ними связь?

— А почему бы и нет?

— Повлиять на них? Ведь они все там отмороженные!

— Да. Отмороженные. — не моргнув и глазом ответил Василий. — Но вместе с тем, как показывает история, они оказались наиболее адекватной политической силой в кризисе.

— Всё-таки хочешь устроить революцию. — ещё более мрачным голосом заявил Григорий.

— Нет. Не хочу. Но она будет.

— С чего взял?

— Блин! Ты с людьми разговариваешь? Не с богатенькими? — вспыхнул Василий.

Григорий нахмурился ещё больше и сморщился как от зубной боли.

— Ты сам видел, что какие бы меры не предпринимало правительство, всё ставится им в вину. И то, что здоровое делается, и идиотизм — всё без разбору! Ни царю, ни правительству никто не доверяет. А держат за козлов.

— Но ведь ты сам согласился с тем, что надо попробовать провести всю модернизацию без революций.

— Я говорил только об эволюционном пути. Но если он вдруг не пройдет...

— Хочешь подстелить соломки...

— Да. Во всех боковых смыслах. И в том, что полезно быть при них, если они придут к власти, и иметь возможность влиять на них, и иметь под боком боевиков. Да и вообще...

— Короче, если я понял правильно — усмехнулся Григорий, — ты решил залезть в мою епархию.

— Почти. — также усмехнувшись сказал Василий. — Честно говорю: я посмотрел на настроения людей, особенно молодёжи, и у меня сомнения, что эволюционный путь вообще возможен.

— Так когда ставим этому придурку задание на установление связи с подпольем?

— Думаю, что время пока терпит. Осенью.

Григорий вздохнул. То ли от облегчения, то ли вообще...

— Ладно. Уговорил.

— Но всё-таки, — вдруг задорно добавил он, — надо бы его попользовать как проводника шизы в массы!

Однако, и без того шизы в народе было более чем предостаточно.

Вероятно кто-то из новоиспечённых членов клуба «Наследие предков», поделился своими впечатлениями с газетчиками. Поделился тем, как Василий расписывал самолёт с треугольными крыльями. То ли сам слушатель услышал то, что хотел услышать, то ли газетчики додумали за него, но так или иначе... Новость разнесли не только по Питеру.

Скоро вышли газеты с аршинными заголовками: «Самолёт летающий быстрее звука — реальность!» с подзаголовком «Братья Эсторские заявляют, что сделают такой самолёт в самом ближайшем будущем»

И текст из которого явствовало что скоро будет сделан пепелац, «летающий со скоростью в 2000 миль в час».

В Европе эта новость произвела фурор. В западных перепечатках с питерских газет, она выглядела ещё более фантастической, так как наслои́лась на другие пересказы с третьих лиц — уже с описания звездолёта.

В итоге выходил такой коллаж из домыслов, что любой психиатр бы сказал по поводу его автора: «Наш клиент!». Причём безапелляционно.

Чуть-чуть выждав, чтобы «новость» слегка побултыхалась в мозгах обалдевшей западной общественности, выступил Григорий. С разоблачением. Но с таким, которое ставило ещё больше вопросов.

«Ну, вы понимаете, что развитие техники не стоит на месте. Но заявлять, что мы вот завтра, или скоро создадим такой самолёт — это безответственно. На настоящий момент, мы знаем, что полёт аппарата тяжелее воздуха реальность. И также реально создавать большие летательные аппараты.

Но, чтобы преодолеть скорость звука нужны совершенно иные технологии. И, в первую очередь, совершенно иные двигатели, нежели винтовые двигатели внутреннего сгорания. Так что может быть, в не близком будущем, что-то такое, с ракетным двигателем и будет создано».

У Василия было веселее.

Не стоило ожидать, что даже после демонстрации «невозможного» прибора, физики резко уверуют в новые факты и примут новые подходы.

Буза продолжалась. Появлялись новые аргументы и «аргументы». Но чего нельзя было отрицать это великого шума и ругани в стане физиков.

Большинство никак не желающее отказаться от прежних представлений нападало на мизерное меньшинство собравшееся вокруг Василия. И нападки были далеко не всегда безобидными.

В чём только не обвиняли «группу нового подхода», «квантовиков» и т. д. уже совершенно ругательные названия. От простой безграмотности, до... богохульства. И всему виной была фраза кинутая в запале одним из диспутантов: «бог в кости не играет!». Сказанное же в ответ Василием, было «благополучно забыто».

Пришлось физикам напоминать эту «лирику». Дабы эти нападки не перешли ту грань, когда в игру вступает уже Инквизиция. Тем более, что церковная Инквизиция и так была «славна» казнями «еретиков». И в конце 19-го века, и в начале 20-го. В начале 21-го это стыдливо «забыли». Особенно апологеты РПЦ. Но Василию и Григорию это забывать было изрядно опасно. Ведь они были здесь и сейчас. В 1900 году, когда все эти дебилы и параноики от церкви были в силе.

Очень двойственную позицию занял Менделеев. Вообще к учёной братии он относился с изрядным даже не скептицизмом. Часто с презрением, из-за чего получил даже славу мизантропа. Он также скептически относился и к квантовой механике, но когда на Василия и его группу пошёл накат со стороны совершенно религиозно-мистической резко стал на защиту «группы нового подхода».

Вероятно, он высоко оценил довольно простые и действенные методы по «куроощению» эзотериков и медиумистов, которые ещё в самом начале их знакомства подкинул Василий. Они, по большому счёту, новыми не были, но очень органично ложились на канву давних усилий Дмитрия Ивановича по разоблачению этого тотального мошенничества.

И вот, однажды, когда Василий заглянул к великому химику, чтобы узнать как идут работы в новых направлениях, Дмитрий Иванович пошутил.

— Вы, господин Эсторский, уже становитесь эдаким поставщиком неверояти.

— Это вы к моим усилиям по продвижению квантовой механики?

— И не только, молодой человек! Вы очень сильно взбаламутили наше тихое научное болото. И оно, кажется, не остаётся в долгу. Они не хотят видеть того, что видят перед носом!

Дмитрий Иванович вспомнил про давнюю вражду к эзотерикам и вдарился в приятные воспоминания, как он, вместе с другими учёными создали целую комиссию по разоблачению медиумизма. И как протекала та работа. С перипетиями ругани со стороны адептов.

— Как и в случае со спиритами, — заметил Василий, — у наших физиков взбрыкнула Вера, против фактов. И как говорил Фёдор Михайлович, «при „хотении верить“, хотению может быть дано новое оружие в руки».^[27]

— Нравственная позиция должна быть! — подчеркнул Менделеев. — Дабы не переходить в сознательный обман. А их «хотения» заслонили им «Его Величество Факт»!.. К сожалению.

— И что посоветуете делать в сложившейся ситуации? — осторожно спросил Василий, зная, что Менделеев бывает очень резок в суждениях.

Дмитрий Иванович на минуту задумался.

— У вас очень хорошо получается удивлять общество небывалыми вещами. — заметил он. — вы говорили что эти кванты подтверждаются и другими опытами?

— Да. Более чем.

— И их можно сделать в ближайшем времени?

— Да. Я собрал группу из энтузиастов и они собирают установку для опыта с магнитным моментом атомов. Опыт однозначно покажет, что моменты квантуются.

— Это хорошо. — с некоторым сомнением выговорил Менделеев. — но не достаточно! Вам, пожалуй, надо продолжать, как вы выражаетесь «кошмарить» общество... Какое сочное словцо!.. новыми «дикими опытами». Я так считаю. У вас есть на примете нечто, что прямо сейчас можно показать и поразить до глубины души? Как с тем... э... лаером?

— Лазером, Дмитрий Иванович.

— Всё равно какое-то собачье название... Благозвучней не нашлось?

— Увы! Название — редуцированное имя открывателя Лассе Ра.

— Ну да ладно с ним! — отмахнулся великий химик. — Так у вас есть?

Теперь уже Василий надолго задумался. Он мысленно пробежался по ближайшим проектам, что уже ведутся и остановился на проекте связанном со сжижением газов. Цепочка рассуждений была не такая уж и длинная.

«Будет разделён на составные части воздух. Там будет кислород, азот, углекислый газ и... инертные газы. А среди них будет ксенон...»

— Есть даже такое, что вас до глубины души удивит.

— Ой ли? — удивился Дмитрий Иванович. Но весело прищурился ожидая что выдаст Василий. Всё предыдущее сотрудничество с «этой немчурой», как он про себя называл Эсторских, его приучило к тому, что всегда у них найдётся такое, что удивит и сильно.

— Сделаем фторид ксенона.

— Фторид... чего? — переспросил Менделеев. Ему показалось, что он ослышался.

— Фторид ксенона. Инертного газа.

— Но это же невозможно! — забыв только что им же сказанное воскликнул Дмитрий Иванович.

— Ну вы же просили, чтобы я сделал что-то такое, что «невозможно» и вас сильно удивило? — поддел его Василий.

Менделеев скептически посмотрел на Василия. Вспомнив, что он его ещё никогда не обманул в ожиданиях и обещаниях он проглотил рвущиеся эпитеты.

— И, как я понимаю, у вас есть технология? Прямо здесь и сейчас.

— Конечно. С объяснениями почему такое возможно. И... заметьте, что до сих пор сей очень простой опыт не сделан потому, что в этой области было простое, убеждение что это невозможно.

— Намекаете, что есть много областей, которые надо обязательно проверять на прочность?

— Конечно! В основе наших убеждений лежат предварительные соглашения. И они далеко не всегда бывают истинными. Эти соглашения я называю парадигмами....

— Я так понимаю, что вы намереваетесь устроить очередную революцию в естествознании?

— Так уже устроили с вашей помощью... А вообще... Надо бы составить небольшой текст по парадигмам в науке и революциям в естествознании...

«Да! Именно так! Пора толкать учение о парадигмах, об их смене. И вообще подрывать всё здание современной науки. Нахрен! Хотя бы здесь, в этой области, но стану „стр-рашным р-революционером“. Время для работы Куна созрело — добавил Василий про себя».^[28]

Глава 23

Корабль мертвецов

В Атлантике штормило. Что часто бывает весной. Крейсер тяжело вздымал свой нос на очередной вал, и низвергал его вниз в туче белой пены, как бык поддевая основание следующей волны.

Качка утомляла. У тех же кто не был вообще привычен к такому, пропадал аппетит, и валила с ног морская болезнь. Майклу Брауну было очень плохо. К качке и всем сопутствующим неприятностям прибавилась ещё и адская головная боль. Да такая, как будто голову медленно пилили ржавой пилой. Корабельный доктор, видно уже сильно раздражённый другими членами экипажа, страдающими от морской болезни Майкла просто прогнал, сказав, чтобы он поменьше думал о ерунде.

Но чем дальше, тем хуже Майклу становилось. Он уже не соображал — то ли у него действительно кружится голова и ноги подкашиваются от болезни, то ли это последствия всё той же проклятой качки.

С трудом добравшись до камбуза он встал в очередь таких же как и он нижних чинов — только что сменившихся кочегаров и прочих матросов. Есть ему активно не хотелось. Но надо было. Он, родившийся в квартале нищих, к процессу потребления пищи относился как к святому. И если даже не хочешь есть — протолкни в глотку то, что дают. Ибо завтра этого может и не быть. С кем-либо заговорить было выше его сил. Поэтому он также молча, как и все остальные стоял дожидаясь своей очереди. Видать и другим было не очень комфортно на постоянно ходящей ходуном палубе.

Получив свою пайку Майкл взяв себя в руки и напрягая все свои силы протолкнул её в желудок. Желудок принимать это не захотел. И когда, казалось бы уже всё, обед закончился, изо рта Майкла вылетел фонтан. Почти не переваренной пищи.

Матросы, бывшие поблизости шарахнулись в стороны. Только коротышка кочегар, сильно похожий на сказочного гнома не увернулся. Весь поток пришёлся прямо ему в лицо.

Взревев и покрыв проклятиями обидчика он подскочил к Майклу и саданул своим пудовым кулачищем того в челюсть.

Майкл рухнул как подкошенный.

Тут же как чёрт из табакерки выскочил откуда-то боцман. Дав кому-то по пути в ухо, он проломился сквозь стоящих. Быстро оценив ситуацию, он набросился на коротышку, и отведя на нём душу руганью отправил того под арест. После этого он подскочил к по-прежнему валяющемуся Майклу и попытался привести того в чувство. Но не тут-то было. Майкл как пребывал в бесчувствии, так и продолжал изображать из себя труп. При этом реально мало от него отличаясь. Покрыв всех и вся проклятиями, боцман скомандовал тащить «этого дохляка» к доктору. Двое матросов, которых боцман на это дело отрядил, перемазавшись в рвотных массах, которыми был покрыт Майкл, или «эта сухопутная крыса», как они тут же его обозвали, потащили по назначению. Доктор, увидев что ему притащили, выслушав матросов, махнул рукой куда бросить «это тело» и тут же забыл про него.

Дело было самое обычное. Причём часто повторяющееся при морской болезни. А так, пока солдат в отключке, так его меньше будет сама морская болезнь мучить. Рассудив так, и убедившись, что ничего страшного нет, он отправился по своим делам. Хотя и слегка смутил его выступивший на пациенте пот.

Когда он через пять минут вернулся, Майкл продолжал валяться на кушетке без чувств. Доктор пожал плечами и просто принялся ждать с минуты на минуту «пробуждения» пострадавшего.

Но ни через минуту, ни через десять, пациент так и не пришёл в себя. Тут уже врач слегка обеспокоился. Полез было ещё раз осмотреть тело. Но только тут обратил внимание на пот и жар. Пациент явно был в горячке. Причём конкретной.

Это уже было очень серьёзно.

На малярию это было похоже отдалённо. Так как всё-таки было похоже, доктор постарался влить пациенту дозу хинина и на этом пока успокоился. Но вскоре новость дошла до ушей майора Томсона и Генри Сесила.

Те не поленились зайти в лазарет и дотошно поинтересоваться что да как. Они также осмотрели и больного, к тому времени уже пришедшего в себя. В глазах солдата чётко читался страх и обречённость. Он знал чем кончается лихорадка. Видел. Помнил.

Майор же ничего не сказал, кивнул доктору и покинул лазарет.

— Конечно, Генри, ты можешь сказать, что это, возможно, малярия... — начал Томсон, когда они остались одни. — Но мы то видели эболу. И меня не обманешь. Я видел малярию. Много раз. И видел эболу. Столько же сколько и ты сам. Не будем тешить себя иллюзиями.

Генри понурился. Перед глазами пролетело то, что он видел в джунглях. То, как один за другим умирали солдаты, офицеры, учёные. И ничем нельзя было им помочь. И также перед глазами промелькнуло видение: сначала полный лазарет больных, потом...

— Скоро этот уют превратится в плавучий катафалк. — мрачно сказал Томсон, будто прочитав его мысли.

— Что предлагаешь делать? — не менее мрачно спросил Генри.

— Нужно предупредить капитана.

— И вызвать панику?

— Это уже не наша компетенция! — огрызнулся майор. И в принципе, как тут же понял Генри, он был прав.

— Ад и дьявол! — выругался Генри. — Ведь меня эти братья предупреждали! Я не поверил.

— О чём? — вдруг оживившись поинтересовался Томсон.

— О том, что мне изначально надо было объяснить чем все рискуют и написать завещание. Всем.

— А ты не написал? — саркастически спросил тут же Томсон.

— Нет! — с обидой ответил Генри.

— И оно уже тебе не понадобится! — также саркастически как и прежде, заметил Томсон.

— Это почему?!! — возмутился Сесил.

Томсон оглянулся по сторонам, понизил голос и ядовито шепнул Генри на ухо.

— Ведь ты переболел эболой.

Генри дёрнулся так, как будто наступил на гадюку.

— Успокойся! — оскалившись осадил его майор. — я тоже переболел. Так что... «мы одной крови — ты и я».

— Что вы хотите этим сказать? — по прежнему со страхом спросил Генри.

— Я хочу сказать, что у нас иммунитет. Да-да! Иммунитет. И я знаю что это такое. Бедняга Старк, мне объяснил что это такое, прежде чем заболел и умер.

Томсон посмотрел как в глазах Генри медленно угасает страх и заменяется безмерным удивлением.

— А ты думал только ты научными штучками занимаешься? Думал, военные это такие «сапоги», только и умеют что шагать строем, жрать литрами виски и мужественно дохнуть во славу Британской Короны?

— Нет-нет! Сэр! — попробовал оправдаться Генри. — Что вы! Как можно!

Томсон медленно стёр с лица ехидство. Теперь он был очень серьёзен.

— Как ты думаешь, сколько ещё заболеют в ближайшее время? В ближайшие, скажем, две недели?

Генри тоже стал серьёзным и прикинул.

— Исходя из нашего печального опыта... Все, кто соприкасался с Брауном. Человек пять-десять из команды, и... — внезапно запнулся Генри.

— И доктор. — холодно закончил Томсон. — Он уже труп.

— Но если прямо сейчас заболеют... Они заразят ещё столько же...

— Если не больше! — как-то отстранёно заметил Томсон. — А дальше крейсер превратится в филиал ада. И вот это нам сейчас надо очень тщательно обдумать. Как быть.

— Что вы имеете в виду?

— А вот что я имею в виду... Мы обсудим детально, за закрытыми дверями каюты. У меня.

Генри выпрямился, как будто только что проглотил лом. Глаза его округлились, а седые волосы стали дыбом. Он понял, уже из тона, что Томсон говорит чертовски верные вещи.

Томсон кивнул «следуй за мной» и быстро зашагал по раскачивающемуся полу коридора.

* * *

Капитан пребывал в неведении ещё четверо суток.

Сработала чистая психология. Доктор, до конца не мог поверить, что это эбола. Но когда одновременно заболели четыре человека из команды, тут уже невозможно было списать на совпадения. К тому же на первом пациенте проявились язвы. Что заведомо не могло быть при малярии. Только тогда он пошёл к капитану.

Капитан долго не думал.

Так как заболевший был именно из участников экспедиции, а значит, есть опасность что все четверо выживших являются носителями смертельной заразы, он приказал их арестовать и поместить под домашний арест. Типа «под карантин».

Но тут вышла заминка. Формально, именно Генри Сесил был главой экспедиции и являлся кое в чём даже начальником над капитаном крейсера. Пришлось тому, чтобы потом не попасть под трибунал, идти на переговоры и с ним, и с его подчинённым — майором Томсоном.

Переговоры начались весьма напряжённо. Хоть и проходили в кают-компании, но распределение «переговаривающихся сторон» уже намекало на то, что и Сессила и Томсона тут боятся.

— У меня нет выхода, кроме как поместить вас в карантин. Так как вы не матросы, и не солдаты, то я, естественно, предлагаю вам как палиатив — домашний арест. — тут же

выложил свою точку зрения капитан. Этим он также выразил и начальную точку зрения для на переговоров.

Генри посмотрел на Томсона. Тот кивнул и обернувшись к капитану выложил точку зрения противоположной стороны.

— В нашей изоляции нет необходимости.

— Почему? — поднял бровь капитан.

— У нас уже иммунитет. Мы переболели. И давно. По записям как наших учёных, так и этих Эсторских — последнее имя Томсон выговорил с некоторым раздражением, — если человек переболел, то он перестаёт быть заразным. В его организме бацилла умерла. Также как и у переболевших оспой.

— Но наш доктор считает, что вы всё равно можете быть бациллоносителями.

— Это антинаучно. — гордо заявил Сесил.

— Но учитывая опасность и неподтверждённость ваших сведений, вы должны понимать, что я вынужден вас изолировать.

— Изоляции подлежат только больные. И те, кто с ними контактировал. — заявил Томсон.

— Из непереболевших. — тут же добавил Сесил. — Кстати, сколько уже на настоящий момент заболевших на корабле?

— Восемь. — бросил капитан, при этом лицо его было как маска. Ничего не выражающая. Однако, уже по тому, что старший помощник и прочие офицеры корабля, присутствующие на переговорах были слишком напряжены, можно было судить, что «восемь» это либо не все, либо... Заболел кто-то из очень значимых на корабле. Сесил и Томсон переглянулись. У Томсона выражение было такое, как будто он только что сказал: «И что я говорил?!».

— Заболел доктор? — в лоб спросил Томсон.

— Нет. — также сохраняя ничего не выражающее лицо ответил капитан.

— Как я понимаю, — уже с ехидцей продолжил Томсон, — мы тут главное пугало.

— Вы правильно оцениваете ситуацию, майор. — краешком губ улыбнулся капитан.

— Хорошо. Предлагаю вариант. Вы высаживаете нас на Канарских островах. Если так боитесь. — тут же «ухватился» за идею Томсон. — с Диком. Он тоже ведь из наших и переболел.

— ...С больными. — тут же добавил капитан.

— Без больных! Если вы выгрузите там больных, то уже через месяц все Канары опустеют. И, возможно, оттуда эболу занесут в Европу. С Европы, напоминая, эбола легко дойдёт до Британии. Как это и было во время Великой Чумы. — резко отрубил Томсон.

— Но, смею дополнить — со всем моим багажом. — немедленно влез Генри. — А когда будете отчитываться перед командованием, так и скажите, что все записи и материалы находятся при мне на Канарских островах.

— До Канар нам ещё четверо суток хода.

— Значит, договорились? — припечатал Генри.

— Но до этого вы будете в своих каютах.

— Решено!

После этого перед каютой и Томсона, и Сесила был выставлены посты. Но по джентльменскому соглашению, каюты не запирались. И Сесил, и Томсон имели право

ходить друг к другу в гости.

Сесил своего ординарца выгнал. Особенно, когда узнал судьбу «заветной бутылки». Без него было тяжело, но его утешало то, что скоро всё либо кончится, либо...

Да по любому раскладу, этот дурак-ординарец, висел бы как гиря на ноге.

— На второй день после переговоров, Томсон пришёл с ехидной улыбочкой.

— Генри! Тебе бы Касандрой подрабатывать в нашем Адмиралтействе! Твоё предсказание в точку!

— Не ужели?.. — испугался Сесил.

— Заболел кок и его помощник. Да ты и сам мог бы до этого додуматься по тому, как нас кормили последние два дня.

— Я это списал больше на то, что мы, как-бы под арестом.

— Вы, сэр, оказывается были гораздо худшего мнения о капитане, нежели я! — расхохотался Томсон, но быстро сменил тон на очень серьёзный.

— Положение резко ухудшилось. На корабле паника. Нарастает. Сегодня ночью умерли сразу трое заболевших.

— Так быстро? — мрачно буркнул Сесил и перед его глазами встали ряды могил их последней стоянки в экспедиции. Там тоже была паника. Люди смотрели друг на друга волком. Ожидая увидеть на собрате первые признаки заболевания. Чтобы пристрелить.

— Так быстро! — кивнул майор, но в отличие от эмоционального Генри был предельно спокоен. — Заболел и доктор. А это уже... Это уже финал трагедии. Скоро эту посудину будет некому вести.

Генри кивнул не найдя что сказать.

— И ещё сэр. Сегодня утром мы прошли на траверзе Канарских островов.

— Значит...

— Значит, капитан передумал высаживать нас на островах и гонит корабль дальше. К берегам Англии.

— На что он надеется?

— Надеется на помощь. На какую — не знаю. Но кочегары, кидают уголь уже... в сильно уменьшенном составе. К ним поставили комендоров и прочих... матросов. И уголь скоро кончится.

— Вы считаете, что «вариант икс», как вы его назвали на манер Эсторских...

— Да. Если так пойдёт, то скоро начнут стрелять друг друга. В нас — в первую очередь. А это значит, что сегодня ночью этот «вариант икс».

Как им двоим представлялось, самое сложное тихо «снять» своих часовых. Но это было проделано на удивление слажено и благополучно.

Предварительно сверив часы, оба джентльмена одновременно появились в коридоре в назначенный час. И обезвреживание постовых прошло без ненужных эксцессов.

Постовые уже настолько привыкли к тому, что оба джентльмена ходят друг к другу в гости, что не обратили внимание на очередное их появление, да ещё за полночь.

Сгрузить их связанных и с заткнутыми ртами в каюте Сесила, уже было делом минуты. Когда уже выдвигались, Сесил вытащил из под своей кровати заранее упакованный объёмный заплечный мешок. Кстати, тот самый, с которым он прошёл всю злосчастную экспедицию.

— Генри! Зачем вам тащить с собой хлам? — удивился майор.

— Это не хлам. — отрезал Сесил. — Всё, что необходимо для плавания я погрузил до этого. Сейчас спасаю записи экспедиции.

— А иначе нельзя? Нельзя их здесь оставить на попечение команды?

— Сэр! Вы сами очень точно подметили, что скоро тут будет драка и мор. Им будет не до «каких-то бумажек». Даже если им прямо сказать, что в этих бумагах жизнь и смерть Британии! Они тут просто сгинут. К тому же, это — наше оправдание, когда мы вернёмся. Иначе — все жертвы впустую.

Томсон скрипнул зубами. Крыть было нечем. Поэтому он молча достал свой пистолет и зашагал к трапу. Единственный оставшийся в его подчинении солдат, также молча последовал за ним.

— Вы уверены, что шлюпка не перевернётся при спуске на воду? Ведь крейсер на полном ходу. — спросил Генри тихо, когда они были уже почти наверху.

Майор прислушался к стуку двигателя корабля.

— Нет, не перевернёмся. И ход у нашей посудины не самый полный.

Генри пожал плечами, хотя всё мероприятие ему чем дальше, тем меньше нравилось. Правда, сзади его подгонял страх. Страх перед паникой, свидетелем которой он уже был однажды, и которую едва пережил. У него были веские основания думать, что второй раз он такое не переживёт. Столько везения подряд не бывает. Так что, сжав челюсти, он взял себя в руки и пристроился за спиной многоопытного майора.

— Генри! — тихо сказал Томсон. — Оружие возьми наизготовку. На палубе, кажется, посты выставлены. Возле шлюпок.

Генри чертыхнулся. Но исправно вытянул своё оружие и прислонился боком к переборке ожидая дальнейших действий майора. Солдату вытягивать было нечего, так что он просто расслабился и пристроился в хвост процессии полностью полагаясь на своё начальство.

Томсон аккуратно приоткрыл дверь и одним глазом выглянул наружу. Потом ещё приоткрыл и всунул голову. Оглядев палубу он тихо, чтобы не на шуметь, приоткрыл дверь и протиснулся в образовавшуюся щель. То же самое сделал за ним и Сесил. Когда же протаскивал сквозь дверь свой объёмистый мешок, дверь таки скрипнула. Оба присели.

Томсон метнулся в сторону. И глянул в сторону шлюпок. Там действительно маячила какая-то фигура. Оглянувшись ещё раз, он накинул на голову капюшон плаща и зашагал деловой походкой в сторону постового. Потом остановился и спрятался в густой тени. Дождался когда постовой отвернётся, скользнул ему за спину и хлопнул рукояткой пистолета по голове.

Подхватил выпавший карабин и тихо опустил тело на палубу. Дальше был черёд Генри. Тот быстро прошмыгнул до заветной шлюпки и бодренько снял с неё брезент. Брезент памятуя, что всё пригодится, просто спихнул на дно шлюпки. На дне, меж тем обозначились припасы, что натаскал Генри перед тем, как их посадили под домашний арест.

Упор, как и наставлял его майор, он сделал на запасы воды.

— Садись в лодку. И ты тоже, — бросил Томсон Генри и своему солдату, когда шлюпка на таях вывесилась за борт.

— А вы? — задал глупый вопрос Генри.

— А кто лодку на воду спустит?!

Сесил заткнулся и быстро шмыгнул в шлюпку. Майор освободил стопор и шлюпка мягко плюхнулась на воду.

И тут всё чуть не испортил мичман. Зачем он вылез за полночь на палубу, уже никто не узнает. Но вот приспичило дураку. Мичман был позёр и это его сгубило. Он не стал поднимать тревогу, а издевательским тоном поинтересовался, чем это майор тут занимается.

Майор же не долго думая, просто двинул тому рукояткой пистолета в лоб. После откатил тело под брезент что-то там укрывающий, и лихо скользнул в шлюпку.

Шлюпку мотало на волнах. И Генри, полумёртвый от страха уже не знал чего больше бояться — тревоги наверху, на корабле, или перспективы перевернуться и утонуть.

— Рубим концы. — отдал приказ майор, уже окончательно забравший командование в их маленьком отряде. Через минуту они наблюдали, как мимо проскользнула корма броненосца, и шлюпка закачалась на бурунах.

— Всё. Первый этап нашего выживания закончен. Теперь приступим ко второму. Грести будем попеременно. Два гребут, один отдыхает и рулит.

Покрутив головой, посмотрев на звёзды, майор изрёк.

— Гребём туда.

И указал пальцем во тьму.

— Если что я поправлю. Сейчас вы гребёте, а я выставлю направление.

Пропажу узников и их вещей обнаружили лишь через час, когда очухался оглушённый мичман. Он, естественно, немедленно поднял тревогу. Но уже вскоре пришлось трубить отбой.

Капитан, прикинув сколько корабль уже прошёл, что искать придётся во тьме, и приказал следовать прежним курсом. Как он выразился, «одной головной болью меньше». Правда, соответствующую запись в вахтенном журнале сделал.

Насчёт головной боли он тут изрядно поторопился. Потому, что наутро у него самого начались головные боли. И не из-за сбежавших останков экспедиции. И не от дел праведных. Да и неправедных тоже, если водились.

Капитан понял, что и сам не уберётся. Это уже было начало конца. Послав проклятие в адрес Сесила и Томсона, он, тем не менее, приступил к исполнению своих прямых обязанностей.

Точнее дел, по спасению корабля. Гибнувшего от невидимого убийцы, прокравшегося на борт. И забирающего членов команды, одного за другим.

Следовало решить и срочно, пока окончательно не свалился, что делать в ближайшие несколько суток. Ведь ещё совсем немного, и на горизонте замаячат берега родины.

На шлюпке, под утро, назначив вахтенным солдата, майор и руководитель экспедиции решили слегка вздремнуть. Проснулись, когда вылезшее из-за горизонта солнце слегка пригрело.

Продрав глаза, Сесил первое что отметил, так это полный штиль. Океан, от края до края лыбился в глаза неудачливому путешественнику зеркальной гладью. Нигде не омрачаемой даже малейшим намёком на рябь. С одной стороны — хорошо. Нет ветра — нет волн. Нет волн, меньше шансов перекинуться. Чего он изрядно боялся. Причём постоянно.

С другой — парус не поставишь.

С третьей... продравший глаза майор, милостиво разрешивший спать своему единственному солдату пристально осмотрел горизонт.

Горизонт везде был чист, за исключением, одной мелкой детали. На юге. Он подобрался. Но быстро сообразил, что если их и будут искать, то подберутся либо с севера,

либо, с северо-запада. Оттуда, куда уплыл их несчастный крейсер. Осталось помолиться и выпросить у бога последнюю подачку в виде удачи — чтобы это не были какие-нибудь пройдохи и бандиты. Например, арабы.

Им повезло. Их подобрал португальский китобой. Вдвойне повезло, так как не нужно было больше испытывать судьбу и плыть куда-то на шлюпке, в сторону то ли Африки, то ли Гибралтара, то ли может быть, и Португалии. Не понадобились и припасы.

Правда, и условия на китобое были не ахти. Не пассажирский и не крейсер. Впрочем, все трое были готовы поспать хоть неделю в гамаках, и пропитаться насквозь рыбной вонью.

Главное — целы.

И живы.

Надолго ли?

А вот это уже как удача дальше повернётся.

Хорошо если лицом.

А если своей широкой кормой?...

* * *

Майор Келл сидел в своём кабинете и разбирал бумаги. И думал что ещё можно предпринять в связи с угрозами, складывающимися прямо сейчас. Угрозами идущими из Африки.

Он почему-то совершенно не сомневался, что написанное этим пройдохой Руматой Эсторским — правда.

Особенно после донесения из далёкой снежной и дикой России.

Там, его эмиссара, не просто вычислили, но ещё и пришли на дом и намяли бока. И, что паршивое было для эмиссара — не пожалуешься.

Смешно, конечно, но...

Налёт был сделан во главе с самим Руматой. И вот дальше было просто донельзя интересно.

Вернон уже и не знал — то ли ругать, то ли наказывать, то ли награждать незадачливого эмиссара. Ведь если по правде — он принёс много очень ценной информации. Несмотря на свой конфуз.

Во-первых, оказалось, что этот «Румата» говорит на чистейшем (эмиссар даже подчеркнул это дважды) чистейшем йоркширском диалекте. Такой характерен для выпускников Итона.

Значит, зацепка всё-таки есть!

Кто-то из своих, англичан.

Ренегат или нет но это уже кое-что. Значит, надо искать среди выпускников Итона. После ещё и Кембридж просеять. А это уже очень узкий круг. Можно их «вычислить».

Во-вторых, полностью подтвердилась гипотеза, что эти господа действительно что-то нашли. В Индии, Южной Америке и Африке. От большого ума или по глупости, но Румата и намёках выдал такое!..

Да! Не зря он настоял на посылке экспедиции в Африку. То, что они найдут следы той проклятой болезни среди дикарей — как минимум её! — после донесения эмиссара из Петербурга, Келл не сомневался. А возможно ещё и тех жёлтолицых.

Но что было интересно, что по тем намёкам можно было смело запускать экспедиции. Причём, что особо интересно, по своей же территории. В Индию, Китай, Африку.

Но, прежде не просто ценным было, конечно, предупреждение о болезнях, обитающих в Африке. Это уже бесценно. Так как в перспективе может сберечь тысячи жизней подданных Короны.

Но!

Если та болезнь есть, то её вполне могли занести на Острова. А это значит, что для этого стоило бы подготовиться. Хотя бы подготовиться ко встрече возвращающейся из Африки экспедиции. И если та болезнь хотя бы на треть так ужасна, как описывается, то простых и обычных мер карантина тут может оказаться мало.

Как ни было прискорбно, но все его предупреждения, пропали все. Одно было хорошо, что планы по развёртыванию войск для борьбы с эпидемией чумы были. И они очень хорошо подходили и для развёртывания против эболы.

Плохо было тут то, что в эти тайны, слегка посвящены теперь и бельгийцы. Они навязались в сопровождение. А значит, могли узнать всё, что и учёные Сесила. Но то уже — не так серьёзно...

Размышления прервал явившийся со свежей корреспонденцией секретарь.

— Сэр! Из Бельгии телеграмма! Срочно. Важно.

— Что там? — тут же взбодрился Келл.

Клерк глянул в текст и прочитал.

— «Вернулся корвет с экспедицией в Заир. Осталось в живых... три человека. — секретарь обескуражено посмотрел на шефа. Но встретив свинцовый взгляд снова уткнулся в текст телеграммы. — ...Всё, что написано в книге про эболу и 631 — правда»!

Майор подобрался как перед прыжком.

— Что там с нашим крейсером «Талбот»? Есть известия?

— Крейсер ушёл от побережья Заира через сутки, после отбытия корвета с бельгийской экспедицией.

— Зачит... Значит, в ближайшие сутки он должен прибыть в Англию. Пора слегка паниковать, Сэм!

* * *

Бунт грянул. И лозунг, как нетрудно догадаться, был самый незамысловатый: «Мы все умрём!!!».

Этих бедолаг готовили на то, чтобы они умерли в бою. Глядя в лицо врагу. Зримому. И которого можно пощупать. Как снарядами из пушек, долбя по вражескому флоту, так и руками, если придётся высадиться на вражеский борт.

Но тут всё было гораздо хуже.

Невидимая рука Чёрной Смерти, хватала кого попало. Каждый день по одному, про двое-трое, за борт, с последним грузом, отправлялись свежие покойники. Причём покойник, часто обезображенный до неузнаваемости, истёкший кровью. Кровью, которая сочилась у него отовсюду — из ушей, рта, носа, глаз. И страшных чёрных язв. Люди умирали часто в страшных мучениях. И уже некому было помочь, так как сам врач лёг рядом со своими пациентами.

Когда же и высшее офицерство слегло с горячкой, грянул бунт. Капитан уже ничего не смог поделать. Так как был в бессознательном состоянии. А офицеров просто мало осталось. Поэтому неудивительно, что бунтовщики быстро смели всех, кто рискнул и попытался их остановить.

Лишь только корабль перешёл под их власть, он был обречён. Ни секунды эти люди, обезумевшие от страха перед невидимым врагом, не хотели находиться на борту этой обители скорби. Они даже не пытались заглушить машины. Крейсер всё также продолжал своё упорное движение вперёд. Но уже не долго ему оставалось. Остатки экипажа корабля, среди которых не осталось ни одного офицера, быстро погрузились на шлюпки и отвалили в туман. Тот самый знаменитый Туман Альбиона.

Они знали, что родная Англия уже рядом. А значит, можно попытаться добраться до берегов на шлюпке.

Кто-то может спросить, почему же они вот так рванули с корабля... Ведь можно было бы дожидаться прихода в порт. Но они знали, что если на борту чума, то их будут держать на рейде, пока не умрёт последний заболевший. Пока, через много месяцев, исчезнет последняя угроза, что кто-то ещё заболеет или принесёт болезнь в скрытом виде. А так как они видели, что выздоровевших попросту нет, они знали, что в этом варианте они обречены все. На смерть.

Кто-то из последних, покидавших идущий малым ходом корабль, открыл кингстоны. Те, кто метался в горячке в лазарете ли, в своей каюте — этого не знали. И не подозревали. Хотя вскоре это уже не имело никакого значения.

Моряки, гребущие яростно сквозь туман, слышали, как там где-то далеко тяжело бухнуло. Это вода залила машинное отделение. Дальше уже было делом считанных минут.

Крейсер отправился в своё последнее путешествие. На дно.

Глава 24

Возвращение валькирии

Натин укатила не куда-нибудь, а в Германию.

Уже будучи знакомой с теми теориями, которые крутятся в умах местных учёных и революционеров, решила очень хорошо покопаться в первоисточниках. Но не просто так.

Одно дело выдать «на гора» своё заключение, которое не привязано к местным реалиям и вообще накопленному научному опыту местных же учёных. Совершенно иное, если выводы будут органично вытекать из того, что она собиралась нарыть. Поэтому, прибыв в Германию, она первым делом взялась... за историков.

Задание было «простое». С виду простое.

Проанализировать по существующим хроникам как изменялась норма питания, потребление различных продуктов в зависимости от времени. Договориться было просто. Деньги делали чудеса.

Особенно, если их предложить много.

Естественно, по меркам местных профессоров. Боялась ли она, что будут представлены, мягко говоря, неточные данные? Да, было такое опасение. Но против этого был «орднунг» германцев и... знания самой Натин, давно просуммированные и сведённые в систему в её родном мире. Знания, полученные на основе изучения прошлого и настоящего очень многих миров.

Вообще, стоит пару слов сказать о предрассудках чисто подростковых.

То, что делала Натин и братья, со стороны пацанчикам (в том числе и преклонного возраста) может показаться абсурдным или, по крайней мере неэффективным. С их точки зрения, самое эффективное средство по наведению порядка — это сила.

Типа: собрали побольше армию, вооружили её получше и раскатали врагов. И тут всем настанет рай с процветанием на вечные времена.

Как бы не так!

Если представления о «рае» будут далеки от реальности, от того, что вообще осуществимо, от того, что реально принесёт процветание и благополучие народа, то никакая военная сила не удержит народ от сползания в катастрофу.

Поэтому главным во всех войнах были даже не военные победы, а изменение представлений о реальности народов.

В конце двадцатого века, оказалось, что для того, чтобы уничтожить ненавистную страну часто нужно даже не военная сила, а изменение представлений масс людей в нужную сторону. И эти массы уже сами, под радостные аплодисменты агрессора сметут страну. Собственную страну.

Поэтому Натин сразу же оценила усилия братьев Эсторских как очень эффективные. Уж кто-кто, а вот она, хоть и недоучившийся, но прогрессор, понимала как РЕАЛЬНО всё происходит в обществах. Особенно революции. Ведь большинство реально успешных и великих революций происходили часто вообще тихо, мирно и без кровопролития. Иногда да, с кровопролитием, но не таким большим, как можно было бы представить по наступившим последствиям.

В памяти людей остаются революции кровавые. А вот те, которые прошли тихо — о них помнят, но не воспринимают как революции.

Первое, что сделали Эсторские своей пропагандой, это сильно подорвали уверенность западных буржуа в том, что они всецело и всегда правы.

Теперь надо было делать следующий шаг. И Натин надеялась, что его сделает именно она.

Итак... Историки рыли архивы, старинные книги и рукописи.

А она занялась пристальным изучением того, что называлось гордым словом марксизм. Читать всё, что было издано — неэффективно. Прочитала «Капитал», Прочитала «Манифест». Тут же обнаружила, что теория явно неполная. Но за этой теорией чувствовался некий потенциал. Особенно тот, что явно поднимал людей на борьбу за свои права, за лучшую долю. Но вместе с тем, она чувствовала, что Маркс, будучи всё-таки учёным, не мог остановиться на том, что почитали как Библию его последователи. Он же сам говорил, что «марксизм не догма, а руководство к действию».

Подразумевалось, что теория должна развиваться и применяться в деле.

Пока что Натин видела в последователях только догматизм или жалкие потуги на развитие, которые вырождались быстро в тупейший ревизионизм. Причём ревизионизм с оправданием и возвеличиванием существующих порядков.

Пришлось ехать туда, где хранились труды Маркса. Изначальные. И говорить непосредственно с хранителями наследия. Поначалу, её не поняли. Не поняли, что она ищет. Но потом, где-то были таки откопаны «Экономические тетради» и другие труды Маркса, которые явно были развитием мысли, но остались неизвестны широкой публике.

Как только Натин ознакомилась с ними, то тут же поняла — это оно!

Пусть и непоследовательно, пусть недостаточно, но было видно, что Маркс был гораздо «менее марксистом» нежели сами современные марксисты. Но главное, что там было — мысли по поводу «азиатского способа производства» и русской революции. С точки зрения марксистов современных — крайне крамольные.

Потерев руки и отвалив денежку на скорейшее издание «Экономических тетрадей», того, что было нарыто, на их перевод на русский язык с последующим изданием русской версии, Натин с сознанием исполненного долга укатила.

Не подвели и профессора историки. Они таки выкопали. По их растерянными лицам было видно ясно. И ясно что откопали.

Сейчас они сидели все в кабинете того профессора, которого подрядила Натин. Подчинённые профессора сохраняли каменно-надменное выражение лица. Типа: мы исполнители. Мы всё сделали как надо. Ждём премии. Даже тяжёлая старинная мебель, которой уставлен был кабинет только подчёркивал эту монументальность мин присутствующих.

На Натин иногда бросались заинтересованные взгляды, но было видно, что её побаиваются. Сразу признали за лицо из Высоких. Теперь и тянутся как новобранцы перед сержантом.

В отличие от них, сам профессор пребывал в смятении.

Даже привычная манера среди германцев во время разговора смотреть прямо в зрачки собеседнику ныне его очень сильно напрягала. Не успокоили и традиционные ритуалы приветствия, комплиментов и всего того, что предшествует светскому разговору. Но в том-то и дело, что разговор предстоял деловой. И он явно не знал с чего начать. Тем более перед такой особой. Явно из высшего света. Которой понадобилось вот это совершенно странное, для таких как она, исследование.

Натин скользнула взглядом по присутствующим, и по-хозяйски сложила руки на стол, приглашая взглядом начать отчёт. Профессор достал папку. Уже прошитую, проклеенную где надо. И остановился, видно не решаясь начать.

— Вы удивлены тому, что нашли? — слегка насмешливо спросила Натин у него поощряя к докладу.

Профессор смутился, замялся ибо слова в глотке застряли. Но справившись с собой он таки промямлил.

— Но это... Этого просто не может быть! Мы проверяли. Мы всё проверили... Мы не знаем...

— Не может быть потому, что считается общепринятым в обществе? — поддела его Натин.

— Мы не знаем, чем это вызвано. — наконец выдал профессор что-то более-менее связное.

— Дайте угадаю! — прищурившись бросила Натин — вы обнаружили, что при феодализме люди питались лучше, чем сейчас, при более прогрессивном строе.

Профессор набычился и покраснел.

Натин кивнула.

— У вас это вызвало... мнэ... когнитивный диссонанс, разрыв шаблона и вы впали в ступор. Ибо считается, что если строй более прогрессивный, то люди должны при нём жить лучше. Так?

— Да. Так. Так должно быть! — выпалил профессор и в этой его фразе прозвучала искренняя обида. Обида на факт, с которым невозможно поспорить. То, что бросила Натин, он понял с трудом. Понял лишь то, что дамочка оказалась не просто слишком умной, как он обнаружил при первом знакомстве. Но ещё и более образованной чем он сам. А это ещё больше заставляло его чувствовать собственное унижение.

До этого, весь мир казался понятным и стройным. Так было и с представлениями о «более прогрессивном строе» о котором триндели на всех углах, о «превосходстве Европейской мысли», о «магистральном пути человечества», которым, как следовало из всего предыдущего только «просвещённая Европа» и следует. Так же было и с представлениями о женщинах, которые суть все дуры и их единственная пожизненная стезя должна быть — церковь, кухня, дети.

Сейчас профессор чувствовал себя погребённым под обломками своих прежних представлений о реальности.

— Мало ли что «считается»... — развела руками Натин. — учёный имеет дело с фактом. Уж не считаете ли вы, что «если факты противоречат теории, то тем хуже для фактов»?

— Нет... Нет!

— Вот и я считаю, что вы всё-таки умнее многих своих коллег. Так что же вы обнаружили? Примерно что, как вы поняли, я знаю. Но меня интересуют цифры. Цифры — они... короли науки.

Профессор не знал что и делать. С одной стороны, ему отвесили крайне лестный комплимент. Как учёному. Но с другой стороны он чувствовал, что его, и его представления, сейчас, просто и без затей, невзирая на личности, хладнокровно ломают через колено.

Он тяжело вздохнул и открыл папку. Отлистал на нужную страницу, упёр палец в строку и прочитал.

— Потребление мяса в конце Средневековья — 100 килограмм на человека в год. В восемнадцатом и девятнадцатом веках, после перехода на рыночные отношения, установления фермерства — 20 килограмм на человека в год.^[29]

— Что и требовалось доказать! — тихо выговорила Натин и аккуратно хлопнула ладонью по столу.

Профессору же это показалось приговором суда. И ударом молотка судьи, что следует после слов «Приговор окончательный и обжалованию не подлежит».

* * *

— Слушай, брат! А чем таким под конец жизни заболел Жюль Верн? — обратился Григорий к Василию, за завтраком.

— А к чему вопрос? — не сразу сообразив переспросил Василий, так как голова была занята совершенно другим.

— Да вот... Переписываюсь я с этим очень интересным дядькой.

— Ты мне не говорил! — вздёрнув брови бросил упрёк Василий.

— Дык говорю! Я ему сразу же послал ещё когда мы в Гамбурге были первое письмо.

— После, уже в Питере, я с ним более активно стал переписываться. И ты знаешь, он просёк большинство наших проделок! Умнейший мужик. Я, ясно дело, не стал подтверждать или опровергать... Ну сам понимаешь! Переписку могли вскрывать и читать разные прочие...

— А что он, например, просёк?

— Нашу проделку с Ктулху. Даже описал как мы это сделали с его точки зрения. И ты знаешь... Толковое описание! Ну, естественно, с точки зрения технических знаний его эпохи и времени.

— А больше ничего? — обеспокоился Василий.

— Если ты имеешь в виду убийство английского конвоя, то нет. Он меня самого пытал насчёт этой «мировой загадки». Я отбрехался, что «не знаю» и «слишком мало данных для анализа». Кажется удовлетворился... Но ты не ответил на вопрос.

— Какой?

— Что за болезнь у мэтра.

— Ах да!.. У него — диабет.

— И что ты молчал?!! Чем можем ему помочь?

— Нужен инсулин.

— И что?

— Инсулин можно получить. Но... Соболев Леонид Васильевич... первооткрыватель инсулина. Работает сейчас в лаборатории Ивана Петровича Павлова.

— И как?

— Я те исследования слегка подхлестнул и направил. Так что будет у мэтра хорошее лекарство. Хотя... надо бы для начала установить какого типа у него этот диабет.

— Их два типа. — ответил Василий на немой вопрос брата. — от этого зависит и лечение.

— Так давай посылай ему... или врача, или описания!

— Подожди, не пыли. Через неделю, наши химики как раз выделяют и очистят первую

партию. Ещё неделя — на клинические испытания... Причём не только инсулин, но и лекарство, которое лечит второй тип диабета — метформин. У Верна, скорее всего как раз второй.

Григорий было, открыл рот, но Василий продолжил.

— ... Это и так слишком быстро. Так что не кипятись. Будет презент нашему писателю. Главное что мы знаем как всё лечится.

— Гм! — вдруг задумался Григорий. — Ты сказал «нашему»?

— А что?

— А ведь это идея!!! Много чего ведь исключительно хорошо можно прокачивать через ФАНТАСТИЧЕСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ!!!

— Что ты задумал? — с подозрением спросил Василий, так как хорошо помнил прошлые выходки братца с литературой. Например с эпосом про «Конана-варвара».

Да, Василий, в конце концов признал, что запуск этого эпоса был по крайней мере удачной коммерческой идеей. И проектом. Популярность — бешеная. Продажи — высоченные. Но тут пахло ещё большей авантюрой. Потому, что это не кто иной как Верн. Писатель-гуманист и прочая, и прочая, и прочая.

— Напоминаю тебе высказывание твоего же кумира.

— Какого-такого?

— Фурсова.

— Ну, он, положим, не кумир...

— Не важно. Но он сказал замечательную вещь: «В подъёме патриотических настроений в обществе, разоблачении фальсификаций истории страны, исключительную роль сыграла русская боевая ФАНТАСТИКА!».

Последнее слово Григорий выделил. Василий, судя по его реакции на этот пассаж, забыл сие высказывание. Но он наконец, понял основную идею.

— Ага! — сказал Василий и уставился на потолок. — Значит, если мы толканём описание социализма через Верна, то... Избежим обвинения нас здесь в «революционном экстремизме».

— Именно!

— Значит... Основные идеи: социализм не возможен, если в обществе отсутствует культура взаимопомощи, коллективизма, солидарности. Еврокоммунистам эта идея — как серпом по яйцам...

— Ну это уже твои заморочки и придумки. Моё дело предложить... А откуда ты взял что «невозможно создать если...».

— Один очень умный человек написал. У нас...

— А, один чёрт! Если Жюль Верн напишет, он ещё и вторым Марксом тут станет! — заржал Григорий.

— Марксом или нет, но помочь ему надо срочно. — также глядя в потолок и уже что-то высчитывая бросил Василий.

Колокольчик у двери весело звякнул.

Братья переглянулись, так как никого не ждали. Григорий развёл руками и вылез из-за стола. Но горничная его опередила.

Когда же Григорий увидел кто пришёл. Он чуть не лопнул от смеха.

— Вы?!!! Вам что, мало было?! — выпалил он.

У пришедшего лицо пошло пятнами. Но он сдержался. Видно сильно припекло.

Развитая майором Келлом бурная деятельность, почти ничего не дала. Все его «панические» докладные, где он призывал принять меры по защите страны от смертельного заболевания — ушли в стол. Стол вышестоящего начальства Роял Нэви. Предоставленная информация была слишком необычной и... панической. Естественно, с точки зрения адмиралов. Но не самого Келла.

И тут одно за другим начали приходить крайне пугающие сообщения.

Во-первых, крейсер «Талбот» уже давно должен был прийти в Портсмут. Но его не было. По сообщениям из других источников, его видели. Видели входящим в Канал. После — как в воздухе растворился. Или в воде.

Во-вторых, от рыбаков поступило сообщение, что они наблюдали гибель «какого-то большого корабля на траверзе мыса Ландуэднак».

В-третьих, в самом Ландуэднаке видели каких-то моряков, спасавшихся на шлюпках. По описаниям это вполне могли быть моряки с «Талбота».

Но что сильно настораживало, все эти спасавшиеся моряки рванули кто куда. От моря.

Последнее было не таким уже необычным. После пришествия «Летучего Голландца». Местные жители именно на это всё и списали. Но происшествие было настолько похожим на то, о чём подумал Келл, что прошиб холодный пот.

Он достал лист бумаги и долго-долго никак не мог собраться с духом. Ведь если прямо сейчас объявить о своих догадках, а «Талбот» придёт в Портсмут — будешь посмешищем на все времена. А если нет... И промедлить...

В конце концов, страх перед эпидемией абсолютно смертельной болезни победил.

Когда он уже запечатал пакет, вызвал секретаря.

— Вот это, — кинул он пакет секретарю, — немедленно доставить по адресу. Лично в руки. Сверхсрочно.

— И ещё. Срочно связаться с нашим эмиссаром в Петербурге.

Мистер Адамс попал в крайне щекотливую ситуацию. То, что он получил по телеграфу из Британии было настолько серьёзным и ужасным, что не оставляло ему никакого другого выхода. Другого, кроме как «идти на поклон», как говорят в этой дикой азиатской России, к своим же врагам.

К тем, кто совсем недавно над ним глумился как хотел. Но приказ был получен самый что ни есть конкретный. Там, на Островах, ситуация явно вышла из-под контроля. И дело было настолько угрожающим, что было уже не до сантиментов.

Мистер Адамс, только получив прямой приказ, понял, что все те планы по мести, что он лелеял — пошли не просто прахом. Этих двоих уже невозможно достать. И как бы не повторяли чрезвычайно популярную сейчас в Европе ИХ ФРАЗУ, что «вендетта — дело святое», тут уже ничего не поделаешь. От них зависит жизнь миллионов британцев. А может и всей империи.

Как он и предполагал, только приход к Эсторским его тут же, хотя бы в глазах самих

Эсторских, сделал посмешищем. Гроссмейстер ложи, и на поклон к тому, кто ни в грош не ставит Великого Делания и самих Вольных Каменщиков. Кто наверняка ни капли не понимает сакральных смыслов заложенных в их Деле.

Адамс еле сдерживаясь посмотрел на веселящегося мистера Румату и перевёл взгляд на, меж тем сильно удивлённого Вассу, которого тут в народе потихоньку уже начинают называть по свойски Василием, Васей. Уж у этого Эсторского явно было больше почтения. Собравшись с духом Адамс принялся многословно извиняться, но был грубо и хамски прерван Руматой.

— Короче, мистер! У вас там на Островах, кой у кого хвост пылает синим пламенем. И вы решили попользовать наши знания в деле спасения высокосидящих задниц.

Нельзя не отказать в образности речи этого мистера. И каким бы ни был хамским заход, Румата Эсторский по большому счёту был прав. И глумливое выражение на лице Руматы это лишь ещё раз подчёркивало.

В отличие от него второй брат наоборот резко помрачнел лицом и коротко пригласил пройти. Румата смачно хохотнув, отправился в глубь жилища отдавать какие-то распоряжения служанке.

Васса сохраняя всё то же серьёзное выражение лица пригласил Адамса пройти в кабинет. Однако, нечто вспомнив, резко ускорился и пройдя первым, что-то в кабинете закрыл. От лишних глаз. Ещё раз оглядевшись по сторонам, жестом пригласил входить.

Кабинет был необычным. Не таким, к каким привык Адамс. В кабинете практически полностью не было книг. Но на столе, где явно работал хозяин, стояла какая-то очень странная машина, из которой торчала пачка бумаги. Лежали какие-то папки. Кстати, папки были и в книжном шкафу. Вместо книг. На корешках этих папок красовались надписи на неизвестном языке и шрифтом явно не латинским. Вот папок было много.

Пока рассаживались по креслам, быстрым шагом пришёл Румата. На его лице всё также светилась крайне ядовитая улыбочка. Тем не менее, постаравшись от этого как можно сильнее отвлечься, Адамс сосредоточился на деле. Тем более, что Васса тут же поломал «светский стандарт» ведения встреч и перешёл тут же к делу.

Так поступают янки. И это могло говорить за то, что они и есть янки. Если бы Адамс не знал того, что знал, наверное так бы и решил. Но... Они не были янки. Заведомо.

Впрочем и русскими эти господа тоже не были. Слишком далеки они от этих дикарей. Слишком уж много в этих двоих науки. Адамс тяжело вздохнул и выложил с чем пришёл. Смотрел же, пока рассказывал, только в глаза Вассе. Но когда закончил и взглянул на Румату, то увидел, что и тот слушает его вполне серьёзно. Более того, в глазах у него появилось какое-то ещё выражение... Её можно было бы назвать... безжалостная сталь.

— То есть, вы хотите сказать, — тут же вклинился Румата, как только Адамс закончил свою вступительную речь, — что грубо наплевали на предупреждения не соваться на Эболу и вообще в центральные области Африки? Наплевали на предупреждение о том, что сия болезнь не просто опасна? Наплевали на предупреждение, что если уж словили эту болезнь, то немедленно надо устанавливать жёсткий карантин?

— Да сэр. — Сухо подтвердил Адамс. И это признание ему далось очень дорогой ценой. Как будто пришлось собственноручно отсекал тупым ножом себе руку... Или что там происходило в их романе «Бриллиантовый заложник» среди самураев, когда они считали себя виноватыми?

«Чёрт побери! — подумал Адамс, — Я уже и думаю по шаблонам их книг!».

Но, как будто угадав его мысль, отозвался Васса.

— Выходит, для вас и книга предупреждением не стала. А ведь мы прямо говорили мистеру Сесилу, чтобы он отнёсся к описаниям в ней с очень большой внимательностью.

Адамс осторожно развёл руками.

— Ладно. К делу, мистер Адамс! — вдруг жёстко выпалил Румата. — вы утверждаете, что крейсер утоп. И что возможно, утоп по причине того, что на нём вспыхнула паника связанная с эпидемией. Эпидемией среди экипажа. Так?

— Да сэр!

— Где высадились остатки экипажа? Это какое графство? — немедленно вступил в разговор Васса. — Корнуолл? Девон? Дорсет?

— Корнуолл сэр!

— Чуть легче, но не намного. — с каким-то «медицинским» выражением, отозвался Васса.

— Если вы начнёте действовать немедленно, то эпидемия может ограничиться только Корнуоллом. Но это при условии, что Немедленно. — своим «стальным» голосом тут же дополнил брала Румата Эсторский. — Как я понимаю, вам очень бы не хотелось, чтобы эта болезнь дошла даже до Портсмута?

— Да сэр! Это крупный город и там верфи.

— Но в любом случае, вам придётся устанавливать карантин по всему графству Девон.

— Но... Почему Девон?!

— Считайте, что Корнуолл уже потерян. Если там будет эпидемия, вы её не сдержите.

— Но... Я уполномочен вам заявить... что мы готовы... — начал заикаясь Адамс. Только сейчас, глядя в стальные глаза Руматы и очень озабоченное лицо Вассы, он понял ЧТО нависло над Англией. Он сглотнул слюну и закончил. — Мы готовы закупить всё, что вы наработали на вашей фабрике. Всё ваше лекарство которое называется роганивар.

— Роганивар на вирусы не действует. — ответил Васса и тут же добавил — ... К сожалению. Да, он лечит множество болезней, вызванных стафилококками, стрептококками, а также многими другими болезнетворными бактериями. Он очень много чего лечит. Но против эболы он бесполезен. Даже против гриппа. Который тоже вирусная инфекция.

На лице Адамса — полное непонимание о чём речь.

Пришлось братьям провести небольшой ликбез по части различия что такое вирус и бактерия. Напомнить работы Иваницкого и ещё больше надавить на то, что они последнее время очень жёстко продавливали в массы: Европа слишком чванлива. И за это поплатится. Видно эта тема у них была больной. Однако, спич братьев, в этой части, прошёл мимо. У Адамса все мысли были заняты эболой.

— Но... Что же делать? — через силу выговорил Адамс, ощущая, как всё внутри него наполняется льдом.

Васса бросил многозначительный взгляд на Румату. Тот и бровью не поведя начал пояснять что и почему.

— Вам сейчас надо поднять все вооружённые силы, что есть в Англии и бросить на блокаду Корнуолла. С суши и моря. Ни одна живая душа оттуда не должна выскользнуть. Блокировать также и все населённые пункты Девона. Их снабжать продовольствием. Но это снабжение должно иметь направление «только туда». Но не из них. Не от них. Кордоны должны иметь три пояса. Внутренний — самый ответственный и самый рисковый. Если

среди них кто-то контактировал непосредственно с местными, касался их, даже касался их одежды вещей — в карантин! Не менее чем на месяц. Не заболели — повезло! В карантине — все, кто обслуживает, охраняет — в спецкостюмах. Никаких вскрытий трупов. Почему? Все кто будет вскрывать — сами трупы. Уберечься от заражения при аутопсии очень сложно. Почему я и говорил вам это... даже В КНИГЕ! Трупы — сжигать. Полностью.

— Кста-ати! — вдруг прервал его Васса. — Экспедиция!

Оба тут же посмотрели на него.

— В экспедиции был цирюльник?

— Да, сэр! — ответил Адамс, как само собой разумеющееся.

— Вот! — удовлетворённо воскликнул Васса. — Никто не подумает на цирюльника. А ведь он брил всех. В том числе и заболевших. И...

— ...Через его инструментарий, болезнь передалась остальным. Прежде всего офицерам. Могу предположить, что у мистера Сесила был свой цирюльник? Если да — он из тех, кто возможно, выжил. До посадки на крейсер. А если так — постарайтесь его найти. Там очень много интересного с ним будет. В частности, как я полагаю, записи врачей экспедиции.

— Но не он ли стал источником заражения экипажа?

— Возможно, но не так вероятно как если бы болезнь прошла на ком-то из чудом уцелевших солдат.

Адамс степенно склонил голову в согласии. Чем больше он говорил с этими господами, тем меньше их боялся. Было очень хорошо видно, что они искренне хотят помочь. И возможно также напуганы перспективой эпидемии в Англии. Это говорило за предположение, что они — англичане. Ренегаты... Возможно. Но беспокоятся о жизни британцев они так же как и за свои.

«Всё-таки они выпускники Итона!» — мелькнуло у него в голове. Не зря же майор Келл специально просил его проверить эту версию.

— Как одну из мер, вам в Англии стоит прикрыть временно, месяца на два, все цирюльни. И сделать ограничение, что один цирюльник может обслуживать только одного клиента. Все эти два месяца. Ничего! Ради выживания, господа могут потерпеть два месяца и слегка обрасти бородами.

Адамс и это записал в своей записной книжке. С некоторых пор он всё, что рекомендовали братья, аккуратно, не стесняясь заносил в неё. Даже если какое-то предложение казалось ему слишком уж... бредовым.

— Дальше вам придётся на островах вводить гигиену. Чтобы все мылись и мыли руки. Поголовно все. Как вы это будете внедрять — ваши проблемы. Но это, конечно, никакого эффекта не принесёт, если ваши города не будут чисты, в ваших городах не будет канализации и станций по очистке стоков.

— Помилуйте! За месяц и даже два это невозможно сделать! — воскликнул Адамс.

— Возможно, что невозможно. Но многое стоит попытаться успеть сделать. В том числе и меры по предотвращению паник. Их надо пресекать беспощадно. Потому, что при паниках гибнет людей больше, чем от самой эпидемии.

Беседа длилась долго. Румата даже расписал кое-что из военной карантинной службы при таких эпидемиях.

— Но... всё-таки, господа! — вдруг осторожно выговорил Адамс, уже когда консультация подошла к концу. — Не могли бы вы быть так любезны, всё-таки предоставить

хотя бы партию Вашего лекарства.

— Роганивар? — скучающим голосом спросил Васса Эсторский.

— Да сэр!

— Элементарно! Хоть сейчас можем отгрузить. — пожал плечами Васса. — Утром — деньги, вечером — лекарство. Цена — стандартная, экспортная.

— Завтра утром деньги будут у Вас. — Заверил Адамс.

— Договорились.

Все дружно поднялись из своих кресел.

Когда уже выходили, Адамс, таки исхитрился хоть краем глаза, но заглянуть за ширму. Узенькой щели хватило.

За ширмой была скрыта картинка... Или фото?... Слишком уж детальное. Два на два фута. На фото — планета. С огромным каньоном поперёк. Он понял, что это планета потому, что сверху и снизу виднелись маленькие белые пятна — полярные шапки. Рыжий же цвет... Рыжий цвет картинки наталкивал только на одну кандидатуру — Марс.

На фото были видны, кроме огромного каньона ещё и множество пятен, похожих на лунные кратеры.

«И как эти братья умудрились сделать это фото? — с удивлением думал Адамс, направляясь к выходу. — То, что братья „балуются“ цветной фотопечатью было известно уже давно. Ещё с новогодних празднеств. Но такая детализация на фотографии Марса!.. Это какой телескоп они изобрели, чтобы получить такое качество? Ведь даже на самых лучших фотографиях и рисунках Марса, были видны в лучшем случае только размытые пятна».

Но тут его мысли были прерваны шумом от входа. Горничная как раз впустила очередного гостя. Это было интересно.

И вдруг... Адамс похолодел в который раз за этот день. Он узнал голос пришедшей. Впрочем и сама пришедшая на аудиенцию к братьям быстро появилась из коридора.

Она никогда не вела себя как чопорная англичанка.

Она никогда не вела себя как тупая немка.

Она по богатству мимики и жестов больше всего была похожа на огненную итальянку. Но даже её она превосходила по всем параметрам. И была смертельна. Как Королевская кобра далёкой Индии.

«Может у этой кобры она и училась!» — вдруг мелькнула у него шальная мысль. В ином месте и ином окружении она бы сошла за великолепную шутку. Но Адамс так и не оценил её юмора.

Так как перед ним была...

Та самая Натин!

«Надо всё-таки отдать ей должное, она, даже наряжаясь в европейское платье, не носила корсет. Платье всегда на ней сидели как влитые и никогда не скрывали пластику великолепного тела».

А уж какова может быть эта пластика, Адамс имел несчастье узнать на собственных костях. И не дай Иисусе, чтобы ещё раз сподобилось!!!

Адамс резко шарахнулся в сторону. Но драпать было просто некуда. Оставалось лишь прижав к груди свой саквояж крокодиловой кожи влипнуть спиной в стену.

Пришедшая первыми, естественно, заметила хозяев. И радостно поприветствовала их... на том самом мяукающем диалекте, на котором часто общались братья. Причём сразу было заметно, что говорит она на нём так же свободно, как и сами братья. Как на родном.

Это был ещё один шок. И Адамс понял, что если что-то ещё произойдёт... Нервы ведь не железные. Он уже как маленький мальчик был готов просто расплакаться. От бессилия. От безысходности.

Получалось, что эта ведьма, очень хорошо знакома братьям. И, возможно, именно в её загадочной стране, эти двое хулиганов, выучили тот «кошачий» язык. Картина, что внезапно сложилась у Адамса в голове была уже совсем...

Но тут помяукав в своё удовольствие, принцесса таки заметила фигуру, стоящую у братьев за спинами. Бледнолицую, перекорёженную страхом, с круглыми глазами.

У Натин был вид, какой имеет сытая кошка внезапно столкнувшись с жирной мышью — удивление и предвкушение забавы. Адамс от этого ещё плотнее вжался в стену.

Он понял, что обещание, данное этой дамочкой при последней встрече, вполне может быть исполнено. И приготовился получать по голове. Возможно ногами. Как любила Натин.

Ведь именно так — влупив ногами по ушам его подручным, она с ними расправилась. А после, приставив стилет к горлу, долго-долго ему шипела в лицо. Как заправская кобра.

Пообещав при следующей встрече, если он не «поцелует землю за тридцать шагов», «нарезать его тонкими ломтиками».

Вспомнив, с чем и зачем шёл, что получил, и что должен срочно донести, Адамс, издав стон умирающего мученика, сполз по стеночке на пол и стал на колени. Всё также прижимая к груди драгоценный свой саквояж.

Поцеловать пол ему не дали.

Увидев такое дело, Васса что-то быстро на том самом кошачьем языке спросил у Натин. Она ответила. Васса развёл руками и что-то сказал ещё. Натин переменялась в лице, сделала шаг в сторону, и красноречиво махнула рукой — пшёл вон!

Адамс, не веря ещё в своё счастье, со всех ног рванул к выходу.

* * *

Василия очень сильно повеселила картина встречи Натин с этим надутым индюком-масоном. Ведь было видно совершенно ясно, что Адамс Натин боится до полусмерти.

Сначала даже поразил до невозможности тем, что бухнулся перед ней на колени. Но после, рассуждая здраво, Василий понял, что не трусость вела Адамсом. А патриотизм. Когда речь шла о жизни и спасении Родины, этот «надутый индюк» хоть и с колебаниями, но пожертвовал своим честолюбием. Чтобы услышанное от братьев, дошло до адресата в Англии.

Да. Серьёзная жертва.

Василий посмотрел на хищное выражение лица Натин и поспешил с вопросом. Ведь она присутствие масона явно восприняла как приглашение к веселухе. А нагнать страху на врагов, как оба брата уже знали из расспросов горожан, она никогда не упускала возможности.

— У вас были с этим индюком стычки? — спросил он у Натин на санскрите.

— Не просто стычка! А целое сражение! Он думал, что напал на дурочку, которую можно запугать и подчинить. Причём сдуру, решил, что я одна и из страны, что находится под патронажем Британии. А раз так, то ему всё дозволено.

— Полагаю, что все присутствующие при этой дискуссии, от души получили по

ушам... — заметил Василий.

— Так и было! — ухмыльнулась Натин. — Но что он делает сейчас и здесь?

Василий развёл руками.

— Очень скверные новости. Из Англии. Туда, похоже, занесли эболу. Или какую-то ещё геморрагическую лихорадку из Африки.

... Да уж...

...Воистину принцесса...

Натин мгновенно потеряла всякий интерес к «развлекухе» с Адамсом. Да и вообще к самому Адамсу. Лицо сразу же стало суровым.

Шаг в сторону.

И быстрый жест рукой Адамсу: «Проваливай!».

Когда англичанин жёстко протирая стену сюртуком прокрался мимо Натин, та на него даже не взглянула.

— Вы сказали, что в Англию занесли какую-то геморрагическую лихорадку... — Были первые слова Натин, когда Адамс уже убрался. Но речь она вела всё равно на санскрите. — У вас есть сомнения, что это не эбола?

Василий снова развёл руками.

— В Африке много геморрагических лихорадок. И какую именно экспедиция Сесила принесла в Англию, мы, естественно, не можем знать. Для точного определения нужны лабораторные анализы. Мы же — здесь, а лихорадка — в Корнуолле.

— Вы правы. Если в Корнуолл занесли не эболу, а лихорадку Обо... Как вы говорите... всем песец.

Василий чуть не прыснул со смеху. Принцесса очень быстро переняла лексику у братьев. Однако, решил уточнить.

— Это которая...

— Распространяется по воздуху. Летальность около тридцати процентов. Но если лечить. Вирулентность очень высокая. Смерть наступает в течение пяти дней.

Василий, для приличия кивнул. Хотя понял, что это нечто ещё... Из того, что в его родном мире ещё из джунглей не вылезало. Что-то кроме СПИДа, Ласса и Денге.

Григорий зыркнул на Василия, и увидев его «понимающее» лицо, тоже сделал вид, что понял. На всякий случай.

— Она там в джунглях и сидит, потому, что заболевшие просто не успевали добежать до населённых пунктов. А если добежали... Там больше никто не живёт. — добавила Натин.

— Н-да! — поморщился Григорий и саркастически заметил: — «Кто ищет, тот всегда находит». А эти господа очень уж упорно искали неприятности на свои сидалища.

— И, что характерно, поступили вопреки многократным и ясным предупреждениям о смертельной опасности. — тут же добавил Василий. — И что делать нам, совершенно неясно. Даже если мы туда рванём, в Англию, то ничего не изменим.

— Почему? — вяло поинтересовался Григорий.

— Хотя бы потому, что для них мы пришельцы. Не англичане. А тот, кто сейчас паникует, он не самая толстая лягушка на болоте. От него мало что зависит.

— От разведки? — удивился Григорий.

— К сожалению, здесь и сейчас — да.

— То есть, развитие эпидемии надо ожидать за пределы Корнуолла? — уточнила Натин.

— Пожалуй... да! И нам остаётся только искренне надеяться, что привезли не лихорадку Обо. Что это всё-таки эбола.

— Тогда надо ожидать... — стала клонить свою линию Натин.

— Дикой паники в Европе. Особенно, когда в Англии вымрет парочка населённых пунктов. — заметил Василий. — И от паники может погибнуть ещё больше людей, нежели от самой эболы.

— Есть возможность на этом сыграть? — неожиданно спросила Натин.

Реплика была не только неожиданная, но и крайне циничная. Впрочем... Чего ещё ожидать от прогрессора! Она сама говорила, что ситуация в ЭТОМ мире катастрофичная до фатализма. Так что в какой-то мере её реплика была закономерная. Использовать любые возможности, чтобы спихнуть цивилизации Земли, по её словам с совершенно гибельной траектории.

— Пожалуй да. — Заметил Григорий. — Но над этим надо очень хорошо подумать.

— Кстати, вы, что-то нашли в Германии? Из того, что хотели найти? — поинтересовался Василий. — Что можно было бы использовать...

Натин тут же надулась от гордости.

— Да! Нашла! И это можно очень хорошо применить для того, чтобы изменить некоторые теории общественной эволюции.

— Относящиеся к революциям? — тут же смекнул Василий, так как именно это предполагал.

— Да. Если подать эту информацию в нужном контексте, то это может сильно ударить по уверенности... Уверенности европейцев... и не только европейцев, что их путь единственно верный. Но не только единственный. Что вообще то, что они делают необходимо для прогресса человечества.

Оба брата были сильно заинтригованы. Впрочем, каждый по-своему.

— И что же это?

— В конце их средневековья, в Германии, норма потребления мяса была очень высокой. А это значит, и вообще питание.

— Сколько?

— 100 килограмм на человека в год. По их хроникам.

— Но...

— Дальше, при построении капитализма, вся система производства продовольствия была сломана. И восстанавливалась очень долго. До сих пор тот уровень потребления продуктов питания не восстановлен. В Англии — возможно и восстановлен, так как там очень большой поток из колоний. И денег и продуктов.

Когда Натин это говорила, вид у неё был явно победный. Потому Василий далее даже не пытался её прерывать. А она двинула туда, что было по её мнению как раз необходимо.

— Если это прямо сейчас опубликовать, то возникнет закономерный вопрос: а стоило ли ломать благополучную систему производства продовольствия? Для чего ломалось? Чтобы кто-то получил больше денег? Но и это не самое главное! Возникает серьёзное подозрение, что для реального прогресса, который заявлен этот самый капитализм вообще не нужен. Ведь чисто логически: зачем было ломать сельское хозяйство? Зачем было делать хуже? Ведь явно в перестройке нуждался совершенно иной сектор экономики. И тот тип отношений, что возник в сельском хозяйстве, явно регрессивный.

Василий сохранил спокойное выражение лица, пока Натин выдавала сию рацею. И как

бы она ни выглядела дико, но всё-таки он понимал что перед ним сидит студентка из университета.

Причём цивилизации, которая далеко обогнала их.

И чёрт его знает, что у них там за теории есть, если они поднялись, а вот мы... Ну не будем уточнять где... Так что делать круглые глаза и отвешивать челюсть было тут для Василия неуместно.

Если бы Натин смотрела в это же время на Григория, то как раз ту самую перекошенную физиономию и увидела. Для Василия, то, что она рассказывала, было не настолько неожиданно, как для его брата. Ведь о чём-то таком он уже откуда-то слышал.

То ли на форумах болтали, то ли в статьях кто-то заикался, то ли её где-то. Тем не менее, был некий намёк на исследования, которые были бы выполнены в этом мире, но лет эдак через семьдесят-сто. С аналогичными результатами.

Также как и исследования крестьянского, некапиталистического хозяйства, которое оказалось, как-то ну очень сильно не укладывающимся в существующие теории и представления о «прогрессивности».

Так или иначе, но то, что «принесла на хвосте» Натин, стоило осмыслить как-то более отдельно. Поэтому Василий поспешил закруглиться. Однако, это было далеко не всё, что принцесса-студентка откопала. Таки упомянула «Экономические тетради» Маркса.

За раз потрясений было многовато...

* * *

Когда Натин ушла, вся из себя довольная, Григорий напал на братца. С вопросами.

Но ответов у самого Василия не было.

— Чем больше мы тут живём, тем большим лохом я себя ощущаю! — выдал Григорий по поводу информации Натин. — В пору сказать: «Ясно, что ничего не ясно».

— Не ты один — отметил Василий. — И что стало нам сейчас ясно, у нас было не понимание, а иллюзия понимания происходящего.

— А у «нашей Наташи»? — ядовито поинтересовался Григорий.

— Я думаю, что Натин имеет какую-то теорию. И ей следует, изыскивая подтверждения для неё.

— Поступает также как ты с местными физиками. — подначил Григорий.

— Да. Не ожидал я оказаться в их шкуре!

— Но у тебя хотя бы какие-то намёки есть? А то я нифига не понял. Нам в школе совершенно иное трюндели.

— Я тебе как-нибудь подсуну трактат Куна. — загадочно кинул Василий, но тут же сменил тему.

— Как я помню, из интернетовских баталий — продолжил он, — в нашем мире была буза, насчёт того, что Ленин объявил крестьянство «буржуазным классом». Это, «по теории» означало, что рабочий класс должен устроить революцию, попутно задавив крестьянство в его «буржуазных поползновениях». То есть, «по теории», крестьянство получалось врагом рабочего класса. Однако, после, к 1911 году он поменял свои представления о нём. И выдвинул другой тезис — о союзе крестьянства и рабочего класса. Этот союз и победил... Я это вот так понимаю. Может быть...

— Ты хочешь ускорить эволюцию идей? А нафига? — не понял Григорий.

— Дело в том, брат, что голая сила революции не делает. Революции делают Идеи. Идеи овладевшие массами. И эта идея союза — одна из ключевых для успеха революции.

— Но она «противоречила Марксу» — догадался Григорий.

— Да. И вот почему Ленин такой вывод сделал, нам надо срочно разбираться. Прямо сейчас.

— А что будем делать с той инфой из Германии? С хрониками?

— А чёрт его знает!!! — изумлённо развёл руками Василий.

Информация, пришедшая из Германии выбила из колеи гораздо больше, нежели происходящее в Англии. Она была из той категории, что напрочь ломала прежние представления о действительности. И как её вписать — был вопрос ещё тот!

Но... Этих вопросов было не избежать.

Не война людей и техники делает революции. А война Идеи. И только отсутствие этих конструктивных идей по выходу из кризисов приводит к бесконечным войнам и, в конце концов, гибели государств и целых цивилизаций.

Эта мысль для братьев была нетривиальной.

Впрочем... Для кого она вообще является тривиальной сейчас и здесь? Да даже через 100 лет в 21-м веке?

— Остаётся одно. — после раздумий утвердил Василий. — Разбираться во всём отбросив всё, что мы до этого «как бы знали». Ленин разобрался? Сталин разобрался? Нам тоже это предстоит.

— Ты это уже говорил. И не раз. — буркнул брат.

— Ото ж!

Глава 25

Не бейтесь головой об стену! Вы мешаете спать соседям

В марте стало известно, что Великий Князь Александр Михайлович стал шефом создаваемого Императорского военно-воздушного флота. Чего его принесло из Совета по делам торгового мореплавания было не очень ясно. Впрочем... Скорее всего Великий Князь учуял в новом деле великие перспективы. Чем это грозит стало понятно сразу. Авиация в России стала развиваться не в пример быстрее, чем ранее.

Ранее, всё, что делалось в этой области, висело на братьях Эсторских. Но с получением господдержки, в лице Великого Князя, многие вещи стали делаться и проще, и быстрее. К тому времени уже вымостили длинную бетонную полосу для полётов первых «аерпланов», «самолётов» и вообще «пепелацев».

Дело было за этими самыми «самолётами-аерпланами-пепелацами». А вот с последним было туго. Братья вцепились в свой «пепелац» мёртвой хваткой и, почему-то к его конструктивным решениям никого близко не подпускали.

Конечно, конструкцию крыла и некоторые внешне, хорошо видимые части, скопировать для энтузиастов не представляло большого труда. Но вот двигатель...

Как только началось какое-то серьёзное «копошение» вокруг их детища, Василий постарался напустить как можно больше туману. Тем более что вокруг них вились не просто стаи, а до неприличия многочисленные полчища разных тёмных «любопытствующих личностей». Многие из них даже не скрывали свой дикий иностранный акцент.

Григория последнее обстоятельство сместило донельзя.

Он быстро выстроил против этих хмырей вполне себе приличный заслон из своих «молодцев», так что «любопытствующим» оставалось лишь издали щёлкать клювами.

Бензиновый двигатель, что начали производить на «Экипажной фабрике Брезе» (которая уже грозилась быстро перерасти в «Авиационную фабрику»), Василий преднамеренно сделал жутко примитивным. С кучей таких «встроенных дефектов», что было загадкой, как он вообще работает. Впрочем, для начала ему вполне хватало чтобы двигатель имел ресурс в 10 часов. Замена изношенных деталей не была проблемой и это компенсировало быструю изнашиваемость. Но зачем он это сделал, было известно только ему и Григорию.

Сначала эти двигатели ставились на «самобеглые повозки», что производила «Экипажная фабрика». Некоторые нововведения, что пришли от Василия на эту фабрику, значительно, в разы, снизили стоимость продукции. Но всё равно такие машины оставались изрядно дорогими, что делало их исключительно понтами сверхбогатых.

И тут на сцене появляется Великий Князь.

Ясно дело, что ему тут же подогнали «исключительный» экземпляр авто «в подарочном исполнении». Объяснив попутно некоторые «технические особенности» в виде недолговечности двигателя. Совместив всё это с авиацией, подвигли на увеличение ассигнований. Прошло это, как по маслу.

Но помня какими «высокими качествами» обладали Великие Князья, братья лишь мрачно усмехнулись. Попил бюджета не при Ельцине изобрели. Тем не менее, прибавка к

ресурсам на развитие была всё равно существенная.

Дальше пришлось объяснять, что мотоделъттаплан как модель штука абсолютно бесперспективная. И если необходимо сделать что-то реально боевое, грузоподъёмное, то надо делать самолёты совершенно иной конструкции. А для этого нужен штат инженеров-изобретателей, исследовательские, опытно-конструкторские работы и мастерские.

Но что же братья немедленно закинули как «перспективное направление»?

Когда Василий предложил эту модель, Георгий сначала отвесил челюсть, а когда братец ему объяснил подоплёку просто долго ржал.

Когда же Василий вдобавок показал свою энциклопедию с биографией первого авиатора России — Ефимова злобно оскалился и с предвкушением стал ждать.

Великий Князь «не разочаровал». Скоро, самолёты, в которых житель 21 века и нашего мира мог бы узнать первые «Фарманы», стали производиться... в Англии.^[30] В России же, данная «модель» была произведена в количестве один шт., произвела полётов в количестве 10 шт. и прочно стала на вечный прикол в формирующемся музее. Сформированной с бору по сосенке группе инженеров объяснили что и как, и они приступили к тому, на что и были предназначены — изобретению новых самолётов. Причём сразу же следующего поколения.

И такого «уёжища» как «Фарманы» уже никогда и нигде в России не производилось. Однако, что серьёзно напрягало, это то, что большинство работ шло через шаловливые ручки Великого Князя Александра Михайловича. Так что продолжения переправки технических и технологических новинок наглам можно было ожидать как восхода солнца. Т. е. неизбежно.

Но и играть в стиле, который они уже провернули с «Фарманом», (который ясное дело в этом мире и в этом времени «Фарманом» не назывался, а назывался «опытная конструкция N1»), уже нельзя было. Повтор уже наводил бы на серьёзные подозрения. Таким образом у братьев тут же появилась новая «головная боль»: как прекратить или серьёзно притормозить паразитирование Англии на достижениях России.

Выход был один. Подгрести всё производство под себя, да так, чтобы можно было наложить на всё что делается завесу «коммерческой тайны». А Великому Князю продавать уже готовые самолёты. Однако, не тут-то было! Всё равно значительная часть технических новшеств, уплывала за моря.

Немцы, озаботившись развитием престижных направлений техники, вообще-то честно купили чертежи уже «модели N2». возможно оценив изящество операции по «накалыванию» англичан. Впрочем, англичане, так или иначе не много потеряли. Начать Дело им вполне хватило и с той самой «этажеркой номер один». Ведь летает фиговина! А то, что у неё аэродинамика и управляемость «чуть лучше булыжника» — это уже преходящие трудности.

Чуть лучше ситуация обстояла в области лекарств. Тут уже Григорию удалось «закрыть» всё, до чего смог дотянуться. И «мерзкая шпийёны» только облизывались издали.

Также немалую роль сыграло то, что сразу же роганивар-пенициллин восприняли как полностью синтетический препарат. Попытки синтезировать его, естественно, могли занять не одно десятилетие и вылиться в большой пшик. Даже уже по готовым структурным формулам.

Причём, что собственно смешно было, синтезировать его, возможно смогли бы и за несколько лет, но вот поиски «ноу-хау», то есть как быстро и дёшево его синтезировать, могли растянуться до бесконечности.

Кстати же, появление роганивара в «дикой России», Европа восприняла как ничего не значащее событие. То есть, как обычно. Пришлось пробивать эту стену.

Тем более, что братья быстро обнаружили, что основной рынок сбыта лекарства лежит не в России, а именно в Западной Европе. По причине тотальной бедности самой России. Рынок Западной и Центральной Европы превосходил Российский в этой части, в десятки раз. Единственный способ повысить «ёмкость» Российского, заинтересовать его, могло лишь серьёзное снижение стоимости препарата для внутренних потребителей.

Но! Всё это дело, не начавшись чуть не разбилось о тотальный пофигизм. Как на Западе, так и в России. Ну не воспринимался роганивар как суперлекарство и всё! Нигде не воспринимался!

Да, определённая слава нарастала, но она, во-первых, не вышла пока за пределы Санкт-Петербурга, и во-вторых, за пределы очень узкого слоя общества. В сущности, о лекарстве были лучше всего осведомлены именно врачи.

Вот через них Василий, и толкнул рекламу товара. Как по России, так и в Западную Европу. «Хвостом» прицепили к этой рекламе ещё и рекламу нейролептиков.

Вполне естественно, что через газеты такую рекламу толкать было бесполезно. Там было засилье разных шарлатанов. И отмывать себя, и препарат от их сомнительной славы, было и долго, и не рационально. Поэтому основная реклама пошла через коллег-врачей, коллег-учёных. Как сухое, почти что академическое, описание препарата со статистикой выздоровевших, со схемами применения и описанием действия.

Вот тут-то и проняло «просвещённую Европу». Закопошились концерны, специализировавшиеся на производстве лекарств. К братьям, тут же заслали каких-то ну совершенных лохов, для «переговоров» по покупке технологии получения лекарства. А так как руководство, которое засылало эмиссаров не вчитывалось в то, что писалось в описаниях мелким шрифтом, то и не поняло с кем придётся иметь дело. То есть они подумали, что будут иметь дело с полунищими и зачуханными представителями классического русского научного сословия, которые согласятся почти «за спасибо», за обещание славы, на демагогии о «великом и всеобщем благе», отдать технологию.

Когда первые эмиссары добрались до братьев и они слышали «условия», то чуть не померли со смеху. Но потом... Когда эти «предложения» и увещевания стали множиться и повторяться, они озверели.

Григорий даже вывесил на двери их учреждений издевательское объявление вида: «Коммивояжёрам и прочим собакам вход воспрещён». Но, сии эмиссары не сдались. Зашли с другой стороны. На них начали давить разные ушибленные «гуманизмом» представители интеллигентского сословия.

Пришлось им объяснять «на пальцах» кое-что. А именно то, что в определённых условиях, лекарство такого класса становится оружием. Причём тем оружием, которое есть и у противника с БОЛЬШИМИ производственными возможностями, равно одновременному и постоянному прибавлению в количестве войск. Причём не маленькому.

Также, некоторым «под большим секретом» объяснили, когда смертельная бацилла превращается в оружие нападения. Многим очень сильно «сплохело». Особенно, когда они сопоставили с текстами одной, очень известной книги.

Как раз подоспела в Англию эбола.

Григорий, услышав от Адамса печальную историю с крейсера «Талбот» и экспедиции в Африку, не преминул воспользоваться этой информацией.

Сначала, через анонимные источники, он запустил в европейские газеты информацию, что якобы, Англия пытается заполучить эболу как оружие. И что предупреждение,

содержащееся «в, как оказалось насквозь, правдивой книге „Бриллиантовый заложник“», не возымело действия. А предупреждение ведь было вполне конкретное: приручить вирус — невозможно. Он слишком изменчив. И сделать под него лекарство невозможно в принципе. И всё потому, что пока будет сделано лекарство против одной разновидности, уже в ходе эпидемии появится другая, резистентная к тому лекарству.

Конечно, в этом был изрядный подгон, но что-то надо было делать с идиотами. Да ещё и совместить с распространением вполне конкретного знания.

Главным было предупреждение что если в наличных условиях вирус вырвется из лаборатории — это будет концом цивилизации.

Манагеров европейских фармакологических концернов, фирм и фирмочек, таки проняло. Цена за технологию роганивара резко подскочила. Но даже то, что предлагали, было просто издевательскими грошами «на нищету». Выходило, что пребывающая в отрыве от реальности элита, коммерсанты и менеджеры корпораций, просто не понимали элементарного. И не считали «каких-то славян» вообще за людей. То, что эти «славяне» были как бы Эсторские, про которых уже шла слава что они, якобы Древние, до них не дошло вообще. По простой причине — они «умных книжек не читали». А поэтому, газетные утки насчёт Древних они не воспринимали совершенно. Даже предположение, что Эсторские, это просто замаскировавшиеся европейцы, до них либо не доходило, либо доходило с трудом, либо воспринималось из цикла «им же хуже».

А в Англии, меж тем, сами по себе идиотизм и самоуспокоенность достигли катастрофического рубежа. Келл, который пытался, используя братьев как консультантов, подвинуть своё начальство на предотвращение эпидемии, потерпел фиаско.

Все его панические депеши, доклады, меморандумы и прочие заходы, просто игнорировались. Причём, что особо смешно, они игнорировались именно под тем соусом, что «пропал крейсер „Талбот“!!!». Поиски крейсера полностью заслонили угрозу уже нависшую над Корнуолом и смежными графствами. А всё потому, что никому из высокосидящих задниц не было никаких дел до проблем «быдла», «простонародья».

Попытки убедить другие ведомства, привели лишь к слабому шевелению, ограничившемуся посылкой нескольких чиновников «для выяснения обстоятельств» и письменными «руководящими указаниями», которые по сути своей ни к чему не обязывали.

Меж тем, полиция таки выловила активно бегающих и прячущихся от неё моряков с «Талбота». Естественно, что попались наименее расторопные и глупые представители экипажа. И вот тогда, с их допросов всплыло то, о чём предупреждал майор Вернон Келл.

Чиновники от полиции просто послали свои отчёты письмами в «заинтересованные инстанции». И на этом посчитали свои обязанности исчерпанными.

Адресаты получили письма, прочитали, и кто-то таки вспомнил «неуместные и паникёрские» письма «какого-то майора из разведки».

Сопоставили.

Забеспокоились.

Но было уже слишком поздно.

«Странная болезнь», которая появилась в Корнуоле и Девоне, косившая простонародье, медленно но верно приобрела такие масштабы, что... Кому-то из адмиралов, профукавшему откровенное предупреждение, стоило бы застрелиться.

И вот тогда, когда уже давно нужно было принять меры, началась беготня. Подняли рапорты Келла, подняли доклады полиции из Корнуолла, подняли всё, что только

относилось к этому же. Вытащили каких-то частнопрактикующих врачей, кто уже видел заболевших или даже пытался их лечить.

Сначала подумали, что это чума. Каким-то невероятным образом прорвавшаяся сквозь кордоны и заслоны из Южной Африки. Там как раз наблюдалась вспышка этой болезни. Когда же начали расследование, то выяснилось вообще дикое обстоятельство: на эболу не обратили внимание... по причине того, что это самое внимание было занято как раз эпидемией чумы! И карантинными мероприятиями приходящих из Британской Южной Африки судов. И не обратили ещё потому, что по докладам врачей, наблюдавших симптомы заболевания, она не была чумой. Потому и махнули на эти «мелочи» рукой. Но из Корнуола и, вскоре Девона, стали приходить всё более грозные донесения. Оказалось, что летальность у новой болезни не меньшая чем у чумы. И болеют этой дрянью всё больше и больше людей.

Вскоре, взмыленный и явно «подогретый» сообщениями из Англии, приказами начальства, прибежал Адамс. За новыми консультациями. Братья уже были готовы к «продолжению сотрудничества», так что встретили его во всеоружии. Но и тут их Адамс удивил.

Непонятно почему, но первый вопрос, который вдруг сильно озаботил Британских военных был о... японцах.

— Замешан ли в работах отряда 631 такой японец как Сибасабуро Китасато?

— Никак. — тут же ответил Василий и заинтересовался. — А собственно почему такой интерес к этому учёному?

— Он открыл возбудителя чумы. Он работал со многими очень опасными бациллами и ядами. У вас точная информация на этот счёт?

— Да. Точная. Если бы он был замешан, то он был бы в отряде. Его там не было. Мы это проверили тщательно. — чуть опережая брата ответил Григорий.

— Но работы над чумной бациллой там проводились?

— Да. Проводились. Но предпочтение было отдано «летающему» штамму эболы.

— Почему?

— Сто процентов летальности. А у заболевших чумой всё-таки есть некий шанс выжить. Даже с лёгочной формой.

— К тому же, — перехватил инициативу Василий, — эбола — вирус. А чума — бактерия. Вирус слишком изменчив, и найти против него лекарство, по всей видимости, невозможно. Вакцины на уровне современных знаний получить — тоже нет. Это доктор Исия проверил и удостоверил надёжно.

Адамс заметно погрузнел.

— И всё-таки... Мог ли Китасато как-то быть осведомлён о работе доктора Исии?

— Нет. Проект был сверхсекретным. А Китасато был у всех на виду. Его исчезновение могли заметить и навести на подозрения. Его изначально не собирались привлекать к проекту. К тому же, этот проект был инициирован, как нам кажется, неким высокопоставленным вельможей. Возможно, кто-то из князей. Но мы не уверены. Вообще в Японии очень сильно не любят европейцев. Они их даже называют — гайджин. И то, что часто с японцами европейцы общаются как с собаками, это их исключительно сильно оскорбляет. Слабость Японии их тоже оскорбляет и они усиленно ищут способы подняться вровень с Европейскими державами. Психопаты из отряда Исии — крайний случай. Он был сумасшедшим, как и большинство его подручных. Так что, возможно, к этой афере никто из князей не был причастен.

— Император?

— Не знаем. — развёл руками Григорий. — И поэтому ничего утверждать не можем. Мы их всех убили.

— Но... вы даже их не спрашивали? Не допрашивали?

Василий поморщился. Глянул на Григория и тот ему кивнул.

— Мы не допрашивали. — сквозь зубы и отворачиваясь ответил Василий. — А если хотите знать почему, мы можем ПОКАЗАТЬ.

Адамс, видно даже не подозревал о чём речь. Так как книгу «Бриллиантовый заложник» не читал. Поэтому он даже с радостью и энтузиазмом немедленно согласился.

Григорий поднялся из-за стола, подошёл к полке с папками и вытащил ту, на которой стояли какие-то иероглифы, похожие на китайские. Передал ничего не подозревающему Адамсу. Тот открыл.

Уже на втором листе он тихо сполз под стол. Братья переглянулись.

— Н-да... Некрепкий пошёл англичанин! — саркастически заметил Григорий и тоже вылез из-за стола. За аптечкой.

Василий тем временем, подошёл к столу, закрыл папку и убрал подальше. Там, в папке были фото. Реальные фото деятельности «Отряда 731» реального доктора Исии Сиро. Чёрно-белые. Но и этого хватило англичанину, чтобы его скосило.

Приводили его в чувство долго. И когда таки привели, пришлось вкатить дополнительно ему дозу успокаивающего. После инъекции транквилизатора Адамс уже был никакущий, поэтому отправили его домой.

Но ни на следующий день, ни после Адамс у братьев не появлялся.

— Слушай, брат! А мы не переборщили дав этому масону посмотреть фото? — спросил Григорий.

— Возможно... — задумчиво ответил Василий. — Кто же его знал, что он окажется таким... нестойким и впечатлительным!

— Хм... мне кажется, что всё-таки мы виноваты.

— ?!

— Мы... Точнее наша психика к таким зрелищам уже привычная. После фильмов Голливуда. С зомби, мертвяками и прочими Фреди-Крюгерами. А этот... Он наверняка не участвовал ни в одном сражении. Даже в морге ни разу не был. А тут такой удар по мозгам! Мы всякое повидали. На экранах телевизоров. Да ещё в цвете. Для нас чёрно-белое фото, да ещё и очень чёткое — просто мелочь. А этому — хватило.

— Честно говоря... Те фотки и мне... и для меня... тошнотворные! — Признался Василий.

На четвёртый день пришёл некий денди. С чёткой армейской выправкой. С рекомендациями от Адамса. Назвался полковником. Смитом. Явно под псевдонимом. И похоже кто-то из тех, кто стоит выше Адамса. Из тех, от кого Адамс получал указания и перед кем отчитывался. Но это было неважно. Сразу же по приходу Смит подтвердил цель — продолжение консультаций по эпидемии и борьбе с ней.

И уже с первых вопросов стало ясно, что Адамс мало что вразумительного смог сказать полковнику после посещения братьев. На прямой вопрос Григория — «с чего так и почему пришёл не сам Адамс?» — полковник поморщился.

— После беседы с вами, Адамс не в себе. Так что, извините, господа, но обстоятельства вынудили придти к вам меня. Вместо него.

— Мы понимаем. — благосклонно ответил Григорий. — И готовы помочь, чем можем.

— Кстати, сэр! Адамс говорил, про Договор о поставках роганивара?

— Нет сэр. Но он вёл переговоры с вами?

— Да, сэр. Вёл. И мы согласились поставить партию. Хотя сразу же предупредили... И вас предупреждаем тоже... что конкретно против эболы этот препарат бессилен. Лечить воспаление лёгких, гангрену, гнойные воспаления, вызванные кокковой инфекцией — роганивар может. И очень эффективно. Но против вируса он бессилен.

Англичанин внимательно, надменной мордой выслушал сей пассаж и тут же подтвердил намерения. Василий пожал плечами.

— Можете забрать в любой момент, как только принесёте деньги. — ответил он. Вот счёт за поставку.

Василий открыл лежащую перед ним папку, вынул листок и толкнул его через стол полковнику. Тот остановил его скольжение пальцем, посмотрел на итоговую сумму и безучастно кивнул. Видно всё уже давно было обговорено и он тут только «передаточное звено».

— Но всё-таки, господа, что же вы показали бедняге Адамсу, что он до сих пор не может прийти в себя? — поинтересовался Смит.

Тут уже Григорий вступил в разговор. Усмехнувшись, он, не вставая из-за стола, протянул руку к полке, вытащил ту самую папку и передал полковнику.

— Я думаю, что вы, сэр, имеете более крепкие нервы, чем бедняга Адамс. — многозначительно сказал Григорий. — Тем более, что вы производите впечатление человека побывавшего на полях сражений. И видевшего много чего. Лично. Своими глазами. Непосредственно и на местности.

Смит просверлил своим взглядом Григория. Но тот глаза не отвёл. Даже наоборот, жестом предложил открыть папку и посмотреть.

Полковник медленно перевёл взгляд на папку и таки её открыл. Долго изучал первый лист. Потом, как-то очень осторожно перевернул страницу. Ещё страницу... Ещё.

Бросил взгляд на Григория, на Василия, но увидел лишь лёгкую заинтересованность на их лицах.

Вернувшись к просмотру он как-то нервно пролистал папку. Но каждый лист он изучал внимательно.

— Это Исии? — спросил он однажды показав братьям одну из фотографий.

— Да сэр. — ответил Василий. — Исии Сиро. Проводит эксперимент на человеке Живом. Пока живом. К концу эксперимента подопытный умрёт.

— Но это же... Это же белый человек! — воскликнул Смит.

— За что сэр, полагаю, буры должны иметь особый счёт к Доктору.

— То есть, они его выкрали? — догадался Смит.

— Да. Многие исчезнувшие в Трансваале, и вообще в Британской Южной Африке — их рук дело, а не зубов местных крокодилов.

— Но зачем они это делали? Ведь рядом было много негров!

— Негров они также употребляли для экспериментов. Как лабораторных крыс. Этих негров покупали у окрестных племён. Племена тех негров брали в плен у соседей и продавали Доктору. Обычный бизнес в тех местах.

— Но вы не ответили, почему они крали и белых — не сдавался Смит.

— Вы наверняка уже догадались. — ехидно заметил Григорий. — На белых

испытывались методы заражения болезнями. Ведь применяться то оружие должно было прежде всего именно против европейцев. Они, как истинные исследователи, естественно, проверяли как та или иная бактерия, тот или иной метод заражения будет действовать на представителя расы-цели.

— Но зачем же такие зверства?

— Они не только заражение болезнями исследовали. Они исследовали и другие моменты. Например, как европейцы выдерживают то или иное физическое поражение.

Григорий чуть пододвинулся поближе к полковнику и отлистнув назад ткнул пальцем.

— Вот тут — была испытана ручная граната. Кто-то умер сразу, а кто-то умирал долго и мучительно. В течение нескольких дней. И всё это тщательно фиксировалось учёными «отряда 631». Как умирают, от чего умирают и так далее.

Наверное у Смита всё-таки не выдержали нервы. Он решительно захлопнул папку и посмотрел на братьев. Григорий оценил состояние полковника и невысказанный вопрос.

— Можете взять этот экземпляр. — кинул он Смику. — это копия.

Смит, с трудом сохраняя каменное выражение лица, важно кивнул и на несколько сантиметров придвинул папку к себе. Обозначая согласие.

— Вас наверное мучает вопрос — продолжил наступление на Смита Григорий, — является ли «проект» Доктора Исии единичным случаем и нельзя ли списать всё на то, что он был психопатом.

Смит всем своим видом показал, что сильно заинтересован.

— Могу вас сильно огорчить, сэр: «не является». - продолжил Григорий. У них там, на островах Японского архипелага, всегда не хватало места для проживания. И, естественно, еды. Поэтому отношение к жизни врага там — утилитарное. Только убить. Причём всех. И воина и его семью. Вы, наверное, обратили внимание на фото японца демонстрирующего наколотого на штык младенца?

Смит кивнул.

— Вот я об этом и говорю, сэр.

— Вы как-то спокойно об этом говорите. — высказался Смит.

— А то, что содержит эта папка, — Григорий красноречиво кивнул на лежащую перед полковником. — это сотая доля того, что реально мы там видели. Успели как-то привыкнуть.

— Однако, сэр, в вашей книге это как-то совсем не проговаривается.

— Ауч! Сэр! — вдруг взвился Василий, как будто прикоснулся к чему-то раскалённому. — Как мы могли всё это записать в книгу, предназначенную для массового читателя?! Если вы увидев фото еле сдерживаете позывы к рвоте, то что было бы с бедной Европой, если бы мы описали всё как есть? Все, кто умеет читать лишились бы рассудка. Мы ещё не сошли с ума.

— Вы правы. — Согласился Смит. — прошу меня простить.

Щека у полковника дёрнулась в тике.

Когда замаяли, Смит решил округлить тему.

— Можно ли с японцами договориться?

— Вряд ли. — В академическом тоне ответил Григорий. — Они считают себя даже не богоизбранной, а божественной нацией, у которой все остальные, должны быть в услужении. Как рабы. Не зря у них все окружающие кто не японец — гайджин. Конечно, какие-то временные договорённости вам удастся заключить. Но не более. Они рвутся со своих

островов. И движет ими сильная обида. Они считают себя смертельно оскорблёнными. Со времён адмирала Перри.^[31]

И готовы отомстить. Чего бы им это ни стоило. А кодекс самурая им диктует: победа или смерть. Вот так!

Смит задумался и надолго.

— Но что вы бы рекомендовали делать в этом случае? Ваше мнение.

— Торговать. Но так, чтобы японцы не могли построить себе сильную армию, а тем более сильный флот. Очевидная мера.

После, разговор, как и предполагалось изначально, снова вернулся к эболе. Тут братьям пришлось пересказать все те рекомендации по карантину, что были ими озвучены ранее. И которые для полковника никак откровением не были.

Василий тут осторожно поинтересовался динамикой развития эпидемии.

Эпидемия, хоть и развивалась, но не так быстро как многие опасались.

— Если так, — поспешил успокоить Смита Василий, — это не тот штамм, который вывел Доктор. Иначе бы заболевших было бы в сотню раз больше. Но это, естественно, не повод для вас расслабляться. Карантин должен быть как при серьёзной эпидемии чумы.

Смит, проявив изрядную проницательность при этом поинтересовался

— Не ведутся ли работы по поиску лекарств и от чумы?

На что получил твёрдый утвердительный ответ и заверения, что первые варианты лекарства, убивающего именно бациллу чумы, вскоре поступят на испытания.

— Эти исследования нами ведутся очень давно. И, кстати, то, что мы сказали в книге — тоже правда. Доктор Исии вышел на нас именно потому, что знал о наших исследованиях. И нам очень хотелось бы узнать как. Так что вам, в Англии стоило бы проверить не есть ли там на Островах неких шпионов от Сёгуната. Также и в Африканских администрациях. Лекарство от чумы он не получил. Поэтому он и не смог сделать из неё оружие. У него оставался только один вариант — с пандемией. И с надеждой отсидеться на своих островах пока болезнь не выкосит континенты.

При этих словах полковник как-то ещё более вытянулся в своём кресле. Но вскоре беседа ушла от «происков самураев доктора Исии» и он снова слегка расслабился.

Как ни странно, но разговор про эболу послужил той темой, на которой Смит расслабился. Под конец он весьма оживлённо беседовал с братьями на вполне светские темы. Но, что немедленно отметили братья, в ходе этих ни к чему не обязывающих речей, Смит довольно ловко попытался прощупать братьев и их связи.

Увидев это, Григорий как-то невзначай «брякнул» про «петуха Уинстона и его шпагу». Когда же Смит попытался выяснить кто это, Григорий «легкомысленно» отмахнулся, сказав:

— Ставлю десять фунтов за то, что он нас уже давно и благополучно забыл.

На этом и закруглились.

Когда же Смит ушёл, оба дружно подпрыгнули.

— Есть, есть, есть!!! — размахивая в воздухе кулаками воскликнул Григорий. — заглотив не только с крючком, но и с поплавком!

— Гы! И удочку тоже! — заржал Василий.

— Как ты думаешь, «оговорка» с «петухом Уинстоном» им там шизофрении добавит?

— Обязательно! Но главное... Чую, что Русско-Японской войны НЕ БУДЕТ!!!

— ТОЧНЯК!

Вообще производство стрептомицина, Василий задумал сразу же по приобретении достаточных площадей под будущую фармакологическую фабрику. Но помня что наиболее употребительным был пенициллин, он кинулся делать производство именно его.

Стрептомицин был и есть довольно специфическим лекарством. Если пенициллин убивал так называемые грамположительные бактерии, то стрептомицин грамотрицательные. А в эту категорию бацилл входили такие «весёлые» инфекции как туберкулёз и чума. Особенно чума. И именно в этой специфике, заключалась главная трудность введения лекарства в оборот.

Ясное дело, что после получения достаточных объёмов сего препарата, необходимо было сделать клинические испытания. Но на ком?

Первая категория «подопытных» это, естественно, люди больные туберкулёзом. Но эта болезнь не такая, как например, воспаление лёгких, вызванная «обычными» инфекциями, или та же гангрена. Туберкулёз протекает медленно, лечится часто годами. Поэтому, введение в оборот этого лекарства могло сильно затянуться. Серьёзно помочь могло только какое-то заболевание, которое протекает быстро. Но быстро протекает чума. И на людях сие испытывать — только в условиях реальной эпидемии. А «за эпидемией» ехать далеко. И долго.

Значит, надо было показать эффективность лекарства на животных. Что и было сделано, но только в случае роганивара. На тех же крысах и собаках испытать медикамент в случае воспалений, нагноений и гангрены было вполне реально.

Но тут возникла проблема.

Где проводить эти опыты с той же чумой?

В городе проводить, да ещё таком большом как Питер — сверхопасно. Значит, надо было строить некую лабораторию по испытаниям или искать уже существующую. Вообще хорошо было бы иметь свою, для испытаний других лекарств. Не обязательно от сверхопасных инфекций.

Пришлось снова ставить всех на уши и искать возможности. Возможность эта объявилась в тридцати верстах от Питера. Там быстро приобрели и быстро перестроили — большие достроили — большое каменное здание бывшей помещичьей усадьбы. До морозов уложились. Но после, всё дело чуть не встало. С оборудованием лабораторий, обучением персонала дело сильно затянулось. Ведь лаборатории должны были полностью исключать возможность выхода инфекции за пределы «Центра по испытаниям». Слегка эти процедуры и методы отработали, когда испытывали роганивар.

А вот с чумой... С чумой дело реально встало. Мёртво.

Страшно было.

И не только самому Василию, который первый подал идею. Страшно было и «шефу» этой лаборатории, по совместительству экстраординарному профессору Военно-медицинской академии Николаю Павловичу Кравкову. Но одновременно, сами перспективы, открывающиеся с введением стрептомицина в оборот были настолько серьёзными, что породили сильный энтузиазм среди персонала.

Пока договаривались с «Фортом Александр» где уже несколько лет работала лаборатория по изучению чумы, подспела эбола.

Эбола, которую всё-таки притащили англичане на свою территорию. Несчастье было конечно, большое. И не только для англичан. Разведка работала не только в Англии. Но и в России. Эта самая разведка вполне успешно раскопала что происходит в Корнуоле и Девоне. И доложила кому следует.

Вышесидящие, прочитав донесения, не на шутку испугались. А вспомнив метания «какого-то Кравкова» с чумой, тут же наложили вето на любые опыты с бациллой на крысах и вообще животных. Сотрудники «форта Александр I» сами вышли на производителей попросили на испытания медикамент.

Тут, паника связанная с эболой «укусила» какого-то из высоких сановников, и он попытался даже закрыть исследования в «форте Александр». Пока шла переписка между инстанциями, дело заглохло. Что-то на крысах сделать успели. Общая уверенность, что таки найдено лекарство от чумы было. Но статистику набрать не успели. Да так или иначе надо было переходить на опыты в реальных условиях, в реальных очагах чумы и на реально заболевших. А это ещё больший «геморрой».

Учитывая же известную бюрократию и неспешную переписку между ведомствами сие дело могло затянуться на год-два. Николай Павлович схватился за голову. Но унывать не стал. Стал наоборот ещё более активно пробивать идею экспедиции медиков в Китай, в очаги чумы. Как раз для испытаний того самого средства, которое братья опять не могли никак назвать. Самое дурацкое название, пришедшее им в голову сразу — антипест. [\[32\]](#) Его зубоскалы из лаборантов тут же сократили до «антипа».

Первая партия уже пошла на экспериментальное лечение лёгочной формы туберкулёза. Но и там в клинике туберкулёзников, за неимением более звучного названия продолжали склонять медикамент «Антипом». И медики-скептики, и энтузиасты, посмеиваясь, однако продолжали применять его, в надежде как минимум отдалить страшный конец своих пациентов.

И тут...

* * *

Покрутившись достаточно долго по слякотным улицам окраин Питера, убедившись, что за ним нет «хвоста», Александр вышел, наконец, к неприметному дому. Одной из явок, где последнее время собиралась его группа.

Последний год для Александра прошёл как в угаре. Получение диплома врача Харьковского университета, написание первой философской книги, проскочили как в калейдоскопе. Он каким-то чудом избежал ареста и мыкаясь по явкам и конспиративным квартирам добрался до Питера.

Собственно, он и не планировал никак изначально, попасть именно в Питер. Но так сложилось.

Тут тоже было своё подполье РСДРП к которому, собственно, он сейчас и принадлежал, взяв псевдоним «Богданов». Пока этого хватало, чтобы полиция к нему не цеплялась. Хотя и выглядел он как заправский студент-смутьян. Возможно не цеплялись потому, что косил своей внешностью «под царя-императора» с кем небольшое сходство реально имел. Впрочем, как и многие в империи, кто отращивал бороду клином и не забывал за ней аккуратно ухаживать.

— Моё почтение вам Софья Николаевна! — входя в дом после необходимых процедур сказал Александр. — Как ваше здоровычко? Как племянник? Уже выздоровел?

— Ох! Сан Саныч! Дай вам Бог здоровья и долгие лета! Моё здоровычко — слава богу! А за племянничка вам несказанна благодарность! С того света, почитай, вернулся, вашими стараниями. Лекарство, что вы достали — просто чудеса творит!

Сан Саныч ухмыльнулся в бороду.

— Я искренне рад за вас! — поклонился он хозяйке и тут же спросил понизив голос. — Наши там как... собрались?

— Да-да! Проходите. Уже ждут.

В комнате было довольно темно. И сидевшие вокруг большого застеленного серой скатертью стола люди были слабо видны. Для неспешного разговора не мешает. И когда окончательно стемнеет — вечер уже — тоже не страшно. Но конкретно сейчас для Александра нужно было хорошее освещение. Чтобы видеть лица своих товарищей.

Он поздоровался с присутствующими, подошёл к столу, поставил на стул свой докторский саквояж и зажёл свечу посреди стола. Это слегка заинтересовало присутствующих. Так начинались либо чтения каких-то листовок, либо чтение нелегальной литературы. Но продолжение удивило всех.

Александр вынул из своего саквояжа два объёмистых пакета в которых что-то мелодично звякнуло. Явно стекло.

— Это — роганивар. — указал Богданов на первый пакет. — Свежая партия. Для наших товарищей, кто болен — первейшее средство. Особенно для тех, кто ранен и у него воспаление. Вы знаете, что сейчас, когда люди поняли что это за лекарство, достать его стало довольно трудно. Поэтому — это будет наш запас на чёрный день.

Он отодвинул в сторону первый пакет, и выдвинул на его место второй.

— А вот это, товарищи, лекарство от туберкулёза.

Данное заявление вызвало заметное оживление среди собравшихся. Страшная болезнь косившая многих прошедших тюрьмы. Да и не только их. Её боялись многие. Ибо её диагноз являлся смертным приговором.

— Достал я его под страшным секретом. Прямо на фабрике. Как — не спрашивайте. Но, надо отметить, и оно тоже лечит. Не так быстро как роганивар воспаление лёгких, но лечит. И ещё... Как мне объяснили, это лекарство лечит чуму. Не только туберкулёз.

— И... как лечит? — почти с опаской спросил один из присутствующих.

— Если заболел и тебя начали лечить этим лекарством — скорее всего выживешь и выздоровеешь. Шансы помереть, один к десяти. Смею заметить, что если не лечить всё наоборот: шансов выжить один к десяти.

— Серьёзно немчура работает! — подивились собравшиеся. — Это всё те же Эсторские?

— Да они.

— И к чему речь товарищ? Намечается поездка в края где чума? — задал вопрос один из тех, кто выглядел старшим.

— Почти. — загадочно обронил Александр улыбнувшись в усы.

Последнее заявление ещё больше заинтриговало.

— Дело в том, что я предлагаю помочь этим буржуям.

— Эсторским?

— Да. Дело в том, что царизм душит все научные исследования. А братья как раз

учёные. Не только фабриканты. Они сделали лекарство от чумы. Они также сделали роганивар и лечили бесплатно многих бедняков. Своих рабочих они лечат именно бесплатно. Всегда. Да ещё говорят, что государство должно оплачивать лечение бедняков.

— Во как! — ухмыльнулся старшой.

— Но есть болезни, когда хочется того или нет, государство обязано оплачивать лечение. Иначе вымрут и бедняки и богатеи.

— Догадываюсь... — снова ухмыльнулся старшой. — Это чума. Да?

— Да. Чума. И для того, чтобы начать производить лекарство, нужно, чтобы оно прошло испытания. На человеке. Если сейчас будет начат выпуск этого лекарства, то можно будет спасти тысячи жизней трудящихся. Как у нас на юге, так и в Китае.

— Не пойму куда клонишь... — обеспокоился старшой.

— Сейчас поймёте. — почти отмахнулся Богданов.

— Бюрократы сейчас ставят палки в колёса испытаниям лекарства. Но если у них будет результат — вылеченные люди от чумы, да ещё живые — лекарство сразу пойдёт в производство. А раз пойдёт в производство, будет спасено множество жизней людей, которые бы иначе умерли.

— Что предлагаешь?

— Я предлагаю пройти это лечение. Привить на себя чуму и вылечить себя новым лекарством. Естественно под наблюдением врачей, которые зафиксируют результат.

— Но зачем нам помогать фабрикантам?!!

— Вы забыли, что некоторые из вас сильно интересуют полицию. Если вы станете героями, про которых расскажут газеты, ваш арест сильно ударит по царизму. Да, чума — это смертельный риск. Но в глазах народа люди, пошедшие на смертельный риск, за народ кем будут? Вот то-то! И если они будут видеть как мы рискуем за них, то они и больше слушать нас будут.

Дальше была длинная и жаркая дискуссия. Но хоть и медленно, собравшиеся склонялись к мнению Александра. Наконец, увидев, что уже мало кто колеблется, Богданов поставил вопрос ребром.

— Итак, товарищи, кто со мной? Кто сейчас откажется — не осудим. Риск действительно смертельный.

На минуту повисла тишина. Наконец поднялась одна рука, за ней другая и почти одновременно ещё трое подняли руки в знак согласия.

— Значит, нас семеро. — заключил Александр.

— А кто седьмой? — оглянувшись по сторонам спросили присутствующие.

— Врач форта.

* * *

Василий метался по кабинету не находя себе места.

— Твою ж мать!!! Ты представляешь, кого мы упустили?!! И ты говоришь Богданов работал в нашей лаборатории уже полгода?!!

Григорий виновато сопел. Прокол был его. Но и просто так сдаваться он не собирался.

— Он представился врачом. Наши умники его проверили. Действительно врач. Ну и... оставили работать. А то, что это тот самый... Ведь он имел документы не на Малиновского

Александра Александровича а на Богданова, да ещё и чёрт его знает кого из какой-то тьмутаракани. Да сам посуди — сколько в России Богдановых?

— Ладно! Замяли! Не это сейчас важно... Важно что делать с этими мурзиками. Вед они конкретно себе поприживали чуму. У всех симптомы. Хорошо, что ещё только в начале. И хорошо, что не в лёгочной форме.

— А что там с лёгочной формой? — заинтересовался брат.

— Если лёгочная форма — это песец. Даже наше лекарство тут не поможет. Болезнь слишком суровая. Убьёт почти сразу. Под конец эти ребята лёгкие свои выплюнут пополам с кровью.

— Фу! — фыркнул Григорий. — Спасибо! За натурализм!

— Пжалста!

— Э-э... А всё-таки, чем тот самый Богданов знаменит?

— А ты разве не знаешь? Не читал в энциклопедии?

— Нет, не добрался. Как-то другими делами занят был. Налаживанием охраны, сыскного дела, обучением пилотов... Ведь из нас двоих только я на «серьёзных еропланах» летал... А не на пепелаце типа «мотодельтаплан».

На брата этот пассаж особого впечатления не произвёл. Он продолжал метаться с очень кислым выражением лица. И далеко не сразу ответил.

— Он в будущем будет членом ЦК ВКП(б), крупным учёным, создателем такой науки как тектология, во многом предвосхитит кибернетику. Будет главным теоретиком-оппонентом Ленина. И... в 1907 году у нас он написал фантастический роман о полёте на Марс. «Красная звезда». А после роман про социалистическое общество на Марсе и его инженере — «Инженер Мэнни».

— Ну нифигассе перец! — поразился Григорий. — Да, если такой помрёт, — это будет очень большой потерей.

— Но если выживет его можно будет удержать от другой ошибки — от которой он реально в двадцать шестом году лапты склеил.

— Чё, расстреляли?

— Нет. Я же говорил, что он был учёным. И сделал институт переливания крови. Изучали что и как делать. Но один раз он поставил эксперимент на себе. Не знали тогда, что кровь делится не только по группам, но и по резусу. Короче... капец мужику настал безвременный.

— Ну... Если он такой безбашенный был... Не удивительно, что его и сейчас во славу науки понесло прививать на себя чуму и выступать в роли подопытной крыски.

— Я им на Котлин уже отправил схемы лечения и всю наличную партию стрептомицина...

— ...«Антипа»! — тут же «поправил» его братец.

— Не важно! — отмахнулся Василий. — Остаётся только надеяться... А там на Котлине сейчас уж поверь — Содом и Гоморра. Начальство рвёт и мечет. Не знает кого гвоздями к воротам прибить... В виду того, что главный виновник валяется в жару вместе с остальными... камикадзе!

Это как в «законе подлости»: если всё хорошо, то на серьёзные предупреждения о надвигающейся беде никто не реагирует. Или когда предлагается что-то что, что может спасти — тоже в игнор пока беда не грянет. Когда часто уже поздно.

С лекарствами «от Эсторских» сработали все эти механизмы, плюс то, что благодаря шумной деятельности, эпатажному поведению, большинство учёных их не воспринимали всерьёз. Даже полёт самолёта восприняли как «повезло дуракам».

А уж когда они начали деятельность в области вообще неожиданной, которая совершенно не укладывалась в ранее формирующийся образ эдаких богатых повес, развлекающихся распространением басен, то тут их вообще списали в шарлатаны. Именно так, как шарлатанов, восприняла их «официальная медицина» когда они предложили миру роганивар. А появление стрептомицина, под названием «антип» вообще породило кучу анекдотов.

Впрочем, свою нехорошую роль сыграла и обычная инерционность мышления. Даже здоровый скептицизм с осторожностью. А напор со стороны братьев, на учёное сословие был, по тем временам, просто бешеный.

Это братья привыкли жить в стремительном темпе двадцать первого века. Где от сообщения о новшестве до проверки его, часто проходили считанные сутки. И это было нормой, при современных-то, лабораториях.

Но в конце девятнадцатого века жили не спеша. И от появления сообщения о новшестве, до реального подтверждения что новшество не пшик, не ошибка и не очередное мошенничество шарлатана, часто проходили годы. Потому и получалось, что Василий, весь из себя такой довольный результатом, начинал кампанию по внедрению, а встречал глухую стену непонимания, недоверия и скепсиса. По тем временам, стоит повторить, вполне нормальную. А если учесть вал откровенного шарлатанства, то и вполне оправданные скепсис с недоверием.

Но, так как братья торопились, это приводило лишь к ещё большему скепсису с недоверием и сопротивлению. У них постепенно создавалось твёрдое ощущение, что они бьются в глухую стену.

Фармаколог Кравков, когда узнал, что братья делают лаборатории по испытанию лекарственных средств, также поначалу отнёсся к этому как к блажи сверхбогатых меценатов. И был готов работать, отблагодарив братьев за создание лабораторий. По своим методикам (кстати говоря очень продвинутым на тот день) и со своими лекарствами.

Но когда он увидел реальную работу, и те самые лекарства, которые его же коллеги уже успели обсмеять, его изумлению не было предела. И это изумление только множилось.

Это с его подачи, роганивар, ранее игнорировавшийся коллегами и практикующими врачами, наконец-то получил тот толчок в жизнь, который был необходим. Пошли публикации с таблицами и выкладками врача частной больницы при заводе братьев. Те самые, где в сухой цифири показывалась эффективность медикамента. Где показывалось разительное отличие протекания болезней без применения роганивара и с его применением.

А уж когда появился «антип»...

Вообще, идея испытания препарата на чуме его действительно сильно испугала. У него был ещё серьёзный осадок на душе от «экстравагантного» поведения братьев. Он реально боялся, что по дилетантизму или шапкозакидательству братья наделают фатальных ошибок и страшная болезнь вырвется на свободу. Даже при том, что возможно, то лекарство будет эффективным.

Но опять-таки... Сильный скепсис: а вдруг с роганиваром им повезло, а этот новый — пустышка? Тогда эксперимент с чумой вполне может вылиться в настоящую катастрофу.

Следовало быть очень осторожным. И ситуация на его взгляд, с его стороны, со стороны уже опытного фармаколога, выглядела совершенно иначе, нежели со стороны братьев.

Братья хорошо знали, что стрептомицин, названный здесь «антипом» действительно лечит. И туберкулёз и чуму. Но этого местные учёные не знали. И это им надо было доказать.

Доказать даже такому энтузиасту и профессионалу как Кравков.

Николаю Павловичу тоже хотелось, чтобы те дифирамбы, что «напел» про новое средство Василий, оказались реальностью. Но для того, чтобы медикамент пошёл, надо было соблюсти кучу формальностей. И таких, которые совершенно необходимы. Не «для бумажки». Для дела.

Поэтому, настроившись на длительную и кропотливую работу, он начал подтягивать своих коллег. Он знал кому и что надо сказать. В военно-медицинской академии же работает! Поэтому пошёл сразу к начальнику — Пашутину Виктору Васильевичу.

Сей славный начальник, был также весьма серьёзным учёным сделавшим немало открытий и изобретений. В частности, именно он спроектировал, предложил тот самый противочумный костюм, что применялся в «Чумном форте» на острове Котлин. Фактически Пашутин был основателем такой науки как патофизиология. Так что человек он был более чем серьёзный и знающий. В отличие от разных прочих бюрократов-сановников, что сидели по кабинетам выше него.

— Виктор Васильевич! Я Вас очень хорошо понимаю, что доверия к братьям Эсторским по причине их литературных изысканий и дикого поведения, мало! — убеждал его Кравков. — Но ведь роганивар наши медики уже оценили как исключительный. Далее, смею отметить, успехи в применении аминазина в клиниках Санкт-Петербурга. Он реально лечит психические заболевания. Насколько серьёзно лечит, правда... Это ещё рано говорить. Надо подождать когда и в нашей академии его испытают в отделении психических... Но речь идёт о средстве, которое... Я не побоюсь это сказать, действует на грамотрицательную микрофлору! Ведь сколько мы уже теряли пациентов: сделали успешную полостную операцию, всё, казалось бы хорошо, но перитонит и... смерть! И часто как раз по причине инфицирования грамотрицательной микрофлорой!

Начальник, мерно вышагивающий по своему кабинету остановился и пристально посмотрел на Кравкова. Нахмурился. Покрутил ус и пригладил свою обширную лысину.

— Я понимаю, что вы пришли ко мне за разрешением на клинические испытания. Так? — спросил он у профессора. Вопрос был излишним, так как изначально фигурировал в рапорте. Однако, как и в своё время Кравкова, Пашутина сильно нервировала скандальная слава Эсторских. Не способствующая доверию.

— Да так. Средство, имеющее название «антипест». Это предварительное название.

— Даже так?! — хмыкнул начальник академии. — Впрочем, замах правильный. Всё-таки чума из той категории заразы.

— И я пришёл потому, что надо бы поторопиться с этими испытаниями. А то эти братья, боюсь, наделают глупостей. А с чумой и вообще подобными заболеваниями — не шутят.

— Они хотели делать опыты с заражёнными животными?

— Да, Виктор Васильевич. Я отговорил, указав, что на то есть «Чумной форт».

— А там что ответили? — Пашутин уже пристально смотрел на Кравкова.

— Там... Удалось уговорить взять. Но эта история с эболой в Англии наделала много шума в верхах... — Кравков — бросил многозначительный взгляд на потолок — и им запретили временно производить опыты. Так как там проводятся опыты по производству вакцин, полностью остановить нельзя. Но опытами с заражением чумой на крысах и собаках, пришлось пожертвовать.

— Могли бы сразу начинать с перитонита! — внезапно усмехнувшись бросил Пашутин. — Если хотя бы часть того, что вы мне наговорили про этого «Антипа» правда уже кое-что. Если удастся хоть что-то против перитонита найти — этим братьям я сам, за свои деньги, памятник в полный рост поставлю. При жизни. А о роганиваре легенды... я уже наслышан. По городу только о нём и болтают.

— Это не легенды... — начал было Кравков, но был прерван Пашутиным.

— Я читал статьи того доктора. Поэтому готовьте документ... По всем медикаментам, что наработали эти Эсторские. Будем проверять. Срочно. Если ещё и гангрену...

— Уже готов! — подпрыгнул Кравков и подал папку, которую до этого нервно сжимал в руках.

Но Пашутин не успел её взять. В кабинет влетел секретарь. С круглыми глазами и бледным от страха лицом.

— Э-э Господа! Беда! В городе чума!

— Эт-то ещё как?!! — воскликнул Пашутин.

— В «форт Александра первого» поступили семеро заражённых. Вчерась. У всех сегодня проявились признаки бубонной чумы!

— Этого ещё не хватало! Немедленно приступаем к развёртыванию противочумных мероприятий!

— А... — Кравков так и застыл с открытым ртом.

— Давайте это сюда! Говорите против чумы этот «антип»... вот и испытаем!

* * *

Как ни странно, но пресса, придавленная цензурой, сработала на удивление грамотно. И если кого сильно удивила, то конкретно братьев.

Вместо того, чтобы раздуть сенсацию, просто заявив что «в Санкт-Петербурге семеро человек заболели чумой» и тем самым вызвать дикую панику, они рассказали в подробностях не только то, что было преднамеренное самозаражение, но и почему так. Почему жителям города ничего не угрожает.

Перцу в сие варево, правда, добавили появившиеся листовки от революционеров, которые объяснили публике то, что пресса скрыла — недоверие к лекарству против чумы. И желание тех заразивших себя, показать что это реально лекарство, а не пустышка.

Ясное дело, в листовках «царизм» обвинялся во всех смертных грехах и, в частности, в том, что тормозит благое дело, могущее спасти сотни тысяч жизней граждан Империи. Ведь чума время от времени зверствовала в южных губерниях.

Как ни странно, листовке больше поверили, нежели газетам. И, что более интересно — листовка не только сильно способствовала успокоению публики, но и сделала мощную рекламу «братьям Эсторским — создателям чудодейственных лекарств».

Вскоре не только столица, но и вся Россия с замиранием сердца читала бюллетени о состоянии «семёрки героев из Чумного форта». А бюллетени очень радовали. Уже тогда, когда они начали публиковаться, было ясно, что болезнь протекает не так злокачественно, как было бы, если бы лекарства не применялось.

Шум вокруг эксперимента на себе, разгорелся значительно позже, нежели сам факт заражения и поступления людей в Чумной форт. Так что проявиться успела не только сама чума, но и тот факт, что лекарство действует. И чем дальше продвигалось лечение, чем более явными становились симптомы выздоровления у заболевших, тем больше недоверие сменялось в народе ликованием.

В отличие от Российских газет, газеты Европейские наоборот, сначала скрыли факт что заболевшие — участники эксперимента. В европейских газетах присутствовало даже некоторое злорадство. И, как всегда, проглядывала застарелая европейская русофобия типа: «чтоб там побольше этих русских передохло». Но, всплыл факт самозаражения...

...Который тут же был объявлен «террористическим актом социалистов»...

Потом, же наконец, прорвалась и правда, что самозаражение есть эксперимент в целях подтвердить эффективность противочумного лекарства.

И только после этого, в европейских газетах снова замелькала фамилия братьев Эсторских.

Вполне естественно, что во многом, игра в европейской прессе, была срежиссирована. Так, чтобы вызвать наибольший эффект. Естественно, что за этим стоял медиаконцерн. Который, правда, пока мало кому был известен. Что только добавляло ему ценности, так как он был уже весьма влиятельный.

В Амьене также кое-кто пристально следил за происходящим в далёкой России. И знал о происходящем этот человек не в пример больше, нежели прочие в Европе. Можно ли было сказать, что он доверял сообщениям об Эсторских?

Скорее всего нет, так как в европейской прессе далеко не всегда всё, что происходит в России освещалось в белых тонах. Или как минимум, беспристрастно. Он больше доверял самим братьям. Особенно когда в один прекрасный день пришёл к нему специальный посланник от них. Со здоровенным ящиком в руках. Оказалось, что доктор. А в ящике, небывалое лекарство очень сильно поправившее его здоровье. Неизвестное ни во Франции, ни в Англии ни в Германии, ни в Австро-Венгрии... нигде. Но ведь помогло! И сильно!

В письме, которое принёс с собой доктор, сообщалось, что лекарство намного продлит его жизнь, укрепит здоровье.

А это значило, что он успеет написать новый роман о Звёздах. О новом капитане. Но уже не Немо. А звёздном капитане.

Пусть это произведение будет слегка похоже на «20 тысяч льё под водой». Но оно будет очень и очень новым.

А может и ещё удастся за подаренное время написать. Больше. Тем более, что братья были настолько любезны, что переслали... краткое описание изобретений, которые «возможно»(ха-ха!) в ближайшее время(!!!) появятся в мире. И этих изобретений было... На сотню романов! Также очень полезным для тех романов было и описание планет солнечной системы. Краткое. Но настолько сильно выбивающееся из представлений астрономов, что... Однако!

Венера — огненный ад. А не океаны с джунглями.

Марс — безжизненная замёрзшая пустыня, где никогда не было ни городов, ни каналов,

ни самих марсиан... Да ещё подтверждённое краткой теорией — где что возможно. Из которого следовало, что Земля — единственное место в Солнечной системе где можно жить.

Оно безжалостное. По отношению к мечтам. Но... Там на далёких звёздах, получалось, было всё. И эти же мечты просто отодвигались дальше. К Звёздам.

Но более удивительно было описание. Описание обществ будущего. Оно разительно отличалось от пессимистичного и мрачного видения Уэллса описанного им в «Машине времени». Что завораживало.

Сама идея социальной инженерии была не нова. Но утверждение, которое там присутствовало, что для реально человеческого общества нужны не конкуренция и рынок, а сострадание, взаимопомощь, сотрудничество — в чём-то импонировало. Оно серьёзно отличалось от утверждений европейских социалистов. А утверждение, что капитализм не нужен для прогресса человечества — вообще было неслыханной крамолрой.

Однако... В дальнем углу ящика стола лежали фото. Фото Земли. Фото иных миров. И они ЗАСТАВЛЯЛИ ВЕРИТЬ.

И писать. Много. С той одержимостью, что когда-то была. В молодости.

За что Жюль Верн был особо благодарен братьям Эсторским.

* * *

События понеслись вскачь.

И, как всегда бывает в таких ситуациях, рано или поздно, наступает такой момент, когда количество произошедшего выходит за тот предел, который позволяет адекватно реагировать на каждое. А это также означает, что для того, чтобы не наломать дров, что-то придётся пустить на самотёк, ограничившись самым важным. А важным было развитие производств.

На весь дикий шабаш, что разгорелся вокруг лекарств, их свойств и разгорающихся скандалов, которые возникали на казалось ровном месте, пришлось махнуть рукой. Хотя все стороны конфликтов старались братьев привлечь на свою сторону. Или вообще вовлечь в свару. Плохо было то, что свары и скандалы быстро проникли на самые высокие уровни бюрократической иерархии Империи.

Пашутин и Кравков, увидев возможность не просто урвать для Военно-медицинской академии вполне конкретные преференции, а и ещё резко увеличить финансирование собственных проектов, кинулись в атаку на «инстанции». Причём как таран они использовали факт наличия в городе уже аж трёх медикаментозных средств самых выдающихся свойств. Вполне естественно, что бюрократия, вместо того, чтобы решать проблему, занялась в первую очередь, своим любимым занятием — кто виноват.

Так как в волоките и прочих «подвигах» бюрократизма были замешаны все, то виноватыми можно было сделать всех. Ясное дело, что большинство этому активно воспротивилось и речь тут шла уже не за то, кто реально виноват в том или ином проступке, а кто сильнее.

И вот в этих условиях Пашутин и Кравков действуя часто по принципу ловли рыбки в мутной воде, постарались максимально использовать обстоятельства в свою пользу.

Они подняли всех медиков, кто хоть как-то, но использовал в своей практике роганивар, аминазин, антипест. Самое интересное состояло в том, что получалась ситуация, когда медикаменты перекрывают наиболее «мрачные» случаи в практике полевой хирургии:

инфекции при ранениях, с которыми ранее боролись с весьма слабым эффектом.

Плюсом шло средство, реально купирующее многие психические расстройства.

Ну и как суперкозырь шёл факт того, что антипест эффективно лечит чуму. То, что ранее считалось невозможным.

Возможно, тем семерым, что сейчас выздоравливали, повезло. Ни у кого не было тех осложнений, которые приводили обычно, при чуме, к смерти. Ни у одного не перешла чума в лёгочную стадию. Даже ДВС-синдром, если и проявился, то в очень слабой форме. Впрочем, сильно сказалось то обстоятельство, что почти сразу, начали колоть антипест (который стрептомицин). И полностью прошли курс лечения этим препаратом. Появившиеся бубоны медленно рассасывались демонстрируя устойчивую тенденцию к окончательному выздоровлению организма.

В этих условиях, разумная осторожность, проявленная многими, внезапно обернулась для них обратной стороной. Любой дурак или чинуша, теперь с пафосом мог воскликнуть что-то вроде: «А почему вы препятствовали продвижению такого замечательного и чудодейственного лекарства?!». В результате человек, часто совершенно не относящийся к реальным виновникам вставлявшим палки в колёса производству и внедрению лекарств мог быть выставлен исчадием ада.

Вполне естественно, что благодаря этому у братьев тут же появилось очень много врагов. Причём не только среди просто случайно «попавших под раздачу», но и тех, которые до поры до времени «спали». Скандалы вокруг открытий братьев, всколыхнули тихое болото, подняли этих «спящих» на поверхность, заставили заниматься делом. Причём делом, как оказалось, не простым, да ещё тяжёлым. То есть нарушили сладостное состояние полудрёмы, в которой бюрократы пребывали и которое они мечтали продлить до пенсионера.

Вполне естественно, что для «разбирательств» по тому или иному скандалу, связанному с лекарствами, братьев стали дёргать почти непрерывно доведя до белого каления.

Тут же проявилось просто немыслимое количество разных, в том числе и откровенно мутных, личностей, которые резко возжаждали срубить свой гешефт на новых лекарствах.

Как следствие скандальной славы лекарств, в городе немедленно появились подделки.

Чтобы хоть как-то это пресечь, пришлось сделать так, чтобы лекарства «От Фабрики Эстора» продавались только в строго определённых аптеках. И с фирменной маркировкой. Это обстоятельство, через газеты, было доведено до сведения всех заинтересованных лиц. Но и оно не остановило производителей фальшивок.

Тогда через Кравкова и Пашутина, Василий задвинул законопроект об уголовной ответственности за производство и распределение фальшивых лекарств. Обоснование было элементарным — фальшивка убивает. Так что ответственность за производство и реализацию фальшивок предполагалось ввести как за массовое убийство людей.

Но, дело застопорилось.

Как-то, как само собой разумеющееся, появились и попытки выдавить из братьев технологию по производству медикаментов. Отжать фабрику. Вот от этого пришлось отбиваться весьма серьёзно. Не помогло и ясное, недвусмысленное предупреждение, что технологию в полном объёме знают всего два человека — сами братья. А это значит, что фабрика без братьев работать не будет.

Пришлось даже пригрозить некоторым, заподозренным в покровительстве шантажа сановникам, очень серьёзными последствиями. Тем более, что за всем этим шумом и скандалом, с великим интересом наблюдали коронованные особы. Тот же принц

Ольденбургский, член императорской семьи, попечитель «Чумного форта» и председатель противочумной комиссии с 1897 года. Под таким оком не забалуешь.

Сановники сдали назад, но как было видно по их хищным харям — не до конца. Ясно, что если нахрапом не удалось, то другими способами они обязательно продолжат попытки. Слишком уж много денег сулили эти производства. Ведь жить хочется каждому. И только за шанс «выпрыгнуть из могилы» многие будут готовы платить очень много.

В Англии меж тем, эпидемия эболы медленно но верно разрасталась. Так как время на выставление карантина было упущено, она успела сильно распространиться. А так как она была мало похожа на чуму, то и распознавалась далеко не сразу тамошними докторами. Даже несмотря на рассылаемые описания, предупреждения.

Мор набирал обороты.

Вскорости к братьям прибежал полковник Смит. С новыми инструкциями, надо полагать.

Принёс он довольно неутешительные новости, но даже из того, что было сказано, братья поняли: положение куда хуже, нежели это дозволено сказать Смиту.

Впрочем — это уже проблемы англичан.

Но тут же последовало довольно необычное предложение. Продать не просто партию, а огромную партию «антипеста». Василий отнёсся к этому с пониманием. Но... Ведь только что, огромный заказ разместило на предприятии военное ведомство России.

Так что объяснив ситуацию, подкрепив это всё сообщением, что в Китае снова вылезла чума, а Империя хотела бы защитить свои южные провинции от этой болезни — отослали Смита в министерства. Пускай там договаривается. Может часть партии, Россия выделит и для Англии.

Как ни странно, но это ему удалось сделать довольно быстро. И первую же крупную партию лекарства отгружали сразу же в руки англичан. Те в этот же день отбыли с полученным на родину. То, что стрептомицин не подействует на эболу было ясно как день. И Смит, и Адамсу, это было сказано прямо и давно. А раз так, то и доложено было ими куда надо.

Но...

То ли кто-то из отчаяния решил испытать на эболе всё, что только на ум придёт, то ли... Эпидемия была прикрытием операции по получению средства против чумы.

Если в России стояли пыль столбом и дым коромыслом по поводу заразивших себя чумой, ради доказательства эффективности антипеста, то европейские газеты буйствовали совершенно по другому поводу. Российские скандалы для них были также интересны, как китайские... То есть в виде: «Да-да... возможно это интересно». Но то, что происходило у них под боком в Англии, являлось новостью номер один и надолго. Первые же неудачи в карантинных мероприятиях, которые ранее были успешны для сдерживания чумы вызвали новую волну паники. Ещё более подбодрила эту панику некая кликуша, выдавшая «предсказание» о биологической войне.

Видно у старой девы крышу снесло на почве прочтения «Бриллиантового заложника», и она начала выдумывать одну страшилку за другой «на страшную тему». Всё было бы хорошо, но она уже как-то умудрилась раскрутить своё имя как предсказательница, да и бредни её упали на слишком уж благодатную почву.

Ясное дело, что однажды братья проснулись от того, что в двери их дома ломилась

попросту несусветная толпа репортёров.

— Я многожды пожалел, что вёл себя с репортёрами уважительно и корректно — буркнул Василий, выходя из своей комнаты и созерцая небритую харю не выпавшегося брата.

Григорий как раз прошлую ночь провёл в разбирательствах очередного проникновения неких совершенно посторонних лиц на охраняемую территорию фабрики. Ясное дело, проникновение было сделано ночью. Почему и спать братику пришлось очень не много.

— И что делать будешь? С этими барбосами... — выглянув в окно спросил Григорий.

— Надо выяснить, чего они так перевозбудились. По моим сведениям, ничего сверхординарного не должно было произойти.

— Защиту надень. А то чёрт их знает, что они там думают.

— Уже. — коротко бросил Василий, натянул пиджак, поправил галстук и нацепив шляпу направился к выходу.

Толпа репортёров была даже слишком возбуждена. Пришлось долго выяснять что же всё-таки произошло. Но когда Василий всё-таки выяснил, то чуть не разразился... Чем-то типа уже Большого Загиба. Вовремя проглотил рвущиеся из себя эпитеты и выражения.

Злобно сплюнув и мрачно осмотрев собравшихся журналистов он начал разнос.

— И какого чёрта было нас в такую рань беспокоить подобным бредом?!! Ну больная та дура, БОЛЬНАЯ! На голову больная! И вы этому БРЕДУ верите как монах в Скрижал Моисея? А самим подумать не судьба? Мозги отсохли?!!

От такого злобного напора репортёры дружно втянули головы в плечи. Хотя их и много было, но они не чувствовали себя толпой. Каждый тут был сам за себя, и речь Василия каждый воспринимал как идущую именно в его адрес. Но, Василий не стал останавливаться.

— Да вы сами посудите, какая может быть война болезнями, если уже сейчас лекарства против этих болезней мы делаем общедоступными?!! Чума может быть оружием. Но только в том случае, если страна агрессор монопольно и тайно владеет лекарством от чумы. Иначе, при боевом применении, подохнут не только войска и население страны противника, но и войска, население того, кто его применил!

Василий сделал небольшую паузу и снова обвёл злобным взглядом собравшуюся толпу.

— Мы же что сделали? — продолжил он. — Мы делаем лекарство общедоступным. А следовательно, обнуляем все злодейские планы кого бы то ни было. Ибо если есть лекарство, применять чуму против кого бы то ни было — бессмысленно! Затраты не окупятся!

Скажите что мы, дескать, «мало производим»? Так «мало» это уже в прошлом. Мы в состоянии обеспечить потребности в лекарстве против чумы хоть всей Европы. Дело только в конкретных заказах от правительств Европейских держав. А что их нет — так это вопрос не ко мне, а к правительствам этих конкретных европейских держав.

Скажите, что, дескать, в Англии свирепствует эбола.

И что?!! Это — проблема Англии.

Ваша проблема содержать себя, своё тело и вообще своих граждан в ЧИСТОТЕ. Плюс пропаганда гигиены и конкретные ВРЕМЕННЫЕ карантинные мероприятия до ликвидации очагов заболевания в Англии.

Вы у себя, в своих газетах ведёте пропаганду гигиены?

Да практически никто не ведёт. А заразность у эболы далеко не такая страшная, как у чумы. Можно справиться с той эпидемией просто регулярно моя руки с мылом, регулярно, моясь в бане, как это делают русские, не трахать всё, что движется! Распутство вас и так уже

в вашей Европе довело до дикого распространения гонореи и сифилиса. А ведь эбола тоже так же распространяется!

— Но... ведь вы говорили... — начал заикаясь один из близстоящих репортёров. Но тут же заткнулся, встретившись взглядом с горящими яростью глазами Василия.

— Что я говорил?! — рявкнул Василий и репортёру пришлось закончить.

— ...что французский насморк и сифилис, лечатся. Вашим роганиваром.

— И что с того, что лечится? Вы же быстро поставите на место сифилиса эболу! Так эбола, в отличие от сифилиса, роганиваром не лечится. И убивает быстро. Как чума.

Григорий, слушавший речь брата стоя у окна, всю веселился.

«Вряд-ли Европа откажется от своего тотального б. ва, — думал он тихо посмеиваясь, — но репутацию святоши, Василий уже прямо сейчас заработает».

Дальше Василий закатил длинную речугу для репортёров о том, что такое бактерия, что такое вирус и вообще как действует роганивар на бактерии. И почему это же не действует на вирусы.

Репортёры исправно записали лекцию, но ничего не поняли.

Но что поняли, немедленно разлетелось по всей Европе.

В течение следующих дней новость облетела континенты.

Газеты выходили с аршинными заголовками: «Братья Эсторские предлагают принять международную конвенцию, запрещающую применение биологического оружия».

И там в тексте ниже, говорилось о том, что вся деятельность по открытию и производству таких замечательных лекарств как роганивар и антипест — направлены как раз на предотвращение войны с применением боевых бацилл.

Общественность прониклась.

Прослезилась.

И для братьев настал вообще ад.

* * *

Сделать костюмчик, такой же какой был у Григория, Василию не составило труда. Яхта быстро сварганила ему обнову идеально сидящую по фигуре. И вот они, сверкая бриллиантовыми запонками и булыжными харями стояли в каком-то зале Зимнего Дворца.

Надо отметить, что вокруг роилось столько разного люда, разодетого в пух и прах, что в глазах рябило от золота и бриллиантов. Но, тем не менее, братья, в своих одинаковых и строгих, белых костюмах, необычного здесь покроя очень сильно выделялись.

Необычным этот покрой был лишь для этого времени. И всё потому, что он лишь похож на привычный для «аборигенов» фрак. Но отсутствие длинных фалдов и чуть иной покрой, делали его уже новинкой. А следовательно, и зачинателем моды.

Начать ещё и новую моду братья теперь могли с полпинка. Последнее время им разве что в рот не заглядывали, внимая каждому их слову как слову гуру. И всё бы это ничего, если бы не эти толпы, толпы и толпы!

И в глазах этих толп ясно читалось желание порвать братьев на лоскуты. Из чистого уважения и обожания. На сувениры.

Экзальтированные дамочки, студенты, гимназисты и просто обыватели, будто с цепи сорвались. Даже просто сходить куда-то стало как на небольшую войнушку сходить. Везде

одно и тоже. И главное конца этому не было видно. Стоило кому-то узнать братьев, так тут же крики «виват!», «Да здравствует!» далее, и далее, и далее. После этого о чём-то серьёзном думать было уже невозможно. Все ломались высказать «искреннюю признательность» со всеми сопутствующими.

Даже Григорий, никогда не обделённый вниманием дам, стал от них шарахаться как от эболы.

— Если так пойдёт и дальше, — признался он однажды Василию — я тут убеждённым женоненавистником стану. Куда не придёшь — так тут же толпа на шею вешается!

Василию, как ни странно, было проще. Он, как и многие из учёного сословия обладали одной очень ценной особенностью — сливаться с фоном изображая из себя деталь интерьера. И делал он это непринуждённо. Часто не задумываясь об этом специально. И всё потому, что просто уходил в себя, решая очередную проблему. Научную или деловую — не суть важно. Но в этом состоянии он вдруг становился настолько неотличим от всех остальных обывателей города Питера, погружённых в свои проблемы, что мог насквозь пройти весь город и никто бы не опознал.

Но тут грянула монаршья воля.

Всех героев награждали высшими наградами Империи.

Те, кто заразил себя чумой награждались отдельно. Ибо братья удостоились чести быть награждёнными лично Императором Всея Руси.

Это значило, что братьям — Из рук Императора плюс какие-то звания-чины-дворянства. Остальные получают из рук Великого Князя. И как это было обставлено, наводило на мысль что ко всей процедуре приложила свои руки и авторитет Охранка.

Вот поэтому-то все сейчас и маялись в Зимнем дворце. Ожидая.

Вместе со всеми прочими.

Графами и князьями.

То, что братьев с трудом принимают в этот круг было очень заметно. Все, буквально все присутствующие, смотрели на братьев как на выскочек. Потому с ними мало кто заводил бесед. Всё ограничивалось лишь светскими вежливостями.

Впрочем сами братья не стремились. Им вполне было хорошо без этой разодетой в золото и драгоценности публики. Хотя и на них самих было изрядно много брюликов.

А раз так, то братьям только и оставалось вести разговоры между собой. О своём. На своём. На санскрите. Чтобы не для лишних ушей.

Впрочем... Охранка не была бы охранкой, чтобы их там не было. Этого братья не знали. Но подозревали. Почему даже на санскрите старались говорить негромко.

Григорий покосился на кислую физиономию брата, который, казалось бы не рад такому признанию их усилий и заслуг. Василий же, поняв вопросительный взгляд брата продолжил ранее начатую мысль.

— И вообще мы — два дурака на чемодане с алмазами.

— Какое тонкое наблюдение! — съехидничал Григорий. — И чем такой остроумный вывод подкрепляется?

— Все наши потуги остановить, как принцесса говорила «рак миров» — только ускорили процесс. — мрачно продолжил Василий.

— Что ты имеешь в виду? — слабо заинтересовался Григорий, так как имел мнение сильно отличное от Васиного.

— Мы хотели остановить англичан и направить эволюцию Европы по другому пути.

Но... Всё в пустую. Даже то, что англичане сами себе занесли эболу, без нашей на то воли и помощи — никак не отменит будущего. Наглы оклемаются после эболы. И полезут. С удвоенной, утроенной силой. Туда, куда они ранее лезли с очень большой осторожностью. Туда, где ранее была чума. Также среагируют и другие державы, получив антипест. Ведь если есть лекарство, то это означает что? Это означает единовременное увеличение численности войск. За счёт тех, кто не помрёт от мора. Значит на Африку напор колонизаторов резко усилится.

— Думаешь, англо-бурская война всё-таки будет?

— Я же говорил! Она неизбежна. Мы их только притормозили. А тут... С таким лекарством, да ещё с тем количеством что они получили и получают... Ведь мы реально не можем отказаться им поставлять. И шантаж прекращением поставок, если они не прекратят войны — тут тоже не пройдёт. Всё сработает против нас.

— Так и не будем мы им в том препятствовать! — в любимом хищном тоне кинул реплику Григорий.

— Почему? — вяло поинтересовался Василий.

— Что-то мне захотелось внезапно... — Григорий многозначительно хлопнул кулаком в раскрытую ладонь.

— Ага. Я понял. Поучаствовать в англо-бурской войне. Я угадал?

— В точку! Заодно, на реальной войне обучу побольше наших архаровцев. На новых вооружениях с применением новых тактик. Так что будет не ЮАР, а Трансвааль. — с энтузиазмом ответил Григорий.

— Да? Я всё-таки пессимист в этом вопросе. Но... возможно, наглов это притормозит.

— Вот именно!

Глаза Григория на несколько секунд затуманились.

— Уже просчитываешь варианты, тактики и стратегии победы?

— Ясно дело! — оскалился Григорий.

— Но всё равно... Мы дураки! — мрачно закончил Василий.

— Гы-гы! Я в этом никогда не сомневался! — заржал Григорий. Окружающие, продолжающие свои светские беседы с неодобрением зазирались на братьев. Но те никакого внимания на это не обратили.

— Ну вот никак не поверю, что даже на этот провальный вариант у тебя, братец, не найдётся плану. По спасению наших драгоценных задниц.

— наших хороших принцессок не забудь. Натин Юсейхеме и её фаворитку. Их тоже. Они ведь тоже не из этого мира. И раз мы с ними связаны, то и их тоже.

— Само собой! — тут же согласился Григорий чуть-чуть даже обидевшись. — Своих не бросают! Но что предлагаешь делать? Искать «Звёздные врата»?

— А что делать? Будем искать «Звёздные врата», если они, конечно на этой планете и в этом мире есть. Если найдём, попробуем выпрыгнуть из мёртвой зоны.

— А ты уверен, что Звёздные врата вообще откроются из мёртвой зоны? — с сомнением спросил Григорий и тут же добавил. — Если, конечно они тут были оставлены.

— Нет. Не уверен. А если невозможно будет открыть их, то у нас останется два выхода: Ждать, что за Натин пришлёт звездолёт, и она нас до дому подбросит вместе с нашей яхтой... Или самим делать звездолёт и сваливать. Вот такой план. На ближайшие сорок лет.

— Сорок?!! — выпучил глаза Григорий.

— А ты думал! Сколько всего надо сделать. И производства и экономику и вообще...

Короче, Россия нашими стараниями просто обречена стать супердержавой.

— Слушай брат! — внезапно сменил тему Григорий и бросил мимолётный взгляд влево. — Чего это у нашего болезного протеже, глаза постоянно такие круглые и растерянный вид? Надеюсь не потому, что его будут награждать. Это было бы пошло... Или ты ему что-то показал?

— Показал! — тут же хищно оскалился Василий. — Марс показал. Вблизи. А после.. Будущее.

* * *

Над далёким лесом, догорала заря. На небе одна за другой проявлялись звёзды, заполняя чистый небесный свод своим ледяным сиянием. Начавшемуся лету шумно салютовали ласточки с громкими криками рассекающие воздух на фоне красного заката. С веранды недавно отстроенного дома, куда братья Эсторские отвезли всех своих, после празднований награждения героев, открывался просто замечательный вид.

У Богданова до сих пор было сильно перекошенное лицо. Его до сих пор разрывали на части разные устремления и желания. Видеть вблизи Великого Князя... И не убить!

Он не был террористом. Он вообще никого не убивал в своей жизни. Но тут... Упустить момент!

Но больше всего выбило его из колеи то, что Васса (как его уже давно в лабораториях называли Вася) Эсторский, внезапно проявил поразительную проницательность, предупредив и расписав что никаких «резких движений-поступков» а тем более террору, при награждении делать не стоит. Чтобы не испортить то, что можно сделать уже будучи награждёнными.

Александр вынужден был согласиться. И погасить в зародыше некоторые, уже зреющие среди его товарищей планы. Просто пересказав то, что сказал ему «Вася» Эсторский.

Теперь, уже после всего, слегка остыв он начал понимать насколько глубоко этот «Вася» смотрел в корень.

Но что его добило...

Добило его то, что «Вася» ему рассказал и показал.

Воистину, есть моменты в жизни, которые после можно смело обозначать в виде: «это было до, а это после». Как границу.

И то, что этой границей стало не награждение. Что этой границей стало Открытие Тайн Мироздания. На фоне которого какое-то пустопорожнее награждение, выглядело как балаган ряженных клоунов.

С одной стороны, Васса показал не много. Рассказал совсем ничего. Но...

Александр стоял, смотрел на зарю.

Смотрел на Венеру, ярким алмазом сияющим на фоне зари и вспоминал. Однако всё это никак не желало уложиться в голове. Будоража воображение.

Но тут кто-то хлопнул его по плечу. Спокойно. По дружески.

Александр обернулся.

Рядом с ним, также глядя на Венеру и закат с ласточками, стоял Васса Эсторский.

— Короче так Александр Александрович! Будете работать в лабораториях по поиску и испытаниям новых лекарств. Вам понравится. — С намёком сказал и многозначительно

кивнул Васса.

— Вы говорите так, как будто от меня требуется какая-то услуга взамен? — насторожился было Алесандр.

— Да. Вы угадали.

— И какая?

— Мне нужна связь.

— С кем? — тут же напрягся Богданов.

— С...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

[Умклайдет — волшебная палочка из произведения братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Григорий так в шутку назвал «генератор прокола пространства».

[Намёк на систему «Скайнет» из фильма «Терминатор».

[На самом деле у эболы далеко не стопроцентная вирулентность и летальность. В частности летальность от 53 % до 93 % (в зависимости от разновидности). За исключением штаммов, сделанных в военных целях. Но высокая заразность делает этот вирус великолепным пугалом.

[По латыни яд — virus.

[Ивановский Дмитрий Иосифович. Доказал вирусную природу возбудителя табачной мозаики в 1892 г.

[Василий тут изрядно передёргивает. Средства обеззараживания, естественно, были известны и ранее. А вот о целебных свойствах той же плесени — известно было только «дикарям». И открытие пенициллина, в Европе, было сделано совершенно случайно. Но не по наводке от «народной медицины».

[Кстати да! В Индии издревле умели лечить некоторые психические расстройства настоем из растения Раувольфия регия. Из него получен в пятидесятые годы двадцатого века резерпин. Сначала как средство понижающее давление. Но, как оказалось оно обладает, в том числе и антипсихотическим действием.

[Великолепный стеб на эту тему на Лурке. Рекомендую: http://lurkmore.to/%D0%EE%F1%F1%E8%FF,%EA%EE%F2%EE%F0%F3%FE_%EC%FB_%E

[Имеется в виду «Малый Загиб Петра Первого». Сугубо матерный монолог по адресу нерадивых подчинённых.

[Шутливое название галоперидола — «Галина Петровна»

[Достоверно известно, что с трудами Ле Бона был знаком такой хмырь 20-го века, как Гитлер. Видать оттачивал своё ораторское мастерство по его трудам. Кстати, сии принципы актуальны и посейчас.

[Религия Бахаи, реально существующая, экуменистического типа религия. Её ещё «дразнят» «религией интеллектуалов».

[**Волапю?к**, или **воляпюк** (VolapЭк: от vol «мир» в род. падеже +pЭк — язык, то есть «мировой язык») — международный искусственный социализованный язык, созданный в 1879 году немецким католическим священником Иоганном Мартином Шлейером.

[Викентий Иванович Шерцль (28.9.1843-4.12.1906) — чешский и российский филолог, санскритолог, специалист по сравнительно-историческому языкознанию, этимолог, доктор филологических наук, профессор. Полиглот. Знал 30 языков.

[15)Реально существующая брошюра, выпущенная тогда ещё. Для любопытствующих

ссылка на «перевод»: <http://www.rusproject.org/node/26> В тексте использован фрагмент из этой книги.

[16] «Развитие капитализма в России» В.И. Ленин.

[17] Корнет имеет в виду «заменительный билет проститутки» (см. фото в иллюстрациях).

[18] роганивар (санскрит) «изгоняющий болезнь»

[19] Кстати говоря тут Натин оперирует терминами и положениями неравновесной термодинамики. Стабильная система может претерпеть изменение и перейти в другое состояние только через состояние хаоса. Состояние, когда многие параметры потеряли устойчивость, ломается структура. Причём переход в новое состояние может слабо зависеть от сущности и содержания вызвавшего этот хаос воздействия.

[20] Будущая столица Демократической Республики Конго Киншаса

[21] Кстати да! Всё именно так и было. Образование у большинства офицерства, как бы ни превозносили их мифы РКМП, было фантастически низким. И именно четыре класса. Средкой «гимназией». В германской армии тех времён, таких офицеров как наши российские, дальше унтеров в рост не пускали.

[22] Реальные слова И.П. Павлова насчёт всех наездов со стороны баронессы Мейендорф и её «Общества защиты животных»

[23] ссылка на использованный материал: <http://annales.info/rus/small/vivisect.htm> Берегой Н.Е.

«Из истории провала законопроекта по ограничению вивисекции в России (1901–1906)»

[24] Имеется в виду эксперимент Штерна-Герлаха проведённый в 1922 году. Опыт подтвердил наличие у атомов спина и факт пространственного квантования направления их [магнитных моментов](#). Если бы квантования не было, то на выходе на фотопластинке не образовывались бы две чёткие линии, а образовывалась бы размытая полоса.

[25] Квантовое расщепление линий спектра. Открыто Зееманом в 1898 году. Полностью, со всеми эффектами объясним только через квантовую механику.

[26] «**Немецкое** общество по изучению древней **германской** истории и наследия предков» то самое Аненэрбе Третьего Рейха.

[27] Имеется в виду высказывание Фёдора Михайловича Достоевского

[28] Имеется в виду Т.Кун «Структура научных революций». Труд, который даже в современности далеко не все понимают и до конца принимают. Имеется тьма совершенно деревянных представителей научного сословия, кто вообще не понимает написанного Куном.

[29] Данный факт был установлен впервые аж во второй половине двадцатого века и опубликован в трудах школы Фернана Броделя. Вообще исследования крестьянского хозяйства, проведённые в конце двадцатого века выявили просто эпическое количество лажи, что считалась прежде само-собой разумеющимся. И одна из них — что якобы фермерство, капиталистические хозяйства на селе более эффективны чем «классическое» крестьянство и кооперация крестьянских хозяйств. Кстати по нашей же недавней истории: При сломе колхозно-совхозной системы, на тех же землях, с теми же людьми мы получили падение производства продовольствия в ДВА РАЗА.

[30] В реальной истории чертежи самолёта, разрабатывавшегося Михаилом Никифоровичем Ефимовым, реально были проданы во время ПМВ англичанам. Да так, что у

нас в России этот аэроплан не только не производился, но и вообще не осталось никаких его чертежей. Осталась только пояснительная записка к ним.

[31)Адмирал **Мэттью Кэлбрейт Перри**. Успешно провел дипломатическую миссию в Японии (1852–1854), которая завершилась подписанием [Канагавского договора](#), первого соглашения между [изоляционистской](#) Японией и США. В американской историографии традиционно оценивается как лицо, открывшее Японию Западному миру. **Т. е. пришёл со своей эскадрой и под страхом расстрела городов из пушек своей эскадры принудил самураев заключить договор.**

(32)Pestis (лат.) — чума.

notes

Примечания

Умклайдет — волшебная палочка из произведения братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу». Григорий так в шутку назвал «генератор прокола пространства».

Намёк на систему «Скайнет» из фильма «Терминатор».

На самом деле у эболы далеко не стопроцентная вирулентность и летальность. В частности летальность от 53 % до 93 %(в зависимости от разновидности). За исключением штаммов, сделанных в военных целях. Но высокая заразность делает этот вирус великолепным пугалом.

По латыни яд — virus.

Ивановский Дмитрий Иосифович. Доказал вирусную природу возбудителя табачной мозаики в 1892 г.

Василий тут изрядно передёргивает. Средства обеззараживания, естественно, были известны и ранее. А вот о целебных свойствах той же плесени — известно было только «дикарям». И открытие пенициллина, в Европе, было сделано совершенно случайно. Но не по наводке от «народной медицины».

Кстати да! В Индии издревле умели лечить некоторые психические расстройства настоем из растения Раувольфия регия. Из него получен в пятидесятые годы двадцатого века резерпин. Сначала как средство понижающее давление. Но, как оказалось оно обладает, в том числе и антипсихотическим действием.

Великолепный стеб на эту тему на Лурке. Рекомендую:
http://lurkmore.to/%D0%EE%F1%F1%E8%FF,%EA%EE%F2%EE%F0%F3%FE_%EC%FB_%E

Имеется в виду «Малый Загиб Петра Первого». Сугубо матерный монолог по адресу нерадивых подчинённых.

Шутливое название галоперидола — «Галина Петровна»

Достоверно известно, что с трудами Ле Бона был знаком такой хмырь 20-го века, как Гитлер. Видать оттачивал своё ораторское мастерство по его трудам. Кстати, сии принципы актуальны и посейчас.

Религия Бахаи, реально существующая, экуменистического типа религия. Её ещё «дразнят» «религией интеллектуалов».

Волапю?к, или воляпюк (Volapük: от vol «мир» в род. падеже +pük — язык, то есть «мировой язык») — международный искусственный социализованный язык, созданный в 1879 году немецким католическим священником Иоганном Марином Шлейером.

Викентий Иванович Шерцль (28.9.1843-4.12.1906) — чешский и российский филолог, санскритолог, специалист по сравнительно-историческому языкознанию, этимолог, доктор филологических наук, профессор. Полиглот. Знал 30 языков.

Реально существующая брошюра, выпущенная тогда ещё. Для любопытствующих ссылка на «перевод»: <http://www.rusproject.org/node/26> В тексте использован фрагмент из этой книги.

«Развитие капитализма в России» В.И. Ленин.

Корнет имеет в виду «заменительный билет проститутки» (см. фото в иллюстрациях).

роганивар (санскрит) «изгоняющий болезнь»

Кстати говоря тут Натин оперирует терминами и положениями неравновесной термодинамики. Стабильная система может претерпеть изменение и перейти в другое состояние только через состояние хаоса. Состояние, когда многие параметры потеряли устойчивость, ломается структура. Причём переход в новое состояние может слабо зависеть от сущности и содержания вызвавшего этот хаос воздействия.

Будущая столица Демократической Республики Конго Киншаса

Кстати да! Всё именно так и было. Образование у большинства офицерства, как бы ни превозносили их мифы РКМП, было фантастически низким. И именно четыре класса. С редкой «гимназией». В германской армии тех времён, таких офицеров как наши российские, дальше унтеров в рост не пускали.

Реальные слова И.П. Павлова насчёт всех наездов со стороны баронессы Мейендорф и её «Общества защиты животных»

ссылка на использованный материал: <http://Annales.info/rus/small/vivisect.htm> Берегой Н.Е.

«Из истории провала законопроекта по ограничению вивисекции в России (1901–1906)»

Имеется в виду эксперимент Штерна-Герлаха проведённый в 1922 году. Опыт подтвердил наличие у атомов спина и факт пространственного квантования направления их магнитных моментов. Если бы квантования не было, то на выходе на фотопластинке не образовывались бы две чёткие линии, а образовывалась бы размытая полоса.

Квантовое расщепление линий спектра. Открыто Зееманом в 1898 году. Полностью, со всеми эффектами объясним только через квантовую механику.

«Немецкое общество по изучению древней германской истории и наследия предков» то самое Аненэрбе Третьего Рейха.

Имеется в виду высказывание Фёдора Михайловича Достоевского

Имеется в виду Т.Кун «Структура научных революций». Труд, который даже в современности далеко не все понимают и до конца принимают. Имеется тьма совершенно деревянных представителей научного сословия, кто вообще не понимает написанного Куном.

Данный факт был установлен впервые аж во второй половине двадцатого века и опубликован в трудах школы Фернана Броделя. Вообще исследования крестьянского хозяйства, проведённые в конце двадцатого века выявили просто эпическое количество лажи, что считалась прежде само-собой разумеющимся. И одна из них — что якобы фермерство, капиталистические хозяйства на селе более эффективны чем «классическое» крестьянство и кооперация крестьянских хозяйств. Кстати по нашей же недавней истории: При сломе колхозно-совхозной системы, на тех же землях, с теми же людьми мы получили падение производства продовольствия в ДВА РАЗА.

В реальной истории чертежи самолёта, разрабатывавшегося Михаилом Никифоровичем Ефимовым, реально были проданы во время ПМВ англичанам. Да так, что у нас в России этот аэроплан не только не производился, но и вообще не осталось никаких его чертежей. Осталась только пояснительная записка к ним.

Адмирал Мэттью Кэлбрейт Перри. Успешно провел дипломатическую миссию в Японии (1852–1854), которая завершилась подписанием Канагавского договора, первого соглашения между изоляционистской Японией и США. В американской историографии традиционно оценивается как лицо, открывшее Японию Западному миру. Т. е. пришёл со своей эскадрой и под страхом расстрела городов из пушек своей эскадры принудил самураев заключить договор.

Pestis (лат.) — чума.